

ИВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А. И. Немировский

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

АНТИЧНОСТЬ

2

УПРАВЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А.И. Немировский

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

АНТИЧНОСТЬ

В двух частях
Часть 2

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

Москва
ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС
2000

NAMANGAN DAVLAT
UNIVERSITETI
otol-resurs markazi

1447

ББК 63.3(0)3
Н50

Немировский А.И.

Н50 История Древнего мира: Античность: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — Ч. 2. — 480 с.: ил.

ISBN 5-691-00450-6.

ISBN 5-691-00452-2(II).

В учебнике для вузов родственные курсы истории Греции и Рима рассматриваются едино, поскольку со II в. до н. э. раздельное изложение истории средиземноморских Востока и Запада просто невозможно.

Во второй части учебника освещаются образование Римской мировой державы, кризис и падение Республики, императорский Рим в эпоху принципата, период домината.

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-691-00450-6

ISBN 5-691-00452-2(II)

© Немировский А.И., 1999

© «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1999

Оглавление

V. Образование Римской мировой державы	5
Глава 24. Рим выходит на мировую арену (264—200 гг. до н. э.)	5
Глава 25. Восточный узел (200—168 гг. до н. э.)	18
Глава 26. Под римской калигой. Покоренные и непокорные (167—111 гг. до н. э.)	28
Глава 27. Римская республика: государство и право	39
Глава 28. На стыке культур (III—II вв. до н. э.)	51
VI. Кризис и падение Римской республики	67
Глава 29. Основные факторы экономического развития и общественные катаклизмы 30—20-х гг. II в. до н. э.	67
Глава 30. Ойкумена в пламени гражданских войн (111—79 г. до н. э.)	83
Глава 31. Римская держава в 70—60-х гг. I в. до н. э.	100
Глава 32. Падение республики (60—31 гг. до н. э.)	113
Глава 33. Литература, быт и нравы бурной эпохи	136
VII. Императорский Рим в эпоху принципата	160
Глава 34. Время Августа: политика и культура (30 г. до н. э.—14 г. н. э.)	160
Глава 35. «Золотой век» римской литературы	175
Глава 36. Рим и империя при ближайших преемниках Августа (14—68 гг.)	191
Глава 37. Антиримские восстания	208
и гражданская война в Риме (61—69 гг.)	208
Глава 38. Возникновение христианства	219
Глава 39. Династия Флавиев (69—96 гг.)	232
Глава 40. «Золотой век» Антонинов (96—192 гг.)	242

Глава 41. Литература и наука в эпоху Антонинов	260
Глава 42. Город и мир	279
Глава 43. Военная монархия Северов (193—235 гг.)	298
Глава 44. Классическое римское право	312
Глава 45. Архитектура императорского Рима	317
VIII. Кризис III века и период домината	329
Глава 46. Кризис III в. Эпоха солдатских императоров (235—284 гг.)	329
Глава 47. Религиозная жизнь Римской империи во II—III вв.	346
Глава 48. Последняя реорганизация империи: доминат Диоклетиана и Константина (284—361 гг.)	374
Глава 49. Споры победителей: христианство в IV—V вв. ..	385
Глава 50. Уходящие боги. Юлиан Отступник	402
Глава 51. Последнее столетие Западной Римской империи	408
Глава 52. Культурный фон уходящего мира	420
Глава 53. Рим царей, консулов, императоров — потерянный и обретенный	435
Эпилог. Античность и мы	441
Приложения	
Хронологическая таблица	447
Переводы произведений античных авторов	456
Рекомендуемая литература	463
Сравнительные таблицы	468
Наиболее распространенные системы мер и весов	468
Денежные системы Греции и Рима	470
Статистические данные	474

V

ОБРАЗОВАНИЕ РИМСКОЙ МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ

Глава 24

РИМ ВЫХОДИТ НА МИРОВУЮ АРЕНУ (264—200 ГГ. ДО Н. Э.)

Пока в Италии разворачивались изложенные выше события, поначалу не внушавшие никому, кроме непосредственных соседей, тревоги, в Восточной части Средиземноморья соперничали три эллинистические державы: огромное государство Селевкидов, Птолемеевский Египет и Македония. Селевкиды, терявшие под натиском освободительных движений владения на Востоке, стремились укрепить влияние в расположенной к северу от Сирии Малой Азии, на которую претендовали также Египет и Македония. Небольшие эллинистические государства, особенно Пергамское царство и островная республика Родос, лавировали между Селевкидами и Птолемеями, пытаясь обратить себе на пользу распри между двумя гигантами.

На Балканском полуострове безраздельно царила Македония. Но македонским царям приходилось постоянно считаться как с растущим сопротивлением северных племен иллирийцев, фракийцев, кельтов-бастарнов, так и с недовольством греческих городов, объединенных в политические союзы. Это сковывало внешнеполитическую активность Македонии, несмотря на всю ее заинтересованность в развитии событий в Центральном Средиземноморье.

В Центральном и Западном Средиземноморье к III в. властвовал Карфаген, укрепившийся на двух крупных островах (Сицилии и Сардинии), на побережье Иберии и обладавший выходом к океану, откуда неисчерпаемым потоком лились серебро, олово, золото и другие ценности. Политические перемены на Апеннинском полуострове — превращение этрусской Италии в Италию римскую — разумеется, были замечены в Карфагене, но карфагенян не взволновали. Завоевание Римом части Италии, населенной греками, воспринималось в Карфагене как нечто положительное, ибо греки считались традиционными противниками Карфагена, и даже изучение греческого языка карфагенские законы квалифицировали как государственное преступление. Римлян, преемников этрусского владычества в Италии, карфагеняне воспринимали как союзников и постоянно возобновляли с ними дружественные договоры.

Первая Пуническая война. Между тем, как напишет несколько столетий спустя римский историк и поэт Луций Флор, «победив Италию, римский народ дошел до пролива и остановился, подобно огню, который, опустошив пожаром встречные леса, посте-

*Карфагенская маска из
терракоты с изображением
демона, который должен
отпугивать злых духов*

*Серебряная монета
карфагеняня
с изображением богини
плодородия в венке из
колосьев*

пенно затихает, натолкнувшись на реку». Но остановился римский народ ненадолго, ибо увидел «вблизи богатейшую добычу, словно каким-то образом отторгнутую от Италии». Этой заманчивой добычей оказалась Сицилия с ее плодородными землями, делающими остров житницей Италии, с ее многолюдными, но не слишком опасными для римлян вследствие взаимной вражды городами. Давнее соперничество между греками и карфагенянами из-за Сицилии давало римлянам прекрасную возможность вмешаться в качестве братьев-освободителей.

Первая из войн римлян с карфагенянами (на языке римлян — пунами) длилась целое человеческое поколение, двадцать три года (264—241).

Разворачивалась она на территории Сицилии и в омывающих ее морях. Сначала Риму удалось захватить почти весь остров, но победы на суше не стали решающими: силой и гордостью Карфагена был мощный флот, обеспечивавший постоянный подвоз подкреплений и наносивший римлянам внезапные удары в неожиданных местах.

В отличие от карфагенян у римлян были преимущественно торговые суда с экипажами из греков и этрусков. И римляне со свойственным им упорством принялись за сооружение военного флота. Образцом послужил попавший случайно в их руки карфагенский военный корабль, видимо, обладавший особенностями конструкции, неизвестными грекам, советчикам римлян. Скорость, с какой сооружался флот, долго еще вызывала удивление римских историков. «Залогом победы, — писал полтысячелетия спустя Флор, — была быстрота сооружения флота, ибо через шестьдесят дней после того как был срублен лес для постройки, сто шестьдесят кораблей стояли на якорях, так что казалось, что не искусство людей, а дар богов превратил деревья в корабли». Море было для карфагенян родной стихией. Римлянам же мало было создать флот — нужно было еще обучить морскому делу людей, привыкших пасти скот или пахать землю и никогда не державших в руках весел. Обучение

проходило на поставленных на суше скамьях, рядом с которыми укрепили перекладыны с тяжелыми веслами. И к завершению строительства флота римляне уже имели собственных гребцов. Гребцов, но не моряков, которые владели бы навыками морского боя.

На помощь пришла смекалка. Римлянин, чье имя осталось неизвестным, ибо он не принадлежал к знатному роду, придумал несложное приспособление, которое не только уравнивало силы карфагенских и римских моряков, но и давало римлянам преимущество. На палубах устанавливались перекидные мостики с цепкими крючьями (*воронами*), впивавшимися в палубу неприятельского корабля. Перебежав на него, римляне могли сражаться врукопашную, в привычной им стихии пешего боя. Преимущество это сказалось в первом же морском сражении. Блестящая победа принесла небывалую славу консулу Гаю Дуилию. Не зная, какой еще наградой почтить победителя, сенат постановил дать ему факельщика, флейтиста и глашатая. Куда бы ни направлял отныне Дуилий свои стопы, глашатай под звуки флейты оповещал: «Вот идет Дуилий, победитель при Милах», а факельщик в темное время суток освещал при этом его путь.

Но и эта морская победа не завершила войну. И та и другая сторона испытали и победы, и поражения. Военное счастье стало склоняться на сторону карфагенян с прибытием в Сицилию талантливого полководца **Гамилькара**, получившего прозвище **Барка** (Молния) за молниеносность решений и стремительность действий. В течение трех лет Гамилькар, которого современники не зря считали величайшим военачальником и политиком, держал римлян в постоянном напряжении. Успехи Гамилькара заставили Рим поторопиться с созданием новой флотилии. Она-то, появившись неожиданно у берегов Сицилии, и решила в 241 г. исход войны, в конце которой сражались юноши, к началу ее еще не родившиеся.

В результате длительной и тяжелой войны победители вынудили карфагенян отказаться от Сицилии и уплатить большую контрибуцию.

Взбунтовавшиеся наемники. Основная тяжесть войны с Римом легла на плечи наемников, составлявших костяк карфагенского воинства. Управление наемниками было искусством, которым в совершенстве владели немногие из полководцев. Достаточно было сделать неверный шаг, и наемники могли не только отказаться от сражения, но и поднять оружие против нанимателя. Так и произошло после завершения войны с Римом, когда настало время отмерять серебро за кровь и пот, пролитые в Сицилии.

Во время войны карфагеняне не скупилась на щедрые обещания, а теперь оказалось, что платить нечем. Вооруженные отряды воз-

мушечных наемников стали собираться вокруг Карфагена. Вместе с присоединившимися к ним рабами и коренным африканским населением отряды эти выросли во внушительную силу численностью 70 000 человек. И не раз карфагеняне терпели поражения, пока во главе карфагенской армии не был поставлен Гамилькар. Он вынужден был сражаться с воинами, которые еще недавно одерживали победы под его знаменами. Он давил их слонами, распинал на крестах, убивал не зная пощады.

Война с наемниками длилась три года и четыре месяца. Воспользовавшись столь неблагоприятно сложившейся для карфагенян обстановкой, Рим в дополнение к Сицилии прихватил также Сардинию и Корсику.

Карфагеняне в Иберии. Потеряв острова, карфагеняне были убеждены, что только Иберия, изобилующая зерном, лесом и серебром, сможет поправить положение обессиленного войной и восстановлением города. И как когда-то, много лет назад (после унижающего поражения в той же Сицилии, понесенного от греков), на запад двинулся флот Ганнона, в том же направлении отплыл флот Гамилькара. Но в отличие от экспедиции Ганнона путь его лежал не к дальним берегам Африки и не с целью высадки мирных колонистов, а на Пиренейский полуостров, где можно было на иберийское серебро создать боеспособное войско для новых схваток за власть над кругом земель.

Переправившись в Иберию, Гамилькар приступил к осуществлению своего плана. Для этого ему пришлось преодолеть ожесточенное сопротивление местного населения, не желавшего служить ни Карфагену, ни Риму. Десять лет длилась, не утихая, война с иберами, в ходе которой карфагенянам удалось подчинить себе юго-восточную часть полуострова. Но это стоило жизни Гамилькару, павшему во время стычки с иберами (228 г.).

За восемь лет, в течение которых карфагенское войско возглавлял зять Гамилькара **Газдрубал**, удалось основать портовый город Новый Карфаген, ставший центром в борьбе с не прекращающимися сопротивлениями иберами и арсеналом для войны с Римом. В ее неизбежности не сомневались обе стороны. Римлянам пришлось признать завоевания Гамилькара и Газдрубала. По договору, заключенному ими с Газдрубалом, границей влияния двух государств стала река Ибер (Эбро). Правда, карфагеняне обязались не чинить обид расположенному южнее этой границы союзному с римлянами городу Сагунту.

Когда в 221 г. Газдрубал погиб от руки ибера, войско избрало полководцем сына Гамилькара **Ганнибала**, который еще более решительно стал готовиться к войне с Римом.

Юность Ганнибала. Поскольку карфагенские исторические и литературные труды были уничтожены вместе с Карфагеном, о формировании полководца, стоявшего в ряду таких гениев войны, как Александр Македонский и Цезарь, нам известно из враждебной Карфагену исторической традиции. Родившийся ок. 247 г. в знатной семье, возводившей свою родословную к основательнице Карфагена Элиссе, он в раннем детстве был свидетелем обрушившихся на его город бедствий, ассоциировавшихся с именем Рим. Поэтому можно поверить рассказу о том, что, отправляясь в Испанию, куда он брал с собой десятилетнего сына, Гамилькар отвел мальчика в храм и взял с него там клятву в вечной ненависти к Риму. Воспитание Ганнибал получил в условиях лагерной жизни. До нас дошли имена греков, его учителей. Оставшись вместе с ним в войске и после завершения обучения, они впоследствии описали жизнь и победы своего воспитанника.

Рано потеряв отца, Ганнибал нес службу как рядовой воин, не выделяясь ничем среди наемников. Постигая науку управления наемным профессиональным войском, он изучил, помимо греческого, языки народов, входивших в это войско. Кельтам он мог показаться кельтом, иберам — ибером, нумидийцам — нумидийцем. Характеризуя личность Ганнибала, римские историки подчеркивали два его качества — коварство и жестокость. И не соглашаться с ними нет оснований: ради победы Ганнибал был готов на все, ни в чем не уступая римлянам.

Сложившееся неустойчивое равновесие сил было нарушено *Второй Пунической войной*, повод к которой дали события в Сагунте. Ганнибал осадил этот союзный с Римом город, нарушив одно из условий договора с Газдрубалом. И пока возмущенные римляне обсуждали сложившуюся ситуацию и отправляли посольства то к Ганнибалу, то в Карфаген, Сагунт не выдержал восьмимесячной осады и пал. Все совершеннолетние мужчины по приказу Ганнибала были убиты, город разрушен и сожжен. Обращенных в рабство жителей Ганнибал поделил между соратниками, золото и серебро оставил себе на расходы в надвигающейся войне, а все остальные не уничтоженные огнем богатства поспешил отправить в Карфаген, чтобы одарить ими тех, кто сомневался в правомерности его действий и обеспечить их лояльность.

Не дремлет и Рим. Римляне также готовились к схватке, стремились укрепить свое положение на Востоке и на Апеннинском полуострове. Наиболее слабыми из восточных соседей Рима были обитающие на северном побережье Адриатического моря иллирийцы, которыми управляла царица Тевта. Воспользовавшись нападением

ми иллирийских пиратов на торговые корабли, римляне объявили иллирийцам войну (229—228 гг.). Ее результаты могли показаться грекам невероятными: победители не только обеспечили безопасность плаваний, но и передали грекам значительную часть иллирийской территории, ничего не взяв себе.

Сочтя преждевременным расширение владений за пределами Италии, римляне направили все усилия на объединение под своей властью всего полуострова. Лежавшие на севере галльские земли, частично завоеванные еще в начале III в., в отличие от остальных апеннинских территорий, из-за войны с пунами не были освоены. Начавшийся раздел галльских земель для наделения ими римских колонистов вызвал недовольство, переросшее в войну, вспыхнувшую в 222 г., за год до того, как командование карфагенскими силами в Иберии перешло в руки Ганнибала и завершившуюся лишь к 218 г.

В ее результате север полуострова был превращен в римскую провинцию Цизальпинскую Галлию, куда из Рима была проложена дорога, получившая имя покорителя галлов Гая Фламиния.

Выбор сделан. О падении Сагунта римляне узнали почти одновременно с возвращением очередного посольства. После бурных дебатов — принять ли брошенный Ганнибалом вызов — сенаторы вынесли решение об объявлении войны и утвердили его на народном собрании. Сразу же были совершены молебствия и жертвоприношения Марсу. Оставалось только известить о начале войны противников.

Чрезвычайное посольство прибыло в Карфаген в начале лета 218 г. Глава его, едва переступив порог Большого Совета, резко потребовал — выдать Ганнибала или взять на себя ответственность за нарушение договора. Даже сторонников уступок взорвала беспечность римских требований. Один за другим выступали карфагенские советники, приводя все новые и новые доводы в подкрепление необоснованности такого ультиматума. В ответ на оправдания карфагенян престарелый глава посольства, собрав края тоги, словно скрывал в ней последнее решение Рима, воскликнул: “В складках тоги несу я войну или мир. Выбирайте!” “Войну!” — раздались возмущенные возгласы. “Итак, получайте желаемую вами войну”, — холодно и торжественно проговорил римский посол, распуская складки своего одеяния.

Слоны Ганнибала. Ответ, который послы должны были привезти из Карфагена, ни у кого в Риме не вызывал сомнений. Италия пришла в движение. В городах и селениях проводился набор войска. Спешно строились корабли, чтобы переправить его во вла-

дения врага — Иберию и Ливию. Но планы римских полководцев разбились о давно продуманную тактику Ганнибала. Оставив небольшую часть своей армии в Иберии и еще меньшую отправив в Карфаген (на случай, впрочем, маловероятный) высадки римлян в Ливии, основную 100-тысячную армию он повел через горные альпийские переходы на север Италии. Там его меньше всего могли ждать римляне и с радостью должны были встретить еще не забывшие вкуса свободы галлы.

Переход через Альпы занял пятнадцать дней. Карфагеняне потеряли чуть ли не половину войска и почти всех слонов. Но цель, поставленная Ганнибалом, была достигнута. Как снежная лавина, обрушилось карфагенское войско на римлян, не ждавших его с севера. Верен был и расчет полководца на поддержку недавно покоренных римлянами галлов. Местные жители встречали карфагенян как друзей, приносили мясо, сыр, хлеб. Этот черный галльский хлеб, невиданный в южных широтах, вызывал у воинов Ганнибала не меньшее изумление, чем у галлов боевые слоны Ганнибала.

Первые победы и первые трудности Ганнибала. Первое сражение карфагенян с римлянами произошло у реки Тицина, левого притока Пада (По), в ноябре 218 г. Римляне были разбиты. В другом сражении, у реки Требии, полегло почти все римское войско. Наступала зима, и Ганнибал решил воспользоваться передышкой для приведения в порядок своего сильно поредевшего, усталого, голодного и оборванного войска. Но первая зимовка не дала желанного отдыха. Мало того, что воины, привыкшие к жаркому климату, страдали от холода, — изменилось отношение галлов, опасавшихся, что чужеземцы задержатся на их землях. Возникла даже опасность покушения на Ганнибала. Карфагенскому вождю пришлось каждодневно менять одежду, наряжаясь то ливийцем, то балеарцем. Волосы его принимали то рыжий, то светло-пепельный цвет.

Между тем известие о двойном поражении в Галлии вызвало в Риме тревогу. Было собрано новое войско во главе с консулом **Гаем Фламинием**, известным победами над галлами. Ранней весной Фламиний занял со своими легионами город Арреций в Северной Этрурии, лежащий на дороге в Рим. Обойти его было невозможно, ибо река Арн, разлившись, затопила окружающие низины. Лазутники сообщили Ганнибалу об этом маневре римлян, и он, спустившись с Апеннин, повел свое войско в обход Арреция, по сплошным болотам. Воинам пришлось отдыхать на трупах лошадей или на сваленной в кучу поклаже. Пал последний из перешедших Альпы слонов. Сам Ганнибал потерял глаз. Тем не менее Арреций был обойден, и Ганнибал оказался между римской армией и Римом.

Фламиний метнулся назад, чтобы проучить наглого карфагенянина. Уверенность в победе была настолько велика, что он приказал собрать как можно больше цепей и колодок для пленных, которых рассчитывал провести в триумфальном шествии по городу.

Ранним утром, когда еще не рассеялся туман, римское войско втянулось на узкую дорогу между водами Тразименского озера и окаймлявшими его холмами. Но у выхода римлян уже поджидали карфагенские конники. Одновременно сверху, из невидимых в тумане кустов, посыпались тучи стрел и град камней. Возникшая в тесноте паника не позволяла развернуться в боевой строй, многие бросались в озеро, но оружие и доспехи тянули ко дну.

Погибло или было захвачено в плен почти все римское войско. «Третьей молнией Ганнибала» назвал трагедию у Тразименского озера римский историк Флор.

Медлитель. Дорога на Рим была открыта. Но Ганнибал, находившийся в четырех дневных переходах от ненавистного ему города, неожиданно повернул на восток, к побережью Адриатического моря, чтобы, наконец, дать войску отдохнуть и морем связаться с Карфагеном.

В Риме не сомневались в скором появлении Ганнибала: спешно сооружались укрепления, мосты через Тибр были снесены. Ввиду грозящей государству смертельной опасности было решено назначить диктатора. Выбор пал на **Фабия Максима**, сенатора, известного хладнокровием и сильной волей.

Фабий Максим, прозванный Медлителем, был одним из немногих римских полководцев, кого можно считать победителем Ганнибала, хотя он и не выиграл ни одной крупной битвы. Не торопясь с решающим сражением, он стремился измотать и обессилить врага мелкими стычками. Он понимал, что единственное преимущество римлян — в неистощимых продовольственных и иных запасах и численном перевесе войска.

Никакими усилиями не удавалось Ганнибалу вызвать противника на настоящий бой. Карфагенянин метался в нетерпении по Италии, то ища решающей встречи с римскими легионами, постоянно от него ускользавшими, то тщетно добываясь поддержки от городов, не спешивших встать на его сторону. Апулия, Самний, Кампания с ее цветущими городами... В ярости Ганнибал приказал опустошить не защищенные стенами поселения плодородной Кампании. Фабий Максим не отреагировал и на это. Его терпение казалось неистощимым.

Но начало иссякать терпение земледельцев, чьи поля разоряли карфагенские отряды. На Фабия Максима посыпались обвинения

и медлительности и даже трусости. По окончании срока его диктатуры были избраны два консула — осторожный Луций Эмилий Павел и запальчивый Гай Теренций Варрон, сторонник решительных военных действий.

Канны. Весной 216 г. стало известно, что Ганнибал приближается к небольшому апулийскому городку Канны, близ которого были сосредоточены хлебные запасы римлян. Во главе с обоими консулами в Апулию двинулась огромная римская армия, насчитывавшая вместе со вспомогательными отрядами союзников более 80 000 человек.

Зная, что у Ганнибала вдвое меньше пехотинцев и всего четырнадцать тысяч всадников, Теренций Варрон рвался к решающему сражению. Эмилий Павел, напротив, советовал не торопиться: его беспокоила открытая равнина перед карфагенским лагерем, удобная для конницы Ганнибала. Консулы командовали армией поочередно, и в один из дней своего командования Варрон отдал приказ к выступлению.

Ганнибал построил свою пехоту полумесяцем, выгнутым в сторону противника. На флангах стояли часть конницы и лучшие отряды пехотинцев. Масса римских воинов, построенная в виде четырехугольника, атаковала центр карфагенян и глубоко врезалась в их расположение. Отборные карфагенские отряды оказались на флангах римского четырехугольника. Конница карфагенян ударила римлянам в тыл и завершила окружение вдвое большего римского войска. Это сражение вошло в историю как образец боя на окружение и уничтожение противника.

По меньшей мере 40 000 римских граждан остались на поле боя. В их числе — консул Эмилий Павел, проконсулы, квесторы, 21 военный трибун, 80 сенаторов. Многие попали в плен. Лишь четырнадцать тысячам воинов, в том числе виновнику катастрофы Теренцию Варрону, удалось спастись бегством. Ганнибал же потерял 6 000 убитыми. «Четвертой раной» назвал Канны Флор. Но это была не четвертая, а вечная, незаживающая рана, о которой римляне помнили вплоть до времен падения империи.

«Ты умеешь побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой» — так, говорят, с горечью воскликнул начальник карфагенской конницы, когда вновь, как и после Тразименского озера, Ганнибал не рискнул двинуться к Риму.

Полководец видел, что силы римлян не истощены, что верность Риму сохраняет вся Северная Италия. И он предпочел пока воспользоваться плодами победы на юге полуострова, где после Канн рассеялся страх перед римским оружием и римской мстью.

Крупнейшие города Италии и Сицилии, Капуя и Сиракузы, заключили союз с победителем. Правда, такие значительные города, как Неаполь и Нолы, не открыли перед ним своих ворот. Зато прибыл посол Македонии с полномочиями от ее царя Филиппа на заключение союзного договора. И договор этот был подписан в 215 г. Карфагеняне и македоняне клялись отеческими богами, что не сложат оружия, пока не повергнут Рим. Прибыли послы и из Карфагена, направленные Большим Советом после получения от Ганнибала победных трофеев из Канн. Полководцу были обещаны подкрепления, которых он, впрочем, так и не дождался. Да и союзный договор с Македонией ничего ему не дал: римляне сумели натравить на Филиппа Этолийский союз городов и, таким образом, Первая римско-македонская война не вышла за пределы Балкан.

Ганнибал у ворот. Шел восьмой год войны, когда Ганнибал со своей армией придвинулся вплотную к Риму. «Ганнибал у ворот!» — в ужасе кричали римляне, заполняя площади и улицы города. Женщины, как в дни самых страшных бедствий, вытирали распущенными волосами ступени храмов и камни алтарей.

Ни после Тразименского озера, ни после Канн Ганнибал не решился на этот шаг. Что же заставило его подойти к стенам Рима в 211 г.? Не силой, а слабостью, даже отчаянием, был продиктован поход на Рим: этим маневром полководец надеялся снять римскую осаду Капуи. Но римляне осады не сняли. Так и не решившись на штурм, Ганнибал, опустошив окрестности Рима и разрушив загородные дома, отвел войско на юг.

Очередная неудача Ганнибала вскоре открыла римлянам ворота Капуи. Страшна была месть горожанам. Та же угроза нависла над Сиракузами.

Меч и циркуль. Осажденные римлянами Сиракузы защищали не только воины гарнизона. Долгим сопротивлением город был обязан не полководцу, а великому ученому — **Архимеду**.

В VI в. до н. э. Ксенофан сетовал на то, что все почести и блага в полисе отдаются не мудрецам, а атлетам, победителям в играх: «Напрасный и несправедливый обычай — давать предпочтение силе перед благой мудростью». Современники могли возразить философу: «Но ведь на силе атлетов покоится благополучие государства!» Мудрец Архимед на все века разрешил этот спор, показав, на какие чудеса способна человеческая мысль, направленная на благородную цель защиты своего отечества.

Упорно стояли римляне под стенами города, не снимая осады. Несколько раз пытался командовавший флотом Марцелл прорвать-

ся со стороны моря. Но, словно сильные руки, неумолимо опускались на носы кораблей рычаги, погружая их в воду. «Архимед вычерпывает нашими кораблями море», — грустно шутил Марцелл.

И все же Сиракузы пали. Пали из-за предательства. В соответствии с римскими обычаями город был отдан на разграбление. Какой-то легионер, ворвавшись в дом Архимеда, застал его склонившимся над чертежами. «Не тронь моих кругов!» — были последние слова великого элина, перед тем, как опустившийся меч оборвал его жизнь.

Юность Сципиона. Ганнибалу не удалось овладеть Римом, но он вел себя так, словно не собирался покидать Италию, и даже обзавелся семьей. Война продолжалась. Одна пара консулов сменяла другую, но никто из них не помышлял о решительной схватке с Ганнибалом. Те, кто встретил войну мальчиками, стали юношами и воинами. Среди них поначалу ничем не выделялся **Публий Корнелий Сципион**, сын первого из разбитых Ганнибалом консулов, унаследовавший его имя. Он был свидетелем разгрома при Тицине и, как впоследствии уверяли с его слов, вынес раненого отца с поля боя. Затем он пережил разгром при Каннах и чудом спасся бегством.

И после этого в его поведении что-то изменилось. Он зачастил на Капитолий и нередко оставался в храме Юпитера без свидетелей, делая вид, что у него с отцом и владыкой богов особые дела. Когда пришло время назначения главнокомандующего римской армией в Испании, этот юнец, ничем себя не проявивший, заявил в сенате, что обладает преимуществом перед другими возможными кандидатами на эту должность, ибо в Испании погибли его отец и дядя и на нем лежит долг возмездия. Сенат после некоторых колебаний пошел навстречу Сципиону, тем более, что никто в Испанию не рвался.

В Испании юный командующий доблестно воевал, одерживая над карфагенянами победы, однако при нем (что в те годы случалось крайне редко) взбунтовались легионеры, недовольные дедежом добычи. В переговоры с ними вступили легаты Сципиона, ибо он внезапно заболел. Эта

*Публий Корнелий Сципион
Африканский*

болезнь, явным образом дипломатическая, позволила ему, начав действовать в удобный для себя момент, захватить руководителей мятежа врасплох и покончить с ними на глазах у потрясенного войска. Эта операция оказалась самой блестящей из всех, проведенных им в Испании.

Возвратился Сципион в Рим не только как военачальник, с честью выполнивший свой долг, но и как человек, считавший своим личным делом победу над Ганнибалом, которому не уступал в хитрости и коварстве, качестве, присущем многим великим полководцам.

Африканская кампания Сципиона. С каждым годом положение Ганнибала в Италии ухудшалось. Критическим моментом стал разгром римлянами Газдрубала, брата Ганнибала, перешедшего через Альпы с армией и боевыми слонами (207 г.). После этого Сципион выставил свою кандидатуру в консулы, и был избран, несмотря на то, что не достиг консульского возраста.

Еще находясь в Испании, Сципион пришел к убеждению, что путь к удалению Ганнибала из Италии — победа в Африке. Поэтому молодой консул установил контакты с двумя нумидийскими царьками, враждовавшими друг с другом, — Масиниссой и Сифаксом. И ему удалось добиться того, что Масинисса, открыто перейдя на сторону Рима, всячески демонстрировал дружеское расположение к Сципиону.

Высадившись с войском в Африке, Сципион не стал осаждать Карфаген, а вступил в переговоры с Сифаксом, взявшим на себя роль посредника в конфликте между Римом и Карфагеном. Внезапно напав на лагерь Сифакса и полностью его уничтожив, он не только лишил Карфаген потенциального союзника, но и обеспечил себе верность Масиниссы, претендовавшего на владения Сифакса.

Поверженный Карфаген. После первых побед Сципиона в Африке карфагенское правительство срочно отзывает Ганнибала, и тот с небольшим войском возвращается на родину. Там ему удастся набрать еще 12 000 наспех обученных горожан. Понимая, что с такими силами не победить, полководец стремится оттянуть, насколько возможно, решающую схватку и даже вступает в переговоры со Сципионом о мире, но на безоговорочную капитуляцию, которую требовали римляне, не соглашается.

В 202 г. возле местечка *Замы* близ Карфагена произошло решающее сражение. Несмотря на численный перевес римлян, победа, казалось, склонялась на сторону Ганнибала. Но в последний миг в тыл карфагенянам ударила нумидийская конница союзника Сципиона Масиниссы, что и решило исход сражения. С горсткой друзей Ганнибалу удалось бежать. Бежать впервые в жизни.

В тот же день, когда Ганнибал появился в Большом Совете Карфагена. Сципион передал условия мира. Карфагенянам позволялось жить по своим законам, но они должны были выдать оружие, уничтожить флот (оставив лишь десять торговых судов) и всех боевых слонов. К тому же им запрещалось вести войны за пределами Ливии, а в Ливии — лишь с согласия Рима. На них налагалась огромная контрибуция в 10 000 талантов (около 400 тонн) серебра, которую предстояло выплачивать на протяжении пятидесяти лет. Кроме того, к Риму переходили все захваченные Карфагеном земли Иберии.

Поверженный город принял эти условия, и 500 кораблей были выведены в море. Карфагеняне устремились к стенам и в гавань, чтобы бросить прощальный взгляд на флот, с которым было связано столько несбывшихся надежд. И вот уже пламя охватило мачты, реи и паруса, и над морем поднялось зарево, видимое не только в Карфагене, но и в Сицилии.

Триумф Сципиона. Триумф, назначенный сенатом Сципиону после его возвращения в Рим, отличался особой пышностью. Шествие открывали украшенные венками трубачи. За ними двигались повозки с добычей. Затем несли изображения захваченных городов, картины, воспроизводящие эпизоды сражений, золото и серебро в слитках и в монете, далее — венки, которыми наградили Сципиона города, союзники и его собственное войско. Следом вели белых быков, предназначенных в жертву Юпитеру Капитолийскому, а за быками — боевых слонов, тех самых, с помощью которых Ганнибал хотел одолеть Рим. За слонами шли взятые в плен карфагеняне и нумидийцы, среди них и царь Сифакс. Сразу же за ними шествовала почетная свита полководца, его ликторы в пурпурных хитонах, кифаристы и дудочники с золотыми коронами на головах (их называли «лидийцами», поскольку этруски, от которых в Рим пришел обычай триумфа, считались выходцами из Лидии). Один из этих «лидийцев», словно бы в насмешку над побежденными, потенал зрителей комическими телодвижениями.

И сразу за ним следовала колесница со Сципионом, увенчанным золотой короной с вставленными в нее изображениями звезд со статуи Юпитера Капитолийского. Сзади на облучке примостился раб и, чтобы не сглазить того, кто на время триумфа стал богом, твердил: «Ты — человек! Ты — человек!».

Сципион добился своей цели. Он одержал победу над Ганнибалом, которого вправе был бы назвать своим учителем, ибо обучился у него тому, что именуют военным искусством. Глядя на принаряденных сенаторов, следовавших за колесницей в полном соста-

1447

ве, Сципион, наверное, думал о том, что одержал победу вопреки им, что в числе его злейших врагов был покойный к тому времени Фабий Медлитель, что в Сицилию, где он собирал войско для погрузки на корабли, к нему из сената направили специальную комиссию для проверки его действий, что долгие месяцы сенаторы отказывались признавать мир с Карфагеном на предложенных им условиях.

Источники*. К периоду войн, положивших начало превращению свободных государств Средиземноморья в подчиненные Риму провинции, обращались и греческие и римские авторы. Римским поэтом Эннием была даже написана целая поэма о Пунической войне. Но сохранился до наших дней из сравнительно ранних авторов только Полибий. Первые пять книг его «Всеобщей истории» дошли целиком, и именно в них изложена история Первой Пунической войны. Труд Полибия особенно ценен. Хотя историк и не был современником первых двух войн с Карфагеном, он тщательно отбирал факты, с одной стороны, посещая места сражений и пользуясь воспоминаниями очевидцев, с другой, — получая информацию о центральной фигуре Ганнибаловой войны — Сципионе, от Публия Корнелия Сципиона Младшего, с которым был тесно связан все семнадцать лет своего вынужденного пребывания в Риме. Рассказ о войнах с Карфагеном и завоеваниях в Испании содержат также произведения Диодора, Дионисия Галикарнасского и Аппиана, использовавших сочинения не дошедших до нас римских анналистов. Образы полководцев, с именами которых связан этот период, запечатлены в биографиях Плутарха: это Сципион Африканский, из биографии которого встает также образ его великого противника Ганнибала, и покоритель Македонии Тит Фламинин. Краткие биографии Гамилькара и Ганнибала имеются у Корнелия Непота.

Память о победах римского оружия осталась не только в исторических трудах, но и в римских монетах, запечатлевших венчавшие эти победы триумфы, в немногочисленных латинских и пунийских надписях, в археологических слоях осаждавшихся городов Испании, Италии, Сицилии и Африки, в топографии местностей, служивших полями сражений.

Глава 25

ВОСТОЧНЫЙ УЗЕЛ (200—168 ГГ. ДО Н. Э.)

Разгром карфагенской морской державы сделал Рим господином всего Западного Средиземноморья и обладателем богатейших ресурсов этого огромного региона. На Востоке тем временем в соперничестве и войнах ослабляли свои силы прежде могучие эллинистические царства — Египет Птолемеев, держава Селевкидов, Македония, не говоря уже о небольших государствах — Пергамском царстве и Родосе. Это был настоящий «восточный узел», подобный тому мифическому, гордиеву, который развязать удалось лишь мечу.

Нарушение равновесия сил. Шаткое политическое равновесие между эллинистическими государствами, сложившееся к середине III в., было нарушено кончиной египетского царя Птолемея IV Филопатора (204 г.) Ему наследовал малолетний Птолемей V, но

* Здесь и далее до главы 40 разделы источников написаны Л.С. Ильинской.

всей полнотой власти обладали его опекуны, сцепившиеся в борьбе за власть, как пауки в банке. Страну потрясли восстания. Этим немедленно воспользовались правители Сирии и Македонии, начавшие захват находившихся за пределами Египта владений египетских царей. **Антиох III**, возвратившись из индийского похода, вступил в Палестину и дошел до Газы, где был остановлен героическим сопротивлением ее населения (201 г.). Во время осады Хиоса флот Антиоха III подвергся нападению соединенных флотилий Пергама и Родоса. Одержав победу, Антиох сделал попытку овладеть Пергамом. Тем временем царь Македонии **Филипп V** беспрепятственно захватывал как некоторые египетские владения, так и независимые островные и малоазийские греческие полисы.

Одновременно обострились отношения между Македонией и Этолийским союзом городов, с которым только что завершилась война, в которую втравили этолийцев римляне. На этот раз римляне предложили Филиппу V посредничество. Тот отказался, и у Рима появился повод для объявления войны (200 г.).

Вторая Македонская война. Война была объявлена, невзирая на тяжелые последствия противостояния с Ганнибалом и вопреки почти всеобщей жажде мира. Сенат толкнул на этот шаг страх перед усилением Македонии и особенно перед потенциальным союзом ее с Сирией (еще в 203 г. прошел слух о заключении между Антиохом III и Филиппом V тайного союза). К тому же у Рима с Македонией были свои давние счеты.

Первые годы войны не принесли успеха ни одной из сторон. Против Филиппа на суше вели активные операции союзники Рима этолийцы, на море же его действия сковывал родосский и пергамский флот. Столкновений с переправившейся на Балканы римской армией Филипп избегал.

Столкновение македонской фаланги и римского легиона произошло в 197 г. при Киноскефалах. Сила фаланги была в ее неуязвимости для ударов с фронта. На противника двигалась лавина закованных в железо воинов, ошетилившаяся копьями, которые пронзали всех, кто пытался оказать сопротивление. Медленное и неустойчивое движение фаланги вызывало, как сообщают очевидцы, ужас. Но легионы, состоявшие из отдельных подразделений (манипул) были гораздо более маневренны. Легионеры еще на расстоянии поражали противника ударами дротиков. Обычно македонской фаланге дротики не были опасны, однако местность, по которой двигалась фаланга Филиппа V, была холмистой. В то время как правое крыло фаланги угрожающе продвигалось вперед, левое несколько задержалось, и тогда римские дротики обрушились на этот

фланг. Окончательно македонские ряды были расстроены боевыми слонами.

Грек, современник сражения, видевший в Филиппе V врага, а в римлянах — освободителей, сочинил язвительную эпиграмму от имени павших македонян:

Здесь без могильных камней, без надгробных рыданий, о путник,
Тридцать нас тысяч лежит на фессалийской земле.
Нас этолийская доблесть повергла и храбрость латинян,
С Титом пришедших сюда от италийских равнин.
Горе стране македонской! Сломилась надменность Филиппа,
С битвы оленя быстрее он, задыхаясь, бежал.

Мы не знаем, дожил ли этот безвестный поэт до середины II в., но если дожил, то мог увидеть, что поражение при Киноскефалах стало не только трагедией македонян, но обернулось горем и для всех эллинов, в том числе и этолийцев, союзников Рима в войне с Филиппом.

Потерпевший поражение Филипп вынужден был принять предложенные ему условия мира. Он обязывался уплатить контрибуцию, отдать флот, не иметь более пяти тысяч вооруженных воинов. Подчиненные ему греки объявлялись свободными. Рассказывали, что, когда во время Истмийских игр победитель Филиппа **Тит Фламиний** провозгласил эту свободу, его чуть не разорвали на части, ибо каждый рвался пожать благородную руку римлянина.

Что дало прекрасное слово «свобода» эллинам? Освобождение от власти ненавистной Македонии? Бесспорно. Но не только это. Возможность каждого из эллинских городов жить по своим законам, никому не подчиняясь? Такую свободу ранее других вкусила Спарта, отделившаяся от Ахейского союза городов. Захвативший там власть представитель низов Набис устроил богатым гражданам кровавую баню, а их жен сделал наложницами своих сообщников. «Свобода» в переводе на язык реальности означала распад всего того, что хоть как-то связывало эллинов Балканского полуострова, что давало им возможность нормально жить и сопротивляться силам хаоса. Такая свобода была для большинства граждан полисов хуже прежнего рабства. Поэтому неудивительно, что получившие из рук римлян «свободу» вскоре сами к ним обратились: «Владейте нами и правьте!».

Полководец без войска. Пять лет после заключения мира с Римом Ганнибал правил в Карфагене. Аристократической верхушке пришлось скрепя сердце, допустить авторитетного полководца в Большой совет. Но он оставался там в одиночестве. Советники, для

которых казна республики и государственные должности служили кормушкой, были неуязвимы, поскольку обладали пожизненной властью. И когда Ганнибал, избранный суффетом, провел закон о ежегодном обновлении совета, отцы города нанесли ему удар в спину: в Рим последовал донос о тайных сношениях Ганнибала с сирийским царем. В Карфаген прибыло римское посольство. Ганнибал слишком хорошо знал римлян и своих соотечественников, чтобы медлить. Пока собирался совет для вынесения окончательного суждения и принималось постановление об объявлении Ганнибала вне закона, о конфискации его имущества и срытии до основания его дома, Ганнибал был уже недосыгаем. Он держал путь к Антиоху, единственному из царей, кто мог бы возглавить сопротивление Риму.

Война с Антиохом. Царство Селевкидов после долгой серии неудач и отпадения большей части территорий, объединенных когда-то Селевком, переживало явное возрождение. За два года до того как карфагенские наемники в Иберии объявили своим полководцем Ганнибала, сирийскими воинами был провозглашен царем после гибели брата еще более юный Антиох, которому в 223 г. не исполнилось и двадцати лет.

Честолюбивый и энергичный, не лишенный полководческих способностей и дипломатического дара, он поначалу потерпел неудачу в столкновении с Египтом — в тот год, когда Ганнибал торжествовал победу при Тразименском озере. Но в течение следующего десятилетия Антиох не только возвратил под власть Селевкидов значительную часть земель, утраченных бездарными преемниками его прадеда Селевка, но и повторил путь Александра в Индию. Одиннадцать лет спустя после перехода Ганнибалом Альп он проводит свое войско через снежные перевалы Гиндукуша. Получив от индийских правителей заверения в дружбе и в знак этой дружбы боевых слонов, к 205—204 гг. Антиох прибывает в Вавилон. Теперь это уже не юнец, чьи успехи приписывают ему его советников, а опытный полководец, достигший возраста, который, по греческим представлениям, является акме — вершиной творческих и физических возможностей человека. Именно тогда он объявляет себя царем царей, принимая тот титул, который носили покоренные в свое время Александром персидские Ахемениды.

В 196 г., через год после битвы при Киноскефалах, Антиох переходит через Геллеспонт и на руинах разрушенной фракийцами Лисенмахии основывает город, который мыслит столицей Запада; владыкой его он мечтает сделать своего сына Селевка, оставив себе Восток.

Антиох III Великий

Оказавшаяся ошибочной весть о кончине царя Египта юного Птолемея заставляет Антиоха покинуть Лисимахию в надежде осуществить свою мечту. Но на границе Египта его встречают римские послы, давшие понять, что в Египте ему делать нечего. И пришлось Антиоху вернуться в Лисимахию, чтобы продолжить попытку объединения эллинов против Рима. Часть их уже оценила к этому времени, что означает дарованная римлянами «свобода». Но на пути к объединению стояла взаимная вражда, которой умело пользовались римляне.

Во время подготовки войны с Римом Антиох III встречается в Эфесе с беглецом Ганнибалом, и тот предлагает царю не использовать в борьбе с Римом помощь греков, а, заняв Грецию, истощать силы римлян нападениями с моря. Сам же он обещает поднять против Рима Карфаген и высадиться в Италии, вновь превратив ее в поле боя. Антиох был готов прислушаться к советам карфагенянина, но окружавшие его советники и придворные, возненавидевшие «Одноглазого», уверяли его, что Ганнибал погубит державу, как довел до гибели свой Карфаген. Да и самого Антиоха, не сомневавшегося в победе, стало беспокоить, как бы слава не досталась Ганнибалу. К тому же поколебалось его доверие к союзнику: Сципион (вряд ли случайно) несколько раз просил Ганнибала о неофициальных встречах, и ничего не подозревавший карфагенянин соглашался.

Отказавшись от плана Ганнибала, Антиох высадился в 192 г. на побережье Фессалии с десятью тысячами пехотинцев, небольшим конным отрядом и шестью слонами, рассчитывая поднять всю Грецию с помощью этолийцев, чувствовавших себя обманутыми Римом. Это оказалось грубой стратегической ошибкой, сразу же отмеченной Ганнибалом, настаивавшим на введении в Европу крупных сил. Двигаясь в глубь Фессалии, Антиох достиг Киноскефал, места победы римлян над Филиппом V, и распорядился устроить торжественные похороны оставшихся захороненными македонян. Это было еще большим просчетом: Филипп, все еще не решивший, к какой из сторон примкнуть, воспринял это как укор в собственный адрес и немедленно сообщил находившемуся поблизости римскому военачальнику, что готов стать союзником Рима.

Положение еще можно было выправить, пока не прибыли главные силы римлян. Но вместо того чтобы действовать решительно, Антиох удалился на остров Эвбею в ожидании прибытия пополнения, где провел всю зиму в праздниках, отмечая свой брак с юной уроженкой Эвбеи. В праздности вместе с царем проводило время и войско.

Весной 191 г. Антиох двинулся в Акарнанию, но, узнав, что римляне переправляются через Ионийское море и убедившись в полном разложении своего войска, возвратился на Эвбею, откуда стал слать гонцов, требуя быстрее присылки свежих сил. Но события развивались стремительно, и, не дождавшись подкрепления, Антиох переправился на материк и занял позицию на Фермопилах, чтобы не пропустить римлян в Среднюю Грецию.

Наголову разбитый, он переправился в Эфес и оттуда в Лисимахию, намереваясь превратить ее в неприступную крепость и полагая, что римляне не решатся переправиться в Азию, имея в тылу Лисимахию. Тем временем в Греции появилось римское войско. Фактически всеми операциями руководил **Публий Корнелий Сципион**, победитель Ганнибала, хотя формально он считался всего лишь советником при своем брате Луции Сципионе.

Опытный дипломат, он заключил с этолийцами перемирие, якобы для серьезных переговоров о долгосрочном мире, и двинул войско к Лисимахии. Путь туда лежал через Македонию и Фракию, через земли воинственных племен. Преодоление его было бы без помощи Филиппа практически невозможным. И Филипп эту помощь оказал, подготавливая дорогу, наводя мосты и собирая провизию. Узнав о приближении римского войска, Антиох был настолько потрясен, что поспешно покинул свою крепость, оставив там собранный им хлеб, оружие, военные машины.

При этом известии Сципион немедленно завладел Лисимахией со всеми ее припасами и оружием, после чего переправился через Геллеспонт, оставшийся без охраны. Антиох к этому времени располагал огромной, хотя и чрезвычайно пестрой, а потому трудно управляемой армией, в несколько раз превосходившей по численности римскую. Но, потеряв в себе уверенность, он пошел на уступки, согласившись уйти из Европы, предоставить автономию греческим городам Малой Азии и компенсировать половину расходов римлян на войну. Римляне, однако, сочли это недостаточным.

Решающее сражение произошло в 190 г. близ города Магнезии. Войско Антиоха III было разгромлено. Пало до пятидесяти тысяч воинов. Если верить римлянам, их потери составили всего триста легионеров. По мирному договору Антиох должен был очистить Малую Азию. Ее земли вплоть до гор Тавра, ставших границей дер-

жавы Селевкидов, передавались союзникам Рима Пергаму и Родосу. Ударная сила армии Антиоха — боевые слоны — подлежала уничтожению. Уничтожался и военный флот. На побежденное царство была наложена огромная контрибуция.

Эхо римской победы. Битва у города, металл которого не только убивал, но и притягивал (отсюда современное «магнит»), привлекла к себе внимание обитателей круга земель. Можно было думать, что величайшая в мире держава разгромлена не людьми, а какой-то богиней по имени Рома. Греки немедленно стали производить название «Рома» (Рим) от своего слова «рома» в значении сила. А евреи из Иерусалима, для которых весть о разгроме ненавистного Антиоха была слаще манны небесной, вознесли хвалу творцу за то, что он в мудрости своей создал народ, наказавший «царя северного, нечестивого». Имя «Рома» (Рим) еврейским книжникам ничего не говорило, но они отыскивали в Священном Писании указание на то, что нечестивец был наказан как раз в том месте, где обитал народ киттим (хетты). Книжник, принявший имя древнего пророка Даниила, изложив недавние события как пророчество, написал: «И придут против него корабли киттимские, и падет он духом и опять озлобится на святой Завет». И действительно, разгромленный римлянами Антиох обратил ярость против своих подданных. В числе их были и евреи. Именно в это время они направляют своих послов в Рим, и сенат рассматривает их не как подданных Антиоха, а как союзников Рима. Такова римская дипломатия, умевшая закреплять и расширять победу римского оружия, завоевывая союзников словом, чтобы затем превращать их в рабов. Для пополнения своей опустевшей казны Антиох совершает поход на север и, пытаясь ограбить храм в Месопотамии, гибнет при загадочных обстоятельствах (187 г.).

Начинается распад державы Селевкидов. На далеком эллинистическом Востоке из его владений выделяется *Греко-Бактрийское царство*, из-под контроля Селевкидов выходит Египет, получивший поддержку Рима. В 60-е гг. II в. начинается борьба за независимость в Иудее, возглавленная братьями Хасмонейми. По прозвищу одного из них — **Маккавей** (Молот) — движение вошло в историю как *восстание Маккавеев*. Иудея обретает на некоторое время независимость.

Сирийская монархия превращается в заурядное государство. Римляне фактически смещают и назначают его царей, не гнушаясь и поддержкой самозванцев.

Третья Македонская война. Победа над Антиохом продемонстрировала военное превосходство Рима над армиями эллинисти-

ческих государств. Но сопротивление римской экспансии не прекратилось. Главным его очагом стал Балканский полуостров, народы которого не могли примириться с постоянным вмешательством римлян, с их поборами и унижительным обращением. К новой войне с Римом готовился Филипп V, собирая для этого средства и исподволь готовя армию.

После смерти Филиппа македонский трон занял его сын **Персей**, сумевший в короткое время обеспечить своим подданным спокойствие и процветание. Он заключил договора с северными соседями Македонии, совершавшими ранее нападения на страну, объявил себя защитником всех эллинов, изгнанных из своих городов или осужденных за долги, и дал им у себя убежище. Взяв в жены дочь сирийского царя Селевка, он, как ему казалось, обеспечил себе поддержку на случай войны с Римом.

Римляне зорко следили за всем, что происходило на Балканах. Усиление Персея само по себе вызывало у них определенную озабоченность, но более всего их тревожила дружба македонян с греками. Узнав, что в Македонии созданы продовольственные запасы и юноши проходят военное обучение, они предъявили царю обвинение в нарушении договора, заключенного его отцом с Римом. Персей направил в Рим посольство для оправдания, но послы не были приняты сенатом, который благосклонно выслушал соперника Македонии царя Пергама Эвмена. Выступив обвинителем против Персея, Эвмен истолковывал все действия последнего как враждебные римлянам. «Не желая иметь под боком царя разумного, деятельного и во многих отношениях человеколюбивого, быстро возвысившегося наследственного врага, сенат решил объявить ему войну», — писал впоследствии историк Аппиан.

Одержав в первом крупном сражении победу над римскими легионами, Персей вступил в переговоры с командующим побежденного войска с предложением мира, соглашаясь на уступки Риму, отвергнутые в свое время его отцом. Но предложения эти не были приняты.

Командование римской армией перешло к **Эмилию Павлу**, сыну римского консула, павшего в битве при Каннах. Персей со своей армией занял обширную долину к югу от Пидны. 22 июня 168 г. в ожесточенной битве римляне вновь, как и тридцать лет назад, одолели македонскую фалангу. В сражении пало до двадцати тысяч македонян. Македония как государство прекратила существование. Она была урезана в размерах и разделена на четыре области, управляемые собственной администрацией.

Одновременно были наказаны и греки — и те, кто успел оказать Персею помощь, и те, кто ее только обещал, и те, кто ничего не обещал, но кого римляне заподозрили в сочувствии Македонии. Эпир,

родина давнего противника Рима Пирра, был отдан на разграбление войску и превратился в пустыню. В рабство было обращено 150 000 эфирцев. И хотя на Балканском полуострове сохранились Этолийский и Ахейский союзы городов, территория Этолийского союза была значительно урезана, а не пострадавший территориально Ахейский союз лишился тысячи самых влиятельных граждан. Их взяли в Италию в качестве заложников. Родос не нарушал верности Риму, но Рим больше не нуждался в его помощи, а экономическое процветание острова было невыгодно римским и италийским деловым кругам. Поэтому был объявлен свободным портом остров Делос, и торговля стала обходить Родос стороной. Это означало гибель торгового государства.

Уход великих противников. Из года в год объявлялись и шли все новые и новые войны, порождавшие честолюбивые надежды у одних и отчаяние у других, и, может быть, прошел бы незамеченным уход из жизни героев прежних схваток, если бы он не сопровождался трагическими обстоятельствами.

Конец жизни Сципиона Африканского был ярким контрастом ее блестящему началу. После возвращения братьев Сципионов из восточного похода народные трибуны потребовали у них финансового отчета, обвинив в получении крупных сумм от сирийского царя. Видимо, и болезнь Сципиона Африканского во время генерального сражения вызвала подозрение. Могли вспомнить о подобном заболевании во время мятежа легионов в Испании. Публий Сципион явился на разбирательство со своими записями, но тут же разорвал их на клочки, заявив, что вел кампанию на свои средства. Через некоторое время последовал новый вызов. Вместо того чтобы оправдываться, Публий Сципион обратился к народу с напоминанием, что в этот день он разбил в Африке Ганнибала и просит желающих отметить эту победу жертвоприношением на Капитолии. За Сципионом двинулись все, даже оторопевшие на миг народные трибуны. И все же брат Публия Луций был приговорен к крупному штрафу, и, поскольку платить отказался, ему грозила тюрьма. Спасло его вето одного из народных трибунов, Тиберия Семпрония Гракха, отца будущих реформаторов. После этого в знак протеста победитель Ганнибала покинул Рим.

За загадочным процессом Сципионов стояло недовольство римской аристократии и всадничества засильем Сципионов, фактически ничем не отличавшихся от диктаторов. За спиной обвинителей маячила фигура **Марка Порция Катона**, который еще в годы Ганнибаловой войны выступал против Корнелия Сципиона и его чуждого обычаям предков образа жизни.

Сохранился лишь один эпизод о жизни Сципиона в добровольном изгнании. На его скромное кампанское поместье совершили нападение разбойники. Рабы бросились к воротам, чтобы преградить им дорогу. Но Сципион отодвинул их и вышел навстречу грабителям безоружным. «Что вам надо от Сципиона?» — спросил старец. «Видеть тебя!» — нашелся главарь разбойников, падая к его ногам. Примеру последовали все остальные. Это был последний триумф Сципиона. Он скончался в 183 г., завещав не хоронить себя в Риме.

И примерно тогда же в Вифинии ушел из жизни другой великий изгнанник. После разгрома Антиоха III Ганнибал скитался по разным странам Востока. Кажется, некоторое время жил в далекой Армении. Затем его пригласил к себе царь Вифинии Никомед, возможно, желая воспользоваться его советами (он вел войну с Пергамским царством). В 184 г. как поручитель заключенного воюющими сторонами мира туда прибыл Тит Фламиний, тот самый, который провозгласил свободу грекам. Он и потребовал выдачи Ганнибала. Дом, в котором жил престарелый полководец, был окружен. Ганнибала ожидал позорный плен, пережитый Сифаксом и Персеем, которого замучили римские легионеры. Но Ганнибал никогда не расставался с ядом. Ворвавшимся в дом достался еще не остывший труп. Это была последняя победа Ганнибала, достойной смертью которого впоследствии восторгались греки и римляне, не забывая заклеить словами презрения ничтожного Фламиния.

Источники. Как и при изучении первых двух войн с Карфагеном, важнейшее место среди литературных источников занимает «Всеобщая история» Полибия, рисующая картину сначала дипломатического, а затем и военного проникновения Рима на Восток, завершившегося созданием ряда зависимых от Рима государств. Находясь со 167 г. в Риме в качестве заложника, по событиям, разворачивавшимся в более ранний период, он мог пользоваться как устными воспоминаниями римлян, участников этих войн, так и документами римского архива. Использование сочинения Полибия Титом Ливием в качестве основного источника по этому периоду в значительной мере компенсирует утрату большей части относящихся к первой половине II в. разделов этого уникального труда. Как и по второй половине III в., значительный материал содержится у Диодора и Дионисия Галикарнасского, а также в полностью сохранившейся «Сирийской книге» «Римской истории» Анниана, в которой центральное место занимает война Рима с Антиохом III; оставшиеся от его «Македонской книги» фрагменты в ряде случаев содержат подробности, у других авторов отсутствующие. В том же II в. н. э., когда писали Плутарх и его младший современник Анниан, краткую историю Рима составил Луций Анней Флор, конспективно давший основную канву войн, превративших Средиземное море во внутреннее море римской державы.

Под особым углом зрения события, связанные с разгромом Антиоха III в битве при Магнезии, нашли отражение во включенных в Библию «Книгах Маккавеев». Из них известно как об общепарадской войне иудеев против Антиоха за независимость, так и о поддержке иудеев сначала Спартой, с которой было заключено соглашение, а затем и Римом, заключившим в 161 г. с Иудеей военный договор.

Автором книги был человек, хорошо знавший обстановку, хотя и допускавший влияние на ход событий божественного вмешательства. Его источником было, скорее всего, не дошедшее до нас произведение еврейского писателя Ясона из Кирены, современника противостояния с Антиохом.

История войн запечатлелась также в ряде надписей, найденных как в Малой Азии, так и на территории Балканского полуострова, и в монетах. Помимо римских монет, запечатлевших триумфы над побежденными Македонией и Сирией, интересны монеты македонские, поскольку исчезновение на территории Македонии единой монеты подтверждает сообщение древних авторов о ее разделе после поражения в Третьей Македонской войне на четыре экономически обособленные части.

Глава 26

ПОД РИМСКОЙ КАЛИГОЙ. ПОКОРЕННЫЕ И НЕПОКОРНЫЕ (167—111 ГГ. ДО Н. Э.)

Триумф Эмилия Павла в 167 г. был праздником, отмечавшим победу не только над Македонией. Это было торжество по случаю того, что в пределах круга земель уже не оставалось ни одного народа, который мог бы претендовать на роль соперника Рима. Войны последующих десятилетий имели своей целью уничтожение оставшихся островков независимости и превращение их обитателей в своих данников. Риму оставалось преодолеть сопротивление людей, не желавших примириться с участью рабов и сражавшихся за свое человеческое достоинство.

Победа над иллирийцами. После победы над Персеем сенат принял решение расправиться с союзником Македонии иллирийским царем Гентием. Претор 168 г. Луций Аниций осадил столицу иллирийцев Скорду и вскоре взял ее штурмом. Война была закончена в 30 дней. Гентий был с позором проведен в триумфальной процессии. Во время торжеств по случаю победы Аниций решил вместо обычных гладиаторских боев показать римлянам в амфитеатре знаменитых греческих артистов — певцов и музыкантов. Во время их выступления зрители зашумели. Торжество чуть не завершилось взрывом недовольства, и тогда триумфатор пошел на хитрость: он призвал артистов и приказал им вместо пения и музицирования вступить друг с другом в драку. Видя ликторов, вооруженных пучками розог — а порка актеров на римской сцене была обычным делом — артисты выполнили требования Аниция, и зрители радостными криками приветствовали невиданное до того зрелище избиения греками греков. Такова была римская толпа в середине II в. Таковы были нравы города, который греки справедливо считали варварским. Таковы были римские полководцы, которых те же греки совсем недавно приветствовали как освободителей.

Политика Рима в Африке. После победы над Ганнибалом Карфаген уже не представлял для Рима угрозы в военном отношении. Однако город, освобожденный от расходов на войско, переживал экономический подъем. К тому же нумидийский царь Масинисса, тот самый, с помощью которого Корнелий Сципион одержал победу над Ганнибалом, постоянно подстрекал римлян к войне с Карфагеном. После посещения Масиниссой Рима в Карфаген было отправлено посольство во главе с престарелым сенатором **Марком Порцием Катон** (234–149). Сражавшийся еще под орлами Сципиона Африканского Катон был его влиятельным противником, сторонником жесткой политики по отношению к побежденным. Вернувшись из Карфагена, Катон выступил в сенате. Потрясая захваченными с собой смоквами и виноградными гроздьями как вещественными доказательствами, Катон, призывая к разрушению Карфагена, говорил, что город, вырастивший такие необыкновенные по величине плоды, опасен римлянам и безоружный. С тех пор, на какую бы тему ни выступал Катон, он завершал свою речь словами: «А к тому же, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». В сенате было немало противников такой политики, но упорство Катона одержало верх. Найти повод для войны было не трудно: на карфагенян натравили Масиниссу, в то время как Карфаген согласно договору с Римом не мог ни с кем вести войн без разрешения римлян. И поэтому оборона карфагенян была расценена как нарушение договора.

Падение Карфагена. Пунические войны были войнами трех поколений. Дедам после двадцатилетних сражений на суше и на море удалось овладеть Сицилией, Сардинией и Корсикой. На долю отцов досталось самое тяжелое — выдержать натиск великого Ганнибала и, высадившись в Африке, сломить хребет карфагенской державе. Внукам оставалось, казалось бы, немного — уничтожить сам Карфаген, лишенный флота и армии и к тому же в сущности окруженный нумидийцами царя Масиниссы. Поход на Карфаген мыслился как прогулка за богатой добычей, и к городу вместе с небольшой армией двигались пустые корабли, чтобы вместить богатства, накопленные веками.

Но, как говорят, у осажденного дома сами вырастают стены, а у его защитников утраиваются силы. Казалось, над теми, кто вышел в 149 г. на стены Карфагена, чтоб его отстоять, витала сама семисотлетняя история.

Осада Карфагена длилась три года. Осажденные проявили чудеса изобретательности и героизма. Женщины срезали свои волосы, чтобы сплести из них тетивы метательных машин. В оружейных

План приморской части Карфагена с торговой и военной гаванями

мастерских вместо железа и меди расплавляли золото и серебро. Для строительства кораблей разбирались кровли домов. Когда римляне перекрыли своими судами выход сооруженному втайне флоту, к морю был прорыт новый канал, и не для бегства — для сражения.

На заключительном этапе войны во главе осаждающей армии был поставлен **Сципион Эмилиан**, сын победителя Персея Эмилия Павла, усыновленный старшим из сыновей победителя Ганнибала. Используя огромное численное превосходство своего войска и крайнее истощение голодающих защитников города, он ворвался в Карфаген и, сокрушая квартал за кварталом, преодолевая в уличных боях отчаянное сопротивление карфагенян, подошел к городской крепости Бирсе, где ему сдались 36 000 воинов во главе с последним полководцем Карфагена Газдрубалом. Жена Газдрубала, проклиная трусость супруга, схватила детей и бросилась с ними с кровли храма в огонь. Современники могли вспомнить, что, по распространенной легенде, в огне погибла когда-то и основательница Карфагена Элисса, которую римляне называли Дидоной.

По специальному приказу сената город был разрушен, и место, где он стоял, предано проклятию. О величине этого города можно судить по тому, что горел он семнадцать дней. Владения Карфагена в Ливии были объявлены римской провинцией *Африкой* (это на-

звание впоследствии принял весь континент). Часть карфагенских земель была передана наследникам союзника Рима царя Масиниссы, умершего незадолго до гибели Карфагена.

Лже-Филипп. В 167 г. во время триумфа Эмилия Павла был проведен по городу последний царь Македонии Персей вместе со своими наследниками, сыновьями Филиппом и Александром. Пленников доставили в Альбу Фуцинскую, где Персея замучили до смерти римские легионеры, которым надоела роль стражей. Два года спустя умер Филипп. Оставшийся в живых Александр стал художником, и в Риме его не опасались. Поэтому можно себе представить, как ошеломила сенаторов весть о появлении в Македонии Филиппа, сына Персея, провозгласившего себя царем. Не поднялся ли он из могилы, чтобы отомстить за отца?

Биография самозванца, подлинного героя сопротивления Риму в это пятидесятилетие, удивительна. **Андриск** — таково его подлинное имя — не был даже македонцем. Он был греком из городка Адрамитий в Малой Азии, не знатным человеком, а простым валяльщиком шерсти. Римские историки сообщают о его поразительном внешнем сходстве с Филиппом, сыном Персея. Как он сам мог об этом узнать, остается загадкой.

Еще до появления в Македонии он оказался в Сирии, где правил дядя Филиппа по матери. Явившись к нему, он попытался воспользоваться помощью «родственника», но был выдан римлянам и привезен в Италию. Ему удалось бежать. Провал первой попытки не обескуражил Андриска, и он направился прямо в Македонию, где был встречен с распростертыми объятиями. Вокруг мнимого царя объединилась вся Македония. Из осажденного Карфагена в его столицу прибыло посольство, и был заключен договор о совместной борьбе с общим врагом.

У римлян, воевавших в Африке и Испании, не было в то время крупных сил на Балканах. Это дало возможность Андриску вторгнуться в Фессалию и успешно действовать, преодолевая сопротивление войск Ахейского союза, давнего противника Македонии. На просьбу фессалийцев о помощи наконец откликнулся римский претор, в чьем распоряжении был легион. В сражении с Андриском римляне потерпели поражение. И лишь после этого на Балканы была переправлена римская армия во главе с претором Квинтом Цецилием Метеллом, сопровождаемая флотом.

Андриск, необдуманно разделивший свое войско на две части, был разбит, раненым вынесен с поля боя фракийцами из присланного на подмогу фракийского отряда, переправлен во Фракию, но выдан римлянам фракийскими царьками.

Победе над самозванцем в Риме придали такое значение, что назвали Цецилию Метеллу триумф. Проведенный в триумфальной процессии по городу Андриск был казнен.

Ахейская война. После того как Македония вместе с присоединенными к ней Иллирией и Эпиром была превращена в римскую провинцию, дошел черед и до Ахейского союза, последнего объединения полисов на Балканах. Повод для войны не отличался оригинальностью — обида «слабого». В роли обиженной на этот раз оказалась Спарта, входившая в Ахейский союз и проявлявшая, памятуя о великом прошлом, строптивость. Сенат принял решение о выделении Спарты в отдельное государство. Реакция ахейцев, только что защищавших интересы Рима в Фессалии, была бурной. Римские послы в столице Ахейского союза Коринфе едва избежали насилия. Стратег Ахейского союза **Диэй** и его преемник **Критолай** сочли момент для оказания сопротивления Риму подходящим (война в Африке и Испании все еще продолжалась).

Обходя всю Грецию, Критолай не только убеждал в необходимости объединения против наглых чужеземцев, но и, апеллируя к низам населения, на которых сильнее всего давило римское иго, добивался освобождения взятых под стражу за долг и отсрочки решений судов по делам неплательщиков. Ярый противник всяких радикальных перемен историк Полибий замечает по этому поводу: «Критолай достиг того, что народ верил каждому его слову». В результате к ахейцам примкнули беотийцы, фокее, халкидяне.

Победитель Лже-Филиппа Метелл, в это время все еще находившийся в Македонии, был крайне напуган всеобщим брожением умов, готовым перерасти в общегреческое восстание. Моментальным броском он достиг Локриды, где были сосредоточены главные силы Ахейского союза во главе с Критолаем, и в ожесточенном сражении добился победы. Тела Критолая не нашли.

Руководство Ахейским союзом перешло к стратегу предшествующего года Диэю. Он показал себя решительным политиком, распорядившись освободить 12 000 молодых крепких рабов, принадлежавших частным владельцам, и, вооружив их, привел в Коринф. Эта мера вызвала крайнее недовольство обеспеченных людей. Полибий, сам принадлежавший к ахейской знати и к тому же пользовавшийся покровительством римлян, пишет: «Тяжело было переносить строптивость и непослушание рабов, только что освобожденных, да и другие в предвкушении свободы подняли голову».

Тех, кто ждал римлян как освободителей и тайно им помогал, Диэй подверг жестоким гонениям как предателей.

Тем временем из Рима прибыло свежее войско во главе с Луцием Муммием, ранее воевавшим в Испании против лузитан в качестве претора, а ныне наделенным консульской властью. Решающая битва произошла на Истме. Едва обученные рабы-новобранцы не смогли выдержать натиска испытанных в боях римских легионеров. Диэй бежал на родину, чтобы убить жену и покончить с собой. Его имущество, как и имущество всех участников восстания, было продано римлянами с торгов.

Затем по приказу сената был разрушен и сожжен Коринф, город с тысячелетней историей, не менее древний, чем Микены и Тириф.

Уничтожение Коринфа (146 г.) в глазах греков, не забывших своего великого прошлого, знаменовало не просто уничтожение столицы последнего объединения полисов, но и конец тысячелетней греческой истории, начавшейся со времени той древней Ахайи, которая входила в царство Агамемнона и была известна хеттам как Аххиява. Римляне же могли рассматривать разрушение Коринфа как возмездие за разрушение Трои, поскольку считали себя потомками троянцев. Однако за этим варварским актом стояли экономические мотивы — Коринф, так же, как Родос и Карфаген, были торговыми соперниками Рима.

Города Ахейского союза попали под юрисдикцию наместника Македонии. Демократические режимы повсеместно были заменены олигархическими. Но отдельной провинцией Ахайя на этот раз не стала, это произошло значительно позднее, лишь при императоре Августе, в 27 г. до н. э.

Непокоренная Испания. Необыкновенное упорство в защите своей свободы от посягательств чужеземцев проявили племена Испании. Они не прекращали сопротивления и после того, как посланные против них римские полководцы заявили о своей «окончательной победе» и торжественно отметили ее в триумфальных процессиях. Среди «победителей» иберов, кельтиберов и лузитан после Ганнибаловой войны были Катон Старший, Семпроний Гракх, Метелл (тот самый, который разбил Лже-Филиппа и Критолая), даже получивший почетный титул Кельтиберийский, — а восстания не утихали.

Кельтиберов поднял Олиндик, по словам римского историка Флора, «муж величайшей храбрости и отваги». Когда римляне отняли у кельтиберов оружие, он явился к соплеменникам с серебряным копьем, будто бы сброшенным ему с неба богами, и призвал к осаде консульского лагеря.

У лузитан, восставших в 154 г. и после заключения очередного мира предательски перебитых в 150 г., появился в годы осады римлянами

Карфагена и войны с Лже-Филиппом талантливый предводитель **Вириат** (147 г.). Пастух и охотник, он создал маневренное войско, наносившее удары римским полководцам и не раз захватывавшее их лагерь. Роль серебряного копья у него играла белая лань, одним своим появлением перед битвой внушавшая суеверным повстанцам уверенность в помощи богов. Пять лет одерживал Вириат победы, пока не был разбит консулом Фабием Максимом (142 г.) В следующем году он пал жертвой подосланных Римом наемных убийц.

После гибели Вириата центр восстания переместился в небольшой кельтиберийский городок Нуманцию, где доведенное до отчаяния население еще при его жизни поднялось на борьбу с римлянами. Непосредственным поводом для войны, длившейся 11 лет, явился приказ отрубить руки восставшим юношам соседнего с Нуманцией племени. Напав на римское войско, кельтиберы вынудили его искать спасения в бегстве (141 г.). Сенат направил к Нуманции легионы во главе с консулом Гостилием Манцином, начинавшим в свое время осаду Карфагена. Окружив римлян, нумантинцы вынудили их сдать оружие и подписать договор о сохранении за Нуманцией самостоятельности.

Заключение этого соглашения было воспринято в сенате как не меньший позор, чем давняя капитуляция в Кавдинском ущелье. Отказавшись утверждать условия договора, сенат решил выдать нумантинцам полководца, его подписавшего. Сенаторов не остановило даже то, что он сохранил жизнь тысячам римских воинов. В Испанию был отправлен Сципион Эмилиан. Железной рукой он укрепил дисциплину в четырех своих легионах. Нуманция была окружена рвом и высокой насыпью, отрезавшими ее от внешнего мира. Победу над непокорным городом одержал голод. Не в силах более сопротивляться, защитники Нуманции, перебив близких и предав город огню, покончили с собой. Ничто не украсило триумфальной процессии Эмилия Павла, кроме самого имени героического города.

Наследники царей. После уничтожения Македонии в Средиземноморье кроме Египта имелось несколько небольших зависимых от Рима царств: на северном побережье Африки — Нумидия и Кирена, в Малой Азии — Пергамское царство, Вифиния, Понт. Словно бы сговорившись, цари один за другим добровольно отказывались от власти в пользу Рима. Первым такое решение принял в 158 г. царь Кирены Птолемей. В 133 г. его примеру последовал правитель с давних пор союзного Риму Пергамского царства Аттал III. Позднее одарили Рим своими царствами Никомед Вифинский и Птолемей, царь Кипра.

Наибольший интерес представляет история Аттала III (138—133), который врачом Галеном был впоследствии охарактеризован как ученый, открывший пластырь для заживления ран и лечения язв на коже, римским агрономам был известен как автор трактата о сельском хозяйстве, содержавшего советы по лучшему возделыванию виноградников и оливковых деревьев, историкам же — как тиран и безумец. Согласно свидетельству одного из историков Аттал был поражен стрелой Гелиоса во время работы над бюстом своей матери (он был еще и скульптором) и умер через 9 дней от этого удара.

Несмотря на столь раннюю и внезапную кончину, в руках римлян почему-то оказался текст завещания, и сразу же в Пергам была направлена комиссия для принятия наследства. Римский историк Саллюстий вкладывает в уста царя Понта Митридата VI Евпатора, чей отец также пал жертвой римских козней, утверждение, что завещание Аттала было подделано, а сам он отравлен.

Восстание Аристоника. Конечно же, никто в Риме не думал, что после поражения Антиоха Великого придется сражаться в Малой Азии, ибо там, как считалось, жили изнеженные люди, готовые на любое унижение ради сохранения жизни. Но когда представители сената прибыли для принятия наследства, вместо блеска золота, серебра и драгоценных камней их ожидали блеск обнаженного оружия и почти всеобщая ярость. Жители ряда городов отказались признать законность завещания царя и призвали на царство его сводного брата юного **Аристоника**. Пергам и другие крупные города не оказали Аристонику поддержки, равно как и флот, которым он хотел овладеть, и Аристоник обратился к городским и сельским низам, а также и к рабам, призвав их к освободительной войне. Пламя восстания охватило всю Азию. Странники Аристоника называли себя *«гелиополитами»* — гражданами государства Солнца. Видимо, помимо ненависти к Риму восставших вдохновляла идея социальной справедливости, высказанная в этой утопии эллинистической эпохи.

Почти два года на территории Пергамского царства не было римских войск: занятые внутренней борьбой, римляне не проявляли заботы об ускользающем наследстве. Все это время борьба с Аристоником шла местными силами и силами царей соседних, зависящих от Рима царств, напуганных мощным движением низов, грозящим перекинуться и на их земли. Среди этих последних — царь Понта, отец будущего непримиримого врага Рима Митридата VI Евпатора.

Римские легионы во главе с Публием Лицинием Крассом появились лишь в 131 г. и были разбиты Аристоником в битве у города

Левки. Консул, известный своей патологической страстью к богатству, был пленен и проведен в триумфальном шествии Аристоника по всему царству, после чего ему символически влили в горло расплавленное золото. Другой римский консул, Марк Перперна, одержал победу близ города Стратоникеи на реке Каике. Осажденные в нем повстанцы сдались, не выдержав мук голода. Аристонику был увезен в Рим и там казнен, но восстание продолжалось. Многие города не открывали римлянам ворота и лишь после того, как была отравлена поступающая к ним по глиняным трубам вода, были вынуждены сдаться. Имя отравителя вошло в историю: консул 129 г. Маний Аквиллий. Именно ему, по словам Флора, «опозорившему римское оружие, тогда еще священное и незапятнанное», сенат поручил превратить унаследованное царство в новую римскую *провинцию Азию*, включившую в себя западную часть полуострова и прилегающие к ней острова.

Провинции и зависимые царства. С присоединением Пергама почти все побережье Средиземного моря стало римским или находилось под римским контролем. Внутреннее море римляне уже могли называть «нашим морем». К этому времени сложилась и система управления завоеванными территориями — провинциями. Провинции считались «добычей римского народа» и от его имени управлялись назначаемыми сенатом наместниками — *проконсулами* и *пропреторами*, получавшими провинции после завершения консульской или преторской магистратуры в Риме. Исполнение обязанностей консула, претора и других выборных магистратур считалось почетной привилегией и не оплачивалось. Но само назначение в провинцию было в высшей степени щедрой платой: провинция содержала римского наместника и его многочисленную алчную свиту. И только от его щепетильности и личной порядочности зависело, вернется он к себе домой богачом, обеспеченным на всю жизнь, оставив за спиной слезы и проклятия, или человеком, имя которого провинциалы будут вспоминать с благодарностью. С чистыми руками в Рим возвращались единицы. И именно на них большей частью обрушивались судебные преследования «за вымогательства» — ведь добросовестный наместник должен был препятствовать ограблению провинции откупщиками и дельцами, а в их-то руках и находился в Риме после законов Гая Гракха суд. Грабители же и мародеры оставались безнаказанными, жертвуя в пользу судей часть своей добычи. Так ушел от ответственности и отравитель Маний Аквиллий, обвиненный в получении взяток в колоссальных размерах. Всаднический суд его оправдал, и он официально сохранил «честное имя» и большую

часть награбленного, передав его своему сыну, с «подвигами» которого мы еще встретимся.

К 129 г. Рим обладал девятью провинциями — это *Сицилия, Сардиния, Корсика, Цизальпийская Галлия, Испания, Африка, Иллирия, Македония, Азия*. Главный принцип римской политики «*Разделяй и властвуй*» действовал и в провинциальном управлении. Правовое положение городов в провинциях было различным, и это обеспечивало римлянам прочность власти. Часть провинциальных общин-городов была отнесена к категории зависимых, платящих налог; существовали и свободные общины, пользующиеся полной автономией и иногда освобождаемые от налогов; с некоторыми же общинами были заключены договора, оговаривавшие их права и обязанности.

Наряду с провинциями в орбиту римской власти были включены царства, находившиеся на положении союзников или клиентов. Сменявшие друг друга цари обязывались поставлять римлянам контингенты для совместного участия в войнах или подавлении восстаний в провинциях, а также обеспечивать поступление денежных средств. На место тех, кто не выполнял этих повинностей или пытался освободиться от римского ига, ставили более покорных из числа царских родственников. Иногда для обеспечения покорности зависимых от Рима царей в Рим брали их сыновей в качестве заложников.

Вся внешняя политика Рима находилась в ведении сената. Для решения тех или иных вопросов царей или их представителей вызывали в Рим, где заслушивали в сенате. Рядом со зданием сената (курией) была площадка, которую с давних времен называли «грекостазис» (стояние греков), хотя в середине II в. на грекостазисе являлись не только греческие, но и нумидийские, галльские, иллирийские, сирийские и другие послы, ожидавшие своей очереди для решения судьбы царств, их правителей, собственной судьбы. Многие из них подносили сенату золотые венки и иные дары в знак покорности и благодарности. Иногда сенат выделял из своей среды посольство, чтобы перед решением судьбы царства или царя разобраться в обстановке на месте. Участие в этих посольствах было подчас делом не менее выгодным, чем управление провинцией, ибо мнение послов чаще всего зависело от пышности оказанного им приема и ценности полученных подарков.

Давая богатство немногим (наместникам, членам посольств, публиканам, дельцам, продажным судьям), практика управления провинциями и зависимыми царствами была постоянным источником коррупции, разложения римской государственности и острых общественных конфликтов, проявившихся уже в конце II в.

Источники. Главный источник по образованию римской средиземноморской державы, труд Полибия, плохо сохранился в тех книгах, которые повествовали о последнем этапе завоевания Римом Средиземноморья. Однако в сочетании с соответствующими главами «Истории» Тита Ливия, с «Иберийской книгой» и сохранившимися фрагментами «Иллирийской книги» «Римской истории» Аппиана, с кратким обзором Флора заключительная глава римской экспансии рисуется достаточно отчетливо. Особый интерес для нас представляют сведения Полибия, бывшего участником последней из пунических войн и свидетелем гибели Карфагена, а затем и Коринфа. История сопротивления Риму после уничтожения Македонии прекрасно обеспечена источниками. В основе лежит труд Полибия, современника и непосредственного участника событий. Хотя книги, относящиеся к этим десятилетиям, дошли лишь в отрывках, собранные Полибием факты сохранены римскими историками Титом Ливием и Аппианом, черпавшими информацию из труда Полибия. Связное изложение событий этих лет сохранили также Диодор Сицилийский и Юстин, сокративший обширный труд Помпея Трога. Полибий резко осуждал любое движение, препятствовавшее Риму осуществлять историческую, по его мнению, миссию объединения всех народов.

Полибий останавливается и на событиях в Испании — войне с Вириатом и Нумантинской войне. Однако ввиду плохой сохранности этих книг наиболее полная картина черпается современными историками из труда Тита Ливия и «Иберийской книги» Аппиана, в которой 38 первых глав и главы 76–98 посвящены Нумантинской войне, главы же 63–75 — восстанию Вириата. Рассказ о Нумантинской войне содержит также биография Тиберия Граха у Плутарха.

Для оценки завещания Аттала и последовавшего затем восстания Аристоника, напротив, нет компактного источника, и восстанавливать связанные с ним события приходится в сопоставлении отрывочных сведений, содержащихся у отдельных авторов, и здесь особое значение приобретает эпиграфика. Наиболее ценный материал дает почти полностью сохранившийся Пергамский декрет 133 г., отразивший ту тревожную обстановку, которая сложилась в Пергаме накануне восстания гелионолитов. Этот декрет устанавливает кары (лишение гражданских прав и конфискацию имущества) для тех, кто «покинул город или его территорию по случаю смерти царя или собирается его покинуть». Указание на то, что декрет войдет в силу только «после одобрения римского народа», ясно показывает проримскую позицию городской верхушки, напуганной нарастающей волной народного движения.

Для характеристики положения провинций, практически не претерпевшего существенных изменений вплоть до установления империи, наиболее компактный материал содержат относящиеся к более позднему времени речи Цицерона против наместника Сицилии Верреса и переписка времен его наместничества в одной из малоазийских провинций. Переписка эта раскрывает и систему управления провинцией, и функции наместника во всех их проявлениях, и весь объем военной, судебной и административной власти, и обязанность ее населения, и активность откупщиков и ростовщиков на ее территории, и отношение к римской власти различных слоев населения.

К литературным данным добавляется целый ряд надписей, характеризующих построенную на принципе «Разделяй и властвуй» политику Рима по отношению к городам провинций, некоторые из которых получают статус свободных. По надписям ясно прослеживается градация внутри этой привилегированной категории. «Свобода» одних городов удостоверяется дого-

вором между городом и сенатом, в котором отмечается предоставление городу автономии во внутренних делах и освобождение от налогов в мирное время (во время войны они обязаны поставлять вспомогательные отряды и корабли). Другая категория свободных городов, обретая автономию не по договору, а из рук сената, также получала автономию во внутренних делах. Некоторые из надписей фиксируют их право сохранять собственное судопроизводство, другие — показывают, что освобождение от налогов даруется сенатом далеко не во всех случаях.

Глава 27

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Завоевания, превратившие Рим в мировую державу, внесли существенные изменения в его экономику, общественную организацию и государственную структуру. Италия становится центром средиземноморского мира и получает возможность пользоваться ресурсами провинций, обогащаясь за их счет. Государство, сохранившее полисную организацию, не обладало бюрократическим аппаратом, который мог бы быть использован и для эксплуатации провинций, и это привело к гипертрофированному росту системы откупа налогов и общественных работ. Огромные денежные средства, доставшиеся местникам провинций и откупщикам, будучи обращены на обработку земель с помощью рабского труда, ставят на край пропасти римских и итальянских земледельцев, главную силу победоносной армии. Перефразируя реплику, будто бы брошенную галльским вождем Бренном, «Горе побежденным!», участники битв с Антиохом III, Персеем и осады Карфагена могли бы сказать: «Горе победителям!».

Римское государство, начавшись как патрицианская община (*civitas*), ко II в. проделало большой исторический и правовой путь, включив в свой состав обширные завоеванные территории вместе с многочисленным подвластным населением. Однако сама система власти не испытала сколько-нибудь существенных изменений, сохраняя старую общинную форму, не соответствующую новым задачам государства в сфере экономики, социальных отношений и права. Проблемы такого рода вставали перед греческим полисом в V—IV вв., но масштабы их в Риме соответствовали огромности размеров государственной территории. Социальные катаклизмы вылились в гражданские войны, начавшиеся в 30-х гг. II в. и длившиеся целое столетие.

Сенат и сенаторское сословие. Руководящая роль в победоносных войнах III—II вв. принадлежала сенату, направлявшему внешнюю политику и выдвигавшему из своей среды высший командный состав. Сенат в этот период был опорой нобилитета. В нем занимали господствующее положение патрицианские роды — Корнелии, Эмилии, Клавдии, Валерии, но наряду с ними выделились и плебейские роды — Ливии, Семпронии, Цецилии Метеллы. Дос-

туп в состав патрицианско-плебейского сената, а следовательно, нобилитета был затруднен из-за сопротивления нобилей, не желавших делиться с кем-либо огромными выгодами, которые стала приносить государственная деятельность.

У сената не было постоянной резиденции. Его заседания происходили то в курии Гостилия на форуме, то в каком-либо из римских храмов, всегда при закрытых дверях. Согласно установленному обычаю прения осуществлялись в порядке иерархического старшинства, а голосование — с помощью перехода из одной части помещения в другую. Чужестранные правители или послы могли вызываться в сенат для заявлений или дачи показаний, но при голосовании присутствие посторонних не допускалось.

Будучи едиными в защите своих корпоративных интересов, сенаторы порой сталкивались между собой в борьбе за высшие магистратуры и важнейшие жреческие должности. Возникали разного рода группировки — *партии* (от лат. *pars, partis* — часть). Партии вступали в жесткие конфликты, в которых одной из главных опор была масса клиентов, которые к этому времени превратились в толпу прихлебателей при своих патронах. Основным средством борьбы стала политическая демагогия. Некоторые нобили объявляли себя защитниками низов и выдвигали законодательные предложения, выгодные мелким земледельцам. И именно в это время появляются анналы, в которых до небес возносятся предки Валериев, Клавдиев и других влиятельных родов. История превращается в орудие политической пропаганды.

Сенаторы и внешне отличались от других граждан. Они носили туники с широкой пурпурной каймой, которая была видна из-под тоги. Знаки отличия сенаторов были частью окружавшего их публичного почета. Ему должно было соответствовать поведение каждого сенатора, не наносящее урона достоинству (*dignitas*) senatorского сословия в целом. Об этом должны были заботиться *цензоры*, составлявшие каждые пять лет список (*album*) сенаторов, из которого исключали тех, кто запятнал себя недостойным поведением. Поэтому в римском сенате, несмотря на острые конфликты между отдельными партиями, были невозможны взаимные оскорбления и драки.

Магистраты. Сенат как корпорация не обладал исполнительной властью, хотя ее носители — магистраты — являлись его членами. Ко II в. система магистратур окончательно сформировалась и определилась ее спецификация: высшие и низшие магистраты, плебейские магистраты, избиравшиеся по традиции эпохи сословной борьбы из плебеев, ординарные и экстраординарные магистраты.

В правовом отношении магистратура основывалась на трех принципах — годичности, коллегиальности и последующей ответственности за деятельность, Теоретически магистратура была открыта всем гражданам, но практически магистратами становились представители немногих фамилий. Не разрешалось занимать несколько должностей одновременно. В 186 г. был установлен многоступенчатый порядок занятия магистратур: *квестор*, *курульный эдил*, *претор*, *консул*. К высшим ступеням допускались лишь те, кто прошел низшие. Одновременно вводился возрастной ценз для занимающих низшие должности — 27 лет и двухлетний промежуток между прохождением каждой последующей ступени. Лицо, претендующее на должность, должно было появляться перед гражданами в белоснежной тоге (символ чистоты), что было немаловажным средством агитации. Существовали и другие способы привлечения к себе внимания избирателей, но во II в. еще не доходило до серьезных злоупотреблений.

По мере расширения римских владений число магистратов увеличивалось. В 242 г. к существовавшей ранее должности городского претора (*praetor urbanus*) добавилась должность *praetor peregrinus*, ведавший отношениями между гражданами и чужеземцами. После образования провинций Сицилии и Сардинии (241 г.) прибавилось еще по одному претору для каждой из этих провинций. В 197 г. появились два претора для двух провинций на Пиренейском полуострове.

Римский народ. Официальная формула римской власти — *senatus populusque romanus* (сенат и римский народ). Римский народ — это все лица, входящие в состав римского гражданства, в том числе и сенаторы. Но в формуле римской власти под *populus* имеются в виду те граждане, которые могли выразить свою волю через народное собрание и как бы находились в одной связке с сенатом. Римские комиции (собрания) были чем-то средним между спартанской апеллой и афинской экклесией. Они утверждали или отвергали предлагаемые на их рассмотрение решения, не вступая в их обсуждение. Но это осуществлялось не с помощью крика, как в Спарте, а путем системы голосования, однако не индивидуального, а по куриям, центуриям и трибам.

Центуриатные и трибутные комиции обладали во II в. реальным политическим влиянием. Велика была роль римского народа и в области уголовных наказаний. Народное собрание, принимая апелляцию гражданина (*provocatio ad populum*) могло отменить решение любого должностного лица. Казна формально принадлежала римскому народу. Международные договора заключались

от его имени. Армия объявлялась «войском народа римского». Народ в эпоху республики был воплощением истории римского государства. Историк Луций Анней Флор, современник императора Адриана, написал «Римскую историю» как повествование о том, «как возник римский народ, как он вырос и, так сказать, достиг расцвета сил». История была доведена Флором до времени Августа, ибо тогда место народа занял принцепс, обладающий личной властью. Сразу же после Августа народ и формально утратил право волеизъявления: народные собрания были отменены за ненадобностью.

Роль народа в Риме несопоставима с ролью демоса в греческих демократических полисах. Римское государство имело строй особого, неведомого в греческом мире типа. Народ находился на вторых ролях, но не исключался из системы власти. Последующие политические движения, до которых Полибий не дожил, ставили своей целью демократизацию римского государства, но они не имели успеха. Лишенный возможности влияния на политику римский народ превращается в «избирателей», продающих голоса тому, кто больше заплатит. Так что мыслящим людям эпохи гражданских войн время Полибия могло и впрямь показаться золотым веком и эпохой демократии.

Всадническое сословие. Откупа и ростовщические операции приносили неизмеримо большие доходы, чем владение землей и ее эксплуатация с использованием рабского труда. Поэтому, скорее всего, уже во второй половине III в. появились сенаторы, вкладывавшие средства в торговлю и ростовщичество. Реакцией на это стало принятие в 218 г. закона, запрещавшего сенаторам и их сыновьям иметь морские корабли емкостью более трехсот амфор. Изложив содержание этого закона, Тит Ливий поясняет, что такой корабль считался достаточным для перевозки урожая с полей, «в то время как всякая спекуляция казалась недостойной для сенатора». Возможно, что тогда же был принят и специальный закон, запрещавший сенаторам заниматься откупом, или же, как считает ряд исследователей, такой запрет входил в текст закона Клавдия. Во всяком случае, ни во II, ни в I вв. неизвестен ни один сенатор, прямо или косвенно занимавшийся откупными операциями. Подобного рода предпринимательство было сосредоточено в руках римского всадничества, которое в III—II вв. формируется в особое сословие, занимающее в государстве второе после нобилитета место. В это сословие входили лица, обладавшие соответствующим имущественным цензом. Они не облачались в тунику с широкой пурпурной

каймой и не обувались в сенаторские сапожки, но имели право носить золотое кольцо и занимать первые 14 рядов в театре (сенаторы сидели в орхестре). Откупа стали основой экономического могущества римских всадников. Поэтому в источниках слово «всадники» часто служит синонимом понятия «публиканы». Однако всадники одновременно были и крупными землевладельцами. Кроме того, что землевладение давало почет, земля была самым надежным способом вложения капитала.

Плебс. Римские граждане, не входившие в сенаторское и всадническое сословие, составляли *плебс*. Понятие «плебей» в раннюю эпоху римской истории и после завершения борьбы патрициев и плебеев имело разный смысл. К плебсу в римской литературе термин *ordo*, обычно переводимый как «сословие», применялся крайне редко, поскольку особым правовым положением и соответствующими ему внешними признаками плебс не пользовался. Но иногда в составе плебса выделялись профессиональные группы, например, эрарные трибуны, обслуживавшие казначейство. Плебс — это основная масса римского гражданства: мелкие земледельцы, ремесленники, мелкие торговцы, вольноотпущенники, люди неопределенных занятий. Между ними и влиятельными гражданами возникали отношения, определяемые словом «клиентела». Клиенты составляли свиту патрона, сопровождавшую его во время посещения форума, поддерживали его престиж своей многочисленностью, а во время суда — выкриками или аплодисментами, вербовали ему сторонников во время выборов, провожали его в последний путь во время похорон. Патроны оказывали клиентам материальную помощь, приглашали на обеды, делали подарки, предоставляли возможность наживаться на откупах. В клиентские отношения к видным политикам попадали целые общины в Италии и провинциях, и это давало обеим сторонам определенные выгоды.

Государственная собственность. Собственностью, принадлежащей римскому народу (государству), были пахотные земли, леса, природные ископаемые, денежные средства. В ходе завоеваний движимая и недвижимая собственность государства увеличивалась и ко II в. достигла огромных размеров. Однако для управления ею не потребовалось создания государственного аппарата, подобного тому, какой имелся в эллинистическом Египте или державе Селевкидов. В Риме господствовали частнособственнические отношения, защищаемые с помощью норм гражданского и уголовно-

го права. Вся земля, принадлежащая государству (*ager publicus*), сдавалась в аренду, бесплатно передавалась или продавалась. Борьба за *ager publicus* проходит красной нитью через всю историю римской республики.

Государственная казна *эрарий* (*aerarium*) получила название от *aes, aeris* (медь, деньги). Эрарий был хранилищем золота, серебра и драгоценностей, захваченных в войнах, полученных в виде контрибуций, чрезвычайных сборов среди римских граждан, налогов с населения римских провинций, таможенных сборов. Государственной казной распоряжались выборные должностные лица — квесторы, а распорядителем ее был сенат. Без его разрешения из эрария не мог быть взят ни один асс.

Местом эрария был храм Сатурна на форуме. Туда же вплоть до появления в начале I в. до н. э. специального здания (*табулярия* — от *tabula* — таблица) передавались на хранение тексты всех принятых законов, важные общественные акты. Таким образом, казна и государственный архив находились в одном здании, что вряд ли способствовало доступности документов. Ими пользовались очень немногие римские историки.

Римское право. Система римского права, сложившаяся в ее окончательной форме к концу более чем тысячелетней римской истории в виде свода законов, производит впечатление огромного здания. Его части взаимосвязаны, архитектурные детали просты и совершенны. Оно и было наследием, оставленным Римом миру. История того, как это здание созидалось, дает возможность понять в особом правовом разрезе историю превращения римского полиса (*civitas*) в мировую державу. Главной частью римского права стало *гражданское (цивильное) право*. Развитие его осуществлялось двумя путями: толкованием (*interpretatio*) законов XII таблиц и дальнейшим законотворчеством.

Первыми толкователями законов были жрецы-понтифики (дословно: мостостроители). Мосты находились под особым покровительством богов, и их сооружение требовало соблюдения специальных правил (в частности, запрещалось употребление железа). Контроль за строительством мостов входил в круг обязанностей понтификов по осуществлению связей между общиной и богами. Благодаря этому понтифики стали главной коллегией римских жрецов, а ее глава, «понтифик величайший», сделался главой римской религии, с которой теснейшим образом было связано *обычное право*. Не являясь должностными лицами, понтифики стали первыми юристами, а составляемые ими записи (*commentarii pontificum*),

оказались зародышем юридической литературы. Но к ним на протяжении нескольких столетий не допускался ни один посторонний человек. Лишь в 304 г. впервые Гней Флавий, вольноотпущенник и писарь Аппия Клавдия, похитил и обнародовал книгу об исках и исковых формулах, а затем опубликовал также и календарь присутственных дней (*dies fasti et nefasti*). Так была подорвана юридическая монополия жрецов и дан толчок светской юриспруденции.

Особую часть римского права составляло *государственное (публичное)* право, регулирующее положение Рима как общины и столицы сначала Италии, а затем и мировой державы. В его круг входили вопросы, связанные с общественной пользой и обязанностями выборных должностных лиц. Эпоха римской республики — это время наивысшего расцвета государственного права путем прямой законодательной деятельности народа. Законы принимались комициями, при этом законодательная инициатива исходила от магистрата, имевшего право действовать совместно с народом (*jus cum populi agendi*). Законопроект выставлялся на форуме для всеобщего ознакомления, по крайней мере, за месяц до комиций. Магистрат мог собирать сходки (*contio*) для разъяснения закона и агитации за него. Убедившись в том, что закон не найдет поддержки, он мог его снять, но внесение в закон каких-либо изменений или дополнений не разрешалось. В день комиций законопроект публично оглашался, после чего приступали к голосованию.

Почти вся деятельность римского гражданина в раннем Риме осуществлялась в рамках коллектива: рода (*gens*), семьи (*familia*), курии, трибы, центурии. Последующее правовое развитие шло в направлении индивида и утверждения им своих прав под солнцем. Во II в. сохраняла свои права римская *civitas*. Действовали коллегии, возникали сообщества типа корпораций публиканов, однако с неограниченной властью домовладыки было покончено. Римские женщины перестали быть затворницами, к возмущению таких консерваторов, как Катон Старший. В экономическом праве признаются их права как собственниц. Это явствует из закона Вокония (169 г.), ограничивавшего права наследства, которое могли получить женщины (к наследованию допускались лишь сестры).

В результате римских завоеваний, когда Рим стал центром мировой державы, в которую были насильственно включены многие народы, выросла особая ветвь римского права — *право народов* (*jus gentium*). Оно определяло отношения между римскими гражданами и чужестранцами — паломниками, которых становилось в Риме все больше и больше. Каждый год при вступлении в должность *praetor peregrinus* объявлял правила своей юрисдикции, становив-

шиеся правилами правопорядка для чужестранцев. Впоследствии многие положения «права народов» перетекали в институты римского права, способствуя его интернационализации и гуманизации. Выработывался подход, согласно которому основой права является природа человека или даже природа вообще. Такое право стали называть *естественным правом*. Однако в практической жизни оно не применялось.

От всего обширного законодательства II в. до нас дошли найденные еще в XVI в. бронзовые доски с записью законов о вымогательстве и аграрный закон. Содержание других законов устанавливается по сочинениям римских историков и юристов. Последние великоленно знали законы римской старины и нередко их цитировали; они также ссылались на юристов конца римской республики, чьи труды не сохранились.

Судопроизводство. Коренное изменение условий хозяйственной жизни потребовало приспособления к ней судопроизводства по гражданским и уголовным делам. Гражданский процесс был реформирован в середине II в. законом Эбуция, перекладывавшим обязанность формулировать предмет спора с плеч сторон на плечи претора. Исходя из объяснений сторон он излагал юридическую сущность спора в виде краткой формулы, передаваемой судьям в виде особой записки (откуда название «формулярный процесс»). В формуле указывалось имя судьи, которому направлялось дело, претензии истца и поручение судье обвинить или оправдать ответчика в зависимости от того, является ли претензия обоснованной. Например: «Октавий да будет судьей. Если окажется, что раб Стих составляет квинтскую собственность Авла Агерия, то ты, судья, Нумерия Нигидия обвини, если не окажется, — оправдай». Если предмет спора был более сложным, вводились разного рода оговорки, но в любом случае судья действовал на основании инструкции государственной власти в рамках закона. После вынесения приговора давался месячный срок для добровольного его исполнения. Если этого не происходило, назначалось взыскание. До 326 г. ответчик мог быть уведен истцом в свой дом в качестве раба. После отмены долгового рабства в пользу истца переходило имущество ответчика.

В отличие от гражданского исходной точкой уголовного процесса было преступление. Кодекса, определявшего, какие деяния являются преступными и каких наказаний они требуют, в Риме не существовало. Привлечение к судебной ответственности возлагалось на должностное лицо, которое и назначало наказание. Если

ого были смертная казнь или штраф, превышавший некую норму, обвиняемый мог апеллировать к народному собранию. Рост количества преступлений и отсутствие законодательных установлений потребовали создания во II в. специальных судебных комиссий, которые к концу республики почти вовсе устранили суд народных собраний. Первой из судебных комиссий была комиссия по делам о взятках и вымогательствах, учрежденная законом Корнелия от 149 г. Затем появляются комиссии по делам о разбое, об отравлении, о краже государственного имущества, об оскорблении величия римского народа. Каждая комиссия состояла из 120 судей со сроком полномочий один год.

Суд был открытым. Местом его был форум. Заседания происходили от восхода до заката солнца. Открывал судебные заседания претор. Убедившись в присутствии обвинителя и защитника, он предоставлял слово первому, после чего объявлял прения сторон. Лишь потом следовал допрос свидетелей, вслед за которым начинались новые прения.

В условиях функционировавшей в Риме системы провинциального управления суд приобретал особо важное значение. Римские должностные лица не оплачивались, как в демократических Афинах эпохи Перикла. Компенсацией за волнения в ходе избирательной кампании и за соответствующие расходы на угощение избирателей было назначение на должность наместника провинции. Поскольку суд первоначально находился в руках того же сената, грабителям провинций практически ничто не угрожало. Со 149 по 144 г. было принято 17 судебных законов, то передававших судебную власть всадникам, то возвращавших ее сенату, то деливших ее между ними. Уже из этого видно, что борьба за судебную власть отличалась особенной остротой. Никого не заботило, как скажется тот или иной из судебных законов на положении провинциального населения, хотя иногда и возникали разоблачительные судебные процессы, якобы для осуждения грабителей провинций, на самом же деле — для передачи судебной власти политической партии, стоящей в оппозиции господствующему режиму.

Психология римского права. Казалось бы, строгая формализация римского права и народная психология находятся на разных полюсах сознания. Более, чем какому-либо другому, ему свойственны тенденции абстрактности и всеобщности, но одновременно оно отличалось консерватизмом, и это позволяет за правовыми институтами разглядеть индивида, обладающего стойкой нацио-

нальной памятью и связанного по рукам и ногам пережитками национальной религии. Рим диктовал миру законы, пренебрегая национальными традициями народов, и именно это сделало римское право всеобщим.

Древнеримские историки, чьи произведения являются главным источником для изучения права римской общины, говорили о влиянии на римских законодателей законов Греции. Но, сравнивая законы XII таблиц с законами Залевка, Драконта, Солона, мы находим в них, помимо общности, обусловленной общим для всех народов процессом развития частнособственнических отношений, нечто особое, неповторимое, не имеющее аналогий. Создается впечатление, что законы XII таблиц не были результатом каких-либо государственных преобразований, а имели своим источником нечто такое, что может быть названо «римским духом». Именно поэтому возникает необычайная сложность их перевода на современные языки, за которыми стоит многовековая цивилизация, чуждая римлянам эпохи создания законов XII таблиц.

Уже в первой таблице законов мы сталкиваемся с понятием *jus*, которое одним словом не перевести. Это религиозная формула, выражающая элемент насилия, а не справедливости (санскритское *ju*, латинское *jugo*, славянское *иго*).

Исходя из современной терминологии и более позднего римского значения этого слова как «право» и места осуществления этого права — суда — начальные слова первой статьи таблицы *si jus vocat* так и переводят — «если зовет на суд». На самом же деле исторически вернее было бы передать *jus* древнерусским «правеж», ибо «правеж» и «право» — однокоренные слова. Это подтверждается заключительной частью статьи, употребляющей глагол *sarege* в отношении истца, которому предоставляется право «хватать» обвиняемого, чтобы силой доставить его на суд.

Таким образом, право — первоначально насилие над личностью. К этой же «правежной», а не правовой сфере семантически принадлежат слова *mancipium* — суверенная власть отца семьи, *mancipatio* — приобретение собственности (практически право сильной руки), *emancipatio* — освобождение от власти (дословно: из-под руки).

Эти примеры показывают, что исторический подход к римскому праву должен включать этимологию его терминов, которая сохраняет подлинную, не замутненную толкованиями римских юристов и историков первоначальную суть римского права как психологию и инструмент насилия над личностью.

Насилие — это основной закон римской жизни, пронизывающий их предания (похищение сабинянок, убийство Ромулом Рема) и их брачные обычаи (жених во время брачной церемонии приподнимал косу невесты копьем). Римский автор Фест, сообщая об этом обычае, напоминает, что копье, символизировавшее соединение оружия и власти, символизирует переход жены под полную власть мужа. Копье было также символом римской собственности при ее продаже, сопровождающейся формулой «продать под копьем». Копье определяло также размеры римского государства «без границ»: куда долетало копье, там и была временная его граница, которая легко передвигалась следующим броском копья. Да и формула римской власти *senatus populusque Romanus*, (сенат и римский народ) также не включала территории, распространяясь на все места, заселенные римскими колонистами.

Латинский термин *vir*, употреблявшийся для обозначения мужчины, этимологически включает понятие военной силы. Отсюда *virtus* — этимологически не доблесть и не мужество, а воинственность. Та же основа в древнерусском «вира» (штраф за убийство мужчины).

Почетное обозначение римских граждан *quirites* (квириты) древними толкователями возводилось к сабинскому *quiris* — копье.

Даже слово «защитник» (*vindex*: от *vim dicere* — утверждать силу) означало человека, не защищающего речью, а силой снимающего руку кредитора с плеча должника, силой доказывая его правоту.

Законы в обществах, которые можно назвать цивилизованными, заменили обычаи самосуда, включая и кровную месть. Децемвиры придали ряду кровавых обычаев римской старины силу законов: они отдали должника на расправу займодавцу, разрешив раскромсать его на части, если он был должен нескольким кредиторам; застигнутый ночью на чужом поле вор мог быть убит хозяином поля. Самосуд господствовал и в семейном праве. Отец бесконтрольно распоряжался жизнью сына; пойманного нарушителя супружеской верности в V в. по закону можно было лишить жизни, а в I в., когда законодательство была уже смягчено, — подвергнуть бичеванию. Такая участь постигла историка Саллюстия, и это самоуправство не было наказано.

В правовом отношении римская община воспринималась как остров во враждебном мире. Это нашло выражение в слове *hostis*, соответствующее славянскому «гость», но для римлян *hostis* — это и гость, и принимающий его хозяин, и чужестранец, чужак, а следовательно, враг. Соответственно *hospitium* — не столько гостепри-

имство в современном смысле слова, сколько обеспечение чужаку крыши над головой и оказание ему правовой защиты. Один из законов XII таблиц предусматривает в качестве наказания высылку за пределы римского государства, которыми в те времена было правобережье Тибра; также и в последующие годы отлучение от общинного очага (лишение земли и воды) считалось для гражданина одной из суровейших мер наказания.

Источники. По организации римской республики мы обладаем уникальным источником — обширным разделом шестой книги «Всеобщей истории» Полибия, специально посвященным римскому государственному устройству. Полибий ставил перед собой цель разобраться в причинах успеха Рима, завоевавшего средиземноморский мир в невероятно короткий срок. Он стремился не просто описать римские порядки, но проникнуть в их суть. Считая римское государственное устройство идеальной смешанной формой, сочетающей элементы демократии, аристократии и монархии, Полибий подробно останавливается на правах сената, магистратов и народа, и даже если он во многом субъективен в оценках, фактическая сторона всегда безупречна.

О функционировании римской государственной машины, помимо Полибия, мы знаем из многочисленных конкретных фактов, сообщаемых и многими другими авторами, не стремившимися к обобщениям. В соответствии со значительной ролью в жизни римского общества всаднического сословия информация о всадничестве в целом и об отдельных его представителях пронизывает труды практически всех авторов, излагавших историю республиканского Рима. К полибиевому теоретизированию о месте плебса в системе римского общества после завершения борьбы патрициев и плебеев добавляются сведения, извлекаемые из трудов более поздних авторов, любивших сопоставлять плебейскую массу времени падения римской республики, беспокойную и продажную, с плебеями героической поры римских завоеваний.

Особый характер носит круг источников, касающихся римского права и судопроизводства республиканской эпохи. Хотя здесь также немало литературных свидетельств о появлении и действии тех или иных законов, центральное место занимают судебные речи Цицерона и юридические тексты, систематизированные значительно позднее, но отражающие правовую практику более раннего времени. Эти тексты дошли и в юридических сочинениях, разбирающих сложные случаи гражданского и преторского права (Дигестах), и непосредственно в надписях. Кроме того, ссылки на действие различных законов постоянно приводятся в труде Сенеки Старшего, вобравшем многолетний опыт преподавания им ораторского искусства, — «Контroversиях»: сохранившиеся от этого труда учебные упражнения, способствовавшие подготовке судебных ораторов, то включают изложение сути закона, то полностью передают его формулировку.

НА СТЫКЕ КУЛЬТУР (III—II ВВ. ДО Н. Э.)*

В ходе длившихся столетиями войн трофеями римского народа становилось имущество побежденных, рассматриваемое как «добыча римского народа», — их земли, скот, а если противников захватывали на поле боя с оружием, то и они сами. Добычей становились и вражеские боги, не сумевшие защитить свой народ. Случалось, еще до решающего сражения римляне переманивали вражеских богов с помощью магических действий и уговоров, чтобы после взятия города перенести в Рим их статуи и под тем или другим именем водворить в своих храмах. Добычей римлян становились также обычаи недругов и их трудовые навыки. Большая часть того оружия, которое принято было называть римским, заимствована у врагов.

Но усвоение духовных ценностей и изобретений другого народа предполагает наличие определенного культурного уровня. Еще в III в. римляне унесли в качестве трофеев из одного захваченного ими на юге Италии греческого города мраморную плиту с делениями (солнечные часы) и, установив ее у себя на форуме, стали называть «нашими часами». Однажды в городе оказался чужестранец, ученый человек, обративший внимание на то, что полдень на римских часах не совпадает со временем вхождения солнца в зенит. До таких тонкостей, как широта, римляне, умевшие побеждать, не дошли, и были осмеяны как варвары.

В соприкосновении различных культур в III—II вв. римляне были берущей стороной. Они жили по чужому времени. Однако постепенно разрыв между римским временем и временем более развитых в культурном отношении народов — этрусков, эллинов и карфагенян — сокращался. От бездумного заимствования чужого культурного достояния римляне переходили к планомерному и сознательному его восприятию, к переводу на свою широту и долготу, к созданию собственной культуры.

Карфаген не должен быть разрушен. Когда перед Третьей Пунической войной едва ли не на каждом заседании сената Катон с маниакальным упорством твердил: «А все-таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен!» — слово «все-таки» предполагало, что у Катона был оппонент, доказывавший обратное. Имя этого оппонента известно: Сципион Назика. Это он говорил: «Карфаген не должен быть разрушен». Речь Назики не сохранилась. Но, судя по характеру этого человека, ставшего убийцей своего родственника Тиберия Гракха, он не призывал к милосердию, а приводил иные доводы в пользу сохранения Карфагена. Видимо, он считал концепцию «выжженной земли» ошибочной, опасаясь, что разрушение Карфагена усилит воинственных нумидийцев, сдерживаемых Карфагеном (впоследствии так и случилось). Кроме того,

* Глава написана совместно с Л.С. Ильинской.

Сципион Назика мог указать, что опыт Карфагена в агрономии, мореплавании, строительном деле может пригодиться Риму, и было бы неразумным уничтожать город, уже не опасный в военном отношении.

Сенат не внял доводам расчетливого политика, а пошел за Катонем, то ли уступив его настойчивости, то ли поддавшись чувству слепой мести. Было решено объявить войну Карфагену и уничтожить его. Однако, возможно, идя навстречу Сципиону Назике, было принято решение сохранить карфагенскую агрономическую литературу, которая хранила секрет смоквы удивительной величины и винограда необыкновенной сладости, — ведь именно эти культуры вызвали раздражение Катона и побудили его призывать к уничтожению торгового соперника.

Так в Рим попал агрономический трактат Магона, хорошо усвоенный римскими агрономами I в. до н. э. Они восприняли рекомендации Магона в отношении использования на сельскохозяйственных работах невольников и другие его советы. Очевидно и то, что из Карфагена к римлянам попал отчет Ганнона о его плавании за Столпы Мелькарта, ибо сразу же по следам Ганнона была отправлена в океан римская морская экспедиция, во главе которой был поставлен друг разрушителя Карфагена историк Полибий. Можно себе представить, сколько еще ценного могли бы извлечь для себя римляне, не будь Карфаген предан ими огню.

Раннее греческое влияние. Непосредственное знакомство римлян с греками и их культурой относится к ранним временам римской истории. Оно отложилось в легендах о кастеле, основанном на Палатине аркадянином Эвандром, в рассказах о втором римском царе Нуме Помпилии как ученике философа Пифагора. Многие достижения греческой культуры стали известны римлянам через этрусков, соприкасавшихся с греками на юге Италии. Это оливководство, якорь, театр. Латинский алфавит имеет греческое происхождение, но дошел он до римлян в этрусской переработке.

Первый прорыв в староримском укладе жизни приходится на начало III в. и связан с завоеванием Кампании и соприкосновением с культурой греческих колонистов Южной Италии. Греческое воздействие стало ощутимым во время походов, перенесших римских легионеров в мир чуждой им утонченной цивилизации. Как напишет впоследствии римский историк, в триумфальной процессии, отметившей победу над Тарентом, перед изумленными взорами римлян «вместо овец вольсков, стад сабинян, повозок галлов, сломанного оружия самнитов прошли золото, пурпур, знамена, кар-

тины, тарентийская роскошь». Правда, на этом этапе речь шла лишь о знакомстве с культурой Великой Греции, а не об усвоении ее достижений. Но уже тогда римские патриции порой дают своим детям греческие имена. На мраморных и туфовых могильных плитах, кроме характерной для римлянина сухой информации о покойном, появляются эпитафии, напоминающие греческие образцы. Тогда же в римский дом, ломая суровую строгость домашнего уклада, проникают греческие лежа на фигурных ножках. За трапезой уже не сидят, а возлежат, подобно грекам. Во время пиров избирают распорядителей, отличающихся от греческих лишь тем, что они обращаются к пирующим по-латыни.

Греческое влияние затрагивает в этот период и религиозную жизнь римлян, падая в известной мере на уже подготовленную этрусками почву. Ведь этруски еще в VI в. до н. э. успели ввести в римский обиход почитание богов-олимпийцев и соорудить им деревянные храмы со стенами, покрытыми терракотой. Когда после падения Сиракуз в Рим были доставлены мраморные статуи Зевса, Деметры, Асклепия, ими просто заменили находившиеся в римских храмах терракотовые статуи, изготовленные Вулкой из Вей и другими этрусскими мастерами.

Но если бы вскоре после окончания Второй Пунической войны каким-то чудом ожил и оказался в родном городе один из тех добропорядочных римлян, чьи восковые фигуры украшали атрии патрицианских домов, он бы задолго до Цицерона огласил форум воплем: «O tempora! O mores!» («O времена! O нравы!»). Конечно, больше всего поразил бы его утвердившийся к тому времени в Риме культ малоазийской богини Кибелы. Во время церемониального шествия по городу несли упавший с неба черный камень, в который внедрился дух восточной богини. Вокруг камня исступленно плясали юноши, на глазах у взбудораженной толпы терзавшие свою плоть и становившиеся скопцами. Пришелец с того света мог бы узнать, что богиня Кибела была переправлена в Рим с помощью такого же точно обряда, каким в его время доставили из Вей этрусскую Уни, которой дали имя «Юнона-царица». Но вряд ли бы это его успокоило, ибо праздник Кибелы не имел ничего общего с тем, что в его время называли религией, — это было восточное суеверие, противное обычаям и верованиям предков.

Тогда же в Риме появляется первый греческий портик, возведенный, как это ни странно, таким ревнителем римской старины и противником греческих новшеств, как Катон Старший. Но дух греческой культуры, раскрывавшийся в философии, был чужд практическим римлянам. Чужда им была и греческая идея состязательности (агона), спора, в ходе которого рождается истина. Об

этом свидетельствует рассказ о некоем римском проконсуле, который собрал афинских философов и, отчитав их за то, что они проводят жизнь в бесконечных спорах, предложил свое посредничество в примирении.

Рождение латинской литературы. В отличие от философии занятие литературой представлялось римлянам второй половины III—первой половины II в. не столь бессмысленным, поскольку в ней уже тогда ощутили оружие, способное служить государству и воспитанию патриотизма. Время зарождения литературы в Риме совпадает с успехами и неудачами римского оружия в борьбе с Ганнибалом.

Среди творцов и родоначальников римской литературы не было ни одного римского имени. Мы видим среди них грека Андроника — вольноотпущенника из фамилии Ливиев, получившего при освобождении родовое имя господина и ставшего **Ливием Андроником**, пунийца Теренция, тоже вольноотпущенника, не оставившего потомкам своего личного карфагенского имени, но добавившего к родовому имени господина кличку «Афр» (Африканец). Комедиограф Плавт, воспринимающийся как исконно римский автор, — тоже не римлянин, а италиец, равно как и создатель римского эпоса Энний, выходец из южноиталийского города Рудий, потомок мессапских царей. Но создаваемая ими литература была римской литературой, поскольку ее языком была латынь. При этом литературе в собственном смысле предшествовала народная устная традиция, придавшая ей италийскую специфику.

Предшественницей римской комедии была *ателлана*, получившая название от кампанского города Ателла, расположенного на полпути между Капуей и Неаполем. Первоначально она исполнялась на языке осков и долгое время фигурировала в Риме под названием «оскское зрелище». Видимо, проникнув в Рим вскоре после строительства Аппиевой дороги (312 г.) ателлана постепенно вытеснила сценические игры этрусского происхождения. В III—II вв. ателлана была любимым зрелищем римского простонародья. Ее актеры назывались этрусским термином «гистрионы». Об актерах ателлан этого периода ничего не известно.

Ателлана — это одноактная пьеса с постоянными четырьмя масками: Макк, Буккон, Папп, Доссен. Первая из масок, Макк, — глупец, который мог выступать едва ли не во всех ролях. Макка все обманывают, над ним смеются. Часто он сам падает на подмостках, разбивая себе голову, или его бьют, обычно за любовные похождения, для него неизменно оканчивающиеся неудачей. Буккон — человек с большими щеками, надутый дурак и обжора, во многом на-

поминающий прихлебателей-паразитов новой греческой комедии. Папп (греч. «папаша») — глупый, жадный и смешной старик. Доссен — злой горбун, шарлатан и всезнайка, карикатура на ученого.

В столкновении масок ателланы жизнь представляла зрителям со всеми ее бытовыми подробностями и общественными проблемами, давая им разрядку и выход возмущению. Ателланы изобиловали грубыми шутками, двусмысленностями, но наряду с этим — злободневными политическими намеками. Народность этого зрелища подчеркивалась также тем, что древнейшие ателланы исполнялись не профессионалами-актерами, а любителями. Если профессиональные актеры, третиравшиеся как люди низкого происхождения, не допускались к почетной для граждан воинской службе и не пользовались избирательными правами, то на исполнителей ателлан эти ограничения не распространялись.

Ливий Андроник. В истории Средиземноморья и отдельных его регионов чаще всего народы, более продвинутые в культурном отношении, покоряли племена и народы, стоящие значительно ниже их в общем и культурном развитии. Но в конце III и первой половине II в. менее культурный народ оказался победителем народов более цивилизованных. Со временем контраст в культурном уровне греков и римлян исчезнет. Но вначале римляне были обречены на роль подражателей, и только очень немногие римские писатели и художники могли соперничать с греками — как с современниками, так и с теми, что уже считались классиками. И, конечно, последующий расцвет был немислим без стадии ученичества. При этом не римляне отправляются в Грецию на учение, а сами учителя, греки или италики, овладевшие греческой культурой, оказываются теми или иными путями в Риме.

Основателя римской литературы **Ливия Андроника**, грека из Тарента, провели по Риму во время триумфа 272 г. и показали ликующим квиритам вместе «с золотом, пурпуром, знаменами, картинами» и иной тарентинской роскошью. Сам ставший частью зрелища, он должен был три десятилетия спустя организовать для римлян представление невиданного ими типа — впервые поставить греческую комедию (240 г.).

До этого Ливий Андроник был домашним учителем, обучавшим детей господина греческому языку и литературе. Освоив язык победителей, Ливий стал преподавать юным римлянам и латинский, уже в собственной школе на форуме, вбивая в них латинскую грамматику с помощью ферулы (розги). И сразу же он столкнулся с трудностями. Ученики не усваивали грамматику без текста. И Ливий создал этот текст, переведя на латынь «Одиссею». Кажется, это был

первый в истории европейской литературы художественный перевод с языка на язык.

Ливий не стал себя сковывать ни стихотворным размером подлинника, ни точностью передачи образной системы. Ничтоже сумняшеся, он заменял чуждые римскому уху имена греческих богов сходно звучащими латинскими. Так, не опасаясь гнева грозной богини судьбы Мойры, перед которой склонялись даже олимпийцы, он обозвал ее Мортой. Мать муз Мнемосина превратилась у него в «Монету», хотя в этом эпитете богини Юноны, имевшем значение «советчица», не было ничего общего с Мнемосиной, за исключением, быть может, лишь того, что обладание памятью (Мнемосина — память) необходимо каждому, занимающемуся наставлениями. Слово «муза» было непривычным римлянину III в. до н. э., поэтому он заменил его Каменной, нимфой протекавшего возле Рима священного ручья. Начальная строка «Одиссеи» («Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который...») приобрела в латинском переводе Ливия такой вид: «Камена, возвести мне об изворотливом муже». Эпитет «изворотливый» придавал греческому слову особый оттенок, соответствующий представлениям римлян о греке (или «грекуле» — «гречишке») с его умением ко всему приспособливаться и находить выход из любого положения. Приближенная к образу мыслей римлян «Одиссея» в переводе Ливия стала своего рода книгой книг. Этому немало способствовало то обстоятельство, что переводчик отказался от плавного и торжественного гомеровского гекзаметра и передал текст спотыкающимся сатурнийским стихом, используемым римлянами в насмешливых песенках и в эпитафиях. Так великая греческая поэма стала фактом римской литературы и зеркалом римского образа мыслей и представлений о мире.

Следуя по пути развития греческой литературы (от эпоса к драме), Ливий обратился к новому для себя жанру и в короткое время создал девять трагедий («Ахилл», «Эгисф», «Аякс-биченосец», «Андромеда», «Даная», «Троянский конь», «Гермиона», «Терей», «Ино») и три комедии («Маленький меч», «Актер», «Обрезанец»). Судя по этим названиям и нескольким десяткам сохранившихся стихов, Ливий переделывал греческий оригинал, следуя выработанному им при переводе «Одиссеи» методу. При этом он не только создавал тексты, но и сам исполнял и интерпретировал их на подмостках временного римского театра: ему приходилось декламировать, плясать и петь перед публикой в полном одиночестве, и лишь после того как он сорвал голос, ему предоставили мальчика для пения.

Необычайная талантливость Ливия не осталась незамеченной на римском Олимпе. В 207 г., после победы, одержанной римлянами над пришедшим в Италию на подмогу Ганнибалу его

братом Газдрубалом, сенат поручил ему восславить победителей в гимне. Он это поручение выполнил, но исполнение гимна было передано двадцати семи римским девам. И впервые с того времени, как его в цепях привели в Рим, тарентинец оказался зрителем и слушателем.

Гней Невий. У Ливия Андроника нашелся талантливый продолжатель — Гней Невий, для которого латынь, кажется, была родным языком. Как истинный поэт Невий не ставил своей целью развлекать современников. Он обладал собственным видением мира и не разделял жизненной позиции тех, кто стремился к благополучию и склонялся перед сильными. Из уст Невия впервые в римской литературе прозвучала хвала свободе:

Всегда ценил свободу
И ставил я гораздо выше денег.

В годы, когда в Риме безраздельно господствовали и одерживали победы над Ганнибалом Сципионы и Метеллы, Невий написал:

Злым роком посланы Метеллы консулы.

Будто бы кто-то из Метеллов ответил на это стихом:

Дадут Метеллы трепку Невию поэту.

Кажется, это обещание было выполнено. Во всяком случае известно, что Невий был взят под стражу, а после освобождения выслан в африканский город Утику.

Как и Ливий Андроник, Невий пробовал силы в создании трагедий на сюжеты греческой мифологии. Но, не ограничившись этим, он писал трагедии и на темы римской истории. Их герои выступали на подмостках не в греческом гиматии, а в римской претексте (отсюда и одноименное название самого жанра — «претекста»). Одна из претекст была посвящена победе, одержанной римским полководцем Марцеллом над галлами при Клустидии (222 г.). Другая, от которой сохранилось всего четыре стиха, называлась «Ромул, или волк». Не потому ли на нее не имеется ссылок, что она вскрывала повадки основателя Рима, вскормленного волчицей?

Откликаясь на животрепещущие события римской истории, Невий написал сатурнийским стихом поэму «Пуническая война». Известно, что она была посвящена I Пунической войне, но не исключено, что Невий перебрасывал мостик и к современной ему Ганнибаловой войне.

Поэма Невия начиналась с бегства троянского героя Энея из пылающего города. Затем Эней попадал в Карфаген, где правила царица Дидона, а из Карфагена направлялся в Италию — там его внуку Ромулу предстояло основать Рим. Троянская легенда выводила Рим из исторического захолустья и давала предка-основателя, сына самой Венеры, варварскому городу, где почитали каких-то божков. Поэма в полной мере отвечала новой роли Рима, которой он добился в ходе завоевания Италии и войн с Карфагеном.

Тит Макций Плавт. Превзошел всех своих предшественников в драматическом жанре **Плавт** (250—184). Прибыв в Рим юношей, он приобщился к сцене (то ли в качестве рабочего, то ли актера, скорее всего, второе, потому что не встречающееся больше ни у кого имя Макций — не что иное, как Макк ателланы). Плавт полностью отказался от написания трагедий и занялся комедиями. А чтобы избавить их от всего, что могло показаться неинтересным римскому зрителю, он стал практиковать соединение двух или даже трех греческих комедий в одну, перенося из одной в другую и сюжетные линии, и отдельные сцены, и просто удачные реплики героев, если они усиливали комизм.

Непрекращающийся по ходу представления смех вызывали и ситуации, в которых оказывались герои, и преувеличенно высокопарные речи по ничтожному поводу, особенно когда они звучали из уст персонажа, явно к таким речам непривычного, и сама внешность действующих лиц в масках, и, конечно же, целые каскады острот, порой грубых, из лексикона римской улицы.

Действие комедий Плавта разворачивалось в городах с греческими названиями, персонажи носили греческие имена и греческую одежду, и можно было вздохнуть над пороками и смешными положениями, не оскорбляя этим достоинства римского народа. Но пороки эти были присущи самим римлянам, и это способствовало живости восприятия действия, разворачивавшегося на временно сколоченных подмостках.

Обычными персонажами Плавта были алчные сводники и безжалостные ростовщики, ненавистные римскому плебсу, честные бедняки, в которых большинство зрителей готово было узнать себя, прихлебатели-паразиты, рвущиеся к даровому обеду, ворчливые и скупые отцы, редко понимающие своих легкомысленных сыновей, порой влюбленных в бесприданницу или даже гетеру (оказывающуюся чаще всего похищенной или подброшенной в детстве дочерью достойных родителей), ловкий изворотливый раб, помогающий слабохарактерному господину соединиться с возлюбленной. Чтобы эти рабы, своевольные и даже дерзкие в

глазах римской публики, не шокировали зрителя, Плавт заставляет их намного чаще, чем того требует сюжет, задумываться над угрозой наказания.

Гетеры новоаттической комедии превращались Плавтом в весьма вульгарных обитательниц типично римских лупанаров (публичных домов). Парасит, соответствующий в римском восприятии фигуре клиента, был начисто лишен того, за что прикармливали парасита на греческом пиру, — утонченного, блестящего остроумия, превращавшегося в острую приправу к даровой трапезе.

Понятными и «своими» делало комедии Плавта и то, что обитатели греческих городов действовали на улицах и в кварталах с римскими названиями, проходили мимо знакомых римских построек, посещали форум, торопились в курию, чтобы не опоздать к распределению провинций (которых у греков, как известно, не было). Их должностные лица назывались «консулы», «цензоры», «трибуны». Они ели чисто римскую пищу, могли порой вспомнить о «побежденных пунийцах» и пересыпали речь римскими поговорками («волк в овчарне», «горе побежденным», «собирать дождь в решете», «человек человеку волк», «пустить козла в огород», «поздно копать колодец, когда глотка пересохла», «обух мудрее рукояти», «слезы лить — что воду решетом носить»).

И сами сюжеты перелавганившихся Плавтом пьес вполне устраивали римлян. В них были похищения возлюбленных с их последующим поиском и желанной встречей, недоразумения и веселая путаница, связанная со сходством близнецов, любовная интрига («Там, где приправой любовь, пьеса любая по вкусу»).

Не имеющая себе равных популярность Плавта стала причиной того, что под его именем появилось множество ему не принадлежавших комедий. Через век после кончины поэта римскому ученому Теренцию Варрону пришлось немало потрудиться, чтобы из ста тридцати приписывавшихся Плавту пьес выделить двадцать одну, авторство которых исследователь признал бесспорным.

После того как в 1429 г. была открыта рукопись с комедиями Плавта, римский драматург, покоривший весь мир, завоевывает и Европу. Подобно тому, как сам Плавт перерабатывал комедии Менандра, его произведения перерабатываются гениями нового времени. Пьеса Плавта «Менехмы» легла в основу остроумной и веселой «Комедии ошибок» Шекспира. Прославленная комедия Мольера «Скупой» — переделка комедии Плавта «Горшок», полностью сохранившая две особенно смешные сцены: обращение героя к публике с мольбой отыскать украденные драгоценности и взаимное непонимание при встрече с обольстителем дочери.

Квинт Энний. Не меньшей славой, чем Плавт, пользовался среди римлян его младший современник италиец **Квинт Энний** (239—169). В конце Ганнибаловой войны он служил в римском войске, оккупировавшем Сардинию, и обратил на себя внимание квестора Марка Порция Катона, который взял его с собою в Рим. Там Энний стал учителем греческого и латинского языков и вскоре был замечен победителем Ганнибала Сципионом Африканским.

К тому времени основатели римской литературы Ливий Андроник и Невий сошли со сцены, и Энний занял их место вместе с Плавтом. Уступив Плавту комедию, Энний взвалил на себя эпос. Он создал грандиозную эпопею, вобравшую всю римскую историю. «Анналы» Энния, насчитывавшие 18 книг, начинались со времени прибытия Энея в Италию и были доведены, по крайней мере, до 179 г. Во введении к поэме, написанном под влиянием подобных введений Каллимаха, Энний рассказывает о сне, в котором ему явилась тень Гомера, оповестив, что отныне в нем живет душа Гомера.

Замахнувшись на такое, Энний задался целью раскрыть римскую историю как бы глазами Гомера и его поэтическими средствами, используя в своих «Анналах» гекзаметр. Гомер заговорил по-латыни, и этот варварский язык благодаря таланту Энния впервые обнаружил заложенные в нем и еще никем не раскрытые возможности. Вместо сухого изложения фактов и имен римская история предстала как череда сменяющихся друг друга правителей и воинов, которым не чуждо ничто человеческое. Вслед за Гомером Энний вводит в свой стих постоянные формулы типа «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос», выбирая их из арсенала архаической латинской поэзии. В «Анналах» предстает не только римская история, но и сам Энний — поэт, философ, человек, — ибо в поэме присутствуют автобиографические мотивы.

Энний не промелькнул, как метеор, по небу римской поэзии, — он взошел в этом небе планетой, окруженной спутниками. Ими стали его ученики Цецилий и Пакувий, племянник поэта, а через поколение — Цицерон, не устававший восхищаться Эннием. И не было у Энния соперника, пока во времена Августа за ту же тему римской истории не взялся этрусский пророк Вергилий. Соперничество двух поэтов — все равно что противостояние двух светил: один не в состоянии ни затмить, ни вытеснить другого. Во всяком случае, в Риме времен императоров, когда имелась возможность видеть обе звезды сразу и сравнивать их, находились знатоки литературы, отдававшие предпочтение Эннию, несмотря на то, что его язык в то время звучал и воспринимался так, как нами язык Ломоносова.

Ныне из восемнадцати поэтических книг Энния сохранилось всего 600 разрозненных строк. Сгорела ли звезда Энния? Нет. Несколько лет назад среди обугленных свитков Геркуланума отыскивали рукопись Энния. Будем верить, что звезда Энния взойдет и на нашем небосклоне.

Теренций. Если Сципион Старший покровительствовал Эннию, то Сципион Эмилиан был покровителем поэта младшего поколения — **Теренция Афра** (190—159). Это второй классик римской комедии, которого в древности постоянно сравнивали с Плавтом. В комедиях Плавта звучали голоса разноликой римской улицы, герои же шести комедий Теренция, которые он успел создать за свою недолгую жизнь, заговорили, хотя и разговорным языком, но не толпы, а римских нобилей. Видимо, это и вызвало слухи, будто истинными авторами комедий Теренция были Сципион Эмилиан и его друг Лелий. Действуя в сюжетных рамках новой греческой комедии и подчиняясь ее канонам, персонажи Теренция выглядели людьми возвышенными, облагороженными. В его комедиях ставилась и раскрывалась проблема воспитания человека в духе гуманистических установок. В них почти нет грубых сцен, скабрёзностей — всего того, что делало комедию привлекательной для простого люда. Да и сентенции, звучащие из уст действующих лиц комедий Теренция, близки к греческим или просто заимствованы: «ничего сверх меры», «правда порождает ненависть», «я человек, и ничто человеческое мне не чуждо», «смелым помогает судьба», «за деньги я надежд не покупаю, а за надежду денег не плачу», «когда двое делают одно и то же, — это уже не одно и то же».

Комедии Теренция, в отличие от пьес Плавта, уже несколько десятилетий спустя после его ухода из жизни сошли с подмостков, но ими продолжали восхищаться в образованных кругах и изучать в школах. По ним, созданным карфагенянином, римские юноши постигали литературный язык, которому в Риме начали придавать все большее и большее значение.

Красноречие. Искусство убеждать в эпоху великих римских завоеваний стало составной частью главного из римских искусств — искусства побеждать. Римские полководцы были одновременно и ораторами. Конечно же, они не произносили речей на поле боя. Но им постоянно приходилось использовать силу слова как в собственном лагере, когда не удавалось поддерживать дисциплину наказаниями, так и в переговорах с вражескими посланцами и военачальниками. Школой красноречия были сенат, где в дискуссиях приходи-

лось обосновывать свою точку зрения, и суд, приобретающий все большее значение в ходе борьбы группировок. Специфически римской областью приложения красноречия были патрицианские похороны, когда у гроба с телом отца, поставленного близ роствра, сын должен был произнести речь о его заслугах.

В годы Второй Пунической войны златоустом в Риме считался Марк Корнелий Цетег. Энний, воспевая красноречие Цетега в «Анналах», назвал его красой римского народа и душой богини Свады (Убеждения). Римский пантеон не знал богини с таким именем. Свада — это неточный перевод имени греческой богини красноречия Пейфо, о которой на ее родине, в Афинах, писали, что ее Олимп — уста Перикла.

О силе речей младшего современника Цетега, **Катона**, можно судить по тому, что они погубили Карфаген, этот великий город с тысячелетней историей. За свою долгую жизнь Катон произнес множество речей, которые он, в отличие от его предшественников в ораторском искусстве, записывал. Через сто лет после смерти Катона величайший из римских ораторов Цицерон отыскал более ста пятидесяти речей Катона и дал им такую оценку: «Кто был внушительнее его в похвале, язвительнее в порицании, остроумнее в изречениях, яснее в изложении и рассуждении?». Некоторые из речей Катона дошли до наших дней. Наиболее любопытна та из них, в которой раетель добрых старых нравов обрушивается на римских матрон, украшавших себя, в отличие от образцовых матерей и жен прошлого, драгоценностями, натиравшихся восточными благовонными маслами и бродивших по городу, вводя в соблазн квиритов. Обращаясь к сенаторам, Катон требовал, чтобы они призвали своих жен и матерей к порядку, и шутливо угрожал им судьбою греков, которые, дав своим супругам волю, вынуждены были заниматься женскими делами. Как видим, Катон читал комедию Аристофана или знал ее содержание. Но греческого ораторского искусства Катон не изучал и в своих речах не использовал его приемов. Его девиз: «Знай дело, слова найдутся».

В отличие от Катона его современник Гай Лелий, друг Сципиона Эмилиана и спутник его побед, прошел греческую школу красноречия. Он прославился своими речами в сенате и выступлениями в суде. Лелий изъяснялся красиво и убедительно, но в его речах не чувствовалось страсти, темперамента, и поэтому ему не всегда удавалось добиться успеха. К тому же речи его звучали старомодно: призывая к восприятию достижений греческой культуры к новому для Рима образу жизни, Лелий пользовался устаревшими словами и выражениями.

История. Сохранение памяти о прошлом, так же как и красноречие, с давних пор считалось в Риме занятием, достойным патриция и угодным богам. Оно считалось привилегией понтификов, которые вели из года в год записи, отмечая не мудрствуя лукаво, кого из сограждан удостоили высшими почестями — избранием в консулы, преторы, цензоры, с кем из соседей вели переговоры, а с кем войны, какие знамена посылали римлянам боги и какие меры были приняты для предотвращения гнева небожителей. Эти записи делались на выбеленных досках (отсюда наше «альбом»), которые выставлялись на форуме для всеобщего обозрения, а потом хранились в храме в назидание потомству.

Когда Рим вышел на мировую арену и римляне узнали, к своему удивлению о существовании у других народов исторических трудов, появилась потребность дополнить погодные записи (анналы) историей. Казалось бы, чего проще! Добудь папирус или пергамент, бери в руки стиль и пиши историю на родном языке! Но первый, кому пришлось в голову это сделать, столкнулся с непредвиденными трудностями: оказалось, что в латыни, языке, которым он пользовался в быту и, не менее успешно, на форуме и в курии, почти не было слов для обозначения исторических и философских понятий и идей. И пришлось этому римлянину (имя его Фабий Пиктор) воспользоваться для написания римской истории греческим языком. Зачем же он взялся за это, понимая, что его труд не будет прочитан преобладающей массой сограждан? Скорее всего, его история была адресована не читателям-соотечественникам, а сицилийским грекам, союзникам Рима в войне с Ганнибалом. Она не содержала осмысления событий Ганнибаловой войны, а давала лишь их оценку с позиций патриота, стремившегося доказать, что карфагеняне — это людоеды и чудовища, а римляне — честные и порядочные люди, которым выгодно помочь, не опасаясь каких-либо подвохов с их стороны.

У Фабия Пиктора отыскался последователь, римский сенатор, составивший историю по-гречески во время войн Рима с Персеем. Тогда в Риме уже появилось немало людей, которые знали греческий и могли оценить этот труд. Обращаясь к своим читателям, историк в предисловии просил простить ему ошибки в языке, которым овладел не в полной мере. Естественно, Катон обрушился на соседа по сенатской скамье со всей колкостью своего красноречия: «Не знаешь языка, зачем пишешь и извиняешься!». Очевидно, именно тогда Катон задумал доказать, что история может быть написана и по-латыни.

Однако прежде чем он успел осуществить свое намерение, в Риме появился настоящий историк. И, как и первый римский ли-

тератор, не по своей воле! Правда, его не водили, как Ливия Андроника, по Италии в цепях, не показывали зевакам на триумфальной процессии. Он прибыл на корабле, набитом, как пифос сельдями, такими же, как он, заложниками. Но, словно бы по воле музы Клио, пожелавшей, чтобы ей поклонялись и в Риме, его не отправили в болота Этрурии, где вскоре погибли почти все остальные пассажиры прибывшего в Остию корабля, а оставили в городе на семи холмах и поселили в доме Эмилия Павла, победителя македонского царя Персея. Этого пленника Рима звали **Полибием**. Впоследствии Цицерон скажет о нем: «наш Полибий».

Полибий, сын стратега Ахейского союза Ликорты, сам занимавший вторую по значению выборную должность в этом союзе, успевший побывать в качестве дипломата в Египте, потерял все, что имел у себя на родине в Мегалополе, но в варварском Риме он обрел досуг, столь необходимый для осмысления судеб человечества. Оказавшись приближенным к первым людям государства, он стал очевидцем таких переломных событий, как разрушение Карфагена, Коринфа, война с Нуманцией. Начальник конницы у себя на родине, Полибий сделался в Риме историком, охватившим в своем труде события всего круга земель. Без этого труда, ставшего в Риме недостижимым образцом, история оставалась бы на уровне анналов или пропагандистского сочинения Фабия Пиктора.

«Всеобщая история» Полибия — ценнейший источник для понимания сложного пути взаимодействия средиземноморских культур (без нее эта глава вряд ли могла быть написана). Как человек и политик, приветствовавший обогащение Рима греческой культурой, Полибий надеялся, что и римляне, в свою очередь, будут рассматривать его родину не как «добычу римского народа», а как партнера, пусть и более слабого, но способного дать новым владыкам мира то, чего им так не хватало, — культуру и образованность. И здесь его ждало двойное разочарование: римляне оставались потомками вскормленного волчицей Ромула, а его соотечественники, воочию убедившиеся в том, что такое Рим, видели в нем, Полибии, предателя.

В Риме Полибий столкнулся не только с поклонниками греческой культуры — такими, как семья, где он жил, но и с влиятельными политиками, которые, подобно Катону, видели во всем греческом угрозу старым добрым нравам и военному могуществу Рима. Слово «философ» было для них ругательством, чтение — пустой тратой времени, наука — надувательством, греческий образ жизни — развратом.

Полибий оказался свидетелем той устроенной претором Аницием драки греческих актеров, о которой уже говорилось выше. Был он очевидцем и другого эпизода, не менее показательного для оцен-

ки культурного уровня римлян середины II в. до н. э. Во время разрушения Коринфа солдаты играли в кости на брошенных наземь картинах знаменитейших греческих художников, и он слышал, как полководец Муммий, от него же узнавший о ценности этих «размазанных досок», отдал приказ: «Доски собрать, сосчитать и доставить в Рим. Если хоть одна пропадет, вас малевать заставлю».

Культурные перемены. Подобные эпизоды не должны создавать впечатления, что Рим первой половины II в. был городом только дикарей и невежд. Рядом с муммиями и анициями в городе жил Публий Сульпиций Галл, которому исполнение обязанностей претора, а затем консула не помешало изучать астрономию, используя для этого звездный глобус Архимеда. В битве при Пидне он предсказал лунное затмение, чем способствовал победе римского оружия. Глава школы филологов Пергама Кратет примерно тогда же прибыл в Рим и, по неосторожности свалившись в клоаку, сломал ногу. Во время вынужденной зимовки в Риме он был окружен учениками, и они сумели применить полученные от него знания на практике, разделив на части главы поэм Невия и Энния.

Фактом большого культурного значения было появление в Риме первой значительной частной библиотеки. Она прибыла точно так же, как Ливий Андроник, Теренций и многие другие чужестранцы, определившие культурное лицо города на семи холмах, — в качестве военной добычи. Но библиотека не разделила судьбу других трофеев Второй Македонской войны, которые пополнили государственную казну, а стала собственностью сыновей триумфатора. Трудно сказать, связано ли это было с отсутствием в Риме специального помещения для хранения книг или с непониманием того, что книги представляют ценность. Во всяком случае, в Риме появилась библиотека, которой могли пользоваться образованные люди из высшего общества.

Дом сыновей Эмилия Павла, среди которых вскоре выделился Сципион Эмилиан, стал местом, где собирались любители греческой литературы и философии. Это было первое объединение но культурным, а не культовым или профессиональным интересом. В кружок Сципиона входили Полибий, Теренций, Гай Лелий, Луцилий и многие другие выдающиеся люди того времени.

Постепенно стал изменяться и внешний облик Рима, что в немалой мере было связано с соперничеством между патрицианскими и плебейскими семьями в строительстве общественных зданий. После сооружения патрициями храмов из военной добычи на Капитолии и Палатине представитель плебейского рода Тиберий Семпроний Гракх в 238 г. воздвиг на Авентине храм Свободы. Цирку Фла-

миния, сооруженному Гаем Фламинием Непотом на Марсовом поле, в 221 г., было противопоставлено устройство плебейских игр в Цирке Величайшем. В начале II в. в Риме была начата постройка первого каменного театра, но все, что успели построить, было разрушено по распоряжению сената «как вещь бесполезная и вредная обычаям».

Радикальной перестройке подвергается форум. На месте примыкавших к нему домов, выкупленных у семей Маниев и Тициев, Катон Старший, расширив пространство форума, возводит базилику, получившую его имя (184 г.), сооружение нового для Рима типа (здание, разделенное колоннами на несколько частей). На месте архаического здания царского атрия появляется Эмилиева базилика (179 г.). Настоящим украшением города стали статуи и другие памятники — трофеи римского оружия. Метелл Македонский, тот самый, что разбил Андриска и ахейцев, привез из Македонии целый отряд конных бронзовых статуй, а также обнес портиками два храма. На месте снесенных трущоб в городе появились сады. Но все же Рим II в. до н. э. еще не соответствовал своей роли столицы мировой державы.

О жилых домах римлян можно судить по ранним (II в. до н. э.) домам Помпей, стены которых были расписаны в так называемом «первом помпейском стиле». Ярко-красные полы с белыми узорами сочетались с геометрической разбивкой стен на квадраты, как правило, в темных сдержанных тонах. В италийское жилище входит греческий перистиль, занимающий особое место в общей композиции дома. Помпейские перистили в отличие от тех, которые нам известны по раскопкам в греческом Олинфе, не мостились — они были садом или лугом, куском природы, перенесенным в город. Богатые дома в Помпеях имели декоративно обработанные фасады, приобретая формальные черты общественного сооружения. В этом проявилось различие задач, которые ставили перед строителями собственники домов в Греции предэллинистической эпохи и республиканского Рима.

VI КРИЗИС И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Глава 29

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ КАТАКЛИЗМЫ 30—20-Х ГГ. II В. ДО Н. Э.

Борьба группировок в сенате, соперничество сенаторов и всадников на почве эксплуатации провинций были на некоторое время отодвинуты выступлениями низов, угрожавшими власти вершителей судеб Рима. Действующей силой истории становятся бесправные рабы, отнюдь не угрожавшие сложившейся социально-экономической системе, просто сражавшиеся за свободу. Их выступления, бывшие одним из проявлений кризиса аграрных отношений, показали, какую угрозу благополучию свободного населения, связанного с сельским хозяйством и ремеслом, а заодно и государству, представляет безудержная погоня за богатством, бесконтрольное ограбление провинций и порабощение их населения. Аграрный кризис перерастает в кризис римского политического строя и в гражданскую войну. В борьбе за землю и власть на протяжении столетия участвуют сложившиеся в эти десятилетия партии популяров и оптиматов.

Живой товар. Ни одно из средиземноморских обществ не обходилось без рабовладения и торговли живым товаром. Даже в скифских степях и германских лесах пленники становились рабами. Скифы ослепляли своих рабов, возлагая на них уход за скотом. В Риме рабство появилось в древнейшую эпоху. Как свидетельствуют законы XII таблиц, отец мог продавать в рабство собственных детей. В рабство обращали за неуплату долгов и за некоторые уголовные преступления, но количество рабов в те времена было умеренным, и серьезного экономического значения рабство не имело.

Римские завоевания III—II вв. наводнили Италию рабами. В 177 г. было порабощено 20 000 сардов, в 167 г. — 150 000 эпиротов. В это число не входят многочисленные пленники, захваченные на поле боя. За легионами толпами следовали торговцы, которые перекупали пленных. Некоторых легионеры оставляли себе.

Торговля рабами была узаконенным и широко распространенным занятием, хотя и квалифицировалась в римской комедии на-

чала II в. как грязное ремесло. На священном острове Аполлона Делосе, превращенном римлянами в рабский рынок, ежедневно продавалось до 10 000 невольников. В самом Риме распродажа живого товара шла на прибрежном Бычьем рынке (один день продавали скот, другой — рабов). Их выставляли на вращающемся деревянном помосте. У чужеземцев ноги были вымазаны мелом, на головы военнопленных надевали венки. У каждого на шее должна была висеть табличка с перечислением недостатков (достоинства обычно выкрикивал глашатай). Изъяны, не объявленные при продаже, давали покупателю право вернуть товар продавцу в течение месяца (а при обнаружившейся эпилепсии — и в течение года). Цены на рабов колебались в зависимости от количества привезенных на продажу, квалификации, молодости и здоровья невольников, но обычной ценой здорового раба, не имеющего специальности, было 200—300 денариев.

Раб считался такой же собственностью владельца, как домашнее животное и плуг. Он не обладал какими бы то ни было правами и не признавался личностью. Это определяло положение раба и способы его эксплуатации.

Катон разрешал за определенную плату вступать своим рабам в связь с рабынями. Рождавшихся детей он обучал какой-либо профессии, чтобы затем продать их подороже. Он разработал для своих сельских и городских рабов нормы поведения и наказаний. Наказания по этому «кодексу» назначались «судьями» из числа самих рабов и производились публично. Самым тяжелым и типичным из наказаний за побег было распятие на кресте.

Применение рабского труда. Численность городского населения росла, и требовалось все больше и больше продуктов питания. Содержание рабов в сельских условиях было для рачительного хозяина выгоднее, поскольку там дешевле было их прокормить (используя отходы хозяйства) и удобнее охранять. Катон Старший — один из первых римлян, поставивших использование сельских рабов на научную основу. Он выработал нормативы их кормления, позволяющие при строжайшей экономии добиваться наивысшей продуктивности рабского труда. Рабы получали пищу в зависимости от затрат энергии. Когда продуктивность труда сходила на нет, Катон рекомендовал продать раба на рынке. Конечно, иногда старого и больного раба сбыть не удавалось. В этом случае рабовладелец в Риме мог тут же переправить пришедшую в негодность собственность на остров Эскулапа посреди Тибра, где забота о несчастном вручалась богу медицины. Стоны умирающих

от голода или болезни рабов в этом случае не мешали ни домашним, ни соседям.

Труд рабов испокон времен применялся в рудниках и каменоломнях Италии и всех римских провинций. Добытый камень шел на строительство дорог и зданий. Мощные дороги стратегического и торгового назначения, пересекавшие всю Италию и сходящиеся в Риме, сооружались руками невольников. Из рабов составляли отряды, которые строили сельские и городские виллы, театры, цирки, храмы. Особенно интенсивно использовался труд невольников в сельском хозяйстве. В критических случаях рабов привлекали в качестве воинов.

Распоряжались римляне не только физической силой рабов, но и их интеллектом. Сохранилось известие о рабе, обладавшем феноменальной памятью и знавшем наизусть греческих поэтов. Хозяин сажал его на пиру у своих ног как своеобразного суфлера, чтобы, повторяя его реплики, сойти за образованного человека. Рабы были секретарями, учителями, делопроизводителями. Надо думать, что многое из того, что дошло до нас под именами знатных римлян, на самом деле создано их образованными невольниками.

Рабам, обслуживающим господ в их городских апартаментах, как правило, жилось легче — так же, как городской собаке по сравнению с сельским псом. Случалось, им доставались объедки с господского стола. Порой господин поручал им какое-нибудь доходное дело. Именно городские рабы чаще всего становились вольноотпущенниками. Но сколько требовалось испытать унижений, какую проявить изворотливость, а иногда и подлость по отношению к товарищам по несчастью, чтобы получить желанную свободу. За сто лет в число римских граждан влилось столько вольноотпущенников и их потомков, что этот демографический фактор нельзя сбрасывать со счетов при решении вопроса, почему республика сменилась монархией. Привычка угождать господам переросла в привычку рабствовать перед принцепсами, свойственную именно той прослойке населения, которая была опорой империи. Потомкам патрицианских родов труднее было привыкнуть к этому, и именно на них обрушивался гнев новых владык круга земель.

Рабы не только кормили, одевали своих господ, ухаживали за ними — они их и развлекали. Театральные труппы, странствовавшие по всей Италии, состояли из рабов и вольноотпущенников. Поэтому профессия актера, даже если он был свободным, считалась позорной. Особым видом развлечения стало искусство красиво убивать и услаждать публику зрелищем своих страданий. Гладнаторские бои были изобретением этрусков, но этрусски

пользовались ими исключительно во время похорон, чтобы насытить кровью душу умершего. Римляне превратили этот погребальный обряд в индустрию смерти. Зрелище, считавшееся у этрусков таинством, было пущено римлянами на арену для развлечения толпы. Одновременно с гладиаторскими боями в жизнь римлян вошла и травля зверей, доставлявшихся главным образом из подвластной Риму Африки. Зверей разной породы стравливали друг с другом, выводили против них специально обученных гладиаторов (бестиариев), бросали им на съедение беглых рабов и преступников.

Сельское хозяйство. Открывшиеся возможности массового использования рабского труда и колоссальный приток денежных средств способствовали наивысшему в истории Италии расцвету сельского хозяйства, продолжавшего оставаться основной отраслью римской экономики. Рабы, согнанные в Италию со всего круга земель, вырубали леса, осушили болота, взрыхлили плотную землю, превратили ее в цветущие сады и колосающиеся поля. Именно в это время консервативные римские хозяева жадно впитывают опыт передовой карфагенской и греческой агрономии. На латинский язык переводится труд карфагенского агронома Магона и как его отголосок появляется первое агрономическое сочинение на латинском языке, автором которого был известный политический деятель Катон.

Занятие сельским хозяйством Катон считает делом не только выгодным, но и патриотическим: «Из земледельцев выходят храбрейшие мужи и самые находчивые воины, земледелие есть занятие наиболее благочестивое и устойчивое, людям же, которые ему предаются, менее всего свойственен другой образ мыслей». По этой преамбуле можно было бы ожидать, что Катон расскажет о земледельцах типа древнего римского героя Цинцинната, узнавшего о назначении его диктатором во время собственноручной пахоты. Однако далее идет речь о покупке поместья (виллы) и обработке его руками рабов, которыми руководит управляющий (виллик). Катон советует вести хозяйство поблизости от города, моря, судоходной реки или людной дороги. Главное для него — экономия и возможность извлечения наибольшего дохода. Наряду с рабами Катон советует в страду нанимать для сбора урожая свободных работников. Вот они, цинциннаты II в., местные малостоятельные крестьяне, к которым вместо гонца от сената приходит раб-виллик, набирающий по дешевке артель уборщиков урожая.

Итак, во времена Катона «добрый земледелец» — это римлянин, обладающий значительными средствами для покупки земли (цены на нее во II в. резко возросли), при этом, скорее всего, не имеющий опыта хозяйствования на земле, а если и имеющий, то обрабатывавший когда-то землю дедовской сошкой и никогда не занимавшийся виноградарством, продуктивным огородничеством или оливководством (хлебное поле Катон по степени доходности ставит на последнее место — не потому ли, что в Италию хлынул из провинций дешевый хлеб?).

Во II в. мелкие наделы, обрабатывавшиеся свободными или полузависимыми земледельцами, во всяком случае на сельскохозяйственной территории, примыкающей к крупным городам, уступают место рабовладельческому поместью средних размеров. Носителями прогресса в сельском хозяйстве и экономике в целом были люди типа Катона — того самого Катона, который призывал разрушить Карфаген с его образцовым сельским хозяйством и был противником всяких новшеств в быту и культуре.

Откуп. Но все-таки откуда у римлянина, приобретшего свиток Катона и решившего по его совету заняться сельским хозяйством, появились большие свободные деньги? Ответ на этот вопрос дает труд грека Полибия, современника Катона и его счастливого соперника на ниве историописания: «Многие работы во всей Италии, перечислить которые было бы нелегко, по управлению и сооружению общественных зданий, а также многие реки, гавани, сады, рудники, земли, — короче говоря все, что находится во власти римлян, отдается цензорами на откуп. Все поименованное находится в ведении народа, и можно сказать, что почти все граждане причастны к откупам и получаемым через них выгодам».

Откуп не был изобретением римлян. Он практиковался на Востоке, в Греции, в эллинистических государствах, но никогда еще в античности откуп не достигал таких размеров, а откупщики такого могущества, как в Риме. С одной стороны, это было связано с огромными размерами римского государства и соответственно с большим количеством налогов и общественных работ; с другой — с колоссальной концентрацией богатств в руках частных лиц и возможностями широкого использования рабского труда. Дешевизна и легкость приобретения рабов на рынке делала выгодным для частных лиц откуп различных отраслей государственного хозяйства, в которых было невыгодно использовать свободный труд. Римские откупщики назывались *публиканами*. Согласно юридическим текстам «публиканы это лица, берущие на откуп госу-

дарственные подати и пошлины. Свое название они получили в связи с тем, что вносили подать в государственную (*publicus*) казну, или вследствие того, что для них собирают подати». Публиканы вносили деньги, получая право взыскивать отданную ими сумму с процентами с налогоплательщиков. В отличие от частных ростовщиков, ссужавших деньги отдельным лицам, публиканы ссужали деньгами государство и взыскивали долг с государственных должников.

Рабы составляли главную часть персонала, используемого компаниями публиканов для сбора налогов, поэтому римские юристы обозначали этот персонал термином, используемым обычно применительно к рабам (*familia publicanorum*).

Рабский труд широко применялся и при осуществлении общественных работ. Значительное скопление рабов создавало угрозу для государства, и с этим связано появление закона, запрещавшего использование в золотых рудниках более пяти тысяч рабов (по этому закону в 142 г. были привлечены к ответственности публиканы в связи со вспышкой восстания в Южной Италии, где рабы использовались для добычи смолы). Однако закон этот имел силу лишь на территории Италии. Так, на серебряных рудниках Испании, согласно Полибию, работало до 40 000 рабов.

Компании публиканов были сообществами лиц, вкладывающих в дело свою долю капитала. Доходы делились в соответствии с долей каждого. Этими долями спекулировали. Они давали доход в зависимости от политической и военной ситуации. Компании, бравшие на откуп налоги Малой Азии, могли разориться, если «их» провинция угрожала внешней опасностью. Поэтому при решении вопроса о назначении главнокомандующего армии, отправляемой на Восток, они действовали с наибольшей заинтересованностью, оказывая давление на сенат и должностных лиц.

Торговля и денежные операции. Объединение Средиземноморья под властью Рима способствовало развитию торговли, приобретшей поистине международный характер. И ранее Италия в силу ее географического положения была центром транзитной торговли. Теперь же в нее потекло все, что можно было с выгодой приобрести в римских провинциях и зависимых от Рима царствах — рабы, зерно, предметы роскоши. Экономика Италии не могла конкурировать с высокоразвитым производством многих районов Средиземноморья. Торговый баланс складывался не в пользу Италии, но наличие в Риме огромных денежных средств от взимания налогов, ростовщичества и прямого грабежа в провинциях давали возможность закупать вне Италии все необходимое.

Главным инструментом торговли были деньги. Первоначально римляне отливали свои ассы в храме Юноны Монеты. После овладения Италией в 269 г. стал выпускаться серебряный денарий (досл. — «десятка») с надписью *Romano*. За денарий давали сначала 10 ассов, но и впоследствии, когда он поднялся в цене и стал стоить 16 ассов, за ним сохранили старое название. Между 225 и 212 гг. была выпущена серия монет с изображением богини победы Виктории, несущейся на квадриге. Эти монеты так и назывались — квадригатами.

Сухопутная торговля обслуживалась целой сетью римских дорог. К Аппиевой дороге присоединилась Эгнациева дорога, ведущая в Грецию (148 г.), и Домициева дорога в Галлию (121 г.). Торговыми артериями были судоходные реки, главными портами, принимавшими морские суда, — Тарент и Неаполь. Впоследствии на первое место выдвигаются Путеолы и Остия.

Наряду с факторами, благоприятствующими торговле, римское завоевание способствовало и развитию такого негативного явления, как пиратство. После уничтожения родосского владычества в Эгиде там расцвел морской разбой. Пираты не только безнаказанно захватывали торговые корабли, но и нападали на порты. Римские торговцы скупали их добычу и рабов.

В обороте, наряду с римскими монетами, находились и монеты других государств, что вызвало появление профессиональных менял. Денежные операции (займы под проценты, перечисление денежных сумм в другие города и страны) осуществляли группы финансистов, созданные по образцу аналогичных греческих объединений. Об их деятельности во II в. можно судить по несколько более поздним сведениям о такого рода дельцах. Один из них, Квинт Косидий, в 63 г. смог субсидировать римское государство суммой в 15 миллионов сестерций. Особую выгоду давало страхование кораблей, которым угрожали бури и пираты.

Мелкие земледельцы. Какие бы широкие возможности ни открывали система откупа, торговля, ростовщичество, значительная часть населения Италии продолжала кормиться собственным трудом. На севере полуострова, как показывают надписи, даже во II в. н. э. сохранялись сельские общины. В остальных частях Италии имелись места, далекие от городов, судоходных рек и людных дорог, куда не заглядывали читатели и почитатели Катона. Крестьянское хозяйство не могло соперничать с рабовладельческим поместьем, но прокормить небольшую семью оно было в состоянии. Крестьянские семьи в Италии были большими. Нередко встреча-

лись имена Квинт, Секст, Децим, означающие, что пять, шесть, десять сыновей в семье не редкость. Сбор урожая в страдную пору был для всех этих Квинтов, Секстов и Децимов лишь временным выходом из положения. Приходилось уходить на заработки в города, и прежде всего в Рим, в надежде, что там требуются рабочие руки. Но чаще всего надежда где-либо устроиться не оправдывалась — ведь и в городах ремесленные работы выполнялись ремесленниками-рабами и вольноотпущенниками.

Восстание Евна. Следствием небывалого по масштабам и жестокости римского рабства были массовые возмущения и восстания рабов. Первое из них вспыхнуло в римской провинции Сицилии, населенной по побережью преимущественно греками, а на внутренних территориях — сикулами, поработоченными греками еще в VII—VI вв. до н. э. Сицилийские греки массами скупали рабов, доставлявшихся на остров отовсюду. Бежать из Сицилии было практически невозможно. Порой о пропитании рабов не заботились, полагая, что они могут добыть его себе сами. Когда к сицилийскому греку Дамофилу явились несколько рабов с просьбой выдать одежду на холодное время года, он приказал их высечь, приговаривая: «Разве путешественники по нашей стране ездят голыми?». Жена этого же Дамофила, Мегаллида, издевалась над служанками, подвергая их každодневной порке.

Терпение рабов Дамофила иссякло, и они обратились к рабу-прорицателю Евну, чтобы испросить совета, как действовать. Приложив ухо к земле, Евн заявил, что богиня призывает к оружию. Вооружившись и связав друг друга взаимными клятвами, восставшие ночью ворвались в Энну. Город оказался в их руках. Вскоре привели не успевших скрыться Мегаллиду и Дамофила.

С улиц Энны действие перенеслось в театр на склонах городского холма. Сооруженный некогда рабами и на протяжении нескольких столетий закрытый для них, он стал местом небывалого спектакля. Каменные скамьи и проходы между ними заполнили рабы, обретшие оружие и с ним не расстававшиеся. На оркестре разыгрывалась трагедия Софокла или Еврипида — перед зрителями предстало зрелище суда. На оркестре восседали в господских одеяниях вчерашние рабы, они же судьи, а перед ними стояли на коленях их вчерашние властители — Дамофил и Мегаллида. Слово для защиты было предоставлено главе семейства. Дамофил произносил, кажется, впервые в жизни речь, доказывая, что он не худший из господ, что он не заставлял их работать в каменоломнях, разрешал им заниматься грабежом и только один раз, чтобы позабавиться, запряг их в колесницу. Зрителям показалось,

что судьи склоняются к оправданию Дамофила, и тогда брошенный кем-то дротик пронзил «актера» насквозь. Мегаллида от защиты вроде бы отказалась. По примеру римлян, устраивавших из наказаний зрелище, да и самой Мегаллиды, ее следовало подвергнуть мукам тут же, на орхестре. Но судьи, знавшие правило классического театра — смерть и муки не должны совершаться на глазах у зрителей, — его не нарушили: Мегаллиду отдали ее служанкам, и те ее увели.

Сириец Евн был избран царем и принял распространенное в династии Селевкидов имя Антиох. Для восставших он стал освободителем. Очевидно, освободителя видели в нем и сикулы, которые помнили о своих древних царях и надеялись в союзе с рабами добиться желанной свободы, за которую боролись несколько сотен лет. Приверженности сикулов царю-чужеземцу, возможно, способствовало и то, что он был жрецом «Матери богов», почитавшейся и ими. Членами царского совета, сообщает историк восстания Диодор Сицилийский, «Евн назначил людей, которые казались выдающимися по уму». Имя одного из них, Ахей, указывает на то, что это был соотечественник Полибия, скорее всего, один из участников ахейской войны 146 г., проданный римлянами в рабство и нашедший возможность в Сицилии отомстить за разрушение Коринфа и обращение в рабство жителей многих ахейских городов. Ахей возглавил царское войско и прошел по всей Сицилии, освобождая рабов и принимая их в свои ряды.

На западе острова возник самостоятельный очаг восстания во главе с киликийцем Клеоном. Клеон и Ахей, объединившись, разгромили восьмитысячный отряд во главе с римским претором. Не имел успеха и консул 134 г. Успешнее действовал консул 133 г., захвативший Мессану и уничтоживший там 8 000 восставших. Но осадить Энну, ставшую столицей восставших, и взять ее удалось лишь консулу 132 г. Тогда же остров был очищен от скрывавшихся в горах небольших отрядов рабов. Так было подавлено одно из величайших в древности рабских восстаний.

Тиберий Гракх. Одновременно назревает и набирает силу движение мелких земледельцев под руководством **Тиберия Гракха**. К роли руководителя Тиберий был подготовлен жизненным опытом и воспитанием. Внук победителя Ганнибала Корнелия Сципиона, он как рядовой воин участвовал в осаде и взятии Карфагена, был квестором в армии Манцина и способствовал заключению справедливого договора с нумантинцами. Отказ сената утвердить этот договор и выдача Манцина противнику были восприняты Тиберием как вопиющая несправедливость, подобная той, из-за которой его

дед покинул Рим и ушел в добровольное изгнание. Несправедливой считал Тиберий и ту ситуацию, в которой оказались римские и италийские воины-победители, не находившие себе места на родной земле: эту землю обрабатывали рабы-чужеземцы.

Воспитатели Тиберия грек Диофан из Митилены и италиец **Блоссий** из Кум привили юноше идеи стоической философии, предусматривавшей деятельное участие в защите общественной справедливости.

Необходимость аграрной реформы с целью возрождения в Италии свободного крестьянства давно уже дискутировалась в кружке Сципиона, к которому принадлежал и Тиберий Гракх. Член этого кружка Гай Лелий (сын того самого Лелия, который был близким другом Сципиона Старшего) предложил закон об ограничении в пользовании общественной землей и наделении из общественного фонда наиболее в ней нуждающихся. Однако, встретив ожесточенное сопротивление крупных земельных собственников, он снял свое предложение. Уверяли, что после такого проявления непоследовательности или трусости он получил прозвище «Мудрый». Этот инцидент помог Тиберию понять, что цели можно добиться лишь вопреки сенату, опираясь на поддержку тех, кто лишен земли и заинтересован в ней. В 134 г. он выдвинул свою кандидатуру на должность народного трибуна. Поскольку по отцу Тиберий принадлежал к плебейскому роду Семпрониев, трибунат был для него открыт.

Объявленное кандидатом в трибуны намерение провести земельную реформу встретило среди избирателей небывалый энтузиазм. Плебеи не только отдали свои голоса за Тиберия Гракха, но испещрили надписями стены, призывая его к решительным действиям.

Вступив в должность, Тиберий Гракх предложил народному собранию вернуться к старому закону Секстия и Лициния, по которому максимальный размер общественной земли (*ager publicus*) в руках отдельных лиц составлял 500 югеров, смягчив его разрешением иметь по 250 югеров еще и двоим из взрослых сыновей держателя общественной земли, так что семья могла владеть 1000 югерами (250 гектарами). Из земли, возвращенной государству, предполагалось выделить неимущим наделы по 30 югеров в наследственную и неотчуждаемую аренду. Участок 30 югеров в 5–6 раз превышал размеры участков 5–7 югеров, которыми обладали мелкие земледельцы. Он стал бы основой для создания крепкого крестьянского хозяйства, которое могло противостоять крупному сенаторскому и всадническому землевладению. Тиберий Гракх был более щедр, чем впоследствии Гай Марий, выделивший сво-

им ветеранам за долгую тяжелую службу всего по 14 югеров земли. Осуществление этой реформы было поручено комиссии, наделенной чрезвычайными полномочиями сроком на один год и с правом последующего переизбрания.

Видные юристы из числа нобилей признали справедливость его доводов и обещали поддержку в сенате. Но те, кто владел общественной землей, кому участки перешли от отцов и дедов, не собирались с ними расставаться. Им казалось несправедливым отдавать землю, в которую вложен труд и средства нескольких поколений. Конфронтация между плебсом и нобилитетом, которая становилась неизбежной при принятии закона, грозила, по мнению многих, большими опасностями, чем разорение крестьянства, все равно неизбежное. Тиберий к тому же не мог рассчитывать на то, что слушавшие его и аплодировавшие ему будут его стойкими сторонниками — ведь многие худо-бедно устроились в городе, нашли себе покровителей среди нобилей, тех же владельцев общественной земли. Да и сама жизнь в столице мира, несмотря на неудобства, все же представлялась привлекательной.

Тем не менее законопроект был принят, хотя и не без сопротивления. Один из народных трибунов, друг Тиберия **Марк Октавий**, наложил на законопроект вето. Попытки уговорить Октавия, обещая ему возмещение личных утрат от земельного закона, не помогли. И Тиберий поставил на голосование вопрос: «Должен ли трибун, противодействующий народу, оставаться в должности народного трибуна?». Такая постановка вопроса была юридически незаконной: того, что ныне называют «импичментом», римская конституция не знала. Магистрата можно было привлечь к ответственности лишь тогда, когда он становился частным лицом. Лишение Марка Октавия власти, какими бы соображениями оно ни диктовалось, противоречило законам и вековым традициям Рима. Тиберий логикой политической борьбы был поставлен в положение нарушителя закона, и это давало основание тем, кто держался за общественные земли, считать его мятежником.

Комиссия по проведению аграрного закона, в которую кроме Тиберия вошли его брат Гай и тесть Аппий Клавдий, столкнулась не только с недовольством крупных землевладельцев и противодействием сената, но и с трудностями, для Тиберия неожиданными. Земельные участки, предназначенные для плебеев, без инвентаря, тяглового скота, семян не разбирались, а полагаться на финансовую помощь сената не приходилось.

В это время царь Аттал III завещал свое царство и богатства «сенату и римскому народу». Официальную формулу римского

государства Тиберий истолковал таким образом, что сенату в управление достается Пергам, а сокровища Аттала — народу, на обзаведение всем необходимым для обработки передаваемых участков. Это было еще одно нарушение закона, ибо и внешняя политика, и управление, и финансы являлись прерогативой сената, и без его ведома нельзя было распоряжаться денежными средствами.

Напряжение нарастало. Именно в этот период наиболее активные из нобилей стали называть себя *оптиматами* (от латинского слова *optimus* — наилучший). Оптиматы опирались на сенат. В противовес оптиматам тогда же возникает «партия» *популярлов* (от слова *populus* — народ, поскольку популярлы опирались на народное собрание). Первыми популярлами были сторонники Тиберия Гракха.

Между тем истекал годичный срок трибуната. Для доведения до конца аграрной реформы и для принятия законов, способных укрепить положение реформатора, требовалось переизбрание. Это противоречило римской практике. Тиберию все же удалось поставить свою кандидатуру на голосование, но выборы были назначены сенатом на время сбора урожая, что лишало Гракха поддержки наиболее активных его сторонников.

В первый день выборов часть триб отдала голоса Гракху. На следующий день дело дошло до потасовки между сторонниками и противниками реформ. В результате Гракх и триста его приверженцев были забиты камнями и палками. Их тела бросили в Тибр. «Таким, — заключает римский историк, — было в Риме начало эпохи гражданских кровопролитий и безнаказанных убийств. С этого времени закон был подавлен силой и могущественный выдвигался на первое место, разногласия между гражданами, ранее смягчавшиеся уступками, теперь стали разрешаться оружием».

Политическая борьба в Риме после гибели Гракха. Несмотря на кровавое подавление гракханского движения, передел земли продолжался. Очень важной для судеб реформы была позиция влиятельнейшего военного и политического деятеля Сципиона Эмилиана. Во время происшедшей в Риме трагедии, коснувшейся Сципиона лично (Тиберий был братом его жены), реагируя на гибель Гракха, Сципион прочел строку Гомера: «Так да погибнет каждый, задумавший дело такое». Да и в Риме на вопрос народного трибуна об отношении к убийству Тиберия Сципион ответил: «Если Гракх имел намерение захватить в государстве власть, то был убит по праву». Когда из уст толпы вырвался вопль возмущения, Сципион сказал: «Я не был напуган кличем вооруженных врагов, уст-

рашить ли меня вам, кому Италия не мать, а мачеха». Это оскорбление стоило Сципиону жизни: через несколько дней он был найден в спальне со следами удушения (129 г.). Плебеи даже не проводили разрушителя Карфагена и Нуманции в последний путь. Тиберию же Гракху все это время оказывались посмертные почести. Сципион Назика, считавшийся главным виновником гибели Тиберия Гракха, из-за всеобщей ненависти к нему вынужден был покинуть Рим и умер в изгнании.

В это же время происходит невиданное обострение противоречий между римскими гражданами и союзниками. В 126 г., по инициативе противников Тиберия Гракха принимается решение изгнать из города италиков, видимо, из опасения, что они окажут поддержку сторонникам Гракха. В Рим, как первая ласточка грядущей союзнической войны, прилетает весть о восстании в одной из латинских колоний Лациума (Фрегеллах). Против восставших сенат послал войско во главе с претором, и союзный город, находившийся менее чем в 150 км от Рима, превратился в руины, словно это был Карфаген или Коринф. Два года спустя на его месте возникла римская колония Фабратерия.

Выступление Гая Гракха. Все это создало почву для нового витка гражданских междоусобиц. Во главе сторонников реформ становится Гай, брат Тиберия, отличавшийся ярким ораторским талантом и решительностью. Выдвинув свою кандидатуру в народные трибуны на 123 г., он занял эту должность и был затем переизбран в следующем, 122 г.

Гай Гракх, учитывая опыт Тиберия, предложил целый комплекс законов, которые должны были удовлетворить не только безземельное сельское население, но также и городской плебс, и всадничество, и тех из римских землевладельцев, которые не участвовали в управлении государством, а направили энергию на обогащение в любых сферах деятельности, будь то продуктивное земледелие, торговые и ростовщические операции или откуп налогов.

Согласно закону, проведенному Гракхом, неимущим плебеям продавался хлеб по сниженной цене. Практика продажи хлеба государством по более низкой цене существовала и прежде, но только в экстремальной ситуации голода. Новый закон создавал в перспективе категорию государственных нахлебников, которым не было смысла трудиться на земле или заниматься какой-либо общественно полезной деятельностью.

В интересах всадничества Гай Гракх осуществил целый ряд мер политического и экономического характера. Всадникам была пе-

редана судебная власть в комиссиях, разбиравших дела о вымогательствах в провинциях. Это позволяло им оказывать давление на тех наместников провинций, которые препятствовали финансовым махинациям публиканов и деятельности римских ростовщиков. В интересах всадников был принят закон об откупах налогов в богатейшей римской провинции Азии, по которому ежегодные аукционы должны были проходить в Риме, а не в самой провинции, Это исключало конкуренцию местных денежных воротил.

Проведенный тогда же закон о строительстве в Италии дорог был выгоден не только городской бедноте, получавшей возможность заработка, но также всадникам и мелким землевладельцам, облегчив вывоз продукции их угодий на рынки, а само строительство дорог отдавалось на откуп публиканам. Закон в целом способствовал повышению роли денежного обращения и разрушению общинных порядков. Есть основание думать, что и выведение колоний за пределы Италии было осуществлено Гаем Гракхом в интересах широких слоев римского гражданства. Одна из заморских колоний основывалась на месте Карфагена в нарушение религиозного проклятия над этой территорией. При этом в Африку выехал сам Гракх, несмотря на то, что полномочия народного трибуна распространялись только на город Рим.

Именно этот закон и дал повод senatorской оппозиции к наступлению. На каждое предложение Гракха было решено отвечать более радикальным, хотя и неосуществимым. Так, вместо двух колоний для неимущих граждан за пределами Италии действовавший в интересах противников Гракха народный трибун Марк Ливий Друз предложил вывести двенадцать в самой Италии, хотя земли для этого не было. В результате закон Ливия Друза был принят, а закон Гракха отклонен народом. Главный бой развернулся вокруг предложенного Гаем Гракхом законопроекта о наделении правами гражданства союзников. Все неграждане в день голосования были удалены из Рима. Закон не прошел. В консулы был избран один из главных противников гракханцев, Луций Опитий.

Вновь возник вопрос о законности основания колонии в Африке, и было внесено предложение ее ликвидировать. В такой напряженной обстановке любой инцидент мог привести к взрыву. Ликтор консула оскорбил гракханцев, назвав их «негодными гражданами», и был убит. Опитий созвал сенат, потребовав чрезвычайных полномочий. Гай Гракх, Фульвий Флакк и их сторонники заняли Авентин. Против них были брошены критские стрелки. Три тысячи гракханцев было убито. Гаий Гракх бежал и, видя, что его настигает погоня, приказал рабу убить себя. За его голову была выплачена награда тому, кто доставил ее в сенат.

Больше всех выиграли от реформы всадники. Законы Гая Гракха способствовали широкому их проникновению в римские провинции, где они занимались сбором налогов и ростовщичеством. Начало складываться всадническое землевладение, более тесно связанное с рынком, чем землевладение сенаторское — ведь сенаторам запрещалось владение крупными кораблями, которые могли использоваться в торговых операциях.

Закон 111 г. Знать, расправившаяся с Гракхами и их сторонниками, вскоре воздвигла в Риме храм богине согласия (Конкордии). Это был памятник согласия двух привилегированных сословий, сыгравших решающую роль в разгроме социального движения 30-х—20-х гг. II в. Отношение плебеев к этому «согласию» было выражено надписью, выцарапанной кем-то на стене храма: «Нечестие воздвигло храм согласию».

Попытки противников Гракхов свести на нет результаты их деятельности успеха не имели. Закон 111 г., сохранившийся в надписи на бронзовой табличке, передавал полученные по законам Гракхов участки в собственность их владельцам. Собственники могли ими владеть и воздвигать постройки на правах квиритов, освобождаясь от каких-либо взносов. Общие земли сохранялись, и из них разрешалось выделение участков для совместной пастбы скота. Закон защищал новых средних землевладельцев от изъятия и захватов крупных земельных собственников. Это касалось как италийских, так и африканских земель на территории Карфагена и балканских — на территории Коринфа, где разрешалось иметь по 200 югеров земли с обязательством уплаты налогов в пользу государства. Таким образом, план Гая Гракха по выведению колонии в Африку был осуществлен в более широких масштабах.

Ахиллесовой пятой закона, имевшего целью создание среднего крестьянского хозяйства, было разрешение продавать полученную землю, и поскольку конкуренция продукта, производимого в крупном рабовладельческом поместье, не уменьшилась, многие из новых владельцев вновь разорились. Историк Аппиан так изображает последствия этого разрешения: «Немедленно богатые стали скупать участки бедных, а иной раз под этим предлогом и насильно их отнимать. Положение бедных все более ухудшалось».

Источники. Если информация о переменах, происшедших в сенаторском сословии, всадничестве и плебсе, разбросана во многих трудах греческих и римских авторов, то изменения в римской экономике наиболее ясно выступают из агрономического трактата Катона Старшего, дающего советы по организации труда на рабовладельческой вилле среднего размера.

Об этих изменениях можно судить и по тем разделам Плутарховой биографии Тиберия Гракха, в которой историк повествует о реакции направлявшегося в Испанию Тиберия на изменившийся вид земель, где уже не видно было свободных земледельцев, некогда их обрабатывавших.

По сицилийским восстаниям рабов лучший источник — «Историческая библиотека» Диодора, который, сам будучи родом из Сицилии, проявлял повышенный интерес ко всему, что связано с историей острова.

Основными источниками по аграрному движению братьев Гракхов являются написанные Плутархом биографии реформаторов и посвященные Гракхам части книг гражданских войн «Римской истории» Аппиана. Аппиан — основной источник и по ситуации, сложившейся после гибели Гая Гракха. Оба эти автора имели возможность пользоваться речами реформаторов, как можно судить по приводимым ими цитатам из речей Тиберия Гракха, а также письмами дочери победителя Ганнибала Корнелии, отрывки из которых нам известны, поскольку их приводит Корнелий Непот. Краткое изложение событий, связанных с движением Гракхов, содержится также в сочинении Флора. Имеется по аграрному движению и эпиграфический материал. Это кроме уже упоминавшейся надписи с записью закона 111 г. тексты на столбиках, выставлявшихся на полученных по аграрному законодательству землях.

Вокруг Гракхов. Деятельность братьев Гракхов, согласно единодушному мнению как древних авторов, так и современных историков, была стартовой точкой гражданских войн, поставивших римское государство на край гибели. Поэтому никто из римских политических деятелей, может быть, за исключением Цицерона и Цезаря, не вызывал такой бури мнений и противоречивых оценок, как они. Что касается древних авторов, то характерен следующий расклад суждений. Греческие историки Плутарх, Аппиан, Дион Кассий оценивали Гракхов как стойких и неподкупных борцов за права народа и справедливость, осуждая их убийц как преступников. Мнения римских историков колеблются. Цицерон и Валерий Максим видят в Гракхах злодеев, ввергших римское государство в пучину бедствий и по справедливости убитых и лишенных погребения. Квинтилиан к тому же не просто считал убийство Гракхов справедливым, но их деятельность по гибельности сопоставил с преступлениями основателя «иудейского суеверия», т. е. Иисуса Христа. Саллюстий и Флор были едины в том, что предложение Гракхов вернуть плебсу общественную землю могло показаться справедливым или было таковым, но средства достижения цели оказались преступными и пагубными.

В эпоху, предшествующую Великой французской революции с ее борьбой за ликвидацию привилегий аристократов и церкви в аграрной сфере имена Гракхов были на знамени революционной буржуазии, и один из ее деятелей — Бабеф — даже принял имя Гракха.

В исторических трудах первой половины XIX в. Гракхи — борцы за демократию, за народ, сопоставимые со спартанскими реформаторами Агисом и Клеоменом. Подчеркивая создание Гракхами народной партии (популярной), немецкий историк Теодор Моммзен увидел в Гракхах предшественников «демократического монарха» Цезаря.

В 1919 г. в Москве среди памятников другим революционерам появился памятник Тиберию Гракху. Тогда же в серии «Кому пролетариат ставит памятники» появилась брошюра «Тиберий Гракх». Высказанная в ней мысль о Гракхе как вожде крестьянской революции, стремившемся вернуть землю мелким земледельцам, и ее неудаче вследствие отсутствия поддержки индустриального пролетариата стала на долгие годы господствующей в советской историографии. Но были ли Гракхи революционерами? Действительно ли их целью было возрождение мелкого землевладения? Деятельность Гая Гракха явно говорит против этого. В самое последнее время большой знаток социально-экономических отношений Рима Е.М.Штаерман высказала сходное с Моммзеном мнение о Гракхах как предшественниках триумвиров Антония и Октавиана. Законы Гракхов она рассматривает не как попытку реставрации мелкого земледелия, а как политику создания крепких средних хозяйств.

Глава 30

ОЙКУМЕНА В ПЛАМЕНИ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН (111—79 Г. ДО Н. Э.)

Уже после заключения мира с побежденным Карфагеном в 201 г., согласно которому карфагенянам запрещалось иметь военные корабли, римляне могли называть Внутреннее море круга земель «нашим морем». Положение Рима как владыки морей вскоре было подкреплено уничтожением военных флотов Македонии и Сирии. Парадокс возникшей ситуации заключался в том, что сами римляне были континентальным народом, моря не любили и в своей политике полагались не на флот, а на мощь сухопутной армии. Ко времени Гракхов в Средиземноморье не было ни одного враждебного Риму государства. Оставались лишь независимые племена в Галлии и Африке, за счет которых, как казалось, было нетрудно округлить свои владения. И в этом популяры проявляли не меньшую активность, чем их противники из лагеря нобилей.

В 125 г., воспользовавшись конфликтом кельтского племени аллоброгов с давним союзником Рима фокейской колонией Массилией, сенат объявил аллоброгам войну. Полководцем был назначен один из вождей популяров Фульвий Флакк. Перейдя через Альпы, уже никого в Италии не пугавшие, легионы вступили в земли кельтов, простиравшиеся до Океана. Аллоброги были разбиты в трех сражениях и обязались выплачивать греческой колонии Массилии дань. Близ Массилии в 122 г. была основана крепость Аквы Секстивы, ставшая опорным пунктом римской экспансии в этом регионе. В 121 г. победы над галлами были отмечены триумфом. Перед триумфальной колесницей римского консула провели серебряную двуколку, на которой находился пленный царь варваров, поразивший римлян внешностью и блеском драгоценного оружия. Тогда же на местах сражений с аллоброгами были поставлены как памятные знаки побед каменные столбы. В 118 г. между Альпами и Пиренеями появилась новая римская провинция — Нарбонская Галлия.

Одновременно римлянами были завоеваны и находившиеся на отшибе Балеарские острова. Во главе флота стоял один из представителей могущественного тогда рода Цецилиев Метеллов. Балеарцы выплыли навстречу римским триремам на грубо сколоченных плотах и засыпали чужеземцев градом камней из пращей, разумеется, не причинив им сколь-либо значительного вреда. Высадившиеся на берег легионеры поразили островитян дротиками и копьями и вынудили их отступить к холмам, где те скрылись в пещерах, служивших им жилищами. Победа над «пещерными людьми» была отмечена триумфом. Победитель получил прибавление к своему имени — титул «Балеарский».

Югуртинская война. Наиболее упорное сопротивление римская агрессия встретила в Африке. За год до разрушения Карфагена скончался нумидийский царь Масинисса, давний союзник Рима.

Чтобы ослабить усилившееся с их же помощью нумидийское царство, римляне разделили Нумидию между несколькими наследниками Масиниссы под предлогом их вражды друг с другом. Это вызвало ярость племянника Масиниссы **Югурты**, отважного воина и любимца придворных. В свое время Масинисса, опасаясь Югурты, отправил его на верную смерть под осажденную римлянами Нуманцию в лагерь Сципиона Эмилиана. Но юноша вернулся, завоевав к тому же симпатии римского полководца и познакомившись с римскими порядками.

В 117 г. подсланные Югуртой убийцы умертвили одного из сыновей Масиниссы в его собственном царстве, другой, вторгшийся во владения Югурты, был им разбит и бежал в Рим с жалобой на Югурту. Зная по опыту службы в римских легионах о продажности римлян, Югурта без труда подкупил сенаторов и при новом разделе царства получил самую населенную и богатую часть страны, граничащую с Мавританией. Во главе подкупленного римского посольства, осуществлявшего передел, стоял Луций Опимий, убийца Гая Гракха и Флакка, поэтому весть о подкупе вызвала в Риме возмущение популяров.

Между тем Югурта, не удовлетворившись мирными «победами», начал новую войну, чтобы стать правителем всей Нумидии. Он осадил Цирту, надеясь взять ее до того, как прибудет в Рим отправленное братом посольство. Это ему не удалось. Но прибытие ответного римского посольства с повелением прекратить военные действия ему не помешало, хотя на словах Югурта выразил послам глубочайшее почтение и заявил о покорности сенату. Для правителя Цирты оставался единственный выход — бежать в Рим, но от этого его отговорили находившиеся в городе римские дельцы, обещавшие свою поддержку. В конце концов Цирта была взята Югуртой,

а все ее взрослое население вместе с царем и римскими дельцами перебито.

Только после этого кампания против Югурты вылилась в настоящую войну. Первоначально действия римлян были неудачны: Югурта подкупал одного римского полководца за другим. Тогда сенат отправил в Африку **Квинта Цецилия Метелла**, известного безупречной честностью. Метелл применил тактику «выжженной земли», опустошая все на своем пути. В пустыне он захватил крепость Фалу — арсенал Югурты и место хранения царских сокровищ. Но сам Югурта ловко уходил от сражения, и война, вызывавшая в Риме все возрастающее раздражение, продолжалась.

Гай Марий. В этой достаточно сложной внутренней и внешней ситуации приверженцы политической линии Гракхов обретают вождя. Им стал **Гай Марий**. Сын римского всадника из Арпина (в Лации), необразованный, хотя уже в юности проявивший военный талант, он был обречен на вторые роли в обществе, где его презрительно называли «высочкой». Его политической карьере способствовали влиятельные Цецилии Метеллы. В 119 г. Марий — трибун, в 115 г. — претор, затем — проконсул Испании, легат Метелла в Нумидии (109 г.). Но консульство Марию было закрыто, как и объявил ему без обиняков его начальник и покровитель Метелл. Однако Марий отправился в Рим, куда его настойчиво призывали приверженцы Гракхов, не устававшие на народных сходках обличать продажность патрициев и прославлять ясный ум и упорство простолюдина Мариа, обязанного возвышением себе самому. По словам древнего историка, римские низы были в таком возбуждении, что «все ремесленники и сельские жители, чье имущество создавалось трудом их рук, бросив свои занятия, толпами сопровождали Мариа, ставя его избрание выше собственного благосостояния». Так, вопреки Метеллу, впервые за долгие годы консульская власть была доверена «новому человеку» (107 г.). Бесконтрольному правлению знати пришел конец.

Первое консульство Мариа было ознаменовано изменением состава римской армии и укреплением ее бо-

Гай Марий

Воин Мария в походе

евой мощи. До этого обязательную воинскую службу в легионах несли лишь те граждане, которые были способны вооружиться на собственный счет. По новому закону оружием стало снабжать государство, а обязательная военная служба заменялась добровольным набором, производимым самим полководцем, который должен был выплачивать воинам жалование и по окончании службы заботиться о наделении воинов участком земли. Это открывало путь в армию неимущим, пролетариям.

Согласно другой реформе, проведенной Марием несколько позднее, определялся шестнадцатилетний срок воинской службы. На протяжении последнего столетия римской республики он достиг двадцати

пяти лет. Легион, доведенный до 6 200 воинов, отныне делился не только на манипулы, но и на когорты (когорта состояла из трех манипулов и была способна выполнять самостоятельные боевые задачи).

Реформы Мария привели к замене гражданского ополчения профессиональной армией. Между полководцем и новым войском складывались отношения, создававшие угрозу стабильности общества: отныне армия служила лично полководцу, и только от него воины получали во время службы жалование и награды, а после ее окончания — земельные наделы. Воины фактически переставали быть гражданами, тогда как роль армии, действующей в интересах ее командующего, могла стать решающей в судьбах гражданского коллектива.

Нумидия, где Гай Марий появился в том же 107 г., была не лучшим местом для испытания реорганизованного войска. Югурта, верный своей тактике, ускользал от лобовых столкновений, сливался с поддерживающим его местным населением, нанося короткие и чувствительные удары там, где его не ожидали.

И все же легионы, в которых Марию удалось укрепить дисциплину, начали одерживать первые победы. Однако война была окончена лишь с помощью непревзойденного римского коварства: Югурта был захвачен, находясь на нейтральной территории, в гостях у своего тестя — царя мавров. Осуществил эту опасную операцию выходец из нобилитета, человек с железными нер-

вами **Луций Корнелий Сулла**, легат Гая Мария, в будущем его заклятый враг.

После того как Югурту в цепях показали римлянам во время триумфальной процессии, он был казнен в находившейся на форуме Мамертинской тюрьме 1 января 104 г. Таков был новогодний подарок Гая Мария римскому народу. Триумф над Югуртой был также и триумфом популяров над нобилитетом, хотя и несколько омраченным причастностью Суллы к захвату Югурты.

Вторжение варваров. В разгаре событий, обеспечивших триумф Марию, из Трансальпийской Галлии, южная часть которой, как уже говорилось, стала в 113 г. римской провинцией, пришла весть о вторжении туда варварских орд *кимвров* и *тевтонов*, покинувших места первоначального обитания где-то на берегах Балтики из-за природной катастрофы. Варвары двигались со своими семьями на больших крытых повозках, использовавшихся в случае нападения врага как укрытия. Их пешие отряды имели тяжелое металлическое вооружение. Располагали они и конницей. Однако главной устрашающей силой была их отвага. К тому же наступление они сопровождали леденящим слух боевым кличем, напоминавшим рев диких зверей. Казалось, они не спасались от смерти, а искали ее, ибо павший в бою, по их поверьям, удостоивался наивысших благ и почестей в мире героев. Один вид варваров повергал римских легионеров в ужас, лишая их воли к сопротивлению, и они бежали, устилая поля трупами. В первом же сражении в 105 г. были разбиты две римские армии, которыми командовал нобиль, консул 106 г.

И тогда взоры римлян вновь обратились к победителю Югурты. Вопреки закону, запрещавшему два года подряд занимать государственную должность, Марий был избран, и притом заочно, консулом — сначала на 103, а затем и на 102 г.

В 102 г. в битве при Аквах Секстиевых, на слиянии Исара с Роданом, Марий разгромил тевтонов, отделившихся от кимвров, которые двинулись в Испанию. Зимой 101 г., когда Альпы стали труднопроходимыми, из Испании в Италию перешли и кимвры. Здесь они обосновались на побережье Адриатического моря, возле Верцелл, в мягчайшей по климату области венетов. Марий подвел туда свои легионы, и варвары предложили ему сразиться в любой из удобных ему дней. Марий избрал туманный и ветреный день и так расположил войско на широкой равнине, чтобы ветер дул кимврам в лицо, а блеск римского оружия и доспехов слепил им глаза. В битве пало 60 000 кимвров и столько же было взято в плен. Пленными оказались одни мужчины — их жены, матери, дочери, поставив

телеги в круг, долгое время бились с легионерами топорами и пиками, а затем задушили или разорвали на части своих детей, сами же наносили друг другу смертельные удары.

Второе восстание рабов в Сицилии. Одновременно римлянам пришлось столкнуться с новым восстанием рабов. Начавшись в 104 г. близ Капуи, оно перекинулось в Сицилию и охватило остров. Восставшие провозгласили царем сирийца Сальвия, пользовавшегося славой опытного гадателя. Одновременно с отрядами Сальвия, провозгласившего себя Трифоном, в западной части острова действовала другая армия рабов с киликийцем Афинионом во главе. Обе армии объединились. Но вскоре Трифон погиб. Афинион стал единоличным правителем. Появляясь перед воинами в пурпурном одеянии и золотой короне, с серебряным жезлом в руке, он призывал их мстить за гибель Трифона и обрушивал ярость на тех рабов, которые медлили к нему присоединиться.

Дважды удалось Афиниону одержать победу над римскими легионами. Но в 101 г. римский консул вызвал царя рабов на поединок и победил его. Вскоре после этого пало последнее укрепленное убежище рабов. Рабам Сицилии под страхом смерти было запрещено носить оружие и пользоваться им даже для защиты стад от волков.

Беспорядки в Риме. В это время выделились как вожаки плебса народные трибуны **Луций Аппулей Сатурнин** и **Гай Сервилий Главция**. В 100 г. Сатурнин пытался провести через народное собрание закон, снижающий цену продаваемого городскому люду хлеба до минимума. Противники этого на самом деле опасного для государства закона разрушили мостики, по которым проходили голосующие, разбросали урны. Закон не прошел. Но было принято второе предложение Сатурнина — о наделении ветеранов Мария землей в Африке и о переделе земель, отвоеванных у кимвров. В принятии этого закона был заинтересован сам Марий. Согласно постановлению сенаторы обязаны были поклясться, что не будут его опротестовывать. Клятву принесли все, кроме бывшего патрона Мария **Метелла Нумидийского**, удалившегося в изгнание.

Политическая борьба обострялась. На народных собраниях сторонники Сатурнина и Главции добивались перевеса в голосовании с помощью дубин и устраняли своих противников, используя кинжалы. После одного из таких скандалов сенат объявил чрезвычайное положение. Сатурнин, Главция и их сторонники заперлись в храме на Капитолии. Расправиться с ними было поручено консулу

Марию, который осадил захваченное своими сторонниками здание в надежде сохранить им жизнь. Но оптиматы взобрались на кровлю и перебили безоружных противников черепицами.

Политическая борьба в середине 90-х гг. В середине 90-х гг. после недолгого затишья нарушается политическое равновесие между двумя господствующими сословиями Рима — сенаторами и всадниками (то, что в Риме называли «согласием сословий»). Сенаторы и всадники были солидарны по многим вопросам внутренней политики (например, они в равной мере противостояли аграрным и демократическим реформам). Однако в провинциях, где они выступали как конкуренты в ограблении местного населения, их интересы сталкивались. Этим нередко пользовались демократически настроенные политические деятели, вбивавшие клин между всадниками и сенаторами.

В конце 90-х гг. всадники, обеспокоенные действиями группы сенаторов, стремившихся положить конец злоупотреблениям откупщиков налогов в провинциях, стали использовать против своих противников могучее оружие, которое им в свое время передал Гай Гракх, — суд. В 94 г. в Азию, эту житницу публиканов, были направлены в качестве проконсула Квинт Муций Сцевола и в должности легата Публий Рутилий Руф. В отличие от большинства магистратов, лебезивших перед публиканами, они показали себя честными людьми и, пользуясь своей властью, защищали жизнь и собственность провинциалов, расправляясь с агентами публиканов. В результате Сцевола подвергся со стороны всадников грубым и оскорбительным нападкам, а Рутилий Руф был привлечен к всадническому суду по статье «взяточничество» и, приговоренный к непосильному штрафу, вынужден был отправиться в изгнание. Таким же образом были осуждены и многие другие честные сенаторы, не нашедшие общего языка со всадниками.

Ливий Друз. К 90-м гг. обстановка в Италии становится все более напряженной. Заметно обостряются отношения между всадниками и сенаторами, в борьбе с которыми всадники все более решительно используют суд. Уменьшается число граждан, обладающих земельной собственностью и жаждущих передела. Но особенно остро встает союзнический вопрос. Давно уже экономическое развитие Италии, приводившее к смешению римлян и италиков, требовало их уравнивания в политических правах. Между тем положение союзников оставалось таким же неравноправным, каким оно было еще до пунических войн — уже не говоря о том, что у них отбирались лучшие земли, они выплачивали военный налог, постав-

ляли вспомогательные войска, получая при дележе добычи мизерную долю, и полностью зависели от произвола римских властей, не имея никаких политических прав. К 90-м гг. глухое волнение грозит перерасти во взрыв.

Именно в это время на политической арене появляется народный трибун **Ливий Друз**, сын того Друза, который был противником Гракхов. Словно бы стремясь загладить семейную вину перед народом, он становится подлинным его защитником. Будучи человеком открытым, он и дом свой приказал построить таким образом, чтобы все происходящее внутри было видно с улицы и из соседних домов. Избранный в 92 г. народным трибуном, он предлагает целую программу преобразований, в центре которой стоял аграрный и ставший неотделимым от него союзнический вопрос.

Начал Друз с того, что, идя навстречу италикам, обещал провести законы о даровании им гражданских прав и о выведении для новых граждан в Италии и Сицилии множества колоний. Сенаторы предложили Ливию Друзу компромисс — удовлетворить его обещания в обмен на лишение всадников судебной власти. Новый судебный закон, предложенный на одобрение народному собранию, предусматривал увеличение численности сената вдвое, до шестисот человек, за счет включения в его состав всадников и передачу сенату нового состава судебной власти с правом расследования дел о коррупции. К этому законопроекту он присоединил предложение о раздаче хлеба неимущим гражданам и выведении колоний на государственные земли. «После меня, — говорил трибун, — останется неподделенным только неба свод, да топь болот». В результате законом были недовольны и всадники и сенаторы.

Предложение о даровании италикам прав римского гражданства Ливий Друз вносить не торопился, видимо, откладывая его на будущее. Но о том, что он не собирался отказываться от своих намерений, свидетельствуют его контакты с возникшими в Италии тайными обществами союзников, которые связывали с именем Друза мирное уравнивание в правах с римлянами. Это явствует из дошедшего до нас текста их присяги: «Клянусь Юпитером Капитолийским, римской Вестой и отцом моего государства Марсом. Клянусь животворящим солнцем и землей, кормящей животных и растения. Клянусь богами, основавшими Рим и героями, распространившими его могущество. Клянусь, что друзья и недруги Ливия Друза будут моими друзьями и недругами... Если я по закону Ливия Друза приобрету римское гражданство, я буду считать Рим своим отечеством, а Друза — своим великим благодетелем».

В день народного собрания, на котором предстояло провести законопроект Друза, нахлынуло столько народу, что, по словам

Флора, казалось, что город осажден неприятельской армией. Собрание проходило бурно, не обошлось даже без ареста одного из консулов, которого Друз при ободрительных криках собравшихся отправил в тюрьму. Законопроекты были приняты и переданы в соответствии с существующими порядками на утверждение сената. Не в состоянии найти убедительных оснований для отклонения, сенат отверг их под предлогом несоблюдения мелких формальностей.

Готовилось новое собрание. Но накануне его на пороге собственного дома жизнь народного трибуна оборвал кинжал наемного убийцы.

Союзническая война. Устранение влиятельного народного трибуна и угроза расправы над его сторонниками вызвали вооруженное восстание римских союзников, известное в древности как *Союзническая война* (90—88 гг.).

Над Римом нависла страшная опасность. По численности союзники превосходили римлян и не уступали им в военной организации. К восставшим примкнули портовые города Италии, а именно через них Рим поддерживал связь с провинциями, от доходов которых и от торговли с которыми он в то время уже зависел.

Восставшие действовали отдельными крупными отрядами, объединенными затем в две армии во главе с двумя военачальниками (по образцу консулов). Они создали сенат, созывавшийся в городке Корфинии, столице вновь образованного италийского государства, чеканили золотую монету, на которой был изображен символ Италии бык (считалось, что само слово «Италия» происходит от «вителлус» — бычок), прижавший рогами к земле извивающуюся римскую волчицу. Положение Рима становилось все более угрожающим. По словам римского историка, «тогда мирного времени сменилась военным плащом».

Против италиков были посланы лучшие полководцы — **Марий** и **Сулла**, но и им не удалось добиться перевеса на полях сражений. Не раз италики одерживали победы над римскими легионами. К тому же ухудшение продовольственного положения из-за прекращения торговли грозило голодными бунтами. В этих условиях сенат был вынужден в 88 г. издать закон о предоставлении римского гражданства тем из союзников, которые не приняли участия в восстании, а затем было объявлено, что римское гражданство получают и те, кто сложит оружие в течение шестидесяти дней. Большая часть италиков воспользовалась предоставленной им

Монета восставших италиков

возможностью выйти из войны, но некоторые обитатели горных районов продолжали сражаться еще несколько лет. Уступка Рима италикам, вырванная ими героической борьбой, в значительной степени обесценивалась тем, что новых граждан, превосходящих по численности старых, включили в десять вновь созданных триб. При голосовании в собраниях по трибам (трибутным комициям) это давало им всего десять голосов, тогда как старые граждане обладали тридцатью пятью голосами.

Распространение прав римского гражданства на италиков имело далеко идущие последствия. Из города-государства Рим начал превращаться в государство общеталийское. Все его свободное население становилось римскими гражданами и могло оказывать влияние на решение политических вопросов.

Непосредственным результатом распространения римского гражданства на италиков было изменение самого состава римских легионов, которые отныне в большей своей части стали комплектоваться из италиков. С одной стороны, это увеличивало боеспособность армии, с другой — определило характер тех будущих социальных перемен, которые в конечном счете сделали неизбежным падение римской республики.

Восточная угроза. Уступка Рима италикам была ускорена новой угрозой с Востока, исходившей от **Митридата Евпатора**. У римлян были основания подозревать, что союзники чеканили монету из его золота. Но еще опаснее была лютая ненависть к Риму населения восточных провинций, готового оказать поддержку царю Понта людьми и ресурсами.

Приняв позу освободителя, как за столетие до него Рим, понтийский царь начал действовать в римских провинциях. Он разослал по всем городам письма с приказом перебить у себя всех римлян и обещанием свободы. Открыть эти письма надлежало в один и тот же день. И жители провинций истребили за один этот день до восьмидесяти или, по сведениям некоторых авторов, даже до пятидесяти тысяч граждан, обосновавшихся здесь как землевладельцы, откупщики, ростовщики, торговцы. Цифра погибших граждан, возможно, преувеличена. Не исключено, что в нее включены и оказавшиеся в Малой Азии жители Италии, носившие римскую одежду. Но во всяком случае погибли тысячи откупщиков и их агентов, было захвачено все принадлежавшее им имущество, разбежались их рабы, прекратился сбор налогов с богатейшей римской провинции. И это было самым опасным для государства, разоренного Союзнической войной.

Марий или Сулла? Рим больше не мог бездействовать. Враждующие политические группировки, имевшие своих представителей в сенате, были едины в том, что надо воевать с Митридатом и вернуть оказавшуюся в его руках провинцию Азию. Расхордились они лишь в том, кто должен возглавить войско — любимец нобилей Луций Корнелий Сулла или престарелый Гай Марий, глава популяров и кумир всадников. После долгих дискуссий полководцем был от назначен Сулла, который и поспешил двинуться к переправе. Между тем Марий привел в действие народный трибунат. Красноречивый и энергичный народный трибун Сульпиций Руф провел через народное собрание ряд мер, выгодных плебсу, италикам и прежде всего Марию: уравнивание в правах старых и новых граждан, амнистию и передачу командования над восточной армией Марию.

В Нолу (Кампания), где стояли готовые к посадке на суда легионы Суллы, прибыли воинские трибуны, чтобы принять войско и передать его Марию. Однако Сулле не стоило больших трудов объяснить легионерам, что выполнение решения народного собрания означает направление на Восток других легионов, которым и достанется добыча. Посланцы народа были побиты камнями, и войско потребовало от Суллы вести его на Рим. Так впервые вступил в действие механизм, в создании которого решающая роль принадлежала Марию: профессиональная армия, преданная полководцу, сводит на нет итоги любого голосования. И теперь этот механизм оказался направленным против Мария и поддерживавших его популяров. Многие сторонники Мария погибли. Отрубленную голову Сульпиция Руфа выставили на роствах как трофей победителей и предвестие грядущих расправ. Гаю Марию удалось бежать в Африку и укрыться в руинах Карфагена. Римский историк Флор писал: «Марий, взирающий на Карфаген, и Карфаген, видящий Мария, могли служить друг другу утешением».

Первая война против Митридата. Тем временем Митридат, изгнав из Малой Азии верных Риму царей Вифинии и Каппадокии и разбив стоявшие на его пути римские войска, переправился с трехсоттысячным войском, ста тридцатью боевыми колесницами и тремя сотнями кораблей на Балканский полуостров. При его поддержке в Афинах захватил власть философ Аристион, осуществивший радикальные демократические преобразования.

Но успехи Митридата оказались непрочными. В 87 г. Сулла с войском высадился в Эпире и, двинувшись в Беотию, нанес в жестокой битве *при Орхомене* поражение полководцу Митридата Архелаю. Затем началась длившаяся несколько месяцев осада Афин.

На изготовление катапульта и баллист пошли знаменитые роци Ликей и Академии. В ночь на 1 марта 87 г., когда узкий свет луны почти не давал света, Афины погрузились в полный мрак. В городе не горел ни один светильник — масло было съедено голодающими. Так что не было возможности даже совершить в храме обряды умилоствления богов, которые полторы тысячи лет назад, в мифические времена Девкалиона, в такое же новолуние обрушили на город потоки воды, залившие всю Аттику.

И именно тогда Сулла ворвался в город под рев труб и улюлюканье солдат. Им было разрешено все, и они носились по улицам, убивая всех встречных, врвались в дома. Кровью была залита вся агора, и ее потоки текли под уклон к Керамику и даже проникли за Священные ворота. Это был новый, на этот раз кровавый потоп.

Кровь оставляет следы только в людской памяти, следы разрушений остаются на века. В ходе раскопок агоры удалось точно выяснить, какой ущерб был нанесен общественному хозяйству Афин. Акрополь, к счастью, не пострадал. Аристион сдал его, не вынеся мук жажды. И в те мгновения, когда пленника вели вниз, с чистого неба хлынул дождь — словно знамение завершения трагедии великого города.

Между тем свежее войско Митридата вступило в Македонию и соединилось с остатками войска Архелая. В решающей битве *при Херонее* (86 г.) Сулла одержал победу, и Митридату пришлось оставить Грецию.

Господство марианцев. В Италии тем временем к власти пришли сторонники Мариа. Сразу же после ухода Суллы консул Луций Корнелий Цинна через народное собрание отменил его законодательные акты. Был принят закон о распределении новых граждан по всем трибам и объявлено о возвращении изгнанников. Но в народном собрании вскоре взяли верх сулланцы. Под страхом смерти Цинна и его сторонники покинули Рим и стали собирать войско.

Вскоре Рим оказался в осаде отрядов Цинны и вернувшегося из Африки беглеца Гая Мариа. К Цинне и Марию примкнуло много италиков. Город страдал от голода и вспыхнувшей эпидемии. Массами к осаждающим стали перебегать рабы, которым Цинна обещал свободу и земельные наделы, а также и рядовые воины. Сенат был вынужден открыть консулу городские ворота. Вслед за Цинной в Рим вступил Марий. Пять дней длилась расправа над политическими противниками. «При виде разбросанных по улицам и попираемых ногами обезглавленных трупов никто уже не испытывал жалости, а лишь страх и трепет», — писал впоследствии Плутарх.

Консулами на новый год были избраны Цинна и Марий (в седьмой раз). Через несколько дней после избрания Марий умер, и на его место был избран Валерий Флакк, который, проведя закон о лишении Суллы полномочий командующего, во главе нового войска выступил на Восток. Цинна оставался в Риме фактически на положении диктатора, но, кроме захвата имущества сулланцев, ничем не занимался.

Завершение войны с Митридатом. Сулла продолжал войну против Митридата, не получая из Рима никакой поддержки и ни перед кем не отчитываясь. Недостаток финансов и Сулла, и Митридат восполняли, беспощадно грабя население. На остров Хиос полководец Митридата наложил контрибуцию в 2000 талантов, а когда эту сумму внесли не полностью, население было обращено в рабство и выселено в Колхиду. Сходным образом действовал и высадившийся в Греции со своим войском Валерий Флакк. Поскольку многие воины марианской армии перебежали к Сулле, полководец не решился вступить с ним в сражение, да и с Митридатом не рискнул искать встречи на Балканах, а поторопился перебраться через Македонию на территорию Малой Азии. Там в его войске вспыхнул мятеж. Флакк был убит. Новый командующий Гай Флавий Фимбрия разбил Митридата у Пропонтиды и передвинулся на территорию римской провинции Азии.

Потерпевший поражение в двух битвах и напуганный назревающим в греческих городах недовольством его властью Митридат обращается к Сулле с предложением мира. Желание поскорее вернуть себе захваченную марианцами Италию побудило Суллу это предложение принять. Осенью 85 г. Сулла и Митридат встретились в городе Дардане и договорились о прекращении военных действий. Митридат обязывался очистить все захваченные им территории, уплатить контрибуцию в три тысячи талантов, передать римлянам часть флота и возратить на родину хиосцев, угнанных им после подавления восстания на Хиосе в Колхиду.

Вслед за тем близ Пергама выстроились друг против друга два римских войска. Воины Фимбрии без боя перешли на сторону Суллы. Фимбрия бросился на свой меч.

Гражданская война в Италии. Собрав с провинившейся провинции Азии контрибуцию, всемерно превышавшую ту, что была уплачена Митридатом, Сулла разместил своих солдат на постой в городах этой богатой провинции, чтобы дать армии обогатиться и отдохнуть перед решающей схваткой за власть в Риме.

Весной 83 г. он высадился с 40-тысячным войском в Брундизии. Здесь к нему примкнул юный Гней Помпей с двумя набранными во владениях отца легионами. У марианцев была армия, намного большая по численности, но им не хватало авторитетного руководителя — Цинна к тому времени был убит взбунтовавшимися легионерами. По пути к Риму сулланское войско постоянно пополнялось. Владельцы поместий, разоренные бегством рабов, встречали Суллу как освободителя. В его руках было боеспособное войско, движимое ненавистью к италикам, жадной мести за конфискованное имущество, стремлением поскорее закончить войну и получить земельные наделы.

Сторонники Мария попытались организовать сопротивление. В самом Риме начались жестокие расправы над сулланцами. Но на полях сражений удача не сопутствовала марианцам. В Северной Италии они были разбиты.

Между тем к Риму подошли полчища самнитов, не примкнувшие ни к Сулле, ни к Марию. Их вождь Понций Телезин, объезжая на коне свои отряды, кричал, что пришла пора разрушить ненавистный город — «этот лес, в котором скрываются волки, расхитители свободы Италии». Сулла одержал над самнитами победу и вступил в Рим. Одновременно полководцы Суллы подчинили его власти западные римские провинции: Помпей очистил от марианцев Сицилию и Африку, за что получил от Суллы триумф и почетный титул «Великий». Были отвоеваны и обе испанские провинции, откуда вытеснен в Мавританию марианский командующий Квинт Серторий.

«Таблицы мертвых». Учредив в Риме игры по случаю победы над самнитами и расправившись с пленниками, Сулла впервые в Риме (и, кажется, в истории) приступил к уничтожению политических противников по заранее составленному списку (это новшество получило название *проскрипции* от глагола *proscribere* — провозглашать). Деревянные доски с начертанными на них именами лиц, объявленных вне закона, выставлялись на форуме — их стали называть «таблицами мертвых». Каждый мог убить внесенного в список и получить за это огромную награду — два таланта. Всякий скрывший осужденного подвергался казни. Всего было истреблено 90 сенаторов и 2 600 всадников, но, и кроме того, немало других людей, чье богатство внушало зависть и вожделение. На проскрипциях разбогатели многие приближенные Суллы и его вольноотпущенники. Именно тогда заложил основу своего богатства представитель одного из древнейших родов **Публий Лициний Красс**.

Дети и внуки проскрибированных лишались прав гражданства и имущества, их рабы получали свободу и вводились в число граждан, чтобы оказывать Сулле поддержку в народном собрании. Эти новые граждане назывались корнелиями (по родовому имени Суллы). И, конечно же, в первую очередь были вознаграждены ветераны Суллы. Не менее 100 000 из них получили земли. Свободных земель в Италии не было, и пришлось пустить на раздачу не только имения проскрибированных, но и земельные владения городов, оказывавших поддержку марианцам или в этом подозреваемых. Земля городов Пренесте, Флоренции, Сульмона была целиком передана ветеранам.

Всегда любившие порядок римляне не просто грабили вражеские города: чтобы исключить риск что-либо упустить, не заметить, они опустошали их планомерно. Теперь же был создан механизм расправ не над чужеземцами, а над собственными гражданами. С помощью этого механизма укреплялось положение господствующей политической партии. Разумеется, в древности не было ни партийных съездов, ни партийных билетов. Но было придумано то, что скрепляло сторонников партий: конфискованное имущество политических противников или просто богатых людей отходило организаторам политических репрессий. В «таблицах мертвых» Суллы преобладали люди богатые — римские всадники, крупные землевладельцы, дельцы.

Диктатура Суллы. Расправившись с врагами и вознаградив сторонников, Сулла получил права диктатора без указания срока полномочий. Раньше диктаторы выбирались в Риме в момент грозящей государству опасности на шесть месяцев. Теперь же Риму не угрожало ничто. И тем не менее Сулле предоставлялась неограниченная власть для издания законов и обустройства государства, и он воспользовался ею, чтобы устранить из римской конституции малейшие элементы демократии.

Были ограничены полномочия народных трибунов, главных проводников интересов малоимущего римского гражданства. Отныне народные трибуны могли вносить в народное собрание лишь законопроекты, одобренные сенатом. Право вето уничтожилось. Власть народных трибунов становилась формальной. Были отменены хлебные раздачи. Народным собраниям надлежало безоговорочно принимать корнелиевы законы, проводившиеся в интересах побилитета и Суллы. Сенат, согласно этим законам, превращался в высший административный орган и судебную инстанцию. Число сенаторов было удвоено (до 600 членов), но оставались в сенате

Луций Корнелий Сулла

лишь те, кто поддерживал Суллу. Ограничивалась власть консулов. Отныне она распространялась лишь на Италию и ближайшие к ней провинции. Фактически была уничтожена должность цензоров. Судебная власть, отнятая у всадников, переходила к сенаторам. Всадникам было также отказано в сборе откупов с провинции Азии.

Будучи первым римским военачальником, пришедшим к власти с помощью армии, Сулла был также первым, кто добровольно сложил с себя добытые таким путем полномочия. В 79 г. он явился на форум, снял с себя знаки отличия, отпустил ликторов и, объявив о своем отречении

от власти, обратился к удивленным гражданам с вопросом: нет ли у кого-либо к нему претензий. И, странное дело, во всем городе, где едва ли была семья, в которой бы не оплакивали близких, погибших от руки Суллы или его клеветников, нашелся лишь один человек, который дерзнул бросить обвинение в лицо Суллы. Остальной народ безмолствовал.

Отказавшись от власти, Сулла ушел в частную жизнь, занявшись написанием «Воспоминаний». От этого труда сохранилось несколько высказываний Суллы, процитированных его древними биографами. Одно из них: «Никто на свете не сделал так много добра своим друзьям и так много зла своим врагам». Что касается зла, то Сулла и в самом деле превзошел жестокостью всех известных нам политических деятелей древности. Это потоки крови в Афинах, проскрипции в Риме и Италии. Но и добро Суллы — его щедрость по отношению своим сторонникам за счет имущества политических противников и просто богатых людей — обернулось для римской республики величайшим злом, став дурным примером для последующих политиков и внеся в общество и общественное сознание порчу, приведшую к новому витку гражданских войн.

Преследуемый Суллой племянник Гая Мария **Гай Юлий Цезарь** имел все основания считать себя противником Суллы и публично это демонстрировать, но в действительности он оказался его учеником. Отказ Суллы от власти был актом политического лицемер-

рия, взятого на вооружение римскими политиками, которые хорошо проштудировали «Воспоминания» Суллы и, видимо, их «зачитали». Отказываясь от власти, Сулла знал, что фактически ее сохраняет, ибо оставался страх перед ним и верными ему легионами и десятью (а может быть, как считает ряд древних авторов, и сорока) тысячами «корнелиев».

И даже после смерти диктатора (78 г.), когда тело его было поглено пламенем погребального костра, римские граждане не почувствовали, что обрели свободу.

Диктатура Суллы нанесла смертельный удар республиканскому строю, став первым серьезным шагом на пути к созданию империи, основы которой он фактически заложил. Именно при нем начинают формироваться характерные для империи черты, важнейшей из которых можно считать превращение войска в социальную опору неограниченной единоличной власти.

Источники. Югуртинская война, положившая начало непримиримой взаимной ненависти Мария и Суллы, изложена в первой дошедшей до нас монографии, написанной по горячим следам Саллюстием, так и называвшейся — «Югуртинская война». Событий этой войны касаются также Плутарх в биографиях Мария и Суллы и Аппиан в «Гражданских войнах» при изложении противостояния Мария и Суллы; краткий обзор содержит «Римская история» Флора.

Из тех же источников встают и последующие события, связанные с первым после движения Гракхов, неизмеримо более кровавым витком гражданских войн, с разгромом Марием кимвров и тевтонов, со вторым сицилийским восстанием рабов, на подавление которого был направлен также Марий, с движением Апулея Сатурнина и получившим название Союзнической войны восстанием италийских союзников Рима, подавление которого было поручено Марию и Сулле. История Первой Митридатовой войны, кроме того, изложена в «Митридатовой книге» обширного труд Аппиана.

Эпиграфический материал по рассматриваемому периоду наиболее богат в Малой Азии, где сохранились великолепные памятники, связанные с противостоянием Рима и Митридата — надпись с острова Хиоса, существенно дополняющая рассказ античных авторов об избиении римлян по приказу Митридата, и группа надписей, свидетельствующих об опоре римлян на местную знать: Эфесский декрет 86 г., содержащий постановление о борьбе с Митридатом; надпись из Лаодикеи на Лике с выражением благодарности римскому сенату; надпись из Нисы, касающаяся одного из активнейших сторонников Рима, и другие документы, в том числе постановление римского сената о Стратоникее, свидетельствующая о явном сближении ее городской верхушки с Римом. Что касается нумизматики, наиболее интересны монеты, чеканившиеся восставшими союзниками, и монеты Митридата.

РИМСКАЯ ДЕРЖАВА В 70—60-Х ГГ. I В. ДО Н. Э.

Со смертью Суллы заканчивается первый этап гражданских войн в Риме. Начинается новый, не менее ожесточенный. Ушло поколение великих воителей Мария и Суллы, политических борцов Сатурнина, Ливия Друза Младшего и Цинны. Оружие и политические страсти были унаследованы теми, кто родился во время Югуртинской или Кимврской войн, кто в годы противоборства Мария и Суллы были мальчиками и юношами. Лишь немногие из них участвовали в битвах на той или другой стороне и успели проявить свои ораторские способности.

Смена поколений. Сулла при жизни внушал такой страх, что ему оказывали поддержку и те, кто не был его сторонником, но предпочитал им считаться, извлекая из этого выгоды. Смерть Суллы освободила этих людей от их обязательств, и они сняли маски. Среди популяров, замаскировавшихся под оптиматов, был и консул 78 г. Эмилий Лепид. Он объявил о своем намерении отменить сулланские законы, вернуть власть народным трибунам, реабилитировать родственников проскрибированных и вернуть им конфискованное имущество. Военной опорой Эмилия Лепида стало восстание мелких землевладельцев Этрурии, поднятое с целью возвратить земли, переданные ветеранам Суллы.

Однако римское общество не было готово к реставрации демократии. Слишком многих связал Сулла своими подачками и кровавыми преступлениями. Большинство было бы не против возвратить досулланские политические порядки, но при сохранении всего того, что им досталось во времена Суллы, — земель, рабов, недвижимого имущества. Поэтому движение Лепида потерпело поражение. Встреченный у стен Рима полководцами Суллы и оттесненный ими — Лепид бежал в Этрурию, а оттуда в Сардинию, где вскоре умер. Победители не стали преследовать сторонников Лепида.

Искра гражданской войны, не отыскав в Италии горючего материала, перелетела в Испанию и там разгорелась в пламя.

Серторианская война. Испания с давних пор была очагом освободительного движения. Ее население дольше, чем какой-либо иной народ, сопротивлялось сначала карфагенской, а затем римской агрессии. Именно поэтому один из вождей марианской партии, **Серторий**, какое-то время от имени марианского правительства управлявший Испанией, после гибели Суллы вновь туда вернулся и превратил эту обширную страну в марианскую крепость.

Серторий создал сильное войско из иберов, обучив его по римскому образцу, и образовал сенат из эмигрировавших в Испанию мари-

анцев. После поражения Лепида к Серторию привел войско, насчитывавшее более двадцати тысяч человек, Марк Перперна, легат Лепида. Вместе с созданными Серторием отрядами иберов это была большая сила. Об успехах Сертория узнал Митридат VI Евпатор и направил в Испанию посольство, с которым было заключено соглашение на условиях признания власти понтийского царя над Азией.

Опасность отпадения Испании и войны с Серторием в Италии, куда он мог бы двинуться по примеру Ганнибала, была столь велика, что сенат отправил в Испанию сразу две армии, одну под командованием консула Квинта Цецилия Метелла, другую во главе с тридцатилетним **Гнеем Помпеем**, не занимавшим никакой должности, но получившим полномочия проконсула. Он был сыном Помпея Страбона, столь ненавистного согражданам, что даже после того как он был убит молнией, его тело сбросили с носилок и осквернили.

Сын в отличие от жестокого и алчного отца был мягок и обходителен, вел умеренный образ жизни, но, как и отец, был сулланцем. Таким образом, война Метелла и Помпея против Сертория стала продолжением тех войн, которые вел Сулла против Мария и его сторонников.

Метелл и Помпей изматывали силы Сертория, не решаясь вступить с ним в открытое сражение. Когда оно состоялось, самонадеянный Помпей был разбит. Положение спасла подошедшая на подмогу армия Метелла. Но в лагере Сертория не было единства. Эмигранты из Рима проявляли недовольство высоким положением иберов в войске. Возможно, последней каплей явилась децимация (казнь каждого десятого) целой когорты за изнасилование иберийской женщины. В 72 г. Серторий был убит во время пира заговорщиками, возглавляемыми Перперной. Перперна был разбит Помпеем, взят в плен и казнен. Примечательно, что в руки Помпея попала переписка Сертория со своими тайными сторонниками в Риме. Понимая, какую она представляет опасность для погрязшего в междоусобицах Рима и, возможно, не желая ссориться с влиятельными популярами, Помпей бросил все письма, не вскрывая, в огонь.

Это была последняя попытка испанцев достигнуть независимости, а марианцев — сокрушить господство олигархии. Просулланский режим не был сокрушен, поскольку его интересы представлял такой «законопослушный» политик, как Помпей, не захотевший воспользоваться плодами своей победы. Двенадцать лет спустя, повзрослев и набравшись опыта, он ими воспользуется сполна, заключив союз с двумя другими честолюбцами. Испанцам серторианская война ничего не дала, кроме разочарования.

В ходе этой войны, длившейся четыре года, страна была опустошена, многие города разрушены. Массами нахлынули колонисты, заняв лучшие земли.

Начало новой войны с Митридатом. Войной в Испании, связавшей римлян, воспользовался Митридат, не оставивший планов сокрушить римское могущество. Началу войны (74 г.) предшествовала долгая дипломатическая и военная подготовка. Царь Понта укрепил отношения с Арменией, оказав своему тестю, армянскому царю **Тиграну II Великому**, поддержку в расширении его владений на востоке и на юге за счет Парфии и державы Селевкидов. Тигран укрепился в Месопотамии, Каппадокии и Киликии, захватил часть Сирии. Ближе к новым владениям была передвинута царская резиденция. Столицей стал вновь построенный на границе Армении и Месопотамии город Тигранокерта.

Обеспечив себе тыл, Митридат сумел договориться с пиратами, создавшими в то время как бы особую державу и господствовавшими на морях от Боспора до Столпов Геракла. Связь с ними позволила царю заключить соглашение с Серторием, который направил к Митридату инструкторов для оказания помощи в реорганизации его войска по римскому образцу.

Поводом к войне послужило завещание царя Вифинии Никомеда III, по которому его царство отходило Риму. Митридат выступил защитником интересов сына Никомеда и, не завершив реорганизации армии, двинул ее и флот на осаду хорошо укрепленного города Кизика. Осада была длительной. Город готов был уже сдать, когда римский лазутчик, незаметно проплыв на надутом козьем мехе среди кораблей Митридата, принес весть о том, что на подмогу идет римская армия во главе с консулом **Лицинием Лукуллом**. Не взяв Кизика, Митридат отвел свое войско, страдавшее от голода и эпидемий. Затем он был разбит Лукуллом на море и на суше и бежал в Армению к Тиграну.

После этого Лукулл двинулся на Восток, освобождая от понтийцев Вифинию и другие малоазиатские территории, предоставив своему брату операции по освобождению Фракии и левобережного Понта.

Восстание Спартака. И именно в это время в Италии вспыхнуло небывалое по масштабам восстание под руководством Спартака. Через сто пятьдесят лет, начиная свой рассказ об этом событии, историк Флор писал: «Можно даже перенести позор войны с рабами. Ведь обделенные судьбою вовсе, они все же могут считаться людьми, хотя и второго сорта, но усыновленными благами на-

шей свободы. Но я не знаю, каким именем назвать войну, которая велась под предводительством Спартака, потому что рабы были воинами, гладиаторы — начальниками. Одни — люди низкого положения, другие — самого подлого, они приумножили своими издевательствами наши бедствия».

Война началась с восстания в древнейшей из гладиаторских школ Италии, в Капуе. Несколько десяткам гладиаторов удалось вырваться на свободу, и они двинулись к Везувию, принимая в свои ряды рабов с многочисленных вилл Кампании. Покрытая лесом гора стала для восставших крепостью, которую вскоре осадило римское войско во главе с претором. Среди воинов Спартака были люди, знавшие местность лучше, чем римляне, и они указали восставшим выход — через жерло бездействующего кратера. Спустившись вниз с помощью лестниц, сплетенных из виноградных лоз, восставшие прошли незамеченными в римский лагерь и перебили воинов.

Оснащенные захваченным у римлян оружием, гладиаторы в том же 73 г. еще дважды наносили поражения римским войскам и опустошили весь юг Италии — от Пола до Метопонта. Под руководством Спартака и его друзей — германцев Крикса и Эномая — были созданы конница и сильное пехотное войско, действовавшее несколькими отрядами.

Вопрос о дальнейших планах вызвал среди повстанцев разногласия. Спартак, осознавая превосходство римлян, предлагал вывести армию из Италии, Крикс же считал более разумным нанести удар по Риму. Между тем Рим, собравшись с силами, направил против восставших два консульских войска. У горы Гарган римляне разбили отряд Крикса. Спартак, совершив погребение павших по этрусско-римскому обычаю (заставив пленных римлян сражаться у могил как гладиаторов), двинулся с остальной армией на север и разбил в Северной Италии войско обоих консулов. Путь через Альпы был открыт, но Спартак, по неясным нам мотивам, им не воспользовался и повернул войско на юг.

Спартак шел к Сицилии. Имя его гремело по всей Италии. С трудом нашелся полководец, согласившийся возглавить римские легионы. Это был видный сулланец **Публий Лициний Красс**, обладатель колоссального денежного состояния и массы рабов, прославившийся в ходе проскрипций и в сомнительных денежных операциях. Чтобы укрепить пошатнувшуюся дисциплину, он осуществил в одной из вверенных ему частей децимацию. В результате его стали бояться больше, чем Спартака.

С победными боями Спартак достиг крайнего юга Италии. Пираты обещали ему корабли для переправы в Сицилию, но, видимо, подкупленные, обманули. Тем временем подошел Красс и прика-

зал перегородить перешеек рвом от моря до моря и насыпать мощный вал. Однако Спартак в грозовую ночь преодолел это препятствие и двинулся к Брундизию в надежде перебраться в Грецию. В походе в войске Спартака снова обнаружились разногласия, часть воинов отделилась и сразу же была уничтожена следовавшим по пятам Крассом.

На помощь Крассу сенат срочно вызвал войска из провинций. Непрерывно прибывали корабли со свежими отрядами. Узнав об этом, Спартак изменил свой план и повернул войско навстречу римским легионам. В 71 г. в решающем ожесточенном сражении Красс одержал победу над Спартаком и 6 000 спартаковцев попали в плен. Они были распяты на крестах вдоль дороги, ведущей из Капуи в Рим.

Реформа 70 г. Подоспевший тем временем Помпей уничтожил остатки армии Спартака, двигавшейся на север. Так в Риме оказалось два соперничающих полководца, готовых вступить в открытый конфликт. Но все ограничилось компромиссом. Победители Спартака были выбраны консулами на 70 г. и под давлением поднявших голову противников Суллы отменили ряд сулланских законов, вызывавших наибольшее негодование общественности. Была восстановлена в полном объеме власть народных трибунов, реформирован суд. Отныне судебные комиссии составлялись поровну из сенаторов, всадников и эрарных трибунов, выбиравшихся обычно из богатых плебеев. Вновь избранные цензоры провели чистку сената, избавив его от шестидесяти четырех сенаторов, наиболее запятнавших себя участием в проскрипциях. Таким образом, консулы-сулланцы Помпей и Красс ради сохранения власти перекрасились, превратившись в популяров (процесс, имеющий в истории множество параллелей).

Золотая пора пиратства. Морской разбой — одна из древнейших «мужских профессий». Еще в греческом мифе описаны наглые морские разбойники тиррены, охотившиеся за людьми. Однажды они захватили красавца юношу в надежде продать подороже и привязали его к мачте, а он взял и выпустил из себя лозы с листьями и виноградными гроздьями, ибо в облике юноши был сам бог Дионис. В ужасе прыгнули пираты в море и превратились в дельфинов.

Видимо, создателем этого мифа был человек, побывавший в лапах пиратов и призывавший на них гнев богов. Но пираты богов не боялись и действовали все наглее и наглее. Золотой порой пиратства стала вторая половина II в. и первая треть следующего, I в. Никогда еще в истории круга земель не складывались лучшие

условия для разбоя на море, чем в это время. По словам Плутарха, «в период междоусобных войн, когда сражались у ворот самого Рима, оставшееся беззащитным море мало-помалу привлекло пиратов... Теперь уже и влиятельные богачи, и блестящие аристократы, считавшие себя выше других по уму, стали поступать на пиратские суда и участвовать в экспедициях пиратов, словно это занятие приносило им известность и удовлетворяло их честолюбие... Пираты владели более чем тысячью судами. Число же захваченных ими городов доходило до четырехсот. Их могущество распространялось все более и более над всем Средиземным морем, вследствие чего прекратилась всяческая торговля и стало невозможным мореплавание».

Распространению пиратства способствовала также вражда между Римом и понтийским царством. Митридат VI Евпатор взял пиратов в долю и стал им платить полноценным колхидским золотом. После этого пираты вовсе распоясались. В 72 г. их вождь Гераклион, пустив ко дну римскую флотилию, стал появляться в Сиракузах, центре римского наместничества, всего на четырех легких судах, и никто не осмеливался на него напасть. Два года спустя подручный Гераклиона высадился в Сиракузах и, заняв часть города, разослал отряды для грабежа соседних вилл. Тогда же подчинявшийся наместнику Сицилии остров Липара прекратил платить налоги Риму, ибо пираты уже обложили его данью. Римляне опять отправили против пиратов флотилию под предводительством претора. Пиратов удалось несколько потеснить. Но они не остались в долгу, уничтожив в главном порту Рима, Остии, другую римскую флотилию. К тому же они совершили набег на виллу воевавшего с ними претора, сожгли ее и взяли в плен сестру римского командующего.

Помпей и пираты. Так, устранив почти всех соперников на суше, Рим неожиданно для себя обрел опаснейшего противника на морях. В Италии, уже зависевшей от поступления заморского хлеба, наступил голод: торговцы опасались выходить в море. В страхе перед пиратами римские сенаторы вынуждены были проводить жаркое лето в Риме, ибо пока еще разбойники в городе на семи холмах не появлялись.

И объявил сенат в 67 г. в первый и последний раз в истории войну пиратам, назначив главнокомандующим лучшего римского полководца Гнея Помпея. Вся акватория круга земель с побережьем островов и полуостровов была разделена на 30 округов. Во главе каждого из них был поставлен начальник эскадры, подчиненный Помпею. Операцию начали одновременно и завершили через со-

рок дней. На Внутреннее море была заброшена сеть, и пираты в нее попались: были уничтожены 1300 пиратских судов, захвачены 400 кораблей (в том числе 90 настоящих военных), в сражениях погибло 10 000 пиратов, 20 000 попало в плен. На веслах пиратских кораблей было немало тех, кого пленили разбойники, и они получили свободу. Да и самих пиратов Помпей, против обыкновения, не стал распинать на крестах, а вернул в Киликию к овцам и баранам, позаботившись лишь о том, чтобы были разрушены неприступные горные крепости.

Война с Митридатом и Тиграном. Еще до этого возобновилась война Рима с Митридатом и его союзником Тиграном. Лукулл в 73 г. повел свои легионы к понтийским землям сушей, через труднопроходимые горы, где еще не ступала калига римского воина. Здесь можно было ожидать засады в любом ущелье. Да и тяготы наступления в пересеченной и безводной местности вызывали все возраставший ропот легионеров. Но неожиданность нападения, обеспечившая в сходной ситуации победу Ганнибалу над римлянами, принесла успех больший, чем можно было ожидать. Разбитый в нескольких битвах у себя на родине, Митридат бежал в сопровождении всего лишь двух тысяч всадников в Армению.

Лукулл продолжал наступление, понимая, что промедление позволит Митридату собраться с силами (ведь он еще владел Колхидой, Северным Кавказом и Таврикой, и людские его ресурсы были почти не тронуты). И это принесло новую победу. Пала столица Тиграна Тигранокерта. В руки римлян попала огромная добыча. Однако Митридату удалось уйти на север, и война, таким образом, продолжалась.

Между тем в Риме назревало недовольство Лукуллом, который действовал слишком самостоятельно, не сообщив сенату о своих планах. Особенно же были возмущены им откупщики и дельцы, грабежу которых в римских восточных провинциях Лукулл с целью сохранения прочного тыла препятствовал. В этих условиях сенат принял решение не продлевать ему полномочий для окончания войны, а передать их Помпею, только что завершившему войну с пиратами.

После нескольких месяцев подготовки и собирания сил Помпей во главе римской армии вступил в пределы Понта. К этому времени Митридату удалось собрать 30-тысячное войско, но, понимая, что оно не подготовлено к войне с римскими легионами, царь отступил на восток для соединения с войском своего союзника Тиграна. Помпею удалось отрезать отступавшим путь и во время ночного нападения на их лагерь почти полностью уничто-

жить неприятеля (66 г.). Митридат с несколькими спутниками бежал в Колхиду.

Римляне в Закавказье. Победители вступили в Армению, уверенные, что там им будет оказано сопротивление. Но Тигран, расторгнув союз с Митридатом, отдал себя и свое царство в распоряжение Помпея. Оставив Тиграну корону, Помпей отнял у Армении все ее огромные владения, наложил огромную контрибуцию и повел войско в неведомое Закавказье.

К востоку от Колхиды, находившейся под властью Митридата и управляемой его сыновьями, лежала Иберия (современная Грузия), населенная земледельцами, обитавшими в селениях и городах, в которых, по свидетельству греческих историков, были «даже дома с черепичными крышами, рыночные площади и другие сооружения, воздвигнутые по правилам архитектуры». Иберами управляли цари, избираемые из числа высшей знати и крупных землевладельцев. Привилегированное положение занимали также жрецы и воины. Основная масса сельского населения жила родами, в которых общим имуществом ведали выборные старейшины.

Низовья реки Кура (Куры) и побережье Каспийского моря занимали многочисленные племена, известные в древности как албанцы. Климат там был в высшей степени благоприятен для занятия земледелием. По сведениям древних авторов, на прилегающих к Каспийскому морю землях удавалось получать два-три урожая в год, несмотря на то, что поля никогда не оставляли под паром и вспахивали не железными плугами, а деревянными сохами. Во главе всех двадцати шести албанских племен стоял один правитель, но каждое из племен говорило на своем языке и имело собственного царя. Общеалбанское ополчение состояло из 60 000 пехотинцев и 22 000 всадников.

Когда римское войско тремя колоннами двигалось из Армении в Иберию, на него напали албанцы. Отрадив нападение, римляне весной 66 г. достигли долины Куры. Иберийский царь Арток согласился пропустить римлян через свои владения, надеясь обрушиться на них во время похода из своих горных крепостей. Разгадав его намерения, Помпей осадил и захватил две иберийские крепости близ владения в Куру реки Арагви. Арток отступил за реку Пелор, но, как только подошли римляне, подчинился Помпею и выдал ему в качестве заложников своих сыновей.

Чтобы обезопасить себе тыл, Помпей начал войну с албанцами. В течение нескольких дней римляне двигались по безводной степи, утоляя жажду водой из десяти тысяч взятых в поход бурдюков. Албанцы дали бой легионам у реки Абанта — притока Куры. Само-

му Помпею пришлось вступить в единоборство с братом албанского царя. В битве, в которой, согласно преданию, сражались пришедшие на помощь албанцам амазонки, римляне взяли верх. Но до Каспийского моря они не дошли, опасаясь, видимо, не столько встречи с главными силами албанцев, сколько столкновения с парфянами, выступившими в поход против Армении.

Весть о захвате римлянами Иберии и о появлении у берегов Колхиды римского флота вынудила Митридата покинуть греческую колонию Диоскуриаду (Сухуми) и двинуться на север, напрямик через Кавказский хребет в Боспорское царство. Помпей не стал преследовать Митридата, а направился в Сирию, уже очищенную от армянских гарнизонов.

Новые римские провинции. После ухода из Сирии армянских гарнизонов она пришла в состояние полного упадка. Богатейшая из стран Востока безнаказанно разорялась арабами. Сирийские города переходили от одних правителей к другим. В Антиохии правили потомки Селевка, оспаривая друг у друга потерявшую авторитет власть. На просьбу одного из них, Антиоха Эпифана, утвердить его правителем Сирии Помпей язвительно ответил, что не может возвратить власть тому, кто не сумел ею воспользоваться. Так Селевкиды, под владичеством которых Сирия находилась 260 лет, были низвергнуты и к числу римских провинций прибавилась еще одна — *Сирия*. Помпею потребовался целый год для изгнания из Сирии арабов и отвоевания городов, захваченных отдельными правителями.

Лицом к лицу с Римом оказалась Иудея. Там в это время внутри царского дома шла борьба за власть между братьями Гирканом и Аристокбулом, а связанные с жречеством влиятельные иудеи вообще добивались отмены царской власти. Они направили делегацию к Помпею, и тот, опираясь на просьбу противников царской власти, распорядился, чтобы иудеями правил первосвященник. Царь Аристокбул подчинился этому решению, но иудейская армия отказалась повиноваться. Войско Помпея захватило Иерусалим. Противники римлян укрепились на храмовой скале и защищали ее в течение трех месяцев. Но силы были неравными. Знаменитый храм Иерусалима был разграблен. Захваченные ранее Иудеей греческие города были переданы Сирии. Аристокбул в благодарность за оказанную римлянам поддержку был объявлен первосвященником.

К римским владениям были присоединены *Вифиния* и *Понт*, формально считавшиеся самостоятельными государствами. Армения, Иберия и Колхида также попали в зависимость к Риму. Так Рим стал твердой ногой на средиземноморском Востоке, где оставалось лишь одно формально независимое государство — Египет.

«Здесь закололся Митридат». В то время когда Помпей действовал в Сирии и воевал с иудеями, Митридат, не сломленный поражениями, готовился к новой решительной схватке с Римом. Если раньше центрами антиримского сопротивления были Карфаген, Коринф, Пелла, Афины, Синопа, то в 64—63 гг. последним прибежищем противников Рима стал город на берегу Боспора Киммерийского, с именем которого вот уже несколько столетий связывались доставляемый в Грецию хлеб и дорогие сорта рыбы. Заняв акрополь Пантикапея, на горе, которая доньше носит имя Митридат, шестидесятисемилетний царь разрабатывал план повторения похода Ганнибала — нанесения по Риму удара через Альпы, но не с помощью нумидийцев и испанских иберов, а силами скифов, сарматов и кельтов (со скифами, считавшимися со времен Дария неодолимыми, царь уже заключил союз, дав их правителям в жены своих дочерей).

Но боспорским грекам, получавшим доходы от торговли хлебом и соленой рыбой, планы великого противника Рима были чужды. Они не хотели воевать с римлянами. Они хотели с ними торговать. Первым на сторону Рима переметнулся город Фанагория, расположенный по ту сторону Боспорского пролива, на Таманском полуострове. Его правитель, носивший благородное имя Кастор, предал царя: он не только захватил город, но и выдал римлянам находившихся там сыновей Митридата. Предательство было по достоинству оценено Римом: Фанагория, единственная из городов Таврики, получила независимость.

Примеру Фанагории последовали Феодосия и Херсонес. Их возмущение Митридату удалось подавить, но тут замыслил измену его сын Фарнак. К Фарнаку присоединились даже наиболее верные Митридату италийские перебежчики, а вслед за ними и вся армия, флот. С высоты акрополя Митридату как-то предстало целое море голов тех, что поддержали Фарнака. Оставался яд, но он не подействовал, так как Митридат десятилетиями принимал противоядия. И царь подставил шею под меч своего верного телохранителя. «Здесь закололся Митридат», — написал Пушкин, провожая с корабля взглядом место гибели великого противника Рима и крушения его планов.

Бурлящий Рим. В те годы, когда Лукулл и Помпей, ведя войны на Востоке, расширяли пределы римской державы, ее столица напоминала бурлящий котел. В 70 г. было возвращено значение народным собраниям. Честолюбивые политики рвались к власти любой ценой. Имел значение голос каждого гражданина, и голоса эти открыто покупались и продавались. За избирателями ухаживали.

Марк Туллий Цицерон

Им угождали. Их развлекали цирковыми играми и дорогостоящими гладиаторскими боями. И, разумеется, не скупилась на обещания. Для кандидатов сочинялись специальные трактаты, рекомендуемые, какими способами надо добиваться голосов. Коррупция становилась предметом научной разработки.

Восходящими политическими звездами в те годы были **Цезарь**, **Катилина** и **Цицерон** — люди, совершенно разные по характеру, но бесспорно талантливые, если не сказать гениальные.

Политическая карьера Гая Юлия Цезаря, принадлежавшего к захудалому патрицианскому роду, возводившему свое происхождение к Энею и

его матери Венере, началась в годы господства врага римской аристократии Гая Мария. Для покровительства мальчику Цезарю у Гая Мария были чисто личные причины: он был его дядей, точнее, супругом сестры матери Цезаря. Тринадцатилетний юнец стал одним из жрецов Юпитера. Родство с Марием обеспечило юноше выгодный брак с дочерью преемника Мария, могущественного Корнелия Цинны. С приходом к власти Суллы брак с Корнелией стал опасным для Цезаря и едва не привел его к гибели, но развестись Цезарь отказался (кажется, это был первый и последний принципиальный поступок в его жизни). В изгнании он выказал не только железную волю, но и талант актера. Будучи пленен пиратами, он прикинулся ученым «не от мира сего» и, обманув их бдительность, организовал захват пиратского корабля, а затем самовольно, без разрешения наместника ближайшей провинции, распял на крестах благоволивших к нему разбойников.

Цезарь возвратился в Рим и стал целенаправленно добиваться высшей власти в государстве, используя для этого все — и мужское обаяние, и дружеские связи, и недюжинные ораторские способности. Объявив себя противником сулланской конституции и «популярным», он в кругу сулланцев восхищался политическим талантом Суллы, а обращаясь к народу, подчеркивал свое родство с Марием и приверженность его идеям. В 65 г., когда Красс был цензором, а его неоплатный должник Цезарь — квестором, на Капитолии ночью кто-то выставил трофеи Гая Мария. И все понимали, что эту

демонстрацию организовал Гай Цезарь, а бывший сулланец Красс ей не воспрепятствовал.

В этом же году в первые ряды политических деятелей выдвинулся и Луций Сергий Катилина. Мы знаем об этом человеке только со слов его злейших врагов, но и их характеристики создают образ человека неординарного, способного увлечь и заворочить или вызвать ненависть и зависть: «Луций Катилина, — писал его биограф, — происходил из знатного рода и отличался большою силою духа и тела, нравом же скверным и развращенным. Еще мальчишкою он полюбил междоусобицы, резню, грабежи, гражданские смуты, в них и закалил себя смолоду. Телом был невероятно

Гай Юлий Цезарь

терпелив к голоду, к стуже, к бессоннице. Духом — дерзок, коварен, переменчив, лицемер и притворщик, готовый на любой обман, жадный до чужого, расточитель своего; в страстях необуздан, красноречия отменного, мудрости невеликой. Неумный, он всегда рвался к чему-то чрезмерному, невероятному, слишком высокому».

Катилина был кумиром римской аристократической молодежи, которая ходила за ним по пятам. Противники обвинили его в вымогательстве в провинции и одновременно в попытке прийти к власти насильственным путем. И тогда Катилина выдвигает радикальные лозунги: отмена долгов и передел земель. Если земля в это время плебеев мало интересовала (выгоднее было оставаться в Риме и продавать свой голоса), то задолженность была всеобщим бедствием, и здесь Катилина мог рассчитывать на успех.

Почувяв нешуточную угрозу, римское всадничество, в руках которого были сосредоточены ростовщические операции, выдвигает своего кандидата — блестящего оратора Марка Туллия Цицерона. Цицерон построил свою избирательную кампанию в прямо противоположном Катилине направлении, объявив себя защитником интересов имущих прослоек римского общества, союза сенаторов и всадников («согласия сословий»). Не будь Катилины с его программой, «новому человеку» Цицерону никогда бы не попасть в сенат: Катилина поднял Цицерону цену.

В консулы вместе с Цицероном прошел один из сторонников Катилины, которого Цицерон предусмотрительно привлек на свою

сторону, отказавшись в его пользу от выгодного наместничества в Македонии. Разумеется, Катилина, человек непреклонной воли, не оставил надежды на власть. Но, действуя без должной конспирации, он дал в руки Цицерона ряд фактов (или подозрений), которые тот сумел силой своего красноречия представить как заговор, угрожающий самому существованию римского государства.

После выступления Цицерона в сенате Катилина вынужден был покинуть Рим и отправиться в Этрурию, где у него были сторонники, готовые оказать ему поддержку силой оружия. Вслед за тем по обвинению Цицерона была схвачена группа сторонников Катилины. Сенат приговорил их к смертной казни. За смягчение наказания (сохранение жизни и высылку из Рима) выступил один Цезарь, что многими было воспринято как соучастие в заговоре. Цицерон мог считать себя спасителем отечества. Против Катилины в Этрурию было послано консульское войско. Битва была ожесточенной. Выставив свои ряды, Катилина приказал увести коней и встал около орла, некогда бывшего у Мария. После окончания сражения, завершившегося победой консульского войска и героической гибелью Катилины, среди трупов павших врагов многие узнавали кто друга, кто родственника.

Низы, защитником которых выставлял себя Катилина, не оказали ему никакой поддержки. И это не следует рассматривать как проявление слабости городской демократии. Римский политический опыт, даже не столь долгий, как греческий, приучил к осторожности. В народных доброхотах умели распознавать демагогов, преследующих своекорыстные цели. Скорее всего Катилина во всех этих бурных событиях был подставной фигурой, марионеткой Красса, в то время сблизившегося с Цезарем. Поскольку Цезарь был заподозрен в причастности к замыслам Катилины, Красс поторопился отправить его наместником в Испанию, уплатив за него срочные долги и поручившись колоссальной суммой в 830 талантов.

Источники. Римская история от смерти Суллы до образования 1-го триумvirата — один из наиболее полно освещенных древними авторами периодов римской истории, единую канву которого дают эпитомы 90–103 книг Тита Ливия и соответствующие разделы труда Флора. Кроме того, мы имеем целую серию портретов наиболее крупных политиков, созданную Плутархом: биографии Лукулла, Помпея, Красса, Цезаря, Цицерона. Великолепным источником являются свидетельства современника — письма и речи Марка Туллия Цицерона, вводящие в гущу политических событий бурного времени, а также весьма любопытный документ эпохи — наставление, адресованное Цицерону его братом Квинтом с советами, которые должны были помочь в достижении консульской должности тому, кого потомственные аристократы с презрением называли «новым человеком».

Серторианское движение раскрывается в «Испанской книге» «Римской истории» Аппиана, а также в плутарховых биографиях Сертория и Помпея.

Лучше всего мы осведомлены о Третьей Митридатовой войне и возникновении после победы над Митридатом и его союзником Тиграном новых римских провинций, благодаря полностью сохранившейся «Митридатовой книге» «Римской истории» Аппиана и плутарховым биографиям воевавших с Митридатом Лукулла и Помпея. Нарративные источники дополняет прекрасный эпиграфический материал, раскрывающий позиции отдельных городов и частных лиц по отношению к Риму и Митридату.

Главные источники, повествующие о восстании Спартака — Аппиан (книга «Гражданских войн») и Плутарх (биография Красса). В спорный вопрос об обстоятельствах гибели вождя восстания вносит лепту и археология — подтверждающий версию Аппиана фрагмент фрески из Помпей, передающий два эпизода последнего сражения Спартака. Первый из них — схватка двух всадников, один из которых, пад чьей головой надпись «Феликс из Помпей», наносит копьем удар в бедро другому, над которым стоит надпись «Спартак». Вторая сцена, несмотря на плохую сохранность фрески, позволяет понять, что раненый продолжает сражаться, опустившись на колени.

О консульстве Помпея и Красса мы узнаем главным образом из соответствующих плутарховых биографий и из «Гражданских войн» Аппиана. Начавшаяся после 70 г. борьба с сулланами ярче всего иллюстрируется серией речей Цицерона против алчного наместника Сицилии Верреса.

Одним из основных источников, освещающих борьбу с пиратами и возвышение Помпея, являются речи Цицерона в поддержку законов о предоставлении Помпею сначала чрезвычайных полномочий в борьбе с пиратами, а на следующий год — командования в войне с Митридатом. Они вводят в политическую атмосферу намного глубже, чем любое историческое повествование.

На первый взгляд прекрасно обеспечена источниками история заговора Катилины, поскольку имеется знаменитая серия речей Цицерона против Катилины и специально посвященная заговору монография Саллюстия «Заговор Катилины». Однако оба автора, особенно Цицерон, были противниками Катилины, и нарисованный ими образ страдает преувеличениями. Из-за этих преувеличений невозможно до конца понять выдвинутую заговорщиками программу, отчего и вопрос оценки Катилины до сих пор остается спорным.

Глава 32

ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ (60—31 ГГ. ДО Н. Э.)

Союз ради могущества. Вскоре после победы над пылким неудачником Катилиной, которого Цицерону удалось представить чудовищем, готовым поджечь Рим и перерезать всех от мала до велика, с Востока прибыл Помпей, отпраздновавший трехдневный триумф с необычайной помпой.

Победитель провел по городу цвет всей Азии, представителей едва ли не всех народов со странно звучащими для римского уха именами, а также трон и скипетр Митридата, его статую из чистого золота, всю его коллекцию драгоценных камней, его семерых сыновей, сына армянского царя Тиграна, огромное число повозок с золотом и серебром. Сам победитель стоял на жемчужной колеснице

в потертой тунике, которую, однако, до него носил сам Александр Македонский. По окончании церемонии Помпей переоделся в тогу и, как простой гражданин, вернулся в свой дом, ожидая, что сенат в благодарность за победы утвердит все сделанные им на Востоке распоряжения и даст его ветеранам участки в благодатной Италии. Но сенат не торопился навстречу победителю ни в одном из его пожеланий. И тогда Помпей обратил близорукий взор свой на Гая Юлия Цезаря, только что вернувшегося из Испании, где он ограбил всю населенную лузитанами область. Связующим звеном между обоими стал Красс. Недовольный сенатом, он рассчитывал обеспечить себе в государстве то положение, на которое мог претендовать как самый богатый человек Рима.

Цезарь поначалу подумывал взять в компанию Цицерона, успешшего к тому времени описать свои подвиги и благодеяния отечеству в книге «О своем консульстве». Но возгордившийся Цицерон еще не решил, чью сторону принять. Да и союз с ним мог бы отшатнуть от Цезаря тех, кто не простил великому оратору беззаконной расправы над катилинариями. Так что решили действовать втроем, подали друг другу руки и обещали использовать все свои средства и влияние, чтобы консулом на 59 г. был избран Цезарь, который и должен был добиться утверждения распоряжений Помпея на Востоке и всех его обещаний ветеранам, а для Красса обеспечить уменьшение откупных сумм налогов в провинции Азии.

Тайный союз трех — *триумвират*, названный Варроном «трехглавым чудовищем», таким образом, замысливался как временное предвыборное соглашение, направленное на решение ближайших задач; но в ходе политической борьбы оно фактически преобразовалось в правительство, отодвинувшее на задний план сенат и народ.

«Консульство Юлия и Цезаря». Коллегой Цезаря по консулату стал ставленник сената Марк Кальпурний Бибул, пытавшийся продемонстрировать равные с Цезарем права и накладывать вето на его распоряжения. Но Цезарь действовал как единоличный правитель, и это вызвало у римлян, еще не разучившихся шутить, реплику — «консульство Юлия и Цезаря» (вместо «Цезаря и Бибула»).

Первым был проведен аграрный закон. На средства, собранные Помпеем на Востоке, должна была быть приобретена земля для раздачи ветеранам Помпея. На передел был также пущен остаток «общественного поля» в Кампании, так что удалось наделить землей до двадцати тысяч многодетных семей. Используя какие-то близкие к событиям источники, исходящие из сенаторских кругов, Плу-

тарх говорит, что Цезарь, «из желания угодить черни внес законопроекты, приличествующие более какому-нибудь дерзкому трибу-ну, чем консулу».

Утверждены были также и все распоряжения Помпея на Востоке, все его единоличные назначения на царские троны. Прибывший в Рим царь Египта Птолемей Авлет вручил за это триумвирам 6 000 талантов. Позаботился Цезарь и о том, чтобы наладить отношения с всадниками. Взамен «согласия сословий», на которое возлагал надежды Цицерон, возникла дружба всадников с Цезарем, который добился для них значительных льгот, в частности, снижения на треть откупных платежей.

Для укрепления своего союза Цезарь и Помпей породнились: Помпей отдал Цезарю в жены свою дочь. После окончания консульства Цезарь получил сразу три проконсульства — в Цизальпинской Галлии, Нарбонской Галлии и Иллирии.

Едва Цезарь покинул Рим, как там началась возглавляемая его приверженцами-популярами кампания против Цицерона, которую возглавил избранный не без содействия Цезаря народными трибуном преданный ему Публий Клодий. Великого оратора и «спасителя отечества» проклинали на всех углах как убийцу римских граждан. Его обливали грязью, причем не фигурально, а физически — бросая комки в спину. Народ принял решение изгнать Цицерона из Рима (за допущенное в 62 г. нарушение закона о праве приговоренного к смерти на апелляцию к народному собранию), а его дом снести, воздвигнув на этом месте храм Свободы.

Войны Цезаря в Галлии. В Риме с давних пор существовала формула вступления в брак: «Куда ты, мой Гай, туда и я, твоя Гайя». Ее произносила невеста в знак того, что от полного подчинения отцу она переходит под власть мужа. Эти же слова могла бы произнести и римская держава в тот день, когда Цезарь выступил во главе всего двух легионов в свою провинцию, ибо новоявленный «супруг» в неумеренной погоне за славой и богатством вовлечет Рим в такую пучину бедствий, в сравнении с которой гражданские войны времен Суллы покажутся детской забавой. Более того, этот человек с глазами цвета стали и уже проглядывавшей сквозь густые волосы лысиной — знаком то ли тяжких раздумий, то ли неумеренных любовных походов — станет могильщиком республики и основателем монархического режима. Это от его имени произойдут наши слова «царь», «кесарь» и немецкое «кайзер».

Но пока Цезарь еще только двигался к Альпам с твердым намерением не ограничиться ролью наместника Цизальпинской Галлии, а расширить римские владения за счет соседней с римской провин-

Римский центурион. I в. до н.э.

цией Галлии Трансальпинской, населенной независимыми кельтскими племенами, еще не знавшими, что этот человек уничтожит их многовековую культуру, заставит забыть своих богов и свой язык.

Свободная, или «дикая» Галлия, как ее называли римляне, была в географо-этнографическом отношении разделена на три части. Юго-западная часть, между Пиренеями и р. Гарумной (Гаронной) была населена аквитанами, кельтской народностью с сильной иберийской примесью; центральную часть, между реками Секваной (Сеной) и Мозеллой (Мозелем) заселяли галлы (кельты); на севере, между Секваной и Реном (Рейном), жили кельто-германские племена белгов. Население занималось земледелием и скотоводством, ремеслами.

Городов в собственном смысле слова в Галлии еще не было. Существовали укрепленные поселения, в которых скрывалось население во время частых войн. Там жили ремесленники и устраивались ярмарки. За власть в области, которая непосредственно примыкала к римской провинции, боролись три племени — эдуи, секваны и арверны. Секваны, центром которых было поселение Лютетия (совр. Париж), пригласили на подмогу вождя германского племени свевов Ариовиста, уступив ему за это часть своих примыкающих к Ренну земель. Это вызвало перемещение племени гельветов, которое снялось с мест своего обитания в Альпах и двинулось на запад к плодородным долинам.

Путь гельветов должен был пролегать через римскую провинцию, но Цезарю показалось опасным появление там массы варваров, которых было не менее трехсот тысяч. И гельветам пришлось избрать более отдаленный путь — через земли секванов и эдуев. Тогда Цезарь перешел границы провинции, догнал гельветов и в июне 58 г. разбил их близ Бибракте.

Оставшаяся часть гельветов вынуждена была вернуться в свои горы и заключить союз с Римом.

Следующей задачей Цезаря было ослабить германцев. Инспирированное им собрание галльских вождей было созвано в Бибракте и обратилось к Риму за помощью. Это позволило Цезарю предъявить требования к Ариовисту. Однако тот их не принял. Осенью 58 г.

близ Рена Цезарь одержал над германцами решительную победу. Лишь немногим из них во главе с вождем удалось переплыть на правый берег великой реки.

Встреча в Луке. За пять лет войны, которую Цезарь начинал с двумя легионами, число их увеличилось сначала до четырех, затем до шести и, наконец до десяти. Это были легионы, чья преданность полководцу умело поддерживалась и увеличением вдвое жалования, и постоянными раздачами воинам земли и рабов. Деньги, которые Цезарь приобрел в изобилии благодаря ограблению священных прудов, в которые галлы на протяжении многих поколений бросали в жертву богам золотые слитки, шли и в Рим, используя на подкуп не только должностных лиц, но и их жен. Однако к 56 г. обстановка в Риме начала меняться не в пользу Цезаря: сторонники Цицерона добились полного его восстановления в правах, вернулся в Рим страстный и непримиримый республиканец Катон Младший, более чем на год удаленный из Рима под благовидным предлогом необходимости принять переданный Риму в наследство остров Кипр. Все это поставило триумвиров перед необходимостью согласования совместных действий.

Весной 56 г. триумвиры встретились в небольшом городке Луке. После побед Цезаря тайный сговор троих был признан значительной частью сената. Помпей и Красс прибыли к Цезарю в Луку в сопровождении почти двухсот сенаторов, среди которых были даже консулы и преторы, так что в свите оказалось 120 ликторов с фасками. Было решено, что на ближайший год консулами станут Красс и Помпей и что они добьются продления полномочий Цезаря в Галлии еще на пять лет, Помпей же получит по окончании консулата на такой же срок власть над Испанией, а Красс — над отдаленной Сирией.

За золотом Парфии. Применяя подкуп и прямое насилие, Помпей и Красс действительно добились избрания в консулы на 55 г. Один лишь Катон пытался воспрепятствовать безальтернативным выборам. Он убедил одного из собственных родственников не снимать своей кандидатуры и вступить в состязание за консульскую власть. Однако когда в предрассветном сумраке кандидат двигался в сопровождении гордого успехом своего красноречия Катона, факельщиков и телохранителей на Марсово поле, неожиданно появился отряд вооруженных гладиаторов, принадлежащих кому-то из триумвиров. В результате один из факельщиков был убит, сам кандидат ранен и, несмотря на настойчивые мольбы Катона, предпочел повернуть назад. Так Помпей и Красс, не имея соперников,

стали консулами и провели в жизнь решения, принятые в Луке, после чего, кажется, утратили интерес к дальнейшему законотворчеству. Во всяком случае, до конца в консульской должности оставался лишь Помпей. Крассом, которому уже перевалило за шестьдесят, овладела ребяческая гордыня, и он, называя походы Лукулла и Помпея «детскими забавами», простирает в мечтах свою власть до Индии: Сирия была пограничной провинцией — за нею начинались владения парфянских царей.

Парфянское царство возникло в ходе вторжения полукочевого народа иранского происхождения парфян в пределы Греко-Бактрийского царства и гбнущей державы Селевкидов. Восточный поход Антиоха VII против парфян в 130—129 гг. завершился катастрофой. Завоеватели распространили власть на Месопотамию и превратили в зависимое государство Армению. Парфянские цари считали себя наследниками персидской державы Ахеменидов и восстановили многие вышедшие из употребления древнеперсидские институты.

На службе парфянских царей и сатрапов было немало греков, использовавшихся в качестве переводчиков, художников, артистов, деловых людей, строителей. Но высших постов в государстве им не доверяли. В состав Парфии входили и некоторые греческие города, пользовавшиеся автономией. Несмотря на частичную эллинизацию парфян, они сохраняли свои порядки и культуру.

Парфянские цари обладали могущественной армией, самой сильной частью которой была конница — тяжеловооруженные и легковооруженные всадники-лучники. Тяжеловооруженные и их кони были защищены железной кольчужной броней.

Первая встреча римлян и парфян на дипломатическом уровне произошла во время войн Суллы на Востоке. Затем началось соперничество, однако до крупных вооруженных столкновений дело не доходило. Красс, помня о победах Лукулла и Помпея, считал войну с Парфией легкой и рассчитывал на быстрый успех, тем более, что набранная им армия насчитывала 11 легионов. Такая армия еще никогда не была сосредоточена в руках одного полководца, и это было воспринято как явная подготовка к военной диктатуре. Красса пытались удержать. Трибуны не просто наложили вето — один из них пошел на небывалый шаг, произнес слова проклятия в адрес нарушителя священного обычая вето. Но Красса уже ничто не могло остановить. Он неудержимо рвался к славе Александра Македонского и золоту Парфии, и сорокапятитысячная армия выступила из Рима.

В 54 г. Красс вторгся в Месопотамию и, захватив ряд городов, вернулся в Сирию. После этой разведки в 53 г. было предпринято генеральное наступление. При переправе через Евфрат опрокинулся плот, и водоворот поглотил несколько римских знамен. Римляне

были суеверны, и многие побледнели от ужаса при этом знамении, но Красс его даже не заметил. Взор полководца был устремлен к багровому солнцу, показавшемуся ему золотым слитком.

На первой стоянке к римскому лагерю прибыли парфянские послы, интересовавшиеся по поручению своего царя, что было причиной нарушения договора о ненападении, заключенного с Суллой и Помпеем, — решение римского народа или жажда золота, извинительная в преклонном возрасте? «Я дам ответ в Селевкии», — напыщенно ответил Красс.

Путь в Селевкию лежал по безлесным равнинам и безводной пустыне. Семь легионов, сопровождаемых кавалерией и отрядами легковооруженных воинов, растянулись в колонну длиной около 20 км. Воины страдали не только от усталости и жажды или от уныния, вызываемого самой местностью. Парфяне, все время незаметно следившие за продвижением римского войска, появились неожиданно, устрояя глухим гулом и ослепляя блеском оружия. В завязавшемся близ *Карр* сражении (53 г.) сначала погиб передовой отряд, возглавляемый сыном полководца, а затем остальная армия, лишенная защиты конницы, была засыпана тучами стрел. Красс, вызванный для переговоров, был убит. Его голову и отрубленную правую руку доставили в Селевкию, где в страшный оскал рта влили расплавленное золото.

В *битве при Каррах* погибло более 20 000 и попало в плен около 10 000 римлян. Остатки рассеянного римского войска квестор Гай Кассий Лонгин (будущий организатор убийства Цезаря) отвел в Сирию. Парфяне было вторглись в римскую провинцию, но отошли вскоре за Евфрат из-за внутренних распрей.

Судьба Красса могла бы послужить предупреждением двум другим участникам «союза ради могущества», но Цезарь и Помпей, закусив удила, рвались навстречу собственной гибели.

Операции Цезаря на Западе. Покоряя Галлию, Цезарь неизбежно должен был столкнуться с германцами, соседями галлов. Они не раз переходили Рейн, а в 56 г. возымели намерение обосноваться в галльских землях. Цезарь вступил с германцами в переговоры и, не дожидаясь их завершения, напал на них. Вследствие неожиданности нападения большая часть германцев была уничтожена. Преследуя германскую конницу, Цезарь первым из римских полководцев перешел с войском Рейн и пробыл на правом берегу полмесяца (55 г.).

В том же году Цезарь совершил поход в Британию под предлогом, что обитавшие там кельтские племена не раз оказывали поддержку галлам, с которыми он воевал. В 54 г. в Британию был пред-

принят еще один поход и сделана попытка проникнуть в глубь острова. Но закрепляться в Британии Цезарь не стал, так как усилилось антиримское движение в Галлии.

В 52 г. там вспыхнуло восстание. Восставших возглавил знатный, умный и благородный юноша Верцингеторикс, провозглашенный царем своего племени арвернов и вождем всей Галлии. Во многих галльских городах были вырезаны римские гарнизоны. Отдельные отряды повстанцев проникли в Нарбоннскую Галлию. Заколебались и верные римлянам галльские племена.

В распоряжении прибывшего из Северной Италии Цезаря было всего шесть легионов, к которым он присоединил конницу, наработанную из германцев. В первом столкновении у главного города арвернов Герговии римляне были разбиты. Из рук самого Цезаря был выбит меч, который впоследствии уже покоренные галлы демонстрировали не без гордости. Но вскоре конница Цезаря взяла верх над восставшими. Чтобы остановить беспорядочное бегство, Верцингеторикс отвел своих воинов к сильно укрепленному городу Алезии и стал близ него лагерем. Цезарь, собрав римские войска со всей Галлии, так что численность их достигла одиннадцати легионов, подошел к Алезии и приступил к осадным работам. Силы противников были примерно равны. Но осаждавшие Алезию и лагерь Верцингеторикса римляне сами оказались в осаде более многочисленной, двухсотпятидесятитысячной армии повстанцев, пришедших на помощь Верцингеториксу. В этой критической ситуации проявился военный гений Цезаря. В конце концов голод вынудил осажденных в Алезии сдаться на милость победителя (51 г.). Вся Галлия до Рейна стала римской провинцией.

Огромные богатства, оказавшиеся в руках Цезаря, и попавшие в его полное распоряжение природные ресурсы позволили ему претендовать на единоличное господство в римской державе.

Политическая обстановка в Риме в конце 50-х гг. Еще до битвы при Каррах умерла дочь Цезаря и жена Помпея Юлия, которой удавалось поддерживать согласие между отцом и мужем. Вскоре после гибели Красса смерть унесла сына Юлии. Теперь Цезаря и Помпея ничто не связывало, и они шли навстречу друг другу как враги — племянник Гая Мария и соратник Суллы. Цезаря поддерживали городские низы, для которых он не жалел обещаний. Помпей все более и более сближался с ненавидящей Цезаря частью римского сената: колеблющийся Помпей был для них менее опасен, чем Цезарь, идущий напролом.

В Риме действовали отряды сторонников и противников сената, выяснявшие отношения с помощью оружия. В одной из схваток

сторонниками сената был убит видный цезарианец Клодий (52 г.), и это вызвало такое возбуждение городских низов, что сенат объявил чрезвычайное положение и поручил Помпею навести в Риме порядок. Вопреки римским законам Помпей был назначен единоличным консулом. Это, в свою очередь, рассматривалось сторонниками Цезаря как враждебный по отношению к нему акт. Проведенный Помпеем закон, затруднявший заочное избрание Цезаря в консулы, подтвердил подозрения цезарианцев, что Помпей готовится к решительным действиям против Цезаря, который героически защищает интересы Рима в Галлии.

Жребий брошен. Самая страшная гражданская война, занявшая целое двадцатилетие, началась сразу после завоевания Цезарем Галлии. К несчетным богатствам, добытым в этой хищнической, несправедливой войне, потянулись тысячи, десятки тысяч рук. Мечи, обогранные кровью галлов, германцев, британцев, были обращены победителями друг против друга. На этот раз борьба шла из-за добычи, которую никто не хотел уступать, требуя ее раздела «по справедливости». И было замечено, что никогда так громко и призывно не звучало слово «справедливость», становясь знаменем и паролем для убийств. Таковы были гражданские войны во все периоды человеческой истории. И римляне, которых так часто обвиняли в неумении осознать и научно объяснить гражданские войны, по крайней мере выгодно отличались тем, что не воспевали их и видели в них не начало новой эры, а всенародное бедствие.

В древности было принято: перед началом сражения выходили два воина, чтобы пустить в сторону врага стрелу или дротик. Такими застрельщиками гражданской войны 49—30 гг. стали два триумвира, бывшие тесть и зять — Помпей и Цезарь. Помпей в 49 г. находился в Риме, Цезарь всего лишь с одним неполным легионом — за рекой Рубикон, отделявшей его провинцию от Италии. Срок проконсульства в Галлии истекал, и Цезарь боялся остаться частным лицом хотя бы на один день, поскольку согласно римским законам, человека нельзя было привлечь к ответственности во время исполнения им должностных обязанностей. Поэтому он добивался либо заочного избрания в консулы, либо возвращения с частью войска. Помпей же, только что оправившийся после тяжелой болезни и знавший, что вся Италия молилась за его выздоровление, не шел на уступки, ссылаясь на римский закон. Бежавшие в лагерь Цезаря народные трибуны сообщили ему, что в Риме злоумышленники нанесли на транспорт африканских зверей, доставленных для устройства великолепного праздника по случаю его возвращения, перебили львов, жирафов, страусов, а вместе с ними и их охрану —

рабов Цезаря. Может быть, именно эта картина вставала в воображении Цезаря, когда он, как отчаянный игрок, с верой в пока не изменявшую ему удачу, перемахнул через речку со словами: «Жребий брошен!»

Весть об этом вызвала в Италии переполох. В Риме не знали, сколь велико возглавлявшееся Цезарем войско. Да и не войска, и не самого Цезаря опасались сенаторы, а встававшего за его спиной пугающего призрака проскрипций, передела земель, отмены долгов — всего того, что требовала от Цезаря городская чернь, уже лишенная великолепного зрелища травли зверей. В страхе перед этим призраком Помпей и значительная часть сенаторов бежали в Грецию, надеясь перебраться оттуда в Испанию, где находились легионы Помпея, или вызвать эти легионы в Грецию. Оставляя Цезарю поле боя, Помпей и его советчики явно рассчитывали на то, что со временем сумеют укрепить и перестроить свои силы. Цезарь же завязнет в Риме и своими действиями поставит себя вне закона. Но перед ними был опытный игрок, умевший разгадывать замыслы противника. Вступив беспрепятственно в город, Цезарь не только воздержался от проскрипций, но и вообще не дал повода для обвинений во враждебности к кому бы то ни было. И он одержал победу — пока еще в бескровной битве за общественное мнение.

Мягкость была своего рода демонстрацией силы. Ведь в Риме знали, что в гражданских войнах наибольшую жестокость чаще всего проявляет отчаявшаяся, слабая сторона. Мягкость Цезаря привела к тому, что колеблющиеся (а их было, как всегда, большинство) стали переходить на его сторону.

Борьба за легионы Помпея. Однако Цезарь не обольщался этим успехом. Он прекрасно понимал, что столкнуться с Помпеем придется на поле боя, и поставил главной целью выбить из рук соперника его основное оружие — испанские легионы. Поэтому, не теряя времени, он направился по побережью Италии в Галлию, где стояли его легионы, а затем — уже во главе их — в Испанию.

Неожиданным препятствием оказалась давняя союзница Рима, Массилия, отказавшаяся подчиниться Цезарю и, некстати для него и к несчастью для себя, взявшаяся за посредничество между Цезарем и Помпеем. Поручив Дециму Бруту, одному из своих будущих убийц, осаду города и наказание миротворцев, Цезарь двинулся в Испанию.

Легионы Помпея в Испании возглавляли легаты Помпея — консуляр Луций Афраний и знаменитый римский ученый Марк Теренций Варрон. Война была очень упорной. Цезарь не раз попадал в засады, и жизнь его оказывалась в опасности. Воины его голода-

ли. Но все же в битве при Илерде (49 г.) он одержал победу и принудил пять легионов Помпея к сдаче. И снова Цезарь проявил мягкость, отпустив к Помпею тех, кто этого хотел. Большая же часть войска Помпея осталась с Цезарем.

Битвы в Греции. Готовился к схватке с Цезарем и Помпей. Потеряв испанские легионы, он от имени сената вызвал из других провинций конные и пешие римские отряды, войска союзных царей и собрал огромное войско. С помощью флота он надеялся преградить легионам Цезаря доступ в Грецию. Цезарь действовал с присущей ему стремительностью. Охваченный нетерпением, он, чтобы поторопить свое войско, сел в случайно подвернувшееся судно и приказал кормчему плыть, несмотря на непогоду. Увидев колебания кормчего, он ободрил его: «Чего боишься? Ты везешь Цезаря!»

После переправы легионов Цезаря в Грецию началась длившаяся несколько месяцев война. Цезарь не раз попадал в положение, казавшееся безвыходным. Во время одного из набегов Помпея на его лагерь воины обратились в беспорядочное бегство. Цезарь хватался за древки знамен, чтобы остановить бегущих, и едва не был ими убит. Однако Помпей и на этот раз не сумел воспользоваться успехом, что дало Цезарю основание заметить: «Сегодня победа осталась бы за противниками, будь у них кому победить».

Помпей же с присущей ему нерешительностью продолжал медлить, постоянно советуясь со своими союзниками и хвастаясь, что на его стороне столько азиатских и африканских царей. И все же под растущим давлением соратников Помпей вступил на широкую равнину Фессалии, самой природой как бы предназначенную для великих сражений. С обеих сторон в битве участвовало более 300 000 воинов. Численный перевес Помпея был столь велик, что в его лагере уже спорили по поводу будущих назначений и посылали в Рим гонцов, чтобы подготовить все для триумфальной встречи.

В битве при Фарсале (6 июня 48 г.) победило военное искусство Цезаря, его хладнокровие. Объезжая на коне сражающихся, он отдавал противоречивые приказы: «Бей в лицо» и «Шади сограждан». Первый — для победы, второй — для истории. Видя, что его конница рассеяна и бежит, Помпей покинул поле сражения. Остатки его армии сдались Цезарю, сам же он переправился в Египет, где надеялся найти убежище и приют.

В то время в Египте шла распря между сторонниками тринадцатилетнего Птолемея и его семнадцатилетней сестры Клеопатры. Советники юного царя, полагая, что, устранив Помпея, они сделают Цезаря своим союзником, убили беглеца, как только он высадился на берег.

*Монета с изображением
Клеопатры*

Афродита из ковра. Согласно греческим мифам богиня любви Афродита родилась из морской пены. Александрийская Афродита появилась из ковра. Ибо в ковре внесли прекрасную юную царевну **Клеопатру** во дворец, занятый Цезарем. До этого она пребывала в пустыне, изгнанная александрийцами, которые предпочли иметь царем ее брата Птолемея, поддерживаемого могущественным евнухом Потинном. Цезарь не был евнухом и отдал предпочтение Клеопатре и едва из-за этого не погиб. С четырьмя тысячами воинов он оказался среди восставшего города с миллионным населением, оскорбленным неслыханным вмешательством римлян во внутренние дела Египта. И на этот раз его спасла отчаянная решимость. Из дворца Цезарь

спасся вплавь. Он не остановился даже перед поджогом египетского флота в гавани, чтобы вызвать переполох в стане противника (во время пожара погибла большая часть книжных сокровищ Александрийской библиотеки.).

Девятимесячное пребывание Цезаря в Александрии славы ему не принесло и создавало трудности, которых бы он избежал, находясь в Риме. В это время приверженцы Помпея собирали силы, чтобы дать ему бой. Любовь Цезаря сделала Клеопатру царицей Клеопатрой и матерью младенца, которому дали имя Цезарион («Цезарчик»). Клеопатра и Цезарион были впоследствии погублены приемным сыном Цезаря Октавианом-Августом. Наверное, судьба самого Цезаря могла сложиться иначе, если бы в тот день Клеопатру не принесли в ковре. Дары всеобжигающей богини любви Афродиты никого не доводили до добра, в том числе и ее потомков (Цезарь вел свою родословную от Венеры).

Пришел, увидел, победил. Междоусобицы в Риме, переросшие в гражданскую войну, не могли не сказаться на позиции зависимых от Рима царей. Фарнак II, которому Помпей оставил власть над частью северных владений Митридата VI, вспомнил о величии своего отца и принял его титул «царь царей». Оставалось лишь вернуть власть над утраченными территориями. Перейдя через Боспор Киммерийский в Азию, Фарнак потребовал подчинения

племен, добившихся независимости, для чего ему пришлось отвести одно из русел Гипаниса и направить потоки воды на непокорных. Затем последовал захват Колхиды, в ходе которого было разрушено святилище Ино-Левкофеи, Малой Армении, Каппадокии. Греческие города понтийского побережья оказали сопротивление, и пришлось прибегнуть к их осаде. Однако коренное население Понта встретило Фарнака с распростертыми объятиями, и он уже мог бы считать себя царем царей, если бы в далеком Пантикапее не вспыхнуло восстание, распространившееся и на азиатские владения Боспора. О руководителе восстания Асандре, которого Фарпак оставил наместником, римский историк Аппиан сказал: «Он изгнал Фарнака из Азии».

Узнав об этом, Цезарь поспешил покинуть Александрию и направился со своим войском в Малую Азию. В битве при Зеле Фарнак, войну с которым начал еще Сулла и продолжили Лукулл и Помпей, был разбит. О своем успехе Цезарь сообщил сенату в короткой реляции «Пришел, увидел, победил» (*Veni, vidi, vici*). Она возвещала не только окончательную победу Рима над самым упорным после Карфагена противником, но и то, что с сенатом можно говорить на языке приказов.

Африканская война. Все то время, что Цезарь пребывал вне Рима, столица бурлила. Между должностными лицами, управлявшими от имени Цезаря, шли раздоры. Волновался римский плебс, не дождавшийся выполнения обещаний Цезаря, чем не преминули воспользоваться его противники. В 48 г. один из народных трибунов предложил отсрочить выплату всех долгов на шесть лет, а когда это предложение было отвергнуто, внес еще более радикальный законопроект — об отмене всех долгов и задолженности по плате за жилище. Сенат, в котором преобладали цезарианцы, сместил народного трибуна с должности, и тот направился на юг Италии, где, соединившись с помпеянами, пытался привлечь на свою сторону должников и рабов, обещав последним свободу.

Вернувшись в Рим, Цезарь успокоил плебс новыми обещаниями и некоторыми уступками, из которых наиболее существенной была отмена годовой задолженности за жилье для всех, у кого плата в Риме составляла 2000, а за его пределами — 500 сестерциев. После этого можно было готовиться к войне с помпеянами, укрепившись в Африке. Там враждебные Цезарю силы возглавили Катон Младший, охранявший город Утику, и Сципион. К Сципиону присоединился мавританский царь Юба. Сначала Цезарь напал на Сципиона и Юбу. Слоны последнего, недавно доставленные из тропической Африки, испугались внезапного рева боевых труб и обру-

шились на мавританскую конницу и римскую пехоту, приведя их в смятение. Сципион закололся. Юба вместе с уцелевшими римлянами после роскошного пиршества во дворце принял яд.

Узнав о поражении союзников, Катон Младший не стал испытывать судьбу. Удалившись к себе, он провел ночь в чтении труда Платона о бессмертии души, а затем умер смертью философа, перерезав вены. Катон вошел в историю как самый стойкий защитник Республики, не мысливший для себя возможности жить под властью монарха.

Испанская война. Вернувшись в Италию, Цезарь отметил сразу четыре триумфа: Галльский, Александрийский, Понтийский (над Фарнаком), Африканский (над Юбой, царем Мавритании). Но о главных для самого Цезаря победах — над Помпеем и над Катоном — никто старался не вспоминать. Да и рано было Цезарю торжествовать победу над Республикой: у Помпея еще оставались сыновья, Гней и Секст. И они появились в той же Испании, где Цезарь в свое время начинал войну с легионами Помпея. Теперь там были два Помпея вместо одного.

И вновь Цезаря призвала под свои знамена война. Вновь он с той же быстротой сушей и морем переправил в Испанию свои войска. «Никогда еще, — замечает римский историк, — не сражались так яростно и с таким переменным успехом». Казалось, сама природа вознегодовала на людей, не могущих жить в мире. Разбушевавшийся океан поглотил сразу два враждующих флота. А во время последнего в жизни Цезаря боя при Мунде (март 45 г.) в разгар сражения, как рассказывали потом, вдруг наступила жуткая тишина, и бойцы на миг замерли с поднятыми мечами и копьями, и каждый явственно услышал голос: «Доколе же?!». Напуганные этим знамением, воины Цезаря начали медленно отступать. Тогда Цезарь, спешившись, как безумный, ворвался в их ряды, стал удерживать дрогнувших, умолять, ободрять. И бой возобновился. О его ярости свидетельствует то, что, отступая, помпеянцы воздвигли стену из трупов и пытались найти за нею защиту. Раненый Гней Помпей бежал, но был достигнут и убит. Сексту удалось скрыться.

Преобразования и планы Цезаря. Прибыв в Рим в октябре 45 г. и приняв от сената почести, какие только могли выработать страх, соединенный с раблепием, Цезарь приступил к давно задуманным преобразованиям. Долгие годы он выставлял себя популяром и с помощью подозрительных личностей подрывал авторитет сената. Теперь же он обладал всей полнотой власти. Юридической основой ее была власть пожизненного диктатора и великого пон-

тифика — главы римской религии. Узурпировав полномочия сената, он широко раздавал права римского и латинского гражданства населению не только прилегающих к Италии областей, но и таких отдаленных провинций, как Испания. Одновременно широко осуществлялась римская колонизация: 80 000 ветеранов и неимущих римских граждан были расселены за морем, в том числе и на месте разрушенных Карфагена и Коринфа.

Социальной опорой Цезаря, его помощниками в преобразовании римской державы были также богатые провинциалы, муниципальная знать и верхушка вновь создаваемых Цезарем колоний. Он подчас вводил этих людей в сенат. За пределами сената они должны были руководить работами, которым надлежало изменить облик Италии и всего круга земель. Было намечено осушить Помптинские болота, спустить Фуцинское озеро, проложить от Рима дорогу к Адриатическому морю напрямую через Апеннины, превратить с помощью канала Пелопоннес в остров. Намечались и военные походы против вторгшихся во Фракию дакийцев, а также парфян. Вслед за завоеванием Парфии Цезарь намеревался двинуться в Закавказье, обойти Кавказ по западному берегу Гирканского (Каспийского) моря, достичь Скифии и, покорив ее, через Германию вернуться в Рим. Все эти разносторонние и грандиозные планы не были осуществлены.

Мартовские иды. В Республике, которую Цезарь считал мертвым телом, еще теплилась некая жизнь, если это не были конвульсии. Однако и предсмертных судорог хватило, чтобы увлечь Цезаря в Лид и погрузить римскую державу еще на десятилетие в пучину еще более страшных гражданских войн.

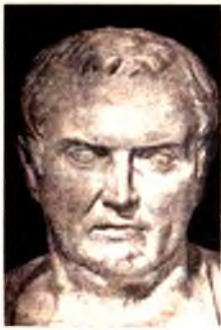
Возник заговор сторонников Республики. Стать Гармодиями и Аристогетами решили 60 сенаторов. Среди них был отважный **Гай Кассий**, участник похода Красса за золотом Парфии. Рядом с ним выступал **Марк Юний Брут**, самонадеянность которого будило у республиканцев радужные надежды. Брут считал себя потомком того самого сурового Брута, который изгнал из Рима царей и стал первым консулом. Впрочем, ходили слухи, что в Бруте текла кровь не первого консула, а самого Цезаря, поскольку мать Брута была любовницей юного Цезаря, а сам Цезарь проявлял о Бруте, сражавшемся на стороне Помпея, необыкновенную заботу.

Монета, выпущенная заговорщиками.

На аверсе — Брут.

На реверсе — фригийская шапка (знак освобождения, поскольку она надевалась на голову отпускаемого на волю раба) между двумя кинжалами и надпись «Иды марта»

Марк Антоний

Сначала заговорщики намечали напасть скопом на Цезаря во время выборов на Марсовом поле. Но когда стало известно, что ближайшее заседание сената состоится в курии Помпея, решили покарать Цезаря там, где витал дух поверженного защитника Республики. Сведения о заговоре сенаторов достигли ушей Цезаря. Друзья ему советовали окружить себя охраной, но он сказал: «Лучше умереть сразу, чем все время ожидать нападения». В ночь перед мартовскими идами (15 марта по современному календарю) Цезарь спал плохо, размышляя о парфянском походе. Наутро, когда

пришло время отправляться в сенат, жена умоляла его отложить заседание, но Цезарь, веривший в свою удачу, приказал подать носилки. При входе в курию какой-то человек протянул ему свиток, настаивая, чтобы он прочел его немедленно. Но Цезарь, не последовав и этой подсказке судьбы (в свитке было сообщение о заговоре), прошел к своему креслу, позади которого возвышалась статуя Помпея в полный рост, которую он сам приказал вернуть на ее место. При появлении диктатора сенаторы встали. Несколько человек подбежало к нему, как это бывало не раз, с просьбами. Один протянул ему свиток с прошением, умоляя вступить за брата. Когда Цезарь его отстранил, он схватился за его пурпурную мантию и сильно потянул ее к себе. «Негодяй! Что ты делаешь?!» — вскрикнул Цезарь, еще не подозревая, что это условный знак, и вдруг увидел, как, покинув свои места, к нему спешат сенаторы, на ходу выхватывая спрятанные в складках tog кинжалы и мечи. В руках у Цезаря был только металлический стиль для письма, и он попытался им защищаться. И в это мгновение перед ним возник с занесенным кинжалом Брут. Произнеся по-гречески: «И ты, дитя?!», Цезарь закрыл голову тогой и больше ничего не видел. Ни один из сенаторов не пришел Цезарю на помощь.

Завершая рассказ об убийстве Цезаря, древний историк пишет: «Заливший круг земель кровью сограждан наполнил курию своей кровью».

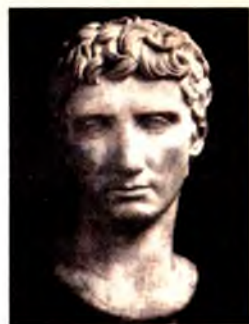
В ужасе разбежались сенаторы, не принимавшие участия в заговоре. Наиболее близкие из сторонников Цезаря укрылись в домах друзей. Город застыл в ужасе перед будущим. Многие закрылись в своих домах, оставляя без присмотра мясные и торговые лавки. И когда вслед за сеявшими по городу панику сенаторами на улицах появились, сверкая мечами, заговорщики в

окровавленных тогах (во время убийства Цезаря они в неразберихе переранили и друг друга), криками призывая народ к свободе, народ безмолвствовал, и лишь немногие двинулись вслед за ними на Капитолий для принесения благодарственной жертвы богам.

В полном безмолвии была выслушана речь Брута, когда заговорщики спустились на форум для принятия поздравлений за тираноубийство. Остальные сенаторы, опомнившись от пережитого накануне страха, собрались в то же утро на заседание сената и уже готовились принять решение об объявлении Цезаря вне закона как тирана и о выражении благодарности его убийцам. Однако выступление консула **Марка Антония** несколько охладило их пыл. Антоний напомнил, что при принятии такого решения станут незаконными недавние назначения на должности и награды. Выход нашел Цицерон. Он предложил провозгласить Цезаря умершим, все прошлые и подготовленные покойным диктатором постановления утвердить, а его убийцам объявить амнистию.

Между тем за стенами курии нарастало подогреваемое ветеранами Цезаря недовольство. Оно вылилось в открытое возмущение, когда стало известно что, согласно оставленному Цезарем завещанию, городу переходят затибрские сады, а каждый римский гражданин получает по 300 сестерциев. Во время похорон Цезаря на форуме рядом с его телом была выставлена тога, в которой он был убит, — как улика совершенного преступления. Разъяренная толпа бросилась поджигать дома заговорщиков и начала охоту на них. Жертвами порой становились люди со сходными именами. Заговорщики в страхе покинули Рим. Антонию, спровоцировавшему народное возмущение, пришлось его подавлять.

В столицу тем временем прибыл внучатый племянник Цезаря, **Гай Октавий**, названный в завещании главным наследником. Марк Антоний и другой видный цезарианец, «начальник конницы» Марк Эмилий Лепид, не посчитались с завещанием и щедро раздавали имущество Цезаря. Задержись юноша еще на какое-то время или вообще откажись от прав наследования, как ему настойчиво рекомендовали родители, на погребальном пире ему бы согласно римской поговорке «опоздавшему — кости» ничего бы не досталось. Попытки Октавиана востребовать положенное были встречены Антонием насмешками. И юноша начал заигрывать с сенатом, в котором ведущей фигурой был тогда Цицерон. Видя в

Гай Октавий

Октавиане меньшее зло, Цицерон отнесся к нему с сочувствием и помог провести через сенат признание его приемным сыном Цезаря, после чего тот получил имя Гай Юлий Цезарь **Октавиан**.

От «филиппик» к Филиппам. Конфликт между Антонием и Октавианом постепенно перерастал в гражданскую войну. Цицерон обрушил против Антония серию речей, которые он назвал (по образцу речей Демосфена против македонского царя Филиппа) «филиппиками». В них он то предрекал, что Антоний замышляет отдать Рим на разграбление легионерам, сравнивая его с Катилиной и Спартаксом, то, переходя на личность противника, поносил его как пьяницу, развратника, негодяя. Обличения Цицерона лили воду на мельницу Октавиана, и тот явно их одобрял, не скупясь на похвалы искусству прославленного оратора. Цицерон воспринимал их как искреннюю поддержку своей политической линии, радуясь, что внес между цезарианцами раскол.

Ветераны Цезаря, в то время осаждавшие Мутину, в которой укрепился один из заговорщиков, Децим Брут, не отличались красноречием. Они недоумевали, почему Антоний и Октавиан, вместо того чтобы враждовать друг с другом, не отомстят убийцам Цезаря и не делят их имущество между ними, его ветеранами. С трудом Антонию и Октавиану удалось сломить молчаливое сопротивление легионеров и даже добиться их поддержки для решения затянувшегося спора силой оружия. Однако последнее слово в конфликте все же принадлежало ветеранам, и они добились примирения между враждующими цезарианцами. На небольшом островке у слияния двух рек в ноябре 43 г. на виду у войск встретились Октавиан, Антоний и Лепид и два дня совещались. К этому островку были обращены и надежды сенаторов, рассчитывавших на продолжение вражды между их противниками. Но оправдались надежды ветеранов. Вступив на островок врагами, трое подали друг другу руки и покинули его союзниками, а Октавиан и Антоний — даже родственниками. Образовался новый триумvirат, который в отличие от триумvirата, объединившего Цезаря, Красса и Помпея, обычно называют вторым. На этот раз это было соглашение, легализованное законом. Наряду с решением о переделе между собой провинций, которыми пока еще управляли убийцы Цезаря, триумvиры договорились наградить ветеранов и воинов, конечно же, не из средств Цезаря, давно уже расхищенных и розданных, но за счет имущества тех же «убийц» и «говорунов». Призрак проскрипций, витавший над островком, стал реальностью — списком первоочередных жертв.

Проснувшись утром, римляне увидели прикрепленный к рострам список из ста тридцати имен с уведомлением, куда приносить головы и что за них положено получить свободным и что рабам, а также — что ожидает тех, кто осмелится предоставить убежище или оказать помощь поименованным в списке. В нем были и близкие родственники Антония и Лепида.

И началась охота на тех, кто еще вчера пользовался властью и почетом. Те, у кого хватало мужества, уходили из жизни сами. Другие пытались спастись бегством. Цицерон, уверенный в том, что слово может победить меч, пал от меча первой жертвой. Его голова украсила сначала ростры, а затем оказалась в доме Антония, где его жена стегала ее бичом и протыкала острием язык, произносивший «финишки». Лишь немногим удалось избежать гибели. Одного спас верный раб, поменявшийся с господином одеждой и подставивший убийцам вместо его головы свою. В статистике порядочности, которую вели свидетели проскрипций, на первом месте стояли жены и рабы, на последнем — сыновья. Многие из них стремились воспользоваться обстоятельствами, чтобы завладеть отцовским имуществом.

Противники триумвиров оказались вне Италии, в провинциях. Кассий овладел хорошо знакомой ему Сирией, ее богатствами и стоявшими там легионами. Брут укрепился в Македонии, Секст Помпей, внесенный в проскрипционный список, — в Сицилии. Если триумвиры получали средства за счет проскрипций, то Брут и Кассий ограбили богатые азиатские провинции. Неуплата налога, именем сената назначенного на десять лет вперед, грозила населению городов поголовной продажей в рабство. И жители одного из городов, чтобы не попасть в рабство к защитникам Республики, предпочли добровольную смерть.

В начале 42 г. легионы Кассия и Брута соединились в бывшей столице Лидии Сардах и вскоре были переправлены в Македонию. Решающая битва между войском триумвиров и воинством Брута и Кассия состоялась в октябре 42 г. при Филиппах, городе Западной Фракии. Это было самое кровавое из сражений эпохи гражданских войн. Антоний и Октавиан, в отличие от Цезаря, призывавшего в свое время падать граждан, проявили зверскую жестокость. Кровавая расправа перекинулась из Македонии в Италию, где обрушилась и на тех, кто не поднимал оружия. И если героем-победителем при Филиппах оказался Антоний, руководивший сражением, то в Италии проявил себя гнусный трус Октавиан, которому при разделе между триумвирами сфер влияния достался Запад вместе с Италией. Антоний получил Восток. Лепиду, отгесненному на второй план, досталась лишь одна провинция Африка.

В пучине бедствий. Никогда еще за всю многовековую историю на Италию не обрушивались такие несчастья, как в годы после Филипп. В каждом городе, в каждом селении хозяйничали банды грабителей и убийц, бесчинствовавших на основании «закона» триумвиров о награждении ветеранов и наделении их земель. Ветераны прогоняли владельцев, отнимая у них не только землю, но и все имущество и рабов, а могли и убить. И никто не был в состоянии им помешать. Октавиан сам находился во власти солдатни, не раз показывавшей ему, кто истинный хозяин положения.

В довершение всего вспыхнул конфликт: Октавиан — против жены Антония Фульвии (той, что протыкала язык Цицерона) и его брата Луция, объявившего о своем намерении восстановить Республику. Завладев на некоторое время Римом, Луций добился от народного собрания полномочий для ведения войны против Октавиана. Но, не будучи поддержан массой римских граждан, предпочитавших держаться в стороне от конфликта между Антонием и Октавианом, он отступил на север для соединения с легионами, стоявшими в Галлии и поддерживавшими Антония. Натолкнувшись на сопротивление войска Октавиана, Антоний с присоединившейся к нему Фульвией заперлись в Перузии, осажденной Октавианом. После долгой осады город был взят. Фульвии удалось спастись бегством. Луций Антоний и его воины были прощены, но с этрусским населением Перузии Октавиан расправился с невиданной жестокостью.

Тогда симпатии очень многих были отданы **Сексту Помпею**, само имя которого внушало надежды на восстановление республики, стойким защитником которой считался его отец. К Сексту Помпею бежали сотни проскрибированных, их сыновей и внуков. Но этого ему было мало, и он объявил, что каждый раб, готовый ему помочь, получит свободу. И хлынули в Сицилию, где обосновался Секст Помпей, десятки тысяч рабов. Обладая войском и флотом, которые возглавили киликийские пираты (сыновья тех, с кем когда-то воевал Гней Помпей), Секст Помпей фактически отрезал Италию от источников поступления продовольствия. В дополнение к прежним бедам над италийцами нависла угроза голода.

И пришлось триумвирам, стиснув зубы, вступить в переговоры с Секстом Помпеем. Они обещали компенсировать расхищенное имущество его отца, передать ему в управление не только Сицилию, но и Сардинию, Корсику и Пелопоннес, а также гарантировали свободу перебежавшим к нему рабам. Фактически Секст Помпей стал триумвиром вместо Лепида. Но, как только были пополнены запасы продовольствия, Октавиан нарушил перемирие.

С помощью Антония ему, точнее, его талантливому полководцу Марку Винсанию Агриппе, удалось одолеть морские и сухопутные силы Секста Помпея. 30 000 его воинов в нарушение гарантий свободы были возвращены своим прежним владельцам. Секст Помпей, бежавший на Восток в надежде на покровительство Антония, был убит по его приказу.

Владыки Запада и Востока. Желая добыть недостающие для укрепления своего могущества средства, Антоний замыслил войну против Парфии под благовидным предлогом отмщения за Красса. Расходы на ведение парфянской войны должен был покрыть Египет, царица которого Клеопатра сама строила честолюбивые планы и надеялась осуществить их с помощью нового Цезаря — Антония. Между Антонием и египетской царицей был заключен брак, несмотря на то, что после смерти Фульвии у Антония уже была жена — сестра Октавиана Октавия. Привязанность, любовь, так же как и иные человеческие чувства, давно уже превратились в ставки в кровавой игре за власть над кругом земель.

Поход против Парфии окончился неудачей. Как и во времена Красса, парфяне весьма искусно изобразили притворное бегство, дав римлянам возможность их преследовать. Однако по случайному стечению обстоятельств в подготовленную ему ловушку Антоний с легионами не попал: римлянин, служивший в парфянском войске, сумел предупредить об опасности. Антоний начал отступление местностью, не пригодной для действия парфянской конницы. Спасение римского войска настолько удивило парфян, что они не стали его преследовать, будто бы сказав: «Идите с добром, римляне. Молва назовет вас победителями народов, так как вы избежали нашего оружия». Впрочем, во время отступления «победители» понесли большие потери из-за отсутствия воды и разразившихся эпидемий. От шестнадцати легионов, с которыми выступил Антоний, едва осталась лишь треть. Но все же Антоний проехал по Александрии в колеснице, обвитой плющом, и с атрибутами бога Диониса, после чего, по выражению римского историка, «отдыхал на царской груди Клеопатры, как после свершенных подвигов».

По Риму прошел слух, что Антоний завещал своему сыну от Клеопатры римские владения. Этот и другие слухи распространяли римляне, перебегавшие от Антония к Октавиану. Отношения между бывшими триумвирами окончательно испортились. В 32 г. сторонникам Антония было разрешено покинуть Рим. Сенат лишился 300 сенаторов и среди них двух консулов.

Битва при Акции и присоединение Египта. Октавиан объявил войну Клеопатре, не желая, чтобы в нем видели инициатора нового витка гражданских войн. На самом же деле предстояла война с Антонием и стоявшими на его стороне римскими легионами, а также силами восточных царей, обещавших Антонию поддержку. В подготовке прошел весь 32-й и большая часть следующего за ним года.

Местом решающей схватки за власть над кругом земель стал залив близ мыса *Акция* у берегов Эпира (2 сентября 31 г.). У Октавиана было свыше 400 боевых кораблей, у Антония — 200, но больших по габаритам — от семи до девяти рядов весел. Башни с бойницами на верхней палубе придавали им вид плавающих крепостей. Однако величина и грозный вид флота Антония не дали ему перевеса. Небольшие корабли Октавиана (не более двух рядов весел) оказались маневренней. Они нападали на громадные суда Антония, поражая их ядрами из катапульт и роострами*, поджигая факелами.

Не дожидаясь конца боя, Клеопатра повернула свое раззолоченное с пурпурным парусом судно в открытое море. Антоний последовал за ней. Моряки Антония, полагая, что флагманский корабль совершает какой-то непонятный им маневр, продолжали сопротивляться до вечера. «Никогда, — сообщает римский историк, — не была так видна мощь вражеских сил, как после победы над ними. Ибо по всему морю разметало обломки огромного флота. Доспехи арабов, сабеев и множества других народов Азии, покрытые пурпуром и золотом, то и дело выбрасывало бурное от ветра море». Сдались, хотя и не сразу, наблюдавшие за гибелью флота стоявшие на берегу легионы Антония. О том, как высоко ценилась одержанная Октавианом победа, свидетельствует отчеканенная в 31 г. монета. На лицевой ее стороне изображена голова богини Виктории, на оборотной — Октавиан, положивший ногу на земной шар, и роостры вражеского корабля.

Возвратившиеся в Египет Антоний и Клеопатра поначалу носились с планом бегства в океан. Но вскоре Антоний понял безвыходность положения и пронзил себя мечом. Клеопатра по прибытии Октавиана была взята под стражу. Победитель намеревался провести царицу по Риму впереди своей триумфальной колесницы. Поняв это, она дала рабыням знак принести змею, спрятала ее в своих одеждах и попросила разрешения навестить гробницу с телом Ан-

**Роостры* — подводный нос корабля, которым наносились удары по судам противника.

тония. Там она легла рядом с Антонием на ложе и, подставив змею руку, погрузилась в смерть.

Сумевшая завоевать любовь двух великих римлян — Цезаря и Антония, — сорокалетняя Клеопатра пала жертвой того, кто считался сыном Цезаря и не уставал поносить египетскую царицу, изображая ее заклятым врагом римлян. Между тем последняя царица Египта была выдающейся личностью, достойной славы первых Птолемеев. Никто из женщин древности не может соперничать с нею в славе, ибо она достигла своих политических целей не коварством, как римские императрицы, а умом и обаянием. Вместе с нею сошла со сцены последняя из великих эллинистических держав. Поставив над Египтом наместника, Октавиан наполнил корабли царскими сокровищами и отправился в Италию.

Источники. История первого триумvirата, парфянской трагедии, завоевания Цезарем Галлии и завершившего республиканский период кровавого десятилетия представлена разнообразными источниками еще лучше, чем предшествующий период, поскольку наряду с соответствующими разделами «Гражданских войн» Аппиана, эпитомы 103–133 книг Тита Ливия и кратким изложением Флора, дающими единую картину всего этого времени, сохранились информативные, хотя и крайне субъективные сочинения, как «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне» Гая Юлия Цезаря, дополненные рассказом кого-то из цезарианцев о войне в Александрии. Значительное место занимает и литературное наследие Цицерона. Помимо отдельных штрихов, разбросанных в его переписке, огромную информацию дают его речи, особенно знаменитые «филиппики» — серия из четырнадцати речей против Антония, ставшая причиной гибели великого оратора. В «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха представлены биографии Цезаря, Красса, Помпея, Антония, Цицерона; биографии Цезаря и Августа вошли в «Жизнеописание двенадцати цезарей» Светония.

Кроме нарративных источников сохранилось и поэтическое произведение «Фарсалия», посвященное столкновению Цезаря и Помпея, созданное поэтом начала империи Луканом.

Перилетии гражданских войн не могли не отразиться на чекане монет, на которых появились портретные изображения триумvirов. Обширен и эпиграфический материал. Особенно интересно сопоставление литературных источников с началом Анкирской надписи, отразившим официальный взгляд на события конца республики, утвердившийся с установлением империи.

ЛИТЕРАТУРА, БЫТ И НРАВЫ БУРНОЙ ЭПОХИ

Эпоха гражданских войн — время разительных перемен в культурной жизни всего круга земель. Риму достались не только материальные богатства, ставшие источником междоусобиц и кровавых столкновений, но и духовные ценности, интенсивное освоение которых принесло удивительные плоды. Рим и Италия перестают быть захолустьем в области культуры. Сами победители включаются в полную мере в создание единой средиземноморской культуры.

Греческий культурный опыт и Рим. Переживаемый Италией кризис полиса толкал римлян к изучению сходного процесса у греков и к поиску выхода из бедствий с помощью греческой философии, историографии, литературы. Если во времена Сципиона Эмилиана обращение к греческой культуре наталкивалось на противодействие тех, кто видел в ней источник разложения исконных итальянских общественных устоев и нравов, то в годы Помпея и Цезаря у греческих мудрецов стали искать ответы на вопрос, как спасти общество от грозящего ему распада. К греческому опыту обращаются не только представители высшей знати, но и люди средних сословий, выходцы из итальянского захолустья. И именно они, Цицероны, Варроны, Католлы и Лукреции, создают величайшие памятники римской культуры.

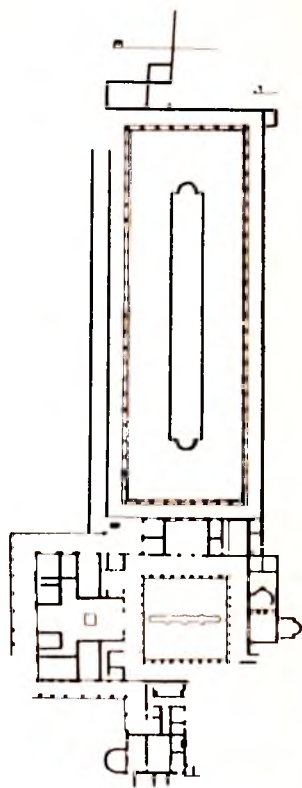
Посидоний. В это время наибольшим влиянием пользовался грек из сирийской Апамеи Посидоний (ок. 135—51), создавший на Родосе свою школу, через которую прошли не только греки, но и римляне, в том числе Помпей и Цицерон. Универсальный ученый, соединивший стоическое учение с концепциями Платона и Аристотеля, Посидоний стремился охватить единым взглядом космос, землю и человечество. До него стоики утверждали, что мир в его бесконечной зеркальной повторяемости рождается из огня и в огне погибает, чтобы возродиться вновь. Посидоний же, исходя из этнографических наблюдений за обычаями разных народов, утверждается в мысли, что человечество, уже в начале своего пути изобретая одежду, жилища, земледелие, мореплавание и научившись делить земли с помощью созданного тогда же оружия, неуклонно движется вперед в усовершенствовании прежних достижений; но в то же время оно откатывается назад в нравственном отношении, пока постепенно утрачиваемая древняя мудрость не исчезнет полностью и мир не сгорит в воспламененном им самим пожаре.

Критика пороков цивилизации — это одновременно и критика римского господства, ведущего к раздорам между гражданами и к

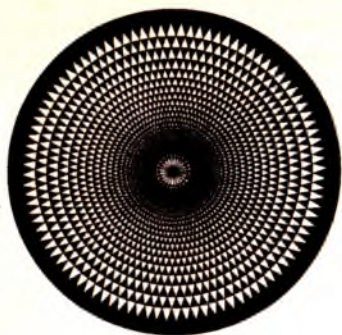
восстаниям порабощенных. Используя в качестве примера современные ему грандиозные восстания рабов в Сицилии, Посидоний рисует картину жесточайшего угнетения человеческой личности, явившегося результатом завоевания римлянами острова и его эксплуатации римскими всадниками. Тем же сопоставлением — «человек и цивилизация» — руководствуется Посидоний, обращаясь в своем историческом труде к кельтам и германцам, к обитателям Испании, которую он посетил. Он с симпатией рисует их жизнь, лишенную излишеств, близкую к природе. Эти варвары, не ценившие золота и драгоценных камней, ближе к золотому веку, чем греки и римляне.

«Вилла папирусов». Во времена Катона Старшего в кругах римских землевладельцев его типа и городских низов слово «философ» было бранным. Философов относили к бездельникам, рассуждающим, вместо того чтобы заниматься полезным делом. В I в. до н. э. даже в маленьких городах Италии возникают философские центры, кружки любителей греческой мудрости. В Геркулануме, у подножия Везувия, в середине I в. на вилле римского аристократа поселился греческий философ-эпикурец **Филодем**, родом из палестинского города Гадар. Он приехал в Италию из Афин со своей тщательно подобранной библиотекой и нашел для нее читателей, а для себя почитателей. Часть библиотеки Филодема обнаружена в середине XVIII в. в ходе раскопок Геркуланума. С тех пор ученые разных стран с невероятными усилиями разворачивают полуобгоревшие, слипшиеся свитки, и из пепла, подобно сказочной птице Феникс, возникает удивительное чудо — создание человеческого ума, против которого оказались бессильными ярость Везувия и само Время.

Среди многих десятков ныне развернутых свитков библиотеки «Виллы папирусов», наряду с трудами Эпикура и многих его греческих учеников, философов других направлений, были найдены и произведения самого Филодема на философские и мо-

План «Виллы папирусов»

Мозаика пола в одном из помещений «Виллы папирусов»

рально-этические темы. Так, в трактате «О хозяйственности» современник и сосед Красса и Лукулла призывает к умеренности, поскольку богатство приносит больше неудобств, чем удовольствий, а безудержная погоня за наживой лишает мыслящего человека спокойствия духа. В произведениях на моральные темы Филодем бичует лесть, несовместимую с человеческим достоинством, высокомерие и другие пороки, столь характерные для римского общества времен гражданских войн.

Вытянувшаяся на четверть километра вдоль береговой линии и, как показали последние исследования, двухэтажная «вилла папирусов» была построена по образцу греческого гимнасия. В примыкавшем к зданию парке зелень оттеняла белизну статуй мудрецов, греческих и римских поэтов, эллинистических царей времени Эпикура, мифологических персонажей. Это как бы философское убежище Эпикура, воссозданное на почве счастливой Кампании как раз в то время, когда в Афинах был разобран на камни дом Эпикура и срублены его сады. И оно стало новым садом, собравшим тех, кому доступно высшее из наслаждений — возможность постижения тайн природы и достижений человеческого интеллекта.

Сатура*. Во второй половине II в. в Риме появляется жанр, который римляне именовали собственным. «Сатура всецело принадлежит нам», — писал почти два столетия спустя римский оратор Квинтилиан, связывая ее возникновение с именем римского всадника **Гая Луцилия** (180—102), в чьем творчестве он отмечал «колкость и значительную едкость».

Обозначением жанра стало слово, первоначально не имевшее отношения к литературе. Сатурой называли предназначенное для жертвоприношений сакральное блюдо, состоявшее, согласно римскому антиквару Варрону, из вяленого винограда, ячменя и вымоченных в медовом вине семян сосны, — короче говоря, это смесь, всякая всячина, мешанина. Но уже в словаре времени Августа, излагаемом одним из поздних авторов, понятие сатуры стало более широким: «сатурой называется род кушанья, изготовленного из

* Параграф написан Л.С. Ильинской.

разных вещей, закон, составленный из многих других законов, и род стихотворения, в котором речь идет о многих вещах». Впоследствии, в пору повального увлечения греческой культурой, чисто римское слово стали произносить на греческий лад — «сатира», по ассоциации с греческими сатирами, связанными с характерной для греческого театра сатирической драмой.

Невозможно установить точно, когда именно в понятие сатиры стало вкладываться то значение, которое вкладываем в него мы. Называя свои произведения вслед за Луцилием «Беседами» (а не «Сатирами», как принято в наших изданиях), Гораций, употреблял слово «смесь» (сатура) только в том смысле, что речь в них идет одновременно о многом. О том, что такого рода «смесь» с обличением им не связывалась, свидетельствует строка: «Многие думают, будто бы в смеси излишне я резок». Впоследствии и Ювенал говорил о «смеси», содержащейся в его стихах:

Все, что ни делают люди, — желанья, страх, наслажденья,
Радости, гнев и раздор.

Однако в конце I или начале II в. н. э. переосмысление понятия уже произошло, и в труде одного из греческих грамматиков, опиравшегося на теоретическую литературу времени, предшествовавшего творчеству Ювенала, мы читаем: «Сатирой у римлян считается, по крайней мере теперь, стихотворение язвительное и сочиненное для обличения людских пороков на манер древней комедии, каковы произведения Луцилия, Горация и Персия. А некогда сатирой называлось стихотворение, составленное из разных сочинений, каковы произведения Пакувия и Энния».

Тем не менее даже в начале VI в. н. э. в определении сатириков подчеркивалось прежде всего то, что они «говорят одновременно о многих предметах», хотя уже давно к жанру сатиры относили и «Отыквленные» Сенеки, и «Сатирикон» Петрония, от этого критерия далекие.

Как бы то ни было, творчество Луцилия представляет собой, насколько можно судить не только по утверждениям древних авторов, но и по разрозненным строкам и немногочисленным фрагментам сохранившегося его наследия, первую римскую сатиру в нашем понимании слова. Он первый в римской литературе придал смеси разных сюжетов тот обличительный характер, который стал главным признаком жанра. Стараясь быть предельно понятным, Луцилий избирает для своих сатир разговорный стиль, вводя в них фиктивного собеседника, чьи доводы опровергает.

Родившийся в кампанском городке Суэссе, но рано перебравшийся в Рим, Луцилий не понаслышке знал изнанку жизни города, где

безделье, обман, коварство и отсутствие искренности стали приметами всего его населения:

...от зари и до ночи, и в праздник, и в будни,
Целые дни и народ и сенаторы — все без различья
Топчутся вместе толпою на форуме и не уходят,
Все ремеслу одному и заботе одной отдаются —
Как бы друг друга надуть, в борьбе коварно сразиться,
Ловко польстить, представить себя человеком достойным,
В сети завлечь, словно все и каждый стали врагами.

Луцилий клеймит такие пороки современного ему общества, как страсть к обогащению и сопутствующие ей роскошь, изнеженность, алчность, невежество и суеверия, взяточничество, честолюбие, корысть, разврат, ложь и лицемерие, рабское подражание грекам. Он считает неприемлемыми нравы, при которых мерилом добродетели и ценности человека становятся деньги («Сколько имеешь ты, столько и стоишь, и ценят за столько тебя»).

Сатира его не безлика. Утверждая, что доблесть — «людям дурным быть врагом», он без колебаний называет сенаторов, консулов, видных политиков, и имена многих из них с легкой руки поэта становятся нарицательными в современном ему Риме. Недаром впоследствии Ювенал, характеризуя силу обличительного дара Луцилия, скажет:

Всякий раз как Луцилий, словно меч обнажив,
С бранным пылом и криком идет в наступление,
Краска стыда заливает лицо у того,
У кого уже кровь от злодейства застыла.

В то же время в круг тем, охваченных поэтом, входит не только сатира в нашем понимании слова. Человек высокой образованности, занимавший достойное место в эллинофильском кружке Сципиона, знаток греческой философии, он обращается также к философским рассуждениям и к литературоведческим изысканиям. Кроме того, сохранились фрагменты с описанием путешествия по Кампании и Сицилии и строки, посвященные прогулкам в кругу друзей и любовным похождениям. Со слов Горация известно, что в творчестве Луцилия немалое место занимали и автобиографические заметки. Поэт был убежден, что главная тема поэзии — жизнь во всех ее как прекрасных, так и уродливых проявлениях, а значит, и то, что строгие моралисты продолжали противопоставлять «делу», именуя «досугом». Этот «досуг» характерен и для самого Луцилия.

Хотя он и принимал под командованием Сципиона участие в Нумантинской войне, но впоследствии отказался от исполнения государственных должностей. В творчестве поэта досуг получает как бы моральное обоснование в переломный период римской истории, когда в столкновении старых и новых нравов складываются новые ценности, утверждающие право человека на частную жизнь.

Лукреций. Трудно сказать, был ли юный римский поэт, выходец из Кампании **Тит Лукреций Кар** (99—55) одним из слушателей Филодема, прогуливался ли он по аллеям нового сада, вглядываясь в бюсты философов, пользовался ли свитками Эпикура из библиотеки этого грека или изучал их в другом месте. Но сама атмосфера оазиса науки в Геркулануме лучше всего объясняет, как могла появиться поэма «**О природе вещей**», одно из величайших произведений латинской поэзии, обогащенной греческим опытом. В то время когда героем Рима был завоеватель Азии Помпей, силой зависти побудивший к объединению двух других честолюбцев, Лукреций поведал римлянам о подлинном герое, принесшем миру не разрушение, не рабство, а истинное, свободное знание. Герой этот — Эпикур, раскрывший людям тайны природы, в том числе и тайну происхождения человечества и его культуры, самый мужественный из смертных:

Не испугали его ни вера людская в богов, ни грохот
Грозного неба, ни молнии. Это только сильнее
Волю в нем возбудило, и страстно ему захотелось
Первому дерзко сорвать с ворот природы запоры.
Жизни и силы исполнен, он смело шагнул за ограду
Мира горящую, мыслью и духом объемя
Всю безграничность Вселенной...

Лукреций понимал, что достижения науки, тем более греческой, останутся чужды среднему римлянину даже на родном языке, если их не переложить на язык образов. И он дал этот удивительный творческий перевод, для нас тем более ценный, что труды Эпикура большей частью утрачены. Римский поэт донес не только мысли Эпикура, но и атмосферу своего времени. Лукреций не говорит о событиях гражданских войн, но за строками поэмы в виде намеков, встают бедствия Италии, терзаемой честолюбием, алчностью, погоней за наслаждениями.

Как иллюстрация сулланских проскрипций (и как предсказание проскрипций второго триумvirата) могут быть поняты строки поэмы:

Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство.

Говоря о погоне за властью, Лукреций рисует образ полководца, глядящего на «свои легионы», выстраивающиеся на поле для битвы. У Сципионов не было «своих легионов». Они командовали легионами республики. И становится понятно, что автор рисует картину того времени, когда легионы служили «своему» полководцу — Помпею, Цезарю или Крассу.

О жизни Лукреция почти ничего не известно. Единственный достоверный факт, что после его смерти поэму «О природе вещей» издал Цицерон. Характеризуя это произведение в письме брату, издатель пишет: в поэме «много проблесков природного дарования, но вместе с тем и искусства». Позднее кратко, но восторженно о Лукреции отзывались поэты Вергилий и Овидий, при этом Вергилий даже не назвал его имени.

Счастлив вещей познавший причину...

Рано умерший (по преданию, покончивший с собой из-за неразделенной любви), Лукреций как поэт и впрямь был счастливецом, ибо его поэма стала памятником всей античной мудрости.

«Ненавижу, люблю!» Одновременно с появлением научной и наставительной поэзии в Риме возникает и лирика, отражающая всю гамму чувств человека эпохи гражданских войн — от страстной любви до не менее страстной ненависти.

Италийским Лесбосом, родиной римской любовной лирики стала некогда колонизованная и цивилизованная этрусками, но вот уже два века как включенная в ареал латинской культуры Цизальпийская Галлия. Здесь сложился кружок молодых латинских поэтов, которых Цицерон называл «новыми поэтами» (по-гречески — «неотериками») или «эфворионцами» — по имени ученого и темного александрийского поэта Эвфориона. Провинциальные дарования в своей поэтической программе действительно выдвигали в качестве образца не Сапфо и Алкея, а эллинистического поэта Каллимаха. Но один из неотериков, великий **Валерий Катулл** (87—ок. 54), по силе своего темперамента и поэтическому дару должен быть назван продолжателем не александрийской учености, а лесбосской неоглядной страсти.

«Ненавижу, люблю!» — это начальные слова короткого стихотворения Катулла, которое он посвятил своей неверной возлюбленной Лесбии. Под этим псевдонимом скрывается римская красавица Клодия, сестра того самого Клодия, который, перейдя из патрициев в плебеи, стал народным трибуном и опорой завоевывавшего Галлию Цезаря. Клодия, в отличие от брата, отказалась не от знатного происхождения, а от нравственных правил, предписываемых

римскими законами и обычаями. Она могла бы датировать историю своей жизни по именам не консулов, а любовников — ее спальня была открыта и для старцев, и для юношей, и для римлян, и для провинциалов. Цицерон назвал Клодию особой «не только знатной, но и общеизвестной», «всеобщей подружкой».

Валерий Катулл был одним из немногих, любивших Лесбию, и в этом его трагедия, но также и причина его славы. Ибо без Лесбии не было бы этих строк, а без них не было бы и Катулла:

Ненавижу, люблю... «Возможно ль такое?» — спросить ты захочешь.
Сам я не знаю, но чувствую так, словно висю на кресте.

Не поэма, а всего лишь две строки дали бессмертие и Катулла, и его возлюбленной. И даже некто Равид, попавшийся в сети той же Лесбии, остался в истории, ибо каждая строка Катулла — он это понимал и сам — дорога в бессмертие:

Что ж! Бессмертен ты будешь! У Катулла
Отбивать осмелился подружку.

Псевдоним «Лесбия» Клодия получила не случайно. Поэт перенес на нее волну любовного безумия, на которую была способна до него лишь лесбосская поэтесса Сапфо. И хотя Катулла отделяет от Сапфо полтысячелетия, они протянули руки навстречу друг другу, ибо между ними не было ни одного поэта, греческого или латинского, который мог бы так сказать о любви, о ненависти, о разлуке:

Только о моей пусть любви забудет —
По ее вине иссушилось сердце,
Как степной цветок, проходящим плугом
Тронутый насмерть.

Родившийся в 87 г., Катулл принадлежал к поколению гражданских войн. В раннем детстве он пережил войну Мария и Суллы. Он был мальчиком, когда через его родную Верону прошел к Альпам мятежный Спартак. На годы его юности падает рождение «трехглавого чудовища» (первого триумvirата), а один из его участников — Гай Юлий Цезарь — был приглашен на обед отцом поэта, когда проезжал через Верону. Цезарь не мог не очаровать юного веронца, но от любви до ненависти — один шаг.

Катулл-юноша, шутник и охальник, казалось бы, не заботился о последствиях, которыми грозят его острые эпиграммы (или же он предчувствовал, что до новых проскрипций ему не дожить). Объек-

том его жесточайших нападков стал Цезарь, осознавший, что посрамлен Катуллом навеки. А что должен был почувствовать Цицерон, прочитав такое обращение к нему Катулл: «Языкастейший из ромуловых внуков»? Гордость ли за то, что его, неримлянина, причислили к потомкам Ромула, или раздражение, что о нем, гордившемся своей политической деятельностью, отозвались как о болтуне?

К 50 г. о Катулле перестают говорить как о живом. Но и о смерти и погребении его ничего не известно. Так он исчез, едва достигнув 37 лет, оставшись жить в своих удивительных стихах, не зная в римской лирической поэзии соперников, равных по таланту.

Мим и трагедия. Могучее веяние духа эллинизма распространилось не только на лирику, но и на театр. Утверждается и приобретает колоссальную популярность мим, убивший италийскую ателлану. Его мастерами были римский всадник Децим Лаберий и вольноотпущенник **Публилий Сир**. Из названий написанных ими мимов и незначительных фрагментов можно судить, что они выводили на сцену рыбаков, ремесленников, чужеземцев. Произносимые актерами реплики содержали немало острых политических намеков. Обиженный Цезарь как-то заставил самого Лаберия исполнять роль в миме, что наносило ущерб его всадническому достоинству. Цезарь издевательски наградил Лаберия суммой всаднического ценза. Впрочем, Лаберий сумел ему отомстить, выкрикнув по ходу действия: «Эй, квириты! Мы теряем свободу!». К остроумию мимов прислушивались и те, кто считал для себя оскорбительным даже присутствие на этих представлениях, столь любимых чернью. Так, Цицерон просит своего друга Аттика записать шутки мимов.

О трагедиях, ставившихся в римском театре конца республики, мало известно. Но имеются сведения об ее актерах. В защиту одного из них, Квинта Росция, была произнесена речь Цицероном. Судя по ней, Росций был не только актером, но и предпринимателем, извлекавшим доход из сдачи в аренду рабов, обучаемых им актерскому мастерству. Одним из пунктов обвинения было использование раба, принадлежащего некоему Фаннию. Отвергая необходимость делиться доходами с владельцем раба, Цицерон говорит: «Что в нем принадлежит Фаннию? — Тело. Что Росцию? — Умение. Тело его не могло заработать и двенадцати ассов, а за свою выучку, которой был обязан Росцию, он получил не менее ста тысяч сестерциев». Капитал самого Росция, заработанный, по словам Цицерона, «вполне честным трудом», составлял шесть миллионов сестерциев.

Марк Туллий Цицерон. Так же, как и большинство классиков римской литературы, **Марк Туллий Цицерон** не был чистокров-

ным римлянином. Лициний Красс, как-то обидевшись на него, называл его «безродным», а развращенный до мозга костей аристократ Клодий, злейший враг Цицерона, деланно удивился: «А что ты делаешь в Риме?»

Цицерон был выходцем из италийского захолустья, городка Арпина, населенного когда-то племенем вольсков, в V—IV вв. недругов Рима. Сообщениями о них заполнены труды римских анналистов. Но по крайней мере пять поколений до Цицерона арпинцы были римскими гражданами. Тем, кто считал его для Рима чужаком, Цицерон напоминал, что из Арпина был родом и Гай Марий, единственный из римских полководцев, семь раз избиравшийся консулом.

Ораторский талант Цицерона созрел и проявился в бурных событиях гражданских междоусобиц, в перипетиях политических схваток, когда самое банальное уголовное дело приобретало политическую окраску. Начало известности молодого оратора, прошедшего хорошую отечественную и греческую школу, положила речь в защиту актера Квинкция, на чье имущество и жизнь посягал наглый и могущественный вольноотпущенник Суллы Хризогон. Славы первого оратора Рима Цицерон добился в конце 70-х гг. обвинительными речами против наместника Сицилии Верреса, которого в судебном процессе защищал прославленный римский оратор Гортензий. Цицерон одержал победу над этим соперником, приведя неопровержимые доказательства ограбления Верресом провинции, расхищения ее художественных богатств, попустительства пиратам, жестокости по отношению не только к провинциалам, но и к находившимся в провинции римским гражданам. Осуждение Верреса (он был изгнан из Рима и удалился в Массилию) вылилось на процессе в осуждение введенного Суллой судопроизводства, от которого было отстранено всадническое сословие. Успех арпинца открыл перед ним политическую карьеру: в 69 г. он эдил, в 65 — претор. Пиком его деятельности как политика стала занятая им в 63 г. должность консула. Речи против Луция Сергия Катилины, в прошлом сулланца, безуспешно домогавшегося консульской власти, стали триумфом «нового человека», выходца из всаднического сословия, добившегося высшего положения в государстве не на военном поприще, а силой интеллекта и слова.

Но реальная сила была на стороне тех, кто командовал армиями и обладал огромными богатствами. Первый триумvirат, участниками которого стали двое сулланцев и примкнувший к ним «популяр», показал Цицерону, насколько эфемерен был его политический успех. После изгнания и триумфального возвращения в Рим Цицерон создал свои важнейшие труды по риторике, по философии

фии, по истории и теории государства — «*Об ораторе*», «*Оратор*», «*О государстве*», «*О пределах добра и зла*», «*Тускуланские беседы*», «*Об обязанности*», «*О природе богов*». Цицерон фактически был родоначальником художественной латинской прозы с характерным для нее отсутствием иноязычных слов и вульгаризмов. Одновременно он успешно занимался ораторской практикой и не покидал политики, оправдывая себя в соответствии со своим пристрастием к стоицизму тем, что мудрец не должен устраняться от государственной деятельности. Такая политическая активность в сочетании с отсутствием политического чутья и преувеличенным представлением о своем влиянии и привела Цицерона к гибели.

Творчески освоив и переработав греческое философское и литературное наследие и сделав его достоянием Рима, Цицерон стал виднейшим представителем античной культуры наряду с такими ее гигантами, как Эсхил, Фукидид, Платон, Аристотель, Полибий. В высшей степени примечательна та оценка, которую дал Цицерону римский военный, второстепенный историк начала империи Веллей Патеркул. Обращаясь к тому, кто настоял на внесении Цицерона в проскрипционный список, Веллей Патеркул пишет: «Но все это напрасно, Марк Антоний. Негодование, вырывающееся из глубины сердца, вынуждает меня нарушить обычный стиль моего труда, — напрасно и то, что ты назначил плату за божественные уста, и то, что ты отсекал голову знаменитому человеку, и то, что подстрекал к убийству того, кто спас государство и был столь великим консулом... Ведь честь и славу его дел и слов ты не только не отнял, но, напротив, приумножил. Он живет и будет жить вечно в памяти всех тех веков, пока пребудет нетронутым это мироздание, которое он, чуть ли не единственный из всех римлян, обьял умом, охватил гением, осветил красноречием».

И в самом деле, Цицерон перешагнул не только века доставшейся Риму истории, но вступил в средневековье, а затем в новое и новейшее время как воплощение интеллекта, как светоч разума и великий наставник человечества. И по сравнению с этим и иными его достоинствами политиканство, неискренность и прочие качества, сформированные его временем, — ничто.

Цезарь. Осваивая окружающее римскую державу пространство и расширяя ее за счет более слабых соседей, Цезарь одновременно открывал в себе и для современников оригинальный писательский талант. На его памяти Цицерон написал книгу «О своем консульстве», а когда во время поругания его как гонителя катилинариев был разрушен его дом, — другую книгу, «О своем доме» (в смысле — о себе). Цезарь постарался избежать личного местоимения и обо-

значил труд о себе как *«Записки о Галльской войне»*, да и само изложение повел от третьего лица: «Цезарь победил», «Цезарь договорился». Человек необычайной чуткости к слову, он дал возможность читателям посмотреть на него как бы со стороны и принять его видение событий. В Риме каждый, предлагавший себя избирателям в должностные лица, прогуливался по форуму в сверкающей белизной тоге (*toga candida*). Труд Цезаря был своего рода этой «тогой кандида»: он рекомендовал себя на роль владыки империи, представляя себя как знатока военного дела, как дипломата, как человека, любящего свое войско и гордящегося его успехами и, наконец, как ученого.

«Записки о Галльской войне» — это подлинная сокровищница сведений географического, этнографического, лингвистического характера о народах, населяющих обширные территории Западной Европы. Кельты и германцы его интересуют не только как военного, которому надо знать сильные и слабые стороны противника, но и как историка и психолога. Мы обязаны Цезарю сведениями о ежегодном переделе земель у германского племени свевов, об уровне земледелия у германцев, о примитивных брачных отношениях у обитателей Британии.

Продолжением «Записок о Галльской войне» являются *«Записки о гражданской войне»*, первая книга которых написана самим Цезарем, а остальные семь — его приверженцами. Эта первая книга, сохраняя тот же стиль изложения, носит более тенденциозный характер, чем рассказ о Галльских войнах. В то же время Цезарь сохраняет присущую ему сдержанность и не высказывается резко о главном своем противнике, Помпее, хотя и приписывает ему вину за начало гражданских войн.

Книги Цезаря — непревзойденные образцы латинской прозы, лишенные какой бы то ни было манерности, написанные ясным и простым языком. И это оценили его современники, даже те, кому был чужд стиль Цезаря. Цицерон, говоря о «Записках о Галльской войне», отмечает, что они столь совершенны, что у историков навсегда отбита охота описывать историю тех же событий.

Саллюстий. В условиях невиданных политических противоречий впервые вышла из стадии подражания и достигла научной и художественной зрелости также и римская историография. Историческая мысль эпохи гражданских войн обращена к современности. Если историки этого времени и обращались к прошлому, то лишь к тем эпохам, которые были наиболее насыщены конфликтами, и их изложение давало возможность понять истоки переживаемых римлянами бед. Из целого моря трудов времени гражданских войн

сравнительно полно дошли труды **Гая Саллюстия Криспа** (86—35). Уроженец сабинского города Амитерна, выходец из всаднического сословия, он, как и Цицерон, принадлежал к числу «новых римлян», для которых вступление в политику было синонимом служения государству и требовало сочетания личного таланта с благоприятными обстоятельствами. В последнем Саллюстий не повезло. В самом начале своей политической карьеры он был исключен из сената с мотивировкой «безнравственное поведение». И только с приходом к власти Цезаря он снова был включен в число сенаторов и провел всю гражданскую войну на стороне Цезаря. Вознаграждением за службу и верность было назначение его проконсулом во вновь образованную провинцию Новая Африка. Составив там колоссальное состояние, он вернулся в Рим после гибели Цезаря, купил виллу своего кумира и огромные сады, сохранившие и после его смерти название Саллюстиевых.

Оставшись не у дел, Саллюстий посвящает себя написанию истории, рассматривая это занятие как своего рода продолжение политической деятельности. В отличие от предшествующих историков (анналистов) Саллюстий обладал определенной концепцией истории, отразившей перемены, происшедшие в римском обществе времени гражданских войн. Исходя из понимания *res publica* как государства, действующего в интересах всего народа, он осуждал как единовластие отдельных лиц, так и губительную борьбу партий за власть. В трактате «**Югуртинская война**» историк пытается объяснить серию событий, приведших к возникновению партий и борьбы между ними, состоянием римского общества, сложившегося после разрушения Карфагена, когда исчезло единство, сдерживаемое внешней опасностью, и одержали победу пороки. Описывая борьбу между народом и нобилитетом, Саллюстий на стороне первого, однако признает, что к гибели государство привели раздоры между обеими группировками. В «**Истории**» он идет еще дальше, заявляя, что ни с кого не может быть снят груз вины, ибо неизменны свойства человеческой природы: «Первые разногласия, — пишет он, — явились следствием порочности человеческой души, которая беспокойна, необузданна и всегда находится в борьбе то за свободу, то за славу, то за власть». Честолюбие и алчность — вот согласно Саллюстий главные пороки, погубившие государство его времени.

Как бы мы ни относились к наивной картине рисуемого Саллюстием прошлого, когда люди «к славе были жадны, к деньгам равнодушны, чести желали большой, богатства — честного ... брань, раздоры, ненависть берегли для врагов, друг с другом состязались только в доблести», и к объяснению бед настоящего честолюбием и

личностью, — сама попытка выявить причины общественных неурядиц и столкновений поднимает римскую историографию этой эпохи над трудами римских историков III—II вв.

Диодор. Преемником линии Полибия и Посидония в создании всемирной истории был сицилийский грек **Диодор** (ок. 90—21), расцвет творчества которого падает на эпоху диктатуры Цезаря и второго триумvirата. Во введении к своему историческому труду, названному им «*Исторической библиотекой*», Диодор, исходя из учения стоиков, рассматривает народы как членов единой вселенской общины и выдвигает своей целью собрать события прошлого как проявление деятельности божественного провидения, управляющего миром как единым целым. Вслед за Полибием он повторяет, что повествование о чужом опыте ценно как безопасный разумной жизни последующих поколений. Для Диодора история — «благодетельница доблести достойных людей и свидетельство ничтожности негодных, благодетельница всего рода человеческого, провозвестница истины, метрополия всей философии».

Его труд охватывает существование человечества от начала мира до вторжения в Британию (54 г. до н. э.), события, знаменующего выход обитателей круга земель за его пределы. Труд Диодора из сорока книг охватывал историю Египта, Месопотамии, Индии, Скифии, Аравии, Северной Африки, а начиная с Троянской войны до смерти Александра — историю Греции (в общем семнадцать книг). История борьбы преемников Александра за власть, Рима и римских завоеваний изложена более подробно — в двадцати трех книгах. Название труда соответствует его характеру. Это повествование, основанное на изучении трудов предшественников, у которых заимствован материал и изложен в определенной системе. Из использованных Диодором авторов действительно можно составить небольшую библиотеку — из известных нам авторов это Гекатей, Мегасфен, Эфор, Тимей, Полибий, Агафархид, Посидоний. В поле зрения Диодора не только Афины, но и другие полисы круга земель — Коринф, Сиракузы, Цере, Карфаген. События излагаются погодно, и год датируется правлением афинского архонта и одновременно римских консулов.

Варрон. В I в. до н. э. у римлян пробуждается вкус к отвлеченным филологическим и антикварным занятиям, которые незадолго до того могли вызвать лишь изумление. И первым человеком поистине энциклопедического кругозора становится уроженец небольшого сабинского городка **Марк Теренций Варрон** (116—27). В поле его зрения и таланта — лингвистика и история, медицина и сельское

хозяйство, философия и художественная литература. Создав за долгую жизнь более семи десятков сочинений в шестистах книгах, равно владея языком поэтическим и прозаическим, Варрон еще при жизни стал настолько признанным авторитетом, что, когда в 38 г. первая в Риме публичная библиотека оформлялась бюстами писателей, Варрон был единственным, кто при жизни удостоился этой чести.

Привлек современников необычностью труд Варрона «Образы», состоящий из семиста словесных портретов знаменитых людей с приложением их изображений, сгруппированных по рубрикам: «Цари», «Полководцы», «Мудрецы» и т. д., при этом каждой семерке римлян подобрана семерка греков. Это несохранившееся сочинение дало толчок труду младшего современника Варрона **Корнелия Непота**, автора книги «О знаменитых иноземных полководцах».

За какую бы область знаний ни брался Варрон, из-под его пера выходил не сухой научный трактат, а сочинение, читавшееся с захватывающим интересом. Таков и его труд «О сельском хозяйстве», продолжающий традицию, зачинателем которой у римлян был Катон Старший. Бросающееся в глаза отличие произведений, разделенных полутора столетиями, в том, что Катон создал домоводство, рассчитанное на землевладельца Средней Италии, а Варрон — исследование, охватывающее опыт агрономов всего круга земель, со множеством не только полезных, но и занимательных примеров из практики, из истории занятий сельским хозяйством. Повествование в трактате Варрона ведется в форме живой беседы двух образованных хозяев имений, владеющих в разных частях Италии пахотными землями, стадами, садами, разводящих домашнюю птицу, кроликов, рыб. Рассказ о том, как выгоднее приобрести скотину, как за ней ухаживать, перемежается рассуждениями о возникновении скотоводства, о различии характеров пастухов и земледельцев, о морях, странах, городах, римских родах, получивших названия домашних животных.

Нигидий Фигул. Суровые и скучные римляне твердо стояли на земле и чурались всего, что имело отношение к экстазу и фантазии. Но действительность эпохи гражданских войн с уже не скрытыми, а явными угрозами, не могла не пошатнуть римского здравого смысла и римской религии, с помощью которой, как считал Цицерон, римляне победили весь мир. Восток, уже ставший частью римской державы, вступил в каждый богатый дом вместе с десятками рабов и клиентов восточного происхождения. И вместе с ними вошло пристрастие к ужасам и роковым тайнам. К тому же и в самой Италии имелся мощный источник оккультных влияний — эт-

руская религия. Восточные и этрусские традиции соединил **Нигидий Фигул** (ок. 100—45). В своих сочинениях «О богах», «О ветрах» он развивал мистические идеи и сам занимался астрологией и гаданиями. Ему приписывалось предсказание того, что младенец, родившийся в семье Октавия, станет владыкой мира. В то же время Нигидий проявлял интерес к антикварным исследованиям и оставил труд «Комментарии к грамматикам» в тридцати книгах. И вся эта литературная деятельность не препятствовала политической активности Нигидия Фигула. Как сенатор, он был помощником Цицерона в борьбе с катилинариями; в 51 г. исполнял обязанности претора, а позднее сражался на стороне Помпея в Италии и в битве при Фарсале. В поэме Лукана «Фарсалия», посвященной этой битве, он, человек, «которому знание богов и таинство неба дано», и его устами предсказываются многие годы гражданского безумия.

Школа на форуме. В Риме не существовало системы воспитания, регламентированной законом, но действовали обычаи, которым неукоснительно следовали еще в начале I в. до н. э. Никто не препятствовал изучению греческого языка и греческих дисциплин у себя дома. Но когда накануне гражданских войн в некоторых школах, где преподавание велось на родном языке, ввели изучение чуждого латинскому образованию предмета — риторики, последовал эдикт цензоров со следующей мотивировкой: «Наши предки установили, какого они требуют воспитания для детей и в какие школы их водить. Что касается новшеств, противных обычаям и нравам наших отцов, они нам не нравятся». Говоря об отцах, цензоры явно имели в виду Катона Старшего, который сам обучал своего сына, оставив для него учебные пособия по земледелию, военному искусству, праву и врачеванию. В этом последнем о греческих медицинах говорилось, будто они «покаялись своими снадобиями всех недугов, да еще заставить их за это платить».

Цензорское постановление 92 г. было последней попыткой праждебной всему новому римской аристократии удержать ту систему образования, которая была бы неспособна родить новых Гракхов и Сатурнинов. В годы гражданских войн победила эллинистическая система, органически сочетавшая отеческие и греческие начала. Через нее прошли Катулл, Лукреций и великие поэты времени Августа. Латинское воспитание осталось достоянием начальной школы. Греческие дисциплины распространились на две последующие ступени.

Ученику предстояло испить три чаши. Первую, доступную и детям бедняков, ему по достижении семи лет подносил «литератор» (от littera — буква); из второй, наиболее вместительной, поил «грам-

матик»; третьей чашей, самой замысловатой по форме и необъятной по содержанию, владел ритор.

Одна из начальных школ находилась на форуме, в портике, отделяясь от прохожих прикрепленными к колоннам матерчатыми занавесками. Монотонный голос учителя порой заглушался криками площадных зазывал или патетическими возгласами оратора, занявшего ростры, и, наоборот, в речь народного трибуна подчас врывались всхлипы наказываемого ученика. Школа была неотъемлемой частью городской жизни и находилась в самой ее гуще.

Разумеется, существовало и домашнее образование, но теоретики римской школы полагали, что предпочтительней образование и воспитание в коллективе, ибо все делать сообща — врожденное свойство людей, и совместным обучением создается важнейший его стимул: соревнование между учащимися.

Литератором чаще всего был вольноотпущенник-грек. Он учил расположению букв и их названиям, складыванию букв в слова, начальному счету с помощью пальцев. Правая рука была «богаче» левой, ибо ее пальцы обозначали сотни и тысячи, а пальцы левой — единицы и десятки. Пальцы сменял абак, умещавшийся в ладони левой руки и напоминавший современные счеты. По воткнутым в стенки абак стержням передвигались счетные шарики, означавшие цифры или единицы мер и веса. У литератора, как видно по помпейской фреске, показывающей наказание в школе, обучались и мальчики, и девочки. Сохранилось также изображение литератора на могильном памятнике из Капуи. Он представлен на кафедре с двумя воспитанниками — мальчиком и девочкой. Из стихотворной надписи под барельефом, содержащей похвалу учителю за вложенные в детские души добрые семена, видно, что во время уроков он писал завещание. Плата за обучение вносилась без задержек, в строго определенный день. Но ее не хватало.

Школа грамматика и школа ритора. «Грамматика, — говорил впоследствии Квинтилиан, — распадается на две части — искусство правильно говорить и толкование поэтов». Вслух заучивали законы XII таблиц, «Одиссею» в переводе Ливия Андроника. О комедиях Менандра узнавали по их переделкам Плавтом и Теренцием. От учителя-грамматика требовалась всесторонняя образованность, и его общественное положение было более высоким, чем литератора. Но и он материально зависел от щедрости родителей учеников и не мог роскошествовать.

В школе ритора обучение охватывало теорию ораторского искусства и практические упражнения в составлении речей. Темы для речей часто брались из греческой истории и мифоло-

ни. Ученик должен был, исходя из заданных установок, составить обвинительную и защитительную речи (допустим, как против сицилийского тирана Фаларида, приказавшего изготовить медного быка как орудие мучительной казни для своих сограждан, так и в оправдание этого тирана). При подготовке речей такого типа в обучение врывается современность, ибо способы казней меняются, а тираны остаются тиранами, хотя и называются по-разному. Юноша, научившийся обличать Фаларида, был подготовлен к тому, чтобы в сенате, в суде или с ростр в тех же словах и с помощью тех же приемов добиваться уже не похвалы учителя, а негодования или одобрения слушателей.

Учитель грамматики

В школе грамматика или ритора обучались сыновья сенаторов и всадников разной политической ориентации. И то, что говорили за закрытыми дверями дома, удалив рабов, порой выплескивалось в школе. Юноша Кассий, будущий убийца Цезаря, вlepил оплеуху сыну Суллы Фавсту, расхваставшемуся могуществом своего отца. Разразился скандал, и в школу пригласили будущего триумвира, друга Суллы Гнея Помпея. Во время разбирательства юный Кассий в присутствии Помпея обратился к обиженному и побитому: «А ну-ка повтори, что сказал, и останешься без челюсти». Еще до того, как началась война между легионами Цезаря и Помпея, на улицах Рима происходили схватки между толпами школьников, стоявших за Цезаря или Помпея. Обычно юные цезарианцы обращали помпеянцев в позорное бегство, что считалось хорошим предзнаменованием для Цезаря.

Строительная техника и архитектура. С конца II в. до н.э. римская строительная техника обогащается новым материалом, обладающим водонепроницаемостью и прочностью — бетоном, который, застывая, приобретал прочность и долговечность камня. Для бетонной кладки не нужна была высококвалифицированная рабочая сила, и это способствовало большей масштабности строительства. Бетон позволил не только увеличить размеры зданий, но и разнообразить их внешний вид и внутреннее устройство. Архитекторы научились воздвигать своды и купола больших размеров. Создается

Римский мост с акведуком

новая архитектура сводчатых сооружений — мостов, акведуков, складских зданий. Среди этих последних — огромное помещение для хранения доставляемых в баржах по Тибру продовольственных товаров, известное как Эмилиев склад. Стало возможным доводить пролет арок до 20 м и более. В построенных в 62 г. и сохранившихся и поныне мостах Фабриция и Цестия, соединявших берега Тибра с островом Эскулапа, пролет арки достиг 24 м. Арочные мосты и акведуки, купольные сооружения составили основу дальнейшего развития римской архитектуры.

Общественные преобразования изменили и архитектуру жилого дома. Используя этрусско-римские и эллинистические традиции, теперь атрий соединяли с внутренним, обрамленным колоннадой двориком — *перистилем*. Как выглядели эти дома, известно благодаря раскопкам Помпей, Геркуланума, Остии. Вокруг обрамленных колоннами перистилей располагалась целая анфилада помещений. Перистиль, в центре которого среди зелени обычно располагался небольшой бассейн с украшенным скульптурой фонтаном, обрел парадность, не свойственную эллинистической практике. Стены жилых домов I в. до н. э., построенные из бетона, имели гладкую поверхность, что позволяло расписывать их фресками. В это время городские дома и загородные виллы богачей окружались садами, и художники наносили на стены пейзажи, воспринимаемые как ухоженное продолжение природы. Сдержанная отделка стен сочеталась с узорами выложенных мозаикой полов.

Перистиль входит в ансамбль и общественных зданий нового типа — *базилик*. Базилика делилась колоннами на несколько частей, средняя из которых обычно была шире и выше боковых и освещалась через окна, расположенные над боковыми нефами. Базилики служили залами для суда, торговых и биржевых сделок. Древнейшая из более или менее сохранившихся базилик в Помпеях была первоначально двухъярусным перистилем. Ее часть, предназначенная для судей (трибунал), украшена ритмически расставленными коринфскими колоннами разной высоты. Юлиева базилика, сооруженная на римском форуме Цезарем, имела пять частей и в центральной части два этажа. Огромные размеры (60×108 м) давали возможность заседать одновременно четырем комиссиям суда по уголовным делам, и еще оставалось место для торговцев. До сих пор на полу, находящемся ныне под открытым небом, видны круги и квадраты, очерчивающие участок каждого из торговцев.

Между 130—100 гг. в одном из древних городов Лация, Пренесте, неподалеку от Рима, возникает грандиозный архитектурный комплекс святилища Фортуны Перворожденной, напоминающий по замыслу сооружения Пергама и Родоса. Неизвестный архитектор, скорее всего, грек, расположил здания и портики таким образом, что они поднимались по склону холма террасами, при этом он использовал бетон. Кроме остатков храма Фортуны в ходе раскопок были обнаружены форум и термы. О существовании амфитеатра известно из надписей.

От начала I в. до н.э. в Риме сохранился храм Фортуны Мужской, не подвергавшийся в позднейшие времена перестройке. Это небольшое прямоугольное сооружение из местного сероватого камня — травертина, с глубоким входным портиком из колонн ионийского ордера. На этой же площади близ Тибра стоит небольшой круглый храмик, видимо, посвященный Геркулесу. Простота стиля, скромные украшения соответствовали всему складу жизни республиканского Рима, еще не пораженного роскошью. И только Помпей и Цезарь после возвращения из своих походов на Восток и знакомства с эллинистическими городами заложили своими постройками начало будущего мраморного Рима. Первое из грандиозных сооружений — каменный театр Помпея, воздвигнутый в 55 г. и известный лишь по описаниям.

Инсулы и их обитатели. Гражданские войны римляне сравнивали с опустошительными пожарами. Пожары до неузнаваемости изменяли облик городов и освобождали место для нового строительства. Так же и гражданские войны. Частные дома людей, внесенных в «списки мертвых», захватывались и продавались с молотка.

Новые владельцы на месте особняков воздвигали здания в три и более этажей и сдавали их внаем. В перестройку при Сулле шли районы Рима, заселенные богатыми всадниками. У Красса были отряды специально обученных рабов, с помощью которых оставшиеся после пожара пустыри покрывались «доходными домами», получившими название *инсулы* — острова (впервые это слово в значении комплекса зданий употреблено Цицероном).

Хотя в наиболее добротных инсулах порой целые этажи снимали люди среднего достатка, в основном они были заселены малообеспеченными людьми, не имевшими возможности зимой жить в особняке, а летом, спасаясь от лютой жары, уезжать к морю или в горы. Это были «острова бедности» в городе, полном роскошных городских вилл. Здесь было царство клопов и блох. В каморках многоэтажных домов не было ни водопровода, ни канализации. Отбросы нередко выплескивали прямо из окон, и с этим приходилось считаться прохожим. Часто возникали эпидемии. Для большинства обитателей инсул единственным товаром, которым они обладали, были их голоса, скупавшиеся перед выборами искателями выгодных государственных должностей. Однако и в остальное время от голода римские граждане не умирали, ибо получали хлеб от государства и подачки от богатей.

Жизнь обитателей инсул более всего скрашивали зрелища — конские скачки, бои гладиаторов, травля зверей. Они дорого стоили организаторам, но тот, кто был щедр, добивался популярности и мог рассчитывать на голоса. И все же обитателям особняков страшно было жить в городе, все больше и больше застраивавшемся инсулами, этим источником обвалов и пожаров. Позднее, при Августе, высота зданий регламентировалась законом. Однако квартирную плату всегда назначали домовладельцы. И всегда мог появиться кто-то, обещающий добиться в законодательном порядке ее снижения и отмены задолженности.

В инсулах обитали люди, которым нечего было терять, — те, на кого рассчитывали Катилина и Клодий. Из них вербовались и те, кто ликовал при объявлении проскрипций, воспринимая их как долгожданный сигнал к безнаказанным грабегам и убийствам. Именно об обитателях инсул думал Цезарь, составляя свое завещание и отказывая каждому из них по 300 сестерциев. Это были как раз те 30 сребреников, за которые была продана римская республика.

Лукуллов пир. Минули времена, когда римляне гордились умеренностью в пище и корили азиатов, а у себя в Италии — «жирных этрусков». Римляне времен царей и «бородатых консулов», лакомившиеся полбой и репой, превратились в гурманов. Рим пос-

ле Митридатовых войн стал пиршественным столом, на который поставляли свои изысканные блюда и Меотида (Азовское море), и Колхида, и Африка. Конечно же, за этим столом деликатесы доставались немногим. Господа съедали утиную шейку и грудку, остальные части доставались гостям рангом ниже, а лапки обглаживали рабы. Не щадили ни красоты павлина, ни соловьиного пения — в пищу порой шли и соловьиные языки. Законодателем таких пиров оказался победитель Митридата и Тиграна Лукулл, у которого Помпей похитил победу, но не добычу. С горя удалился Лукулл от дел и обязанностей римского гражданина в свое поместье и зажил там, как «Ксеркс в тоге». Роскошную и праздную жизнь вскоре стали называть «лукулловой». Если кому из сенаторов хотелось особым образом приготовленного дрозда, — он отправлялся к Лукуллу, располагавшему лучшими птичниками. Морские рыбы были также у него под рукой — он приказал пустить в свои пруды по каналу воду из моря и развел рыб, которыми любовался и которых собственноручно кормил. По примеру Лукулла рыбные садки стали заводить у себя и другие владельцы вилл. Известны случаи, когда хищным рыбам скармливали провинившихся рабов.

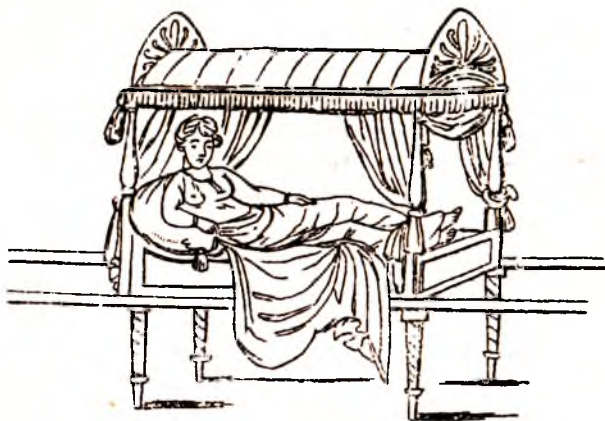
Пиры, устраиваемые Лукуллом и его подражателями, длились неделями (предусматривались даже золотые лохани для извержения съеденного и выпитого и были изобретены способы искусственного вызывания рвоты). Возникал цикл, охарактеризованный одним из римских писателей так: «Извергают пищу, чтобы есть, и поглощают ее, чтобы извергнуть».

Пиры в Риме становились своего рода средством общения с друзьями. Цицерон полагал, что латинское слово «пир» («конвивиум») более удачно чем греческое, так как дословно означает «совместная жизнь». Все зависело от того, кто был устроителем пира и кто был среди его гостей — образованный нобиль, полуграмотный всадник или вольноотпущенник, стремившийся выставить напоказ доставшееся ему богатство и демонстрирующий вместе с ним невежество и безвкусицу. Как реакция на многолюдные пиры воспринимается рекомендация Варрона приглашать к столу гостей в количестве не менее числа граций (трех) и не более числа муз (девяти).

Одежда и прическа. Роскошь одолевала былую римскую простоту во всем. В свое время, если верить Геродоту, Крез посоветовал пленившему его царю персов Киру одеть своих подданных в длинные одеяния и обувь в высокие сапоги — «и ты увидишь, о царь, как скоро они обратятся в баб, так что тебе уже никогда не придется опасаться восстаний». Римляне эпохи гражданских войн, следуя моде, были одеты так, словно восприняли совет лидийского

царя. Из описаний Цицерона встает окружающая Катилину золотая молодежь «в одежаниях до пят с длинными рукавами».

Одновременно распространился обычай подбривать брови, выщипывать бороду и волосы на ногах, а также умащаться восточными благовониями. Так что Клодий, втесавшийся в толпу девушек и матрон, которые следовали на закате в дом великого понтифика Гая Юлия Цезаря, чтобы участвовать в закрытом для мужчин празднике Добрай богини, сошел за девушку. Пойман же он был рабынями при попытке проникнуть в спальню хозяйки праздника, жены Цезаря, той самой, что «вне подозрений».

Лектика

Богатых римлян стали носить по городу в лектиках (носилках), ранее римлянам малоизвестных. Это было сооружение, в котором можно было не только сидеть, но и лежать со всеми удобствами, при желании задернув занавески. Тяжесть носилок ложилась на плечи шести или восьми крепких вымуштрованных рабов, внешний вид которых подчеркивал богатство их хозяина. Римские поэты не уставали осуждать носилки как проявление изнеженности и развращенности, но ими продолжали пользоваться как средством передвижения и символом обеспеченности.

Характеры в бронзе и мраморе. Римляне эпохи гражданских войн и последующих столетий римской истории встают перед нами в скульптурах, как живые люди. Подобных портретов не создавали греческие мастера. Реализм римских изображений восходит к древнеэтрусскому религиозному искусству, воспроизводившему в воске и глине образы умерших и делавшие их предметом почитания. Заимствуя у греков ранее незнакомый им матери-

ал — мрамор и технические способы его обработки, римляне создают произведения, лишенные какой-либо героизации. Римский скульптурный портрет безжалостно сохранял близость к оригиналу — выступавшие скулы, дряблость щек, мешки под глазами, тяжесть подбородка. Это дает возможность дополнить с помощью скульптурных портретов картину эпох, рисуемых литературными памятниками. Портреты политиков конца Республики — Цезаря, Помпея, Цицерона расширяют возможности оценки их личности и их характера. Так, в портрете Помпея ощущается погубившее его самодовольство и туповатая ограниченность. Для каждого, изучившего тексты,

*Скульптурный портрет
Помпея*

Помпей в галерее его современников узнаваем — его невозможно спутать с Цезарем или Цицероном. Клеопатра благодаря скульптурному портрету для нас не идеальная красавица, и можно задуматься над тем, что бросило к ее ногам Антония. Примечательно, что впоследствии, когда римские правители были официально обожествлены, представление об их «божественной природе» почти не сказалось на реализме портретов — божественность передавалась с помощью позы и атрибутов власти. Портреты, принадлежащие лицам неизвестным или ничем не отличившимся, ценны как типажи, выражающие определенный характер, и режиссер, создающий фильм о древнем Риме, в состоянии подобрать из них прототипы на роли сенатора, ростовщика, центуриона и т. д.

VII

ИМПЕРАТОРСКИЙ РИМ В ЭПОХУ ПРИНЦИПАТА

Глава 34

ВРЕМЯ АВГУСТА: ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА (30 Г. ДО Н. Э.—14 Г. Н. Э.)

В начале весны 30 г. волны Тирренского моря разрежала триумфально расцвеченная флотилия римских кораблей. На первой триреме находился тридцатипятилетний победитель Антония и Клеопатры Октавиан, завладевший всеми землями, рудниками, пальмовыми рощами Египта. На других судах плыли сказочно разбогатевшие соратники Октавиана и египетская казна, предназначенная в дар римскому народу.

Октавиан становится Августом. Еще живы были старики, помнившие кровавое возвращение в Рим Мария и не уступавшее ему в жестокости возвращение Суллы. На памяти очень многих было и триумфальное возвращение приемного отца Октавиана Цезаря и все то, что за этим последовало. Но появление в Риме Октавиана знаменовало не начало еще одного витка гражданских войн, а их завершение. Поэтому римляне несколько месяцев ликовали, не желая задумываться над тем, что их ждет.

Октавиан же во время бесконечных обременительных для его слабого здоровья чествований и триумфов только и делал, что размышлял. Ему ничего не стоило сесть на трон Цезаря и надеть себе на голову корону. Так поступил бы побежденный им Антоний. Октавиан был умнее и расчетливее. Само слово «царь» было ненавистно римлянам едва ли не со времени изгнания Тарквиния. Полтысячелетия Рим был республикой, и хотя в столетней буре гражданских войн республиканские вольности и доблести выветрились, над семью холмами по-прежнему витал суровый призрак Республики. Вдохновленные им заговорщики бросили Цезаря к ногам мраморной статуи Помпея, сражавшегося за давно отжившую республику, за собрание прожженных политиканов (сенат) и продажное народное собрание.

Приветствия сенаторов изливались, как из рога изобилия. Прямо не предлагая Октавиану корону (кто знает, как развернутся события), они предлагали ему титул Ромула, основателя Рима, его первого царя. Вторым основателем Рима когда-то называли победи-

теля галлов Камилла. Пусть Октавиан будет третьим основателем Рима. Но ведь Ромул был царем. Так пусть Октавиан сам решает, надевать ли ему корону и на какой трон садиться — дубовый, как у Ромула, или золотой, как у Тарквиниев.

Октавиан бросил взгляд на сенатора Мунация Планка, одного из тех, кто поначалу был шутком у Антония, а теперь вошел в доверие к его победителю. Планк понял знак и, взяв слово, внес предложение: наградить Октавиана титулом **Август**. Смысл этого титула допускал различные толкования, но предложение было высказано так четко и внятно (да и взгляд Октавиана о чем-то говорил), что никто из прежде выступавших сенаторов не стал отстаивать иную точку зрения.

Так Октавиан стал Августом, присоединив к своему имени этот эпитет — «Приумножающий», который ранее прилагался только к отцу богов Юпитеру. Создавая видимость сохранения республики, Август принял титул *принцепса*, первого среди равных. Титул этот существовал на протяжении всей римской республики, но означал в республиканскую пору не более того, что давал право сенатору, его удостоенному, первым высказывать свое мнение.

Принципат. Единодушие сохранялось на протяжении всех сорока лет правления Августа, и одно это больше, чем что-либо другое, говорило о переменах, происшедших в Риме. Конечно, и при Цезаре власть сената была призрачной. Но единодушия не было, и свидетельство тому — убийство Цезаря в сенате. Единодушие же сенаторов при Августе продемонстрировало, что сенат в полной мере превратился в призрак. Таким же призраком стали и комиции. Они собирались с такой регулярностью, о какой не могли и мечтать даже в лучшие времена Римской республики. Квириты подавали голоса без выкриков и суеты, сохраняя видимое достоинство и как бы солидная важность этой процедуры. И зачем выкрикивать, если все, за кого они голосовали, уже выбраны Августом, и в списке кандидатов нет ни одного, кто осмелился бы иметь собственное мнение, отличное от мнения Августа. Зачем суетиться, когда каждый из голосующих исправно получал назначенную Августом сумму, а вместе с нею и тессеру (жетон) на посещение гладиаторских боев.

Октавиан-Август

Избранники народа становились магистратами, носителями исполнительной и судебной власти — консулами, цензорами, преторами, квесторами, народными трибунами. Это был, если отвлечься от частностей, старый механизм власти, только безукоризненно отлаженный, как таран или какая-либо другая из римских военных машин, которую приставили к республике и пустили в действие. К частностям относилось и то, что с завидным постоянством Август избирался консулом и цензором и много лет подряд — народным трибуном. Но ведь не сам же он себя выдвигал в кандидаты! Он не ходил, как во времена Цицерона, по форуму в сияющей белизной тоге, не здоровался с каждым встречным за руку, называя его по имени и добавляя: «Почтенный», хотя этот «почтенный» мог быть сыном вольноотпущенника. Когда начиналась избирательная кампания, Август не знал, куда деваться от направляемых к нему депутатий, каждая из которых настаивала на преимущественном праве выставить его кандидатуру. А если он отказывался от должности, в городе наступало необыкновенное волнение, и к Палатину стекались толпы с воплями: «Как мы обойдемся без тебя, отец отечества!». И приходилось уступать, идя навстречу пожеланиям римского народа.

Законы Августа. Целью законов Августа было укрепление традиционных моральных ценностей, пошатнувшихся в результате гражданских войн, создание новой администрации, подчиненной не выборным органам власти, а ему, и устранение какой-либо возможности сопротивления новому режиму. Среди внесенных им законов более всего взволновали современников те, что были направлены на укрепление римской семьи. И в эпоху республики допускалось определенное вмешательство государства в частную жизнь граждан. Но такого рода распоряжения цензоров распространялись в те времена лишь на лиц, занимавших высокое общественное положение (так, вошло в историю распоряжение одного из римских цензоров об аннулировании полномочий сенатора за то, что он в присутствии взрослых дочерей поцеловал жену). Иное дело — законы Августа. Один из них обязывал к обязательному вступлению в брак всех лиц senatorского и всаднического сословия. Частью этого закона было установление особых льгот для тех, кто имел троих сыновей. Впрочем, права «отца троих сыновей» вскоре превратились в титул, которым мог обладать даже нарушитель закона о браке, если он имел заслуги перед государством. Закон Августа преследовал нарушение супружеской верности, возлагая ответственность за внебрачные связи женщин на их отцов и мужей.

Вызвав в римском обществе немалые толки, закон о браке не имел результата, на который рассчитывал Август, — возвращение забы-

ных обычаев предков. Закон не соблюдался. Более того, наиболее злостными нарушительницами оказались дочь, а затем и внучка самого Августа. Не имели результатов и постановления Августа против излишеств в устройстве пиршеств, в строительстве, в женской роскоши. Для того чтобы вернуть древние доблести и нравы, надо было отказываться от римских провинций и их доходов, от использования труда рабов.

Главным орудием власти принцепса была римская армия. Ее реорганизация продолжила ту линию, которую за сто лет до этого наметил Гай Марий. При Августе произошла окончательная профессионализация римского войска, установлен срок службы в 25 лет и вместе с этим определены привилегии для ветеранов. Было покончено с той пагубной практикой, когда

легионеры, угрожая оружием, выдвигали какие-либо требования к сенату и полководцам. Только от Августа зависела судьба любого командира и любого воина — награждение, продвижение по службе, отставка. Юноша, вступающий в войско в 17-летнем возрасте, давал присягу на верность самому принцепсу и находился на службе у него, а не у сената или народного собрания.

С давних пор при консуле или преторе, командовавшем войском, имелся небольшой вверенный ему лично отряд, который заботился о его безопасности и выполнял особые поручения. Август создал особые *преторианские когорты*, которые, в отличие от легионов, стоявших на границах империи, были расквартированы в Риме и в Италии — там, где могла возникнуть угроза власти. Преторианцы, набиравшиеся из одних италийцев, за более легкую службу, как правило, не опасную и приносящую почет, получали от Августа значительно большее содержание, чем легионеры, которым на римских рубежах угрожали варвары, стихийные бедствия, донимали полчища комаров и лихорадка.

Провинции, в которых находились подчиненные Августу легионы, были поставлены под его прямое управление. Он посылал туда заместников, вершил суд и расправу не только над воинами, но и над населением. Доходы от этих «императорских» провинций поступали в личную казну Августа (фиск). Провинции, где не было

Пирамида Гая Цестия, возведенная в 12 г. до н. э. за 330 дней как погребальный памятник одним из преторов в связи с модой на все египетское. Высота — 27 м. Ширина у основания — 22 м

войск, оставались формально под управлением сената и назначаемых им проконсулов. Доходы от «сенаторских» провинций шли в сенаторскую казну (эрарий). На особом положении находился Египет, считавшийся личной собственностью Августа и управлявшийся префектом из числа римских всадников. Августа там рассматривали как преемника фараонов, В надписи одного из египетских храмов он охарактеризован как «прекрасный юноша, милый своей любезностью, князь князей, избранник Пта и отца богов Нуна, царь Верхнего и царь Нижнего Египта, самодержец, сын Солнца».

Ряд законов Августа имел целью остановить нежелательное увеличение числа римских граждан за счет вольноотпущенников. Отпуск рабов на волю регламентировался. Он осуществлялся лишь по достижении рабом определенного возраста. Были усилены наказания за убийство рабами господина. По новому закону (правда, при Августе ни разу не примененному) в случае убийства господина казни подлежали все без исключения рабы его дома.

«Миротворец». Римскому обществу, истерзанному гражданскими войнами, Август предложил мир и на этой волне добился собственных целей. В своем завещании он подчеркивает: «При мне, принцепсе, сенат трижды постановлял запретить храм Януса-Квирина, тогда как до моего рождения, с тех пор, как основан Рим, он был заперт, по преданию, всего лишь дважды».

Между тем при Августе осуществлялись крупные завоевания с целью доведения империи до «естественных» границ. Историк Флор в очерке внешней политики Августа перечисляет двенадцать войн, которые при нем велись. Самой грандиозной из них была *Германская война*, в ходе которой римские полководцы присоединили к империи огромную территорию вплоть до Эльбы (Рейн не был сочтен «естественной» границей). Данниками Рима стали десятки германских племен, которых заставили подчиняться римским законам и приносить жертвы римским богам. Однако германцы, объединившись, заманили римские легионы, возглавляемые алчным и недалеким Квинтилием Варом, в непроходимый *Тевтобургский лес* и полностью их уничтожили (9 г. н. э.). Когда весть о разгроме достигла Рима, Август облачился в траур и, колотясь головой об стенку, повторял: «Вар! Вар! Верни мои легионы!». Так римская империя на западе была отброшена к Рейну. На севере в результате *Иллирийских* и *Далматских* войн границей ее стал Дунай, на западе, от устья Рейна до Геркулесовых Столпов, — Океан. Средиземное море сделалось внутренним озером империи.

Восточными рубежами империи стали реки Евфрат и Кура. Орлы римских легионов парили над Кавказом и Таврикой. Правительница Боспорского царства Динамия, внучка великого противника

Рима Митридата, провозгласила Августа в своей надписи «правителем вселенной, умиротворителем земли и моря, личным спасителем и благодетелем». Римский военный отряд расположился на скале близ современного Ласточкина гнезда в окрестностях Ялты (археологи раскопали там здания казармы и термы). Римская флотилия заняла бухту Балаклавы неподалеку от Херсонеса. Август предпринял попытку дойти до Индийского океана, но военная экспедиция в Южную Аравию окончилась провалом, хотя и не столь чувствительным, как в Германии. Цари Парфии, восточного соседа империи, в качестве жеста доброй воли (разумеется, истолкованного римской политикой как признак слабости) вернули Августу знаки римских орлов, утраченные Крассом и Антонием.

Гений пропаганды*. Стремление представить себя отцом и благодетелем народа, а свое царствование — образцом, достойным подражания, было присуще в той или иной мере всем древним монархам. Уже древневосточные цари восхваляли себя до небес и даже из победных надписей своих предшественников выкаблывали их имена и вписывали свое. Но ни один из царей, тиранов, диктаторов Древнего Востока или Запада не смог сравниться с Августом масштабами и уровнем целенаправленной, глубоко продуманной политической пропаганды. Не слишком одаренный полководец, трусливо прятавшийся за спины сподвижников, посредственный поэт, ничтожество по сравнению с Цезарем, в пропаганде Август был гением.

Когда в 1937—1938 гг. Бенито Муссолини, провозгласивший Августа «основателем фашистского режима», устроил в Риме празднование двухтысячелетнего юбилея, статуями, надписями, монетами, гемами, мозаикой и расписной керамикой была заполнена грандиозная выставка, занявшая несколько кварталов. Героем всех этих памятников был Август — могущественный, мужественный, милосердный, справедливый и, конечно, благочестивый. И если бы кому-нибудь вздумалось организовать такую же выставку в дружественных Италии Турции, Испании, Германии, экспонатов хватило бы и там.

Но, может быть, Август к собственному восхвалению не был причастен? Может быть, как уверяет он сам и как пишут о нем его древние биографы, он отличался скромностью, и обилие статуй, рельефов и иных памятников монументальной пропаганды — результат безмерной стихийной любви подданных к «отцу отечества»?

Ответить на этот вопрос помогает политическое завещание Августа, вырезанное на металле и поставленное близ его мавзолея, а затем скопированное в провинциях вплоть до далекой Анкиры в Малой Азии (столица современной Турции Анкара).

* Параграф написан совместно с Л.С. Ильинской.

Помимо этого памятника имеются и другие факты, говорящие о болезненном честолюбии «скромнейшего из римлян». И не только о честолюбии, но и о злобной мстительности, скрывающейся под личиной милосердия и благочестия. Так, Август назначил наместником Египта, ставшего римской провинцией, Корнелия Галла, талантливого полководца, нанесшего поражение самому Антонию, и одного из прославленных поэтов своего времени. Во главе войска Галл совершил поход на пороги Нила и достиг мест, куда никогда не ступала нога римлянина. Доставив в Рим один из каменных обелисков времен фараонов, он написал о своем походе за пределы Египта, забыв при этом упомянуть Августа. Когда об этом стало известно Августу, он принудил Галла покончить жизнь самоубийством.

Искусно направляемая Августом пропаганда внедряла в общественное сознание идею божественности верховной власти, убеждала подданных в щедрости носителей этой власти, украсившей город монументальными постройками, рассчитанными на века и уже этим оказывавшими воздействие на современников. Она способствовала восприятию единоличной власти как покровительницы культуры, и монументальные здания публичных библиотек, впервые появляющиеся в античности не в полисный, а в имперский период, воплощали эту идею в камне. Она ненавязчиво, но систематически убеждала общество в значимости завоеваний, охвативших огромные просторы, почти всю ойкумену.

Лозунги, провозглашенные Августом и услужливо подхватываемые сенатом, растекались в зримых образах по всей империи на реверсах монет, аверсы которых украшало изображение самого Августа. Памятники, надписи, статуи, появившиеся в столице, сотнями и тысячами подобий растекались по всей империи.

Один из интереснейших памятников монументальной пропаганды — карта, поставленная в портике ближайшего сподвижника Августа Агриппы. В основе этой монументальной карты, запечатлевшей не только римские владения, но и территории тех народов, с которыми Рим приходил в соприкосновение, лежало стремление наглядно продемонстрировать размах римских завоеваний, как бы приобщив каждого к величию могучей державы. «Вот они, мира владыки, народ, облекшийся в тоги» — мог бы вспомнить возле этой карты Вергилиеву строку чужеземец, в изумлении застывший перед ней. Хотя знаменитая карта и не сохранилась, мы можем ясно себе ее представить. Плиний Старший полностью воспроизвел в своем труде сопровождавшее ее описание, составленное самим Агриппой еще до того, как она украсила портик.

Благодаря речи оратора III в. н. э. Эвмена, произнесенной на форуме Августодуна, мы знаем, что такая же карта украшала портик

этого города Галлии, носившего имя принцепса. В этой речи явно прозвучало то, о чем умолчал Плиний, восхищаясь Агриппиной картой: действенность такого рода наглядной агитации, развернувшейся в постоянно посещаемом портике.

Радуясь реставрации портика, в котором находилась карта, галльский ритор подчеркивает значение такой карты, ибо «молодежь каждый день рассматривает все земли и все моря, все города, восстановленные их (императоров) добротой, народы, побежденные их доблестью, племена, парализованные страхом, который они им внушают». Карта, по словам Эвмена, помогает «обучать молодежь и помочь ей легче воспринять глазами сведения, которые не так легко усвоить ушами, представить положение всех стран с их названиями, их протяженностью, с расстояниями, их отделяющими, как и со всеми реками мира, с их истоками и устьями», а главное — «позволяет им окинуть взглядом блистательные подвиги наших мужественных императоров, показывая сросшиеся реки Персии, пожираемые засухой поля Ливии, кривизну рукавов Рейна, многочисленные устья Нила по мере того, как прибывают каждое мгновение один за другим гонцы, покрытые потом и возвещающие о победах».

От культа богов к культу личности. Август, как и большинство образованных людей его времени, скептически относился к народным верованиям, нелепость которых была показана Зеноном, Эпикуром и римским последователем Эпикура Лукрецием. Однако, придя к власти, он поставил своей целью возродить староримскую религию, чтобы укрепить тем самым и свое положение как главы государства. Были восстановлены находящиеся в полном запустении храмы, возобновлена деятельность старинных жреческих коллегий. Авторитет некоторых из них был поднят уже тем, что Август стал их членом. В 12 г. до н. э., после смерти триумвира Марка Лепида, бывшего великим понтификом, Август принял на себя и этот сан, став, таким образом, также и главой римской религии. Это было использовано им для преобразования римской религии в чуждом ей ключе — с целью укоренения в сознании граждан культа личности главы империи. В каждом доме Рима и Италии, наряду с ларами и пенатами, стал почитаться гений Августа. В римский пантеон были введены такие «боги», как «Августов мир», «Фортуна возвращения» (Августа).

Используя этрусское учение о сменяющихся друг друга веках-поколениях, Август ввел празднование *секулярных (вековых) игр*, которые отмечались как возвращение в Рим благоденствия, «золотого века». В торжественных шествиях юноши и девушки в белых одеяниях, с венками на головах пели сочиненный Горацием гимн, прославляющий возвращение древних добродетелей —

чести (honus), верности (fides), стыдливости (pudicitia), а больше всего — самого Августа, благодетеля римского народа.

Культ Августа перешагнул через границы Города и Италии. Он распространился по всему римскому кругу земель: во всех провинциях устанавливались храмы Августу и РOME или клялись его именем. Участие в этом восхвалении живого бога стало свидетельством лояльности подданных Римской империи.

Лживость Августа, не устававшего твердить о восстановлении Республики, явствовала не только из объема присвоенных им полномочий, но и из того, что на протяжении многих лет этот «республиканец» готовил себе наследника. Сначала это племянник Марцелл, за которого Август выдал свою дочь Юлию. Но Марцелл скоропостижно скончался. Тогда Август выдал дочь, ставшую разменной монетой в политической игре, за полководца Агриппу, и тот должен был наследовать Августу как зять. Но умер и Агриппа. После этого Август усыновил сыновей Юлии Луция и Гая и, несмотря на юный возраст, сделал их «руководителями молодежи». Когда умерли один за другим и они, он назначил наследником своего пасынка Тиберия, которого никогда не любил и за глаза называл «медленно жующими челюстями».

Говорят, что незадолго до смерти Август обратился к вошедшим в спальню друзьям с вопросом, хорошо ли сыграна им его роль, и, не дожидаясь ответа, произнес строки, с которыми обычно обращались к публике актеры, покидая сцену после последнего акта:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием.

Возможно, передача власти подозрительному и не скрывавшему своей жестокости Тиберию, словно подчеркивающему всем своим обликом контраст с благочестием и милосердием Августа, был последним актом этой трагикомедии, длившейся 44 года.

Ливия. В годы Республики судьбы Рима вершились публично — на форуме, на Марсовом поле, в курии. При Августе решения принимались во дворце на Палатине (в его палатах), затем пересылались в народное собрание и сенат для формального утверждения. Первым местом, откуда исходили назначения, награды и кары, была императорская спальня, и от того, кто находился рядом с принцем-сном на супружеском ложе, зависело очень многое.

В дом на Палатине Август вступил вместе с Ливией. В годы войны Октавиана с Секстом Помпеем Ливия с двухлетним Тиберием и беременная, спаслась бегством от бесчинств ветеранов своего супруга. Сначала она нашла пристанище в Сицилии,

вогчине помпеянцев, затем в Греции. Там во время битвы при Филиппах погиб ее отец (не желая сдаваться врагам республики, он покончил жизнь самоубийством). Молодую женщину заметил и поддержал Антоний, а затем, минуя дом своего супруга, она досталась победителю и родила под его пенатами. Чтобы принять этот трофей, это дитя гражданской войны, Августу пришлось пойти на развод с прежней женой, от которой он уже имел детей. Но — о, горе победителю! — Август вскоре мог пожалеть об этой победе, ибо наследников Ливии ему не родила, а с его собственными детьми рассорила. Закон Августа о

Ливия

браке правильное было бы назвать законом Ливии, ибо, как известно, он обрушился прежде всего на родную дочь и внучку Августа, а также на Овидия (не Ливия ли виновата в том, что и после смерти Августа поэту не разрешили вернуться в Рим?). Этот закон связал и самого Августа: ведь не мог же он нарушить его и развестись с Ливией! Но с этого времени владыка круга земель стал разговаривать с собственной женой по заранее заготовленному конспекту.

Вся жизнь Ливии была отдана Августу. Она никогда не отпускала его из Рима одного, сопровождая в ближних и дальних поездках. Она решала, кому из членов императорской семьи возглавлять войско, а кому отправляться в изгнание. На Востоке ее принимали как царицу. Ее благосклонности добивались цари, осыпая подарками и давая ее имя вновь основываемым городам. В Италии (в Павии) ей воздвигли триумфальную арку. Не за победу ли над Августом?

Предком Ливии был Ливий Друз Младший, тот самый, который попросил соорудить свой дом таким образом, чтобы все, что делается в нем, всегда было на виду у народа. Дом пожизненного народного трибуна Августа и Ливии, напротив, был построен так, чтобы никто не мог знать, что творится за его стенами. Если бы в древности велось независимое расследование о смертях в императорском доме, следы привели бы к Ливии. «Случайно» при жизни Августа гибнут его сыновья, внуки, племянник — все его наследники. В древности существовало мнение, что Ливия ускорила кончину и самого Августа, чтобы сделать принцем своего сына, ненавистного Августу. Освобождаясь на смертном одре от тягостной близости с Ливией, он назначил преемником Тиберия, а она с неженской

решимостью тотчас убила законного наследника Агриппу Постума, которого еще при жизни супруга отправила в ссылку.

Но все это оставалось в тени. Официально же после смерти Августа Ливия получила имя Августы, была объявлена дочерью Августа (родную дочь его она к тому времени извела) и его жрицей, вследствие чего была удостоена почитания в храмах. Ливия умерла в 86-летнем возрасте, через пятнадцать лет после причисления Августа к богам, и заняла место рядом с ним в мавзолее. Сын Ливии император Тиберий, уже несколько лет живший на Капри, на погребение матери приехать не пожелал. Мать, добывшая ему власть, давно уже стала для него обузой. Поэтому обожествлена Ливия была лишь своим внуком императором Клавдием. В храме Августа был поставлен алтарь, у которого весталки приносили ей жертвы, а матроны клялись ее именем.

Меценат. Вместе с Августом вступил в историю вечного Рима и **Гай Цильний Меценат.** Август увековечен названием самого благодатного месяца года. Меценат — безупречным вкусом в поэзии и щедростью к людям искусства — меценатством.

Выходец из этрусского аристократического рода, потомок лукумонов, Меценат был другом Августа и его добрым гением. Только он мог подсказать императору выход из политической ситуации, запутанной, как мифический лабиринт. Покидая столицу империи, Август оставлял Рим на этого человека, не занимавшего никогда никакой выборной должности. Меценату подчинялись консулы и сенат. И это лишний раз характеризует принципат не как «восстановленную республику», что было официально провозглашено Августом, а как режим личной власти.

Никто не знает, о чем совещались Август и Меценат за толстыми стенами дворца на Палатине. Обнародована лишь одна их беседа, состоявшаяся в повозке, на пути в амфитеатр, — ее свидетелем оказался поэт Гораций. Предвкушая предстоящее зрелище, Август и Меценат спорили, кто победит — галл или самнит. И тому же Горацию довелось увидеть, как десятки тысяч зрителей в том же амфитеатре на правом берегу Тибра, на Ватикане, стоя приветствовали простого римского всадника Мецената, впервые после выздоровления показавшегося римскому народу:

Эхом откликнулся
Тибр твой отеческий
На Ватикана хвалу
И ликование.

В историческом труде Диона Кассия сконструирована беседа Октавиана с его советниками Агриппой и Меценатом. Агриппа

предлагает победителю в гражданских войнах восстановить республику. Меценат же советует установить монархический способ правления, доказывая его преимущества. Октавиан, как известно, предпочел компромисс: став монархом, внешне он сохранил республиканский фасад власти. Разумеется, речи Агриппы и Мецената сконструированы, но трудно сомневаться в том, что именно Меценат, «потомок царей», был сторонником и идейным вдохновителем монархических начал в политике Августа.

В Риме нельзя было сыскать двух столь различных по характеру людей, как Август и Меценат. Первый из них — внешне сдержанный, осторожный, с непроницаемым взглядом, выбравший с самого начала своего державного пути маску и не снимавший ее до смертного часа. Второй — шумный, оживленный, всегда окруженный людьми и заметно выделяющийся среди них. Столь же разительно они отличались одеждой и привычками. Август — в трех туниках даже летом, «чтобы не продуло», в тоге старинного покроя, придающей человеку сходство со статуей. Меценат — в одной «распущенной», то есть неподпоясанной, тоге, даже по дороге в сенат, на форуме, и всегда в сандалиях с серебряными пряжками, с золотыми кольцами, унизывающими пальцы. Воскресни суровый Муций Сцевола, он опять бы совершил трагическую ошибку, приняв Мецената за царя, а его спутника, могущественнейшего из земных владык, за секретаря или слугу.

Дом Августа на Палатине не выделялся ни размерами, ни декором, ибо также был декорацией продуманного до мелочей политического зрелища близости власти к римскому народу. Меценат занимал пышный дворец на Эсквилине, откуда открывался вид на весь распластанный внизу город и на лиловеющие на горизонте Альбанские холмы, считавшиеся метрополией Рима. Здесь Меценат обдумывал планы управления государством. Здесь он принимал поэтов, слушая их стихи или читая им собственные вирши, над которыми посмеивался Август, писавшей лишь распоряжения да воспоминания о свои деяниях.

Випсаний Агриппа. Мецената, ушедшего из жизни в 9 г. до н. э., можно было назвать головой Августа. Правой же его могучей рукой был уроженец суровой Далмации, выходец из всаднического сословия **Марк Випсаний Агриппа**, соученик Августа по школе ритора в Риме, а затем его спутник в Испании и Аполлонии. Когда последней достигла весть о гибели Цезаря и назначении Гая Октавия главным наследником, его отчим и мать, племянница Цезаря, были единодушны в том, что Октавию в Риме делать нечего. Но юный Агриппа думал иначе. И Октавий, прислушавшись к совету друга, от наследства Цезаря отказываться не стал. Сопровождает-

мый Агриппой и набранным им небольшим воинским отрядом, Октавий отправился в Рим, чтобы стать там Октавианом, а затем Августом. И именно с этого времени Агриппе поручалось руководство всеми военными операциями, а плодами его побед пользовался Август.

На описанном Вергилием щите, будто бы подаренном Энею его матерью Венерой, отражена и главная из битв, сделавшая Октавиана владыкой империи:

Цезарь Август ведет на врагов италийское войско...
Вот он, ликуя, стоит на высокой корме, и двойное
Пламя объемлет чело, звездой осененное отчей,
Здесь и Агриппа — к нему благосклонны и ветры и боги —
Радостно рати ведет, и вокруг висков его гордо
Блещет роstralный венок — за морские сраженья награда.

Видимо, не уложилось в размер «Энеиды» то, что корабль, на котором красовался «цезарь Август» (кстати, тогда он еще не был Августом), так же, как и весь флот, построен Агриппой. «Роstralный венок» на голове Агриппы — это одна из многочисленных наград, которыми Август удостоил своего друга.

Агриппой впервые в Риме были сооружены еще за три года до битвы при Акци публичные термы, своего рода предвестие будущей политики хлеба и зрелищ. Свободнорожденным римлянам раздавались тессеры на посещение терм и банные принадлежности. Агриппа позаботился также о благоволении к новому режиму богов всех включенных в империю народов, воздвигнув в 25 г. до н. э. Пантеон (в дословном переводе — «храм всех богов»).

Впоследствии этот храм, сильно пострадавший от пожара, был перестроен императором Адрианом, сохранившим, однако, имя первого строителя. За пределами Рима Агриппа построил гавань в Байях, ставших излюбленным местом отдыха новой римской знати.

Агриппе Август доверял как самому себе. Во время тяжелой болезни в 23 г. до н. э. он передал ему свое кольцо с печатью, чем смертельно оскорбил родного племянника, после чего ему пришлось, делая уступку родственникам, отправить Агриппу на Восток для противостояния парфянской угрозе.

Агриппа

После возвращения в 21 г. в Рим в дополнение к прежним обязанностям Агриппа получает высшую военную власть в империи и командование над войском в западных провинциях. Одновременно Август переселяет Агриппу в собственный дом и вводит в свою семью, отдав ему свою дочь Юлию, ставшую третьей его женой. Сыновья Агриппы должны были бы наследовать Августу, если бы не их странная гибель. Его дочери и внучке (Агриппине Старшей и Агриппине Младшей) довелось сыграть немаловажную роль в жизни империи: первая из них стала супругой Тиберия, вторая — матерью Нерона.

Источники. История принципата Августа прекрасно обеспечена литературными источниками. Среди них — сочинение современника Августа Веллея Патеркула, служившего в провинциальных легионах войсковым трибуном и ставшего по предсмертной рекомендации императора «его кандидатом» в преторы и члены сената. С позиций профессионального военного изложены преимущественно военные операции времени Августа и дана общая характеристика его правления. В посвященном Августу кратком очерке «Анналов» Тацита Август охарактеризован как основатель режима единоличной власти, заменившего республику, который не встретил сопротивления, поскольку устанавливал мир, но в своем зародыше обладал пороками, бурным цветом распустившимися при его преемниках. Биография Августа, содержащаяся в «Жизнеописании двенадцати цезарей» Светония, дополняет начертанную Тацитом картину эпохи деталями портрета принцепса и подробностями его личной жизни, известными Светонию благодаря доступу к архивным документам дворца. Детальное изложение правления Августа, основанное на недошедших исторических трудах времени основателя принципата, сохранил поздний историк Дион Кассий; на его суждения о режиме Августа повлияли политические теории, господствовавшие в сенатских кругах с начала II в., и это заставляет относиться к приводимым в труде фактам с осторожностью. Ряд данных об Августе содержится в компилятивных трудах древних историков (Юстина, Флора, Евтропия) и в высказываниях писателей. Юлиан, известный под именем Отступник, назвал Августа хамелеоном.

Существенным дополнением к парративным источникам служит поэзия времени Августа, прежде всего гимн, сочиненный Горацием по случаю празднования секулярных игр, идеологизированная «Энеида» Вергилия, написанная в русле провозглашенной Августом политики восстановления добрых старых нравов, творчество Овидия, отразившее трезвый взгляд поэта на лицемерные лозунги принцепса.

Необычайно богат относящийся ко времени Августа эпиграфический и нумизматический материал. Главный эпиграфический документ — Анкирская надпись, с предельной четкостью показавшая умение создателя монархии нарядить ее в тогу республики. О стремлении Августа продемонстрировать благотворность установленного им режима свидетельствуют сохранившиеся в разных частях империи надписи. Одна из них, представляющая собой послание императора к гражданам находившегося в Малой Азии центра культа Афродиты города Афродисия, выбита для всеобщего обозрения на внешней стороне городского театра.

Еще более выразительны монеты начала принципата, эта наглядная летопись побед римского оружия, целая галерея портретов членов императорского дома и вместе с тем орудие пропаганды внутренней политики Августа.

Перипетии гражданских войн не могли не отразиться на чекане монет, на которых появились портретные изображения триумвиров. Обширен и эпиграфический материал. Особенно интересно сопоставление литературных источников с началом Анкирской надписи, отразившим официальный взгляд на события конца республики, утвердившийся с победой империи.

Вокруг Августа. Установление Цезарем личной диктатуры и приход к власти его наследника Октавиана после еще одного витка гражданского безумия не были случайным явлением. Они подготовлены почти столетним развитием римского общества со времени Гракхов, которое римские историки считали эпохой гражданских войн. К этому выводу пришли исследователи римской истории нового времени, начиная с Теодора Моммзена, автора многотомной истории Рима и других капитальных трудов, обеспечивших ему славу крупнейшего историка XIX в. и в конце жизни — Нобелевскую премию. Однако в оценке движущих сил этого кризиса в науке существуют серьезные разногласия. Моммзен оценивал столетие от Гракхов до Цезаря словом «революция», как будто сближая ее события с буржуазной революцией 1848 г. в Германии, активным участником которой он был. Социального содержания римской революции Моммзен не исследовал, но тех, кто ей противостоял, называет юнкерами (в Пруссии его времени юнкер — дворянин-землевладелец). Героями революции Моммзен считал Гракхов, Мария, видя в них предтечу «революционного монарха» Цезаря.

Проанализировавший режим Августа с государственно-правовой точки зрения Моммзен охарактеризовал его как диархию, то есть сочетание элементов республики и монархии, более близкое на ранних этапах к первой, а на поздних — ко второй. Иной была точка зрения Эдуарда Мейера в статье «Император Август» (1903 г.) и в последующих работах. Он пришел к выводу, что Август следовал в своей политике противнику Цезаря Помпею, которого следует считать истинным основателем принципата, такой политической системы, когда вся полнота власти принадлежит сенату, а хранителем ее и защитником является первый гражданин — принцепс.

В эпоху подготовки и утверждения в Италии фашистского режима итальянские историки часто противопоставляли Августа Цезарю, считая последнего гениальным неудачником, а первого — великим практиком и строителем империи. В 1937 г. Бенито Муссолини отпраздновал в Риме грандиозный юбилей Августа, к открытию которого были извлечены из земли сооружения времени Августа, в том числе алтарь мира. Почти в те же годы, когда в России зарождался подобный режим, вышла работа М.И.Ростовцева «Рождение римской империи» (1918 г.), в которой предшествующие приходу Августа к власти гражданские войны были определены как революция, движущей силой которой являлся пролетариат, организованный в войско и устранивший старую аристократию. На гребне этой революции к власти пришел Август, установивший мир и порядок.

Предложенное М.И.Ростовцевым вслед за Моммзеном понимание гражданских войн в Риме как революции, освободившись от всего того, что было навеяно непосредственными наблюдениями за событиями после Октябрьского переворота, победило в историографии XX в. Эта концепция положена в основу капитальной работы Р.Сайма «Римская революция» (1939 г.). При этом английский историк в отличие от Ростовцева счел революционером не Цезаря, а Августа, осуществившего переворот в истории Рима и всего Средиземноморья.

В СССР еще перед второй мировой войной над проблемами падения римской республики начал работу Николай Александрович Машкин. В капитальном его труде «Принципат Августа» (1949 г.) режим Августа — это монархия,

авуалированная республиканскими институтами. В это время такой же режим господствовал в СССР, и нашлись историки, которые, поняв опасность аналогичной, препятствовали выходу монографии. Однако поскольку работа была снабжена бесчисленными ссылками на основателей марксизма-ленинизма, книга вышла в свет и даже была награждена Сталинской премией.

Н.А. Машкин отрицательно относился к определению гражданских войн конца республики как революции, поскольку, по его мнению, революцией можно считать только изменение социальной основы общества. К тезису о пережитой римской империей революции четверть века спустя вернулся Сергей Львович Утченко («Юлий Цезарь», 1976 и др.), увидевший в Цезаре политического деятеля и политика, а в Августе, помимо того, «государственника», за которым стояли муниципальные круги, допущенные к власти после сокрушения старого нобилитета и краха Рима-полиса в тех пределах, которые установил Август. Гениальный Цезарь, надевший погубившую его корону, выразил подлинное содержание режима, Август, унаследовавший монархическую власть, объявил ее «восстановленной республикой», показав последующим политикам и государственным деятелям, как можно манипулировать политической терминологией.

Глава 35

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Никогда еще на невеликом «временном пятачке» не теснилось столько выдающихся поэтов и писателей, как в годы правления Августа. Это настоящий каскад талантов. Некоторые поэты последующих поколений склонны были объяснять такой феномен поддержкой Мecenата и сетовали на то, что мecenаты вывелись. Разумеется, факт прямого или завуалированного подкупа, равно как и того, что поэзия во многом была рупором идей нового политического режима, трудно отрицать. Но главное было не в этом. Десятилетия, непосредственно предшествующие приходу Августа к власти, были наполнены такими событиями, что казалось, будто сама судьба впервые поставила на сцене истории одну из своих величайших трагедий, героями которой стали Помпей, Цезарь, Брут, Цицерон, Антоний, Клеопатра. Зрители этой трагедии, как бы она ни повлияла на их личные судьбы, могли бы повторить слова русского поэта: «Блажен, кто посетил сей мир/ В его минуты роковые./ Его призвали всеблагие,/ Как собеседника, на пир.».

Вергилий. Как почти все обитатели завоеванной римлянами Италии, поэт имел три имени — **Публий Вергилий Марон**. Второе и главное из них переводится как «девственный», и оно очень созвучивалось с природной застенчивостью поэта. В зрелые годы она выразилась в том, что он скрывался от восторженных почитателей, толпами ходивших за ним. Более всего Вергилий должен был гордиться третьим именем — Марон, которому он был обязан своим предкам этрускам. На их языке оно означает «жрец», и Вергилий сохранил в своем творчестве присущие этрусским жрецам пронзительность и пророческую мощь, а вместе с ними и интерес к скрытой от поверхностного взгляда стороне жизни.

Вергилий

Родиной Вергилия (70–19) был главный город колонизованной этрусками Северной Италии Мантуя. И он им гордился. Но величие Мантун, как и всего этрусского, было в далеком прошлом. Отец Вергилия был простым человеком, добывал пропитание себе, жене и трем сыновьям сначала в гончарной мастерской, а затем на пчельнике. Однако его сын Публий в юности обучался медицине и математике. Рано начав писать стихи, он не пользовался известностью за пределами узкого круга. Разразившаяся в юные годы Вергилия гражданская война затронула всю Италию. Доказалась она и до отдаленной Мантуи. Желая вознаградить ветеранов, руками которых обеспечивалась власть,

Октавиан раздарил им земли Италии, разогнав их прежних владельцев. Потеряли свой семейный участок и Вергилии. Их пчелы разлетелись по лесам. И все они покинули родное гнездо. Вот тогда-то и попались на глаза помощнику Октавиана Меценату стихи Вергилия, и он, обладавший тонким художественным вкусом, ощутил медовый аромат строк неведомого никому Вергилия, а может быть, и родственную этрусскую душу. Высокопоставленный римлянин Гай Цильний Меценат, так же как и Вергилий, имел предков этрусков.

Беглецу был отведен небольшой домик в пышных садах Мецената, выросших на месте городской свалки, и он вступил в круг друзей владельца городской усадьбы. Но жизнь, наполненная пирами и развлечениями, была не по нутру молодому человеку с деревенским румянцем на щеках. И Меценат подарил Вергилию небольшое поместье на склонах Везувия, близ городка Нолы, где тот проводил большую часть года. Здесь в подражание александрийскому поэту Феокриту мантуанец написал пастушеские идиллии *«Буколики»*, местом действия которых была греческая глухомань Аркадия. Уносясь туда мечтами и помыслами, Вергилий отдыхал душой от страстей и пороков своего бурного времени, любясь красотой природы и естественностью пастушеских нравов. И все же современность врывается в рождавшиеся на склонах Везувия стихи то зашифрованным возвеличиванием Гая Юлия Цезаря, то похвалой Октавиану-Августу, то ссылками на произведения друзей-поэтов,

пользовавшихся, как и он, покровительством Мецената. В написанных вслед за «Буколиками» *«Георгиках»* («Сельских поэмах») поэт прямо включается в провозглашенную Октавианом-Августом программу возрождения разрушенного столетней гражданской войной сельского хозяйства Италии, воссоздавая одновременно красоту родной природы.

Успех этих произведений и настояния Мецената и стоявшего за ним Августа направили Вергилия от описаний природы и сельского труда к доисторическому прошлому Италии, к истокам Рима. Так возникла *«Энеида»* — грандиозное мифологическое полотно, как бы созданное по образцу *«Илиады»* и *«Одиссеи»*. Однако современники еще до обнародования поэмы видели в ней соперницу греческого эпоса:

Прочь отступите вы, римляне, прочь вы, и греки,
Нечто творится важней здесь *«Илиады»* самой.

Десять лет работал Вергилий над поэмой об Энее, и завершения этого труда, затаив дыхание, ждала вся Италия. Известно, что Август в шуточной форме угрожал поэту, требуя, чтобы тот прислал ему хотя бы строку или даже полустихие *«Энеиды»*. Некоторые части поэмы Вергилий читал в политизированном семействе Августа, и родственница императора, услышав строки о своем недавно погибшем сыне, упала в обморок. Обнародовать поэму Вергилий не торопился. Ему хотелось побывать в местах, откуда его герой начал свои странствия. Но во время путешествия в городе Мегаре поэт был поражен солнечным ударом. Умирая уже в Италии, он завещал уничтожить незавершенную поэму. Предсмертная воля Вергилия не была выполнена. Август приказал обнародовать *«Энеиду»*, главным героем которой в маске Энея был он сам.

В беседе с друзьями Вергилий как-то обмолвился, что рождает свои стихи, облизывая строчки, как медведица детенышей, придавая им окончательную форму. В другой раз он сказал, что намечает первыми стихами легкие подпорки, чтобы впоследствии заменить их монументальными колоннами. *«Недолизанность» «Энеиды»* в виде противоречий, едва прочерченных в некоторых случаях образов и даже отдельных недописанных строк не помешала ей, однако, стать одним из величайших произведений античной литературы.

Слава предшествовала появлению *«Энеиды»* и знакомству с нею читателей. Она же сопровождала ее в веках, хотя уже в древности не было недостатка в хулителях посмертного детища Вергилия, которые отмечали ее подражательность и погрешности стиля. Был

у Вергилия свой Зоил*, написавший трактат «Бич Энея». Но среди римских критиков, кажется, не было ни одного, кто бы поднял голос против исторической концепции «Энеиды», и эта патриотическая концепция одержала победу в появившемся позднее историческом труде Тита Ливия.

Римляне знали «Энеиду» со школьных лет. На стенах разрушенных Везувием Помпей мы видим ее тщательно выписанные строки. «Энеида» пережила и другую, более грандиозную катастрофу — крушение античного мира, войдя в новый мир неповрежденной и даже вместе с учеными комментариями, объясняющими непонятные места. «Энеиду» штудировали в средневековых монастырях и первых европейских университетах. На рубеже между средневековьем и новым временем Данте избрал Вергилия своим спутником по потустороннему миру христианского мифа, придав ему черты чародея. И многие другие великие поэты, в том числе Торквато Тассо, Камюэнс, Мильтон стали подражателями Вергилия в создании национального эпоса. Поклонником Вергилия был французский философ Вольтер, ставивший его выше Гомера.

Долгое время общим для критиков нового времени было обвинение Вергилия в «неоригинальности», «вторичности» «Энеиды», опиравшееся на наличие в ней черт и мотивов, близких гомеровским. Теперь же мы понимаем, что Вергилий не был ни подражателем, ни продолжателем Гомера. Речь может идти лишь о том, что он выстраивает свое повествование на фоне прославленного гомеровского эпоса, сознательно ставя своих героев в положение «двойников», с тем чтобы отчетливее предстало различие самих времен и порожденных ими характеров. Для Одиссея, такого же скитальца, как и Эней, и следующего по тому же западному маршруту, главное — возвращение на родину, на трижды дорогую ему Итаку. Эней не меньший патриот, чем его злейший враг Одиссей. Одиссей хитростью лишил его родины, и он стремится воссоздать Трою на чужбине, дав новому городу ее древнюю славу и величие.

Вергилий самостоятелен в развитии действия, более концентрированного и напряженного, чем у Гомера. Повествование разбивается на ряд отдельных сменяющих друг друга картин, связанных не только с передвижением героя в пространстве, но и с его внутренними психологическими переживаниями. Как и у Гомера, у Вергилия наряду с героями действуют боги, но более «цивилизованные». Они менее подвержены людской зависти и вражде, равно как и другим порокам смертных. Это позволило Вергилию обозначить

*Зоил — единственный из древних филологов, отрицавший существование Гомера и прозванный за это современниками «бичом Гомера».

между богами и персонажами «Энеиды» дистанцию, позволяющую последним относиться к первым с пиететом, чуждым героям Гомера с их непосредственностью, порой дерзающим в сердцах бросить богам упрек или метнуть в них стрелу.

Для Гомера существуют в основном два временных измерения — настоящее и прошедшее, куда настоящее уходит своими мифологическими корнями. Мотив будущего для него крайне редок. Главный герой Энеиды, напротив, нацелен не только на настоящее и на ближайшее будущее (создание в Италии новой Трои), но и на судьбы самых отдаленных потомков. И именно это делает поэму злободневной. Интерес к будущему может быть объяснен не одними лишь политическими мотивами, от которых не свободен ни один художник, но также и влиянием этрусских корней Вергилия, ибо на средиземноморском Западе именно у этрусков существовало досконально разработанное учение о будущем народа с точным указанием отмеренного ему количества веков.

Вслед за Одиссеем Эней спускается в подземное царство. Но как не похоже подземное царство Вергилия на Аид Гомера и сколь различны результаты фантастических странствий обоих героев-современников! Спуск Одиссея в системе Гомера — малозначащий эпизод. Схождение же в подземный мир Энея превращается у Вергилия в центральную сюжетную линию, философскую и историко-политическую идею повествования. Эней не просто узнает, что его лично ждет в неведомой Италии. Об этом сказано буквально в двух словах, но зато раскрывается грандиозная философская и историческая панорама судьбы Италии и всего круга земель, достигается понимание того, что от каждого шага ныне живущего зависит будущее мира.

Гораций. Современник и друг Вергилия **Квинт Гораций Флакк** (65—8) оставил нам в сатирах и лирических стихах едва ли не самый точный и впечатляющий отпечаток умонастроений и чувств поколения, юность которого пришлась на годы заключительного и самого трагичного витка гражданских войн, а зрелость совпала со временем надежд и иллюзий, связанных с личностью принадлежавшего к тому же поколению победителя в гражданских войнах.

Родословная Горация не уходила в мифические времена. Отец его был вольноотпущенником, может быть, даже не италикком. Гораций не считал нужным даже назвать его имя, сообщая лишь, что он был сборщиком налогов. С помощью этой далеко не почетной профессии он скопил небольшое состояние и приобрел участок земли близ Ветузии, где юный Гораций ощутил себя не чужаком, а сыном вепузийской земли. Здесь же по соседству он получил начальное

образование и затем был отправлен в сопровождении нескольких рабов в Рим, так что со стороны его можно было принять за сына богатого человека. Средства отца позволили Горацию продолжить образование в Афинах, где он провел несколько лет в поисках истины и в общении с такими же, как он, поклонниками эллинской мудрости и красоты.

То, что пришлось пережить самому Горацию, в полной мере вписывается в круг метаморфоз этой эпохи. Юношу, изучавшего в Афинах философию и не помышлявшего о военной карьере, республика в лице Брута призвала под свои знамена и поручила командование легионом. В случае победы его, сына вольноотпущенника, ждала политическая карьера. Но вместо этого он пережил разгром (битва при Филиппах), бегство, унижительную для самолюбия службу писца. И вдруг неожиданный взлет. Стихи писца с запятнанной биографией понравились Меценату. Сам Август предложил ему должность личного секретаря. Но Гораций нашел в себе силы отказаться от этого соблазнительного предложения, ибо уже предчувствовал, что силою слова ему суждено поднять свое имя не только над обыденностью времени, но и над любой властью.

В годы приобретения Горацием известности не утихали гражданские войны. Возникла угроза из Сицилии, захваченной Секстом Помпеем. Разгорался конфликт между Октавианом и Антонием. Используя ритмы греческой поэзии, Гораций создал обессмертившее его стихотворение о страшной напасти Рима — гражданской войне:

Перетирается век еще один в войнах гражданских,
Рушится Рим собственной силою.

По форме это стихотворение принадлежало к жанру эподов, создателем которого был поэт Архилох, но никогда еще латинская поэзия не звучала с такой потрясающей силой. Приведенная нами первая строка — *Altera jam territur bellis civilibus aetas* (перетирается век еще один в войнах гражданских) содержит устрашающее сочетание звуков «т» и «р», из которых сначала складывается *terra* — Земля и грозящий ей ужас — *terror*, а затем эти звуки нарастают в последующих строках, где упомянуты имена врагов Рима — Порсены, Спартака, марсов, аллоброгов, германцев, и обрушивается воспоминанием о роковом братоубийстве, предвещающем, что у потомков Ромула и Рема нет иного спасения, кроме бегства из проклятой земли:

Нет решения мудрее того, что избрали фокейцы,
Те, что отчизну свою покинули...
Так же и вы им вослед любую спасайтесь дорогой...

Одновременно с эподами создавались сатиры. Вспоминая о сатирах Луцилия, содержавших нападки на знатных и незнатных без разбора и оглядки, поэт предупреждает, что не собирается подражать своему ближайшему предшественнику, отцу сатирического жанра. Сатиры Горация — это картинки из современной жизни, пронизанные иронией, юмором, подчас скепсисом. «Смеясь, говорить правду» — такова поставленная цель. Выводя на свет общественные пороки, Гораций создает типичные маски, за которыми почти неразличимы реальные лица. Не отступая от понятия сатиры как «смеси», Гораций рядом с пороком выводит добродетели. Мастерски обрисован чужак с деревенской стрижкой, с неумелой складкой на тоге, в башмаках не по мерке. «Честен и добр он зато, и лучше — нет человека». Таков Вергилий. И сам поэт — не сторонняя фигура в неторопливом рассказе, перемежающемся моральными сентенциями.

Вот он в кругу друзей и спутников Мецената путешествует по Италии, а вот, находясь в деревне, скучает по Риму, а пребывая в Риме, тоскует по деревенской природе. И эта же тема решается уже не в личном плане, а в форме басни о городской и сельской мыши. Сельская мышь, оказавшись в гостях у городской, испробовала господских разносолов, но, подвергшись нападению господских псов, сказала своей гостеприимнице:

Нет, эта жизнь не по мне. Наслаждайся одна.
В горы и в лес удалюсь, в безопасности грызть чечевицу.

Гораций выбрал деревню, отказавшись от почетного места секретаря Августа. И с Меценатом он встречался реже, чем тому хотелось, принимая не все его приглашения. Поэт ценил свою независимость и возможность быть ближе к природе:

Мне по душе эта роща тенистая,
Зелень плюща, украшение мудрости,
Муз и сатиров пляска согласная —
Все, что поднять от толпы к небожителям
Сможет певца...

Личность Горация раскрывается в его одах, лучшим, что им создано. Через его лирику не проходит сильная трагическая страсть, подобная катулловой. В стихах нет бурного порыва и разочарования, но как же очаровательна непосредственность перехода от одного увлечения к другому, как неповторим аромат встреч с теми, кто скрыт под вымышленными именами Лидий, Гликерий, Лалак, Небул.

Уравновешенность в любви согласуется с призывом к равновесию жизни, к «золотой середине». Само это выражение принадлежит Горацию и созвучно настроениям общества, уставшего от страстей и излишеств эпохи гражданских войн. Собственно говоря, и политика Августа после взятия им власти была далека от крайностей, от которых так страдало римское государство и наиболее выдающиеся его люди, ставшие жертвами междоусобиц и проскрипций.

Призыв Горация к наслаждению имеющимся, к благодарности каждому дню быстротечной жизни дал основание говорить об эпикуризме поэта в обыденном его понимании:

Не напрягай ума. Знать нам грешно, долго ль тебе или мне,
О, Левконоя, дышать. Не направляй свой взгляд
В чисел халдейских ряд. Знает Юпитер один,
Много осталось ли зим или последнюю
Эту дробит волна между суровых скал
Моря Тирренского. Лучше вино цеди.
К старости краток путь. День лови. В болтовне
Время быстрее течет. В даль не заглядывай.

Сколько мягкой грусти в этой и других одах по поводу невозможности преодоления поставленных перед человеческим духом естественных границ. Как эпикурейцу, Горацию чужд самообман загробной жизни. Но грусть не перерастает в отчаяние. Ведь слово как высшее проявление духа торжествует над плотью. Такова идея *«Памятника»*.

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше вознесшийся...
Нет, не весь я умру, лучшая часть моя
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную.

Гораций соразмерял свою славу с судьбами вечного Рима. И как во многом другом, он римский патриот, принесший в лирическую поэзию понятие римской верности и доблести.

Горацию перевалило за два тысячелетия. «Лучшая часть» его, как он пророчески предсказал, избежав забот богини Либитины, звучит и поныне, несмотря на то, что уже давно нет ни священного Капитолия, ни безмолвной девы-весталки, ни жреца-понтифика, с которыми он связывал крайнюю веху своей славы.

Достойным посмертного памятника Гораций считал себя потому, что перенес на италийскую почву ритмическое богатство эллинской поэзии. Для нас же памятником Горацию служит едва ли не каждая из его од или эподов. И не только благодаря их звучанию, но и потому, что они отразили многое из того, на что не обратили внимания историки, ораторы и философы, чего не найти в официальных документах его богатого на исторические памятники времени.

Каждое из стихотворений Горация запечатлело день или даже мгновение отшумевшей жизни — все то, что волновало его, сына вольноотпущенника, живущего в италийской глуши, наслаждавшегося красотой окрестной природы, добрым вином и милостями двуликого Амура.

У Горация не было семьи и каких-либо официальных обязанностей, его выигрышем в жестокой игре с Фортуной был день досуга (*otium*). К полноте наслаждения каждым таким днем он призывал своих современников, вопреки тому, что государство требовало от них выполнения обязанностей (*negotium*). Гораций сам себя от них освободил, с гордостью сознавая, что каждая из его од важнее выигранного сражения.

Ощущая свое отличие от черни, из которой он вышел, и гордясь этим отличием, Гораций, как ни один из лирических поэтов, раскрывает всю пестроту римской жизни. Перед нами в кратких, но метких оценках проходят многочисленные римские типажи: политик, добывающий публичных почестей, купец, ищущий наживы в заморской торговле, ростовщик, землевладелец, мальчишки-виночерпии, с которыми поэта связывали интимные отношения, ветреные женщины и матроны.

Впрочем, отыскав свой угол зрения на окружающий мир, Гораций оставался римлянином времени Августа, пользующимся благами сменившего гражданское кровопролитие мира. Он откликается на крупные современные события, и не раз из его уст вырывается похвала своим благодетелям. Первый из них — Мecenат, правая рука Августа. Ему посвящено несколько стихотворений. Именно Мecenату Гораций был обязан той независимостью от общества, которую он не устает подчеркивать. Их связывала человеческая дружба. Однако призывая Мecenата в гости к своему «бедному лару», Гораций и ему показывает преимущества жизни на природе и свободы от государственных дел.

Главная идея Горация — золотая середина — как и другие пропагандируемые поэтом принципы, не отличается новизной. Греческие трагики и историки V в. до н. э. раскрывали ее на примерах судеб выдающихся людей, потерпевших крах из-за зависти богов к тем, кто

вознесся слишком высоко. В изложении Горация идея эта снижается до элементарного наставления типа «соблюдай меру во всем», «не выделяйся». К этому привел его опыт гражданской войны, судьбы полководцев Гая Мария, Юлия Цезаря, Антония, Цицерона. Эта идея отвечала, как бы мы теперь сказали, имиджу, принятому самим Августом. Обладая непомерной властью, он носил домотканые тоги и отклонял слишком назойливые почести, выставляя себя не владыкою полумира, каким был на самом деле, а всего лишь первым гражданином.

Поэзия — это нечто подобное колдовству, чудотворству, как выразился поэт нашего (уже не нашего) века. Ему нельзя обучиться, ибо даже чудотворец не властен над собственной, неожиданно достигающей ему и ускользающей удачей. Так могли думать греческие лирики, а из римских поэтов — Катулл. Но не Гораций с его идеей уравновешенности:

Что придает стихам красоту: талант иль наука?
Вечный вопрос! А по мне, ни старанье без божьего дара,
Ни дарованье без школы хороших плодов не приносят.

Поэту мало и личного опыта. К нему следует добавить основательное изучение предшествующей литературы и философских трудов.

Мудрость! Вот настоящих стихов и исток, и начало!
Всякий предмет тебе разъяснят философские книги,
А уяснится предмет, и слова без труда подберутся.

Трудолюбие — необходимое условие поэзии:

Если ты хочешь достойное что написать, чтоб читатель
Несколько раз прочитал, — стиль оборачивай чаще.

Не обязательно стремиться найти новую тему, важно, чтобы она звучала по-новому:

Лучше всего освежить слова сочетаньем умелым...
Новым чеканом чеканить слова, их в свет выпуская.

Стихи самого Горация не кажутся нам предметом длительного «чекана», легкость и гибкость производят впечатление мгновенности творчества и яркости таланта, словно он следовал совету своего младшего современника Овидия — «Искусство в том, чтобы искусства не было заметно».

Как прекрасна и непередаваема в переводах Горациева гармония звуков, на которую мы уже обращали внимание. Сочетание звуков придает сказанному Горацием дополнительный, неожиданный смысл, и это подчас требует от переводчика применения чуждых оригиналу средств, в том числе и рифмы:

Богу гремучему в ярости что ли
Снега сыпучего мало для нас,
Если десницею он Капитолий
Грозно потряс.

Кажется, Пирры время настало,
Страшных знамений и бедствий людских,
Снова Протей загоняет на скалы
Тварей морских.

Рыбы по кронам пасутся древесным,
Тем, что голубкам давали приют,
И по волнам над затопленным лесом
Лани плывут.

Мало и Тибру в Этрурии места.
Мутный, чудовищ стал он буйней.
Приступом взял он святилище Весты,
С домом царей.

Иль вдохновенный праведным гневом
Или же волю небес он презрел.
И затопить весь берег он левый
Сам захотел?

Овидий. К поколению поэтов, избежавших в силу возраста гражданских войн и вступивших на литературную стезю в годы «августова мира», принадлежал **Публий Овидий Назон** (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.). «Поэтами рождаются», — говорил Цицерон. И это лишний раз подтвердила судьба мальчика Публия, выросшего в семье римского всадника из Сульмоны Овидия Назона, возлагавшего на сына честолюбивые надежды. Узнав, что сын пишет стихи, и считая это пустой забавой, отец постарался занять его политикой, отправил в странствие и, наконец, надеясь, что сын остепенится, женил. Но уже на пороге к вожделенному для отца сенату Публий все бросил и с головою погрузился в поэзию.

В отличие от Горация сельской жизни Овидий не любил. До мозга костей он был римлянином и вошел в круг золотой римской молоде-

Овидий

жи с ее легкомысленными увлечениями, на которые постаревший и ставший угрюмым Август смотрел со все возрастающим недоброжелательством. Поэтому первые сборники Овидия — *«Любовные элегии»* и *«Героини»*, если они попались Августу на глаза, должны были вызвать раздражение, а появившееся затем *«Искусство любви»* — ярость. В ней Овидий изложил супружескую измену как научный предмет, требующий от каждого, кто хочет добиться успеха, тех же приемов, какие использует воин для взятия вражеской крепости, — от изучения слабых сторон «противника» до проникновения в его стан.

Местом «подвигов» новобранцев Амура избран Рим, знание его топографии столь же необходимо, как для служителей Марса театра военных действий. Ведь тенистые роши, амфитеатр, форум — это места встреч, и к каждому нужно приноровиться, чтобы использовать их особенности и применить рекомендуемые способы обольщения, дабы высшим напряжением сил добиться победы:

Воинской службе подобна любовь. Отойдите, ленивцы!
Тем, кто робок и вял, эти знамена невмочь.

Поэма, блистающая остроумием и талантом, была встречена в римском обществе с восторгом. Однако было немало и тех, кто осуждал Овидия с патриотических позиций, полагая, что нельзя путать любовь с войной, что с потерей нравственности римляне утратят власть над миром. Имея в виду этих оппонентов, Овидий дополнил *«Искусство любви»* поэмой *«Лекарство от любви»*. В ней пристыженный Амур отказывается от опасного соперничества с Марсом, а сам поэт в угоду своему кумиру излагает методы избавления от любви, подчас граничащие с неприличием.

Решив, что тема любви исчерпана, Овидий, словно бы и впрямь пристыженный, обращается к теме, казалось бы, чуждой поэзии, — к римским религиозным праздникам в рамках календарного года. Каждая книга поэмы, охватывающая месяц, начиналась с объяснения его названия, затем излагались праздничные обряды и связанные с ними антикварные толкования, принявшие форму мифа, и легендарные события римской истории. В отличие от пародии на

научный трактат, каким была «Наука любви», Овидий в «*Фастах*» представил подлинно антикварное исследование, являющееся ценным источником для изучения римской религии и римской старины. К сожалению, он не успел его завершить, и оно кончается шестым месяцем календаря.

Одновременно Овидий начал работу над «*Метаморфозами*», главным трудом своей жизни. Избрав особой темой греческие мифы о превращениях мифических героев в цветы, деревья, небесные светила и т. п., он под этим углом зрения развернул огромное повествование в виде ряда сменяющих друг друга сцен и дал ему философское обоснование рассказом о переселении в Италию Пифагора и разработке греческим философом учения о переселении душ. Так Греция была соединена с Римом (римский царь Нума Помпилий считался последователем Пифагора), а мифы — с наукой. Завершалась книга превращением Цезаря в комету.

«Метаморфозами» была отдана дань «сыну Цезаря» Августу, но тот ее не принял. Овидий получил приказ, предписывающий немедленно, хотя была поздняя осень, покинуть Рим и отправиться в изгнание в далекие Тома (ныне румынский город Констанца). Вряд ли в тексте указа мотивировалось это решение, но сам поэт догадывался о причинах гнева и впоследствии назвал их: первое — «стихи», второе — «ошибка».

Неясно, имел ли он в виду эротические стихи или какое-то отдельное неизвестное нам стихотворение, оскорбившее Августа. Еще более загадочна вторая причина. Из отдельных туманных намеков можно понять, что Овидий оказался свидетелем какой-то сцены (не идет ли речь о сцене, участницей которой была Юлия Младшая, в том же году высланная из Рима?).

Как бы то ни было, поэт оказался в Томах. Но и там его не оставила муза, и созданные им напевы передали чувство щемящей любви к родине, к Риму. Как контраст столице встает из «*Тристий*» («Скорбей») затерянный в степи, окруженный варварами городок, не только лишенный мало-мальских удобств, но и постоянно испытывающий угрозу нападения незамиранных дикарей. Как прекрасно описание города с замерзающей зимой рекой, заиндевевших на морозе бород и усов его обитателей, унылой степной равнины, впервые в литературе получившей сравнение с безбрежным морем. Степь и причерноморская природа впервые обрели поэта. И другой поэт, А.С. Пушкин, сосланный в эти же места, не только дал высокую оценку «Тристиям», но и воссоздал образ их творца в «Цыганах».

Созданные еще при жизни Августа, «Тристии» разошлись по империи. Овидий надеялся, что они станут мостом, который приведет в Рим его самого. Но «Тристии» ни на шаг не приблизили

поэта к Риму. Создается впечатление, что лесь «Тристий» и особенно написанных вслед за ними *«Писем с Понта»* была для Августа предпочтительней той, какую он мог бы услышать от Овидия, возвращенного на родину.

Произведения Вергилия, Горация и Овидия, как и их предшественника Катулла, считаются римской классикой — а ведь прошло не более пяти поколений со времени зарождения римской литературы. Латинский язык оказался не менее богатым и гибким, чем греческий. Римские поэты общими усилиями овладели мифологическим багажом, ритмическим разнообразием и образной системой поэзии своих соседей и предшественников, и на этой почве вступили в состязание с греческими классиками, оставаясь их благодарными учениками. И для нас Вергилий стоит рядом с Гомером, несмотря на огромный хронологический разрыв между ними, Гораций — рядом с Алкеем и Сапфо. И, конечно же, понимая, что римляне были подражателями греков, мы воспринимаем греческих и римских поэтов не как оппонентов, а как союзников, творящих одно великое дело, как наших учителей.

Тит Ливий. Обращенность нового режима к прошлому, провозглашенная Августом, нашла отражение и в появлении грандиозного исторического труда *«От основания города»* в 142 книгах. Его автор **Тит Ливий** (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), как и многие другие апологеты державного Рима, не был коренным римлянином, но это не помешало ему создать труд, который без преувеличений можно назвать апологией римской государственности.

Август следил за ходом работы Ливия, был знаком с ее результатами. Хотя он в шутку и называл Ливия «помпеянцем», труд этот его явно устраивал, поскольку прославление «добрых старых нравов» республиканской поры было лозунгом официальной политики Августа, якобы вернувшей Рим в республиканское прошлое.

Однако уже один из ближайших преемников Августа, Гай Калигула, не увлекавшийся республиканской фразеологией, приказал изъять историю Ливия из библиотек под предлогом ее многословия и небрежности. В результате полностью дошло лишь 35 книг.

Цель Ливия — показать, что римский народ подготовлен к своей державной роли самими богами и достоин ее благодаря стойкости и мужеству. Соседи римлян присутствуют в его неторопливом, проникнутом напускным пафосом повествовании, но лишь постольку, поскольку они осмеливались нападать на римлян или оказывать им сопротивление. Не раз в его повествовании прямые поражения превращаются в победы, либо служат тому, чтобы лишний раз прославить римлян, не склонившихся под ударами судьбы.

Ливий далек от задач научного познания прошлого, от выяснения причин исторических событий. Его цель — создание впечатляющей картины героической римской истории. Чтобы сделать ее более живой, он, как и его великие предшественники, широко вводит в свой труд речи персонажей, придавая этим повествованию больший драматизм. Но, в отличие от Фукидида, Ливий не стремится к воспроизведению действительно произнесенных речей, а целиком их конструирует, вкладывая в уста героев собственные мысли, соответствующие, по его представлениям, той или иной ситуации и индивидуальным свойствам персонажей.

Человек начитанный и философски образованный, Ливий тем не менее, терпимо относится к фальсификации истории и даже находит ей оправдание: «Военная слава римского народа такова, — пишет историк, — что назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племени людские и это снесут с той же покорностью, с какой они сносят власть Рима». Таков «довод силы», оправдывающий не только использование выгодных Риму легенд и патриотического вымысла, но и вообще изложение истории с позиций победителя. К сожалению, не сохранились книги, в которых Ливий излагает события современных ему гражданских войн.

Помпей Трог. В годы правления Августа была обнародована всеобщая история, написанная на том же латинском языке, что и сочинение Тита Ливия, но с откровенно антиримских позиций. Ее автор, римский гражданин гальского происхождения **Помпей Трог**, поставил целью рассмотреть историю объединения Средиземноморья в рамках двух империй, македонской и римской. Используя не дошедшие до нас труды греческих историков-римоненавистников — Метродора из Скепсиса и Тимагена из Александрии, Помпей Трог выразил точку зрения побежденных на мотивы, толкавшие римлян к экспансии, и на методы, с помощью которых они стали господами мира. Труд Помпея Трога дошел в сокращении Юстина, сохранившем наряду с главными фактами истории македонской и римской империй, также и историческую концепцию гальско-римского историка.

Веррий Флакк. Дальнейшее развитие получает при Августе линия Катона Старшего и Варрона по собиранию сведений италийской и римской истории. Вольноотпущенник, воспитатель внуков Августа **Веррий Флакк** составил обширный справочник «О значении слов», сохранившийся в сокращении грамматика II в. Феста. Вследствие утраты большинства памятников римской антикварной литературы он остается незаменимым при изучении истории римской государственности и права.

Страбон. Начиная с Гекатея Милетского греческие ученые занимались описанием поверхности земли и жизни ее народов. Они были одновременно географами, этнографами, историками. И их можно назвать атлантами науки о Земле. Один из них — историк и географ **Страбон** (84 г. до н. э.—20 г. н. э.).

Деятельность Страбона падает на то время, когда под власть Рима перешли значительные территории Европы, Азии и Африки. Римлянам с лихвой хватало энергии для их приобретения, но для изучения недоставало ни опыта, ни эрудиции, и за эту работу взялся понтийский грек Страбон, внук видного сторонника Митридата Евпатора, обошедший и объехавший большую часть тех земель, которые взялся описать.

Рассказывая о берегах, островах, реках и морях, обычаях и истории народов, касаясь общетеоретических вопросов географии, Страбон с величайшей добросовестностью проработал едва ли не все, что было до него написано греками и римлянами. Приводя в своем грандиозном труде мнения предшественников, он не всегда берет их на веру, а подчас вступает в полемику. Благодаря этому его *«География»* превращается в труд по истории античной науки в широком смысле этого слова. Римляне зачастую с пренебрежением и даже ненавистью относились к покоренным ими народам. Этим пороком, обусловленным отсутствием настоящей культуры и преувеличенным патриотизмом, грек Страбон не страдал.

Страбон пишет, что его «книга должна быть одинаково полезной и для государственного деятеля и для широкой публики». Однако она осталась незамеченной не только государственными деятелями, но и учеными-географами. Имя Страбона неизвестно даже таким эрудитам, как Плиний Старший и Птолемей, и первое упоминание о его труде относится лишь к VI в. Но именно он сделал для своих современников, а также и для нас круг земель от Британии до Индии живым и зримым. Без него был бы немислим последующий расцвет римской географии.

Витрувий. Из семи благородных искусств античности зодчество благодаря масштабам и прочности творений было самым наглядным. Оно прославлено мастерами, семь из которых считались великими. Римский зодчий **Витрувий** не принадлежал к числу семи. Но непредсказуемый случай выдвинул его на первое место, ибо из всех античных трактатов, посвященных архитектуре, сохранилось только его сочинение, написанное и обнародованное в начале правления Августа.

В десяти книгах своего труда Витрувий обобщил многовековой опыт греческой и италийской (этрусской и римской) архитектуры,

а также техники. Тратат сопровождался альбомом иллюстраций, рано утраченным. Пользуясь рукописями Витрувия, позднейшие архитекторы, каждый в силу своего воображения и таланта, воссоздавали в камне этот альбом. Так Витрувий стал «соавтором» создателей византийских базилик, средневековых мостов Венеции и Флоренции эпохи Возрождения.

Глава 36

РИМ И ИМПЕРИЯ ПРИ БЛИЖАЙШИХ ПРЕЕМНИКАХ АВГУСТА (14—68 ГГ.)

Сорок четыре года власти Августа не прошли даром для римского общества. Возмужало целое поколение людей, не знавших общественных установлений республики и не голосовавших в комициях. А те, кто были подростками в те годы, когда на полях сражений решалась судьба власти, кто еще застал кровавый финал Римской республики, лишь по рассказам даже не отцов, а дедов могли судить о временах, которые старики связывали с добрыми старыми нравами, теми самыми, возвращение которых Август считал главной своей заслугой.

Не прошли даром и чистки сената, методично проводившиеся Августом под охраной преторианцев. Привыкшие повиноваться живому, сенаторы, прошедшие не одну проверку на благонадежность, состязались друг с другом в предложениях почестей покойному принцепсу. Большинство их было настолько чрезмерно, что пасынок Августа Тиберий, названный в завещании наследником власти, не решился их поддержать.

Наследниками Августа стали те, кто был предназначен быть ими в силу родства, а не каких-либо заслуг или талантов. Они выросли в обстановке лжи и кровавых интриг, видя, как их мать и бабка Ливия, одна из самых страшных женщин в мировой истории, пробивала им дорогу к трону. Официально они звались Юлиями-Клавдиями и «цезарями», а фактически были потомками и наследниками Ливии.

Лицемер. Безумец. Антикварий. Фигляр. Как и в былые века, время в Риме отмерялось по правлениям консулов, но фактически судьба города на семи холмах и огромной империи была в руках сменявших друг друга владык. Монеты с портретными изображениями принцепсов расходились по кругу земель и как бы становились лицом империи. Никто не мог знать, какая физиономия появится следующей и что можно ожидать от ее владельца.

Пятидесятишестилетнего **Тиберия** своим преемником назначил умирающий Август. И даже не дождавшись его кончины, наслед-

ник выделил преторианцам места для охраны порядка и назвал пароль. Но в сенате в полном соответствии с усвоенными со времени воцарения Августа правилами игры была разыграна постыдная комедия отказа от власти. Сенаторы умоляли Тиберия принять бразды правления, а он противился, пока кто-то, не выдержав, не воскликнул: «Пусть правит или уходит!». И тогда, согласно биографу Тиберия, тот, словно против воли, с горькими сетованиями по поводу столь тягостного бремени, принял власть (добавим: к которой рвался едва ли не всю жизнь).

Покидая сенат, Тиберий с презрением цедил сквозь зубы: «О люди, созданные для рабства», что не мешало ему, во всяком случае, в первые годы правления, демонстрировать полное почтение к отцам-сенаторам, а перед назначаемыми им же самим консулами вставать и неизменно уступать им дорогу. Он любил повторять, что хороший принцепс должен быть «службой сенату, порой — всему народу, а подчас — и отдельным гражданам», но народные собрания отменил за ненадобностью. Когда сенаторы в порыве верно-подданнических чувств предложили переименовать сентябрь в «тиберий», он тотчас отверг такой почет. Не поддержал он и их готовность карать проявления непростительного злословия в его адрес, заявив, что «в свободном государстве должны быть свободными и мысль, и язык», однако в первый же год правления возобновил действие принятого в эпоху гражданских войн закона об оскорблении римского величия, по которому привлекались к ответственности организаторы мятежей и изменники, превратив его в закон об оскорблении собственной персоны и членов своей семьи, в инструмент террора. По мере усиления власти Тиберия, особенно когда преторианскую когарту возглавил Сеян, закон стал применяться все шире, настигая не только за неосторожную шутку, но и за порку раба вблизи статуи императора или уплату монетой с его изображением в лупанаре или отхожем месте.

В какой-то мере Тиберия, пока он находился в Риме, еще сдерживал страх перед мстостью со стороны родственников казненных, но после его уединения в 26 г. на острове Капри опасность нависла едва ли не над каждым, кто выделялся из общей массы умом или богатством.

После попытки префекта претория Сеяна захватить власть Тиберий вообще никому не доверял и в течение девяти месяцев не решался покинуть свою виллу-крепость, откуда руководил расправами. К этому времени из двадцати сенаторов, составлявших узкий Совет при императоре, в живых остались лишь двое.

При вести о смерти Тиберия город наполнился толпами, орущими: «Тиберия в Тибр!». Ликование это было связано не с гонения-

ми на сенаторов, а со скарденностью императора, снижением хлебных раздач и прекращением зрелищ. Появившийся в Риме вместе с телом принцепса юный Гай, назначенный на Капри наследником Тиберия совместно с его несовершеннолетним внуком, был по настоянию ворвавшейся в сенат возбужденной толпы утверждён единоличным принцепсом.

Новый владыка Рима, внук Августа Гай Цезарь, выросший в лагере своего отца Германика, ещё ребенком привык к солдатской службе и носил миниатюрную солдатскую обувь, давшую ему прозвище «Калигула». Этот «сапожок», правивший с 37 по 41 г., на долгие годы запомнился римлянам своим произволом, разорительными для казны излишествами, всем поведением, выдававшим человека с симптомами психического заболевания. Но болезнь, которой страдал сын Германика, была не шизофренией — она носила печать эпидемии, порожденной вседозволенностью, атмосферой рабобления. Жертвой Калигулы стали те, по чьим спинам он, как по лестнице, поднялся к власти, кто помнил его еще младенцем, кто видел в нем бога. Подсчитано, что за неполных три месяца после его прихода к власти на радостях римляне закололи 160 000 жертвенных животных, а когда Калигула простудился, ночами скорбные толпы окружали Палатин в готовности отдать себя в жертву за его выздоровление.

Сенаторов он заставлял нестись за своей колесницей в соответствующем их достоинству облачении, как не приходилось бегать даже рядовым клиентам за носилками подкармливающего их патрона. Нередко после казни кого-либо из сенаторов он будто бы по забывчивости продолжал издевательски посылать ему на дом приглашения к обеду. Среди ночи он нередко вызывал сенатора во дворец, и никто не ведал, чем кончится ночной вызов — приказом вскрыть вены или приглашением разделить с императором удовольствие от дополнявшей ночной пир схватки гладиаторов. И почему бы императорскому коню было не пополнить ряды таких сенаторов? И появился четвероногий «сенатор» по имени Инцитат. По крайней мере, его заливиное ржанье время от времени заглушало жалкий лепет отцов отечества.

Калигула был убит заговорщиками-преторианцами.

Когда в день убийства Калигулы возбужденные кровью преторианцы ворвались во дворец, чтобы подыскать преемника убитому, там, кроме перенуганных до смерти женщин, оказался единственный мужчина, спрятавшийся за занавеской. Преторианцы вытащили его и, подняв на плечи, понесли в свой лагерь. Это был дядюшка Калигулы **Клавдий**. После трехдневных торгов преторианцев с сенатом он был провозглашен императором.

Клавдий был учеником Тита Ливия и вслед за ним посвятил себя истории, но не современной, а древней истории Этрурии и Карфагена, видимо, понимая, что изложение истории мировой империи невозможно без понимания вклада в нее не только греков, но и других народов. Увлеченность историей спасла Клавдию жизнь, ибо человек, уходящий в прошлое, в политизированном семействе Августа выглядел круглым идиотом. Калигула, устранивший всех потенциальных претендентов на власть, не тронул чудака-дядюшку и даже как-то в порыве благодушия назначил его консулом.

К обязанностям главы государства Клавдий относился с присущей ему серьезностью и не подписывал ни одного распоряжения, тщательно не выяснив всех обстоятельств; но поскольку для огромного множества дел у него не хватало ни времени, ни опыта, он приспособил к этому своих многочисленных вольноотпущенников, которые ведали его собственным хозяйством. Так постепенно начал складываться бюрократический аппарат с различными ведомствами. «Счетная служба», ведавшая финансами, была поручена Палласу, получившему от императора почетные знаки отличия претора. По совместительству Паллас устраивал личные дела принцепса, меняя ему жен. «Служба приказов» оказалась в ведении Нарцисса, ставшего самым влиятельным человеком в государстве. Фактически он руководил всей внешней и внутренней политикой империи. «Службой контроля» ведал Полибий, тезка великого историка. «Служба расследований» попала в руки Каллиста, возглавившего судебное ведомство. Существовала также «служба прощений», осуществлявшая канцелярскую работу и принимавшая поступавшие к императору жалобы. Эти умные и оборотистые люди повели государство по тому пути, какой наметил Клавдий. Они широко раздавали права римского гражданства, не раз раскрывали заговоры против императора. Организовывавшей их знати Клавдий не доверял и военные должности поручал выходцам из всаднического сословия.

Речи свои он писал сам, так что они носят отпечаток его стиля и отражают как эрудицию ученого на троне, так и новый государственный подход. Когда в сенате возник спор по поводу введения в сенат выходцев из Галлии, Клавдий в своей речи углубился в историю Рима, в те времена, когда Римом управляли чужестранцы-этруски, к числу которых он отнес и царя Сервия Туллия. Это должно было показать сенаторам, что бывшие враги давно стали римскими гражданами и увеличили славу Рима, и галлы, которых сенаторы презирают как варваров, могут прославить Рим, как его прославили этруски. Это была политика опоры империи на провинциальную знать.

Научных занятий Клавдий не оставлял, используя для этого каждое свободное мгновение. Он первым из римлян стал пользоваться

крытыми носилками, в которых согласно распоряжению Августа, подтвержденному Тиберием, дозволялось носить лишь женщин. Разумеется, это вызывало насмешки. Но над Клавдием смеялись так часто, что насмешек он просто не замечал. Носилки же имели еще и ту выгоду, что можно было не видеть рабских изъявлений покорности. Отказался Клавдий и от подарков, которые принимал не только Калигула, но и Август; зато использовал свою власть, чтобы ввести в латинский алфавит две этрусских буквы (после его гибели это новшество немедленно отменили), и распорядился читать публично в Александрийском мусейоне свой труд об этрусках и карфагенянах — дело его жизни.

Увлеченность Клавдия древностями и занятость государственными делами пагубно сказались на его семейной жизни. Слухами о любовных приключениях его жены Мессалины был полон весь Рим. Но сам Клавдий не обращал на слухи внимания и развелся с развратницей лишь тогда, когда ему сообщили, что она отпраздновала бракосочетание с молодым сенатором. Холостяка-императора прибрала к рукам племянница Агриппина. Родство не послужило препятствием для брака — послушный сенат специальным постановлением разрешил подобные браки, ранее запрещенные как кровнородственные. Став императрицей, распутница и интриганка Агриппина добилась от мужа, имевшего родного сына Британика, усыновления ее сына от первого брака. Вскоре после этого Клавдий был отравлен.

Похороны принцепса были благопристойными и пышными, с соблюдением обычаев предков (этрусских, как доказал покойный в своем историческом труде), с участием гистриона (актера) в маске Клавдия, волочившего ногу и заикавшегося (у Клавдия была парализована нога, и он заикался). Гроб, как положено, в вертикальном положении поставили у роствр и произнесли похвальные речи. Затем тело было предано огню, и дух новоявленного бога поднялся на небеса.

Но на следующий день, а, может быть, на следующие нундины* произошло нечто такое, чего еще не случалось за всю восьмисотлетнюю историю Рима, недавно отмеченную столетними играми. Из рук в руки передавался свиток, озаглавленный «Отыквление», и город, только что проводивший императора в последний путь, непристойно покатывался от гомерического хохота. Автор (имя его, разумеется, не было обозначено) развернул сатирическое действие, главными героями которого были безобразный, гнусный и жестокий старик Клавдий и юный, кроткий и прелестный сын Агриппи-

* Нундины — римская неделя, состоящая из девяти дней.

ны, провозглашенный преторианцами в обход Британика императором. Исходя из того, что Клавдий обожествлен, пасквилянт изобразил его появление на Олимпе, где боги сначала приняли его за чучело, а затем, узнав, что прибыл их коллега, стали хохотать и сбросили его на землю — промежуточный пункт между царством блаженных богов и Аидом, царством мертвых. Попав, наконец, на место назначения, лжебог оказался в канцелярии загробного мира под началом собственного вольноотпущенника, ведавшего там, как и при жизни, отделом справок.

Автор пасквиля (скорее всего, это был философ Сенека), незадолго до того назначенный вместе с Афранием Бурром воспитателем Нерона, показал прекрасное знакомство с кухней римской политической и придворной жизни. Обращает на себя внимание аристократическое пренебрежение к Клавдию как уроженцу галльского Лугдуна (Лиона), правителю, оказывавшему покровительство провинциалам, и автору ненужных писаний. Все то, что свидетельствовало о Клавдии (несмотря на все его пороки) как о неординарном политике и ученом, стало предметом насмешек.

Более всего появлению «Отыквления» должна была радоваться отравительница Агриппина. Всеобщий смех над Клавдием был ее оправданием. Это она избавила мир от постылого старца, это она добилась провозглашения императором своего мальчика Нерона.

Первые годы правления Нерона в римских источниках отмечены как «золотое пятилетие». Впоследствии император Траян, человек, не склонный к преувеличениям, назвал их счастливейшими для римского государства. В речи, обращенной к сенату, юный император объявил образцом своего правления порядок, установленный Августом, поправленный Гаем Калигулой и вольноотпущенниками Клавдия. Этот манифест, видимо, написанный той же рукой, что и сатира на Клавдия, предполагал, что Август своей сдержанностью и уравновешенностью возродится в его потомке. Но Нерон проявил отсутствие какого-либо интереса к государственной деятельности, словно бы его настольной книгой было не «Жизнеописание Августа», составленное им самим, а «Искусство любви», написанное изгнанником Овидием. Выслушивая днем наставления своих строгих воспитателей Сенеки и Бурра, ночью с шайкой шалопаяв он в поисках сильных ощущений бродил по городу, ввязывался в драки и нередко возвращался с расквашенным лицом и синяками. Плиний Старший, доскональный во всем, к чему бы ни обращался, сохранил рецепты мази, которые уничтожали следы ночных походов Нерона. Однако это была только одна черта характера императора. Другая — всепоглощающая страсть к искусству. Узнавая о каких-либо знаменитостях в пении, танце или актерском мастерстве,

он добивался встречи с ними и впитывал их технику и манеру, ибо готовил себя не к роли владыки мира, а к театральным подмосткам.

«Золотое пятилетие» было для Нерона временем постижения жизни, бурлившей за стенами дворца на Палатине с его устоявшимися, внушавшими скуку и отвращение церемониями. И когда ему показалось, что он овладел актерским мастерством, были изгнаны воспитатели, а интриганка-мать, проложившая ему путь к престолу, была лишена почестей и власти, а затем и убита после ряда неудачных покушений. Именно тогда Нерон

Нерон

открылся своему народу во всем разнообразии талантов декламатора, певца, кулачного бойца и циркового возницы. В пьесах на мифологические сюжеты он выступал в масках богов, героев и даже богинь. Среди них была и трагедия «Орест-матереубийца», где он выступил в роли, в которой уже успел проявить себя в жизни.

Величие Рима, мыслившееся и как собственное величие, было манией Нерона. И это также было причиной обожания его римской чернью. Но среди сенаторов назревало недовольство, вылившееся в заговор 65 г., возглавленный **Гаем Кальпурнием Пизоном**. Заговор был раскрыт и участники его казнены или приговорены к самоубийству.

В конце концов, после восстания в Галлии и выступления против Нерона ряда провинциальных наместников и военачальников, командующих легионами, сенат отрешил его от власти и объявил вне закона. Покинутый всеми, Нерон бежал из Рима и в страхе перед казнью приказал себя заколоть.

Таковы эти четверо — лицемер, безумец, антикварий, фигляр. Римские историки не уставали клеймить их преступления, смаковать подробности их жизни и судьбы. Но «времен минувших анекдоты» не просто занимательны. Это материал, характеризующий перемены в обществе и социальной психологии. Если исключить из анализа первых двух, мы можем сказать, что римский трон заняли «новые римляне», которых прежде нельзя было представить не только консулами или народными трибунами, но даже рядовыми сенаторами. Появление их — это переворот, подготовленный экономическим, политическим и духовным развитием римского государства, управлявшегося людьми в тогах старого покроя, стесняю-

щих движения, и живущих по законам предков, сковывающим мысли и чувства. Но кроме этих законов существовали вечные законы диалектики. Надо было несколько столетий излагать историю таким образом, как это делали римские анналисты и Ливий, чтобы появилась история этрусков и Карфагена, написанная римским императором. Надо было установить лицемернейший из режимов, чтобы иметь преемником власти Нерона.

Крушение мифа. С уходом из жизни Августа развеялся, как дым, миф о золотом веке, созданный этим тончайшим знатоком народной психологии и его талантливыми помощниками. Под опавшей позолотой выявились опасные трещины, грозившие зданию, которое было воздвигнуто на поколебленной гражданскими войнами почве. Но все же это здание оказалось достаточно прочным, несмотря на то, что лживость мифа нигде не выявилась так отчетливо, как в личности и поведении тех, кто венчал пирамиду власти. В сохранении принципата были заинтересованы общественные слои, укреплению которых способствовала политика Августа.

Среди плебеев значительную группу составляли вольноотпущенники, число которых резко увеличившееся уже во время гражданских войн, продолжало возрастать. Всадничество отпускало на свободу рабов, потому что их руками выгодно было совершать сделки вдаль от Рима. Широко использовали своих вольноотпущенников для торговых дел и ростовщических операций и нобили, нуждавшиеся в подставных лицах. К этим обычным уже в конце республики категориям новых римских граждан с установлением империи добавилась значительная прослойка императорских вольноотпущенников. Они могли слиться с общей массой новых граждан, но среди них было немало и таких, чья судьба складывалась фантастически. Те, кому улыбнулась Фортуна, могли оказаться во главе провинции или одной из трех императорских канцелярий, основанных Клавдием, могли и просто вызвать симпатию императора или кого-то из его родственников и оказаться вознесенными не только над вчерашними товарищами по несчастью, но и над знатнейшими из римских сенаторов. Среди многих парадоксов, порожденных новым режимом, было и отношение к этим временщикам римских нобилей. Сенат выносил в честь наиболее влиятельных из них почетные постановления, некоторые сенаторы готовы были обивать пороги их домов, соревнуясь в откровенной лести, чтобы добиться расположения вчерашнего раба и приобрести благодаря этому милости императора. Таких вольноотпущенников, перед которыми трепетали и заискивали сенаторы, были, конечно, единицы, как и тех, кто богател на торговле. Основная же масса вольноотпущенников

пополняла низшие слои населения. Это были мелкие, а порой и крупные торговцы, ремесленники, цирковые возницы, врачи, учителя, служители при магистратах, лица без определенных занятий, чье пропитание, как и у многих свободнорожденных бедняков, гарантировалось государственными хлебными раздачами и дополнялось подачками патронов.

Но богат был вольноотпущенник или беден, отпущен на волю частным лицом или императором, он (если, конечно, в его судьбу не вмешивалась всемогущая воля императора) не мог получить всаднического достоинства и тем более стать сенатором, с ним по закону не могли вступать в брак не только дети, но и внуки сенаторов. Не мог претендовать на какую-либо из магистратур его сын. Зато инук уже был сыном свободного человека и ничем не отличался в правовом отношении от остальных римских граждан.

Не менее, чем обитатели Рима и Италии, в установленных Августом порядках были заинтересованы имущие слои населения большинства римских провинций. «Хороший пастух стрижет овец, а не сдирает с них шкуру» — так сформулировал римскую провинциальную политику ближайший преемник Августа Тиберий. Разумеется, провозглашение принципа не совпадает с практическим его осуществлением. Можно привести немало примеров наместников-грабителей. Но над наместниками все же стоял не сенат, в который входило немало бывших наместников, а власть, заинтересованная в сохранении стабильности империи. Провинциальные города и общины получили по крайней мере возможность обращаться к императору с жалобами и прошениями, которые фиксировались в римских канцеляриях, а не попадали в руки тех, на кого жаловались.

Медленно, но неуклонно в круг лиц, управлявших империей, вовлекались уроженцы провинций — как римляне и италийцы провинциального происхождения, так и галлы, иллирийцы, греки. Преодолевая сопротивление потомков старой знати, императорская власть окружала себя новыми людьми, капиталом которых были не громкие имена и не восковые изображения предков, а энергия, умение жизни и поддержка таких же, как они, провинциальных земельных собственников. Воспитателями Нерона были выходец из Пенаннии, сын учителя риторики Сенека и префект претория галл Аффраний Бурр. Из провинциальной знати выходили выдающиеся поэты и историки, подобно тому как ранее, во времена гражданских войн, — из знати италийской. Мощной опорой принципата продолжала оставаться также римская армия. Не только действующая, охранявшая границы империи, но и в лице отставников-ветеранов: многие воинской службы, длившейся двадцать-двадцать пять лет, компенсировались льготами, превращавшими воина в крепкого зем-

левладельца, освобожденного от податей и повинностей. Прошедшие через горнило легиона галлы, германцы, иберы, фракийцы, съевшие вместе не один фунт соли и испытывавшие жгучую боль от центурионовой лозы, становились римлянами из римлян, верноподданными империи, распространителями римских порядков. Они составляли большинство в советах провинциальных городов и общин, осуществлявших распоряжения императорской власти на местах. По их инициативе создавались в честь императоров и членов их семей хвалебные надписи и устанавливались их статуи. Для части из них военная карьера была первой ступенькой к административной деятельности в Риме в качестве сенаторов и консулов. Для них император был не принцепсом, «первым гражданином», а военачальником, командиром, императором в первоначальном значении этого слова, и они ощущали себя подчиненными, готовыми выполнить его приказ.

Принципат как форма правления при преемнике Августа практически не имел противников. В это время не мог быть написан памфлет, подобный тому, какой появился в начале Пелопоннесской войны и который бы (с заменой слова «афинян» на «римлян») начинался словами: «Что касается государственного устройства римлян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я этого не одобряю...». В Риме были противники отдельных принцепсов, полагавшие, что они не достойны высшей власти и что их следует заменить другими, чаще всего своей собственной персоной.

Таковую основу имел заговор против Нерона, идеологом которого стал престарелый философ Сенека. В нем приняли участие несколько сенаторов и преторианцы, в том числе и те, в чьи обязанности входило охранять в Риме порядок и самого Нерона. Целью заговорщиков было заменить Нерона сенатором Кальпурнием Пизоном, внешне представительным, но далеко не безупречным в моральном отношении. Пизона поддерживали не из принципиальных соображений, а одни — памятуя нанесенную Нероном обиду, другие — из расчета на возвышение или обогащение. Это был заговор обреченных, чье поведение во время следствия не могло к тому же не вызвать презрения. Один из них — поэт Лукан — даже выдал собственную мать.

Внешняя политика ближайших преемников Августа. Провозглашенная Августом концепция римского мира в области внешней политики требовала прекращения дальнейшего расширения границ империи. Тиберий старался выполнить этот завет Августа, и предпринятые им после восстания германских и паннонских легионов походы против германцев имели целью прежде всего укрепить пошатнувшуюся дисциплину, продемонстрировать варварам силу и боеспособность войска. Единственное территориаль-

ное приобретение Рима с начала правления Тиберия — Каппадокия, переданная ее царем по завещанию. Результатом отказа от военных авантур стало то, что в императорской казне ко времени кончины Тиберия оказалось 2 миллиарда 700 миллионов сестерциев. Бутафорский поход Калигулы против германцев был рассчитан лишь на укрепление его авторитета в Риме и германцев не затронул. Остался невыполненным и его план завоевания Британии. Единственно кто отошел от внешней политической концепции Августа, как ни странно, был самый «мирный» из его преемников — Клавдий, при котором прочным приобретением империи становится Британия.

В 43 г. четыре легиона были высажены на южном берегу острова. Захваченная ими область, населенная племенем белгов, была объявлена римской провинцией Британией. Соседние земли находились под властью племенных вождей. Однако римляне постоянно вмешивались в их внутреннюю жизнь, что вызвало вспышку недовольства. В ее подавлении участвовал сам император. Легионы начали продвижение к главному городу восставших бритов Комулодуну. После его захвата и занятия Лондиния (ныне Лондон) Клавдию был дарован почетный титул Британик, от которого он отказался в пользу своего малолетнего сына.

Правление Клавдия было временем наиболее энергичной политики Рима на Западе. При Нероне возобладала ее восточная ориентация. В связи с нападением на Армению парфян и ее превращением в зависимое государство под управлением парфянского ставленника Нерон направил в 54 г. к границам Армении огромную армию. После тщательной трехлетней подготовки римское войско вторглось в Армению и захватило две ее столицы — Артаксату (58 г.) и Тиграпокерту (59 г). Армения была превращена в зависимое от Рима царство во главе с Тиграном V. В те же годы римская армия, подкрепленная флотом, успешно действовала против племен, занимавших западный берег Понта Эвксинского (даков, сарматов, роксолан) и поставила их в зависимость от Рима. Римляне заняли древние греческие города Тиру, Ольвию и, дойдя до Херсонеса, освободили его от скифской осады. Весь южный берег Таврики покрылся римскими крепостями. Боспорское царство еще при Клавдии попало в зависимость от Рима. Поставленный там царем Котис называл римского императора своим благодетелем, а себя в знак клиентской зависимости именовал Тиберием Юлием Котисом. Понт Эвксинский практически превратился во внутреннее римское море.

Иной была политика Нерона по отношению к Греции, перед которой забрезжил свет подлинной свободы. Прибывший в Грецию для участия в Олимпийских играх, на которых он, естественно, ока-

зался в числе победителей, Нерон последовал в Коринф, куда были вызваны представители всех греческих общин. Перед ними император выступил с речью, текст которой сохранился в надписи. Объявляя об освобождении греков от римской администрации и уплаты податей, Нерон высказал сожаление, что не родился раньше и поэтому какое-то время грекам пришлось находиться в положении подданных. Речь заканчивалась так: «Я оказываю вам благодеяние не из сострадания, но вследствие благорасположения. Благодарю ваших богов, постоянное расположение которых испытал на суше и на море. Они дали мне возможность освободить не отдельные города, как делали другие вожди, а всю провинцию».

Но счастье, как всегда, оказалось мимолетным. После гибели Нерона и окончания гражданской войны **Веспасиан** возвратил Грецию под ярмо римской провинциальной системы, сказав, что греки разучились быть свободными. Скорее всего, причиной такого заявления были бурно выражаемые симпатии к покойному освободителю или публичный траур по нему.

Литература. Литература всегда несет отпечаток своего времени и отражает его проблемы и беды. Во времена преемников Августа было не меньше талантов, чем при нем, но мы уже не находим искреннего восторга, пронизывающего произведения поэтов, радужных надежд, что были связаны с прекращением междоусобиц и возвращением гражданского мира под надзором его хранителя принципса. Литература приобретает характер официоза или становится рупором оппозиции. Все, кто оставил сколько-нибудь значительный след в литературе этого страшного времени, пали жертвами политических преследований.

Бурная жизнь **Луция Аннея Сенеки** (ок. 4—65), сына известного оратора, выходца из Испании, вобравшая в себя противоречия своего времени, может послужить иллюстрацией тех преимуществ и опасностей, которые ожидали каждого, кто был приближен к носителям высшей власти. Уже в юности, в начале царствования Клавдия, он был, подобно Овидию, сослан, правда, не на край света, а на дикую Корсику, затем при нем же возвращен ко двору, чтобы стать воспитателем наследника Клавдия Нерона, при котором становится первым человеком в государстве и одним из самых богатых людей Рима; но потом уходит от дел и кончает жизнь по приказу того же Нерона, подозревавшего его в организации заговора.

Сенека как мыслитель был выразителем стоицизма в той его форме, какую это философское направление приобрело в трудах Панеция и Посидония, восприняв некоторые идейные положения

платонизма (так называемая *средняя стоя*). Приспособившись к условиям мировой империи с неограниченной властью обоженных императоров, стоицизм перетасовал три ранее разработанные им философские дисциплины, поставив впереди логики и физики *этику*. Этот термин как обозначение особой области исследования встречается уже у Аристотеля, но лишь у стоиков римского времени он приобретает смысл учения о воспитании личности. Душу Сенека продолжает считать, как и первые стоики, материальной сущностью, наделенной разумом, однако несвободной от разного рода аффектов. Цель философии он видит в освобождении души от всего, что ее отягощает и препятствует восхождению к богу как некоей разлитой в космосе разумной творящей силе. Сенека не исключает возможности жизни души, этой небесной гостьи, вне низменного по своей природе тела.

Занимая позиции религиозной философии, Сенека скептически относился к традиционной староримской религии и отрицательно — к восточным религиям, в его время активно внедрявшимся в римское общество. «Не нужно простирать руки к небу, — писал он, обращаясь к своему ученику Луцилию. — Не нужно умолять жреца, чтобы он допустил нас к самому идолу. Бог близок к тебе, он с тобою, он в тебе. Да, это так: в нас обитает святой дух, блюститель и страж всякого блага внутри нас».

Огромный корпус сочинений Сенеки — ценнейший источник сведений как о его времени, так и о предшествующих эпохах римской истории, к которым он обращается в поисках примеров, подтверждающих те или иные философские тезисы. Его не интересует видимость, к которой устремлены авторы современных ему исторических трудов. Его возмущает нагромождение ничего не дающих ни уму, ни сердцу внешних деталей (таких, как подсчет числа гребцов у Одиссея или выяснение имени первого римлянина, прошедшего по городу слонов). Предмет его исследования — изменения, происходящие в общественной морали, и он тесно связывает их с превращением маленькой гражданской общины, сохраненной героизмом и самопожертвованием ее членов, в огромную державу, правящий класс которой сосредоточил в себе все мыслимые пороки. Перед читателем трактатов Сенеки и его переписки с Луцилием, словно на оркестре театра, сменяют одна другую чудовищные фигуры тех, «один поцелуй которых заклеят даже лишенного стыда»; тех, кто превратил свои городские дома и сельские виллы в застенки; роскошествующих путешественников, распространяющих пороки по всему кругу земель; торгующих чужим и собственным телом; чудовищных обжор и мотов; тупиц, скупающих образованных рабов в на-

дежде прослыть образованными; растлителей детей. Впоследствии поэты-сатирики Марциал и Ювенал не смогут ничего прибавить к этой галерее выродков рода человеческого. Полные риторического пафоса проповеди Сенеки о добродетели, обращенные к друзьям, знакомым, к самому себе, носили отвлеченный характер и не требовали отказа от высокого положения в обществе и от богатства. Проповедуя эти же идеи в трагедиях, Сенека показывает гибельность тирании, пагубность страстей, благотворность ухода от общества — вплоть до самоубийства, избавляющего душу от раздвоенности и нравственных мук. Во всех его произведениях рассыпана масса афоризмов о дружбе, о счастье, о жизни и смерти.

Духовно близок Сенеке был его племянник **Лукан** (39—65), прославивший себя поэмой «Фарсалия», посвященной гражданским войнам времени Цезаря. Оппозиционность поэта господствующему режиму очевидна: симпатии Лукана всецело на стороне противников Цезаря — Помпея, Брута, Катона, особенно последнего, как самого стойкого защитника республики. В поэме много мистических мотивов, призванных наполнить сердце ужасом в духе эпохи, когда всеобщая неуверенность в завтрашнем дне заставляла людей обращаться к шарлатанам — астрологам, гадалкам, колдуньям.

В отличие от Лукана творчество другого приближенного к Нерону писателя, **Петрония** (7—66), не было оппозиционным. Он не прославлял ни республиканцев, ни сенат и не высказывал недовольства режимом, ведя беззаботную жизнь при дворе Нерона, который ценил его, по словам Тацита, за утонченную роскошь, легкость нрава и распутство и называл «арбитром изящества». Но и его жизнь по воле принцепса оборвалась вскоре после гибели Лукана происками все сильного вольноотпущенника Нерона Тигеллина, видевшего в Петронии «соперника, превосходящего его в науке наслаждения».

Роман Петрония «**Сатирикон**», от которого сохранилась лишь незначительная часть, не имел отношения к опале писателя. А между тем он, может быть, острее и точнее, чем «Фарсалия» Лукана, бил по установленному цезарями режиму.

«Нравы народа поет мой безмятежный язык», — заявляет писатель, чередующий в своем произведении прозу с обильно вводимыми стихотворными вкраплениями. И перед читателем разворачивается, хотя и утрированная согласно закону жанра, но в основе своей реальная жизнь Италии — такая, какой она стала после затянувшихся на три поколения гражданских войн, двух волн проскрипций, оголивших самые низменные человеческие инстинкты, после восьми десятилетий режима, гордившегося установлением гражданского мира и стабильности.

Герои Петрония попадают в ситуации, в которых мог оказаться любой из его читателей. Мелькают сценки в храмах со старухами-жрицами, не гнушающимися никаким обманом, в лупанарах, куда сводники затаскивают отчаянно сопротивляющиеся жертвы, появляются толпы юношей, охотящихся за богатыми бездетными стариками в расчете на наследство. Особенно вдохновенно описывает Петроний пир у разбогатевшего напыщенного вольноотпущенника Тримальхиона, само говорящее имя которого («трижды отвратный») стало для современников тем же, чем впоследствии мольеровский Журден.

Вот он, один из тех, кто «был лягушкой — стал царем» (или, как мы говорим, вышел из грязи в князи). На стене принадлежащего ему дома художник изобразил все этапы метаморфоз Тримальхиона: невольничий рынок; вступление в дом господина; кудрявый услужливый мальчик; преуспевающий раб-казначей. Тримальхион в совершенстве изучил науку угождать. Удовлетворяя низменные прихоти и господина, и госпожи, он добился не только свободы, но и сказочных богатств. «Земли у Тримальхиона — коршуну не облететь, деньгам счету нет. А рабов-то, рабов-то, ой-ой-ой сколько. Честное слово, пожалуй, и десятая часть не знает хозяина в лицо». Богатство дало Тримальхиону неограниченную власть над людьми. Испытавший унижения и побои выскочка стремится выместить свои обиды на других. Тримальхион-рабовладелец еще более груб и жесток, чем его предшественник, римский нобиль. На дверях его дома надпись, предупреждающая раба о последствиях самовольной отлучки. Не успевают гости перейти порог, как они видят подготовку к экзекуции.

Императорская власть сделала все, чтобы такие, как Тримальхион, чувствовали себя спокойно. Легионы охраняли римские границы, а в самой Италии следили за порядком преторианские когорты. Отсюда безграничная преданность Тримальхиона и его гостей императору. В тот момент, когда благодаря хитроумному устройству чуть ли не в рот падают пирожные, в зале раздается дружный возглас: «Да здравствует божественный Цезарь, отец отечества!»

Нарисованные Петронием сцены вызвали живые ассоциации с ненавистными фигурами разбогатевших выскочек, на чьих пирах приходилось бывать и сенаторам, осыпавшим своих «тримальхионов» такими же притворными похвалами, какими герои Петрония воспевали «мудрость» угощавшего их богача. Не случайно «пир у Тримальхиона», неоднократно в древности переписывавшийся, оказался единственным полностью сохранившимся отрывком из романа Петрония.

Тирания, накладывавшая оковы на независимую мысль, была наилучшей питательной почвой для всякого рода иносказаний. Не случайно отец басни Эзоп творил на Самосе во времена тиранов. При римской тирании процветал **Федр** (ок. 15 г. до н.э. — 70 г. н.э.), сборник басен которого озаглавлен: «Федра, вольноотпущенника Августа, Эзоповы басни». Федр переложил сюжеты басен Эзопа латинскими стихами и дал им новую жизнь в римском мире, подобно тому как это сделал Крылов, переработавший сюжеты Федра и Лафонтена в России.

Басни Федра воспринимались как образцы народного творчества. Старший современник Федра Сенека говорит о басне как предмете, не тронутом римлянами. Молчат о Федре и другие знаменитые римские писатели, но сам Федр предчувствовал славу, которая пришла к нему через сотни лет. В прологах к книгам басен (их шесть) он с гордостью сообщает о себе и о своем назначении, а также объясняет, что его заставило идти по стопам Эзопа:

Скажу я кратко. Угнетенность рабская,
Не смевшая сказать того, что хочется,
Лишь в баснях выразить умеет помыслы.

Из пролога становится известно, что басни Федра вызвали гнев Сеяна. Надо думать, что это были не пересказы сюжетов Эзопа, а прямая насмешка над влиятельным временщиком — ведь Федр не пощадил и Нерона, создав образ «великого артиста» в басне «Флейтист-принцес».

Предметом насмешек Федра становятся также придворные льстецы, ищущие императорских милостей («Цезарь и служитель»), казнокрады, тунеядцы, болтуны-риторы, бессовестные обманщики жрецы и развратники.

Источники. История Юлиев-Клавдиев обеспечена источниками не хуже, чем время Августа. Это, как и для предыдущего периода, и «История» Тацита, и биографии принципсов в «Жизнеописаниях двенадцати Цезарей» Светония, также и Флор, и Дион Кассий. Вместе с тем к этому общему для времени принципата набору источников добавляются авторы, чьи произведения связаны непосредственно с временем Юлиев-Клавдиев. Особенно интересна «Римская история» Веллея Патеркула, выходца из Кампании, обязанного своим выдвижением принципсам, прежде всего Тиберию, становящемуся главным героем его повествования.

От времени римской империи, в том числе начального ее периода, сохранилось немало архитектурных памятников, частично никогда не исчезавших с поверхности земли, но главным образом выявленных в ходе раскопок. Если для республиканского периода можно говорить лишь о выявлении нескольких этрусских городов, то императорский период дал целые городские комплексы в Италии и за ее пределами. Из них наиболее значимы порт Рима Остия, пере-

стройку которого начал Клавдий, Помпеи и Геркуланум в Италии, Аполлония в Иллирии, Аквинк (совр. Будапешт) на Дунае, Дура-Европос, Пальмира и Афродисий в азиатских провинциях Рима. Помимо этих комплексов, дающих представление о городской жизни в целом, существует огромное количество отдельных памятников как в самом Риме и Италии, так и в многочисленных римских провинциях. Сохранились руины дворцов Тиберия и Калигулы, вместе с началом той самой соединявшей покои Калигулы с цирком подземной галереи, в которой этот император был убит заговорщиками. Раскопки «Золотого дома» Нерона стали прекрасным дополнением к описанию образа жизни последнего из Юлиев-Клавдиев.

В ходе раскопок был получен большой эпиграфический и нумизматический материал. Как и для времени Августа, преобладают надписи легионеров — посвященные акты, votivные, многочисленные эпитафии с информацией о прохождении службы и полученных наградах. Немало текстов, связанных с жизнью городов Италии и провинций. Для установления картины организации власти исключительно важна относящаяся к годам правления Тиберия надпись, обнаруженная в одном из небольших городков Этрурии, повествующая о создании особых комиссий, включавших как сенаторов, так и всадников, в функции которых входил отбор кандидатов на те магистратуры, которые считались высшими. Так мы получаем документальные подтверждения сообщениям литературных источников о контроле императоров над выборами, несмотря на фактическую утрату в эпоху империи значения любой из республиканских должностей.

Не меньшую, чем для времени Августа, ценность, имеют и монеты Юлиев-Клавдиев. Как и в монетах Августа, на аверсе обычно изображен правящий император со всей его титулатурой, что дает возможность судить о значении, придаваемом старым республиканским магистратурам, особенно трибунату, присутствующему в перечислении должностей на всех монетах Юлиев-Клавдиев. Дают монеты сведения и о постройках и событиях, которые власть считала наиболее важными. Так, реверс серебряного сестерция Нерона был украшен изображением «Золотого дома». Немало могут рассказать монеты и о состоянии римской экономики. Включение в золотую и серебряную монету примеси меди, впервые осуществленное при Нероне, красноречиво свидетельствует о состоянии императорского фиска. Тот факт, что в Александрии, Антиохии и некоторых других крупных городах восточных провинций монеты чеканились, хотя и с изображением императоров, но по греческой весовой системе, а малоазийские греки продолжали чеканить серебряные монеты греческого типа, соответствовавшие римскому денарию, говорит о значительной самостоятельности экономической жизни римского Востока, не ставшего в отличие от провинций Запада органической частью единой хозяйственной системы. Вместе с тем использование римской монетной системы в чекане монет союзных с Римом восточных царств — объективное свидетельство их политической зависимости.

Резкое увеличение количества выпускаемых монетными дворами тессер указывает на то, что при всех изменениях, которые вносили преемники Августа в управление империей, они (за исключением Тиберия) сохраняли неизменным принцип «хлеба и зрелищ», возведенный основателем империи в ранг государственной политики.

Таким образом, круг источников по первой династии принципата обширен и разнообразен, и комплексное их использование позволяет составить ясное представление о жизни Рима и его провинций при первых императорах.

АНТИРИМСКИЕ ВОССТАНИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РИМЕ (61—69 ГГ.)

Завершилось почти столетнее правление Августа и его ближайших преемников, не научившихся столь виртуозно, как он, скрывать самовластие под республиканскими одеяниями, да и не испытывавших в этом никакой нужды. Полвека, на протяжении которых сменялись утверждаемые безмолвным сенатом правители из рода Юлиев, постепенно изменили социальное лицо римской державы. И хотя по-прежнему в сопровождении свиты клиентов шествовали по городу или возвышались на носилках римские сенаторы, по-прежнему сосредоточивали в своих руках деловую жизнь города всадники, по-прежнему толпились на форуме плебеи, — это было уже другое сенаторское сословие, другое всадничество, вынужденное уступить часть своих полномочий муниципалам и императорским вольноотпущенникам, и совершенно иной плебс, — ибо философская формула *panta rei* (все течет) относится к социальной жизни в не меньшей степени, чем к природе. Но была еще одна сила, скрытая от глаз завсегдатаев римского форума и заседавших в курии или храмах надменных сенаторов и поэтому не принимавшаяся в расчет, — стоявшая на далеких границах армия, испытывавшая не меньшие перемены, чем сенаторы, всадники и плебс. Она была уже полностью чужда всему тому, что так заботило и волновало римских граждан. И она дожидалась удобного случая, чтобы напомнить о себе. Однако внешне время правления преемников Августа воспринималось как относительно благополучное для римских провинций. Действовал созданный и запущенный Августом административный механизм, позволявший при желании контролировать наместников провинций и умерять аппетиты откупщиков налогов. Казалось, давали себя знать и провозглашавшаяся некоторыми императорами политика опоры на провинциальную верхушку, и распространение прав римского гражданства. Однако недовольство властью, не учитывавшей интересы основной массы местного населения и не обеспечивавшей стабильности и порядка, накапливалось и в 60-е гг. вырвалось наружу в виде ряда мощных антиримских выступлений.

Восстание Боудики. Первой провинцией, поднявшейся против Рима, стала недавно образованная Британия. Доведенные до отчаяния поборами и насилиями, многие бриты искали спасения на близлежащих островках, но тщетно: в 61 г. наместник провинции, соорудив флотилию из плоскодонных, приспособленных для плавания по мелководью судов высадился со своими легионами на остров Мон, предав все живое огню и мечу и вырубив священные рощи друидов.

И именно в это время в Британии вспыхнуло мощное восстание одного из племен, правитель которого, богатейший из царьков Британии, перед кончиной назвал наследником наряду с двумя своими

дочерьми Нерона. Но это, вопреки ожиданиям, не только не спасло его состояния и царства, но привело к страшному бедствию: явившись за причитающейся императору долей наследства, центурионы обесчестили дочерей, царицу Боудика высекли плетью, а владения царя включили в состав римской провинции. И Боудика обратилась, как женщина к женщине, с мольбой о победе к богине войны и повела своих соплеменников, к которым примкнули и другие бриты, на римлян. Наряду с мужчинами в войске сражались и женщины. В темных одеяниях, с факелами в руках, они напоминали фурий. Сама же Боудика — источники рисуют ее крепкой красивой женщиной со светлыми развевающимися волосами, в военном плаще, украшенном золотой гривной — на коне сопровождала своих дочерей, стоявших на колеснице, одним своим видом напоминая, что ожидает тех, кто смирится с властью римлян.

Первым пал неукрепленный храм императора Клавдия близ Камулодуна. Впоследствии уцелевшие уверяли, что за несколько дней до нападения статуя Виктории повернулась спиной к находившимся в храме, словно готовая обратиться в бегство. Направленный на выручку Камулодуна римский легион был уничтожен, и сразу же было полностью вырезано население не только этой римской колонии, но и соседней Веруламии. Численность погибших достигла 80 000 человек. Возвратившемуся в Британию наместнику удалось разбить полуженское войско. Однако ему не был назначен триумф, поскольку он был косвенным виновником гибели множества римских граждан, да и победа над женщинами не принесла славы римскому оружию.

Иудейская война. Несколько лет спустя после этих событий восстание вспыхнуло на другом краю римской империи — в Иудее. Оно было подготовлено многими десятилетиями римского господства в этой стране. Впервые присоединенная к римской державе еще Помпеем в 64 г. до н. э. Иудея в годы гражданских войн, предшествовавших принципату Августа, находилась под властью царя **Ирода (Герода)**, исключительно преданного римлянам и видевшего в них свою опору. Это позволило ему сохранить власть над страной, которую собиралась прибрать к рукам царица Египта Клеопатра. После гибели Антония и Клеопатры трон под Иродом зашатался, но он сумел добиться симпатий Марка Випсания Агриппы и сохранил власть.

При Ироде (40—4) в Иудее было развернуто широкое строительство с целью придания стране римско-эллинстического облика. Была отстроена древняя Самария, получившая в честь Августа название Себастий (греч. перевод слова Август). Из небольшого по-

селения на морском побережье вырос благоустроенный город Кесаря с искусственным портом, ставшим по грузообороту соперником Пирея. По всей Иудее воздвигались храмы Августу. Население новых городов было смешанным. Там жили греки, сирийцы, иудеи, но гражданскими правами обладали одни греки. В самом Иерусалиме появились театр, амфитеатр, ипподром. Каждое пятилетие, как и в других римских провинциях, проводились игры. В то же время Ирод поддерживал иудейскую религию. Почти десять лет сооружался новый храм Яхве, величественность которого вошла в поговорку: «Кто не видал сооружений Ирода, тот не знает, что такое красота.»

Таким образом, Иудея при Ироде постепенно теряла самобытность и включалась в экономическую и культурную систему римской империи. Это был сложный и противоречивый процесс, приводивший к обогащению втянутой в торговлю и ремесленное производство верхушки и пролетаризации основной массы населения. При этом развитие происходило неравномерно. Новые веяния едва затронули Галилею, область, населенную пастухами и рыбаками, мало сведущими в вопросах веры и ненавидящими горожан. Галилеяне говорили на арамейско-галилейском диалекте; если они переходили на еврейский, их легко узнавали по акценту. Нововведения Ирода встретили в Галилее наибольшее сопротивление. Зачастую там отказывались выполнять его распоряжения. В ответ следовали жесточайшие репрессии.

Помимо нараставшего в Иудее недовольства налоговым бременем и отклонениями от обычаев предков, Ироду пришлось столкнуться с интригами в собственной большой семье (у него было десять жен). Дело дошло до убийства царем одной из жен и трех сыновей. Узнав об этом, Август заметил, что лучше быть «свиньей Ирода, чем его сыном» (свинины, соблюдая предписания иудейской религии, Ирод не ел).

Незадолго до смерти Ирод арестовал несколько тысяч наиболее знатных иудеев и запер их на ипподроме, приказав убить, как только он испустит дух. Это распоряжение не было выполнено. Дочь Ирода освободила пленников. Весть о кончине Ирода была встречена всеобщим ликованием. В Галилее и на юге Палестины сразу же вспыхнуло восстание. Оно было подавлено наместником Сирии Квинтилием Варом (тем самым, чьи легионы впоследствии разгромили германцы в Тевтобургском лесу). Две тысячи повстанцев были распяты на крестах.

От десяти жен Ирод имел многочисленное потомство. После его смерти власть досталась четверым из сыновей. В этой ситуации в Риме решили включить Иудею в систему римского провинциального управления.

Часть Иудеи была отдана под юрисдикцию наместника Сирии, а управление поручено прокураторам, которым было передано право жизни и смерти над местным населением. Резиденцией прокуратора стал приморский город Цезаря со смешанным греко-иудейским населением, а его опорой — вспомогательные войска, набравшиеся из неиудейского населения Палестины. Иерусалим оставался самым крупным городом Иудеи. И там сохранял религиозную и судебную власть *синедрион*. Однако его решения подлежали утверждению прокураторов, которые могли назначать и смещать первосвященника.

В это время обострилась борьба между различными религиозно-политическими группировками иудейского общества, сложившимися еще до римского завоевания. *Саддукеи* (высшее иудейское духовенство и крупные землевладельцы), с давних пор готовые на союз с любой властью, выступали проводниками политики Ирода и его преемников, не встречавшей поддержки не только в низах, но и в средних слоях иудейского населения. Значительно бóльшую опору, во всяком случае в среднем слое общества, имели *фарисеи*, выступавшие, хотя и не слишком решительно, против чужеземного господства. К концу I в. до н. э. сложилось более радикальное общественно-религиозное течение *зелотов*, к которому примкнули низы и некоторая часть средних слоев. Выступая против римского владычества и подчеркивая его несовместимость с исконными религиозными институтами иудеев, зелоты обрушивались с разоблачениями и на продавшуюся чужеземцам верхушку иудейского общества. К I в. н. э. от зелотов откололись сторонники решительных действий, *сикарии* (дословно: кинжальщики), не останавливавшиеся ни перед чем — вплоть до убийства римских администраторов и не чуждавшейся сотрудничества с ними собственной знати.

Политика эллинизации Иудеи, осуществлявшаяся при содействии Рима, встречала сопротивление коренного населения, приверженного религии и обычаям предков, но все же оно мирилось с его властью, принесшей экономическое процветание. Однако при преемниках Ирода в Иудее, разделенной римлянами на тетрархии, возникли беспорядки политического и религиозного характера (в том числе связанные с именем Иисуса, объявившего себя мессией). Подавление их было поручено Квинтилию Вару.

Особое недовольство вызывали действия римских наместников и подчиненных им прокураторов. При прокураторе Понтии Пилате (26—36 гг.) вспыхнуло восстание, связанное с тем, что он установил в царском дворце золоченые щиты с посвятельными надписями. В конце концов Тиберий его отозвал. При Калигуле статуя императора была установлена в храме Иерусалима. Позднее

один из прокураторов вел себя так, словно был назначен не правителем, а палачом. Целые области Иудеи обезлюдели в результате грабежей и убийств. Во время праздника пасхи жители Палестины окружили прибывшего в Иерусалим наместника Сирии, которому была подчинена Иудея, умоляя его освободить их от негодяя. В ответ на это прокуратором был спровоцирован иудейский погром в Кесарее, во время которого погибло до двадцати тысяч человек.

Попытки прокуратора добиться от Иерусалима покорности закончились провалом. Его отряды были разбиты. И тогда со своим легионом против Иерусалима выступил наместник Сирии.

Временем для нападения он избрал субботу, когда обитатели Иудеи строго соблюдали предписание отдыха и молитв. Но воинственная ярость взяла верх над набожностью. Почти безоружные горожане выиграли первую схватку и изгнали римлян. Между тем в самом Иерусалиме возник конфликт между богатыми людьми города и основной массой горожан. Первые настаивали на лояльности по отношению к Риму и многие из них стали жертвами zelотов и сикариев, возглавивших восстание. Новая попытка прокуратора взять Иерусалим завершилась разгромом и потерей более пяти тысяч воинов.

Таким было начало *Иудейской войны*, потрясавшей римскую империю на протяжении нескольких лет. Рим получил в лице восставшего народа врага, не уступавшего Ганнибалу — во всяком случае в ненависти и решимости сражаться до конца. Победа над регулярным войском воодушевила восставших. Понимая, что придется вести борьбу с опытейшим противником, их вожди начали обучение людей, никогда не державших в руках оружия.

Перепуганный Нерон отправил в Иудею войско во главе с **Веспасианом Флавием**, который начал продвижение к Иерусалиму, уничтожая очаги сопротивления и распиная на крестах захваченных повстанцев. Значительным его успехом было взятие в Галилее городов Тивериады и Иотапаты. В этом последнем, героически сопротивлявшемся превосходящим силам римлян городе, сдался на милость победителя и вождь восстания.

Уцелевшие после захвата римлянами городов Галилеи zelоты и сикарии сошлись в Иерусалиме, где в это время возобладало стремление сдаться Веспасиану. Укрепив решимость местных zelотов продолжать борьбу, беглецы захватили в качестве заложников родственников богачей, вынудив их тем самым оставаться в городе и не мешать организации обороны. Храм Яхве был превращен в неприступную крепость. Из своей среды восставшие избрали по жребию первосвященника, хотя обычно этот сан передавался по наследству. Возглавил оборону галилеянин Иоанн из Гисхалы, установивший в городе террористический режим.

Поначалу был организован суд по делам об измене членов синедриона и других лиц из правящей верхушки, но судебная процедура показалась Иоанну слишком длительной и малоэффективной. После того как судей разогнали, начались расправы. Были казнены тысячи людей — как причастных к управлению общиной, так и просто состоятельных горожан. Одновременно обострились отношения между зелотами, добившимися неограниченной власти, и их недавними союзниками сикариями, захватившими холм Масаду, естественную неприступную крепость. Дело дошло до вооруженного столкновения между приверженцами обеих радикальных группировок.

Веспасиан, державший ситуацию в поле зрения, выжидал, готовясь к осаде Иерусалима. Он был уверен, что город, раздираемый кровавой рознью, достанется ему без особых усилий. Тем временем из Рима прилетела тревожная весть о возмущении галлов и критическом положении Нерона, а вскоре и о его гибели и захвате столицы Вителлием. В знак лояльности по отношению к новому императору Веспасиан отправил к нему с поздравлениями своего сына Тита. Однако положение Вителлия после разграбления Рима его солдатами также стало шатким: на роль владыки мира предъявили претензии командующие дунайской и рейнской армиями. Не остались в стороне и легионы, стоявшие в Иудее и Египте. Провозгласив Веспасиана императором, они призвали его к походу на Рим. Осаду Иерусалима пришлось отложить. Таким образом, восставшие получили передышку, которую использовали для подготовки к новым сражениям.

Восстание Виндекса. Начальным толчком, приведшим в конечном счете к свержению Нерона и затягиванию войны в Иудее, было выступление **Юлия Виндекса**, римского наместника той части Галлии, центром которой был Лугдун (совр. Лион). Галльский петух возвестил конец неронова мрака и флавиеву зарю. Виндекс был сыном римского сенатора, но по матери — галлом, потомком царей племени аквитанов. Не раскрывая, видимо, из тактических соображений всех своих планов, он выступил на первых порах против Нерона как недостойного преемника благодетеля Галлии Клавдия. В речи, дошедшей в пересказе древних историков, он высмеивал шутовство императора и разоблачал его кровавые преступления. Однако тот факт, что вокруг Виндекса сплотилось до ста тысяч эдуев, секванов, авернов, позволяет думать, что к нему привлекало не желание заменить одного императора другим, а стремление создать независимую Галлию. В пользу такого предположения говорит чеканка монеты с красноречивой надписью «Галлия».

Переход на сторону Виндекса массы поработанного населения напугал городскую верхушку процветавшего Лугдуна и большинства других городов.

Видимо, весть о твердой позиции Лугдуна, выступившего против Виндекса, была причиной того, что Нерон не предпринял сразу никаких военных мер, ограничившись тем, что решил сменить ряд наместников западных провинций, проявивших, по слухам, сочувствие к Виндексу, а к некоторым из них даже подослал убийц. Это было его роковой ошибкой: наместники объединились против Нерона. Сульпиций Гальба, управлявший Испанией, ища поддержки у населения своей провинции, создал совещательный орган из верхушки провинциального населения и объявил новый военный набор.

Лишь командующий рейнской армией Виргиний Руф отказался поддерживать Виндекса, поскольку между германцами и галлами существовала давняя вражда. Она не только воспрепятствовала объединению военных усилий командующих, но и явилась причиной столкновения между регулярной армией Руфа и племенными ополчениями Виндекса. Легионеры Руфа без приказа командующего напали на галльские отряды и, не встретив серьезного сопротивления, уничтожили до двадцати тысяч приверженцев Виндекса, после чего он покончил жизнь самоубийством.

Гражданская война 68—69 гг. Таким было начало гражданской войны, погрузившей римскую империю на целых два года в хаос и унесшей сотни тысяч человеческих жизней. В известном смысле она была отголоском войн I в. до н. э., ибо движущей ее силой стала римская армия. Но это была уже не та армия, что прежде: уже не во вспомогательные войска, а в легионы набирались в основном обитатели провинций.

При общей дисциплине и общей официальной религии, которой был императорский культ, у каждого войска было свое собственное лицо.

Смерть Нерона, как заметил Тацит, открыла «тайну императорской власти»: стать императором можно не только в Риме. В легионах возникло стремление посадить на императорский трон своего командующего.

Первым сложившейся ситуацией воспользовался Сульпиций Гальба, рассчитывавший на то, что его поддержат все недовольные Нероном. Но даже те из командующих, которые ранее объявили о своей готовности сместить императора силой, воспрепятствовали приходу Гальбы к власти. В самом Риме ему изменил префект преторианских когорт Нимфидий Сабин, узнавший о назначении Гальбой второго префекта из числа его испанских друзей. И хотя по-

пытка Сабина поднять преторианцев не имела успеха и сам он вскоре был убит, положение нового императора оставалось шатким.

Стремясь избавиться от явных и тайных приверженцев Нерона, Гальба стал их преследовать. Начались казни и конфискации имущества, в ходе которых обогатились советники императора, и это окончательно подорвало его авторитет. Однако решающим в падении Гальбы оказалось требование верхнегерманских легионов, двинувшихся на Рим, выбора народом и сенатом нового императора. Пятнадцать дней спустя Гальба был убит преторианцами, подкупленными наместником Лузитании Отоном, ранее оказывавшим Гальбе поддержку.

Добившись власти с помощью преторианцев, Отон стал игрушкой в их руках и выполнял все их требования и капризы. Он был признан дунайскими легионами и восточными провинциями, но германские легионы провозгласили императором Вителлия. Несмотря на то, что перевалы были еще засыпаны снегом, сторонники Вителлия двумя колоннами перешли через Альпы, соединившись в Кремоне. В окрестностях этого города Отон дал им бой, окончившийся его поражением. Предпочтя смерть позору, Отон покончил с собой.

Сенат объявил императором Вителлия, самого худшего из троих, негодяя и ненасытного обжору. Солдаты грабили, насиловали, отпускали на волю рабов. Не было возможности хоронить всех погибших. От них не оставалось и могил. Свидетелями драмы стали дома. Когда много лет спустя Рим посетил грек Плутарх, ему показали храм, до крыши которого доходила гора трупов. Солдатня, сопровождавшая своего ставленника к месту назначения, вела себя в Риме, как во вражеском городе. Им, германцам и галлам, ставшим профессиональными римскими воинами, он и впрямь был чужд. Он виделся им паразитическим наростом, какие порою вырастают на деревьях в их лесах. Римляне же, жившие от одной хлебной раздачи до другой, от одного зрелища до другого, были и в самом деле паразитами. Но, разумеется, и в Риме и в провинциях оставались еще здоровые силы. И взоры многих, мечтавших о порядке, обратились к основательному **Веспасиану**, чьи легионы в то время стояли в Иудее, готовясь к осаде Иерусалима.

Гражданская война 68—69 гг., в ходе которой друг друга сменили четыре императора, обнажила не только деградацию правящей верхушки империи, но и шаткость социальной и политической опоры последней. Профессиональная армия, направленная на защиту имперских границ, стала диктовать свою волю сенату и опустившемуся до состояния прихлебателей римскому народу. Недовольством было охвачено и провинциальное население, которое своим трудом оплачивало все расходы и излишества римских бездельников. Рим стоял перед лицом перемен.

Источники. События, разворачивавшиеся в Иудее, в том числе и римского времени, излагали многие авторы как в апологетическом, так и в резко отрицательном плане, но до нашего времени систематическую ее историю донесли только труды римско-иудейского историка Иосифа Флавия (37—ок. 100), выходца из древнего жреческого рода, игравшего до антиримского восстания и в самом его начале видную роль в политической жизни Иудеи. Будучи противником выступления против Рима, когда восстание началось, Иосиф (тогда еще не Флавий, а бен Маттафия) вынужден был к нему присоединиться (сам он в написанной впоследствии «Автобиографии» не скрывал, что знать не могла не присоединиться к восстанию, ибо потеряла бы в противном случае не только власть и имущество, но и саму жизнь). Назначенный военачальником Галилеи, которая была первой на пути Рима к Иерусалиму, он организовывал сопротивление римским легионам этого исключительно важного района. Сдавшись римлянам после падения одной из защищаемых им крепостей, он должен был быть отправлен в Рим к Нерону и ожидать там римской победы, чтобы украсить собой триумф. Однако, предсказав Веспасиану императорскую власть, был им оставлен и после прихода Веспасиана к власти отпущен на свободу (отсюда полученное Иосифом как вольноотпущенником Флавия новое имя).

В написанном Иосифом Флавием в Риме, куда он приехал после победы над его отечеством, монументальном труде «Иудейская война» две первые книги составляют изложение истории израильско-иудейской Палестины от покорения ее Селевкидами до начала восстания. Этот лаконичный и во многом поверхностный вариант в известной мере дал толчок для скрупулезной тринадцатилетней работы над «Иудейскими древностями», обширным сочинением в 20 книгах, имевшим целью дать греко-римскому читателю представление о религии, обычаях и истории его народа от «сотворения мира» до правления Нерона. Взаимоотношения Иудеи с Римом освещаются в этом труде, начиная с книги XIV, причем уже с XV книги — Римом императорским до начала восстания 66 г., завершаясь событиями, ему предшествовавшими.

Содержащиеся в обоих трудах Флавия, особенно в «Иудейских древностях», сведения об Иудее римского времени, большей частью несопоставимы по своей информативности ни с одним другим из литературных источников. Так, он дает наиболее обстоятельную характеристику выступавших против властей zelотов и сикариев, сыгравших немаловажную роль в антиримских движениях Иудеи, а также религиозно-политических группировок фарисеев и саддукеев; он единственный из дошедших до нас античных авторов сообщает об отколовшейся от официального иудаизма секте ессеев, учение которых не только изучал теоретически наряду со взглядами фарисеев и саддукеев, но и следовал ему на протяжении трех лет, удалившись в пустыню к одному из отшельников; если бы не Иосиф Флавий, мы не имели бы такого ясного представления об иерусалимском храме и его функциях. О деятельности Иоанна Крестителя известно и из других источников, но лишь у него рассказано о целом ряде других выступлений всевозможных пророков и прорицателей, выдававших себя за мессию и поднимавших народ обещанием чуда. Сведения, передаваемые Иосифом Флавием, позволяют понять, что вспыхнувшее в 66 г. восстание было неотъемлемой частью и кульминацией антиримского движения, охватившего Палестину после превращения ее в провинцию.

Если в описании далекого прошлого главный источник «Иудейских древностей» — Библия, то части, относящиеся ко времени соприкосновения с греками и особенно римлянами, носят совсем иной характер. О ряде событий он говорит как очевидец, в других случаях широко использует исторические труды предшественников, в частности, не дошедшую до нас «Историю» Страбона

и относившиеся к греческому и римскому времени книги Николая Дамасского (также не сохранившиеся).

Помимо изложения канвы событий политической истории, оба эти труда Флавия содержат немало сведений по быту и культуре Палестины, чему специально посвящено отдельное произведение — полемический трактат «Против Апиона», целью которого было опровержение искаженных представлений греков об иудейских обычаях и культуре.

Определенный материал при сопоставлении с другими источниками может быть извлечен как из канонического текста Нового Завета, так и из апокрифических сочинений, хотя авторы и канонических и апокрифических евангелий и жизнеописаний христианских святых не всегда представляли себе достаточно ясно реалии жизни I в.

Наряду с литературными источниками в распоряжении науки с середины нашего столетия оказался интереснейший материал, важный для понимания идеологической борьбы в Палестине. Это рукописи, принадлежавшие описанной Флавием секте ессеев, обнаруженные в пещерах Кумрана на берегу Мертвого моря. Помимо библейских текстов, неутомимо переписывавшихся ушедшими от мирской суеты сектантами, среди этих текстов немало рукописей, касающихся внутренней жизни секты, а также и чисто светских документов.

Сведения авторов о деятельности римских наместников в Палестине могут быть дополнены данными нумизматики, поскольку на ряде монет сохранились имена наместников провинции Сирии, в состав которой входила Иудея.

Таким образом, история римской Палестины предстает во всем разнообразии политических событий и идеологических конфликтов, приведших к одному из самых грандиозных восстаний, когда-либо потрясавших спокойствие римской империи в период ее процветания.

Главный источник по истории Иудейского восстания — «Иудейская война» Иосифа Флавия, дающая глазами участника и очевидца очень подробное, хотя и тенденциозное описание самой войны и внутренней жизни восставшей провинции. Трудно себе представить, что бы мы знали об этом движении за независимость и вместе с тем против собственной знати, если бы не сохранился этот труд современника, в котором говорит сама Иудея, хотя и устами только одной из враждующих партий.

Написанная в Риме, куда Иосиф Флавий переселяется из Иудеи с клеймом предателя, книга об иудейской войне была как бы ответом на произведения, появлявшиеся в Иерусалиме и квалифицируемые Иосифом как «лицемерные и лживые описания». Отсюда понятная субъективность оценок, стремление показать в самом благоприятном свете римлян и особенно своих покровителей, римских полководцев Веспасиана и Тита, ознакомленных с трудом до его публикации. Не все предается огласке и не все факты передаются точно (так, недостоверно сообщение о решении Тита сохранить иерусалимский храм и сожжении иудейской святыни солдатами вопреки воле полководца; преувеличена, по крайней мере вдвое, численность населения Иерусалима). Но все это с лихвой компенсируется грандиозным потоком информации, большей частью отсутствующей в неизмеримо более кратком описании Тацита, Светония или Диона Кассия.

Другое связанное с событиями иудейской войны произведение Иосифа Флавия, «Автобиография», было ответом на выдвинутые против него обвинения в организации восстания в Галилее. В ней несколько подробнее, чем в «Иудейской войне», рассматривается его деятельность как полководца.

История иудейского восстания красноречиво запечатлена в археологическом материале: путь римских легионов прочерчен следами пожаров, уничтоживших многие города, особенно в Галилее. Имеется и нумизматический мате-

риал: монеты с профилем Нерона, навязанные центром, сменяются собственным чеканом с надписями на еврейском языке.

Сравнивая освещение Иудейской войны с тем, что нам известно о проходивших одновременно восстаниях в Галлии, можно понять, как много потеряла историческая наука от того, что рассказ об этих последних дается людьми, знавшими о событиях от противников и часто понаслышке. Из отдельных упоминаний Тацита и даже обстоятельных рассказов Светония, Дионисия Галикарнасского и Диона Кассия мы не в состоянии понять, что руководило романизованным галлом, выступившим инициатором смещения Нерона. И только по косвенным данным (поддержка Виндекса сельским населением, сохранившим племенную организацию, и неприятие движения главным центром провинции Лугдуном), по начертанному на выпущенной Виндексом монете слову «Галлия» можно догадаться, что речь идет о такой же борьбе за независимость, как и в Иудее.

О гражданской войне между преторианцами, рейнской, дунайской и восточной армиями, выдвигавшими своих претендентов на императорский престол, мы осведомлены в мельчайших подробностях благодаря сохранности трудов нескольких авторов, сведения которых дополняют и уточняют друг друга. Наибольшее значение имеют свидетельства современников — Иосифа Флавия, подробно описавшего в «Иудейской войне» все, что было связано с Веспасианом, Тацита, которого начало гражданской войны застало в Риме в возрасте четырнадцати лет, вполне достаточном для того, чтобы осознать происходившее, и Плутарха, оставившего биографии Гальбы и Отона. Хотя прямым очевидцем событий Плутарх не был, находясь в 68—69 гг. у себя в Херонее, но отзыв потрясших империю коллизий не мог обойти и Балканы, к тому же в конце 70-х и начале 90-х гг. херонеец дважды посещал Рим и знал о них со слов своих римских друзей. В отличие от своих старших современников родившийся в 70 г. Светоний, хотя и не пережил испытанного ими ужаса, имел возможность, кроме рассказов очевидцев, пользоваться документами императорского архива, и его жизнеописания Гальбы, Отона, Вителлия и Веспасиана дополняют сведения остальных авторов многими живыми подробностями. От «Истории» Диона Кассия весь интересующий нас период не сохранился, имеются лишь сведения о правлении Гальбы, основанные на более ранних трудах и не дающие ничего принципиально нового по сравнению с тем, что нам известно из названных выше трудов современников.

В распоряжении науки имеется также и нумизматический материал. Несмотря на кратковременность правления предшественников Веспасиана, они успели выпустить монеты с собственными профилями на аверсе, запечатлев на реверсе те лозунги, которые считали наиболее значимыми, чтобы обеспечить поддержку населения. Так, монета Гальбы с изображением богини мира и надписью «Общественная свобода» сулила сенаторам восстановление погранных предшественниками политических прав, а Вителлий, также воспользовавшийся образом богини мира и сопровождавшей ее изображение надписью «Мир Августа», заявлял, что принес Риму мир. Дошли от времени гражданской войны и монеты Веспасиана, также с его профилем на аверсе. На одном из типов этих монет реверс украшен рисунком двух соединенных рук, окруженных надписью «Верность войск», на другом — характерным для республиканских времен сокращением знаменитой формулы, начинавшей все выходившие постановления — SPQR (*senatus populusque romanus* — сенат и римский народ), сопровождаемой словами «Защитнику общественной свободы». Значительно менее красноречивы эпиграфические памятники, представленные главным образом эпитафиями надгробий.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА*

Во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века христианской эры во всем ареале Восточного Средиземноморья происходили изменения, в традиционном мировоззрении основных масс населения которые подготовили появление и распространение новой мировой религии — христианства. В период господства мифологического мышления люди по традиции, перешедшей от длинного ряда предков, полагались на заданность миропорядка и своего места в коллективе как его органической части. Неизбежность событий, связанных с таким миропорядком, не вызывала сомнений. Теперь же традиционные устои повсеместно рушились, греко-македонские, римские, парфянские завоевания приводили к падению и возвышению государств на территориях, огромных по масштабу и втянутым в эти процессы человеческим массам. Происходило насильственное и добровольное переселение, терялись родственные и общинные связи, успех или поражение казались часто случайными и непредвиденными. В этих условиях все острее становится потребность в вере в могущественного бога-покровителя, который мог бы спасти не племя, не общину, не город, а данного конкретного человека, лишенного прежних гарантий привычного существования.

Универсальные божества. Одним из проявлений поисков новых божеств было создание синкретических образов богов, объединивших функции и атрибуты божеств разных народов. Эти явления в религиозном мышлении проявились еще в рамках Персидской державы. Частично они были связаны с массовыми переселениями, особенно характерными для эпохи эллинизма: на новом месте люди стремились заручиться поддержкой местных богов, не отказываясь и от почитания своих прежних, «отеческих». Но в слиянии образов различных богов можно видеть и выражение тенденции к универсализации и абстрагизации божества, к формированию представления о едином божестве. Большую популярность на древнем Ближнем Востоке (вплоть до Ирана) получил культ Сераписа (Осирис, Апис, Зевс, Аид, Асклепий), выступавшего как владыка неба и царства мертвых. Не меньшее распространение получили культы древнего женского божества — Великой Матери (как начала всего сущего), которая отождествлялась с Астартой, Кибелой, Исидой, Гекатой, Артемидой, Афродитой Уранией и другими женскими божествами, ставшими, по существу, ее ипостасями. В произведении, приписываемом Лукиану, — «О сирийской богине» — дано изображение такого синкретического божества в храме сирийского Гиерополя; автор называет богиню Герой, хотя ее несут львы (атрибут

*Глава написана И.С.Свенцицкой.

Кибелы), а на голове — башня и повязка, которая, по словам автора, «украшает только Афродиту Уранию». Культ богини-Матери, присутствовавший в большинстве религиозных верований того времени, объединял людей самого разного этнического и социального происхождения, а сама богиня в представлении ее почитателей была управительницей мироздания. Герой «Метаморфоз» Апулея обращаясь к Исиде, говорит: «...Ты кружишь мир, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, пожираешь тартар... мановением твоим огонь разжигается, тучи стущаются, поля осеменяются, посевы поднимаются».

Универсализация образа божества заметна даже в локальных божествах-покровителях отдельных городов, культ которых привлекает самых разных людей. Так, в надписи из небольшого карийского города Панамары (I в. н. э.) принимать участие в празднествах в честь Зевса Панамария приглашаются все граждане, живущие в городе чужестранцы, рабы, женщины и «все люди населенного мира». В данном случае местный Зевс, вероятно, воспринимался уже как ипостась единого могущественного божества, которое выступает как покровитель всех жителей ойкумены. Таким образом, формирование представления об универсальном божестве было связано и с представлением о человеческой общности, естественном равенстве людей, представлением, которое уже не ограничивается философскими учениями, но начинает проникать в массовое сознание.

Универсальное божество мыслилось не только как всемогущее, но и как справедливое и милостивое к людям. В этом сказался возросший антропоцентризм религиозного мышления: не только человек служит богу — божество заботится прежде всего о человеке. В той же молитве Исиде Луций называет ее «охранительницей смертных», «заступницей рода человеческого». А в надписи из Нубии содержится призыв чтить Исиду и Сераписа, «величайших из богов, спасителей», «благих, благосклонных», «благодетелей». Благое божество в представлении людей первых веков христианской эры помогает людям и само является высшим носителем нравственного начала. Многочисленные посвящения из Малой Азии, Сирии, Финикии сделаны «богам внемяющим» (или — в единственном числе). К божеству применяются также эпитеты «чистый и справедливый» («чистые и справедливые»). Характерно, что «чистый и справедливый» бог безымянен — он един, и справедливость стала его основным атрибутом.

Бог иудеев. Вероятно, под влиянием представлений о едином божестве в позднеэллинистический период за пределами Палестины проявляется интерес к иудаизму. Наряду с фантастическими,

явно тенденциозными описаниями иудейских обрядов различными античными авторами можно обнаружить и позитивное отношение к иудейским верованиям. Так, Страбон с симпатией пишет о Моисее и его учении о едином божестве, которое управляет Космосом и природой сущего; он выделяет и нравственные требования к верующим: только живущие благоразумно, согласно справедливости могут получить вознаграждение от бога. Появляются частные религиозные союзы, в которых видно влияние иудаизма. Так, из Киликии дошла надпись в честь руководителя синагоги, поставленная от имени коллегии почитателей «Бога-саббатиста», т.е. Бога субботы (помимо полноправных членов коллегии упомянуты и люди, названные «саббатистами»). «Бог высочайший», вокруг культа которого также объединялись разные люди в Малой Азии, во Фракии, на Боспоре, связан был, по всей вероятности, с образом иудейского Яхве, хотя в состав его почитателей входили и неиудеи.

Обращение человека к божеству справедливому, «внемлющему» предполагало представление о личной связи с этим божеством вне официальных церемоний общины или города. Таким образом, в эллинистических государствах, а затем в восточных провинциях Римской империи появляется большое количество частных религиозных объединений вокруг культов того или иного божества, большей частью восточного происхождения. Совершались особые таинства, мистерии, чтобы приобщить каждого члена сообщества к божеству-спасителю. В этих таинствах сочетались древние магические обряды с нравственным искусством, через который должен был пройти посвящаемый. Тертуллиан писал, что в таинства Иисуса и Митры посвящались посредством омовения, т.е. очищения (не только физического, но и нравственного). Мистерияльные действия как бы давали возможность каждому участнику соединиться с божеством. Правда, по-прежнему в этих действиях магия оставалась главным способом личного общения с ним. В магических заклинаниях, связанных с культом Гермеса Трисмегиста (Триждывеличайшего), особенно распространенным в Египте, содержатся формулы, обеспечивающие слияние с божеством, в том числе утверждение: «Я знаю имя твое, воссиявшее в небе, я знаю и все образы твои, я знаю, какое твое растение...». Знание тайных образов и имен давало, по представлениям верующих, магическую власть над божеством.

Вера в возможность непосредственного контакта с божеством — без посредства традиционного жречества — привела к появлению в первые века христианской эры в восточных провинциях множества пророков и проповедников. Характерным примером может служить Александр, действовавший в Вифинии и Понте во II в. н. э. и высмеянный Лукианом. Он и пользовался огромной популярностью

среди самых разных слоев населения. Александр объявил о рождении нового божества в образе змеи (воплощение Асклепия) и от имени ее давал прорицания. Жажда чуда, надежда на общение с живым богом обеспечивала успех людям, подобным Александру.

Однако на рубеже эр появлялись и такие сообщества, которые не признавали магии и ставили перед своими членами только требования нравственные. В этом отношении интересен религиозный союз, основанный каким-то философом в малоазийском городе Филадельфии в I в. до н. э. Члены союза почитали Зевса и Великую Матерь (Атаргатис). Вступать в него могли женщины и мужчины, как свободные, так и рабы. Они должны были принести клятву не злоумышлять ни против кого, не пользоваться наговорами, не использовать средства, препятствующие деторождению, не помогать в этом другим; мужчины не должны были сожительствовать с замужними женщинами, будь то свободная или рабыня, совращать девушек и мальчиков; жены не должны были изменять своим мужьям. Характерно, что все осуждаемые проступки направлены только против личности, никаких норм общественного, официального поведения не устанавливалось; интересно также, что члены этого союза выступают против магии, хотя и верят в нее (запрет наговоров и приворотных зелий). Этот союз отражает высокую степень самоопределения личности и потребность в моральных нормах, которые бы эту личность защищали.

Все описанные выше особенности культов Восточного Средиземноморья проявлялись в виде тенденций — они присутствовали в разной форме и с разной степенью интенсивности в различных верованиях. Эти тенденции подготовили почву для распространения христианства, подобно тому как иудейское сектантство — для его возникновения. Именно в христианстве они нашли свое наиболее полное воплощение. В нем — как и в буддизме — были преодолены партикуляризм, этническая или сословная ограниченность древних культов, сформулированы нормативные нравственные требования к верующим. Раннее христианство призывало к единению в любви, которая не должна делить людей на чужих и своих. При этом христианство обожествляло страдание — именно страдающим должна была открыться Божья благодать. Христиане воспринимали себя не членами какого-либо определенного традиционного коллектива, а всего лишь временными странниками на земле. И в то же время человек как личность находился в центре всего христианского вероучения: он нес ответственность не только за свои личные поступки, но и за всю мировую несправедливость, однако при этом он обладал возможностью выбрать путь, который привел бы его к спасению в Царстве

Божием на земле или в ином мире. Универсализм христианской проповеди обусловил превращение христианства в мировую религию, но путь этот был достаточно длительным.

Ессеи. Непосредственными предшественниками христиан были ессеи. Этим именем еврейские и греко-римские авторы обозначали иудейских сектантов, ушедших к пустынным берегам Мертвого моря и ведших праведную жизнь, не имевших ни жен, ни рабов и пользовавшихся общим имуществом, помогая друг другу. И как раз в тех местах, о которых древние авторы говорили как районе расселения ессеев, вскоре после второй мировой войны были обнаружены свитки с древними текстами.

Трудности их прочтения были сравнительно быстро преодолены, поскольку они составлены на хорошо известных языках — иврите, арамейском, древнегреческом. Среди вновь найденных текстов были списки древнееврейского текста Библии, намного более древние, чем те, которыми пользуются в синагогах для богослужения. Однако существенных расхождений между каноническими и вновь найденными книгами не выявлено. Наибольшее внимание привлекали происходящие из пещер тексты отколовшейся от официального иудаизма общины: ее устав, дающий отчетливое представление об организационных принципах и повседневной жизни, гимны, произведения апокалипсического характера, различного рода комментарии. Составители этих документов называли себя «общиной равных», просто «общиной», «духовным обществом бедных» и «нищими», противопоставляя себя остальному иудейству, стремящемуся к обогащению. «Все желающие присоединиться к божьей правде принесут весь свой ум и все свои силы, и все свое имущество», — говорилось в уставе кумранитов. В идеологическом плане тексты содержат и другое самоопределение — «сыны света», в то время как остальные люди именуется «сынами тьмы». Обращает на себя внимание самоопределение «новый союз», указывающее на то, что члены общины сравнивали себя с праотцем Авраамом, ранее заключившим с Яхве союз, иначе — завет (Ветхий Завет). Кумраниты верили в некоего Учителя Справедливости, погибшего от руки преследователей, и были убеждены, что он вернется, чтобы наказать преследователей и восстановить справедливость. Этот кумранский вариант мессии не считался сыном бога, как впоследствии Христос, но все, что он проповедовал, было, по убеждению кумранитов, услышано им «из уст божьих». Вера в возвращение Учителя Справедливости считалась одним из условий спасения в момент ожидавшегося ими в ближайшем будущем страшного суда.

В повседневной жизни Кумранской общины, как ее называли по месту главных находок, значительную роль играло ритуальное омовение. Устав запрещал использовать грязные водоемы или резервуары, не покрывающие наготы. Запрещалось омовение и без предварительного раскаяния. Члены общины ежедневно собирались на совместные трапезы и молитвы.

Иоанн Креститель. В раннехристианских текстах, являющихся источниками для изучения христианства, нет упоминания об ессеях. Но в тех же местах, к которым Иосиф Флавий относит ессеев, действовал одиночный проповедник, с которым теснейшим образом связана жизнь и трагическая судьба Иисуса. Это Иоанн, которого называли Крестителем, ибо он совершал обряд омовения в водах Иордана, и Предтечей — как предвестника Христа.

Историчность Иоанна Крестителя как Предтечи явствует из рассказа Иосифа Флавия о неудачах одного из преемников власти Ирода Великого — Ирода Антиппы: «Некоторые люди держались, впрочем, мнения, что военные неудачи Ирода были следствием гнева Божьего, требовавшего справедливого возмездия за гибель Иоанна Крестителя. Ибо Ирод велел погубить его, хотя тот был праведным мужем, призывавшим евреев к добродетели, справедливости по отношению друг к другу, к почтительности богу и единению в крещении. Он учил, что крещение угодно Богу, если принимать его не для искупления определенных грехов, а для очищения тела, когда душа уже очищена праведностью».

Филон Александрийский. Среди первохристиан были не только рыбаки из Галилеи, простые ремесленники, мужчины и женщины презираемых профессий, но и образованные люди, жившие не только в Иудее, но и в Александрии или в других местах иудейской диаспоры (рассеяния). И если им была чужда практика насильственного насаждения эллинистических и римских порядков Ирода и его преемников, то мысль о близости иудаизма и стоической философии могла им импонировать, вызывая чувство гордости. Именно эту идею проводил в своих многочисленных сочинениях современник Иисуса Филон (ок. 20 г. до н. э.—40 г. н. э.), иудей, получивший блестящее греческое образование. По Филону, всемогущее божество отлично от материального мира по своей природе, и ему невозможно приписать какие бы то ни было признаки. Используя для обозначения этого божества традиционное для иудейской религии имя Яхве, Филон наделяет его свойствами Логоса, введенного в философский язык Гераклитом и использовавшимся в стоицизме. «Логос» — это и «слово», и «смысл», и

«закон», возвышающийся над космосом, его пронизывающий и творящий.

Эсхатологические представления первохристиан были дополнены развивавшимися в Александрии идеями Логоса, хотя и связанного с Яхве, но воспринимавшегося как спаситель не одного избранного народа, а всего человечества.

Иисус из Назарета. Одним из принявших крещение от Иоанна, был Иисус из Назарета. С точки зрения почитателей Иисуса, именно во время акта крещения Иисус стал «пророком из пророков». На него сошел «Дух Святой» — как об этом повествуется в ранних евангелиях, созданных в среде христиан из иудеев (эбионитов и назареев). Учение об Иисусе — Сыне Божиим в прямом смысле слова, непорочно зачатом Девой Марией, возникло примерно в середине I в. н. э. Итак, в начале своей проповеди Иисус выступал как пророк, продолжая более раннее пророческое движение (недаром в приписываемых ему высказываниях столько цитат из ветхозаветных пророков). Начальное ядро его проповеди восстановить трудно; судя по древнейшей традиции, сохраненной в новозаветных и иудео-христианских писаниях, главным ее содержанием были призывы к духовному очищению через «живую воду» веры в ожидании скорого конца мира и установления Царства Божия на земле. В самом раннем из канонических евангелий — Евангелии от Марка — Иисус говорит своим ученикам: «...нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в грядущем веке жизни вечной» (10. 29—30). Эсхатологические чаяния составляли важнейшую часть мировоззрения первых последователей Иисуса. Путь в Царство Божие означал отказ от всех ценностей окружающего мира. Во фрагменте апокрифического Евангелия Евреев Иисус гневно упрекает богатого юношу за то, что у того дом полон добра, а «сыны Авраама» гибнут с голоду: чтобы стать совершенным, нужно все имущество раздать нищим и только после этого следовать за Иисусом (более краткий вариант этого рассказа приведен в Евангелии от Матфея — 19. 21). Не только отказ от богатства, но и разрыв всех прежних традиционных связей (оставить дом, братьев, сестер, родителей — как явствует из приведенного выше речения из Евангелия от Марка), уход от традиционного образа жизни (жить, как птицы небесные) — все это входило в представление о духовном очищении. Судя по евангельской традиции, первые ученики Иисуса так и поступали: бросив

дома и семьи, ходили вместе с ним по Галилее, а затем пошли в Иерусалим (Петр, в частности, был женат; есть упоминание о его теще, которую исцелил Иисус). Очень важным для дальнейшего распространения христианства было выступление Иисуса против формальной обрядности, ритуальной регламентации, которая была свойственна фарисеям. В разных евангелиях настойчиво звучит протест против субботних ограничений: «...Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы!..» (Матф. 12. 11—12). Столь же резок протест против внешнего соблюдения ритуала: в отрывке из неизвестного апокрифического евангелия, найденного в Египте (первая треть II в.), рассказан эпизод встречи Иисуса с фарисеем, который упрекал его в том, что тот вошел в храм вместе с учениками, даже не вымывши ног. В ответ Иисус сказал ему: «Ты омылся в стоячей воде, где собаки и свиньи лежат день и ночь, и ты омылся и натер снаружи свою кожу, как блудницы и флейтистки душатся, моются, натираются благовониями и краской, чтобы возбудить желание, а внутри они полны скорпионов и пороков. Но Я и Мои ученики, о ком ты сказал, что они нечисты, Мы омылись в живой воде, нисходящей [с небес]...».

Первохристиане. Отрицательное отношение к формальным требованиям фарисеев не означало при жизни Иисуса отрицания всех ритуальных норм. Так, в евангелиях можно увидеть намеки на то, что какие-то обряды и жертвоприношения соблюдались учениками Иисуса: в Евангелии от Марка Иисус говорит, чтобы исцеленный им человек принес за очищение свое «что повелел Моисей» (1. 44). Однако затем, уже после казни Иисуса, когда его смерть стала осмысляться как искупительная жертва за все человечество, его последователи, в том числе и иудео-христиане, стали отвергать любые жертвоприношения [см., например, Послание к Евреям: «Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне» (10. 5); эти слова, представляющие перефразировку из Септуагинты (Пс. 39. 7—9), вложены автором послания в уста Иисуса].

Также постепенно менялось отношение первых христиан к иудеям. С одной стороны, может создаться впечатление, что первоначальная проповедь была рассчитана только на иудеев. «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева», — говорит Иисус в Евангелии от Матфея, но с другой — согласно евангельской традиции, он привлекал к себе, излечивал людей и неиудейского происхождения — всех, кто уверовал в него: он помог римскому центуриону, женщине сиро-финикийского рода и т. д. Для того чтобы спас-

тись, достаточно было веры. В этом проявилось то преодоление партикуляризма, деления на «своих» и «чужих», которое прослеживалось уже в отдельных религиозных учениях предшествующего времени. «Открытость» христианской проповеди с самого начала определила возможность широкого распространения нового учения. В этой открытости — одно из существенных отличий христианства от учения кумранитов при всем сходстве многих элементов в мировоззрении той и другой секты. Отдельные места новозаветных сочинений звучат как прямая полемика с кумранскими правилами замкнутого существования: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Матф. 5. 14–15).

Первые христиане обращали свои призывы и к мужчинам, и к женщинам в равной степени; среди учеников Иисуса, согласно традиции, были женщины, сопровождавшие его из Галилеи в Иерусалим и присутствовавшие при его казни. И в дальнейшем женщины играли значительную роль в христианских общинах восточных провинций, причем, по-видимому, прежде всего женщины, потерявшие общественные и семейные связи. Христиане — это проходит через всю раннехристианскую литературу — призывали к себе нищих, вдов, сирот, калек, блудниц, т. е. всех отверженных по нормам общинной морали древних обществ. Идея христианского милосердия означала помощь всем страдающим, независимо от причин страдания; милосердие было направлено на отдельную личность, и в этом отношении христианская благотворительность отличалась от коллективных раздач и общественных пиршеств древнего мира.

Милосердие — один из компонентов христианской нравственности. Согласно евангельской традиции Иисус учил религии бескорыстия, самопожертвования, прощения. Первые христиане провозглашали нормативную нравственность, включавшую любовь к врагам, воздаяние добром не только за добро, но и за зло. Возмездие целиком передавалось Богу, который сам был воплощением добра и справедливости. Нормы эти были трудно осуществимы в реальной жизни (как это ясно показала вся дальнейшая история христианства), но они, с одной стороны, впитали в себя надежды и нравственные поиски, характерные для разных религиозных групп, а с другой — противостояли традиционным представлениям древности с делением на «своих» и «чужих», принципам возмездия на основе талиона и т. п., что привлекало всех, кого не устраивали подобные представления.

Павел. Принципы и идеи, заложенные уже в проповеди Иисуса, нашли свое развитие в учении Павла из киликийского города Тарс. Павел, первоначально ортодоксальный иудей и гонитель христианства, стал затем не менее ревностным его защитником. Ко времени выступления Павла (середина I в.) основную массу христиан составляли иудеи, жившие за пределами Палестины (в Палестине также были небольшие группы христиан, сохранивших старые названия эбионитов — «нищих» и назареев — «посвященных»). Они справляли субботу, признавали Иерусалимский храм, считая себя как бы «истинными» иудеями; число неиудеев-христиан было, по видимому, относительно невелико.

Проповедь Павла открыла дорогу в христианские общины самым широким слоям неиудеев. Он выступил против соблюдения Закона — всеохватывающей системы заповедей и запретов: абсолютная благодать Божества не сравнима с человеческими деяниями, и людям остается лишь надеяться на прощение божье. Благодать, ниспосланная Богом, выводит человека из мира зла. Все человечество спасено добровольным страданием абсолютно невинного Иисуса: каждого отдельного человека спасает сам акт веры, дающий прощение через смерть Христа. Тем самым все люди были сопричастны вине за зло окружающего мира, и каждый мог спастись через веру: христианство давало не только надежду на спасение, но и ощущение духовного очищения, в котором самые страшные грешники, раскаявшись, могли сравняться с праведниками. Акт веры согласно учению Павла был доступен всем, независимо от этнического происхождения и соблюдения требований Закона: «...нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем — Христос» (Посл. к Колоссянам 3. 11). Это положение помогло христианству завоевать души людей и способствовало превращению его в мировую религию.

Что же касается иудео-христиан, пытавшихся сочетать новые идеи с традиционными требованиями Закона, то они вплоть до средневековья продолжали существовать в Палестине и Сирни; их учение, отрицавшее непорочное зачатие, оказало влияние на ряд еретических учений, в том числе опосредованно и на арианство, а традиция, отраженная в их священных книгах, может быть прослежена в новозаветных сочинениях, признанных церковью священными (например, в Апокалипсисе Иоанна). Но широкого распространения учение этих групп не получило. Только развитие идеи универсализма, обращение к отдельному человеку вне его социальных и племенных связей привели к тому, что христианство, как и другие мировые религии, пережило породившее его древнее общество и распространилось за его географические и хронологические границы.

Возникновение христианских писаний. Первые христиане в течение нескольких десятилетий после распятия Иисуса не создавали собственных писаний. Священными книгами для них оставались книги иудейской Библии. Кроме того, последователи Иисуса верили в его скорейшее второе пришествие и конец этого мира, поэтому им казалась ненужной запись устных рассказов, передаваемых учениками Иисуса и пророками. Первыми по времени писаными произведениями, предназначенными для христиан, были послания проповедников отдельным христианским общинам, связанные с конкретными вопросами вероучения, организацией внутренней жизни общин, спорами между разными раннехристианскими деятелями. К таким посланиям прежде всего относятся послания апостола Павла, адресованные христианам городов Балканского полуострова и Рима в 50-х гг. I в. Не все послания, включенные в Новый Завет, считаются учеными подлинными творениями Павла, некоторые из них были позже созданы его сторонниками по образцу его собственных писем, а некоторые анонимные — приписаны ему, например «Послание к евреям», не имеющее ничего общего со стилем Павла (в его авторстве сомневались еще древние христианские писатели). В конце I в. были созданы и послания от имени других почитаемых апостолов. В отличие от посланий Павла они не имеют конкретного адресата, посвящены общим проблемам, волновавшим христиан следующего поколения (например, проблеме сроков Второго пришествия), и по форме напоминают вероучительную проповедь.

Достаточно рано, вероятно, не позже середины I в. была сделана запись речений (так называемые логики) Иисуса, которые использовали в своих рассказах и пророчествах различные проповедники. Эти речения впоследствии были включены в писанные тексты. Со временем устные рассказы все больше и больше отличались друг от друга; у разных христианских групп появилась потребность систематизировать то, что они знали об Иисусе и его учении, объяснить в свете этого учения такие страшные события (особенно для христиан из иудеев), как разрушение Иерусалима римлянами в 70 г., а также, опираясь на эти писания, привлекать в свои ряды язычников. Примерно с 70-х гг. I в. начинает создаваться новый жанр — евангелия (по-гречески, евангелие — благая весть). Большинство евангелий состояло из рассказов о деяниях Иисуса, его рождении, крещении, распятии и воскресении, а также из поучений (к этому жанру относятся евангелия Нового Завета); в некоторых же были только речения, собранные в определенном порядке. Авторство евангелий, как правило, приписывалось ученикам Иисуса или ученикам учеников. Многие из них

не дошли до нас и известны только по названиям, отрывки других дошли на папирусах при раскопках в Египте.

В 1945 г. на юге Египта была найдена целая библиотека рукописей на коптском языке, принадлежавших египетским христианам-гностикам. Среди этих рукописей были евангелия от Фомы, Филиппа, а также писание, называвшееся «Евангелие Истины» (в них отсутствовало описание земной жизни Иисуса). Кроме евангелий, создавались с конца I и на протяжении II—III вв. деяния апостолов (общие или каждого в отдельности) и пророчества — Откровения (Апокалипсисы). Постепенно из всех этих писаний епископы отобрали самые распространенные, а также те, которые больше соответствовали учению Церкви. Эти писания составили Новый Завет (Новый — в отличие от иудейской Библии, которую христиане называли Ветхим, т.е. Старым, Заветом), куда вошли четыре евангелия — от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна, «Деяния апостолов», автором которых считается Лука, 21 послание апостолов и «Откровение» Иоанна Богослова. Все остальные произведения стали называться апокрифами (по-гречески — тайными). Многие из них после победы Церкви были уничтожены.

Вокруг Иисуса. На протяжении длительного времени в научной литературе велись и ведутся споры, связанные с личностью Иисуса Христа. В XIX в. была выдвинута так называемая мифологическая концепция, отрицавшая какие бы то ни было исторические основы евангельских рассказов — вплоть до места возникновения христианства (его перенесли в Малую Азию). Эти рассказы считались своего рода переосмыслением мифов о небесных светилах. Так, немецкий исследователь А. Древис считал реку Иордан в этих рассказах олицетворением Млечного пути, Иоанна Крестителя — созвездия Южной рыбы, Марию — собирательным образом женских языческих божеств и т. п. Создатели евангелий, писавшие, по мнению сторонников этой теории, не ранее II в., черпали свои сюжеты не из реальной действительности, а, как писал один из создателей мифологической школы Бруно Бауэр, «из своей собственной внутренней глубины», т.е. из своих представлений. Все упоминания о христианах у нехристианских авторов (Иосифа Флавия, Тацита, Светония, Плиния Младшего) эти ученые считали поздними вставками христианских переписчиков, причем даже такие, где христианам дается резко отрицательная оценка (Тацит, например, называет христианство «пагубным суевением»). Однако наряду с мифологической школой были и сторонники историчности Иисуса, считавшие, что в основе христианских преданий лежит деятельность конкретного проповедника, жившего в Палестине. Эти ученые отбрасывали все рассказы о чудесах и пытались реконструировать подлинную жизнь Иисуса из Назарета (как это

сделал француз Э.Ренан в своей знаменитой книге «Жизнь Иисуса»). В настоящее время мифологическая теория практически не имеет сторонников среди серьезных исследователей. После открытия кумранских рукописей не вызывает сомнений палестинское происхождение христианства; благодаря археологическим раскопкам и найденным надписям доказано отрицавшееся ранее существование в I в. городка Назарета. Ученые признают подлинность свидетельств римских авторов о христианах, ибо невозможно предположить, что благочестивый средневековый переписчик своей рукой вписал резкие отзывы о христианах в рукописи языческих авторов. Единственной вероятной вставкой были слова Иосифа Флавия в «Иудейских древностях», где коротко говорится об Иисусе; он назван Христом (что по-гречески означает «мессия»), упоминается его воскресение. Сторонники исторической школы полагали, что Флавий действительно рассказывал об Иисусе, но слова его были «подправлены» переписчиком, тем более что в другом месте того же произведения Флавий упоминает гибель брата Иисуса, «называемого Христом». В 1971 г. была опубликована средневековая рукопись на арабском языке, написанная христианским епископом Агапием, основное место в которой занимала история христианства. Агапий приводит цитаты из разных древних авторов, в том числе и из Иосифа Флавия. В приведенном Агапием отрывке нет слов о том, что Иисус был Христом, а о воскресении сказано, что так рассказывали его ученики. Ясно, что Агапий читал какой-то не дошедший до нас список «Иудейских древностей», где не было христианских вставок. После открытия произведения Агапия можно с уверенностью говорить, что Иосиф Флавий, живший в I в., знал о существовании проповедника Иисуса, казненного, по его словам, по распоряжению Понтия Пилата.

Но признание Иисуса исторической личностью не прекратило споров вокруг его деяний. С каждым годом появляются новые книги, посвященные реконструкции его жизни. В США существует «Семинар по Иисусу», объединяющий ученых, которые предлагают свои интерпретации истории Иисуса, отрицая элементы сверхъестественного. Интерпретации эти очень разнообразны. В одних Иисус предстает бунтарем, предводителем выступления экстремистской иудейской группировки зилотов. В других — выходцем из деклассированных палестинских крестьян, потерявших землю в обстановке резкого социального расслоения, которые мечтали об установлении равенства в «Царстве Божием на земле». В этой трактовке Иисус представляется близким к странствующим философам-киникам, обладавшим харизматическим воздействием на окружающих. В третьих — он типично иудейский пророк, проповедовавший конец мира и возрождение Израиля. Перечисление можно продолжить, но ограниченность источников не делает доказательной ни одну из представленных версий.

ДИНАСТИЯ ФЛАВИЕВ (69—96 ГГ.)

Полтора десятилетия, пришедшие на смену гражданским войнам, были для империи временем относительной стабильности. Постепенно нормализовались отношения между императором и сенатом. Императорская власть перестала выражать интересы одной лишь армии и небольшой группы италийских земельных собственников, поскольку к управлению державой была допущена верхушка провинциального населения. Кроме того, удалось укрепить северо-западные границы империи. Однако при последнем представителе династии резко обозначились последствия, с одной стороны, аграрного кризиса, с другой — обрушившихся на Италию природных бедствий и эпидемий. Положение усугубилось острейшим конфликтом между проявившим властный характер императором и сенатом.

Веспасиан. Тит. Домициан. Вознесенный волей поддерживавших его легионов на Палатин с его роскошью и чуждыми простолюдину порядками **Веспасиан** делал все, чтобы сохранить облик честного рубаки, недоступного лести придворных, и в то же время прижимистого сельского хозяина, не тратящего на себя лишнего асса и не дающего это делать другим. После комедиантов, распутников, обжор, подобно соучастникам страшной трагедии сменявших друг друга на троне, такой твердо стоящий на ногах император импонировал массе. Из уст в уста передавались его рассчитанные на привлечение симпатий соленые солдатские шутки: «Деньги не пахнут» (при выпуске новой монеты от налога на отхожие места), «Лучше бы ты вонял чесноком» (пришедшему на аудиенцию франту), «Лисица шерстью слиняла, но нрав не сменяла» (разбогатевшему рабу, добивавшемуся вольной). И он не терялся среди прожженных царедворцев, критиканов-философов, при необходимости ставя их на место и не мстя за неуважение и амикошонство.

Не имевший патрицианских шкафов с восковыми масками предков, Веспасиан был удостоен похорон по древнему обряду. Перед его гробом старательно вышагивал актер в потрепанном дорожном плаще принцепса, в маске, снятой с его маловыразительного лица. Обращаясь к кому-то из зрителей по ходу погребального представления, актер спросил: «Во сколько обошлись мои похороны?». В «шестьсот тысяч сестерциев!» — выпалил обескураженный зритель и услышал в ответ реплику, сопровождаемую режущим взмахом руки: «Дайте мне из них десять тысяч и хоть бросайте меня в Тибр!». Так, по всеобщему мнению, должен был бы ответить правитель, не пренебрегавший ничем, чтобы пополнить государственное состояние.

Престол перешел к его соправителю, старшему сыну **Титу**, при отце непосредственно руководившему преторианцами и тайной

службой. Ему приходилось подавлять недовольство и осуществлять казни, вследствие чего он приобрел в Риме дурную славу. Но придя к власти, Тит сделал все от него зависящее, чтобы римляне забыли о его деятельности стража империи, и предстал снисходительным и сказочно добрым правителем, «любовью и отрадой рода человеческого». Идя навстречу требованиям сената о запрещении процессов об оскорблении величества и наказании доносчиков, он издал соответствующие указы. Восторг толпы вызвали публичные наказания доносчиков

Веспасиан Флавий

розгами с последующим выведением их на арену нового амфитеатра и продажей в рабство или ссылкой на острова. Приняв звание великого понтифика, Тит поклялся не проливать крови и после этого, как сообщает его биограф, «не был ни виновником, ни соучастником в чьем-либо убийстве». Большое значение придавалось декрету Тита об утверждении всех дарений предшествующих императоров без рассмотрения их порознь, как это иногда делалось во времена Тиберия. Вместе со страхом быть обвиненным в каком-либо заговоре исчез страх перед конфискацией имущества, подчас добытого незаконным путем. В результате Титу удалось одержать победу над недоверием к нему большей части римского общества.

В конце краткого царствования Тита на империю обрушились природные катастрофы и бедствия — извержение Везувия, уничтожившего Геркуланум и Помпеи, невиданная по масштабам эпидемия, пожар Рима, — и они дали Титу возможность проявить необычайную щедрость и заботливость. Но более всего поднятию посмертного авторитета Тита способствовал его младший брат **Домициан**, наделенный, если верить современникам, всеми возможными пороками, в полной мере проявившимися за его казавшееся бесконечно долгим четырнадцатилетнее царствование: злобностью, двуличием, садистской жестокостью, самообожанием, коварством. Завистливость толкала его на подражание отцу и брату, и он, так же как и Тит, осуждал доноительство, заявляя: «Правитель, который не карает доносчиков, тем самым их поощряет», но окружил себя доносчиками и возобновил действие закона об оскорблении величества. Император осудил на смерть многих сенаторов, а простых римлян приказывал подвергать пыткам по малейшему подозрению в неповиновении. Казни подвергались не только люди, но и книги,

которые под надзором особой коллегии трех сжигались в той части форума, где обычно приводилось в исполнение приговоры.

Скарденность, унаследованная от отца и дополненная невероятной беззастенчивостью в добывании средств, сочеталась в нем с расточительностью. Жестокость ко всему живому была у него маниакальной — любимым его занятием было накалывание мух на стиль, а в своем Альбанском поместье он в иные дни изничтожал по сотне зверей.

Зная об окружавшей его ненависти, Домициан никого не допускал к себе без тщательного обыска. Но один из заговорщиков, притворившись, что у него болит рука, несколько дней ее обматывал. Когда к этому привыкли, он попросил аудиенции под предлогом раскрытия заговора и поразил императора извлеченным из-под повязки кинжалом, пока тот читал очередную табличку с доносом о заговоре. Римская толпа никак не отреагировала на эту весть, воины были возмущены и пытались провозгласить покойного «божественным», как и его предшественников, сенаторы же ликовали и приняли постановление повсеместно стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нем.

Внутренняя политика Флавиев. В годы правления преемников Августа отношения между императором и сенатом характеризовались непрекращающимся конфликтом, жертвой которого стали не только сотни сенаторов, но и, как показали гражданские войны 68—69 гг., сама система власти. Поэтому первой своей задачей Веспасиан считал установление мира и согласия с высшим сословием римского общества. Принятым сенатом законом, дошедшим до нас в надписи, Веспасиану предоставлялось право осуществлять действия, направленные на пользу государству, в том числе и отменять уже принятые законы. Таким образом, была заложена правовая основа принципата в форме законодательного акта. Одновременно Веспасиан в противовес сенату поддерживал всадническое сословие.

Старший из сыновей Веспасиана, Тит, провозглашенный императором и получивший трибунскую власть, стал для него верным помощником. Сам Веспасиан практически ежегодно избирался консулом, а в 73 г. принял вместе с Титом обязанности цензора, позволившие приступить к радикальному изменению состава сенаторского и всаднического сословий. Они были значительно пополнены за счет выходцев из провинций, преимущественно западных. В Рим была переселена из Испании тысяча знатных семей. В результате ценза 73 г. империя начинает превращаться в универсальную державу, отражающую интересы не одной только знати Рима и Италии, но и всего римского Средиземноморья.

Оппозиция в сенате при Веспасиане полностью не исчезла. Но численно она была невелика, и Веспасиан быстро с ней справился. Глава противников монархии был сослан, а затем и казнен. Все реже в среде римской аристократии шли дискуссии о том, какой строй предпочтительней — республиканский или монархический. Сильная власть уже казалась не злом, а скорее защитницей от своеволия черни. И в оппозиционных кругах споры уже не вращались вокруг республиканских идеалов: центр тяжести сместился на обсуждение вопроса об идеальном монархе и его отличии от тирана. Отчасти идеалу правителя в глазах знати соответствовал Веспасиан, но главное расхождение между Веспасианом и сенаторами было в вопросе о наследовании власти: с выдвигавшимся сенаторами принципом передачи власти достойнейшему путем усыновления Веспасиан категорически не соглашался.

За пределами сената очагами недовольства были кружки философов, прежде всего киников и стоиков, настаивавших на ответственности правителя перед Мировым законом. Первыми, еще в 73 г., из Рима были изгнаны киники (в Рим они вернулись лишь после смерти Веспасиана).

Много внимания было уделено императором укреплению финансового состояния империи. Были значительно сокращены расходы на армию: часть стоявших на границах легионов распущена, почти вдвое сокращено количество преторианских когорт. Были также урезаны траты на содержание двора. Налоговое бремя на провинции, особенно восточные, увеличилось, но при этом деньги текли в казну, а не расхищались по пути. В результате опустевшая при Нероне и в ходе гражданской войны казна вновь наполнилась, и это сделало возможным грандиозные строительные работы. Был восстановлен сгоревший Капитолий, сооружен храм Мира, начаты и почти завершены работы по возведению громадного амфитеатра, до открытия которого император не дожил нескольких месяцев.

Веспасиан и Тит сделали все, чтобы замаскировать монархическую сущность принципата. При Домициане она предстала в той форме, которая выявилась при Гае Калигуле. Со времени Домициана сенат теряет последние остатки суверенного учреждения, превращаясь в государственный совет.

Первые три «счастливых» года своего правления Домициан ежегодно принимал должность консула. В 84 г. он принял десятилетний консулат, а год спустя стал пожизненным консулом (до этого он уже был пожизненным цензором). Это юридически обеспечило ему и руководство деятельностью сената, и возможность назначения и удаления сенаторов. И более того, Домициан потребовал, чтобы его называли *dominus* (господин) и даже *deus noster* (наш бог).

Бессилие сената подчеркивалось усилением контроля императора за судопроизводством, городским и провинциальным управлением. Приняв многое из политики отца и брата, он отказался от обязательства щадить сенаторов и принял роль верховного судьи империи. Теряя опору в сенате, Домициан старался добиться популярности с помощью грандиозных строительных работ, дававших средства для жизни низам римского населения и способствовавших блеску империи. «Ты можешь смеяться над царственными чудесами пирамид, о цезарь, — обращается к Домициану Марциал. — Варварский Мемфис уже перестал восхвалять восточное чудо... Нигде на всей земле день не видит такого великолепия. Дворец этот, вершина которого доходит до небес, достоин неба, о август, и все же не достоин твоего величия».

Оставляя в стороне преувеличения и лесть, оценка поэтом величественного дворца, подтверждаемая побывавшим в Риме в те годы Плутархом, позволяет понять, что у сенаторов, помнивших о бережливости Веспасиана, имелось основание рассматривать строительную деятельность Домициана как стремление унижить сенат. Недовольство должна была вызвать и необычайная щедрость Домициана к римской черни. Трижды император раздавал по триста сестерциев каждому римлянину. Было значительно увеличено жалование солдатом.

Истожив казну, Домициан попытался сократить военные расходы, когда же это не удалось, прибег к испытанному средству — конфискациям имущества по обвинению богатых людей, в том числе и сенаторов, в каких-либо правонарушениях и обманному включению себя в число наследников богачей. Вновь наступил звездный час доносчиков и льстецов.

Внешняя политика. Восстания в Галлии показали необходимость укрепления рейнского лимеса. При Веспасиане была захвачена область между Рейном и Дунаем, так называемые «десятинные поля», на которых были поселены романизированные галлы. На них возлагалась помощь армии в сооружении мощной укрепленной полосы с сетью военных дорог и тыловых крепостей (среди последних — Аргенторат, ныне Страсбург). В Паннонии Веспасиан разместил вдоль Дуная два укрепленных римских лагеря — Карпунт и Виндобону (ныне Петронель и Вена). Под контролем Рима оказалась область между Дунаем и Рейном, долина реки Никеры (совр. Неккар). Все это встревожило племя хаттов, перешедших огромными массами через лимес. С ними пришлось иметь дело уже Домициану. Он лично возглавил четыре легиона и, несмотря на тяжелые условия, в которых пришлось вести военные действия, нанес хаттам решительное поражение. К Риму была присоединена об-

ширная область между Рейном и Майном, примыкавшая с севера к «десятинным полям». Победа была увековечена выпуском монеты с надписью «Побежденная Германия».

Успешно действовал при Веспасиане в Британии против восставшего племени бригантов полководец Петилий Цереалис, а его преемник Секст Юлий Фронтин покорил племя силуров (77 г.). Продвижение на север в земли калидонян осуществил полководец Гней Юлий Агрикола, тесть знаменитого историка Тацита. Его флот успешно оперировал в акватории между Британией и Ирландией, присоединив к империи ряд островов.

С немалыми трудностями встретились императоры и в Придунавье, где на территорию современной Молдавии прорвались конные отряды сарматского племени роксолан, а южнее юный вождь даков **Децебал** создал могущественный племенной союз, собрав свой рассеянный по бескрайним просторам народ и призвав его к сопротивлению безжалостному врагу. Реорганизовав армию по римскому образцу, в 85 г. Децебал перешел через Дунай в Мезию и нанес поражение стоявшему там легиону. И вновь потребовалось личное присутствие Домициана. Для отвлечения сил противника префект претория проник с войском в глубь дакийских лесов, но потерпел поражение и погиб. Дакам достался обоз и снаряжение римлян.

От мести победителям пришлось отказаться, поскольку дошло известие о новой угрозе германцев на рейнской границе. Домициан вынужден был в 86 г. заключить с Децебалом мир на условиях сохранения за даками их владений, уплаты им денег и помощи в создании военных машин и строительстве укреплений. Римлянам и самим пришлось заняться укреплением дунайской границы по образцу фортификационной системы на «десятинных полях».

Ситуация на границах резко осложнилась, после того как в 88 г. легат Верхней Германии Антоний Сатурнин провозгласил себя императором и вступил в союз с незадолго до того побежденными хаттами. Возникла угроза его похода на Рим. И вновь Домициан проявил себя талантливым организатором. Собрав мощные силы, он одержал над Сатурнином решительную победу. Началась кровавая расправа как над восставшими, так и над сенаторами, заподозренными в сочувствии Сатурнину.

В отношении зависимых от Рима восточных царств Флавии продолжали политику Нерона. К Риму были присоединены Малая Армения, Коммагена, а также оккупирована кавказская Иберия, напротив, из Боспорского царства в связи с обострением ситуации в Дакии были выведены легионы и, судя по чекану монет, усилилась власть боспорских царей.

Литература. Желание обессмертить себя и свое время не только в камне, но и слове было подлинной страстью всех римских императоров. Август не только ожидал появления «Энеиды», но и торопил ее создателя. Кажется, меньше, чем других, честолюбие мучало Флавиев, особенно Веспасиана и Тита. И именно они оставили в камне величайший из памятников — Колизей. А Рим их времени сохранился в ярчайшей и пестрой стихотворной панораме **Марка Валерия Марциала** (ок. 40—102).

Этого выходца из Испании императоры не приглашали во дворец на Палатин и не одаривали поместьями, хотя он с присущим ему бесстыдством клиента не раз намекал на это в своих книгах, попадавших к Флавиям через придворных (нам известны имена этих благодетелей поэта и их скромные, на его взгляд, дары). Мы знаем и других, не столь высоких покровителей поэта, приглашавших его как клиента к себе на обед. И горе было им, если они были с гостем непочтительны и угощали его в соответствии с общественным положением, а не талантом. Вскоре они становились посмешищем всего Рима, ибо Марциал был остер на язык и беспощаден к чванству, ограниченности, несправедливости, разумеется, если носителями этих пороков были люди, не обладавшие властью или приближенные ко двору.

Тридцать лет прожил Марциал в столице. Прибыв безвестным юнцом, он удалился знаменитым поэтом. Его эпиграммы читали по всей империи — от Британии до Понта. Он потешался и над этим в свойственном ему стиле, сетуя, что столь широкая известность ничего не прибавила к его тощему кошельку. Что ни день, то новые эпиграммы, новые впечатления, новые темы, новые объекты для издевок и для мести, в которой он тоже не знал меры. Нет ни одной улицы, ни одного форума и, кажется, ни одного значимого места, в котором бы не побывал Марциал и не описал его как очевидец, используя все богатство и все непристойности латинского языка. И поэтому каждому, кто пожелает через две тысячи и более лет оказаться в Риме Флавиев, не надо изобретать машины времени, а стоит лишь пройтись взглядом по страницам книг Марциала. И предстанет Рим во всем разнообразии впечатлений, а порой и переживаний римского клиента, в крикливой роскоши апартаментов новых богачей (из грязи в князи), в гнусной изобретательности порока.

Только Марциалу оказалось под силу сохранить живой и постоянно меняющийся облик Рима и при этом не дать наблюдателю со стороны соскучиться. В эпиграммах наряду с многими другими персонажами проходят и собратья Марциала по музе — Силий Италик, Стаций, а из тех, кого он не застал, — Лукан. Но после Марци-

ала нам будет трудно развернуть их свитки, ибо только его книги позволяют перефразировать сказанное о Менаandre: «Марциал и Жизнь, кто из вас кому подражает?»

К поколению, пережившему низвержение Нерона и извержение Везувия, принадлежал также Публий Палиний Стаций (ок. 40—96 г.), один из самых разносторонних поэтов, выходец из Неаполя, в те времена сохранявшего греческую образованность и любовь к прошлому Греции. Перебравшись в Рим, он там добился известности своими «Сильвами» — виртуозно написанными стихами на разные темы. Но всецело его талант раскрылся в эпической поэме «Фиваида» на сюжет фиванского цикла мифов, где он выступает соперником Гомера и Вергилия.

Сама тема мифов была созвучна времени, когда рок показал свою силу, низвергая властителей, наследников Августа, и возводя на трон безвестных Флавиев, обращая в рабство народы с тысячелетней историей и в несколько мгновений уничтожая процветавшие города.

«Фиваида» воссоздает войну семерых героев против Фив, начиная повествование с ослепления Эдипа и завершая подвигом Антигоны и торжеством Тесея, убивающего тирана Креонта. Над героями все время витают фурии, вдохновительницы раздоров и преступной ярости. В действии участвуют боги, изображенные с непредставимым для Гомера юмором, с детализацией их небесного быта. Поэма перенасыщена всякого рода предсказаниями и знамениями, что отражает торжество астрологии (верный признак кризиса науки и общественного сознания). Особенно силен Стаций в изображении психологии героев, разрываемых противоречивыми страстями и не могущими выбрать правильную линию поведения. Другая поэма Стация, «Ахиллеида», оставшаяся незавершенной, также развивала мифологическую тему, связанную с всесилием рока.

В веках Стаций остался продолжателем Вергилия. Данте в «Чистилище» превращает его в тайного христианина. И это позволяет ему провести поэта по чистилищу, куда закрыт путь язычнику Вергилию.

Среди римлян, занимавшихся во времена Флавиев литературой, не затерялось имя **Силия Италика**. Первая половина его жизни была посвящена политике (он был последним консулом, назначенным Нероном, и наместником Азии при Вителлии). По окончании гражданских войн он ушел на покой, уединился в своем поместье, полном книг и произведений искусства, и всецело погрузился в прошлое Рима, перечитывая своих кумиров Цицерона и Вергилия и работая над поэмой о Ганнибаловой войне. В рассказ о сражениях

на полях Испании, Италии и Африки он не преминул вставить веле-речивый панегирик Веспасиану и Титу, к тому времени скончавшимся, и восхвалить их преемника Домициана. В другом месте поэмы, не называя имени Домициана, он восторженно оценивает первые годы его правления, подчеркивая покровительство провинциям и обуздание жадности наместников, однако его симпатии отданы не современности, а прошлому. И он осуждает падение нравов:

Вот чем был некогда Рим. И коль суждено ему было
Нравы свои изменить, то лучше б стоял Карфаген.

Будучи в литературном отношении слабым подражателем Вергилия, «Пуническая война» Силия Италика интересна как исторический источник. Широко используя утраченные исторические труды, поэт предвосхищает в этом Аппиана. Опыт военного сказала на изображении битв. Но при этом их участники в пылу сражения произносят патетические речи, как они это делают и в прозаических трудах.

Слово с кафедры. С падением римской республики приходит в упадок политическое красноречие, доведенное в речах Цицерона против Катилины и «Филиппиках» до совершенства. С роспуском комиций и превращением курии в площадку для состязания в словословии тиранам оно было обречено на исчезновение. Жесткие рамки были определены и судебному красноречию, также поставленному под контроль императорской власти. Оставалось единственное место, которое в какой-то мере заменило ростры, — школьная кафедра. В эпоху Юлиев-Клавдиев ее занимал **Сенека Старший** (55 г. до н.э. — 24 г. н.э.), отец философа, а после его смерти — **Квинтилиан** (ок. 35—100). Оба были выходцами из Испании, сама почва которой после усмирения свободолюбивых иберов словно бы таила в себе гены свободолюбия.

Сенека Старший создал учебные пособия для начинающих ораторов, содержащие множество судебных случаев (казусов и тем для ведения преимущественно уголовных дел: насилие, вымогательство, похищение пиратами, наследство, но также и политических преступлений: захват власти тираном). Книги Сенеки отражали идеологию и психологию римского общества времени Нерона, время Флавиев встает из наследия Квинтилиана.

Квинтилиан был официальным руководителем оплачиваемой казной школы ораторского искусства в Риме и автором ряда сочинений, выросших из лекций. Сохранилось лишь одно из них — «**О воспитании оратора**». Это своего рода энциклопедия ораторско-

го искусства. Будучи страстным поклонником Цицерона, Квинтилиан поставил целью не просто дать советы и наставления практического характера, но перенести подготовку оратора на почву философии. Ораторское искусство в толковании Квинтилиана — гуманитарная дисциплина, опирающаяся на знание законов природы, управляющей нравами людей, правом, жизнью в широком смысле этого слова. Читавшийся Квинтилианом курс ораторского искусства включал изучение поэзии и прозы, музыки, лингвистические упражнения и готовил всесторонне образованного человека и патриота. Но за школьным порогом во времена Квинтилиана выпускника ожидала ситуация, фактически исключавшая возможность применения полученных знаний. Вздумай он это сделать, его ожидала бы судьба Кремуция Корда. Да и сам Квинтилиан, несмотря на весь свой авторитет, всецело зависел от воли императора. Подчиняясь приказу Домициана, он вынужден был покинуть свое детище и стать воспитателем внучатых племянников чудовища. Но, как сказано недавно, «рукописи не горят». И добрые, честные слова, произнесенные с кафедры, не улетучиваются, прорастая в душах учеников. Из школы Квинтилиана вышел Плиний Младший и, может быть, Тацит. Первым сочинением Тацита был «Диалог об ораторах», видимо, основанный на несохранившемся одноименном произведении Квинтилиана. В эпоху, когда стало возможно говорить не эзоповским языком, Тацит писал: «Неизменная тишина в сенате и беспрекословное повиновение принцепсу умиротворили и самое красноречие».

Источники. Систематическое изложение политической истории Рима времени Флавиев содержал труд их современника Тацита «История», написанный в годы правления Нервы и Траяна. От него применительно к времени Флавиев дошла часть, относящаяся к началу правления Веспасиана. События времени Флавиев нашли также отражение в монографиях этого же автора «Жизнеописание Юлия Агриколы», «О происхождении Германии» и трактате «Диалог об ораторах». Первое из них — биография тестя историка, охватывающая годы его наместничества в Британии (68—74 гг.), вторая монография, наиболее ценное из сохранившихся описаний Германии, преследует не столько научные, сколько политические и литературные задачи. Трактат «Диалог об ораторах» рассматривает вопрос об упадке в Риме ораторского искусства, связывая его с политическими условиями империи.

Первостепенное значение имеют написанные Светонием биографии трех Флавиев, в которых наряду с разного рода слухами использованы также и материалы императорского архива.

Важным источником, характеризующим социальную и культурную жизнь римского общества эпохи Флавиев, является переписка Плиния с друзья-

ми. В отличие от писем Цицерона, написанным по реальным поводам, письма Плиния — литературный жанр, но их персонажи реальны, как реальны и описываемые обстановка, быт и нравы. Принадлежащий Плинию Младшему панегирик Траяну воскрешает атмосферу террора времени Домициана.

Велико также значение эпиграфического материала. Наряду с уже упоминавшейся надписью, касающейся полномочий Веспасиана, в распоряжении науки имеется множество других текстов, характеризующих различные стороны жизни городов Италии и провинций, а также обрисовывающих военную активность Рима в ближних и дальних провинциях (одна из надписей свидетельствует о постройке римлянами крепости Мцхеты в кавказской Иберии).

Глава 40

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» АНТОНИНОВ (96—192 гг.)

Свержение Домициана ознаменовало наступление нового этапа в истории римской империи. Во многом следуя по пути, обозначенному Домицианом и Титом, новые императоры, Антонины, рядом мер дистанцировались от политики террора. Одновременно были урегулированы отношения с армией и с целью поддержания беднейших слоев населения создана система благотворительности. Усиливается вмешательство императорской власти в жизнь провинций. Мира империя не знала, особенно при последних Антонинах. В ее пределы вторгаются варвары, постоянно вспыхивают восстания в восточных провинциях. Все это препятствовало начавшимся было завоеваниям. Империя откатывается к своим укрепленным границам.

Древние историки делили носителей императорской власти на «хороших» и «плохих», понимая при этом, что правление первых далеко не всегда было благоприятным для империи. Поэтому возникла и другая градация — «счастливые» и «несчастливые». Два последних императора династии, Марк Аврелий и Коммод, по первой градации были антиподами: отец — один из лучших, сын — может быть, самый худший. Но независимо от этого положение империи на протяжении многих лет оставалось ужасным, ибо преодолеть кризисные явления было не дано ни мудрецу, ни полудиоту. Казалось, враждебные Риму боги решили компенсировать десятилетия относительного спокойствия, а кое в чем и процветания, страшными бедствиями. Конечно, гигантского организма империи содрогались в конвульсиях, а ее сердце, лишенное свежего притока крови, испытывало перебои. На теле возникали черные чумные пятна. Но это было еще преддверие кризиса.

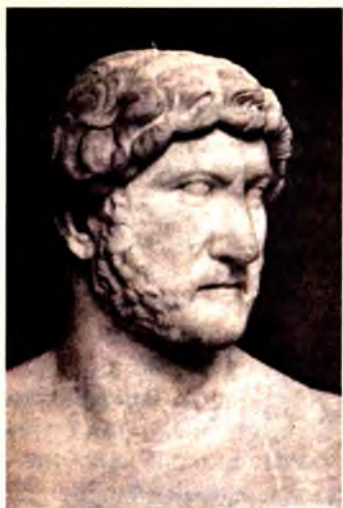
Нерва. Траян. Адриан. Антонин Пий. Впервые за всю историю империи освободившийся трон занял политический деятель, избранный сенаторами из собственной среды, — Марк Кокцей Нерва (96—98 гг.). Однако попытка Нервы придать забвению память

Домициана вызвала возмущение преторианцев. Нерве пришлось и выдать им убийц последнего из Флавиев. Император срочно усыновил командующего римскими легионами.

Марк Ульпий Траян (98—117) родился в римской колонии Италика (Испания) в военной семье и под командованием отца участвовал в Иудейской войне и в столкновениях с парфянами, а затем был наместником Сирии. Современники характеризуют его как человека, обладавшего большой физической силой и выносливостью, неприхотливого в пище, скромного и обходительного. После смерти приемного отца, он не торопился в Рим и более года был занят укреплением границ. Ярчайшим проявлением нового политического курса была акция Траяна по избавлению Рима от процветавших, особенно в годы правления Домициана, доносчиков. Очевидец расправы над ними пишет: «Ничего не было нам столь приятно, как то, что мы могли смотреть сверху вниз на заломленные назад лица доносчиков и их скрученные веревкой шеи. Мы узнавали их и наслаждались, когда их вели, точно умиловительные жертвы за пережитые гражданами тревоги, за кровь казненных, за медленную казнь и тягчайшие муки». Доносчики были доставлены в Остию и посажены на непригодные для длительного плавания и лишённые команды суда и отданы на волю ветра и волн. Тем, кому удалось бы спастись, возвращение в Рим было запрещено.

Почти все царствование Траяна прошло в войнах. В промежутках между ними он праздновал свои победы и занимался административной деятельностью. Умер он на пути в Рим в августе 117 г.

Преемником Траяна стал его дальний родственник и земляк **Публий Элий Адриан** (117—138). Провозглашённый императором сирийскими легионами, он начал свое правление заключением мира с Парфией и возвращением ей Северной и Южной Месопотамии. К обязанностям императора Адриан относился с такой серьёзностью и ответственностью, как ни один из его предшественников. Полагая, что глава государства должен сосредоточивать в своих руках все нити управления и знать, что делается едва ли не в каждом городе и воинском лагере, он большую часть своего правления провел в переездах из провинции в провинцию, из города в город. Исключительная память позволяла ему не только цитировать целыми главами недавно прочитанные свитки, но помнить имя каждого отпущенного им в отставку ветерана во всех тридцати римских легионах и все доходы и расходы римского фиска, так что его не без основания сравнивали с домохозяином, который держит в памяти все домашние траты. Поэтому его появление в провинции для прокураторов и наместников было подлинным бедствием, ибо его невозможно было обмануть.

Адриан

При этом в отличие от честного и открытого Траяна Адриан был человеком с двойным дном. Восхваляя и поддерживая в годы близости с Траяном его карательные меры применительно к доносчикам, придя к власти, он восстановил секретную службу и даже установил наблюдение за людьми из ближайшего окружения, которых удостоил высшими почестями. Заподозренных он то тайно убивал, то доводил до разорения «дружескими» советами.

К тому же он страдал болезненным честолюбием. Удовлетворяя свою страсть к строительству, он дал свое имя многим городам, и в империи появилось множество населенных пунк-

тов, носящих его имя (Адрианополи, а на месте его удачной охоты на медведицу — Адрионатера). Свое имя он присвоил даже Карфагену и новому, отстроенному им району Афин. Заметив, что над его переименованиями смеются, Адриан не стал давать своего имени сооружениям, которые строил, но это объяснялось не благородством, а расчетом. Ведь только слепой не мог отличить новой громады от полуразвалившихся построек эпохи Августа и его преемников.

Прославленная щедрость Адриана была показной. Так, увидев в общественных термах, где он предпочитал мыться, старика, трущегося покрытым рубцами тело о стены, он подозвал его к себе и, назвав по имени, сообщил, что дарит ему рабов. Приближая к себе и обогащая множество талантливых людей, он, скорее всего, рассчитывал затмить славу Мецената, но среди тех, кого он облагодетельствовал, не нашлось ни одного искреннего друга, в чем-либо подобного Горацию. Желание прославиться заставляло Адриана занимать одновременно муниципальные должности в десятках разных городов и всюду что-либо строить и давать игры. Книги, написанные им самим о себе, он передавал образованным вольноотпущенникам для обнародования под их именами.

Во внешнем облике Адриана также все было продуманным. Он никогда, даже во время сильных дождей и холодов, не покрывал головы, что выделяло его на фоне сопровождавшей свиты (за это ему пришлось заплатить тяжелым заболеванием). Посещавших его во время болезни и оказывавших ему знаки внимания сенаторов

он, судя об их намерениях по собственным, подозревал в желании стать его наследниками и многих тайно отравил.

Выбор Адрианом в качестве наследника престола пятидесятидвухлетнего **Антонина** объяснялся тем, что тот ничем не выделялся из массы сенаторов. Это был выходец из Галлии, где он имел крупные поместья, человек спокойный и покладистый. У Антонина было двое сыновей, но, опасаясь, что это сделает его родоначальником новой династии, Адриан приказал ему усыновить Анния Вера и Марка Аврелия, будущих императоров. При этом выбор был связан с тем, что у Вера было слабое здоровье, а у Марка Аврелия отсутствовал интерес к государственной деятельности.

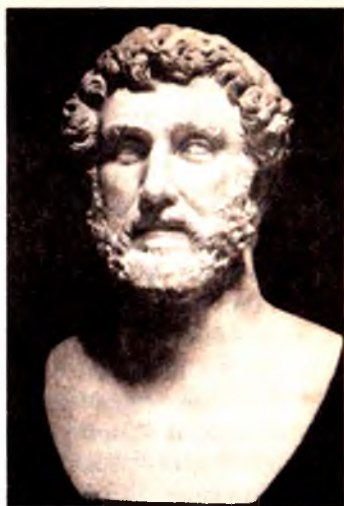
По описаниям историков, это был человек разносторонне образованный и талантливый, но при этом психически неуравновешенный, с резкими переходами от скупости к щедрости, от откровенности к лицемерию, от добродушия к жестокости. Нервозность, видимо, была причиной его необычайной страсти к перемене мест.

Конец жизни император провел в Италии, на роскошной вилле близ Тибура, порой впадая в болезненную меланхолию. После гибели своего любимца, юноши необычайной красоты Антиноя (он утонул в Ниле) депрессия прерывалась приступами ярости. Во время одного из них он казнил своего лучшего друга архитектора Аполлодора, которому Рим обязан величайшими постройками. Казнено было двое видных сенаторов. Незадолго до этого ушла из жизни его супруга Вибия Сабина, внучатая племянница Траяна. С ней Адриан давно уже не жил, но ведь именно ей он был обязан властью.

Летом 138 г. император скончался в Байях на шестьдесят третьем году бурной жизни от мучительной болезни — водобоязни.

После смерти Адриана престол в Риме занял **Антонин** (138—161). Раздача денег из наследства Адриана и собственной казны войнам и римской черни обеспечила в городе спокойствие, а отказ от обычного налога на жителей Италии и провинций — ликование всей империи.

В отличие от своего предшественника Антонин был противником перемен и новшеств. Наместников, добившихся в своих про-

Антонин Пий

винциях спокойствия, он удерживал у власти до девяти лет. Были сокращены расходы на строительство и предназначенные на него средства направлялись исключительно на восстановление сооружений, разрушенных стихийными бедствиями как в Риме, так и в провинциях. Впрочем, на зрелища Антонин не скупился. Со всего круга земель поставлялись для показа и травли диковинные звери, и притом в огромном количестве. Однажды он выпустил на арену одновременно сто львов.

Спокойствие в империи было таким, что, казалось, никого не напугало ни появление кометы, ни известие о рождении одной женщиной сразу пятерых детей. Но все же то здесь, то там лимес взламывали варвары. С ними удалось справиться направленным к месту вторжения императорским легатам. Сам император был домоседом, и Италию покинул лишь раз, чтобы навестить свои галльские поместья.

Вскоре после прихода к власти Антонин получил от сената почетный титул **Пий** (Благочестивый). Разумеется, этим сенаторы хотели лишний раз подчеркнуть свое отношение к Адриану как к нечестивцу. Антонин подтвердил свое благочестие, перенесся в Рим прах приемного отца и добившись вопреки сенату его обожествления. И несмотря на то, что, завистливые, если верить греческим классикам, по самой своей природе боги обрушили на Рим, Антиохию, Карфаген пожары, а на другие города обвалы цирков и землетрясения, многим казалось, что этим они дали возможность императору проявить свою распорядительность и щедрость. И тогда же было решено переименовать в честь Антонина и его жены Фаустины сентябрь и октябрь в антонин и фаустин. Но от этой почести император, не страдавший честолюбием, решительно отказался.

Посмертно Антонин был сделан фламином Юпитера, учредителем новых цирковых игр и жреческой коллегии, которая должна была поддерживать культ нового бога Антонина, прославившегося тем, что во время земной жизни он не пролил ни капли крови граждан, ни даже крови врагов, если они не вторгались в римские пределы.

Антонин, столь приверженный к староримской религии, был первым императором-гуманистом. Никто не зашел далее его в смягчении участи рабов и признании за ними человеческого достоинства. Господам было запрещено убивать собственных рабов. Недаром его младший современник Павсаний назвал Антонина «отцом человечества».

Марк Аврелий и Коммод. Антонина сменил **Марк Анней Аврелий** (161—180), усыновленный им еще при жизни Адриана. Впер-

вые императорский дворец, откуда не раз исходили указы об изгнании из Рима философов, был занят философом. И у него тотчас появился повод для размышлений в стоическом духе о непостоянстве человеческих судеб. Варварские нашествия, войны на Востоке, охватившая империю чума, истребившая почти треть населения. Марк Аврелий ненавидел войну, но почти все свое правление провел в походах и сражениях.

После смерти в 167 г. Луция Вера он руководил военными действиями на границах, показав, что философия может сочетаться с военным талантом. В самом разгаре успехов Марк Аврелий скончался в Виндобоне (Вене) от очередной вспышки чумы.

Памятником философских занятий Марка Аврелия стала его книга *«К самому себе»*, произведение удивительное по искренности чувства и блистательной литературной форме. Философия была его единственной страстью, и можно было думать, что он хотел бы остаться запечатленным в облике мыслителя. Но он оказался единственным из римских императоров, изображенным в качестве всадника. Впрочем, скульптор отказался от героизации императора-победителя, и в столь необычном положении Марк Аврелий легко узнаваем как философ. Остался и еще один памятник его деятельности по защите империи — колонна. На опоясывающем эту колонну мраморном рельефе император — философ на коне (узкогрудый, с тонким лицом, обрамленным бородой, с выпуклыми, словно бы удивленными жизнью глазами) среди своих воинов или в окружении побежденных и молящих о милости варваров.

Личная жизнь Марка Аврелия была несчастливой, хотя жену его звали Фаустина («Счастливая»). Ни для кого в Риме не были секретом ее похождения в римских тавернах. Знал об этом и Марк Аврелий, но развода распутнице не давал, объясняя друзьям, что при разводе пришлось бы возвращать приданое. Имелась в виду императорская власть: Фаустина была дочерью Антонина Пия. После кончины Фаустины в 175 г. император произнес в честь императрицы, сопровождавшей его в походах и потому названной им «матерью лагерей», похвальную речь, хотя она была лагерной девкой.

Сын Марка Аврелия был единственным из династии Антонинов, кому власть досталась не по усыновлению, а по кровному родству, но родство это, судя по телячьим мозгам и внешнему виду (бычья шея, маленькие, плававшие злобой глазки) было сомнительным (это был истинный сын Фаустины, скорее всего, от одного из ее любимцев, солдата или гладиатора).

С детских лет всеми помыслами **Коммода** (180—192) целиком владела арена Колизея, а единственным его увлечением были гладиаторы. Вообразив себя Геркулесом, император появлялся в ам-

фитеатрах с львиной шкурой на плечах и с палицей. Под приветственный рев толпы он крушил головы людям и расстреливал с галереи из лука зверей. Культу ума, которому отдал жизнь Марк Аврелий, была противопоставлена грубая сила, пропагандируемая с помощью указов и монет с соответствующими изображениями.

Императорский дворец с собранными Марком Аврелием и его предшественниками книгами и памятниками искусства превратился в гладиаторскую казарму. Разогнав и перебив многих из тех, кто служил отцу верой и правдой, Коммод окружил себя подонками из числа вольноотпущенников. Многим сенаторам он разослал распоряжение кончить жизнь самоубийством. Императрицу, изгнанную и вскоре казненную, сменила наложница. Но она стала соучастницей заговора, и в новогоднюю ночь 193 г. во время факельного шествия гладиаторов последний представитель династии Антонинов был заколот одним из приближенных к нему рабов.

Внутренняя политика. Внутренняя политика первых Антонинов (кроме, естественно, Коммода) характеризуется общими чертами. Это прежде всего урегулирование отношений с сенатом. Обновленный во времена правления Флавиев, он продолжал пополняться новыми сенаторами, преимущественно выходцами из восточных провинций и Африки. Сенат привлекается к обсуждению текущих дел, при утверждении законов, ратификации договоров. Однако влияние сената на государственную жизнь ослабевало, поскольку усиливалась бюрократия.

Конституционные иллюзии, которым предавались при Нерве и в начале правления Траяна, во времена Адриана были окончательно похоронены. Предоставляя сенату рассмотрение тех или иных дел, Адриан пользовался своим влиянием для принятия выгодных ему решений. Так, уже в самом начале правления он физически устранил наиболее близких Траяну людей. Уже при Траяне, как свидетельствует его переписка с наместником провинции Вифинии Плинием Младшим, забота о нуждах провинции и их безопасности перерастает в мелочную стеснительную опеку, лишавшую наместника какой-либо инициативы. Но если Траян контролировал управление провинциями с помощью переписки, то Адриан постоянно их посещал, лично вникая в детали администрации и контролируя состояние финансов. При этом ему удалось выявить массовую практику злоупотреблений муниципальных властей, обогащавшихся за счет строительных работ и разного рода поборов. Панацеей против этого зла была передача управления всадникам. И это подняло престиж государственной деятельности. Само всадническое сословие реформируется: главным условием для вхождения в него

становится не столько имущественный ценз, сколько административный опыт и юридическое образование. При этом устраняется и былой источник обогащения всадников — откуп налогов. Он передается в руки местных сборщиков. При Адриане всадники участвовали вместе с сенаторами в рассмотрении судебных дел — император выносил вердикт на основе их общего решения.

В длительные периоды пребывания Адриана вне Рима руководство сенатом и деятельностью центральных учреждений было передано префекту претория Турбону, видимо, пользовавшемуся неограниченным доверием императора. Такая не имевшая прецедентов по длительности и объему полномочий власть позволила юристу Помпонию сравнивать префекта претория с начальником конницы царской и республиканской эпох, занимавшим второе место при царе и диктаторе. Со времени Адриана роль префектов претория возрастает, и они становятся опасными конкурентами императоров.

При Траяне городское самоуправление в Италии и провинции было подчинено надзору временных кураторов, в чью задачу входил контроль за городскими финансами. Сохраняя их, Адриан добавил к ним четырех консуляров по судебным делам, каждый из которых ведал определенным округом. Из их ведения исключался Рим с его ближайшими окрестностями. Таким образом, Италия теряет свое привилегированное положение и ставится под непосредственный контроль центральной власти.

Судя по панегирикам времени первых Антонинов и некритическому использованию их более поздними римскими авторами, империя во II в. переживала «золотой век». Однако этому противоречит как социальная политика Нервы и его преемников, так и погружение империи при Марке Аврелии и Коммодe в хаос. Помимо обычных раздач столичному населению, первые Антонины предприняли чрезвычайные меры по оказанию помощи беднейшему населению Италии. Из средств императорской казны был создан специальный фонд, для кредитования мелких землевладельцев на льготных условиях (5% годовых). Проценты возвращались не в имперскую казну, а передавались в кассы муниципиев. Из образовавшихся там дочерних фондов выдавались пособия (*alimenta*) неимущим семьям, для содержания сирот, сначала только мальчиков, а затем и девочек. При Траяне алиментарная система развивается и совершенствуется. Местные фонды расширяются за счет частной благотворительности. Сироты и дети из малоимущих семей получали ежемесячные пособия: мальчики — 16, девочки — 12 сестерциев. В столице, помимо этого, пять тысяч детей получали бесплатный хлеб. Беднякам, кроме хлеба и масла, стало выдаваться также и вино.

При Адриане был создан постоянный государственный совет, что стало ударом по сенату. В его состав, наряду с друзьями императора и его приближенными были введены юристы Ювенций Цельс, Нераций Приск, Сальвий Юлиан. Последний, достигший высших ступеней сенаторской карьеры, составил по поручению Адриана «Вечный эдикт» (*edictum perpetuum*), в котором на основании предшествующих эдиктов преторов сформулировал правовые обязанности всех будущих преторов. Этот документ, утвержденный императором, отнимал у преторов правовую инициативу. Под видом унификации права ликвидировалось административное, судебное и законодательное значение сената и магистратур. Консолидация императорской власти была достигнута с помощью не грубого насилия, а манипуляций римским правом. Видимо, негативное отношение сената к Адриану объяснялось не столько казнями отдельных сенаторов в 118 и 136 гг., сколько пониманием того, что император, оказывая внешнее уважение к сенату, добился его полного подчинения своей власти.

Памятуя о роли, сыгранной армией перед приходом к власти Веспасиана, Антонины (кроме Коммода) держали войска под усиленным контролем. Траян совершенствовал римское войско в ходе возглавлявшихся им военных операций. Антонин действовал так, словно война неизбежна. Посещая отдаленные римские гарнизоны, он брал на себя обязанности среднего и даже младшего командного звена. Вместе с солдатами он участвовал в упражнениях и проходил в полном вооружении по двадцать миль. Будучи поклонником греческого образа жизни, он тем не менее распорядился о разрушении в лагерях портиков, садов, украшенных произведениями искусства и помещений для пиров, носил вооружение воина и питался на глазах у солдат обычной лагерной пищей — салом, творогом и поской, напитком из воды, уксуса и яиц. При нем было покончено с поборами, обогащавшими центурионов и войсковых трибунов и облегчавшими рядовому составу суровую службу, также стала анахронизмом практика назначения на воинские должности по протекции. Центурионом мог стать лишь опытный воин, а войсковым трибуном — человек в возрасте, у которого успела вырасти настоящая борода. И самого императора по одежде и вооружению легко можно было принять за римлянина старого склада, если бы не отдававшиеся им и вызывавшие смех распоряжения: по-латыни он говорил неправильно и с греческим акцентом.

При первых Антонинах резко снизилась роль вольноотпущенников и всякого рода иных императорских советчиков, от засилья которых страдал сенат и при Юлиях-Клавдиях, и особенно при последнем Флавии. «Сильный вольноотпущенник — признак слабого императора», — провозглашал Плиний Младший в своем панеги-

рике Траяну, подчеркивая, что император избавил Рим от этого зла. Вольноотпущенники, стоявшие со времени Клавдия во главе императорских канцелярий, при Адриане были заменены всадниками.

Однако уже при Марке Аврелии положение меняется. У Марка Аврелия вследствие пришедшейся на его правление тринадцатилетней войны не было времени для занятий внутригосударственными делами, у Коммода — желания. При них без конца сменялись императорские «советники», выходцы из солдатских кругов и дворцовой прислуги. Вся энергия этих дорвавшихся до власти людей была направлена на личное обогащение и интриги, а также снискание авторитета у городских низов и солдатской массы с помощью демагогических мер.

Первым из временщиков был Нигидий Перенний, заменивший префекта претория, казненного по его же навету Коммодом в 182 г. По оценке историка-сенатора Диона Кассия, Перенний не преследовал личных интересов и, отличаясь бескорыстием, укрепил авторитет Рима и молодого императора.

Недовольство Переннием охватило воинов Британии. Собрав депутацию из полутора тысяч лучников, они направили ее пешим ходом в Рим. И однажды утром Коммод увидел у стен дворца запыленных оборванных воинов. Выйдя к ним, он спросил: «Чего вы хотите, сотоварищи?». «Головы Перенния! — отвечали солдаты. — Он злоумышляет против тебя». Коммод не заинтересовался, каким образом в далекой Британии стало известно о заговоре префекта претория, а выдал его вместе с семьей солдатам.

Сменивший Перенния после солдатского бунта интриган Клеандр был из рабов-носильщиков. Добившись внимания императора, он стал спальником в императорских покоях, а затем на протяжении четырех лет занимал должность префекта претория, используя ее для личного обогащения. Он бойко торговал сенатскими и военными должностями, освобождением от уголовной ответственности и всем прочим, что входило в его компетенцию. Частью добычи он делился с императором и его любовницами, часть использовал на строительные работы в Риме и за его пределами, львиную же долю тратил на себя. Сенаторы и члены их семей, а также муниципальные советы были обложены денежными поборами в фиксированной сумме и ежегодными подарками.

Ухудшение экономического положения и дороговизна продовольствия вызвала недовольство городского плебса. Ворвавшись во дворец, чернь потребовала головы временщика, и Коммод пожертвовал своим любимцем, как до этого Переннием. Толпа покинула дворец с окровавленным трофеем и с ликованием обошла с головой Клеандра город.

Никому из тех, кто сменил Клеандра, не удавалось так долго находиться у власти. Один из префектов претория правил пять дней, другой — лишь шесть часов.

Религиозная политика. Подчеркнутая приверженность Антонинов староримской и греческой религиям не имела в своей основе какого-либо религиозного чувства. Принося жертвы римским и олимпийским богам, они, однако, не были атеистами. Адриан был заражен восточными суевериями и руководствовался указаниями астрологов и знатоков восточных религий, сам занимаясь гаданиями и веря знамениям. Он приказал переместить колосс подальше от Колизея и, заменив голову Нерона головой Гелиоса, учредил солнечный культ. Другой такой же памятник, но в честь лунного божества, было поручено воздвигнуть великому мастеру Аполлодору. Но римляне его не увидели, поскольку Аполлодор был казнен из зависти императора к таланту соперника, хотя и друга.

Чрезмерное усердие по отношению к староримским богам сочеталось у Адриана с пренебрежением к культам других народов. Мощнейшее из восстаний иудеев, разгоревшееся в годы его правления, фактически было спровоцировано распоряжением возвести храм Юпитера на месте разрушенного иерусалимского храма, главной святыни верующих иудеев.

Линии на укрепление римской религии следовал и Антонин Пий. Благочестие Антонина, возможно, не было показным. Он отмечал все религиозные праздники и воздвигал памятники. Но вместе с тем его религиозная политика отличалась терпимостью по отношению к чуждым Риму религиям: он разрешил иудеям исполнение их религиозных обрядов и, прекратив преследования христиан, не препятствовал публичным выступлениям христианского апологета Юстина. И это было замечено позднейшей христианской традицией, которая даже создала фальшивку, приписав Антонину указ, обращенный к христианам Азии. Современные Антонину христиане делают первый шаг в сторону империи, стараясь представить себя законопослушными подданными и откреститься от мятежников иудеев. Именно в это время появляется фальшивка «акты Пилата», в которой один из самых страшных римских наместников, осужденный за неистовость даже Тиберием, представлен невинным агнцем.

От греко-римской религии не отошел и Марк Аврелий, несмотря на философские убеждения. Все его дела сопровождалось жертвоприношениями. Сразу же после разрушения храма в Элевсине император отовсюду собрал жрецов для молебствия и совершения

магических обрядов как староримским, так и иноземным богам. При этом были устроены семидневные лектистернии — обряд вынесения богов из храма и их кормления. Были организованы работы по восстановлению святынь. К давним постройкам были добавлены два новых дворца с двумя храмами. В ходе раскопок в одном из них были выявлены следы императорского культа. Тогда же была возведена стена с воротами, арку которых и поныне украшает голова Марка Аврелия.

В 176 г. Марк Аврелий был посвящен в элевсинские таинства и даже удостоен жреческого сана литобола (метателя камней) с правом доступа в анаптерион, святая святых храма.

Вполне терпимо относился Марк Аврелий к вере иудеев, но на христиан веротерпимость императора не распространялась. Хотя он и не был инициатором их преследований, гонения христиан при нем по инициативе провинциальной администрации оказались не менее жестокими, чем даже при Нероне.

Внешняя политика. Начало эпохи Антонинов характеризуется необычайно активной внешней политикой, настолько активной, что в памяти далеких поколений Траян сохранился не как правитель, возвративший в город на семи холмах законность, а как великий воитель. Автор «Слова о полку Игореве» вспоминает о «веках Трояна», о «земле Трояна», о его «тропе». Так Траян превратился в «Трояна» и неистового духа войны.

Исторически Траян и впрямь проложил дорогу туда, где почти девять столетий спустя насмерть бились полки князя Святослава, в Задунавье. Здесь соседями Рима были возглавляемые **Децембалом** мирные свободолюбивые племена даков, которые незадолго до прихода к власти Траяна отбросили легионы Домициана, вторгшиеся в их земли. Дакийский союз племен не представлял для римлян угрозы. Но надо же было на ком-то испытать оружие, ржавевшее в бездействии на этой границе уже почти десятилетие. Децембал пытался найти союзников. Парфянский царь, к которому он обратился за помощью, медлил. В ходе двух напряженных военных кампаний 101—102 и 104—106 гг. ожесточенное сопротивление даков было сломлено. Когда пала дакийская столица Сармизегетуза, на центральной площади ее защитники выставили корчагу с ядом, чтобы им могли воспользоваться все, кто не хотел оказаться в руках победителей. Дакия стала римской провинцией, а восточным рубежом империи сделался вместо Данувия Траянов вал, насыпанный за рекою Прут (территория современной Молдавии).

Дакийские кампании были репетицией к задуманному Траян-ном грандиозному военному действию, призванному превратить Римскую империю в мировую державу в полном смысле этого слова. Осенью 113 г. две римские армии начали из Каппадокии и

*Легионеры времен Траяна
(с рельефа на колонне)*

Сирии наступление на Армению, принадлежавшую тогда парфянам. С помощью римских союзников, кавказских иберов и албанцев, нанесших удар с севера, Армения была быстро захвачена. Прибывший к театру военных действий император провозгласил ее римской провинцией и немедленно повел легионы на юг, в Месопотамию.

Ошеломленные мощным ударом парфяне бежали. 23 февраля 116 г. Траян получил от сената почетный титул «Парфянский Величайший». Весной того же года была захвачена Вавилония. Пала парфянская столица Ктесифон. Римляне вышли к заливу Индийского океана и омыли в его водах пропылившиеся калиги. Открывалась дорога на Индию, протоптанная воинством Александра Македонского. Но в это время пришла весть о грандиозном восстании, поднятом в Египте, Киренаике и на Кипре евреями. Вскоре огнем был охвачен весь Передний Восток. Индия осталась мечтой, на которой впоследствии сломали себе головы многие кандидаты в Александры. В Рим Траян не вернулся. Вскоре после вести о восстании его хватил удар. В Киликии, близ Исса, он скончался и «стал богом».

Завоевания Траяна имели своей целью не только поднятие престижа императора и демонстрацию мощи империи, но и увеличение ее доходов за счет военной добычи. Но здравомыслящему Адриану стало ясно, что удержание всех присоединенных территорий

*Воины вспомогательных соединений
армии Траяна (с рельефа на колонне)*

возможно лишь ценой чрезвычайного напряжения сил и средств государства. Это подвигло его на ответственное решение. Находясь еще в Антиохии, он заключил мир с парфянами, вернув им Ассирию и Месопотамию, и снова превратил Армению в зависимое от Рима царство. На северных и восточных границах империи Адриан отказался от крупных наступательных операций и принял чрезвычайные меры для укрепления римского лимеса.

При Антонине империя пользовалась плодами мира и продолжала укреплять свои рубежи. В Британии удалось обезопасить римские владения: к северу от вала Адриана появился вал Антонина. В Африке, отбивая набеги мавров, легионы далеко проникли в горы Атласа.

Престиж империи при Антонине был необычайно велик, о чем свидетельствуют направленные к нему посольства из Индии и Гиркании. Китайские источники сообщают о появлении при дворе императора послов от Ан-Туна.

При Марке Аврелии затишье сменилось бурей. Словно варвары повсеместно сорвались с цепей и обрушились на римские провинции. Биограф Марка Аврелия говорит о «заговоре всех племен от Иллирии до Галлии». Разумеется, племена действовали

Вал Адриана на Северной границе империи

независимо друг от друга, но это не меняло положения, ибо сил для одновременного противодействия вторжениям не было. Волны завоевателей в 161—165 гг. катились лавиной, уничтожая римские укрепления, захватывая города, угоняя в плен тысячи людей и даже просачиваясь в Италию.

На пятый год правления Марка Аврелия в столицу пришла весть, что провинцию Нижнюю Мезию затопило, подобно дождевому потоку с гор, племя, чье имя костобоки ни о чем не говорило. Оттуда варвары распространились во Фракию и, пройдя через Фермопилы, оказались в Аттике. Обойдя укрепленные Афины, костобоки ринулись к Мегаре, опустошив по дороге Элевсин со знаменитым храмом Деметры и Персефоны, не пострадавшим даже во время персидского нашествия. Предсказатели увидели в этом знамение скорого конца мира.

Энергия, с которой действовал Марк Аврелий на полях сражений, дала плоды. К середине 70-х гг. маркоманны, квады и языги вынуждены были отступить. Часть пленников удалось освободить. Но разгоревшаяся эпидемия чумы по своей опустошительной силе не уступала вторжениям. Пришлось заселить пограничные полосы варварами на правах военных колонистов, которые должны были обрабатывать земли и защищать лимес.

На восточных границах встрепенулись и старые враги Рима парфяне. В 162 г. парфянский царь Вологез III захватил Армению и утвердил там своего ставленника. Одновременно парфянская конница вторглась в Сирию. Цветущие провинциальные города подверглись опустошению. Немедленно последовали экстренные меры. На Восток были брошены легионы под командованием лучших полководцев и общим руководством Луция Вера, соправителя Марка

Аврелия и его зятя. Армения была вновь возвращена, захвачена и разграблена ее столица Артаксата. Глубоко проникнув в Месопотамию, римляне взяли обе парфянские столицы, Селевкию и Ктесифон. Римские орлы заколыхались над поверженными парфянскими столицами. Впрочем, при заключении мира пришлось вернуть парфянам почти все захваченные у них земли. Тогда же было решено защитить восточные провинции непрерывным лимесом, наподобие дунайского и рейнского. Остатки его обнаружены в ходе раскопок в Дура-Европосе.

После возвращения в Рим был отпразднован триумф, и оба императора были награждены титулами Армянский и Парфянский. Однако вместе с богатейшими трофеями, доставшимися победителям, в римскую империю прокралась чума. Черная смерть показала свой грозный оскал, захватывая Италию и западные провинции (источники сохранились сведения о гибели трети населения империи).

И тотчас у чумы появились новые, казалось бы списанные со счета союзники. С юга в Испанию и Галлию переправились из знойной Африки мавры, с востока, из германских лесов и болот — маркоманны и квады, из бескрайних причерноморских степей — сарматы.

После смерти Луция Вера, в 167 г. Марк Аврелий, возглавивший легионы, перешел в наступление, и варвары, дрогнув, стали откатываться за лимес. Некоторым из них было разрешено селиться в приграничных землях под условием их охраны от новых вторжений. В разгаре этого успеха Марк Аврелий скончался в Виндобоне (Вене) от очередной вспышки чумы.

При Коммоде войны продолжали потрясать империю. Войну с квадами и маркоманнами молодой император закончил без территориальных потерь — вождям варваров были обещаны ежегодные военные выдачи.

В 182 г. наступление на африканский лимес начали оправившиеся после нанесенных Антонином поражений мавры. В 183—184 гг. римлянам пришлось воевать в Британии и в Дакии. Прорвав вал Антонина, британские племена продвинулись в глубь римских владений и уничтожили крупное воинское подразделение римлян. В Дакии, несмотря на некоторые военные успехи, пришлось купить мир ценою весомых денежных подачек. Армия при Коммоде теряет боеспособность.

Восстания. Наряду с внешней опасностью существовала и внутренняя. На время Антонинов приходится одно из самых мощных восстаний в Иудее, получившее название *Второй Иудейской войны*.

Римляне считали Первую Иудейскую войну законченной в 70 г. и отметили победу сооружением в столице триумфальной арки и выпуском монеты с легендой «Покоренная Иудея». Можно было считать, что с независимостью Иудеи, имевшей более чем тысячелетнюю историю, покончено. Но еще пять лет после этого повстанцы, окруженные римлянами, сражались в Иудейской пустыне на холме Масада, а затем, в 115—117 гг. бились с ними в Египте. В 116 г. восстанием иудеев был охвачен Кипр. Вторая Иудейская война (132—135 гг.) была спровоцирована декретом Адриана о создании в Иерусалиме колонии его имени (*Elia Capitolina*) с грандиозным храмом Юпитера на руинах храма Яхве.

У Второй Иудейской войны не было своего Иосифа Флавия, и ее ход может быть восстановлен по поздним литературным источникам лишь в общих чертах. Очагом восстания стала крепость Бетфера поблизости от Иерусалима, а вождем, согласно христианским авторам Евсевию и Юстину, **Бар-Кохба**, что в переводе означает «Сын Звезды». На этом основании делался вывод, что руководитель восстания был объявлен мессией. Война продолжалась три года. Военными действиями на последнем этапе руководил сам император. Сохранилась его направленная в сенат реляция, подражавшая известному афоризму Цезаря «Пришел, увидел, победил»: «Если вам и вашим детям хорошо, то я с легионами благоденствую». Историк, сохранивший это сведение, добавляет, что римляне понесли большие потери. Что касается иудеев, то только в боях погибло 580 000 душ. Были разрушены пятьдесят городов и многие сотни сельских поселений. Уцелевшим было запрещено жить на своей родине, которая отныне стала называться Палестиной.

Неизвестные древним авторам данные о Второй Иудейской войне сохранили выпущенные повстанцами монеты и обнаруженные в середине XX века в пещере на склоне под римским военным лагерем папирусы с распоряжениями главы восставших Симона — Бар-Косиба (Бар-Кохба) было его прозвищем. Судя по надписям на серебряных и бронзовых монетах Симон восстановил иудейское государство и ввел его эру: «первый год возрожденной Иудеи», «второй год возрожденной Иудеи». Последним центром сопротивления вновь стала Масада. Симон Бар-Кохба, судя по сохранившимся его приказам подчиненным на иудейском и греческом языках, был опытным и строгим военачальником.

В 174—175 гг. в обычно мирном, подавленном римским господством Египте поднялись пастухи-буколы, дойдя чуть ли не до самой Александрии. Во главе их стоял Исидор, объявивший себя пророком. Римские отряды не выдержали бешеного натиска восстав-

ших и бежали. С огромным трудом наместнику Сирии, одному из победителей парфян, удалось разогнать толпы сельчан, разъяренных притеснениями римлян.

Немногим более десятилетия спустя, в 187 г., бывший солдат Матерн собрал под своим командованием множество дезертиров, которые терроризировали провинции, будучи страшнее варваров. Нападая на поместья, он освобождал рабов, и они пополняли его отряд, превратившийся в войско. В Галлии и Испании были развернуты настоящие военные операции, в ходе которых опустошались даже города. После первой неудачи Матерн пробрался с отрядом своих сторонников в Рим, имея цель убить Коммода и захватить власть. Заговор был раскрыт, но вскоре Коммод пал в результате другого заговора.

Убийство Коммода поставило Рим на край пропасти. Казалось, повторялась ситуация 68 г., когда за власть боролись четыре претендента на трон. Каждая из крупных армий выставила собственных императоров. В самом Риме императором был провозглашен Марк Гельвий Пертинакс, объявивший своей целью возвращение к временам первых Антонинов. Сенат стоял за него горой, но в раскладе реальных сил его роль была ничтожной. Преторианцы убили Пертинакса, процарствовавшего всего два месяца. Трон у них купил один из богатых сенаторов. Узнав об этом, во главе легионов на Рим двинулись другие «императоры». Ближе всего к желанной короне оказался наместник Паннонии **Луций Септимий Север**. В апреле 193 г. Рим оказался во власти его легионов. Трон был занят, и на этот раз надолго.

Источники. Эпоха первых Антонинов может быть изучена как по литературным источникам, так и по многочисленным надписям, папирусным текстам, монетам и памятникам материальной культуры в Италии и провинциях. Но многие первичные источники утрачены. Так, не сохранились ни автобиография Адриана, ни его биографические труды, обнародованные от имени вольноотпущенников. Не дошли и написанные с использованием названных произведений труды консуляра Мария Максима и Юния Элия Корда. Однако их краткое изложение имеется в передаче «Сочинителей истории августов», содержащей биографии Траяна, Адриана, Антонина Пия. Большой потерей является утрата ранних книг исторического труда Аммиана Марцеллина, продолжавшего историю Тацита с 96 г. до своего времени. В какой-то мере эту потерю восполняют труды ряда поздних сократителей — Евтропия, Аврелия Виктора, Орозия. Они использовали те же источники, что и «Сочинители истории августов», но в их трудах сохранились сведения, там опущенные. Огромную целостность имеет такой современный Антонином источник, как переписка Плиния Младшего с друзьями и в

бытность его наместником Вифинии — с Траяном, а также произнесенный им панегирик в честь Траяна.

Полностью утрачены многочисленные литературные и научные произведения, написанные Адрианом, который был дилетантом и в литературе, и в науке. Из научных трудов других авторов этого времени дошел трактат «Об акведуках» Секста Юлия Фронтиня, выполнявшего при Нерве обязанности контролера над водными сооружениями Рима. Отложилась в правовой литературе деятельность юристов первой половины II в., и это позволяет проверить и дополнить сведения о законодательных актах, содержащиеся в трудах историков.

Глава 41

ЛИТЕРАТУРА И НАУКА В ЭПОХУ АНТОНИНОВ

Освободившись от ледяных домициановых оков, римская литература словно обрела второе дыхание и заговорила во весь голос как по-латыни, так и по-гречески. Тацит, Плутарх, Плиний Младший, Светоний, Ювенал, Апулей, Лукиан, Птолемей, Гален — таковы имена людей, украсивших в различных литературных жанрах и в разной степени как это время, так и все времена античной истории. Некоторые из них начали писать еще при Флавиях, но полный расцвет их таланта относится к этим годам, когда казалось, что «каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает».

Неполное столетие правления Антонинов, представленное (не считая выродка Коммода) именами шести правителей, было временем расцвета ораторского искусства, историографии, художественной литературы и науки. Исчез страх перед произволом императорской власти и политическими преследованиями. Изгнанные философы и поэты возвратились в Рим, а те, кто искусно скрывал свое мнение об «извергах рода человеческого» и успешно делал карьеру даже при Домициане, раскрыли уста или достали из тайников тщательно скрываемые записи и предали их огласке. Императорская власть, как никогда ранее, пользовалась услугами интеллектуалов, вводя их в свое ближайшее окружение и доверяя ответственные государственные посты. Эти люди не просто осуждали террор, приходившийся на времена их детства, юности и зрелости, но формулировали условия мира между императорами и сенатом, а также и концепцию монархической власти, определяя ее пределы и осуждая отклонения в сторону деспотии.

Плиний Младший. В этом последнем плане интересна фигура **Плиния Младшего** (61—113), племянника ученого-энциклопедиста, отдавшего всю жизнь служению империи, «малому отечеству» (североиталийскому городку Комо), родным и друзьям.

В «Панегирике Траяну», произнесенном 1 сентября 100 г. в связи с назначением его консулом, Плиний обращается к императору не как подданный, а как гражданин и друг, напоминая ему о том, чем была в недавнее время императорская власть, и определяя, чем

она должна быть, чтобы избежать хаоса и катастрофы. Плиний не призывает к восстановлению республики, монархия для него аксиома. Но он считает возможным восстановление монархом республиканских нравов и институтов и прежде всего — авторитета сената, превращенного Домицианом и его предшественниками в собрание интриганов и льстецов. С точки зрения Плиния, император — это принцепс в республиканском значении этого слова, т.е. первый сенатор и гражданин. Панегирист отмечает уже проделанные Титом шаги к идеальному политическому режиму, напоминая об изгнании доносчиков, о пособиях малоимущим для воспитания детей, о расширении алиментарных учреждений, о льготах по налоговому обложению, об отмене преследований по закону об оскорблении величия, об укреплении дисциплины в армии.

Как идеолог разумной монархии, Плиний привлекался к практической деятельности. Помимо краткого консульства он ведал водоснабжением Рима, был назначен наместником провинции Вифинии. Опубликованная им переписка с Траяном — уникальный исторический документ, характеризующий римскую систему провинциального управления периода империи и ситуацию в самой провинции времени распространения христианства.

Переписка показывает мелочный контроль императора над всеми сторонами жизни далеко не самой важной для Рима провинции. Без утверждения императора нельзя было построить или отремонтировать общественные постройки (баню, театр, водопровод). По его поручению наместник следил за тем, чтобы городской совет состоял из достойных людей и чтобы в число свободных и римских граждан не попали рабы. После пожара в Никомедии было организовано добровольное пожарное общество. Императора заботит его численность: за слишком большим числом пожарников трудно было уследить.

В одном из писем Плиний делится с императором сомнениями по поводу осуществлявшихся им разбирательств о принадлежности к христианской секте, которая находилась под запретом. «Вынося приговор, — пишет наместник, — я очень колебался, делать ли разницу между возрастами или ничем не отличать нежный возраст от людей взрослых, прощать ли раскаявшихся». Император разъясняет: «Выискивать их незачем, но если поступит на них донос, и они будут изобличены, их следует наказывать, но тех, кто отречется, т.е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать». Таким образом, мы видим, что с доносом при Траяне вовсе не было покончено.

Немалый интерес представляют письма Плиния к друзьям, содержащие массу сведений о событиях его времени, в том числе об

извержении Везувия (юноша Плиний был его очевидцем), о людях своего круга, в том числе о Квинтилиане, Светонии, Таците, Марциале и многих других.

Элий Аристид. В годы правления Антонина Пия своеобразную концепцию римской монархии представил выходец из Малой Азии **Элий Аристид** (ок. 117 — ок. 189). Среди 55 дошедших его речей имеется панегирик Риму, в котором он подчеркивает особый характер римской монархии. «Римская империя, — говорит он, — демократичнее всех предшествующих — это единственная подлинная демократия». Исходя из этого странного тезиса, Аристид предостерегает своих слушателей от обозначения римских правителей царями и предлагает называть их «великими архонтами». Для Аристида, таким образом, нет разницы между принцепсом и монархом.

Политическим темам посвящены и некоторые другие речи Аристида, обращенные к городам римской империи: Пергаму, Смирне и Эфесу. В них он призывает граждан к единомыслию. Шесть речей Элия Аристида носят название «священные». Они посвящены истории какой-то его мучительной болезни, врачом которой он называет самого бога медицины Асклепия, дающего ему советы в насылаемых снах.

Дион Хрисостом. Таким же идеологом монархии был философ и ритор **Дион** из Прусы (40—115), позднее прозванный **Хрисостомом** (Златоустом). В своих первых речах, разделяя господствующие в его время предубеждения, он нападал на философов, но, став учеником одного из стоиков, сам сделался философом и при императоре Домициане подвергся изгнанию, которое превратило его в скитальца. После убийства Домициана Хрисостом вернулся в Рим и, приблизившись к императору Нерве, добился привилегий для своего родного города. Был он знаком и с Траяном и пользовался его покровительством. Возвратившись в благодетельствованную им Прусу, он на свои средства построил там ряд общественных зданий. В 110 г. за финансовые злоупотребления он был привлечен к суду наместником Вифинии Плинием Младшим, но избежал осуждения. Дион Хрисостом был знаменитейшим оратором своего времени. В своих речах (под его именем сохранилось 80 речей) он затрагивал политические вопросы, выступая третейским судьей между конфликтующими гражданами городов и ходатаем за города перед императором, многократно доказывая Траяну преимущества монархии, если она не является тиранической. Лучшие его произведения — рассуждения на моральные темы, построенные в виде художественных рассказов и диалогов. Такова, например, Эв-

бейская речь, повествующая о том, как он после кораблекрушения оказался в глухом месте острова и познакомился с пастухами, живущими естественной жизнью. Один из его спасителей был доставлен в город как неплательщик налогов. Описывая его злоключения, Хрисостом выступает с критикой несправедливых общественных порядков, жестокого обращения с рабами.

Литературным шедевром и одновременно прекрасным историческим источником является Борисфенская речь Хрисостома, воссоздающая жизнь полуварварской Ольвии, тем не менее помнящей о своем великом прошлом и чтущей Гомера, как бога.

Тацит. Над интеллектуалами II в. возвышаются две исполинские фигуры. Два мыслителя и историка, римлянин и грек, **Тацит** (55—120) и **Плутарх** (ок. 46—119). Рассматривая их параллельно, мы можем понять, что империя, даже в эпоху своего наивысшего расцвета и благоденствия, воспринималась интеллектуалами далеко не однозначно. Пламя костра, в котором сгорела рукопись исторического труда Кремуция Корда, осмелившегося воздать хвалу убийцам Цезаря Бруту и Кассию, долго мерцало в памяти тех, кто помышлял говорить то, что думает. Только с крушением тиранического режима Домициана появилась возможность осмыслить печальные итоги века императорского мира, когда власть умиротворителя-императора переродилась в такой безудержный произвол, что римляне, вынужденные с ним мириться, подчас с умилением вспоминали о временах борьбы партий, в которой Саллюстий видел источник бедствий римского народа.

Такое осмысление было сделано человеком, с чьим детством совпало время Нерона, с юностью — правление двух первых Флавиев, а зрелость пришлась на годы чудовищного царствования Домициана. Само имя этого историка — Тацит («молчаливый») может показаться псевдонимом, настолько точно оно характеризует вынужденное состояние мыслящего человека при режиме, распространившем умиротворение на сферу мысли и отнявшем возможность даже говорить о своих бедах, тосковать об утратах. Однако это подлинное имя, и в полном виде оно звучит Корнелий Тацит. Личное имя неизвестно. Почти неизвестна также и жизнь этого человека. Ни один из римских писателей не оставил его биографии.

Завершив образование в Риме, Тацит начинает как оратор, чьи речи принесли ему славу, но все они утрачены, возможно, потому, что он их не записывал и не издавал, не считая свои ораторские опыты удачными.

Первое из сохранившихся произведений Тацита — «Жизнеописание Агриколы», панегирик покойному тестю, написанный вско-

ре после гибели Домициана. В этом трактате Тацит воссоздает страшную давящую атмосферу царствования Домициана, вспоминая о которой, говорит: «Через доносчиков у нас отняли даже возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. Мы утратили бы вместе с голосом и саму память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолствовать... В течение целых пятнадцати лет, срока значительного для брэнного века людского, многих сразили роковые удары судьбы, а самых деятельных и решительных всех до последнего — свирепость принцепса. Мы, немногие, пережили не только прочих, но, можно сказать, и самих себя: ведь из жизни вырвано столько лучших лет, что, молодые и цветущие, мы состарились в молчании, а старики дошли почти до могилы». Так что наряду с сожалением о кончине тестя у Тацита вполне естественно вырываются слова: «Счастлив ты, Агрикола, не только славой своей жизни, но и тем, что умер вовремя!» Ведь «умереть вовремя» означало не только уйти от пыток палача, но и от унижающего и толкающего на недостойные поступки страха.

Вторым по времени произведением Тацита был трактат *«Германия»*, обнародованный в 98 г. Этот трактат, скорее всего, служил зеркалом добродетели для развращенных римлян, поскольку в нем вся римская община вступает в развернутое сопоставление с варварским миром. Вопрос, какой из миров лучше, для римского патриота Тацита не стоял, но показывая, какие черты общественной жизни и семейной организации, сохранившиеся у диких обитателей Германии, свидетельствуют об отходе от исконной римской доблести, он заставлял читателя вспоминать о старых добрых нравах, утрата которых воспринималась как одна из самых тяжелых потерь римского общества.

Сама целевая установка труда на превращение в зеркало римских нравов стала источником многих неточностей в описании германской жизни: историк намеренно выделял в германской жизни черты привлекательной примитивности, разительно противостоящие римской роскоши. Отсюда расхождения между приводимыми им сведениями и тем, что нам стало известно благодаря археологическим исследованиям.

Третьим «малым» произведением Тацита был *«Диалог об ораторах»*. С этого времени Тацит и становится тем, кем он является для нас, потомков, как очень точно сформулировал один из отечественных антиковедов, — «историком императорского деспотизма и бессильной покорности и подобострастия сената».

Тема диалога — обсуждение вопроса о причинах упадка красноречия, вложенное в уста к этому времени покойных ораторов. Мнению о том, что упадок красноречия вызван беспечностью родите-

лей, нерадивостью молодежи и невежеством учителей, противостоит глубокая мысль о политических причинах, вызвавших этот упадок: «В нашем государстве, пока оно металось из стороны в сторону, пока оно не покончило со всевозможными кликами и раздорами и междоусобицами, пока на форуме не было мира, а в сенате — согласия, в судьях — умеренности, пока не было почтительности к вышестоящим, чувства меры у магистратов, расцвело могучее красноречие».

Как по когтям узнают льва, так по этой мысли мы узнаем будущего великого историка. Она показывает его переход из разряда ораторов, поставленных в унижительное положение временем, когда у оратора отнят форум и возможность свободно высказывать мнение в сенате, к историкам, которые освобождены от публичного позора и могут мыслить и творить в уединении, до поры до времени не выставляя своих творений на суд современников.

Можно не сомневаться, что и тогда, когда Тацит был известен лишь как оратор и, не внушая к себе опасения власти, успешно продвигался по служебной лестнице, зрели те мысли, которые легли в основу опубликованных после смерти Домициана двух знаменитых трудов, созданных, но его собственным словам, «для позора и славы в потомстве». В совокупности они охватили период от смерти Августа (14 г.) до падения Домициана (96 г.). В первом из них — *«Истории»* — изложены события, современником которых был он сам, начиная с гражданской войны после гибели Нерона в написанных затем *«Анналах»* — история времени, прошедшего на памяти отцов, дедов и в какой-то своей части пришедшегося на детство историка. Тацит в полной мере осознавал, что избранная им эпоха разительно отличается в худшую сторону от той, которая вставала в трудах авторов республиканской поры. Обмельчал бурный поток римской истории, и историк поневоле должен держать в центре внимания личность главы государства, узурпировавшего права народа и власть выборных магистратов и единолично решавшего судьбы империи. Почему же он избрал тему, по его собственным словам, неблагодарную?

Скорее всего, потому, что современники Тацита, впервые после долгих лет удушья свободно вздохнувшие, нуждались в осмыслении опыта империи как государственного организма, в объяснении той моральной атмосферы, которая возникла после установления единоличного режима. Как и в *«Агриколе»*, он стремился показать, что и в эпоху крушения нравственных ценностей существовали люди, которые вопреки всему «прожили жизнь, как подобает свободному человеку». Эти люди, сохранившие в условиях террора верность римским доблестям, являются единственными героями *«Ис-*

торий» и «Анналов». Узнавая о них, читатель отдыхает после мрачных картин произвола и низости, заполняющих эти труды.

Не видя реальной возможности для возвращения к порядкам римской республики, Тацит, особенно в первые годы правления новой династии, питал надежды на появление правителя, который сможет, пользуясь авторитетом своей власти, возродить процветавшие в прошлом гражданские доблести и преградить путь укоренившимся в римском обществе порокам.

Известно знаменитое обещание Тацита писать «без гнева и пристрастия» (*sine ira et studio*), но оно не означает обещания беспристрастной истории. Историк говорит лишь о том, что у него не было личных мотивов исказить истину, ибо от Гальбы, Отона и Вителлия, по его словам, он не видел ничего ни хорошего, ни дурного, Веспасиану обязан первыми успехами своей карьеры, Тит продвинул его еще дальше, а Домициан возвысил еще больше. Поэтому критика Тацита лишена личной окраски. Она направлена против того, что уже стало прошлым, но страх перед возможностью его возвращения был еще жив, и история прошлого должна служить не только для поучения современников, но и укрепления, говоря словами самого историка, того «редкого счастья, когда каждый может думать, что говорит, и говорить, что думает».

Тацит выступает не как простой рассказчик, но как исследователь. Поскольку изыскание Тацита затрагивает прежде всего политическую сферу, оно нацелено на выявление того, как политические изменения сказались на всех сторонах жизни римского общества. Таким образом, сама установка Тацита — создать не историю римского народа, а повествование о тех, кто лишил этот народ его лучших людей, его политических прав и извратил саму человеческую природу. Не обольщаясь фразами о возвращении республики, Тацит сознает, что уже Август выработал формы единоличной власти, став изобретателем таких тайных пружин самовластия, как задривание армии, содержание на государственный счет и увеселение зрелищами разорившейся толпы римского плебса, награждение подданных за покорность и раболепие. Сенаторы, сразу же после смерти Августа начавшие соперничать в изъятии раболепия к Тиберию, еще не признанному главой государства, оказались, по убеждению историка, достойными тирании. Рисуя превращение Тиберия в чудовище, Тацит показывает, что сам принципат был тому питательной средой и что в произволе не менее виновны те, кто его терпит и даже поощряет.

Плутарх. Греция при Адриане и при других императорах-филэлинах по сравнению с другими римскими провинциями занимала

привилегированное положение. Но не следует думать, что восхищение достижениями греческой культуры изменило давнее, в общем негативное отношение римлян к грекам, в которых римляне видели подчас удачливых торговых конкурентов и соперников в интеллектуальной сфере. Сатиры Ювенала пронизаны звериной ненавистью грекам. Отсюда и совет Плиния Младшего не презирать греков и не отнимать у них «последнюю тень и уцелевший остаток свободы».

Сами греки остро ощущали свою зависимость от римлян. Для них прошлое Греции было не просто источником восхищения, но и единственной возможностью сохранять свое человеческое достоинство в мире, где они были людьми второго сорта. Это объясняет скрытые от поверхностного взгляда мотивы творчества величайшего из авторов эпохи империи **Плутарха**.

Может показаться загадкой, что он, родившийся ок. 46 г. в маленьком городке Херонее, не перебрался в Афины или, наконец, в Рим, где его бы встретили с почетом, если не вспомнить, что именно здесь, на родине Плутарха, в 338 г. до н. э. произошла битва, положившая конец греческой независимости. Оставаясь в Херонее, Плутарх не просто хотел украсить город своим пребыванием, но именно здесь стремился компенсировать эту утрату описанием духовного величия Греции, не уступавшего могуществу нового ее владыки — Рима.

Так у Плутарха возникла идея связать и сопоставить судьбы Греции и Рима в биографиях выдающихся греческих и римских военных и политических деятелей, начиная с древнейших времен до падения римской республики. Идея «двоичности», «близнечности» героев уходит в греческий миф (вспомним братьев Диоскуров или Ахилла и Патрокла), но соединение политиков давало возможность выявления не только сходства, но и различий. Каждая из пар биографий завершается авторским сопоставлением. Стараясь быть объективным к римлянам, Плутарх все же показывает превосходство греков в моральном плане. Так, выбрав в качестве двойников одинаково храбрых и мужественных грека Пелопида и римлянина Марцелла, Плутарх подчеркивает, что «Марцелл во многих покоренных им городах учинил кровопролития, тогда как Эпаминонд и Пелопид, одержав победу, никогда никого не казнили и никогда не обращали в рабство целые города». В других случаях сам выбор персонажей для сравнения избавлял Плутарха от необходимости подчеркивать моральное превосходство греков. Такова пара Аристид и Катон Старший. Каждый грек, да и римлянин, знал, что первый — это воплощение благородства, а из изложения Плутархом биографии Катона он узнавал такие подробности жизни этого че-

ловека, что у него не могло не появиться иного чувства к римлянам, кроме отвращения.

Таким образом, не может быть никакой речи о желании Плутарха показать единство греко-римской судьбы. Плутарх, понимая гибельность пути вооруженной борьбы против римлян, к ней не призывает. Обращаясь к греку, выполняющему обязанность правителя, он писал: «Помни, что ты управляешь, будучи сам под чужой властью, что твой город подчинен проконсулам и прокураторам цезаря: накинь плащ поскромнее и со своего начальнического места все время устремляй взгляд на здание суда, не очень доверяй венку; помни, что над твоей головой занесен римский сапог». Примечательно, что будучи римским гражданином, Плутарх нигде не упоминает о своем римском гражданстве. Он как творческая личность хочет предстать последним гражданином Херонеи и полисной Греции в целом.

Плутарх сам не считает себя историком («мы пишем не историю, а жизнеописание»), ибо не дает последовательного изложения исторических событий, как это делали историки, чьими трудами он пользовался как источником. Однако в биографиях Плутарха общеисторические факты превалируют над фактами собственно биографическими, да и углубление в историю личности, как показывает опыт Полибия и других эллинистических историков, было чисто исторической задачей. В биографиях Плутарх довольно часто по ходу повествования высказывает собственное суждение, сравнивает данные разных источников, принимая одни и отвергая другие. Личные качества его героев, которым он дает моральную оценку, для него не единственная цель, ибо они оказывают влияние на положение государства и на ход событий.

Наряду с сочинениями, в которых проявился талант Плутарха как историка, им создано множество сочинений по вопросам этики, философии, филологии, религии, быта, но *«Параллельные жизнеописания»* — вершина творчества херонейского мыслителя.

Светоний. Из писем Плиния Младшего мы впервые узнаем о его корреспонденте, талантливом молодом человеке **Гае Светоний Транквилле** (ок 70—140). Плиний дает юноше житейские советы и оказывает практическую помощь. Ему удастся выхлопотать для него должность войскового трибуна, первую ступень государственной карьеры. Но она, как вскоре выясняется из той же переписки, оказалась слишком обременительной для ученого человека, каким был по натуре Светоний. И он отказывается от этой должности в пользу своего родственника. Плиний рекомендует Светония императору Траяну как одного из честнейших, порядочнейших и ученейших людей в мире. Это была рекомендация замедленного действия, и ею вос-

пользовался приемный сын Траяна Адриан уже после смерти Плиния. Он принял ученого мужа на должность секретаря, ту самую, которую в свое время Август предлагал Горацию и получил отказ. Светоний не был столь предусмотрителен, и вскоре ему указали на дверь якобы за неуважение к императрице Сабине. В чем выразилось неуважение к этой одиозной особе, остается невыясненным. Но ясно, что кратковременное пребывание Светония на этой службе не прошло даром. Он познакомился с императорским архивом, закрытым для посторонних, и сделал из него выписки.

Очевидно, именно тогда его посетила идея написать произведение, посвященное той же эпохе, которую изложил Тацит в «*Анналах*» и «*Истории*», но в форме биографий двенадцати императоров. Перед нами редчайшая возможность проследить историю целого столетия в трудах, написанных в разном ключе. Тацит — великий психолог, старавшийся проникнуть в глубины менталитета императоров, лицемеров, извергов, посредственностей, и вместе с тем нарисовать изменяющуюся картину времени. Светоний далек от столь серьезной задачи. Он собиратель занимательных фактов, которые черпает полными горстями как из архивов, так и из клоаки слухов, порожденных подчас обстановкой скрытности императорского двора. И то, что Светоний не просто высыпал их на поверхность своего сочинения, а изложил в определенной системе, не принесло ему славы историка. Ведь каждая из определенных Светонием заранее рубрик заполняется разнородным материалом без какой-либо критической проверки и оценки. И одно и то же императорское лицо оказывается составленным из разных половинок — панегирической и преувеличенно чудовищной, и можно было бы удивляться, что могло заставить Плиния Младшего, человека талантливого и всесторонне образованного, восхищаться Светонием, если бы не было известно, что тот написал добрую дюжину других сочинений. Все они до нас не дошли, ибо не были занимательны. Труды Тацита сохранились в одной рукописи, «*Жизнь двенадцати цезарей*» Светония — во множестве. В средние века ею тайком зачитывались монахи для пополнения своего небогатого сексуального опыта — ведь учатся не только на ошибках, но и на пороках. В новое время «*Жизнь двенадцати цезарей*» была высоко оценена как грандиозное собрание фактов. Без нее, и в самом деле, жизнь первого столетия империи была бы для нас неизмеримо беднее и бесцветнее.

Воспитатель цезарей. В начале своего трактата, восхваляя родителей и близких, император Марк Аврелий вспомнил также и Марка Корнелия Фронтоня: «Фронтону я обязан пониманием того, каковы злорадство и лицемерие, присущие тирании, и того, насколько

ко в общем черствы душой люди, слыvuщие у нас аристократами». Фронтон был выходцем из африканского города Цирты, некогда столицы нумидийских царей. В Африке он получил философское образование и стал известен как преподаватель риторики. В последние годы правления Адриана он появляется при его дворе, а при Антонине ему доверяют воспитание будущего императора Марка Аврелия и его соправителя Луция Вера. Это обеспечивает провинциалу блестящую политическую карьеру. В 143 г. он назначается консулом и по окончании консульства — наместником провинции Азии, однако остается в Риме из-за болезни ног.

К его больным ногам в царствование Марка Аврелия сходились римские интеллектуалы, чтобы выслушать мнение о своих произведениях и, возможно, чтобы приблизиться через него к власти, ибо Фронтон, уйдя на покой, сохранил влияние на своих коронованных воспитанников. Сохранились его письма к Антонину Пию, Марку Аврелию и друзьям, проникнутые воспитательным духом, а также несколько риторических упражнений — «Похвала дыму и пыли», «Похвала пренебрежению». Речи Фронтона, которыми не уставали восторгаться современники, до нас не дошли. По названиям известны речи против Герода Аттика, против христиан, панегирики Адриану и Антонину, речи в защиту карфагенян и вифинцев. Судя по письмам, Фронтон был оппонентом Герода Аттика и Элия Аристида, стремившихся к аттическому стилю. Он ярый архаист. Его кумиры — Катон Старший и Гракхи, Невий и Луцилий. Ему претит изящество речи: «Я предпочел бы, — пишет он Марку Аврелию, — одежду строгую — из мягкой шерсти, а не прозрачной и шелковой ткани изысканных расцветок, и притом не ярко-алую или желтую, как шафран, а темно-пурпурную: вам, которым необходимо одеваться в пурпур, нужно и речь одевать иногда в те же тона».

Современные исследователи усматривают в дошедших до нас риторических упражнениях Фронтона упадок вкуса и ставят его ниже ораторов его времени. Но письма Фронтона в отличие от писем Плиния Младшего — это не литературное творчество, а подлинные документы, по которым можно судить о политической и культурной ситуации эпохи Марка Аврелия и воспитании его как личности.

Аппиан. В письмах Марку Аврелию Фронтон в течение двух лет рекомендует своего друга, пожилого александрийца **Аппиана** (ок. 100—170) на должность прокуратора, характеризуя его как человека, преданного литературным занятиям и достойного поощрения. Под литературными занятиями Фронтон имел в виду работу по со-

данию исторического труда, посвященного возникновению римской империи.

Историки Рима эпохи гражданских войн рассматривали историю римской империи как процесс превращения одного города (именно Города, а не народа) в мир, как включение мира со всей его этнической пестротой и географическим разнообразием во вселенский город. И для них было совершенно естественным смотреть на весь мир из Рима, как из центра «круга земель», с его вершины Капитолия, видя в других народах своих потенциальных рабов, а в их стремлении сохранить независимость — дикость или коварство. Наш историк смотрит на Рим, как бы находясь на периферии, стремясь при этом выявить, как каждая из составных частей была включена в универсум и стала частью римского мира.

Сам принцип изложения материала по территориям и народам дал Аппиану возможность оценивать противников Рима в разные периоды их деятельности. Так, Ганнибал у него фигурирует в четырех книгах (Иберийской, Ганнибаловой, Ливийской и Сирийской), при этом в первых двух — в полной мере негативно, в третьей — сравнительно объективно, а в четвертой — сочувственно.

Как человек, причастный к государственной системе (именно таким людям Полибий в свое время рекомендовал заниматься историей), Аппиан старается вникнуть во все, что обеспечивало успех или неудачу войн, — в систему государственных доходов, в расстановку политических сил, в способы решения социальных проблем. Из его *«Римской истории»* встает конкретная картина развития системы налогового обложения в республиканскую эпоху, которая не может быть составлена по произведениям Саллюстия или Ливия.

Аппиан — возможно, первый из историков Рима, научившийся мыслить экономическими категориями, интересовавшийся социальными конфликтами, впечатляющее исследование которых представлено в первых книгах *«Гражданских войн»*.

Современник Аппиана Флор осмыслил гражданские войны на манер Эсхила и Софокла как трагедию, ниспосланную завистливой судьбой за доставшееся Риму чрезмерное могущество. Выделяя вслед за Флором гражданские войны в особый период римской истории, Аппиан отказывается от подобной риторики, но он также далек от односторонних оценок. Мы не находим у него пронизывающей произведения историков времени Августа мысли о величии этого могильщика республики. Во всяком случае, *«Август гражданских войн»* — Октавиан — не похож у него на ту личность, которая встает из автопортрета Анкирской надписи. Он не триумфатор, а триумвир, подчас терпящий неудачи и обязанный своим успехом

не божественной помощи, а таланту Марка Випсания Агриппы. Противники Августа Секст Помпей и Марк Антоний — вовсе не «исчадия Аида», и в описании их деяний Аппианом подчас проскальзывают сочувствие и даже восхищение их стойкостью в противостоянии судьбе. Пять книг «Гражданских войн» Аппиана — вершина мастерства александрийца, потребовавшая высшего напряжения духовных сил. Эти книги — единственное дошедшее до нас связное изложение событий от Гракхов до гибели Секста Помпея, вобравшее в себя огромную историческую традицию. Сюда входили речи участников гражданской войны и ее жертв — братьев Гракхов, Антония, Цицерона, и величайшие творения римской поэзии.

«Римская история» Аппиана тем и хороша, что в идейном отношении она далека от ясности Тита Ливия и загадочна, как всегда загадочен Восток, таящий невероятные культурные и человеческие глубины. Одна из таких загадок — отношение Аппиана к сверхъестественному. Историческая концепция Аппиана, казалось бы, рационалистична. Рим добивается победы вследствие сплоченности римского народа, ясности стоящей перед ним цели, превосходства политической и военной организации. Но Аппиан не был бы человеком Востока и современником Апулея, если бы не ощущал влияния на судьбы людей и государств неких скрытых сил.

Проявление их власти он видит прежде всего в вещих снах, раскрывающих людям скрытые от них тайны и угрозы и позволяющих принять единственно правильное решение. Так, приснившийся Дидоне сон раскрыл ей глаза на преступление царя-брата и вынудил ее вместе с частью народа покинуть родину и основать в Ливии новую столицу. В той же книге сообщается о сновидении, побудившем Цезаря принять решение о заселении римскими колонистами территории Карфагена, преданной религиозному проклятию. В «Сирийской книге» идет речь о сне матери Селевка, тогда еще простого воина, предсказавшем его будущее величие, в «Митридатовой книге» — о сновидении Антигона Гоната, раскрывшем будущее величие потомков его спутника, знатного перса Митридата, родоначальника династии Митридатидов. Сны предвещают великое будущее не только держав и городов, но и выдающихся государственных деятелей — Суллы, Помпея, Цезаря, Октавиана. Люди меньшего масштаба оказываются у историка как бы незатронутыми этими мистическими волнами. Божество Аппиана проявляет себя в поворотных моментах истории, устранение иррациональных факторов из обыденности дает ему возможность излагать конкретную военно-политическую историю в рациональном ключе, как это делали до него Фукидид и Полибий.

Авл Геллий. Многописание было присуще не одному Аппиану. Словно бы предчувствуя, что близится время, когда написанное никто не будет читать и многое окажется безвозвратно утраченным, люди эпохи Антонинов старались выговориться и оставить след не только о себе, но и обо всем, что находилось в поле их зрения. Среди этих авторов заслуживает внимания **Авл Геллий** (130—170). О его жизни известно лишь то, что родился он в Италии и провел многие годы в Афинах, что его учителями были Фронтон и Фаворин. Из предисловия к его единственному труду *«Аттические ночи»* мы узнаем, что в долгие афинские ночи он пристрастился к выпискам из греческих и римских писателей. Геллия интересовало буквально все — литература, грамматика, юриспруденция, философия. Считая любую мысль «цветком истории», он как бы составлял гербарий, отдавая предпочтение тому, что имеет аромат старины. Благодаря ему мы обладаем отрывками из сочинений ранних латинских авторов — Ливия Андроника, Энния, Невия, Катона Старшего, фрагментами речей Гракхов и многим другим, дающим представление о начальных временах римской литературы. Перед нами подлинная антология греческой и римской жизни, и хотя автора и можно упрекнуть в уходе от животрепещущих социальных проблем, этот упрек отступает перед грандиозностью выполненной им задачи, тем более что перед нами далеко не беспорядочные выписки, и автор обладает не только определенными вкусами и пристрастиями. Например, он не просто приводит перевод Цецилием одной из комедий Менандра, но и сопоставляет его с греческим текстом, показывая, в чем этот перевод проиграл. Приведенные отрывки говорят сами за себя, а комментарий к ним характеризует Геллия как мыслящего человека и ученого.

Павсаний. Во II в., несмотря на более чем трехвековое разграбление страны римлянами, Греция оставалась музеем, привлекавшим к себе тех, кто жаждал соприкоснуться с почвой греческого искусства и подышать воздухом великой истории. Как и ныне, к услугам любознательных чужестранцев были особого рода путеводители. До нас дошел один из них, написанный между 144 и 175 гг. неким **Павсанием**, греком из Малой Азии и, как можно думать, состоятельным человеком, ибо для осуществленного им путешествия требовались немалые средства.

Опустив, по неизвестным нам причинам, Македонию, Фракию, Эголию, Акарнанию и острова Эгеиды, все остальные области Греции Павсаний описывает детальнейшим образом, попутно излагая

их мифы в малоизвестных другим авторам вариантах. Видимо, он черпал информацию у местных проводников и опирался на не дошедшую до нас письменную традицию.

Труд Павсания «*Описание Эллады*» в десяти книгах, судя по отсутствию упоминаний о нем, мало ценился в позднеантичную эпоху. Для европейцев же после первых переводов на новые языки он стал подлинной библией языческой культуры. С томом Павсания в руках вступали на почву Эллады путешественники XVI—XVIII вв. и обходили ее живописные руины, по мере возможности их идентифицируя. В XIX веке, следуя указаниям Павсания, производили раскопки и подчас находили статуи в тех же местах, где он их наблюдал за четверть века до того, как Греция выдержала первый натиск варварских племен.

Ювенал. Каждый из трех рассмотренных нами веков истории римской литературы знал своего сатирика — Луцилия, Горация, Марциала, четвертый век — дал сразу двух: римлянина **Ювенала** и сирийца **Лукиана**.

Античный мир не знал очков, и людям со слабым зрением приходилось пользоваться кристаллами, приставлявшимися к глазу наподобие монокля. **Дециму Юнию Ювеналу** явно достался кристалл черного цвета, и весь мир оказался созданным для беспощадной черной сатиры. Он не выдумывал негативных явлений, но под его каламосом они приобретали космический характер. Конечно же, в эпоху Антонинов дело дошло до того, что императоры не только писали по-гречески, но и отдавали по-гречески команды. Когда однажды это пришлось сделать Марку Аврелию, посыльный его не понял. Над этим можно было посмеяться. Ювенал же смеяться не умел, и это было патологией — он умел лишь негодовать. Встретив на пирах у богача нескольких греков, перебежавших ему дорогу и воспользовавшихся подачками, которые рассчитывал получить он, Ювенал написал сатиру на греков, настолько заповоливших Рим, что несчастному римлянину приходится подыхать в безвестности: «Ведь грек — мастак на все руки: он и грамматик, и ритор, и геометр, и живописец, и банщик, и канатный плясун, и лекарь. Да отправь голодного грека на небо, он и туда доберется».

Видимо, семейная жизнь Ювенала не сложилась, и он написал сатиру на женщин для друга, собирающегося жениться. И друг узнал, что женщина создана для измены, что женская верность существовала лишь во времена Сатурна, что любая римская матрона при виде испещренного рубцами гладиатора готова бежать с любовником на край света, бросив мужа и детей, что для женщины нет боль-

него удовольствия, чем выколоть глаза служанке или распять раба, что все женщины плохи, а хуже всех — гречанки.

Таким же образом Ювенал оценил и высший свет. Все сенаторы — гнусные развратники и лицемеры. Вся римская история — перечень преступлений. И конечно же, Ювенал не просто бичевал пороки. Он их живописал, и в этом достиг величайшего искусства, ибо обладал не только наблюдательностью, но и богатым воображением. Императоров он обличал лишь покойных.

Сатиры его были обнародованы лишь при Траяне и Адриане. В конце концов его выслали в какие-то отдаленные места, где он умер от тоски, — ведь там не было объектов для сатиры.

Лукиан. Грек Лукиан (ок 120 — ок. 190), чья юность пришлось на годы правления Адриана, был таким же неутомимым путешественником, как и император, но сыном простого ремесленника руководили не государственные заботы и даже не любознательность, а борьба за кусок хлеба и глоток вина. Ему, выходцу из азиатской Самосаты, пришлось обойти всю Сирию, Малую Азию, Италию, плавать по рекам Цизальпинской и Трансальпинской Галлии, выступая для прокормления с публичными речами в сотне городов, и учительствовать. Огромный жизненный опыт отложился в коротких рассказах, имеющих форму диалога. В них волнами прокатывается не угрюмая издевка и не брюзжание, как у Ювенала, а смех, задорный, мудрый и беспощадный. Лукиан смеется надо всем, над чем можно было смеяться, не подвергая риску собственной жизни: над фактически уже низвергнутыми богами, над жрецами всех конфессий, над философами-пустомелями, над прихлебателями в домах богачей, над горе-поэтами и над горе-историками и, конечно же, над самим собой. Он не смеется над императорами, над их клеветами и их любовницами, и это не только сохранило ему жизнь, но и в те годы, когда он уже «стоял одной ногой в ладье Харона», обеспечило хлебное место чиновника в Египте. Не смеется Лукиан и над бедняками; к рыбакам и ремесленникам — ко всем, для кого единственное избавление от бед — смерть, он питает сострадание. Он ведь и сам сын бедняка и всю свою жизнь был интеллектуалом-пролетарием, презиравшим почет и богатство, нажитое обманом и преступлениями. Не смеется он и над своим маленьким бедным городом и любит его, находя для гордости и любви такие слова, каким могли бы позавидовать римляне и александрийцы. Ибо он, как Одиссей, не мог быть пленен чужбиной, и где бы он ни был, всегда повторял: «Дым отечества мне светлее огня на чужбине».

В тот век, когда маги и пророки-зазывалы всех мастей состязались в описаниях загробного счастья, может быть, один Лукиан был лишен каких бы то ни было иллюзий. Он показал, что его век только в насмешку может быть назван «золотым». Он не верил в будущее империи, но в его смехе звучала жизнеутверждающая сила интеллекта, вобравшая все лучшее, что было создано античным миром.

Апулей. Соперником Лукиана в разнообразии талантов и блеске славы был его современник **Апулей**, философ-платоник, писатель и в глазах многих — маг. Привлеченный по обвинению в магии к суду, Апулей сам себя защищал и выиграл процесс. Выиграло и литературоведение, ибо его сохранившаяся защитная речь «Апология» — великолепный источник, заменивший автобиографию. Выходец из нумидийского города Мадавра, Апулей обучался в Карфагене, много странствовал, жил в Афинах и Риме, прославился как оратор и прельстил своим талантом богатую вдову — что и стало поводом для нелепого обвинения в магии. «Апология» и другие сочинения Апулея не оставляют сомнения, что в сфере литературного творчества он и впрямь был кудесником. Величайшую славу ему доставил фантастический роман **«Метаморфозы»**, главному герою которого, юноше Луцию, приданы черты самого Апулея. Превращенный фессалийской колдуньей в осла, но при этом сохранивший человеческое сознание, Луций переходит от хозяина к хозяину и испытывает все превратности судьбы, пока с помощью мистической церемонии не возвращает себе человеческий облик. Шкура осла, в которую Апулей одевает своего героя, позволила ему осветить как неприглядные сферы повседневной жизни, так и темные стороны человеческой души. И все это создало некую колеблющуюся атмосферу, в которой нет грани между реальностью и сказкой, где все насыщено тайной и неожиданностями. Высокое звучание повествованию придала вставная аллегорическая новелла о Психее (Душе) — девушке, ставшей женой супруга, которого она не должна видеть. Напуганная баснями, что ее муж — страшное чудовище, Психея нарушает запрет и узнает в муже самого бога любви Амура, теряет его и возвращает лишь после долгих мук и испытаний.

Клавдий Птолемей. Полтора века минуло с тех пор, как Цезарь, осажденный во дворце Птолемеев, поджег египетский флот и заодно с ним Александрийскую библиотеку. Рукописи горят... Но неистребима жажда знаний. Во времена императора Адриана в той части александрийского храма Сераписа, которую называли «Крыльями Канопы», занял наблюдательный пост юный астроном, что-

бы не покидать его ни на одну ночь на протяжении 40 лет. В имени этого человека первая часть — от цезарей Клавдиев, вторая — от царей Птолемеев. Это был грек, римский подданный, истинный наследник александрийской науки.

Храм Сераписа в 381 г. разрушили фанатики-христиане, но место наблюдений **Клавдия Птолемея** (ок. 83 — ок. 161) запомнили. Византийский ученый Аполлодор в VI в. здесь переписал высеченную Птолемеем надпись о его астрономических открытиях. Главный астрономический и математический труд Птолемея *«Большое построение»* византийцы не сохранили, но имелся его арабский перевод под названием *«Альмагест»*. Он дошел в Западную Европу в XII в. и оказался для католической церкви *«манной небесной»*, ибо Птолемей отверг гипотезу о Солнце, как центре планетной системы, поставив в центр неподвижную Землю. Эту ошибку Птолемея использовали как меч в борьбе с передовой наукой, возродившей гелиоцентрическую теорию Гиппарха. Оценивая значение труда Птолемея, современный астроном пишет: *«А давайте попробуем представить себе, читатель, что бы произошло, если бы рукопись «Альмагеста» погибла бы в огне пожара... Страшно подумать, но все же попробуем. Мы не узнали бы ничего (или почти ничего) о наблюдениях вавилонян, о работах Гиппарха и самого Птолемея. Не было бы звездного каталога... Не было бы теории движения Солнца, Луны, планет».*

Немногоим уступает по значению другой труд Птолемея, *«География»*, являвшаяся для европейцев учебником более полутора тысячелетий. Александриец строго отличает географию от хоррографии, описания известной части Земли со всем, что на ней находится, и ставит своей задачей, используя математический метод, изобразить Землю в ее единстве и определить положение на земной сфере материков, морей, рек, городов и других объектов, а это означало выяснение их широты и долготы. Он вычислил (или привел вычисления других ученых) широту и долготу восьми тысяч населенных пунктов от Лондиния (Лондона) до Борисфена (Ольвии), описал страны Европы от Гибернии (Ирландии) до Танаиса — восточной границы Европы. Он отказывается от превратного мнения, будто Каспийское море является заливом Океана. Впервые у него появляется река Ра (Волга), и поныне известная под этим названием в мордовском языке (Рав). К северу от Ра и приближающегося к ней Танаиса (Дона) он помещает Сарматию. Птолемею известны и некоторые славянские племена. По имени венедов он называет часть Балтийского моря Венедским заливом, упоминает сербов, а названные им ставаны, словены, буланы — это славяне, словены, поляне.

Более точны, чем у предшественников, сведения Птолемея о Дальнем Востоке. За Индией он помещает обширный залив, куда впадает Ганг, а за ним — еще один залив, за которым ему известно океанское побережье и город Каттигара, к северу от нее живут сини и серы (китайцы). Сравнительно точно представлено у него течение Танаиса, включая излучину в том месте где он приближается к Волге. Но в то же время еще не знает о Скандинавском полуострове и странным образом близкое к Египту северное побережье Африки ему известно хуже, чем даже Геродоту — на его карте Сахара изображена изрезанной многочисленными реками.

Кажется, последним из написанных Птолемеем сочинений была «Оптика», состоявшая из пяти книг. И эту науку александриец поставил на прочный математический фундамент, введя в нее наблюдения над преломлением света в различных средах. «Оптикой» Птолемея пользовались византийские и арабские ученые. На латинском языке этот труд появился в XIII в.

Гален. Медицина после Гиппократов знала немало выдающихся теоретиков и практиков, о чьих успехах писали их современники. Но сами врачи, все вместе взятые, кажется, не написали и десятой доли того, что удалось сделать пергамцу **Галену** (129—199 гг.). И писал он не только обо всем, что касается медицины и как нужно остерегаться врачебных снадобий, собранных не самими врачами, но также и о себе: о том, какой прекрасной практикой для врача является работа в школе гладиаторов, и о том, что его пациентами были императоры Марк Аврелий и Луцилий Вер, которому боги не дали долгой жизни, и о том, как завистливы римские врачи, ополчившиеся на него, пришельца, и едва его не убившие. Ум Галена охватывал также философию, грамматику, риторику, теологию. Им написано 225 сочинений, каждое из которых состоит из многих книг. Сохранилось немного, но все же это 20 объемистых томов. Писал Гален по-гречески, но немало его произведений дошло в латинском, еврейском, арабском переводах.

Значителен вклад Галена не только в практику, но и в теорию медицины. Это он доказал, что мозг является центром нервной системы человека и животного. Он внес немало новшеств в хирургию и сделал обычной практикой эксперимент над животными, в частности над обезьянами. Этот римский врач создал учение о функциях органов человеческого тела, дал названия ряду мышц, сохранившиеся до наших дней, описал строение глаза.

ГОРОД И МИР

II век — пик развивавшегося на протяжении многих столетий процесса урбанизации. К старым полисам прибавились сотни новых городов, выросших из деревень или укрепленных военных лагерей. Растет количество горожан. Появляются города-гиганты. С развитием урбанизации возрастает численность паразитического населения и расходы государства на его содержание и увеселение. Богатство в городах способствует развитию роскоши, а не производства и предпринимательской деятельности. Не существует какого-либо поощрения деловой активности. Процветание муниципального строя было основой расцвета империи при первых Антонинах. Но «муниципальное чудо» было выборочным, кратковременным. Усиливается вмешательство императорской власти во внутригородскую жизнь, что в конечном счете приводит к разрушению полисных начал, непосредственному господству власти над личностью.

Мегаполис и его копии. «Оглянись на эту массу людей, — писал в середине I в. Сенека своей матери. — Их не вмещают даже дома безмерного города. Из муниципий и колоний, со всех концов земли пришли они сюда. Одних привело честолюбие, других — обязанности службы, третьих — возложенное на них поручение, четвертых — развлечения... иных — научные занятия или зрелища; те пришли по зову друзей, других гнало стремление сделать карьеру, которая находит здесь широкое поприще; одни предлагают свою красоту, другие — свое красноречие».

Но какие бы цели ни привели людей в столицу, отстроенную после пожара Нероном и украшенную Флавиями и Антонинами, какие бы ни обуревали их надежды, какие бы горестные или радостные чувства ни испытывали они при виде Рима, всех поражило зрелище колоссального мегаполиса, города городов. Греческий оратор Аристид, посетивший Рим при Антонине Пие, в похвальной речи городу сравнивает его с силачом, который поднимает других над собой и носит их, — «так и Рим несет один город над другим... и если бы расположить их по поверхности, то вся Италия в поперечнике, вплоть до Адриатического моря, заполнилась бы им».

И на эти города, добавим мы, хватило бы и форумов, и храмов, и амфитеатров, и дворцов, и базилик, и водопроводов, и терм, и триумфальных арок, и статуй. Но в таком распределении сооружений Рима не было необходимости, поскольку другие города, и не только Италии, но и Африки, Галлии, Британии, следуя римской модели, воспроизводили типично римские постройки, и каждый из них был «Римом в миниатюре».

Рим в эпоху империи становится предметом всеобщего подражания. Люди различных национальностей, порой не владевшие латинской речью, считали себя римлянами, а Рим — своей общей родиной. Это способствовало романизации и унификации жизни во всей империи, и прежде всего в ее городах как центрах административной и интеллектуальной жизни. В постепенном стирании разницы между италиками и неиталиками немалую роль сыграл массовый наплыв в Италию рабов, получавших свободу и женившихся на местных женщинах. Различные национальности, за исключением тех, которые придерживались своих религиозных обычаев, перемешивались, как в огромном котле, и это привело к началу III в. к распространению гражданства на всю империю и стремлению к религиозному единству, давшему шанс стать государственной религией долгое время гонимому христианству. Никогда еще в Средиземноморье не было такого множества городов. К старым городам присоединились новые, протянувшиеся почти сплошной линией в Африке, на границе с великой пустыней, на северных рубежах Рима — близ Дуная, Рейна, Темзы, Сены, заложив фундаменты многих европейских городов: Виндабоны (Вены), Аквинка (Будапешта), Сингидуна (Белграда), Ангенторага (Страсбурга), Лондиния (Лондона) и др. В это время с Римом соперничают превосходящая его площадью Александрия, Карфаген, Гадес, Антиохия, Дамаск. Возникают новые города в Палестине (Тибериада), в Сирии (Дура-Европос), в Египте (Антинополь), во Фракии (Адрианополь), в Африке (Тимгад) и др. Все они приобретают римский облик, правильную планировку улиц, ведущих к форуму, украшаются собственными капитолиями, термами, библиотеками, театрами и амфитеатрами.

Города и городская жизнь. По своему положению города империи делились на три категории: колонии римских граждан и латинян, имевших особые права; муниципии; податные города. От ранга, присвоенного тому или иному городу, зависели отношения собственности и характер внутригородской жизни. Ко II в. в городах исчезли народные собрания, которым ранее принадлежала большая или меньшая роль в городской жизни, и местное управление сосредоточилось в городских советах, часто называвшихся куриями, и у должностных лиц — декурионов, обычное избиравшихся из числа наиболее влиятельных граждан. Из них формировалась магистратура. Высшие должностные лица, соответствовавшие консулам, именовались дуумвирами. Раз в пять лет избирались «дуумвиры пятилетия» (квинквиналы), которые, подобно римским цензорам, проводили ценз и составляли список дуумвиров

предшествующего срока. Городским благоустройством, соблюдением порядка в общественных местах, организацией игр ведали городские эдилы. Существовали также жреческие должности, приравненные к дуумвирату. Внешний вид города, его санитарное состояние, обеспечение неимущих граждан зависели от частной благотворительности и инициативы городской верхушки, а она, в свою очередь, — от экономического положения империи, спокойствия на границах, безопасности на морских и сухопутных дорогах, продуманности фискальной политики.

В цензах фиксировалось количество граждан в каждом из городов, но наряду с ними в городах жили люди, не имеющие гражданских прав, — переселенцы из других городов и чужестранцы. В римских городах они назывались «инколами», в греческих — «паройками». Уже в эпоху ранней империи они могли принимать участие в городской жизни, посещать зрелища, пользоваться городскими термами. Они несли также муниципальные повинности, что не избавляло их от повинностей в городе, откуда они прибыли. Со временем грани между гражданами и инколами стираются.

Доходы городов складывались из пошлин, а также из сдаваемых в аренду городских земель. Кроме того, в благодарность за оказанный почет дуумвиры пополняли государственную казну собственными средствами или брали на себя сооружение новых зданий, благоустройство рынков, ремонт дорог. Выходцы из маленьких городов, перебравшись в Рим и приблизившись к императорскому трону, также осыпали родной город благодеяниями и удостоивались за это почетных постановлений и статуй.

Эпоха Антонинов могла бы показаться «золотым веком» для всех городов, если бы не характер и масштабы вмешательства римской администрации в их жизнь. При Нерве и Траяне в некоторые города посылаются городские попечители (кураторы), наделенные широкими полномочиями и прежде всего правом контролировать городские финансы. Помимо того, в провинциальных городах за деятельностью администрации следили императорские наместники, без разрешения которых фактически нельзя было сделать ни шагу. Центральная власть ограничивает влияние старых полисных структур и вступает в непосредственный контакт с индивидом помимо городской общины. Проводимая римскими властями регламентация внутригородских отношений разрушала полис, способствуя более полному развитию частной собственности.

Коллегии. Городское население империи, лишённое политических прав и утратившее вкус к политике, находило выход своей энергии в деятельности частных объединений по профессиональному,

религиозному или иному принципу — *коллегий*. Коллегии защищали интересы своих членов, гарантируя им материальную или правовую поддержку в экстремальных обстоятельствах, служили опорой в постоянно меняющейся городской жизни, обеспечивая участие в решении общегородских вопросов. Заменяв политические партии, коллегии оказывали влияние на выдвижение кандидатов на административные должности, на выборы вообще.

Судя по литературным источникам и огромному числу сохранившихся надписей на латинском и греческом языках, существовали коллегии ремесленников (сукновалов, оружейников, булочников, носильщиков и др.), судовладельцев, торговцев разными товарами в том числе и рабами, представительниц древнейшей женской профессии, коллегии нищих, похоронные коллегии. Существовал специальный закон, определявший правила вступления в коллегии и выход из них, равно как права и обязанности их членов. В некоторых коллегиях допускалось участие рабов и женщин. Существовали коллегии, насчитывавшие по нескольку сотен, а были и такие, что не превышали оговоренную законом норму — три человека. Общее имущество коллегий строго отделялось от частной собственности их членов. Коллегии управлялись выборными лицами — председателями, попечителями, квесторами, полномочия которых определялись письменным уставом или обычаями. Они заведовали денежными средствами сообщества, а если оно носило производственный характер, — распределяли работу между его членами, вели переговоры с заказчиками, ведали приемом и обучением новичков и, возможно, имели право исключать из коллегии тех, кто нарушал ее правила. Список всех членов коллегии выставлялся на всеобщее обозрение. Небогатые коллегии могли собираться на открытом воздухе или в харчевне, богатые — обладали собственным местом сбора: под портиком какого-либо здания или в отдельном помещении, которое называлось «схола». Схола была своего рода внешним фасадом коллегии и предметом гордости ее членов, вкладывавших в ее украшение средства, мастерство и талант. В схолах устраивались торжественные обеды и церемонии. Там осуществлялся культ богов, покровителей ремесел и иной деятельности, а также гениев-покровителей каждой коллегии.

В условиях, когда любая хозяйственная активность находилась вне сферы государственного вмешательства, когда работы по строительству и ремонту дорог и общественных сооружений, сбор налогов и податей отдавались на откуп частным лицам, коллегии охватывали все сферы городской жизни. Они держали в своих руках все ремесла, строительство, транспорт и поэтому пользовались покровительством императорской власти.

Не вмешиваясь в повседневную деятельность коллегий, императоры в то же время осуществляли за ними постоянный жесткий контроль, ибо любое неконтролируемое объединение в принципе могло стать очагом преступности, равно как и оппозиционных настроений. Наместник провинции Вифинии Плиний Младший, обратившийся к Траяну за разрешением основать коллегия для тушения пожаров, получил такую отповедь: «Тебе пришло в голову, что можно основать коллегия пожарников у никомедийцев. Не забудем, однако, сколько беспокойства именно этой провинции и этим городам принесли союзы подобного рода. Какое ни дай им имя и с какой целью ни устраивай, собравшись, они не преминут обратиться в тайное общество». В памятниках римского права и императорских эдиктах предусматривались жесточайшие наказания за создание запрещенной корпорации. «Тот, кто организует противозаконную коллегия, — пишет римский юрист Ульпиан, — подвергается наказанию, равному с теми, кто нападает с оружием в руках на общественные места и храмы», т.е. отдавался на съедение зверям или сжигался живьем.

Похоронные коллегии, вопреки их названию, не только обеспечивали своим членам достойное погребение. Из сохранившегося устава похоронной коллегии города Ланувия видно, что устраивались совместные трапезы, на организацию которых шла часть взносов. Наряду со свободными в коллегия входили и рабы. В уставе отмечалось, что при отпуске на свободу раб должен был внести в коллегия две амфоры вина. Пирушки членов коллегии внушали властям тревогу. Устав ланувийской коллегии содержит выписку из постановления сената, запрещавшего сходиться на пиры чаще, чем раз в месяц.

За знанием. Среди тех, кто держал путь по прекрасным мощеным дорогам, соединявшим города империи друг с другом и с Римом, в октябре, когда спадает летняя жара, можно было видеть не только проносящихся с быстротой стрелы императорских гонцов, бредущих на побывку с границ солдат, торговцев, сельчан, гонящих по обочинам скот, но и стайки юнцов, не обремененных поклажей. Прислушавшись к вылетавшим из их уст словам — «advocatus», «orator», «eloquentia», — можно было понять, что их волновали не объявленные на ближайшие нундины гладиаторские игры, не упавшие из-за обильных летних дождей цены на зерно и оливковое масло. Они шли в города за знанием, ибо если начальную грамоту молодежь изучала и в сельской глуши, то стать образованным человеком можно было только в городе, открывавшем школьные ворота всем свободнорожденным римлянам и вольно-

отпущенникам, желавшим учиться и располагавшим достаточными средствами.

В I—II вв. многие города возникали на месте прежних галльских и германских поселков или среди лесов, в которых недавно раздавался вой зверей и находили убежище обладатели тайных знаний — друиды. И там все более мощно звучала латынь и можно было услышать бессмертные строки Вергилия «*Agma virumque capo*» («Браня и мужа пою»). Эти новые города, не менее чем своими храмами и амфитеатром, гордились школами, которые давали универсальное образование (хотя еще не назывались университетами).

Из всех школ Галлии прославилась та, что находилась в небольшом городке Августодуне (в переводе с кельтского — Августограде, ныне Отене). Еще во времена императора Тиберия туда, по словам Тацита, «стекались дети знатных галлов для изучения свободных искусств». Школа эта занимала почетное место между Капитолием и храмом Аполлона, и ее успехами интересовались не только в галльских провинциях, но и в императорском дворце на Палатине. В середине IV в. по высочайшему назначению прибыл в Августодун для принятия вакантной должности руководителя школы и одновременно кафедр риторики и грамматики прославленный в Риме Эвмен. И это не было почетной ссылкой — император Констанций Хлор пожелал вернуть школе Августодуна ее былой авторитет, утраченный в годы, когда город перелетал от одного самозванного императора к другому, как набитый паклей кожаный мяч. Император помнил, что из школ Галлии, Испании, Африки вышли Квинтилиан, Тацит, Марциал, патриотизм которых укрепил империю, а удаление из Рима он компенсировал Эвмену огромным жалованьем в 600 000 сестерциев, правда, как об этом предупреждало подписанное монархом письмо, выплачиваемым не из фиска, а из городской казны, ибо император был уверен, что город должен сам оплачивать свою славу.

Обучение в школах и содержание школьных помещений оплачивалось не только из городской или имперской казны, но и теми, кто направлял учиться туда своих сыновей-наследников. В одной из сатир, посвященных положению в Риме людей интеллектуального труда, изображено бедственное положение людей, добывающих себе хлеб не денежными спекуляциями, не трудом бесчисленных невольников, а собственным талантом. Герой сатиры — не названный по имени богач, владелец великолепного особняка, украшенного колоннами из крапчатого нумидийского мрамора, которому прислуживает наемный специалист, умеющий с редким искусством накрывать стол, а сладкое ему готовит не менее искусный кондитер, — осмеливается предлагать самому Квинтилиану за обу-

чение наследника жалких 2000 сестерциев в год. Да, добавим мы, этой суммы Квинтилиану едва бы хватило, чтобы нанять переписчика своего творения.

Не было во всей империи мало-мальски образованного человека, который бы не слышал об афинской Академии и афинском Лице, об их основателях Платоне и Аристотеле и не уступающих им талантами учениках. Если школа Августодуна собирала знатных галлов, то в Афины прибывали на кораблях юноши из самых отдаленных провинций. И уже не эпизодически, а постоянно императорская власть следила за тем, чтобы не угасали факелы знаний, зажженные Платоном и Аристотелем. Марк Аврелий позаботился об учреждении в Афинах кафедры философии и установил для тех, кто ее поочередно занимал, жалованье в 10 000 сестерциев в год. Это была весьма умеренная плата, окупаемая, однако, славой преподавания в знаменитой школе и, естественно, гонорарами, получаемыми от родителей. Интеллектуальные услуги испокон времен оплачивались хуже, чем работа опытного ремесленника. На образовании и науке всегда экономили, но поток жаждущих мудрости никогда не ослабевал.

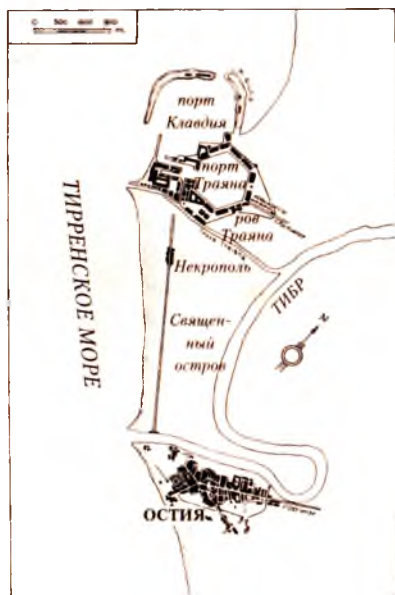
Остия*. Время бурного строительства, развернутого Антонином, оставило следы по всей империи, но особенно хорошо оно прослеживается археологически на судьбах самого близкого к Риму города — его порта Остии, расположенного в 18 километрах от столицы.

Город, уже во времена Суллы занимавший около 71 га и по размерам уступавший в Италии, кроме Рима, лишь Капуе (173 га) и Неаполю (101 га), во II в. расширился до 130 гектаров. По клеймам на кирпичах установлено, что из поддающихся датировке зданий почти три четверти домов вновь построены или отреставрированы в эпоху Антонинов (12% датируются временем Траяна, уделявшего много внимания также строительству новой гавани; 43% — Адриана, 17% — Антонина Пия). Далее по инерции город продолжает понемногу строиться при Септими Севере (12%), а затем строительство замирает, отражая ту общую ситуацию, в которую попала империя с приходом к власти Северов накануне кризисного III в.

Адриан создал фактически новый город по образу и подобию того Рима, который возник после опустошительного пожара при Нероне. План города, 57% площади которого занимали инсулы, был правильным, улицы пересекались под прямыми углами, и главная из них, прорезавшая Остию с востока на запад, возле форума была

* Параграф написан Л.С. Ильинской.

украшена портиками, точно так же, как и при подходе к форуму Рима. Общественные здания и храмы, первоначально строившиеся из местного, туфа, к этому времени покрываются мраморной облицовкой — благо хлынувший в Рим мрамор Греции, Африки, Малой Азии частично оседал в порту, да и балластом для входивших в гавань кораблей часто служили мраморные блоки.

План Остии

Город, постоянное население которого колебалось в начале империи в пределах 35 000—40 000 человек, отличался от Рима лишь величиной построек. Его жителям вполне хватало сооруженного при Августе театра почти на 3 000 мест. К их услугам было 14 общественных бань, которые вместе с отстроеными во II в. императорскими термами обеспечивали потребности населения не хуже, чем в Риме. И хотя термы Остии были не столь грандиозны и роскошны, как римские, в комфортабельности они не уступали столичным. Особенно благоустроены были термы, получившие в наше время условное название «термы форума». Расположение помещений, учитывающее направление ветров и перемещения солнца, сложные системы вентиляции и отопления, позволявшие поддерживать в разных помещениях температуру, соответствующую их назначению, — все это как бы иллюстрировало касающиеся устройства терм разделы знаменитого трактата Витрувия «Об архитекту-

ре». Достаточно изысканной была и отделка всех трех терм, имевших мозаичные полы и мозаичные картины на стенах.

Как и в Риме, в Остии был свой Капитолий, где по распоряжению Адриана был возведен большой храм капитолийской триады богов, к которому вела широкая мраморная лестница. Храмы богам находились не только в центре, но и по всему городу. Наряду с при-

Митреум Остии.

Мозаика пола с символами семи планет и ступеней посвящения

Митреум Остии.

Мозаика пола с митраистской символикой

вычными отеческими богами появляется все больше и больше храмов восточных пришельцев. Это и храм фригийской Великой матери, чьи праздники справлялись не менее шумно, чем в Риме, и египетского Сераписа близ гавани, который чаще всего посещали восточные моряки, и многочисленные группы святилищ Митры (митреумов), и синагога, оказавшаяся самой крупной из иудейских синагог, известных в Средиземноморье (850 кв. м). Постепенно появляются и христианские храмы, сначала, как и все другие, на свободных участках, затем — на фундаментах и руинах жилищ поверженных языческих богов, особенно ненавистного христианам из-за его популярности Митры, чьих почитателей к III в. было ничуть не меньше, чем приверженцев Христа. И конечно же, повсюду следы культа императоров, исполнение которого с приходом империи стало свидетельством лояльности режиму. Это и храм Ромы и Ав-

*Инсула Остии.
Современное состояние*

густа, возведенный при Тиберии и бывший до расширения и переоборудования синагоги самым крупным зданием города, и храм Домициана, и просто сохранившиеся постаменты статуй императоров, в особенно большом числе найденные в комплексе помещений, где располагалась когорта пожарников. Среди них императорский культ пользовался особой популярностью, поскольку императоров, установивших в Риме пожарную службу, немедленно скопированную остальными городами империи, они считали своими покровителями.

Город, принимавший товары со всего мира, без труда обеспечивал занятость своего населения, состоявшего преимущественно из торговцев или людей более скромных профессий, но равным образом связанных с портом, — водолазов, грузчиков, кладовщиков, смотрителей доков, канатчиков, счетоводов, лодочников, «тягачей», тащивших вверх по Тибру в Рим суда, на которые предназначенные для столицы товары сгружались с более крупных кораблей. Особенно много людей было занято торговлей и хранением товара — недаром 16% городской территории занимали склады и лавки, располагавшиеся по обеим сторонам улиц или в первых этажах инсул. Уже сейчас, хотя раскопки не завершены, обнаружено более 800 таких лавок и множество складов, из которых наиболее впечатляют зерновые, в несколько этажей окружавшие гигантский (40 га) шестиугольный бассейн гавани Траяна.

Существовал и целый квартал деловых людей. Он находился возле самого театра — за портиком, примыкавшим к театральному зданию. Там, внутри двойной колоннады, было устроено около 70 небольших помещений для деловых встреч. Принадлежали они публиканам Рима и представителям других, подчас далеких портовых городов. Каждая из таких своеобразных «контор» имела свою эмблему, выложенную над дверями мозаикой. По ней можно было судить о деловых интересах владельца или о городе, который он представлял. Встречаются эмблемы с изображением портов Африки, Испании, Сардинии, Галлии. Символы и обычно сопровождающие их пояснительные надписи показывают, что здесь заключались торговые сделки, связанные с покупкой шкур, леса, золота, зеркал, зерна, дынь, фасоли; слоновой кости и шелка, поступавших из дальних краев; цветов, чей путь мог быть только коротким.

Как и всюду, доходы обитателей Остии были неодинаковы, но в отличие от Рима здесь не было людей, не имевших заработка. По-

Инсулы.

Реконструкция разных типов инсул

этому в Остии инсулы — это не острова нищеты. С ростом населения и до того немногочисленные дома-особняки полностью вытесняются вновь построенными инсулами. В большинстве из них были балконы, огражденные решетками и засаженные зеленью; зелень украшала и дворы, где, в зависимости от состоятельности обитателей, могли устанавливаться также статуи и устраиваться фонтаны. Более богатые инсулы имели просторные входные помещения, часто украшавшиеся мозаикой и колоннами; стены и своды таких инсул покрывались фресковой живописью.

Остия, эти «уста Рима», в сущности, была Римом в миниатюре. Жизнь порта настолько тесно сплеталась с жизнью питавшей его активности столицы, что даже в городских фастах Остии с равной тщательностью отмечались и чисто местные, и римские события (такие, например, как навмахия, устроенная в Риме по случаю освящения храма Венеры Прародительницы, или завещание Цезарем народу своих садов за Тибром). Поэтому облик города мог бы показаться нетипичным, если бы не возможность сравнения с сохранившимися под пеплом Везувия небольшим курортным городком Геркуланумом и особенно с Помпеями, торгово-ремесленным центром, каких было немало в Италии и по всей империи.

Помпеи. Конечно, значение Помпей несопоставимо с ролью, какую играла Остия, морские ворота Рима, через которые сюда стекались богатства земли. Это был рядовой городок, почти не оставивший о себе памяти в произведениях историков и поэтов, славившийся, впрочем, своим терпким вином, благоуханными розами и острым соусом из макрели. Но гибель Помпей превратила их в совершенно уникальный памятник римского искусства и римской жизни. С помощью Помпей заговорили немые камни других городов империи и самого Рима.

В городе, освобожденном от пепла, можно пройти по двум главным улицам. Одна из них ведет с севера на юг, другая — с востока на запад. Остальные улицы, параллельные главным, образуют прямоугольники-инсулы. В отличие от Рима и Остии, где в каждом из таких прямоугольных «островов» высились многоэтажные громады, здесь располагались одноэтажные постройки-особняки или, ближе к окраинам, хижины бедняков. На пересечении главных улиц находился форум. Он был окружен портиками и заполнен статуями (ни в Риме, ни в Остии статуи, за редкими исключениями, не сохранились). Неподалеку от форума находились два театра, в другой части города — каменный амфитеатр, предназначенный для гладиаторских боев и травли зверей. На каменных скамьях, поднимавшихся рядами вокруг овальной арены, могло разместиться 20 000 любителей кровавых зрелищ. Вблизи амфитеатра была расположена площадка для гимнастических упражнений.

На каждом шагу — лавки, магазины, мастерские ремесленников, художников. Рисунки на стенах домов живо дополняют картину торговой жизни. На одной из фресок изображена торговля тканями. Покупатели, сидя на скамье, внимательно рассматривают развернутую ткань. Одному, видимо, удалось найти изъян, и он указывает на него пальцем. Но продавец, возмущенно вскинув руку, уверяет, что его товар высшего качества. В сапожных мастерских Пом-

Стены помпейских особняков:
 а) восточные мотивы; б) архитектурный стиль

Амурчики
(излюбленный сюжет помпейских фресок)

Натюрморт

ней, как видно из фрески, производился срочный ремонт обуви. В ожидании один из посетителей углубился в чтение папируса, другой заглядывает в свиток через его плечо. Тем временем подмастерье надевает заказчику башмак, а хозяин мастерской подает знак, чтобы принесли второй. Мальчик-раб с корзинкой в руках стоит сзади. Видимо, содержание папируса заинтересовало и его.

На другом рисунке представлена сценка из школьной жизни. Бородатый учитель, по-видимому, грек, объясняет урок. Прилежные ученицы сидят на скамье, положив на колени таблички. Ученики слушают стоя, прислонившись к колоннам. Похоже, один из них провинился: его подняли на плечи другого и секут.

Но самое ценное из всего, что подарил нам город под пеплом, — это возможность проникнуть в такие детали общественной и частной жизни горожан, какие не дает ни одно из произведений античных авторов в отдельности, да и все они, вместе взятые.

Обитатели Помпей, как истые южане, отличались общительностью. Они делились своими радостями и огорчениями, доверяя их не только соседям, но и стенам, на которых, особенно в общественных местах, сохранилось множество надписей. «Амплиат Педания — вор», — предостерегает одна из надписей. «Нечего делать тебе, бездельнику, здесь. Убирайся!» — угрожает другая. «Дверь для просьб пусть будет глуха, открыта для денег», — поучает третья, комментируя оставленные на стене жалобы влюбленного, обещающего переломать ребра самой Венере за то, что «она пронзила его нежную грудь». Одного из помпейцев настолько раздражало пристрастие к маранию стен, что он не мог не выразить своего возмущения, при этом используя ту же стену:

Удивляюсь тебе я, стена, что ты еще не упала,
Вынеся столько писак сплетни и болтовню.

Надписи Помпей выразительнее любого литературного текста демонстрируют любовь помпеянцев к гладиаторским сражениям. Не только на форуме, стенах домов, базилик, театра, на городской стене близ ворот, но даже на могильных плитах вдоль дороги к Помпеям выделялись вычерченные красной краской объявления, задолго до начала обещанного сражения приводившие в волнение будущих зрителей: «Гладиаторы Суетрия Церта, эдила, будут биться в Помпеях накануне июньских календ. Звериная травля. Тент». Иногда на стене появлялась целая афиша, в которой, помимо всего прочего, указывались имена гладиаторов и число поединков, в которых они будут участвовать. На одной из афиш какой-то помпеянец пометил по завершении игр, кто из бойцов погиб, кто — победил, а кто в награду за понравившуюся схватку был отпущен на свободу.

Особенно ценны для понимания внутренней жизни города надписи, которыми были испещрены в преддверии выборов стены домов на ведущих к форуму улицах. Из них видно, сколь напряженная борьба разворачивалась за голоса избирателей. Отдельные, по-видимому, уважаемые в своей среде, лица и коллегии — плотников, хлебопек, извозчиков, зеленщиков, сукновалов, ювелиров и других профессий — публично заявляли о поддержке того или иного кандидата. «Прошу (просим) вас, выберите!» (ого vos, feciatis!) — взывали они к прохожим с таким постоянством, что призыв этот стали писать сокращенно — по одной начальной букве от каждого слова — o.v.f. Вполне понятно было читающим эту уличную пропаганду и сокращение стандартного качества кандидата, обычно именуемого «достойным общественной деятельности» (dignum rei publicae — d.r.p.). Остальные достоинства, объявляемые значительно реже, писали полностью (честнейший, достойнейший, совестливейший), иногда надпись напоминает избирателям, что достоинства кандидата должны быть известны им самим: «честность его вы испытывали», «он дает хороший хлеб».

Нередко надпись обращена к определенному адресату с просьбой, а порой и настоянием, сопровождающимся укором: «Требий! Приснишь, выбирай!», а часто и недвусмысленным намеком на прямую выгоду: «Прошу тебя, Лорей, выбери Сабина эдилом, и он тебя выберет!» В ходе предвыборной борьбы бывали случаи уничтожения надписей конкурентов, как свидетельствует приписка, сделанная под одной из них: «Пусть возьмет тебя хворь, если из зависти это уничтожишь», и сентенция, размещенная возле другой: «Подражать надо, а не завидовать». Применялись и более изощренные методы сокрушения опасного противника: старательно выведенным призывом голосовать за кандидата от имени «всех сонливцев и пьянчуг», или «старых кутил», или некой Кукушки,

известной своим легким поведением, явно хотели бросить тень на репутацию кандидата.

Когда выборы завершались, на все эти надписи уже никто не обращал внимания, а на следующий год, покрыв их слоем белой штукатурки, освобождали пространство для новых призывов, и все начина-

а

б

в

г

Мозаика, украшавшая стены и полы помпейских особняков:

а) бой петухов (излюбленное развлечение римлян);

б) частое изображение у входа с надписью «Берегись собаки» (*Cave canem*);

в) уличные музыканты; г) символика бренности жизни

лось сначала. Благодаря этому политическая жизнь города известна на протяжении даже не нескольких лет, а нескольких десятилетий.

Помпеи раскрывают перед нами и детали религиозной жизни, обычной для любого города начала римской империи. В одной из своих эпиграмм Марциал, оплакивая город, недавно защищенный зеленой тенью Везувия, а ныне засыпанный его пеплом, вспоминает о божественной триаде — Вакхе, Венере и Геркулесе, покровительствовавших Помпеям, но не пожелавших их защитить. Венера считалась кормилицей города, Вакх был покровителем процветавшего в нем виноградарства, а Геркулес мыслился основателем города. Почитание этих богов оставило в Помпеях многочисленные следы. Наряду с этими богами почиталась и capitoлийская триада — Юпитер, Юнона и Венера. Новым явлением был культ богов восточного происхождения, и это характеризует ситуацию, общую для

многих городов римского запада, стоявшего на пороге великих религиозных перемен.

В городе укоренилась египетская богиня Исида. Она имела свой собственный храм, в архитектуре которого не было ничего египетского, но колонны были покрыты иероглифами, а на внутренних стенах изображалась процессия египетских жрецов богини со свитками, музыкальными инструментами, сосудами для воды особой формы.

Кухонная посуда помпейцев

Весы

Культ Исиды, как показывают надписи, найденные в частных домах, осуществлялся не египтянами, а помпейцами италийского происхождения. Новым пришельцем был также малоазийский бог Зевс Фригийский. В его храме обнаружена ниша со священным черным камнем.

Особенно многочисленны в городе следы императорского культа, подчеркивавшие исключительную лояльность помпейцев. Вся южная сторона форума была занята конными статуями императоров, от которых сохранились пьедесталы. В центре этой конной группы высился колосс Августа в окружении Клавдия, его супруги Агриппины и Нерона, которого помпейцы не решились убрать даже после его официального низвержения постановлением сената. Статуи императоров и членов императорского дома украшали и другие участки форума — конная статуя то ли кого-то из сыновей Германика, то ли Каракаллы стояла перед входом в храм Юпитера на северной стороне форума, двое сыновей Германика, погубленных происками Сейяна во времена Тиберия были запечатлены на одной из сторон возвышавшейся на

северо-западе форума арки, увенчанный конной статуей Тиберия; поблизости, над другой аркой, высилась статуя Нерона; на западной стороне форума находилась площадка для отправления императорского культа, которым ведала, как и в Риме и Остии, коллегия авгуров, состоявшая главным образом из вольноотпущенников.

Капелла, посвященная культу императоров, скорее всего, была возведена во времена Клавдия, поскольку статуя его (от которой кроме пьедестала, осталась лишь рука с глобусом) встречала посетителей у самого входа, а четыре боковых ниши занимала его родня: жена Агриппина, приемный сын Нерон, сестра Августа Октавия, бабушка Клавдия по материнской линии и ее сын Марцелл.

С императорским культом связано и святилище ларов, воспринимавшихся в это время уже как лары Августа, в чем не оставляет сомнения изображение под абсидой Гения Августа в окружении двух ларов. Последним памятником императорского культа, какой успели помпейцы возвести до катастрофы, стал храм Веспасиана.

Эти следы почитания земных богов явно превышают все, что сохранилось в Помпеях от культов богов небесных, свидетельствуя об изменениях, происшедших в идеологии римского общества уже в первое столетие существования империи.

Тимгад. В северной Африке сохранению ряда городов римского времени способствовали не пепел и лава, а пески, надуваемые ветром Сахары. «Помпеями» Северной Африки стал город, основанный в 100 г. при императоре Траяне легатом 30-го легиона Мипуцием Галлом для ветеранов легиона под названием *Colonia Ulpia Trajana Thamagudi*. В основу планировки Тимгада был положен план римского лагеря с улицами, пересекающимися под прямым углом, образующими квадраты инсул, каждая из сторон которых достигала 20 м. Главные магистрали (*cardo* и *decumabus*) вели к расположенному в центре форуму, почти прямоугольной площади (50 × 43 м), окруженной колоннадой. На форуме размещались многочисленные административные и торговые строения и базилики. К северу от форума на возвышении был возведен небольшой храм, посвященный победам Траяна.

Вскоре город вышел из старых границ. В его юго-западном углу в 160 г. был построен капитолий с храмом, окруженным колоннами коринфского ордера высотой 14 м, большие термы и дома богачей. При Септимию Севере в городские стены была встроена грандиозная трехэтажная триумфальная арка Траяна. Позднее к северу от города был построен храм бога Сатурна, культ которого немало заимствован от его африканского предшественника — финикийско-карфагенского Ваала.

Аквинк. Среди римских городов на Дунае, выявленных в ходе недавних археологических исследований венгерских ученых, впечатляет Аквинк, выросший на месте древнего племенного поселка. Он имел форму трапеции со сторонами 600—800 м. В центре города, защищенного крепостной стеной, на пересечении главных улиц находились форум с каменным зданием, видимо, дворцом легата, капитолий, общественные термы, небольшой амфитеатр. По фасаду форума шла крытая галерея, на которую выходили лавки (их обнаружено три десятка). Хотя Аквинк был невелик, в нем имелось несколько триумфальных арок, одну из которых соорудили в 150 г. воины 2-го вспомогательного легиона в честь Антонина Пия. Крупные ремесленные мастерские находились вне городских стен, на берегу Дуная. Город имел водопроводы, в том числе в них поступали горячие воды термального источника.

Римский феномен. Изучение литературных, археологических и эпиграфических источников II в. позволяет говорить о формировании к этому времени на огромных пространствах от Британии до Месопотамии, от дунайских областей до Мавритании и Эфиопии культуры, обладающей общими признаками. Любитель гладиаторских боев, попавший из Рима в Аквинк, Тимгад или Херсонес, мог насладиться этим зрелищем и там. В его распоряжении были и термы того же типа, без которых он не мог обходиться в Риме. Привыкший к застекленным окнам, он мог пользоваться этим новшеством и в Галлии. Римское владычество было важнейшим фактором романизации — распространения культуры римского типа. Однако было бы ошибочным рассматривать этот процесс как искоренение местных культур и сведение их к единому знаменателю. Греческий язык всецело господствовал в Восточном Средиземноморье, обитатели восточных провинций, считавшие себя римлянами, в массе своей не знали латыни. На территории Северной Африки через несколько столетий после разрушения Карфагена продолжали говорить на пунийском языке и пользоваться пунийской письменностью. Почитая римских императоров и посвящая им надписи на греческом языке, жители Малой Азии называли свои города «величайшими» и «славнейшими». Ничто не говорило о том, что малоазийцы мыслили себя римскими патриотами. При этом римские власти не посягали на превосходство и не заботились о распространении своей политической и правовой культуры, мирились с любой религией, если она не была направлена против римской власти и римских религиозных установлений.

Однако все сказанное не дает основания для идеализации римских порядков, характерной для многих современных западных ученых, видящих в римской империи прообраз современной объеди-

ненной Европы. Моральные понятия, провозглашаемые терминами *fides* (верность), *dignitas* (достоинство), *honor* (честь), были чужды римлянам как во внутренней жизни, так и в отношениях с другими народами. Если бы за этими лозунгами стояла какая-либо реальность, не было бы ни сепаратистских движений, ни почвы для распространения христианской идеологии, для которой римская империя была «государством дьявола», ни готовности угнетенных низов в кризисные эпохи соединиться с варварами, лишь бы освободиться от уз жестокой и безнравственной власти.

Источники и историография. Наши знания о городе и городской жизни эпохи империи покоются на огромном материале источников. Помимо обширнейших сведений, донесенных авторами эпохи Антонинов в исторических трудах, речах, письмах, романах, юридических трактатах, мы обладаем необозримыми археологическими данными и колоссальным количеством надписей, преимущественно на латинском и греческом языках. Речь идет о сотнях тысяч эпиграфических текстов, число которых возрастает с каждым годом. Любой из городов обладает большим или меньшим каменным архивом, позволяющим изучить жизнь его обитателей и выделить то, что присуще менталитету граждан и подданных римской империи, что относится к городской политике римских властей, городскому самоуправлению, хозяйственной деятельности, уровню образования, положению отдельных социальных групп.

Во второй половине XIX в. на этом материале выросли первые серьезные исследования, посвященные истории римских провинций и римской городской жизни (С.В.Ешевский, немецкие ученые Э.Кун и Т.Моммзен). Последний посвятил римским провинциям эпохи империи 5-й том своей знаменитой «Истории Рима», объединив историю римской администрации с исследованием преимущественно политической и культурной жизни римских провинций. Главным итогом столетий римской империи Моммзен считал «распространение по всему миру греко-римской цивилизации в процессе формирования городского общинного строя и постепенного приобщения к этой цивилизации варваров и прочих иноземцев».

Накопление археологических, эпиграфических, папирологических материалов в первой четверти XX в. привело к качественным изменениям в области его интерпретации. С помощью источников обновляется история городов и городской жизни римской державы. В этом особенно велики заслуги американского ученого А.Джоунса и М.И.Ростовцева. Расцвет римской культуры Ростовцев связывал с деятельностью «городской буржуазии», а ее упадок — со вступлением на арену истории «пролетариата». По мнению Джоунса, причиной упадка городов и их конечной гибели была узость круга богатых граждан, сужение господствующего слоя, чему способствовала неразумная политика императорской власти.

Одновременно французский ученый Г. Глотц выступает против господствовавшего прежде мнения о негативной роли римской политики и римской администрации в цивилизационном процессе, уверяя, что Рим действовал не огнем и мечом, а подчинял народы дипломатией и уважительным отношением к их культурному прошлому.

После второй мировой войны и сближения европейских народов в идеализацию римского феномена включаются немецкие ученые. В. Пешель противопоставляет высоту моральных ценностей императорского Рима греческо-

му сепаратизму и эгоизму. По его мнению, римская духовная культура — идеал, к которому должно быть обращено современное сознание, еще не избавленное от националистических предрассудков.

Социально-экономическими процессами в жизни городов империи активно занимались отечественный ученый старшего поколения А.Б. Ранович, посвятивший монографию восточным провинциям римской империи, а в последние годы — А.И. Павловская, Е.С. Голубцова, И.С. Свенцицкая, Ю.К. Колосовская. Надписи позволили по-новому поставить вопрос о роли полиса в системе римской империи, о характере процесса романизации и взаимовлияния культур покоренных Римом народов.

Глава 43 **ВОЕННАЯ МОНАРХИЯ СЕВЕРОВ (193—235 ГГ.)**

Вместе с Коммодом не только оборвалась династия Антонинов, но и завершился век относительной стабильности, и благополучия, для кого-то бывший, а в сущности лишь казавшийся «золотым веком». Государство приблизилось к краю пропасти, но еще отыскались силы, сумевшие удержать империю от падения. Для этого пришлось отказаться не только от провозглашенного идеологами принципата союза между сенатом и императорской властью, но и от традиционной римской религии. Чуждые ей восточные боги, давно уже принятые в пантеон в качестве почетных гостей, стали хозяйничать в императорском дворце. Подлинной опорой власти сделались солдаты, причем не италийского, а африканского, дунайского и восточного происхождения. Для Рима наступили суровые времена военно-бюрократического режима. И этому в полной мере соответствовали имена новых императоров — Северы («суровые»).

Септимий Север. Каракалла. Макрин. Элагабал. Александр Север. Итак, на смену Антонинам, выходцам из Испании, пришли африканцы, азиаты Северы. Основатель династии **Септимий Север** (193—211) родился в пунийском городе Лептисе и, хотя получил основательное образование в Риме, о своем африканском происхождении никогда не забывал. Кумиром императора был не завоеватель Африки Корнелий Сципион, а его великий противник Ганнибал, и он не устал воздвигать ему памятники. Среди любимых его книг была «Югуртинская война» Саллюстия, и он не расставался с ней даже в походах. Пристрастие же к Востоку сказалось и в выборе им второй жены по гороскопу. Она была родом из малоазийской Эмессы, славившейся храмом бога Солнца. Вместе с Юлией Домной в Рим пришел и культ этого восточного божества.

До занятия престола Септимий Север командовал войсками в Испании, Сардинии, Галлии, Паннии и при Коммоде дослужился до должности командующего германскими легионами. Далекий от императорского двора с его интригами, он готовил себя к захвату римского престола и шел к нему во всеоружии административ-

ного и военного опыта. Будучи человеком негибимой воли, Септимий Север добивался своих целей, не считаясь с чьими-либо возражениями и тем более сопротивлением. Жестокость он возвел в принцип управления государством. Большую часть своего не дошедшего до нас жизнеописания он посвятил ее оправданию. Время от времени Септимий Север занимался философией и сумел философски оценить итоги своего продвижения к вершине власти: «Я был

*Септимий Север
(изображение на монете)*

всем, и все это ни к чему». Современники запомнили его высоким, седыми курчавыми волосами, говорящим с пунийским акцентом.

Ужасом империи стал сын Септимия Марк Аврелий Антонин, получивший прозвище **Каракалла*** (211—217), вошедший вместе с Коммодом в галерею наихудших сыновей, унаследовавших императорскую власть. Его жестокость, в отличие от отцовской, была бессмысленной. Он не только убил своего сводного брата Гету на груди у мачехи — сирийки Юлии Домны, но и взял ее себе в жены. Среди уничтоженных им римлян оказался и его воспитатель, известный юрист Папиниан, опыт которого мог бы ему пригодиться и избавить от многих оплошностей и ошибок. Бездарный и честолюбивый, он присвоил себе титулы Германский, Парфянский, Арабский, Алеманнский. Поэтому кто-то в шутку дополнил этот список прозвищем «Величайший Гетский» (по имени убитого брата). Смерть Каракаллы оказалась достойной его жизни. Он был убит собственным телохранителем близ памятных римлянам Карр.

Сменил Каракаллу на троне организатор заговора мавританец Макрин. Это был человек малообразованный, но не невежда. Сохранилось посвященное ему сочинение Ампелия, также африканца, под названием «Памятная книжица», состоящее всего из сорока небольших главок — кажется, это был максимум того, что мог освоить адресат. О том, кем был Макрин у себя на родине, сведений нет, но характерно, что пророчества о нем сохранили анналы одного из карфагенских храмов. По кровожадности Макрин не уступал Каракалле. Недисциплинированных воинов он распинал на крестах, как рабов, не уставая изобретать для них все новые и новые казни. За полтора года пребывания у власти Макрин ни разу не побывал в Риме, однако сенат удостоил его титула Благочестивый и Счастли-

* От галльского плещ с капюшоном, которому император отдавал предпочтение и инел в употребление.

вый. Он и впрямь мог показаться таковым по сравнению со сменившим его Элагабалом (218—222).

Согласно древнему преданию, культуру в Италию принес бог Сатурн, приплывший на корабле с Востока. В 218 г. стал императором и «живым богом» прибывший из Финикии пятнадцатилетний Аврелий Антонин, жрец солнечного бога, взявший его имя — Гелиогабал (Элагабал). На его корабле в Рим был доставлен священный метеорит из Эмессы. Презиравший римские законы, он мечтал перенести на Палатин обряды и обычаи финикийцев и иудеев. Вместе с восточными верованиями в Рим пришла и восточная роскошь — серебряные самовары и котлы с фигурными украшениями, воспроизводящими откровенно эротичные сцены, одежды из чистейшего шелка, покрывала из золотых нитей, спальни, устланные розами, ванны из вин и благовоний, диковинные рыбы и трюфеля, усыпанные жемчугом; гусиной печенюю, считавшейся деликатесом, кормили здоровенных псов, на которых император разъезжал по городу, иногда заменяя их прирученными львами и обнаженными женщинами. Часть дворца была превращена в зверинец, куда в величайшем множестве были завезены дикие животные. По ночам их рев, сливаясь со звуками диковинных инструментов и пением, разносился по городу, и его жители могли ощутить себя обитателями Аравии или Нубии.

К привычным для римлян кровавым развлечениям Элагабал добавил игры, напоминающие современные лотереи. Приглашенных на роскошные пиршества ожидали на столе ложки-жребии. В соответствии с обозначениями на них, гостям доставались то десять мух, то десять фунтов золота, то десять страусов, то десять стеблей лука, то десять дохлых собак. Другой забавой императора было ставить на столы перед прихлебателями искусное изображение яств из воска, слоновой кости, глины, мрамора или стекла.

Предсказатели предрекли императору насильственную смерть, и он тщательно к ней готовился: запасся веревками, свитыми из шелка и багрянца, чтобы удавиться, и золотые мечи, чтобы заколоться. Смерть же застигла Элагабала в отхожем месте. Тело его крючьями волочили по городу и сбросили в клоаку, откуда вместе с нечистотами оно было вынесено в Тибр. Римляне, не гнушавшиеся его дарами и даже поздравлявшие друг друга с таким щедрым императором, узнав о его позорном конце, начали изощряться в подборе подходящих прозвищ: Тиберин, Проташенный, Грязный.

Освободившийся трон занял двоюродный брат Элагабала четырнадцатилетний **Александр Север** (222—235), родившийся в африканском городе Арке. Несмотря на юный возраст, он сразу получил от сената титул «отца отечества», проконсульские права и трибунские полномочия. Это объяснялось не только ненавистью сенато-

ров к предшественнику, но и тем, что во время правления Элагабала бабка и мать будущего императора не скрывали, что им дороги римские обычаи и императоры, правившие в согласии с сенатом. При Септимии Севере, как свидетельствуют надписи, по отношению к императору стало применяться обращение dominus (господин). Александр это запретил. Одеждой и поведением он ничем не отличался от знатного римлянина. Он охотно учился, увлекаясь поэзией, живописью и музыкой. Первые десять лет своего правления новый август находился под контролем бабки и матери, умных и властных женщин; не пренебрегал он и советами видных юристов — Павла и Ульпиана. Они занимали должности префектов претория, будучи самыми влиятельными после императора лицами в государстве. После убийства Ульпиана преторианцами Александр сохранил верность избранному им политическому курсу опоры на сенат. В то же время он проявил выдающиеся военные способности, оправдав полученное во время коронации имя Александр. Но это не помешало в 235 г. взбунтовавшимся солдатам убить его вместе с матерью. Рим потерял достойного императора, а сенат оказался лицом к лицу с солдатской стихией.

Военные преобразования. Объявив себя официально сыном Марка Аврелия и братом Коммода, Септимий Север был далек от того, чтобы придерживаться политической линии Антонинов. Его взгляды были выражены в предсмертном обращении к сыновьям: «Будьте дружны между собой, обогащайте солдат, об остальном можете не заботиться». Придя к власти с помсщью солдат, Септимий Север более чем кто-либо из его предшественников пестовал и совершенствовал армию. При вступлении на престол он не только по-царски наградил поддержавших его легионеров, но и увековечил названия римских и дунайских легионов в легендах выпущенных монет. Ветераны освобождались от муниципальных налогов и повинностей, командный состав получал почетные титулы. Было увеличено жалование рядовым воинам, и они получили право носить золотое кольцо, подобно сенаторам и всадникам; центурионы вводились во всадническое сословие. Обычные наградные знаки фалеры стали золотыми и серебряными. Были сняты существовавшие ранее ограничения на связи солдат с обитательницами прилагерных поселков. Рождавшиеся дети получали гражданские права.

Аристократию Север не жаловал: он противопоставил ей в качестве надежного оплота своей власти полуварварскую гвардию и состоящий из паннонцев и сирийцев парфянский легион, расквартированный близ Рима. При Севере, по словам историка, «Рим переполнился толпами пестрого военного люда дикого внешнего вида,

с отвратительно искаженной речью и деревенскими повадками». И хотя сам император говорил с пунийским акцентом, команды его воспринимались и беспрекословно исполнялись.

Система управления*. От императора, давшего армии невиданные ранее привилегии, сенат не мог ожидать каких-либо поблажек. И хотя при вступлении на трон Север обещал не преследовать сенаторов, этого обещания он не сдержал. Достаточно было кому-либо из них высказать самостоятельное суждение, чтобы быть схваченным и подвергнуться пыткам, а то и лишиться жизни. Казни чаще всего обрушивались на наиболее обеспеченных его подданных, а также выходцев из Испании и Галлии, составлявших опору династии Антонинов.

Значительными были изменения, внесенные Септимием Севером в область финансового управления. Он впервые создал вместо канцелярии целое ведомство для управления своим личным имуществом (*patrimonium privatum*), которое колоссально возросло за счет конфискаций владений у лиц, поддерживавших во время гражданской войны других претендентов на престол. Императорская казна (фиск) приобрела государственное значение, а казна сенатская (эрарий) была превращена в римскую городскую кассу. «Многие были погублены, — сокрушался один из римских историков, — одни — за то, что шутили, другие — за то, что молчали, третьи — просто из-за того, что позволяли себе двусмысленные выражения».

Функции сената, который все больше слабел, буквально на глазах перехватил так называемый совет императора, назначенный им же. Вместе с тем Септимий Север стремился придать своей политике максимально «законную» форму. Он привлек в свой совет виднейших юристов — Папиниана, Павла и Ульпиана. Решения этого органа, по существу, вытеснили в законодательной сфере сенатские постановления. Управление империей осуществляла громоздкая бюрократическая система. Чиновничество приобрело могущество, сопоставимое лишь с влиянием армии.

При назначении на должности преимущество отдавалось не представителям старой аристократии, а, как уже при Флавиях, всадникам и провинциалам. Италия по статусу была приравнена к другим провинциям. И все же относительная устойчивость обеспечивалась скорее не преданностью подданных, а страхом перед наказанием. В провинции посылались городские кураторы, осуществлявшие контроль за финансами. Соглядатаи, состоявшие на государственной

*Параграф написан В.И.Уколовой.

службе, следили за настроениями на местах и регулярно информировали Рим обо всех случаях недовольства, после чего следовала кара за прегрешения против императора и государства.

При Септимии Севере получает детальную правовую разработку градация людей на категории при назначении наказания. Провинившихся делили на «почтенных» и «низших». Сенаторы, всадники, высшие офицеры были отнесены к высшей правовой категории, прочие — к низшей. Последних можно было осуждать на мучительную смерть, превращать в рабов. Ссылки удаивались лишь «почтенные». Люди, принадлежавшие к высшей правовой категории, могли обратиться с апелляцией прямо к императору. Они были освобождены от многих государственных повинностей — трудовой и даже военной (правда, это касалось лишь лиц высшего ранга в данной категории).

Налоги всегда были важнейшей питающей средой для всей хозяйственной жизни Римской империи. Однако провинция не желала полностью уплачивать налоги центру, к тому же казна страдала от злоупотреблений сборщиков налогов. Септимий Север установил жесткий контроль в этой сфере, возложив главную ответственность на коллегии высших представителей городского самоуправления — децемвигов. Был увеличен объем как денежных, так и натуральных повинностей городов и провинций. Но несмотря на принятые Септимием Севером меры, все больше ощущался недостаток финансов. Деньги обесценивались, цены соответственно повышались. Процветала спекуляция. Все это предвещало грядущий глубокий кризис.

Эдикт Каракаллы. В 212 г. Каракаллой был издан декрет, расширявший права римского гражданства на все свободное население империи (или по крайней мере на большую его часть). Эдикт Каракаллы с полным основанием может быть отнесен к числу актов замедленного действия. Как это ни странно, но нет никаких следов увеличения числа римских граждан в эпоху Северов, равно как и ликования по поводу уравнивания населения империи в правах. Потребовался период в три человеческих поколения, чтобы на основании этого эдикта при Диоклетиане права римского гражданства реально получило множество неграждан. Остается загадкой, осознавал ли Каракалла (или его окружение) запрограммированность этого акта объективными тенденциями развития империи или он был продиктован субъективными побуждениями. Но как бы то ни было, семя, попавшее в почву, не подготовленную вследствие возраставшего кризиса, не засохло и дало со временем могучие ростки. Под знаком этого эдикта разви-

вается целая эпоха поздней римской империи, когда возникла реальная возможность использования этого законодательного акта в фискальных целях.

Новшества Александра Севера. Александр Север попытался несколько видоизменить военизированный характер управления империей, установившийся при его предшественниках. При нем сенаторы стали играть более заметную роль в государственных делах. Он умел подбирать способных людей на государственные посты и считал, что продвигать по служебной лестнице надо тех, кто не домогается почестей, а стремится их избежать. Им был проведен ряд законов, в том числе касающихся императорского казначейства и коллегий ремесленников, которые были поставлены под контроль государства.

Внутренние и внешние войны. Часть азиатских провинций Рима и Египет не признали назначения Септимия Севера императором. Там власть захватил мятежный полководец Песцений Нигер. Поскольку его не удалось склонить к миру с помощью уступок, Септимий Север двинул свои легионы через Боспор. В ходе первого сражения с Нигером был захвачен Кизик, считавшийся неприступным. Но Византий не сдавался, и для его осады пришлось оставить значительную часть войска.

Переправившись через Тавр, Север разбил Нигера в битве при той самой Иссе, где когда-то Александр Македонский одержал решающую победу над персами. Во время бегства к парфянам, оказывавшим ему поддержку, Нигер был настигнут и обезглавлен. Поражение дорого обошлось его сторонникам. Сирия была разделена на две провинции, а бывшая столица Селевкидов Антиохия низведена до уровня обыкновенной деревни. Сенаторы, поддерживавшие Нигера, были казнены; его солдаты пополнили войско победителя. Героически оборонявшийся Византий пал последним. Византийцы сдались лишь после того, как им показали поднятую на шесть голов Нигера. Защитники города и его должностные лица были казнены, город лишен автономии, а его земли переданы соседнему Перинфу. Это произошло за 120 лет до провозглашения Византия-Константинополя столицей империи.

Закрепив за собой восточные провинции, Север начал военные действия против Парфии под предлогом ее помощи Нигеру. Переправившись через Евфрат, легионы разгромили парфян и захватили всю Северную Месопотамию вплоть до Тигра. Базой для дальнейших военных операций стал сильно укрепленный Низибис, превращенный в римскую колонию. Отсюда несколько отрядов было

послано против обитателей пустыни. Римляне захватили ряд оазисов и разорили поселения. Судя по монетам, Септимий Север получил титулы Аравийский и Адиабенский. До этого завоевание Византия дало ему титул Понтийский.

В разгар военных действий пришла весть том, что еще один претендент на престол, которому еще Коммод присвоил титул цезаря, объявил себя августом. Многие в Риме предпочли этого выходца из древнего римского рода жестокому африканцу. Лишь в 197 г.,

*Крепостные ворота Августы Треверов
(совр. Трир)*

после двухлетней борьбы, Северу удалось одержать победу над мятежными легионами и вернуться на Восток для ведения новой войны с Парфией (197—199). Был освобожден от осады Низибис и взяты обе парфянские столицы — Селевкия и Ктесифон. Однако месопотамский город Хотра, в свое время успешно противостоявший Траяну, и на этот раз оказался неприступным. С парфянами был заключен мир на условии сохранения за Римом Месопотамии. В конце жизни Септимий Север совершил поход в Британию, где местные племена в ходе непрерывных нападений разрушили Адрианов вал. Операции против них были успешными. Но здесь же, в Британии, в 211 г. императора не стало.

Его сыну в начале царствования пришлось воевать против перешедших лимес германских племен. Видя, что война принимает затяжной характер, он купил мир, пообещав ежегодные выплаты вождям этих племен. На дунайской границе Каракалла совершил поход против карпов, после чего перебросил легионы на Восток, надеясь воспользоваться разгоревшейся в Парфии борьбой за власть

между сыновьями-наследниками царя Вологеза V. Частично эти надежды оправдались: парфяне пошли на новые уступки Риму. Победитель направился в Египет, полагая, что его успехи изменят отношение к нему александрийцев, оказывавших в свое время поддержку Гете. Однако александрийцы его публично осмеяли. И тогда город был отдан на разграбление солдатам.

В следующем, 215 г. Каракалла предпринял новый поход против Парфии и захватил Адиабену, вновь дав волю своей необузданной жестокости. В результате даже собственное войско отвергло императора-палача: при возвращении на родину Каракалла был убит. Его преемник Макрин провел все свое недолгое правление в сражениях с парфянами как считает его биограф, чтобы смыть позор своего происхождения и бесславие предшествующей жизни.

В годы правления Александра Севера на Востоке произошли угрожающие перемены. На месте Парфянского царства Аршакидов образовалось персидское государство Сасанидов. В 224 г. Сасанид Артаксеркс (Ардашир), овладевший к этому времени Парсом и некоторыми другими областями, разбил парфянского царя и в 227 г. короновался в Ктесифоне.

Новые владыки тотчас же позаботились о возрождении древнеперсидских религиозных и культурных традиций и возвращении Персии былого могущества. Потерпев неудачу в войне с Арменией, Артаксеркс избавился от армянского царя с помощью заговора и обратил оружие против римлян. В персидском войске было много боевых слонов и серпоносных колесниц, но главной его силой был фанатизм воинов, веривших, что с помощью Заратуштры они очистят Восток от иноверцев. В ходе переговоров с римскими послами персы не шли ни на какие компромиссы, заявляя, что им принадлежат все земли, которыми некогда владел Кир.

В 232 г. дело дошло до военного столкновения. Тремя колоннами римская армия вступила в Персию. Безусловный успех имела лишь северная группа, двигавшаяся в направлении Армении. Средняя группа завязла в тяжелых боях на Евфрате. Сам император возглавил южную группу, двигавшуюся в Месопотамию через Пальмиру. Были захвачены крупные трофеи, что давало основание считать Александра Севера победителем. Приняв отправленные императором победные реляции, сенат назначил Александру Северу триумф. На выпущенной в 233 г. монете император изображен между двух рек получающим корону из рук Виктории.

Тем временем возникла угроза на Западе. Германцы взломали лимес, вторглись в «десятинные земли» и проникли глубоко в Галлию. Император решил лично возглавить военные действия.

В 234 г. легионы были переброшены с Востока и реорганизованы в соответствии с оперативными задачами. С ходу германцев одолеть не удалось. И тогда Александр Север вступил в переговоры с германскими вождями, полагая, что цена их подкупа обойдется в меньшую сумму, чем жалование обнаглевшим солдатам. Требования последних возрастали, а мать императора, которую ненавидели как в войске, так и в Риме из-за ее корыстолюбия и коварства, не шла на уступки. Убийство солдатами императора и его матери явилось прелюдией к последующей пятидесятилетней истории Рима, вступившего в полосу всестороннего жесточайшего кризиса.

Исторические и литературные труды эпохи. Атмосфера военной монархии не способствовала развитию художественных талантов. И хотя некоторые из Северов были образованными людьми, поэзия и поэты не удостоились былого внимания, не говоря уже о высоком покровительстве. Дошедшие до нас от времени Северов надписи свидетельствуют об общем падении языковой культуры, сказавшемся прежде всего на знании латинского языка. В восточных провинциях, где преобладал греческий язык, ситуация была более благоприятной.

Дион Кассий. Уроженец городка Никеи **Дион Кассий** (ок. 155–225), автор исторического труда, охватившего целое тысячелетие римской истории и не уступающего по объему сочинению Аппиана, проявил себя как последовательный подражатель александрийца.

К идее написать историю Дион Кассий, если ему верить, пришел якобы после того, как им было отослано Септимию Северу сочинение о снах и предзнаменованиях. Император ответил никейцу вежливым одобрительным письмом. Прочтя его, Дион Кассий... уснул. И во сне ему явилось божество, повелевшее перейти к написанию истории. Следуя этому велению, он написал историю правления Коммода и послал ее тому же адресату. И вновь получил одобрение. Так, книга за книгой, возникала **«Римская история»** в восьмидесяти книгах.

К тому времени, когда автор подошел к описанию обстоятельств прихода к власти Августа, трон в Риме занимал Александр Север, а сам историк был его главным советником. Под видом обращенной к Августу речи Мецената Дион Кассий развернул собственную программу идеальной монархии, предполагавшую совершенствование всего государственного механизма. Император, по его мнению, должен обладать неограниченной административной и военной влас-

тью, а также высшей юрисдикцией над всеми своими подданными, включая сенаторов и всадников. Однако сам он призван проявлять умеренность и бережливость, осуществлять судебные полномочия вместе с советниками из числа наиболее авторитетных и именитых сенаторов. Его решения по важнейшим вопросам должны утверждаться сенатом; земельные владения императора как главы государства ограничиваются минимумом, остальное сдается государством в аренду. Предлагались также меры, препятствовавшие установлению культа императора.

Сенат в идеальной монархии Диона Кассия приобретал значительно большие полномочия, чем он когда-либо имел в реальности. Ему передавалось управление всеми провинциями, при этом срок наместничества увеличивался вдвое. Император сохранял через одного из цензоров контроль за поведением сенаторов, но серьезные преступления сенаторов или членов их семей должны были разбираться сенатским судом, независимым от императора.

Должно было измениться, согласно рекомендациям Диона Кассия, и положение городов. Так, им запрещались народные собрания и ограничивались траты на общественное строительство, празднества и зрелища. Отменялись налоговые привилегии и собственная монетная чеканка. Эти советы отражают реальную ситуацию эпохи надвигающегося кризиса, когда императорская администрация все активнее вмешивалась в деятельность городских властей, ликвидируя местные полисные традиции.

Геродиан. Младший современник Диона Кассия и тоже грек Геродиан (ок. 180—240) создал небольшой исторический труд, охватывающий немногим более полувека римской истории (от смерти Марка Аврелия до вступления на трон Гордиана III (180—238)). Видимо, Геродиан был императорским вольноотпущенником. Низкое общественное положение не позволяло ему лично общаться с императорами или приближенными ко двору лицами. Сведениями о героях своего труда, императорах, он обязан, по его собственному признанию, другим авторам (трудно сказать, был ли среди них Дион Кассий) и расхожим слухам. Историк гордится тем, что пишет о своем времени, а не о далекой старине, когда невозможно проверить истинность происходившего. Но ведь и рассказ о современности требует такой же проверки сообщений, не говоря уже об их историческом осмыслении. Этого в труде Геродиана нет. Он не ссылается ни на один документ, не сравнивает показаний разных авторов. Геродиан пишет главным образом для соотечественников-греков. Поэтому в его труде немало экскурсов, знакомящих греческого читателя с римскими поряд-

ками, обычаями и праздниками. Он не пытается дать общую картину истории римской жизни в политическом, социальном или экономическом аспектах, но это недостаток едва ли не всех древних историков. Однако труд Геродиана дает современным историкам достаточно достоверный фактический материал для понимания сути исторических процессов, в том числе — о первенствующей роли армии в империи времени Северов, о развитии системы правления, о сепаратистских движениях, о падении авторитета сената и многом другом.

Флавий Филострат. Сочинение современника Диона Кассия **Флавия Филострата** — не история, а беллетризованная биография; однако герой его жизнеописания — не государственный деятель, а кудесник Аполлоний Тианский, живший во времена Флавиев. Именно ему, оказывается, обязан своим возвышением Веспасиан, явившийся к Аполлонию с просьбой «вручи мне державу» и получивший власть не от солдат, не от сената, а от нищего мудреца-пифагорейца. К нему же с поклоном являлся и Тит с просьбой научить его править. Домициан же, как и следовало ожидать, заключил мудреца в оковы и учинил над ним суд, но, спасовав перед мудростью узника-провидца, выпустил его на свободу. Оказавшись затем в Эфесе, Аполлоний прозрел смерть Домициана, как ранее предсказал гибель Нерона.

Таким образом, вольно интерпретированная биография Аполлония Тианского вписывается в определенную историческую эпоху и в частности не противоречит тому, что нам известно о ней из других источников (гонения Домициана на философов, его указ об искоренении виноградников и пр.). Но смещены масштабы. В изображении Филострата отшельник-пифагореец вырастает в поистине грандиозную фигуру — не только знатока человеческих судеб, но и их вершителя.

Популярность Флавия Филострата, приближенного ко двору Септимия Севера и писавшего по поручению его супруги Юлии Домны, была колоссальной, ибо он точно уловил дух своего тревожного, нестабильного и лишённого надежды на будущее времени. Спасти империю могло лишь чудо. И вера в него стала всеобщей. Сходство чудес Аполлония в изложении Филострата с чудесами Христа (превращение воды в вино, оживление мертвецов и пр.) лежало на поверхности. Напомним, что это было время наибольшего распространения христианства, и именно поэтому самой ситуацией был востребован писатель, утверждавший, что обожествление Иисуса незаконно, ибо Аполлоний совершил более значимые чудеса. В полемику с Филостратом вступил Евсевий Кесарийский (260—

339), написавший трактат «Против филостратова сочинения об Аполлонии», доказывавший, что чудеса Аполлония — это ложь, а чудеса Иисуса — сама истина.

«*Жизнь Аполлония Тианского*» — это, с одной стороны, роман, который с полным основанием можно было бы назвать прообразом детективного жанра, а с другой — ценнейший исторический источник, характеризующий духовное состояние общества времени Северов. Но это и жизнь империи в ее метких, ярких приметах и подробностях — ибо герой переносится из провинции в провинцию, из города в город, знакомясь с природой и реальными людьми. Их образы переданы с исторической точностью и психологической глубиной — бесстыжий и самовлюбленный Нерон; благородный Виндекс (ему Аполлоний на расстоянии помогал советами), осуждавший Нерона во всем, кроме убийства матери, достойной такого сына; простоватый и честный Веспасиан; рассудительный и скромный Тит; трусливый и жестокий Домициан; судовладельцы, наживающиеся на любви к искусству и перевозящие статуи богов, словно пленных скифов и гирканов; александрийцы, которым пристало измерять не уровень Нила, а уровень пролитой ими невинной крови; иудеи, которые по образу своей жизни отдалены от круга земель дальше, чем Сузы и Бактрия, и которых следует оставить в покое. Все эти персонажи и народы вовлечены в движение и проходят перед читателем, не утомляя его внимания. Да и главный герой при всем своем величии — не скучный педант, знающий истину в последней инстанции, а человек, которому не чуждо ничто человеческое: и благодушие, и издевка, и сарказм. Филострат не обещает миру ничего, а лишь открывает его для себя и для других во всей пестроте и многообразии.

Принадлежит Филострату также «Диалог о героях», произведение, по оригинальности близкое к «Алексадре» Ликофрона и преследующее ту же цель — опровергнуть традиционные версии троянского мифа. К Троаде причаливает финикийский корабль, и вышедший на берег купец обращает внимание на развалины храма среди разросшегося виноградника. Виноградарь в ответ на расспросы любознательного морехода рассказывает ему историю Троянской войны, которую знает не из поэм Гомера, а из откровений духа героя, обитающего в храме. Этим зачином Филострат воспользовался для того, чтобы возместить то, что Гомер умышленно опустил в своем рассказе или не мог знать. Так, перед читателем встает впечатляющий образ Паламеда, великого мудреца и изобретателя, со всеми присущими ему высокими нравственными и душевными качествами, резко оттеняющими ничтожность его убийцы, бродяги морей

Одиссея, равно как и образы других героев, чьи черты, как казалось Филострату, искажены Гомером. Диалог завершается тирадой купца, сожалеющего о том, что он, поглощенный наживой, не знал о чудесах и не верил в них, а теперь готов отправиться хоть на край света, чтобы увидеть что-либо чудесное. Концовка в духе времен кризиса, когда, не находя в жизни прочных опор, обыденное сознание устами героев Филострата вновь и вновь упало на чудо.

«Деяния Александра». К первой четверти III в. относится также псевдоисторическое произведение «Деяния Александра», написанное от имени спутника Александра Македонского Каллисфена, погибшего от его руки. В нем собраны все легенды об Александре, начиная с его происхождения от египетского бога Амона. Описания вполне реального характера разбавлены разного рода чудесами, встречами с невероятными чудовищами, говорящими птицами, людоедами, Гогом и Магогом. Под пестрым покровом вымысла и чудес кроется политическая подоплека: стремление возвысить тезку великого македонца — Александра Севера (чье имя на самом деле — Гессий Бассиан, а родина — Сирия), как раз в это время затеявшего оказавшийся бесславным персидский поход и стремившегося подражать великому завоевателю.

Источники. Наряду с трудом Диона Кассия, доведшего изложение до времени Александра Севера, и Геродиана военно-политическая история эпохи Северов восстанавливается по большому сборнику биографий императоров «Сочинители истории августов» и по трудам византийских историков Иоанна Антиохийского и Зосима.

Для понимания социально-экономической, политической и религиозной ситуации этого времени важны надписи и папирусы. Огромное количество латинских и греческих надписей времени Северов, происходящих из провинций, позволяет судить о развитии урбанизации, изменениях в организации ремесла и торговли, развитии колоната, складывании латинизированной и эллинизированной аристократии, распределении легионов, изменении этнического состава армейских частей и гарнизонов, строительстве укреплений и военных дорог, распределении религиозных культов и других исторических процессах. Среди них и тексты римской коллегии Арвальских братьев, свидетельствующие о сохранении этого древнейшего культа, и многочисленные посвящения, особенно популярным в это время богам восточного происхождения — Юпитеру Долихену и Митре. Папирусы всесторонне характеризуют жизнь Египта времени Северов, некоторые из них воспроизводят указы императоров и распоряжения местной администрации. Нередко по ним устанавливают смысл политических событий и их хронологию.

КЛАССИЧЕСКОЕ РИМСКОЕ ПРАВО

Уже в эпоху республики римское правоведение достигло высокого развития, но лишь на протяжении двух столетий, отделяющих Северов от Августа, оно поднялось на уровень, который соответствовал задачам мировой империи со всем разнообразием и блеском представляемых ею исторических традиций и правовых норм. Никогда еще в истории человечества правовая мысль, призванная сгладить растущие общественные противоречия и выявлявшиеся сепаратистские тенденции, равно как и конфликты между различными ветвями власти, не добивалась такой изощренности и классической завершенности.

Источники права. С установлением нового политического режима, в котором была сведена на нет роль народных собраний и ограничены властные полномочия сената, а вся мощь власти сосредоточена в руках новой политической фигуры, принцепса, изменились источники права. Законодательные функции народных собраний перешли к сенату, его постановления (*senatus consulta*), первоначально являвшиеся инструкциями выборным должностным лицам, приобрели характер законов. Инициатива сенатских постановлений постепенно перешла в руки принцепса. Будучи внесены на обсуждение сената, они, как правило, утверждались и также становились законами.

Все большее и большее значение приобретали императорские указы, имевшие различные формы. Это эдикты (*edicta*), общие распоряжения для всего населения империи, подобные тем, какие ранее издавали высшие республиканские магистраты, рескрипты (*rescripta*), ответы императоров на юридические запросы частных и должностных лиц по спорным, в том числе и судебным, делам, мандаты (*mandata*), императорские инструкции должностным лицам и наместникам провинций, декреты (*decreta*), императорские решения по судебным процессам, поступающим к нему на рассмотрение. Эдикты и мандаты рассматривались как административные решения, утрачивавшие силу со смертью императора, рескрипты и декреты считались толкованием действующих законов и поэтому не зависели от смены императоров. Постепенно различия в характере и силе императорских распоряжений сглаживаются, и во времена Адриана им приписывают силу «как бы закона».

Как источник права республиканской эпохи сохранили значение эдикты магистратов (претора, курульного эдила, правителя провинции). Как и прежде, каждый новый претор, вступая в должность, излагал свои правовые принципы и определял круг охраняемых го-

сударством правоотношений. Однако с общим падением роли магистратуры правовое творчество преторов все более и более ограничивается, и преторы, так же как и эдилы, лишаются возможности вносить в свои эдикты новые правовые нормы. Им было предложено пользоваться постоянным эдиктом (*edictum perpetuum*), составленным по поручению Адриана юристом Сальвием Юлианом. Будучи утвержден сенатом, постоянный преторский эдикт приобрел характер закона.

Юриспруденция. Изменения в общественной жизни и связанное с этим противоречие между развивающейся жизнью и консервативным законом уже в конце республики привели к созданию юридической литературы, в которой толковались писанные законы, прежде всего законы Двенадцати таблиц. Эти толкования позволяли вносить в правовую практику изменения, обусловленные потребностями модернизирующегося общества. Однако республиканские юристы продолжали боготворить словесную форму древних законов или «цеплялись за слова», как охарактеризовал эту практику Цицерон. В эпоху принципата деятельность юристов приобрела невиданный размах, и I—III вв. считаются классическим периодом римской юриспруденции. Консультации юристов в республиканскую эпоху носили неофициальный характер. Со времени Августа положение изменилось. Он предоставил некоторым наиболее опытным юристам привилегию выносить решения как бы от имени императора с обязательной для судей силой (*jus respondendi*). Подобным образом действовали и некоторые другие императоры, и юристы, чье мнение становилось «как бы законом», впоследствии рассматривались как создатели права (*conditores juris*).

Во времена Августа такими учредителями права были Марк Антоний Лабий и Гней Атей Капитон. Первый из них был выходцем из аристократического рода и приверженцем республиканских идей, второй принадлежал к муниципальной верхушке и был сторонником нового политического режима. Соответственно Лабий не достиг высших магистратур, в то время как Капитон стал консулом и великим понтификом. От них идут две юридические школы, получившие название от имен двух ближайших учеников — прокулианцы и сабинианцы.

Видимо, это были два направления в развитии римского права, первое из которых, несмотря на республиканские убеждения Лабия, являлось новаторским, второе же, при всей приверженности Капитона принципату, консервативным. Этот парадокс становится понятным, если вспомнить, что Август, сломавший хребет рес-

публики, действовал в облиции реставратора римской религиозно-правовой старины.

Из школы прокулианцев вышли два видных юриста, отец и сын, носившие одно и то же имя — Ювенций Цельс. Отец упоминается в числе заговорщиков против Домициана в 95 г. Сохранив жизнь, он затем был претором, дважды консулом, а в 129 г. при Адриане — членом совета принцепса. Главное его сочинение — юридический сборник (дословно: *digesta*) в тридцати девяти книгах, в которых он развивает правовые идеи и критически оценивает взгляды своих оппонентов. Из сабинианцев выделялись Целий Сабин, давший имя всей школе, Кассий Лонгин и Сальвий Юлиан. Последний, как уже говорилось, был редактором «постоянного эдикта». Ему, выходцу из африканского города Гадрумета, была там воздвигнута колонна с благодарственной надписью. Наибольшее значение имели дигесты Юлиана в девяноста книгах и его «Изыскания» (*Questiones*) изданные одним из его учеников.

Институции Гая. Выдержки из сочинений некоторых из этих знаменитых юристов дошли в позднейших сводах римского права. Целиком же от классической эпохи римской юриспруденции до наших дней сохранилось состоявшее из четырех книг учебное пособие юриста II в. **Гая** (родовое его имя не известно)*.

Никто из современников этого Гая не упоминает, а известность его относится лишь к V в., когда «*Институции*» начинают цитироваться, сокращаться, переиздаваться. Возможно, он был учителем, жившим в одной из восточных провинций империи, и не относился к числу выдающихся юристов своего времени. Сам Гай причислял себя к сабинианцам.

В отличие от широко распространенного изложения права в форме вопросов, ответов, споров, Гай развертывает его как систему догм действующего практического права в трех направлениях: лица, вещи и обязательства.

Под лицами (*persona*) в римской правовой системе фигурировали «физические лица» — конкретные люди, обладавшие определенным общественным статусом, и «юридические лица» — носители прав и обязанностей, могущие выступать через посредников. Полной правоспособностью в принципе обладал лишь глава семейства (*pater familiae*), все остальные считались подвластными. Рабы с возникновением империи начинают рассматриваться

*Рукопись «Институций» Гая, найденная в начале XIX в., сохранилась на пергаменте, вторично использованном для записи другого текста (палимпсесте), а некоторые лакуны в ней восполнены с помощью египетских папирусов V века.

как лица хотя и не правомочные, находящиеся в сфере юрисдикции своего господина, но все же обладающие некоторыми имущественными правами и защищенными государством от произвола.

Понятие «вещь» (*res*) охватывало в римском праве множество значений. Это и материальный предмет с обозримыми границами, и любой объект, в том числе нематериальный, а также целый имущественный комплекс. В вещном праве выделялись два основополагающих института — владение и собственность. Понятие «обязательство» (*obligatio*, от *obligare* — обязывать) охватывало «действия» (*actio*), предпринимаемые с целью разрешения имущественных споров, направленные прежде всего на возвращение имущества или денег первоначальному собственнику-кредитору. Согласно законам Двенадцати таблиц, кредитор мог связать должника реальной веревкой, наложив на него железо определенного веса. Еще во времена ранней республики долговое рабство было отменено, и в классическом римском праве реальные оковы превратились в «правовые узы» (*juris vinculum*), над совершенствованием которых неутомимо работало римское право, защищавшее права собственников.

Четвертая книга «Институций» Гая, содержащая сведения о разных исторически сложившихся формах процесса, имеет как источник наибольшую ценность.

Папиниан и его последователи. В конце II—начале III в., в эпоху правления Северов, римская юриспруденция приобретает особенный авторитет. В это время исчезают прежние деления юристов на прокулианцев и сабинианцев. Законодателем юридической мысли становится Эмилий Папиниан, выходец из Сирии или Африки, возможно, родственник Септимия Севера. Поздние юристы ссылались на его труды «Процессы» в тридцати семи книгах и «Ответы» в девятнадцати книгах.

Последователями Папиниана были Юлий Павел и Домиций Ульпиан, занимавшие поочередно при Александре Севере должность префекта претория. Павел считался автором восьмидесяти шести сочинений более чем в трехстах книгах — как в форме критических замечаний к трудам предшественников, так и собственных суждений по юридическим вопросам. Ульпиан написал комментарии к преторскому эдикту в восьмидесяти трех книгах и к произведениям Целия Сабина.

Кодекс Юстиниана. Пятидесятилетие правления солдатских императоров знаменовало провал в истории римской юриспруденции — в это время не было нужды в советах юристов. В эпоху уста-

новления неограниченной монархии, когда воля монарха стала единственным источником права, к юристам не вернулся прежний авторитет. Однако при византийском императоре Юстиниане, стремившемся возродить римскую мировую державу, достижения римской классической юриспруденции были востребованы. Юстиниан приказал составить единый свод законов, ставший таким же величественным зданием, каким был построенный при нем в Константинополе собор Софии. В своде законов было три самостоятельных части: *институции* (элементарное изложение основ и принципов права), *дигесты* (отрывки из трудов римских юристов) и *кодекс Юстиниана* (сборник императорских установлений).

Подобно тому как здание храма складывалось из отесанных камней, дигесты состояли из произведений римских юристов, живших самое меньшее за триста лет до Юстиниана. Из них выбиралось то, что, по мнению составителей, представляло наибольшую ценность. И хотя отрывки только из Папиниана или Ульпиана в совокупности могли бы составить объемистый том, целостного представления даже об этих авторах из дигест получить невозможно. И здесь нам остается либо упрекать компиляторов в том, что они практически разрушили творения, проникнутые духом определенного времени и конкретного творца, либо радоваться, что эти труды не были утрачены полностью.

Римляне делали все, чтобы заставить народы, какие они считали нецивилизованными, жить по своим законам. После завоевания Германии туда вместе с солдатами пришли и римские юристы, пытавшиеся научить германцев решать имущественные споры с помощью не оружия, а слова. Захваченным в плен после разгрома в Тевтобургском лесу законникам победители издевательски зашили рты, ибо римские законы были для них олицетворением чужеземного господства. Когда в IV в. варвары могучими потоками затопили античный мир, можно было думать, что римское право будет навсегда предано забвению. Но случилось обратное. Римские законы вопли в местные и национальные законодательства. Римское право воскресло, как феникс, и было перелито в параграфы и статьи современных кодексов, римские законы, подобно железному обручу, связали рассыпавшуюся Европу. Они стали важнейшей основой современного правового развития. И ныне в отточенных формулировках римского права перед нами предстает опыт многовекового общения людей, некая идеальная и вечная абстракция, подходящая к любой исторической ситуации, признающей право собственности и существование государства, стоящего на его защите.

АРХИТЕКТУРА ИМПЕРАТОРСКОГО РИМА

Храмы и дворцы римлян не были в древности отнесены к семи чудесам света — хотя бы потому, что список чудес был составлен задолго до того, как в римской архитектуре появилось что-либо, заслуживающее внимания. Но сооружения императорского Рима вызвали в древности не меньший восторг, чем египетские пирамиды. Римские императоры сделали все, чтобы внешний облик Рима соответствовал его статусу столицы мировой державы. Начиная с Цезаря каждый из них стремился оставить по себе память в мраморе. И это не просто служило способом удовлетворения честолюбия, а было частью политики, учитывающей изменения, происшедшие в общественной организации и общественном сознании.

Мраморный Рим Августа. Первые величественные здания стали появляться в Риме лишь в I в. до н. э., но они тонули в море неказистых построек. Перестройка Рима для придания ему блеска, соответствующего положению столицы великой державы, входила в планы Цезаря. Это он задумал построить новый форум: старый, восходивший к правившим в городе этрусским царям, стал тесен и к тому же с ним было связано немало нежелательных воспоминаний о республиканском прошлом.

Место для форума Цезаря было намечено, скуплены и снесены мешавшие строительству дома, но замысел постройки, как и другие планы, Цезарь осуществить полностью не успел. И это было выполнено Августом. В центре форума Цезаря, построенного между старым форумом и холмом Квириналом, возвышался храм Венеры Прародительницы, покровительницы рода Юлиев. Цезарь дал обет соорудить его перед сражением при Фарсале. В храме было множество художественных произведений, в том числе статуя Венеры работы жившего в Риме знаменитого греческого скульптора Аркесилая, а также бронзовая статуя царицы Клеопатры. Позднее Август поставил в храме статую обожествленного Цезаря с головой, украшенной звездой.

Продолжением форума Цезаря был обширный форум Августа (125×118 м), строительство которого было завершено 1 августа 2 г. до н. э. Наиболее видной частью форума являлась стена, поднимавшаяся на 36 м над мостовой. Она предохраняла форум от частых в Риме пожаров и в то же время — скрывала от глаз посетителей неприглядные кварталы Субуры. Император в целях пропаганды показывал свою столицу с самой выгодной стороны, прикрывая неистребимую нищету и грязь. Сама стена представлялась зрителям огромной сверкающей плоскостью мрамора, в действительности же тонкие мраморные плиты лишь прикрывали дешевую кладку из местного камня.

Руины республиканского форума с храмом Сатурна на переднем плане

На западной и восточной сторонах форума Августа находились два портика, а на северной, между их флангами, — величественный храм Марса Мстителя, построенный в благодарность за одержанную в битве при Филиппах победу над убийцами Цезаря. О грандиозности этого храма, которым когда-то восторгался Овидий, можно судить по трем сохранившимся коринфским колоннам почти восемнадцатиметровой высоты. На форуме Августа были установлены статуи всех римских триумфаторов, начиная с легендарного Энея, в триумфальном облачении и с надписями, перечисляющими их заслуги. Юноши, прежде чем надеть в храме Марса-Мстителя мужскую тогу, проходили через строй тех, чьему примеру должны были следовать.

Апофеоз мира в том его понимании, которое было присуще Августу, олицетворял монументальный Алтарь Мира, воздвигнутый в 9 г. до н. э. на Марсовом поле. Это поставленный на возвышение мраморный куб, на четырех гранях которого была изображена церемония жертвоприношения богине мира. Участники этого священного акта — Август и члены его семьи, а свидетели — восседающая на трофеях богиня Рома, установительница мира силой оружия, божественный предок Августа Эней со спасенными пенатами и основатели Рима Ромул и Рем с волчицей-кормилицей и пастухом-воспитателем.

Алтарь мира — типичное произведение римского монументального искусства. В нем передано настроение, чуждое какой-либо религиозной экзальтации: не только взрослые, но и дети, держащиеся за тоги родителей, преисполнены чувства долга. Холодно и торжественно даже личико легкомысленной Юлии, которую Август, как мы помним, вынужден был отправить в изгнание за нарушение его закона о супружеской верности.

Таковы некоторые памятники Рима времени Августа, который, по его собственному выражению, он «принял кирпичным, а оставил мраморным». В знаменитом перечне деяний Августа досконально перечислено все восстановленное и построенное. Значение, придаваемое им внешнему облику столицы, — еще одно внушительное подтверждение той истины, что для каждой из империй главное — фасад.

Золотой дом. Превращение Августом Рима из кирпичного города в мраморный еще не означало коренной его перестройки. По склонам холмов сбегали узкие улочки, где повозки из соображения безопасности могли проезжать только ночью, где высокие здания не давали проникнуть солнечному свету и царила сырость вместе со своей спутницей лихорадкой, возведенной в ранг злых римских богинь.

Последний представитель династии Юлиев-Клавдиев Нерон находил Рим грязным и вонючим. Одаренный артистизмом и буйной фантазией, он мечтал о садах Семирамиды и дворцах Мемфиса на семи притибрских холмах. И императорские архитекторы разработали проект грандиозного дворца, который, по их замыслу, должен был затмить роскошь резиденций восточных владык. Но этот план не мог быть осуществлен без очистки центра города от трущоб. Даже у Нерона, не считавшегося ни с какими затратами, не хватило бы средств на выкуп и компенсацию владельцам. Проект так и остался бы проектом, если бы не внезапно вспыхнувший колоссальный пожар, уничтоживший в пять дней десять из четырнадцати районов, на которые Август разделил Рим.

Теперь ничто не мешало Нерону приступить к грандиозному строительству, в которое была вовлечена вся империя. На пепелище поднимался новый Рим. Центром его стал дворец, получивший название «Золотой дом» из-за массы золота и драгоценных материалов в отделке. Дворец был открыт свету, его стены имели особое устройство, с помощью которого потолки вращались вслед за движением солнца, рассыпая сверху цветы и источая благовония. В пристроенных к трапезной термах лилась бесконечным потоком морская и лечебная серная вода. Но наибольшее удивление вызывали не дворец и не бронзовый колосс, изображающий Гелиоса с

Реконструкция Колизея

лицом Нерона, а грандиозность императорской виллы в самом центре города и невиданное прежде сочетание царской резиденции с уединенными лугами и рощами на берегах искусственного озера, с виварием для экзотических зверей и стадами, словно перенесенными из сельской глуши в столицу мира.

Колизей. Амфитеатр как тип архитектуры впервые появился в колонизованной этрусками Кампании, родине гладиаторских игр. Это были деревянные сооружения, равно как и первые римские амфитеатры II—I вв. до н.э. У Августа возникла идея строительства монументального амфитеатра в долине речки Лабикана между холмами Оппием и Велием. Но осуществлена она была Веспасианом, стремившимся показать, что он, в отличие от Нерона, растратившего государственную казну на собственные прихоти и капризы, заботится о народе и стремится удовлетворить его страсть к зрелищам. Строительство началось рядом с бронзовым колоссом, давшим в народе название амфитеатру — «колоссеум», соответствующее также его колоссальным размерам. Имя архитектора, создавшего это чудо, неизвестно. Возможно, это был Рабирий, строитель дворца Веспасиана на Палатине, или Гауденций, казненный Веспасианом за его приверженность христианству. Но это был один из гениев римской архитектуры.

Здание имело форму эллипса с осями 178×156 м, а высота его внешней стены составляла 48,6 м. От нее по наклону к арене спускались разделенные проходами зрительные ряды, облицованные мрамором. Они давали место одновременно пятидесяти тысячам зрителей. Арена с осями 87×54 м была огорожена стеной, достаточно высокой, чтобы защищать зрителей от зверей, но в то же время не мешавшей наблюдать за зрелищем. Особые механизмы выдвигали из подземелий на арену декорации, людей и животных. Во время дождей и нестерпимого летнего зноя Колизей накрывался огромным тентом. Для этого использовались две команды моряков, участвовавшие также в показательных морских сражениях на заполняемой водой арене.

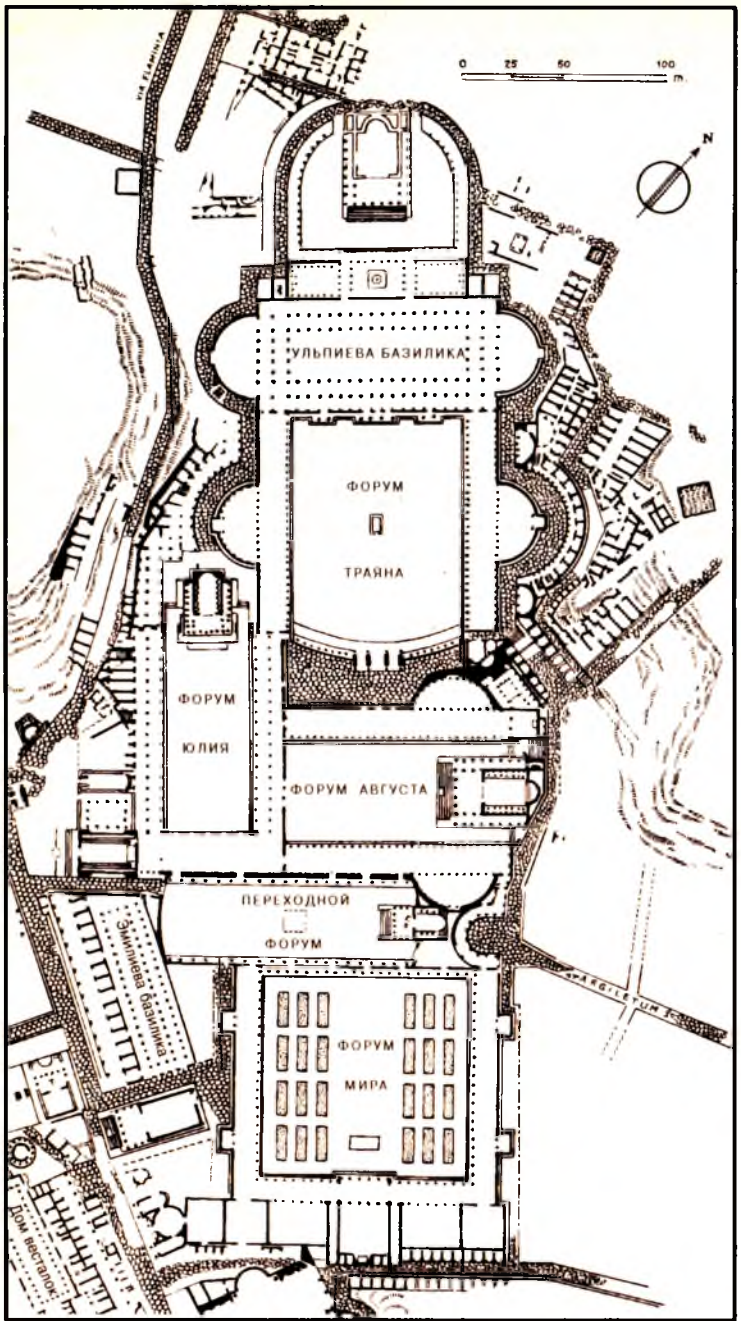
Амфитеатр Флавиев (таково было официальное название Колизея) стал наиболее представительным символом правящей династии, создавая контраст «золотому дому» Нерона и увековечивая победу над Иудеей — в сооружении Колизея участвовало 15 000 иудейских пленников.

Веспасиан не дождался нескольких месяцев до завершения начатых работ. Тит к 80 г. их закончил и отпраздновал открытие амфитеатра грандиозными гладиаторскими играми и травлей зверей, длившимися сто дней. Было уничтожено до пятидесяти тысяч зверей и множество гладиаторов.

Ярче, чем какая-либо иная постройка, Колизей выразил идею могущества империи, ее беспощадной жестокости к побежденным. И не случайно между 80 и 214 гг. его изображение четырежды появлялось на римских монетах. Для христиан (и не только для них) он был воплощением всего самого ненавистного, откуда средневековая народная этимология — *collis eum* (его холм, т.е. холм Сатаны). Вокруг Колизея клубились волны страха и ненависти. Уничтожение его считалось благочестивым делом наподобие молитвы или паломничества, и в этом преуспели многие поколения. Но — силен Сатана! — Колизей, как и идея империи, не поддавался бурям времени: он по-прежнему высится, вызывая восторг и удивление.

Форум Траяна. Запечатлеть победу Траяна над даками был призван форум его имени, имевший прямоугольную форму (116×95). Его окаймляли с трех сторон мраморные портики, между колоннами которых выстроились статуи великих полководцев и ораторов. В центре форума высилась конная статуя императора.

С четвертой стороны форум замыкала грандиозная базилика, а за ней находились прямоугольные здания двух библиотек — греческой и латинской, разделенных колонной. Из надписи, высеченной на постаменте, ясно, что первоначальным ее назначением было

План императорских форумов

отметить высоту холма, снесенного для сооружения форума Траяна. Затем у кого-то (скорее всего, у архитектора Аполлодора) возникла фантастическая идея обвить ствол колонны рельефами и представить ее как подобие свитка между двумя книгами-кодексами.

Ваятель развернул на мраморных плитах историю дакийских кампаний Траяна. Сам Траян является главным героем этого панегирика в камне. Он представлен среди своих воинов шестьдесят раз — в сценах марша, форсирования рек, военного совета, жертвоприношения, переговоров с врагами, награждения легионеров, принятия капитуляции. В такой трактовке создатель колонны единоклюбен с автором словесного панегирика Плинием Младшим. Но насколько богаче возможности рассказа о войне с помощью резца! Театр военных действий показан с таким великолепным знанием реалий, что можно быть уверенным: ваятель был участником похода Траяна. На колонне изображен римский город на берегу Данубия — с храмами, арками, театром. Перед нами знаменитый мост через могучую реку, сооруженный Аполлодором, строителем форума Траяна, в центре которого была поставлена колонна. С полным знанием этнических и бытовых реалий выведены даки, самоотверженно защищающие свои селения и города от закованных в железо римлян. В объективном отношении к врагу и сострадании к нему ваятель не знает предшественников в искусстве и литературе императорского Рима. Он истинный последователь Гомера с его восхищением перед побежденным Гектором и сочувствием к страдальце Гекубе.

Самый драматичный эпизод рельефа — взятие Сармизегетызы. Дакийские вожди, охваченные отчаянием, передают огню квартал за кварталом, а затем подносят к губам кубки с ядом. Дак в характерной для варваров одежде наливает жидкость в чашу, переданную ему товарищем. Другие даки протягивают к чаше руки, торопясь свести счеты с жизнью. Некоторые из осажденных уже мертвы, кое-кто пытается спастись бегством.

Разумеется, «мастер колонны» не мог быть свидетелем этих сцен: во время осады города он должен был находиться в свите полководца, наблюдавшего за агонией вражеского города. Но, войдя в город, он увидел тела тех, кто предпочел смерть рабству, и запечатлел трагедию побежденных в собственной памяти, чтобы впоследствии увековечить ее в мраморе. В последующих сценах представлена картина нарастающего распада вражеского войска. Царь даков скачет через леса, сопровождаемый небольшим эскортом. Римские солдаты ведут лошадей, навьюченных драгоценными сосудами и утварью царского дворца. Они с помощью предателя-дака раскрыли тайник, куда вождь даков спрятал сокровища своего народа. Обманутый царь не склоняет головы. Он беседует со своими прибли-

*Рельеф колонны Траяна.
Изображена раздача денег
императором Траяном*

женными, чтобы поднять их дух. Но все тщетно: надвигается римская конница. Царь, пуская коня во весь опор, пытается спастись бегством вместе с верными телохранителями. Но римские всадники почти рядом. Соскользя с конского крупа, он наносит себе смертельный удар. Рельеф завершается изображением дерева и близ него пары овец. Война оборвалась, утонула в мирной степи, и вместе с тем завершился патетический и строго исторический рассказ о победе Траяна.

Пантеон. Архитектура времени Траяна и Адриана — такие же антиподы, как внешняя политика этих импера-

торов. Холодному римскому практицизму и официальной торжественности противостоит космичность, плавность и теплота, квадрату римского лагеря и кубу сторожевой башни — круг и шар.

Такова форма **Пантеона**, поражающего и поныне своим великолепием, словно бы все боги, которым он посвящен, позаботились о его сохранности. Пантеон воспроизводит форму земного шара и звездной сферы, объемлющей все сущее. Чудо Пантеона — купольный свод. Его диаметр 43,2 м, высота 43,5 м. До конца XIX в. купол Пантеона был самым крупным в мире. В центре купола — круглое световое окно («око Пантеона») диаметром 8,5 м. Внутренние стены разделены на два яруса. В нижнем расположены глубокие ниши для статуй богов, центральная и самая крупная из которых предназначена для Юпитера. Верхний ярус украшен пилястрами и ложными окнами, обрамленными белым мрамором. Световые контрасты смягчаются в льющемся сверху рассеянном свете.

С именем Адриана связана и постройка мавзолея, не уступавшего знаменитому Галикарнасскому, одному из семи чудес света. И после падения Рима он долго еще сохранял свое великолепие. По описанию, оставленному в VI в., «мавзолей имеет квадратное основание, над которым поднимается высокая башня, обрамленная дорическими колоннами, статуями и нишами для эпитафий; башню завершает бронзовая квадрига с фигурой самого Адриана; мощные стены облицованы благородным мрамором».

Вслед за Адрианом здесь хоронили и других императоров вплоть до Каракаллы. Еще до захвата Рима Аларихом мавзолей был укреплен и соединен со стенами, приобретая вид настоящей крепости

Пантеон. Фасад

Пантеон. Внутреннее помещение

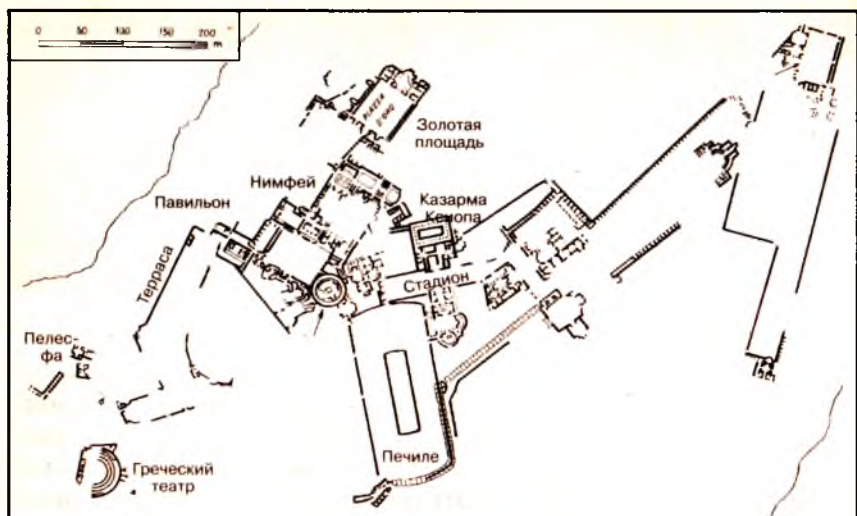
на берегу Тибра. Там были устроены площадки для катапульта и прорезаны амбразуры. В XII в. крепость получила название «Замок святого ангела» и вскоре была превращена в тюрьму.

Загородная резиденция Адриана. В летние месяцы столица наполовину пустела. Нестерпимая жара и лихорадка выгоняли из города всех, кому позволяли средства. В эпоху империи Италия покрылась многочисленными виллами, поражавшими благоустройством и роскошью. Излюбленным местом отдыха была Кампания, и владельцев расположенных там вилл должна была удивлять скромность сохранившегося там поместья Публия Корнелия Сципиона Африканского, имя которого гремело в веках. Слава и роскошь находились на разных полюсах.

Императоры проводили лето в загородных резиденциях. Некоторые из римских владык жили там круглый год или даже по несколько лет подряд. И каждая императорская резиденция зеркально отражала облик своего владельца. Дворец императора-человеконенавистника Тиберия на острове Капри был расположен таким образом, что попасть в него можно было лишь через строго охраняемый мост (рассказывали, что рыбак, решивший преподнести императору пойманную им гигантскую рыбу и понавший в крепость по склону горы, был сброшен в море).

Самой оригинальной была загородная резиденция императора Адриана близ городка Тибур в Лации в двух часах конной езды от Рима. Подобно тому как Пантеон был как бы космосом в миниатюре, резиденция мыслилась как воплощение лучших достижений человеческой культуры. На окруженном стеной пространстве было соединено все, что восхищало императора во время странствий по восточной половине его империи. Комплекс виллы был крепостью, но крепостью, созданной для уединения духа.

Одно из наиболее крупных сооружений виллы — портик, копировавший знаменитую афинскую Пеструю стую (Стую Пойкиле,

План виллы Адриана

откуда современное название памятника — Печиле). Это прямоугольный перистиль размером 232×97 м с бассейном в центре. Пространство вокруг него могло использоваться в качестве ипподрома. У северо-восточного угла находился зал с четырьмя боковыми входами, названный археологами «залом философов» или «храмом стоек». Там было семь ниш, в которых, как полагают, были размещены статуи семи мудрецов древности. К залу философов примыкала круглая постройка, так называемый «морской театр». Внутри него был прорыт облицованный мрамором канал, образующий островок эллиптической формы. Туда можно было проникнуть по мостику, поворачивавшемуся на оси. Видимо, на этом островке находил убежище император, восстанавливая бодрость духа и предаваясь многочасовому чтению. Тут же на островке имелась небольшая библиотека.

Основная греческая и латинская библиотеки располагались в двух зданиях. По сравнению с библиотеками Рима они не были столь грандиозны, но, надо думать, Адриан отобрал для них самые любимые книги. Судя по интересам императора, здесь должны были находиться книги по литературе, истории, искусству, архитектуре. Одна из аллей вела в Канопу. Это воспроизведение поразившего императора в Александрии храма Сераписа. Переноса Канопу в окрестности Рима, Адриан, очевидно, хотел увековечить память о своем любимце Антиное, утонувшем в Ниле.

Вилла Адриана, размеры которой в полтора раза превышали пространство Московского кремля, была целым городом, раски-

Морской театр

Конопа

нувшимся на притибрском холме — со скромными помещениями для обслуживающего персонала, императорским дворцом, обширным зданием с комнатами для гостей императора и двумя термами, одни из которых предназначались только для императорской семьи. Эти последние располагались на западном конце «Печиле». Они были невелики, но имели все обычные для терм помещения. Из бассейна фригидария вела лестница, по которой можно было спуститься и поплавать в круглом канале. Это один из самых оригинальных бассейнов древности. От центрального зала сейчас остался круглый купол с таким же отверстием в центре, как в возведенном в те же годы Пантеоне.

Термы. Одной из достопримечательностей императорского Рима были его термы, отличавшиеся от привычных общественных бань, которых к концу империи насчитывалось в Риме более девяти сот, не только размерами, но и роскошью отделки. Первые термы воздвиг в 33 г. до н. э. на собственные средства Марк Випсаний Агриппа. Открытие их за два года до битвы при Акции, в самый разгар гражданских войн, было монументальным манифестом еще не победившего императорского режима, своего рода авансом будущей политики хлеба и зрелищ. Гражданам (не только мужчинам, но и женщинам) раздавались бесплатно тессеры на посещение терм, а вместе с ними и банные принадлежности.

Из императоров первым соорудил термы Нерон. Вход в них был платным, но входная плата (четверть асса) была чисто символической, едва окупавшей расходы на содержание сооружения. Римляне не скупилась на похвалы термам Нерона, равно как на брань в его адрес. Сатирик Марциал писал: «Что Нерона хуже, а нероновых терм, скажи, что лучше?»

Завоеватель Иерусалима Тит воздвиг термы, получившие его имя, в районе «Золотого дома» Нерона. Современники дакийских войн получили возможность мыться в огромных термах Траяна,

украшенных скульптурной группой Лаокоона. Но грандиознее всех предшествующих построек были термы Каракаллы, словно бы рассчитанные не на обитателей столицы, а на всех подданных римской империи. Они первыми встречали путника, вступающего в город по Аппиевой дороге, первой и главной из римских дорог. Начал их строить еще Септимий Север. Термы Каракаллы, занимавшие 11 гектаров, в своем великолепии остались непревзойденными даже тогда, когда столетие спустя появились более обширные, занимавшие 13 гектаров термы Диоклетиана. Пользоваться ими могли одновременно 1600 посетителей. Кроме привычных просторных залов с горячей, теплой и холодной водой, там были площадки для игр, гимнастические залы, отделанные редкими видами мрамора. Взоры поражали колоссальные колонны и статуи. Даже купальни были из базальта, гранита и другого благородного камня. Один из поздних историков, пользовавшийся ими, писал: «Он оставил необыкновенные термы, носящие его имя, в которых солнечный зал архитекторы считают неподражаемым, так как в нем наверху имелись бронзовые решетки, на которых держался весь свод. Зал был настолько обширен, что ученые-механики отрицают возможность такого устройства. Размеры терм таковы, что на их территории может разместиться целый город».

Триумфальные арки. Триумфы в эпоху империи стали церемониями в честь побед, одержанных носителями империя (высшей власти), а не просто удачливыми полководцами. Соответственно и деревянное сооружение (*foripex*), сквозь которое проходила триумфальная процессия с целью религиозного очищения, потеряло первоначальный характер и превратилось в триумфальную арку (*arcus triumphalis*), памятник победы императора во внешних войнах.

В Риме триумфальные арки воздвигались на пути прохождения триумфальных процессий к Капитолию. Это были каменные монументальные ворота, оформленные скульптурными изображениями трофеев, пленных, гениев победы с ее атрибутами. Так, на триумфальной арке Тита изображена главная святыня иерусалимского храма — семисвечник в руках ликующих легионеров. Арка Септимия Севера на римском форуме была задумана как монумент, олицетворявший единение императорского семейства (Севера и его сыновей Каракаллы и Геты), достигнутое в победоносной войне с варварами, а превратилась в памятник кровавого раздора: после убийства Геты Каракалла приказал стереть его имя из надписи на арке.

VII

КРИЗИС III ВЕКА И ПЕРИОД ДОМИНАТА

Глава 46

КРИЗИС III В. ЭПОХА СОЛДАТСКИХ ИМПЕРАТОРОВ (235—284 ГГ.)*

В III в. Римская империя погружается в пучину жесточайшего кризиса. Будучи далеко не первым в истории средиземноморской древности, он превосходил все предшествующие кризисные эпохи не только территориальным масштабом, но и глубиной проникновения во все сферы общественного бытия, государственной системы, духовной жизни и психологии масс.

Явные симптомы кризиса наблюдались задолго до того, как он принял всеобщий характер, в самые благополучные времена истории римской империи. Еще за внешним блеском «золотого века» Антонинов скрывались глубокие червоточины, пронизавшие общественную систему, основанную на эксплуатации рабского труда и ограблении провинций. К III в. они выходят наружу, превращаясь в избороздившие тело империи трещины. Ослабевает международная торговля, хиреют товарно-денежные отношения — вплоть до замены монетного обращения натуральным обменом. Расшатывается полисная система, придававшая римской империи стабильность, которой были лишены восточные империи поздней древности. Нарастает угроза и самому институту императорской власти — армия начинает претендовать на роль нового политического хозяина империи. Меняется и внешнеполитическое положение империи. Вокруг нее сжимается кольцо варварских народов, со все возрастающей энергией наседавших на римский лимес. На востоке новая империя Сасанидов вторгается в азиатские провинции. Военные поражения приобретают хронический характер. Созданный при принципе многоступенчатый механизм управления утрачивает свою эффективность и разрушается. Больше нет мира ни на римском форуме, ни в городах, ни в сельских округах, ни на границах. Распад рабовладельческой экономической системы порождает противостояние различных социальных слоев. Сокрушаются города, бывшие оплотом старых производственных отношений, и главную роль начинают играть крупные земельные собственники, предшественники средневековых феодалов. Однако

*Глава написана совместно с В.И.Уколовой.

империя все еще сохраняла подобие единства и кажущуюся способность противостоять давлению варварской периферии. При преемниках Северов, «солдатских императорах», наступает социально-экономический и военно-политический крах. Населению некоторых провинций удается сбросить бремя римской империи и создать собственные государства.

Армия — новый политический хозяин империи. После падения Северов в 235 г. трон цезарей, ранее видевшийся непоколебимой скалой, стал игрушкой в руках римских легионов. Солдаты, требуя все новых и новых подачек, с энтузиазмом возводили на него своих ставленников и с не меньшим энтузиазмом низвергали недавних кумиров, беспощадно их убивая. Однако находилось немало жаждущих заплатить багрянцем своей и чужой крови за пурпур императорской мантии. Никакая цена власти не казалась чрезмерной. За 50 лет, с 235 по 284 г., сменилось более двух десятков императоров. И независимо от того, умен император или глуп, жесток или добр, удачлив в военных предприятиях или нет, конец его, как правило, был один — его ждала насильственная смерть (битвы и эпидемии унесли жизни лишь четвертых).

Сама римская армия, сохранявшая ту же организацию, какую имела при Антонинах, изменилась по своему составу. В массе своей она состояла теперь из романизированных варваров, для которых римская доблесть и римская дисциплина были пустыми словами. Уже начиная с Северов, в армии появились самостоятельные конные подразделения, сформированные по национальному признаку: «далматинские всадники», «мавританские всадники». Императоры полностью зависели от армии. Об этом свидетельствуют не только литературные источники, но и выпускавшиеся монеты с легендами, провозглашавшими несуществующую солдатскую верность, на которую все еще надеялись императоры.

Непрекращающаяся борьба за власть порождала гражданские войны, опустошавшие империю. Христианский писатель Киприан сокрушался: «Весь мир, как бы разделенный на два противоположных лагеря, залит кровью». Но в действительности римский мир был разделен на множество лагерей, враждовавших между собой. Противостояли друг другу войска, стоявшие в разных провинциях империи. Давно уже была забыта прославленная римская дисциплина. Легионы превращались в варварский сброд, утрачивавший навыки военного искусства. Римская военщина стала бичом мирного населения Италии и провинций. Солдаты грабили крестьян, насильничали, разбойничали на дорогах. Даже богатые землевладельцы не были защищены от солдатского насилия и разбоя. Моря вновь оказались во власти пи-

ратов. Командиров, пытавшихся подчинить войска или использовать их для общественных работ, солдаты немедленно убирали. Ослабевшее государство было не в состоянии обуздать армию и остановить нарастающий вал преступности. Не удивительно, что римляне все чаще терпели поражения в столкновениях с варварами.

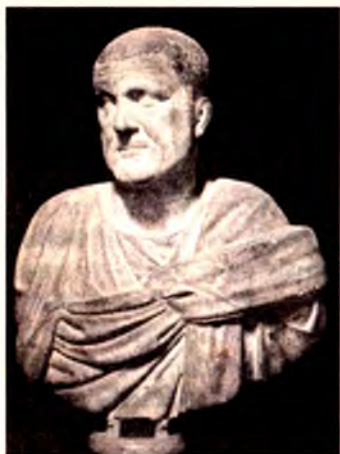
Первые солдатские императоры. После расправы над Александром Севером римские легионы, стоявшие в районе Майнца, провозгласили императором Максимиана (235 г.). Его считают первым «солдатским императором» в полном смысле этого понятия. Он воплотил в себе новый тип римского монарха, полностью обязанного своей властью армии и всецело зависящего от нее.

Новый император был уроженцем Фракии. Иногда в его происхождении усматривали и германские корни, в чем сказалось желание еще больше «варваризовать» императора-солдата. **Максимиан Фракийец** прошел путь от рядового воина до военачальника, был принят во всадническое сословие. Он стал префектом Месопотамии, а затем возглавил римские войска в Паннонии и Иллирии. Под его командованием они довольно успешно отражали натиск варварских племен, используя удачную военную тактику и имея возможность маневрировать крупными войсковыми контингентами. Профессионализм римских солдат возобладал над отвагой варваров.

Гордясь своими победами, Максимиан приказал запечатлеть их на огромных картинах, которые выставлялись перед сенатской курией в Риме. Но сам Максимиан в качестве императора так никогда и не посетил Рим.

В Дунайском регионе Максимиан сражался против сарматов и даков. Но хотя военные действия его были успешны, и сенат даже присвоил ему за успехи в войнах с германцами почетный титул Германик, большинство сенаторов было ему враждебно. Чтобы упрочить власть, он назначил своего сына цезарем: титул этот означал, что его носитель становится преемником императора-августа.

Непрерывные военные экспедиции требовали огромных финансовых средств. Множились налоги и подати, которые беспощадно взимались со всего населения империи. Историк Геродиан сообщает: «Ежедневно можно было видеть, как люди, которые еще вчера были богатейшими, сегодня просили милостыню: таким ненасытным было корыстолюбие тирании, которая в качестве предлога использовала необходимость содержания солдат». Максимиан разграбил казну городов, превратив их жителей в нищих и бродяг. Большое число сохранившихся от времени Максимиана Фракийца кладов наглядно свидетельствует о страхе их владельцев перед угрозой конфискации.

Максими́н Фраки́ец

Фили́пп Ара́б

Наибольшее возмущение конфискационные меры Максимиана вызвали в Африке. Здесь взялись за оружие арендаторы императорских доменов, земельные собственники, колонны, горожане, провозгласившие императором восьмидесятилетнего Гордиана, бывшего до этого проконсулом Африки. Памятуя о своем преклонном возрасте, он тут же объявил августом своего сына — Гордиана II. Римский сенат поддержал и того и другого, обрадовавшись возможности избавиться от жестокого Максимиана Фракийца, остро ненавидевшего римскую знать и не имевшего среди своих приближенных ни одного нобиля. Его сторонники в Риме были перебиты. Но поддержка сената не помогла Гордианам. В Африке началась новая война, поднятая наместником Нумидии. Гордиан II погиб в сражении, а его отец покончил с собой.

Сенат выдвинул из своей среды новых императоров — Пупиена и Бальбина. Пупиен, Бальбин и Гордиан III триумфально вошли в Рим. Вскоре там начались столкновения между солдатами их армии и жителями города. Часть Рима погибла в пожарах. Преторианцы воспользовались моментом и убили Пупиена и

Бальбина, подарив свою благосклонность Гордиану III. При нем сохранялось влияние сената.

Гордиану III пришлось отражать наступление варварских племен в Нижней Мезии, подавлять мятеж одного из узурпаторов в Северной Африке. В 241—244 гг. развернулись военные действия против персов в Сирии и Месопотамии. После того как Гордиан III был убит собственными солдатами, войска провозгласили императором своего главнокомандующего Юлия Филиппа, получившего по этническому происхождению прозвище Араб. Впервые римский трон занял выходец из отдаленной восточной глубинки, из арабского кочевья. Его опорой, наряду с армией, стала собственная род-

ни. Но, назначая родственников на высшие должности, он вместе с тем искал благосклонности и у сената.

Филипп Араб попытался упорядочить имперское судопроизводство и систему сбора налогов, пресечь злоупотребления чиновников. В одном из сохранившихся обращений к его сыну от жителей фригийской деревни содержалась мольба о помощи: «Нас неслыханным образом мучают и сосут нашу кровь те, чей долг защищать народ... Эти люди, командиры, солдаты, государственные магистраты и их чиновники, являются в нашу деревню и мешают нам трудиться, отнимая у нас волов. Они отбирают то, что к ним не имеет отношения. Вот так мы страдаем от великих притеснений и тягот».

Императору удалось заключить компромиссный мир с Сасанидской Персией, сохранив власть над Месопотамией и Малой Арменией. С 245 г. он успешно отражал набеги карпов и других племен на Дунае. Однако вскоре последовал мощный прорыв варваров во главе с готами. Война с варварами на Дунае приняла затяжной характер. А между тем приближалось тысячелетие Рима. Император надеялся, что празднование этой великой даты поможет стабилизировать обстановку в империи, сплотить народ. 21 апреля 247 г. официальная пропаганда, взяв на вооружение весь стандартный набор римских лозунгов, с небывалой громогласностью воспевала «Вечный Город», римскую свободу, непобедимых императоров, согласие, мир, изобилие, тогда как политическое и моральное разложение римской державы и римского уклада жизни достигло апогея.

За римским лимесом. Еще при Антонинах стало очевидным, что мощные укрепления на границах империи, воздвигнутые римлянами, не могут служить надежной защитой от варварского мира, грозного, кочевого и воинственного. Этот мир находился в постоянном движении. Одни племена теснили другие, заставляя последних искать новые места обитания и создавать временные этнические коалиции. В ходе частных перегруппировок сил и перемещений, ставших предвестием великого переселения народов, передовые отряды варваров вступали в сражения с римскими войсками приграничных районов империи. И эти сражения постепенно сливались в нескончаемую череду войн.

В начале III в. названия германских племен, известные еще со времен Плиния Старшего и Тацита, почти исчезают из римских исторических источников, но устрашающе начинает звучать новое имя — алеманны (аламанны), на одном из германских наречий означавшее «сообщество мужчин», «толпа». Однако это имя принадлежало не какому-то одному народу: за ним скрывался достаточно

крупный племенной союз, включавший и известных ранее свевов (швабов), и тюрингов, и гермундуров, и семеонов, и других германцев. Все они, объединившись, образовали ударную силу, которая угрожала верхнегерманской и ретийской границам империи. Их перегруппировки изменили демографическую картину и военную обстановку в срединной Европе. Алеманны были искусными конными воинами. Их наступление клиньями врезалось в римскую территорию, не останавливаясь перед захватом хорошо укрепленных фортификационных сооружений. В 235 г. римской армии под руководством Максимиана Фракийца удалось перехватить инициативу и заставить алеманнов на некоторое время отступить. Однако «десятичные поля» и приграничье Рейна и Дуная превратились в опасный район непрекращающихся военных стычек, что в конечном счете привело к потере римлянами влияния на этой территории. Алеманны предприняли наступление и на Италию. Они дошли до Медиолана (Милана), но здесь были остановлены. Однако само их вторжение отчасти создало условия для последующего отделения от Рима Галлии и создания суверенной Галльской империи. Алеманны и в последующие десятилетия предпринимали попытки похода в Италию и Галлию. Однако в начале IV в. они в большинстве своем перешли на службу в римскую армию.

В 30-е гг. III в. происходит перегруппировка племен и в нижнем течении Рейна. Некоторые германские племена объединились под началом франков. Они совершали набеги до среднего Рейна, подчиняя себе живущие там народы. Но особенно активно франки стремились захватить нижнерейнский сектор и земли по левому берегу Рейна. В 260 г. они разрушили сильно укрепленный Траехт (совр. Утрехт). Франкские разбойничьи сухопутные и морские отряды постоянно нападали на римскую территорию, грабили римские суда.

С начала III в. резко осложнилась ситуация в районе Среднего и Нижнего Дуная. Отсюда совершили свой прорыв маркоманны, в 251 г. проникшие через Паннонию к Равенне. Они были остановлены, однако вскоре римляне вынуждены были уступить им земли вдоль верхнегерманской границы и взять в жены дочь вождя маркоманнов. К набегам маркоманнов добавлялись нападения вандалов, бастарнов, квадов, периодически опустошавших германские провинции.

Особенно активными в наступлении на римские земли были дакийские племена. Самым агрессивным из них было племя карпов. Хотя несколько римских императоров и получили титул Карпийский в ознаменование побед над ними, лишь впоследствии императору Аврелиану удалось, наконец, утихомирить это воинственное племя и расселить его южнее Дуная.

В годы празднования тысячелетия Рима судьба словно послала Вечному городу мрачное предзнаменование гибели. Готы, взломав римский лимес, предали мечу и огню Мезию и Фракию. До этого с готами не было серьезных столкновений. Своей родиной готы считали Скандзе, «кузницу племен» (очевидно, Скандинавию). В I в. они уже селились в низовьях Вислы, а затем двинулись в причерноморские степи. Здесь произошла их встреча со скифо-сарматскими племенами, от которых они переняли технику конного боя и вооружения, возможно, кольчужные доспехи. Готы основали в Крыму свое государство, объединив в мощный союз племена германцев и присоединившихся к ним аланов и сарматов. Однако в III в. готы сами разделились на остготов и вестготов (восточных и западных готов). Вестготы расселились между Днестром, Карпатами, Валахией и Нижним Дунаем, остготы — по обоим берегам Дона, Днепра, в Приазовье. Готы располагали мощной армией и флотом, в строительстве которого принимали участие пленные римляне. За армией обычно двигались повозки с семьями воинов. Таким образом, наступление готов было одновременно и их переселением.

Передвижение готов в 248 г. совпало с войной римлян против карпов в Дакии и с несколькими попытками узурпации императорской власти. Филипп Араб находился в это время в Дакии. Навести порядок во взбунтовавшихся легионах он поручил Децию, опытному военному и сенатору этрусского происхождения. Деций установил в армии жесткую дисциплину, избавившись от ненадежных солдат. Часть из них перешла через лимес к варварам. Устрашив своими победами готов, Деций заключил с ними перемирие.

В 249 г. иллирийские легионы провозгласили Деция императором. Он не хотел выглядеть узурпатором и предложил Филиппу Арабу компромисс. Предложение было отвергнуто, и Деций двинул войска в Италию. Возле Вероны армии двух императоров вступили в соприкосновение. Филипп Араб погиб в бою, а сын его был убит в Риме преторианцами.

Император Деций. Рим восторженно встретил победителя. В противоположность Филиппу Арабу Деций был для Рима «своим». Его намерения реставрировать старые римские обычаи, порядок и религию совпали с пробудившейся у римлян после празднования тысячелетия Вечного Города тягой к традиционным римским ценностям. В 250 г. Деций издал эдикт, требовавший от каждого жителя империи принесения жертвоприношений римским богам. Акт жертвоприношения должен был совершаться в присутствии свидетелей. Начали действовать комиссии религиозного надзора. Этот эдикт

спровоцировал массовые преследования христиан, отказывавшихся приносить жертвы языческим богам.

Судя по легендам на монетах, Деций рассчитывал на мирное правление. Однако издание «жертвенного эдикта» совпало с началом нового наступления готов. Деций одержал над ними победу в районе Никополя. Севернее активизировались карпы. Император устремился навстречу им в Дакию. Тем временем готы перешли Балканы, и Деций вынужден был перебросить свою армию через Шипку. В сражении с готами Деций потерпел тяжелое поражение у Беройи. Последствия его были тем более опасными, что император намеревался оказать помощь осажденному Филиппополю. Еще в самом начале готской кампании Деций в своем послании предупреждал филиппопольцев об опасности спонтанных стычек с готами: «У них многочисленная конница, многочисленная тяжело- и легковооруженная пехота, они страшны своей опытностью в военном деле и своей наружностью, а потрясением оружия и громко выкрикиваемыми угрозами они могут навести страх на тех, кто на них обрушится впервые».

Осажденные ждали Деция, а он после поражения у Беройи с трудом собирался с силами. Тем временем предатель, которому готы обещали императорскую власть, открыл ворота Филиппополя. Все находившиеся в городе были перерезаны (Аммиан Марцеллин называет страшную цифру — 100 000 убитых).

Решающее сражение Деция с готами произошло в начале июня 251 г. у Абритта в Добрудже. Готы наступали тремя боевыми линиями. Римский фланг, возглавляемый самим императором, завяз в болоте, был окружен варварами и полностью уничтожен. В этом сражении пал и Деций.

После катастрофы в Добрудже уцелевшие римляне во главе со вновь избранным императором заключили с победителем соглашение: они пропускались на родину при условии ежегодной уплаты дани и отказа от территорий на Нижнем Дунае.

Рим и Персия. Между тем молодая персидская империя переживала обновление. Самостоятельные города, сохранявшиеся в Парфии со времен Селевкидов, сменяются административными центрами во главе с царскими чиновниками. Осуществляется централизация общества, разделенного на сословия жрецов, воинов, чиновников и земледельцев (к последнему были причислены также ремесленники и купцы). На землях, ранее принадлежавших городам и сельским общинам, организуются крупные поместья. Земледельческое население закрепощается. Складывается новое царс-

кое войско, главной ударной силой которого становится тяжелая кавалерия, непосредственно подчиненная шаху, принявшему титул «царь царей, царь Ирана и не-Ирана». Кодифицируется иранское право, представлявшее собой сложную, строго продуманную систему. Реформируется религия (зороастризм) в направлении большего догматизма и усиления культа царя. Провозгласив себя наследниками Ахеменидов, Сасаниды претендуют на все западные владения предшественников вплоть до побережья Эгейского и Египетского морей. В 252 г. сасанидские войска вторглись в Месопотамию и Сирию, годом позже захватили Антиохию.

Император Валериан возглавил поход римской армии на Восток, однако военный успех сопутствовал персам. В 256 г. они захватили Дура-Европос, прекрасно укрепленный город, резиденцию римского командующего пограничной обороной. Проведенные в 30-х гг. XX в. археологические раскопки показали, что город ожесточенно сопротивлялся. В 260 г. новое наступление привело к полному разгрому римских войск. Так римляне потеряли Ближний Восток.

Триумфальная надпись персидского шаха на персидском, парфянском и греческом языках сообщает о трех победах над Римом в 260 г.: «Во время третьего похода, когда мы атаковали Карры и Эдессу и осадили их, император Валериан выступил против нас. С ним были [войска] из Германии, Реции, Норика, Дакии, Паннонии, Мезии, Истрии, Испании, Мавритании, Фракии, Вифинии, Азии, Памфилии, Исаврии, Ликаонии, Галатии, Ликий, Киликий, Каппадокий, Фригии, Сирии, Финикии, Иудеи, Аравии, Лидии, Осроены, Месопотамии — всего семьдесят тысяч человек. И по ту сторону Карр и Эдессы у нас была большая битва с императором Валерианом. И императора Валериана мы взяли в плен собственноручно, и префекта, и сенаторов, и начальников, которые командовали той армией, всех мы взяли в плен и угнали в Персию. И Сирию, Киликию, Каппадокию мы разграбили, опустошили и разрушили».

Императора и его военачальников заставили строить плотину и мост. Садясь на коня, персидский шах использовал спину Валериана как подставку. Такого унижения Рим не ведал со времен катастрофы при Каррах.

Распад. Сын Валериана император Галлиен ничего не предпринял, чтобы выволить отца из позорного плена. Напротив, он всячески старался дистанцироваться от Валериана и даже предать забвению его имя. При Галлиене положение империи не улучшилось, несмотря на его неоднократные попытки укрепить дисциплину в армии и восстановить авторитет государственных структур.

В административной и военной сферах были, однако, предприняты меры, сыгравшие в дальнейшем немаловажную роль в переустройстве государства. Он, по существу, отстранил сенаторов от руководящих постов в администрации, права управлять теми из римских провинций, где стояли римские войска. Легатов, ранее назначавшихся в легионы из числа сенаторов, при Галлиене стали выдвигать из всаднического сословия. Это привело к тому, что сенаторы стали замыкаться в своих латифундиях, уступив административное поприще и военное командование всадничеству, и более того — низшим сословиям. Галлиен также создал мобильный конный корпус — резерв главнокомандующего. Командиры этого корпуса стали играть в империи ту же роль, которая еще не так давно принадлежала префектам претория.

Ему, правда, удалось на какое-то время приостановить наступление на рейнскую границу алеманнов и франков. Однако вскоре произошло неизбежное. Даже Галлия, связанная с Римом давними и очень тесными узами, как уже отмечалось, в 267 г. объявила себя независимой Галльской империей. За нею последовали Испания и Британия. Многие регионы империи выдвигали своих собственных правителей и провозглашали их императорами. Некоторые из дорвавшихся до императорской власти узурпаторов были настолько малоизвестны, что о них не сохранилось никаких сведений в исторических источниках, и в историю они вошли под общим наименованием «тридцать тиранов». Многочисленные локальные узурпации разорвали на куски некогда единую территорию империи.

Пальмирская держава. Среди «тридцати тиранов» подчас попадались и незаурядные фигуры. Из них наиболее яркая — Зенобия, правительница Пальмиры, города с арабско-иудейским населением, расположенного в оазисе Сирийской пустыни.

В тяжелой, не сулившей успеха борьбе против персидского шаха Шапура I единственной опорой Галлиена была Пальмира, получившая еще от императора Каракаллы статус римской колонии. Оденат, правитель Пальмиры, остановил персидские войска, отбросив их за Евфрат, захватил Карры и Нисибис, прошел до Ктесифона и осадил его. Галлиен, занятый войной с варварами на севере, высоко оценив победу Одената, даровал ему титул «вождь римлян» и провозгласил верховным главнокомандующим на Востоке. Одержав победу над Персией, Оденат объявил себя и своего сына Орода императорами.

После убийства Одената и его сына молодая вдова **Зенобия**, скорее всего, причастная к заговору против мужа и пасынка, воспользовавшись ослаблением римской империи, провозгласила незави-

симость Пальмиры и за несколько лет прихватила часть Месопотамии, Сирию, Аравию и Египет. С Персией был заключен мир, давший Зенобии возможность беспрепятственно укреплять власть над владениями, от которых Рим вынужден был отказаться.

Древний караванный город при Зенобии превратился в настоящую столицу Востока, украсившись улицами, защищаемыми портиками от палящего солнца пустыни, и великолепными храмами. Повсюду можно было видеть статуи Одената, установив которые, правительница надеялась снять подозрения в своей причастности к его гибели и одновременно подчеркнуть преемственность власти. Зенобия начала чеканить собственную монету. На монетах 271 г. она названа «августой», а ее старший сын, от чьего имени она правила, «консулом», «стратегом Рима», «светлейшим царем царей», «восстановителем Востока». В этом перечислении титулов была заложена определенная идея — оно как бы символизировало преодоление вечного соперничества Запада и Востока и слияние их ценностей в единое гармоничное целое.

При Зенобии Пальмира стала одним из важнейших культурных центров того времени. Сюда съезжались поэты, ученые, художники, скульпторы, образовав своеобразный «цветник талантов», возвращенный на восточных, эллинистических и римских традициях. Имя Пальмиры как прекраснейшего города и питомника муз стало нарицательным, а известность и слава «иноземки по имени Зенобия ... в императорском военном плаще и диадеме» (так писал один из римских историков) перешагнула далеко за пределы ее владений.

Последние солдатские императоры. После убийства в 268 г. Галлиена и сменившего его «мимолетного императора» Авреола войска посадили на императорский престол выходца из Иллирии Марка Аврелия Клавдия, которому Рим оказался обязанным крупными военными победами над варварами. Клавдий выиграл ряд битв с алеманнами, а также в 269 г. одержал убедительную победу над готами в районе среднего течения Моравы. Вознаменование этой победы была воздвигнута на форуме серебряная колонна, а император приобрел почетный титул Готский. Но разгоревшаяся эпидемия чумы свела на нет его успехи, и сам император пал ее жертвой. Сенат немедленно объявил императором его брата, которого, однако, не признали дунайские легионы. Они предпочли своего командующего **Луция Домиция Аврелиана**.

Аврелиан был выходцем из Верхней Мезии, возможно, даже происходил из семьи колона, что не помешало ему сделать головокружительную карьеру. В 268 г. он был начальником раскварти-

рованной в Северной Италии ударной конной армии и пользовался почетом у императора. Будучи сам избран императором, Аврелиан показал себя не только талантливым военачальником, но и хорошим администратором. Ему удалось задержать на несколько лет скатывание империи в пропасть. В годы его правления уже отчетливо проявились некоторые черты государственного устройства, которым предстояло развиться в эпоху домината.

В год своего вступления на престол Аврелиан одержал победу над германским племенем ютунгов, прорвавшимся в Северную Италию, а затем над сарматами и вандалами в Паннонии, оттеснив их за лимес. Однако вновь перешедшие лимес ютунги в союзе с сарматами нанесли ему в Италии тяжелое поражение.

Варвары двигались в Умбрию. В Риме вспыхнули волнения. Неспokoйно было в Далмации и в Нарбоннской Галлии. Чтобы развязать себе руки, Аврелиан уступил Дакию готам и заключил с ними мир. Все городское население и легионы, выведенные из Дакии, были расселены на правом берегу Дуная близ его впадения в Понт. Нашествие алеманнов и ютунгов Аврелиан остановил у города Павии, который три века спустя станет столицей других варваров — лангобардов.

Аврелиан первым из римских императоров осознал, что варвары могут угрожать непосредственно Риму и приказал воздвигнуть вокруг столицы мощную стену, сохранившуюся до наших дней. Длина ее составила 18 км, высота — 6 м, ширина — 3,6 м. Укрепления стены Аврелиана и ее восемнадцати ворот уже напоминали средневековые замки. Стенами и укреплениями, но только меньших размеров, стали себя окружать также и другие города и даже отдельные поместья. Империя становилась похожей на сплошной военный лагерь. Аврелиану пришлось жесткой рукой навести порядок и в самом Риме, где восстали *монетарии* (ремесленники римского монетного двора), возмущенные тем, что ремесленные коллегии были поставлены под полный контроль императора и должны были выполнять его распоряжения. К монетариям присоединились городские низы, недовольные перебоями в хлебных раздачах: вместо ежемесячной раздачи зерна была введена ежедневная раздача печеного хлеба по два римских фунта вместе с небольшим количеством масла и щепоткой соли, да и такой скудный «паек» выдавался нерегулярно. О масштабах этого восстания может дать представление количество погибших при его подавлении солдат — почти семь тысяч.

В том же году Аврелиан победил на Нижнем Дунае карпов, а затем предпринял поход против Пальмиры, чтобы положить конец ее самостоятельности. Римские войска разбили силы Зенобии близ Антиохии. Пальмира была передана под управление префекта про-

винции Месопотамии. Осенью 272 г. Зенобия в числе других пленников была проведена в триумфе Аврелиана по улицам ненавистного ей Рима. На ней были великолепные одежды и множество драгоценных украшений, ослеплявших зрителей. И хотя руки и ноги пленницы сковывали золотые цепи, а за золотую цепочку на шее ее вел персидский шут, Зенобия сохраняла царственное достоинство и не казалась сломленной. Свои дни она закончила как римская матрона на бывшей вилле императора Адриана, пришедшей к тому времени в запустение.

В 273 г. пальмиры вновь подняли восстание, и Аврелиану опять пришлось брать город. На этот раз он был разграблен, опустошен и более никогда не восстанавливался (засыпанный песками, он стал прекрасным археологическим памятником). Попутно подавив в Александрии Египетской восстание одного из сторонников Зенобии, Аврелиан направился через Галлию в испанские провинции. Галлия в то время была самостоятельным государством, где управлял император-узурпатор Тетрик. Тетрик, будучи не в силах справиться с собственными войсками, тайно призвал к себе Аврелиана. В битве при Каталаунских полях мятежное войско было разбито, Тетрик был проведен по Риму в триумфе, но затем щедро вознагражден и получил высокое административное назначение. Испания, а вслед за ней Британия были возвращены римской империи. Успехи эти стали возможны благодаря установлению железной дисциплины не только в армии, но отчасти и в системе управления империей. Современники сравнивали Аврелиана с Александром Македонским и Цезарем.

Аврелиан провел ряд реформ, направленных на восстановление внутреннего единства римского государства, реорганизовал административный аппарат, усовершенствовал систему государственного продовольственного снабжения. Отходя от системы принципата, он повелел именовать себя «господином и богом», подчеркивая тем самым абсолютный и божественный характер своей власти. На людях он появлялся в сияющем венце и роскошных восточных одеяниях, уподоблявших его божеству. О том, что это было элементом церемониала, преследующего политические цели, свидетельствует хотя бы тот факт, что в обыденной жизни император был очень неприхотлив; даже своей жене он разрешал иметь только один шелковый плащ.

Объединению империи должна была способствовать и религиозная реформа. Вскоре после победы над Зенобией Аврелиан ввел обязательный для всех культ Непобедимого Солнца, божественного покровителя императора и империи. В Риме, на Марсовом поле, этому божеству был возведен храм. Культ Солнца, установленный Аврелианом, не имел ничего общего с культом Солнца, введенным

в свое время Гелиогабалом: он объединял многочисленные солнечные культы, существовавшие в различных частях римской империи, особенно на ее востоке, но поднялся над ними как религиозный Абсолют. Он должен был венчать традиционную римскую религиозную систему и способствовать единству империи. На монетах Аврелиана изображение солнца сопровождалось титулами императора: «восстановитель мира», «восстановитель Востока», «восстановитель круга земель» (*restitutor orbis*).

Одна из монет Аврелиана изображала рукопожатие императора и богини Согласия. Но это не означало установления согласия в государстве — легенда на монете поясняла: согласие между воинами. Сенат при Аврелиане был лишен власти. С недовольными сенаторами император расправлялся с необычайной жестокостью.

В 275 г. обстановка на Востоке осложнилась в очередной раз, и Аврелиан выступил в поход против Персии. Во время этого похода он был убит заговорщиками. Армия, казалось, устала выдвигать императоров и после гибели Аврелиана уступила это право сенату, который избрал императором дряхлого сенатора Тацита. Новый император установил культ Антонинов и разместил во всех библиотеках сочинения своего тезки — историка Тацита, обличителя тиранов. Через полгода семидесятипятилетний Тацит был убит солдатами. Его преемник Флавиан продержался у власти лишь два месяца. Следующий император, Марк Аврелий Проб, удерживал власть несколько лет (276—282). Интересен изданный им приказ разводить виноградники вне Италии (видимо, запрет на это, введенный при Домициане, еще продолжал действовать). Рассаживать виноградные лозы было поручено легионам, стоявшим в Галлии и Паннонии, а ухаживать за посадками — местному населению.

В 283 г. Проб вступил в столицу Персии Ктесифон, но вскоре его убили солдаты, а его преемник был сражен молнией во время персидского похода. Казалось, сам громовержец Юпитер устал от кровавой вакханалии и низверг карающую молнию на голову очередного незадачливого владыки. Но и гнев отца богов не прекратил борьбу за власть, разгоревшуюся с новой силой.

Социальный кризис. Политический хаос во всех своих проявлениях переплетался с социальным кризисом. Принятые императорами II в. меры, ограничивавшие до того совершенно не контролируемый полнейший произвол рабовладельцев по отношению к рабам, не могут рассматриваться как качественные перемены в системе рабовладельческих отношений. Одним из симптомов ее кризиса стало нетипичное с точки зрения классичес-

кой римской практики использование рабского труда и изменение соотношения между трудом рабов и зависимых земледельцев в пользу последних.

Римским агрономам конца республики и первого века империи известны колонны, под которыми понимались мелкие арендаторы. Само слово *colonus* считалось производным от глагола *colere* — возделывать, обрабатывать землю. Но этот глагол имел и другое значение: жить, проживать, и в поздних текстах под колонами стали понимать не только арендаторов, но и поселенцев на чьей-либо земле, местных и пришлых.

Изменения, позволившие дать такое определение сельским труженикам, имели место уже во II—III вв. Развитие колоната можно нагляднее всего проследить по императорским поместьям (*сальтусам*) в римских провинциях. Известно, что при Нероне половина пахотной земли римской провинции Африки принадлежала шести поссессорам. Казнив их и конфисковав их владения, Нерон стал самым крупным землевладельцем Африки. Его земли достались последующим императорам. При Антонинах императорские владения (*домены*) управлялись в соответствии с уставами, определявшими обязанности населения этих доменов и права лиц, наделенных властью над ними. Группы императорских поместий объединялись в округа во главе с прокураторами, а каждый *сальтус* отдавался на откуп главному съемщику (*кондуктору*), который либо обрабатывал землю силами собственных рабов, либо сдавал ее в аренду колонам.

Арендная плата могла отдаваться деньгами или частью урожая (обычно трети), и к тому же колон был обязан отработать на землях поместья несколько дней в году. Сохранилась жалоба колоннов Бурунитанского *сальтуса* в Африке императору Коммоду на притеснения кондуктора, нарушавшего устав, увеличивая платежи и отработки. Колонны юридически были свободными людьми, ибо аренда была кратковременной — как правило, пять лет. Но уже во времена Гордиана различали «временную» и «вечную» аренду, при которой в случае смерти поссессора колонам предписывалось выполнять свои обязанности и при его наследнике. Вскоре вообще прекратилось заключение договоров, и колонны оставались на земле, если поссессоры их не выгоняли, продолжая нести свои повинности. Землевладельцы были заинтересованы во все более жестком прикреплении колоннов к своим поместьям и для этого зачастую применяли военную силу. Крупные собственники окружали себя военизированными отрядами, укрепляли виллы, возводя вокруг них массивные стены.

Бунты и восстания. Все это не могло не привести к возникновению различных форм протеста, бунтам и мятежам. Было бы неверным думать, что восставала только беднейшая часть населения. Так, вспыхнувшее в северной Африке в период правления Максимиана восстание крупных землевладельцев Гордианов в 238 г. привлекло и богатых людей, и мелких земледельцев. Это восстание имело разнообразные цели, главной из которых была замена «бешеного» императора Максимиана умеренным и «справедливым» Гордианом. Восставшие также уповали на возрождение римских законов, а земледельцы — на облегчение налогового бремени и получение земли.

В правление Галлиена в Сицилии вспыхнуло восстание, которое современники, видимо, вспоминая о давних событиях на острове, называли «почти рабской войной». На самом же деле роль рабов в социальной борьбе этого времени была ничтожной. Основной движущей силой массовых выступлений становятся закабаленные земледельцы и посаженные на землю варвары. Наиболее крупные беспорядки охватили Галлию. Здесь началось движение багаудов (на языке галлов — «борцов»). В основном это были колонны, доведенные до отчаяния притеснениями крупных земельных собственников, разбоем и непосильным трудом. Сами римские авторы говорят о безвыходном положении этой римской провинции, признавая, что большая часть ее населения разорена непосильными налогами и повинностями, тогда как дома магнатов утопают в роскоши. «От чего другого они стали багаудами, как не от наших несправедливостей, нечестных судей, конфискаций и грабежей», — писал священник Сальвиан.

Восставшие изгоняли богачей или даже их убивали. Им удалось захватить город Августодун, где на их сторону перешли ремесленники и гладиаторы. Ненадолго подавленное императорскими войсками, восстание к концу III вспыхнуло с новой силой. Багауды избрали собственных императоров, организовавших военный лагерь на острове при слиянии Марны и Сены и оттуда совершавших набеги на крупные имения. В V в. движение багаудов приняло еще более широкий размах, перебросившись из Галлии в Испанию. Оно в немалой степени способствовало дальнейшему расшатыванию римской империи и ее падению.

Источники. Вместе с окончанием правления Александра Севера и погружением империи в хаос полувекового кризиса исчезает возможность опоры на труд Диона Кассия, пусть не всегда объективного, но все же очевидца исторических событий, а со времени Максимиана Фракийца обрывается исторический труд также и другого современника — Геродиана. Прак-

тически нет ни одного цельного исторического труда, который мог бы быть положен в основу изучения пятидесятилетия, отделяющего падение династии Северов от прихода к власти Диоклетиана. Краткие биографии императоров времени полувекового кризиса содержатся в компиляции авторов второй половины IV в. или начала V в. — «Сочинителей истории Августов». Но это источник чрезвычайно тенденциозный включающий множество абсолютно недостоверных фактов. Источниками информации по политической истории становятся также фрагменты сочинений Петра Патриция, Иоанна Антиохийского, труд историка середины V в. Зосима, автора истории в шести почти полностью сохранившихся книгах на греческом языке, а также произведения византийских историков.

Для III в. может быть использована как источник не только по истории религии, но и римской империи, обширная христианская литература: трактаты Тертуллиана (ок.160—ок.200), трактаты и письма Киприана (200—258), «Церковная история» Евсевия Кесарийского (ок. 260—339 гг.), обширный трактат Сальвиана (V в.) «О власти господней», сочинение Аврелия Августина (354 — 430 гг.) «О граде Божьем» и написанная Павлом Орозием «История против язычников». Так, у Тертуллиана и Киприана, выходцев из римской провинции Африки, можно почерпнуть информацию о жизни провинциального общества римской империи. В частности, совет Тертуллиана христианам заниматься простыми ремеслами воспринимается не только как стремление оградить их от «идолопоклонства», но и характеризует ситуацию эпохи, когда выживание становится всеобщей проблемой. Трактаты и письма Киприана создают картину роста крупного землевладения, жажды роскоши и наживы, притеснения и разорения крестьян, ослабления муниципальной организации, всеобщей коррупции властей и анархии.

Изучение варварских вторжений на фоне эпохи в целом становится возможным благодаря написанному на латыни труду гота (или алана) Иордана (сер. VI в.) «О происхождении и деяниях гетов», рекомендующего себя читателю как «сократителя хроник». Желая возвысить своих соплеменников, Иордан приписал германцам готам историю более древнего народа Придунавья — гетов.

Памятником общественных настроений III в. являются сочинения Плотина (204—270 гг.) и его ученика Порфирия (ок. 233—ок. 300).

В законодательных сборниках Феодосия II и византийского императора Юстиниана имеются ценнейшие сводки юридического материала, относящиеся к предшествующим эпохам, в том числе и к III в.

Первостепенную роль играют нумизматические данные, характеризующие политическую программу, финансовую и религиозную политику императоров и многочисленных узурпаторов смутного времени, сами имена которых порой известны лишь по монетам. На основании монет изучаются сепаратистские движения в провинциях. Монеты Пальмиры дают представление о характере установившейся в этом государстве власти и ее имперских притязаниях. Монеты также становятся показателем экономического состояния империи. Сам состав содержащегося в них металла свидетельствует о кризисе финансовой системы.

Социально-экономическая история империи изучается преимущественно на огромном материале надписей и папирусов, характеризующих положение колонов, вспыхивавшие в разных частях империи народные движения, распространение различных религий в разных частях империи.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВО II—III ВВ.*

Включение в Римскую империю многочисленных народностей и этносов неизбежно вело к разрушению замкнутости их духовного бытия. Мир, царивший на ее просторах, благоприятствовал экономическим контактам и способствовал развитию многообразных культурных связей. Достижения медицины и астрономии, технической мысли и филологии становились общим достоянием всех народов, населявших империю; сюжеты и образы теперь быстрее кочевали из одной литературы в другую, искусство широко заимствовало чужеземные орнаментальные мотивы и изобразительные приемы. В орбите этого интенсивного интеллектуального обмена оказалась и сфера религиозной жизни.

Верования народов античного Средиземноморья и близлежащих областей были политеистичны (исключение составляли только иудеи, ранее других пришедшие к исповеданию единого бога) и следовательно — открыты для усвоения новых, в том числе и чужеземных, культов. Поэтому межэтнические связи, ставшие разнообразными и регулярными, очень скоро породили крайне пеструю картину религиозной жизни. Святилища малоазийских, египетских, сирийских и персидских богов во II — III вв. уже встречались в самых разных городах империи; под воздействием заморских верований и новых социально-политических реалий быстро преобразались и традиционные культы греко-римского мира. Некоторые из них приобретали новые свойства и атрибуты, другие сливались со сходными верованиями, завезенными издалека. Там, где процессы культурного взаимодействия развивались особенно бурно, возникали и бок о бок существовали совершенно противоположные религиозные унастроения — от философского атеизма или настойчивых поисков космического универсума до тяготения к примитивным и наполовину забытым местным верованиям.

В результате религиозная жизнь Средиземноморья уже во II в. оказалась сложной и противоречивой, как никогда прежде. Однако в этом нагромождении противоречий просматриваются вполне определенные тенденции. Не вызывает, например, сомнений, что та религиозная идеология, которую пыталась навязать народам империи римская власть, не имела длительного успеха, а в обстановке политической нестабильности III в. превратилась в откровенный религиозно-политический фарс; почитание великих богов греко-римского пантеона постепенно угасало, им на смену во II и в начале III вв. пришли малозаметные прежде местные божества, почитавшиеся в отдельных городах и селениях; тяга к восточным и мистериальным культам непрерывно усиливалась, причем со

* Глава написана А.П. Скогоревым.

стороны самых разных социальных слоев и групп; религиозно-философские поиски интеллектуалов и синкретические тенденции простонародных верований подводили массовое сознание (хотя и с разных сторон) к идее единого и абсолютного Бога. Самым же существенным с точки зрения исторической перспективы было постепенное распространение и идейно-организационное оформление христианства, упрочение его позиций в античном обществе.

Религиозно-политическая фикция. Во II–III вв. официальными культами Римской империи, участие в которых вменялось в обязанность каждому ее жителю, было почитание Юпитера Капитолийского и культ римского императора. Отказ от исполнения связанных с ними обрядов считался государственным преступлением и мог повлечь за собой самое суровое наказание.

Освящавший в первую очередь имперский правопорядок, культ Юпитера Капитолийского был совершенно чужд индивидуальным переживаниям личности, которые все больше оказывались в фокусе духовных исканий средиземноморской цивилизации. Специфически римский, сложившийся еще в суровые и аскетичные времена, он был слишком холоден и безэмоционален, а потому не находил отклика в сердцах жителей восточных провинций, тяготевших к религиозному экстазу, личному и даже чувственному контакту с божеством. К тому же для большинства он являлся символом чужеземного господства и национального унижения. За пределами Рима его искренние почитатели были лишь среди легионеров и сравнительно узкого слоя римских магистратов.

Несколько сложнее обстояло дело с культом римского императора. В эпоху политической стабильности и процветания всемогущий повелитель империи, чья милость возносила до небес, а гнев обращал в прах, и впрямь воспринимался большинством подданных как некое божество, обитающее на Палатинском холме. Постоянно слыша о нем, они никогда не видели его воочию, а бронзовые и мраморные изваяния «палатинского бога» почему-то очень напоминавшие олимпийцев, внушали страх и благоговение. Во II в. культ императора имел уже весь набор культовых атрибутов — великолепные храмы, жреческие коллегии, детально разработанный ритуал, включавший торжественные шествия хлебные и денежные раздачи. Во многих городах он был объединен с почитанием главных местных божеств (например, в Эфесе — с культом Артемиды, в Пергаме — с поклонением Асклепию и т. д.) К этому времени относится множество не предусмотренных официальным ритуалом почитательных надписей, в которых подданные обращаются к императору в тех же выражениях, что и к богам «по природе». Скептицизм в отношении этого культа существовал, конечно, и во II в.,

однако скептики были немногочисленны и в большинстве своем принадлежали к ближайшему окружению самого императора. В III в. картина резко изменилась. С формальной стороны императорский культ именно в это время достигает своего апогея и обретает особую помпезность. Теперь уже не только покойных, но и царствующих императоров полагалось именовать «божественными величествами». Официальные документы III в. титуловали каждого нового властелина «наибожественнейший из бывших когда-либо императоров», а годы его правления называли «благословеннейшими временами». Все, что было связано с особой или двором императора, вплоть до конюшен и кухонь, получило обязательный официальный эпитет *sacer* — божественный, священный. Любой новостройке — будь то ограда рынка в каком-нибудь малоазийском городке или лестница, ведущая к морю, в африканской деревушке — полагалось присваивать имя царствующего императора. Между тем римское государство переживало глубочайший кризис и пору неслыханной политической нестабильности, когда очередного императора, случалось, свергали раньше, чем весть о его воцарении доходила до отдаленных провинций. Контраст между официальной помпой и реальностью ускорил профанацию императорского культа, уже в середине III в. превратившегося в чистейшую религиозно-политическую фикцию.

Языческие культы и верования. На протяжении II—III вв. господствующей формой мировоззрения народов Средиземноморья оставалась языческая религиозность, даже к концу этого периода христиане составляли не более 10 процентов населения империи. Как и прежде, все необычайное — величественное, красивое или уродливое — в языческом сознании тотчас связывалось со сверхъестественным. Столкнувшись с чем-либо непривычным, язычники старались первым делом определить, какое именно божество проявляет таким образом свою волю. Существовали даже специальные «наставления» по распознаванию небожителей. Образованный греческий автор III в. Гелиодор со знанием дела пояснял читателям: «Богов можно узнать по их очам: они все время пристально взирают, и веки их никогда не смыкаются. Еще более — по их поступи: они передвигаются не переставляя ног». И все же в язычестве II—III вв. по сравнению с прежними временами многое изменилось. Вера в богов теряла наивную непосредственность, отделялась от мифа, усложнялась. Появилось и постепенно крепло понятие о трансцендентности божества. Лишь в глухих деревнях оставались люди, видевшие в изваяниях небожителей самих богов, однако большинству современников они уже казались глупцами.

Эта перемена в мировоззрении отразилась в религиозном обиходе того времени: наряду с прежними *deus* и *dea*, обозначающими конкретного бога или богиню со своим обликом, характером и родословной, во II—III вв. все чаще стало употребляться слово *pnumen*, подразумевавшее волю и могущество божества.

Сходство созданных империей политических и отчасти социальных реалий придавало религиозному развитию непохожих друг на друга народов и регионов общую направленность. Сложное взаимодействие универсалистских и сепаратистских тенденций вело к тому, что религиозные предпочтения все больше определялись не этносом и местностью, а принадлежностью к социальному слою, интеллектуальному кругу, профессии: в язычестве одновременно усиливались общие, наднациональные черты и социальная дифференциация культов и верований. В низших и средних слоях общества повсеместно распространялось почитание малых богов (в каждой местности — своих), олицетворявших, как правило, силы природы. Прежде они не имели ни храмов, ни жреческих коллегий, теперь их статус быстро повышался, они наделялись космическими функциями и становились в глазах почитателей равными олимпийцам. Какое-нибудь малозаметное лесное или даже комическое божество превращалось в «могучего» и «непобедимого» бога, «отца и творца вселенной», в честь него воздвигали храмы и слагали гимны. Подобный расцвет мелких культов происходил в самых разных регионах, поэтому пантеон активно почитаемых богов стремительно разрастался. Представители высших сословий смотрели на эти религиозные новации с презрительным недоумением и по-прежнему придерживались почитания великих богов, с официальными культурами которых их связывало социальное положение. Однако новые черты все заметнее проступали и в облике их кумиров, активно заимствовавших функции и атрибуты иноземных богов. Взаимное усвоение божествами разных народов «компетенции» и атрибутов друг друга облегчалось тем, что их колыбелью были общества, стоявшие примерно на одной ступени социального и интеллектуального развития, отчего и сами боги изначально имели много сходного. Сходством часто характеризовалась и последующая эволюция их культов. Процесс конвергенции однотипных культов был типичен для всего периода античной истории, однако в I—III вв. н. э. он становится особенно интенсивным, поскольку имперская власть в своих универсалистских устремлениях сознательно и последовательно его поощряла.

Быстрее всего эволюция языческих верований происходила в городах, особенно крупных и портовых, где нередко возникали причудливые комбинации самых разных культов, и один и тот же че-

ловец мог оказаться одновременно жрецом эллинского и туземного божества. Чем более пестрым по составу становилось население города, тем богаче и продуктивней была его духовная жизнь. Такие города, как Антиохия и Александрия, в этническом и культурном отношении теснее связанные со всем Средиземноморьем, чем с прилегающей округой, стали во II в. колыбелью целого ряда новых религиозных систем, в которых христианство увидело своих опаснейших противников.

Куда медленнее менялись верования в сельской местности. Стабильный жизненный уклад и круговая порука крестьянской общины, безусловное господство традиций в ее культуре, консерватизм мышления и настороженно-недоверчивое отношение общинников к «чужакам» делали чрезвычайно устойчивой ее традиционную религию — эволюция культов в этой среде происходила при минимальном воздействии чужеродных влияний. Гораздо меньше, чем в городах, сказывались здесь на религиозных воззрениях и социальные различия. Во II в. заметно изменился характер религиозных переживаний, появились новые формы почитания богов. Следствием сужения горизонтов общественной деятельности и ее профанации явился массовый уход в частную жизнь; общение замыкалось в кругу друзей и коллег, но при этом духовная жизнь людей становилась значительно интенсивней, их религиозные чувства обострялись, приобретали более глубокий и личный характер. Размах и помпезность официальных богослужений по-прежнему привлекали многих своей зрелищностью, но удовлетворить духовные запросы уже не могли. Нараставшее внутреннее отчуждение от официальной религиозности сопровождалось распространением более интимных форм общения с божеством — культовые обряды теперь охотнее совершали в семейном или узкокорпоративном кругу; во множестве появлялись религиозные объединения (коллегии), состоявшие лишь из нескольких десятков человек. Приватизация религиозной жизни, укоренение в массовом сознании привычки к произвольному возвышению малых богов и наделению их свойствами великого божества открывали дорогу неподконтрольному для государства религиозному «ревизионизму». Эти малозначительные на первый взгляд новшества проложили дорогу радикальным религиозным переменам следующего столетия.

Язычество в эпоху кризиса. Потрясения III в. внесли в эволюционное развитие язычества кризисные черты. Римская власть неизменно поддерживала культ великих олимпийцев и всеми средствами пропагандировала тесную связь с ним. По мере утраты ею собственного авторитета теряла обаяние и та идеология,

на которую она веками опиралась. Вслед за религиозным официозом массовое сознание стало отторгать объединенное в большинстве полисов с императорским культом (и потому гипертрофированное) почитание главных богов олимпийского пантеона. При этом происходила своего рода их «ипостасная деградация». Зевсу теперь чаще и охотнее поклонялись как подателю дождя или покровителю брака; Артемиде — как целительнице. Широко почитать продолжали тех олимпийцев, которые всегда выступали в роли помощников людей, например, Гефеста-Вулкана или Асклепия-Доскулапа. Должность жреца Асклепия стоила в то время в двадцать-тридцать раз дороже, чем жреческая должность в храме Зевса. Некоторые олимпийцы продолжали почитаться благодаря слиянию с местными божествами, причем популярность сохраняли именно те из них, чей культ никогда не объединялся с культом императора.

Утрата привычной веры породила во всех слоях общества глубочайший духовный дискомфорт, преодолеть который можно было, лишь заполнив тем или иным образом религиозный вакуум. Стремление как можно скорее обрести «истинного» бога сплошь и рядом приводило к отчаянным религиозным метаниям. Множились суеверия; повсюду появлялись «одержимые божеством» и «ясновидящие»; стало престижно считаться магом или чародеем. В моду вошла некромантия (теория и «практика» вызывания покойников). Чтобы постичь эту «науку», состоятельные и не очень состоятельные люди специально отправлялись в Египет. Смятение умов чувствовалось во всем. Склонность к занятиям магией и астрологией становилась массовым психозом. Приверженность к тому или иному культу часто носила характер кратковременного увлечения, на этой почве возникали религиозные союзы, объединявшие людей разного достатка и социального положения. В целом массовой психологии того времени были присущи крайняя степень растерянности и экзальтация.

Кризис веры в олимпийцев был очевиден и для римской власти, явно пытавшейся найти им замену или, по крайней мере, поддержать их угасавшее величие. В III в. на императорских монетах вместе с греко-римскими богами и обожествленными добродетелями (а то и вместо них) все чаще появляются новые сакральные символы — божества восточного происхождения и знаки солярного культа. Такое соседство возникло благодаря чуткой реакции правителей империи на религиозные настроения масс, ибо одним из главных веяний эпохи оказалось тяготение к древним культам восточного происхождения. Интерес к ним был не случаен: людей, стремившихся обрести «истинную» и «надежную» веру, отнюдь не привлекало новое — в ту пору оно ни у кого не вызывало доверия. Панацею от жизненных и душевных невзгод большинство искало в за-

бытой мудрости древних верований — местных, отеческих, и восточных, ибо в сознании человека античной эпохи глубочайшая древность всегда ассоциировалась с Востоком. Поэтому давно известные народам империи культы Исиды, Осириса, Кибелы, Великой Матери, Митры, в которых одновременно проглядывала и восточная, и родная древность, приобрели в то время особую популярность, а изображения и сакральные символы этих богов оказались в орбите имперской религиозной пропаганды.

Теми же причинами был обусловлен и расцвет древних мистериальных культов — Дионисийских, Элевсинских, Самофракийских и многих других. Идея страдающего и посредством своих страданий побеждающего бога, общая для этих культов, оказалась в чем-то очень созвучна эпохе. В особых тайных обрядах мисты (посвященные) достигали единения с божеством, тем самым обретая уверенность в своей сопричастности его бессмертию. Сами мистериальные действия, окруженные таинственностью и доводившие их участников до экстаза, давали не только ощущение избранности, приобщенности к тайному знанию, но и крайне важную в тех условиях эмоциональную разрядку.

Хотя мистериальные культы аккумулировали в себе важнейшие религиозные устремления эпохи, они не могли играть роль универсальной массовой религии, способной заменить веру в уходящих богов, ибо были подчеркнута элитарны. Посвящение в мисты стоило очень дорого, и позволить его себе мог далеко не каждый, поэтому в простонародной среде развернулись самостоятельные поиски истинного божества. Долгое время оно сводилось к простому «перераспределению» божественности, однако в условиях кризиса в нем появились принципиально новые черты.

Отвергнутые олимпийцы обладали многими прекрасными качествами — силой, красотой, величием, а случалось — и мудростью. Но они жили своими собственными страстями, часто бывали жестоки и безнравственны. Людям III в. потребовался совсем другой бог — добрый и справедливый, способный защитить и спасти их даже ценой собственных страданий. Именно таким он виделся растерянным и мятущимся жителям больших городов и глухих селений. Посвятительные надписи той поры буквально пестрят эпитетами: «богу справедливому», «богу милосердному», «подателю благ», «спасителю»; Добрые Богини и божества справедливости (Дике, Сильван, Немезида и др.) привлекали к себе миллионы почитателей. Внешние достоинства небожителей теперь никого не интересовали, богам уже не пытались льстить, называя их «прекрасными», вместо этого настойчиво подчеркивалось нравственное совершенство почитаемого божества, его «непорочность». Оче-

видно, дефицит именно этих качеств все острее чувствовался в окружающей жизни.

Чтобы иметь возможность надежно защитить людей, богу следовало быть еще и всемогущим. Поэтому «добрые» и «справедливые» боги непременно оказывались также и «царями космоса», «владыками мира», «едиными всемогущими»; наделялись силой и способностями всех прочих богов; иначе говоря — соединяли в себе всю полноту божественности, рассеянную в языческих верованиях по отдельным культам. И хотя таких единых и всемогущих «пантеев» одновременно возникло бесчисленное множество, их появление означало, что религиозное сознание масс движется к монотеизму. Эта монотеистическая тенденция не выходила за рамки языческого восприятия мира: наличие единого всемогущего бога не исключало существования других богов — «всемогущий» лишь возвышался над ними. К тому же он почти всегда оставался конкретной личностью (доброй, справедливой, милосердной) и, стоя над миром, продолжал активно действовать в нем, помогая людям и творя справедливость. Этот стихийный и вполне прагматичный монотеизм народных верований, очевидно, подпитывался обрывками религиозно-философских учений, а также христианской проповедью, проникшей к тому времени во все слои общества. Под ее несомненным влиянием менялись, например, языческие представления о посмертной жизни, распространялась вера в бессмертие души, в то, что праведники после смерти пируют на небесах, «в радости и веселии наслаждаясь вечным светом». Сохраняя давнее предубеждение против христианства, языческие массы подспудно усваивали многие его вероутверждения, и таким образом создавалась почва для его принятия в будущем.

Христианство на рубеже I—II вв. На исходе I в. н.э. окружающий мир все еще воспринимал христианство как одно из течений иудаизма, поскольку пути его распространения по-прежнему были связаны с теми городами, где существовали большие колонии иудеев и имелись синагоги, неизменно становившиеся центрами споров об истинности Мессии — Иисуса. Широкое рассеяние евреев, вызванное Иудейской войной, проложило дорогу христианству во все уголки Римской империи, и раньше всего — в крупные портовые города Средиземноморья. Если не считать Палестины и Сирии, наиболее заметных успехов оно добилось в городах Малой Азии, Балканского полуострова и Италии — там возникли самостоятельные общины последователей Иисуса, уже отделившиеся от синагог, а население некоторых малоазийских провинций почти поголовно обратилось в христианство. На рубеже I—II вв. христи-

анская проповедь зазвучала в Галлии, Карфагене, Александрии Египетской и даже в крохотных царствах на юге Аравийского полуострова. Восточной границей ее распространения долгое время оставался Евфрат.

В большинстве провинций Римской империи языком международного общения был греческий, на нем говорили все, в том числе и евреи, жившие за пределами Палестины, а поскольку во многих общинах большинство уже составляли недавние язычники, арамейский почти повсеместно (за исключением Палестины и Сирии) оказался к концу первого столетия вытеснен из христианского обихода и писаний. Христианские общины стали теперь называться греческим словом *эκκλῆσια*, т. е. «собрания». Состав *эκκлесий* был непостоянным. Многие поначалу увлекались новым вероучением, но затем к нему охладевали. И все же ряды приверженцев христианства непрерывно росли. Оно привлекало всех, кто чувствовал разлад с окружающей жизнью, не мог или не хотел примириться со своим положением в ней. Естественно, что таких людей больше всего было на нижних ступенях социальной лестницы, однако были и те, кто принадлежал к привилегированным сословиям и даже к самым верхам греко-римского общества.

В большинстве *эκκлесий*, где тон по-прежнему задавали иудеохристиане, Иисуса продолжали считать только Христом и решительно сопротивлялись попыткам приравнять его к Богу. Однако все заметнее давала себя знать противоположная тенденция. Чем больше становилось среди верующих вчерашних язычников, тем отчетливее проступали в облике Христа божественные черты. В некоторых общинах его уже считали Духом, а его телесное существование объявляли призрачным (таких взглядов придерживались докеты и симониане). В других склонны были различать человека Иисуса и временно соединившуюся с ним божественную субстанцию (Христа). На кресте, по их мнению, распяли только Иисуса, тогда как Христос-Мессия не был и не мог быть подвергнут позорной казни. Однако в большинстве общин не разделяли таких воззрений. Еретическими объявила их позднее и церковь.

Об организации раннехристианских *эκκлесий* до сравнительно недавнего времени известно было очень немного, но в 1875 г. в библиотеке одного из константинопольских монастырей обнаружили сочинение, написанное в начале II в. и озаглавленное «Учение Господне народам от двенадцати апостолов», которое чаще называют первым словом его греческого названия — «Диахэ». Благодаря этому памятнику теперь известно, что в начале II столетия в *эκκлесиях* уже существовала довольно сложная иерархия. Различались за-

нягие проповедью и наставлениями в вере апостолы, пророки и учителя. Наряду с ними существовали дьяконы, которые одновременно исполняли священнические и хозяйственные обязанности. Упоминает «Дидахе» и епископов. В апостольские времена так называли тех, кого направляли в качестве специальных эмиссаров в неблагополучные общины. Теперь епископы уже избирались в самих еkkлeсиях и, видимо, занимались преимущественно хозяйственными вопросами.

Судя по «Дидахе», в это время уже стала складываться и особая христианская обрядность. Сохранив некоторые черты иудейского богослужения (публичное чтение Священного писания, хоровое пение во время совершения обрядов, проповедь и молитву), христианство позаимствовало и отдельные элементы языческих культов. Двумя главнейшими таинствами уже в это время были крещение и евхаристия (причащение). Перед крещением требовалось соблюдать пост. Предпочтительным считалось погружение крещаемого в «живую», т.е. проточную, воду, если же ее не было, допускалось троекратное обливание. В противовес иудейской обрядности, были установлены иные, нежели у иудеев, дни поста — среда и пятница; рекомендовалось также «отказаться и от молитв лицемеров» и трижды в день читать «Отче наш». Особые молитвы и исповедь в грехах сопровождали совершаемую по воскресеньям евхаристию. Суть этого обряда состояла во вкушении хлеба и вина, таинственным образом превратившихся во время богослужения в плоть и кровь Бога. Вкусив их, верующие обретали сопричастность (отсюда и название) божественному бессмертию не только по духу, но и по плоти. Обрядность в разных общинах сильно различалась и зависела от преобладания в них иудео- или языкохристиан. Там, где первых было больше, преобладали нормы иудейского богослужения и более строгий отбор священных писаний. В тех же еkkлeсиях, где большинство составляли вчерашние язычники, наблюдалось значительно большее разнообразие бытовой и обрядовой нормы. Апокалипсис Иоанна упоминает существовавшие в Эфесе и Пергаме христианские общины николаитов, которые принципиально не соблюдали постов, употребляли в пищу идоложертвенное мясо и принимали участие в языческих оргиях. Общины христиан-докетов, считавших телесное существование Христа призрачным, не признавали и не совершали евхаристию.

Христианство и языческий мир. Едва превратившись в малозаметное явление, христианство ощутило на себе враждебность всех институтов современного ему общества, призванных поддерживать существующий порядок вещей. Уже с первых своих

шагов преследуемое религиозной и светской властью Палестины, оно спустя всего несколько десятилетий оказалось объектом гонений со стороны верховной власти Империи. Враждебность и неприязненное отношение к нему проявила и большая часть интеллектуальной элиты греко-римского мира. Античные писатели называли христиан безумцами, «приверженцами зловредного суеверия», обвиняли их «в ненависти к роду человеческому». Римский автор II в. Авл Цельс устами одного из своих героев призывал к поголовному истреблению христиан, и даже историк Корнелий Тацит, провозгласивший задачу писать без гнева и пристрастия, заявлял, что «своими мерзостями» они навлекли на себя всеобщую ненависть, и считал их достойными самого сурового возмездия. Рассказывая, как император Нерон иллюминировал свои сады заживо сжигаемыми христианами, он упрекал его лишь в том, что побудительным мотивом этой расправы была не столько общественная польза, сколько собственная кровожадность принцепса. Когда пронзительный и чуткий к настроениям толпы Нерон взвалил на христиан вину за поджог Рима, он безусловно принимал в расчет резко отрицательное отношение к ним большей части римского населения. Словом, языческий мир встретил выход христианства на историческую сцену ничуть не менее враждебно, чем ортодоксальный иудаизм. Но если ненависть к последователям Христа со стороны синедриона и властей иудейских вполне объясняется религиозной нетерпимостью и ригоризмом традиционного еврейского общества, то враждебность к ним римской власти, легко мирившейся с существованием не только на окраинах империи, но и в стенах Вечного Города десятков чужеземных культов, требует объяснений.

Чтобы понять ее, нужно вспомнить, с каким радостным нетерпением ожидали первые христиане крушения существующего миропорядка. О его скорой гибели твердили их проповедники, о том же говорилось в их Священном Писании. Религиозные и философские системы античного Средиземноморья, исходили из идеи вечного круговорота вселенной и потому не пытались создать картину последних дней мироздания. Даже древнеегипетская религия, почти целиком ориентированная на загробное существование, интересовалась вопросами личной, индивидуальной, но никак не всемирной эсхатологии. Эсхатологические ожидания иудаизма также не вызвали у образованных римлян и греков отрицательной реакции, поскольку касались лишь судьбы еврейского народа, относились к неопределенному будущему и были высказаны с горечью и унынием. Христианская же эсхатология замахивалась на весь мир и обрекала «всепожирающему пламени» все достиже-

ния цивилизации. Рисуя картину поглотившего Рим пожара, автор «Апокалипсиса» возглашает: «Веселились о сём и небо, и святыя апостолы, и пророки».

Рим облекался в мраморные одеяния, разбивал сады, строил по всей империи акведуки, форумы и амфитеатры, нес цивилизацию в самые отдаленные ее уголки, чтобы сделать жизнь своих граждан удобной и приятной. В превосходстве римского образа жизни убеждались все благоразумные люди круга земель. Кем же, как не безумцами и изуверами, должны были казаться римлянам, только-только начавшим вкушать плоды мирового господства, жалкие последователи галилейского мессии?!

Христианская шкала ценностей казалась римскому сознанию совершенно непостижимой. В одном из апокрифических сочинений звучат недоуменные вопросы римских воинов, конвоирующих апостола Павла к месту казни: «Скажи нам, Павел, где ж тот Царь, и где являлся Он вам, и как узнали вы Его, и что хорошего Он дал или обещал дать вам, дабы вы, христиане, так горячо Его любили и ни на каких условиях не хотели б религии нашей принять и жить наслаждаясь радостями этой жизни, но, словно бы к прелестнейшей утехе, стремились мученически умереть за Него? Но как раз то, что вызывало недоумение и негодование одних, давало надежду и силы другим. За дымом пожаров и вселенских катастроф христианской эсхатологии им виделся свет тысячелетнего царства Христа, а в скором крушении несправедливого и жестокого мира — близкий конец собственных страданий и унижений.

Гонения на христиан. Апологеты. Непривычная и непонятная система ценностей и тайные ночные собрания создавали христианам далеко не лучшую репутацию среди простого народа: допуская фантазия приписывала им самые изуверские преступления. «Нас обвиняют в безбожии, употреблении в пищу человеческого мяса и гнусных кровосмешениях», — возмущался Афиногор Афинский. «Говорят, что во время наших таинств мы умерщвляем дитя и съедаем его, ...меж тем как участвующие в пиршестве собаки опрокидывают подсвечники и, гася свечи, освобождают нас от всякого стыда», — вторил ему Тертуллиан. В этих «оскорбительных для богов мерзостях» народ усматривал причину всех постигавших его бедствий и требовал от властей беспощадной расправы с «безбожниками». «Если Тигр выходит из берегов, если Нил не орошает полей... если вспыхивают эпидемии и мор, — говорит Тертуллиан, — тотчас раздастся крик: христиан — львам!»

По мере укрепления церкви росло настороженное отношение к ней и со стороны римского государства. Страшась организован-

ной оппозиции, императоры старались держать под неусыпным контролем любые проявления общественной жизни и с большим подозрением относились даже к созданию добровольных пожарных обществ. Поэтому сама принадлежность к сплоченной и живой по своим законам организации делала христиан в глазах римской власти государственными преступниками. А поскольку вслед за иудеями они отвергали любые формы идолопоклонства и упорно избегали церемоний, связанных с культом императора, для их преследования не требовались специальные эдикты или распоряжения. Чтобы оказаться в руках палача, достаточно было признать себя последователем Иисуса. От участия в культе императора официально были освобождены только иудеи. Для их древней религии Рим, привыкший с почтением относиться к древности, делал исключение. К тому же со времени разрушения Иерусалимского храма иудеям было велено платить храмовую подать Юпитеру Капитолийскому, тем самым для них как бы устанавливалась особая форма участия в государственном культе. Христианство в отличие от иудаизма долгое время считалось не религией, а всего лишь «безмерно уродливым суеверием» — ведь у ревнителей Иисуса не было ни храмов, ни статуй, ни жертвоприношений т.е. никаких привычных для римлян атрибутов религии. Поэтому официально они обычно обвинялись в оскорблении величества и безбожии. За эти преступления римских граждан подвергали отсечению головы, а все прочие могли по усмотрению судей быть приговорены к сожжению, распятию или растерзанию. Довольно долго специальной антихристианской политики римское государство не проводило, но едва из разрозненных общин стали проступать контуры всеимперской организации, дерзающей противостоять власти и живой по своим собственным законам, реакция последовала незамедлительно. В 202 г. был издан указ, направленный непосредственно против христиан. Пыткам и казням подверглись тогда десятки тысяч человек. В дальнейшем периоды относительно спокойной жизни то и дело перемежались жестокими преследованиями. Но стойкость, проявляемая большинством христиан, их готовность претерпеть мученичество и смерть за свои убеждения создавали им нравственный авторитет даже в глазах преследователей и вызывали интерес к их вероучению.

Оправдаться от обвинений в «безбожии» и «безумии» христиане пытались не раз. Уже в первые десятилетия II в. ими были созданы специальные сочинения — апологии, обращенные к языческому читателю. Их авторы пытались сформулировать понятия и утверждения христианской веры на языке, привычном для носителей античной культуры, а порой — и на языке философской логи-

ки. В одной из апологий, написанных в середине II в., для обоснования христианского постулата о посмертном воскрешении во плоти, вызывавшем презрительные насмешки греков и римлян, была даже использована атомарная теория. Среди апологетов II—III вв. встречались широко образованные и талантливые философы и поемисты: Иустин Философ, Афинагор Афинский, Ириной Лионский, Тертуллиан, но их задача осложнялась тем, что важнейшие вероутверждения христиан еще не были сформулированы, и апологеты, по существу, вынуждены были выступать в роли первых христианских богословов.

Окончательный разрыв с иудаизмом. Уже почти целое столетие христианство развивалось на самой благодатной для этого почве — редкий герой греко-римского мира не становился после своей смерти богом или полубогом. Переворот, совершившийся в сознании христиан, в немалой мере был подготовлен широким распространением в первой половине II в. чудесных легенд и сказаний о Христе, возникавших в процессе обращения язычников. Хотя уже давно существовало писанное евангелие, главную роль в распространении благовестия по-прежнему продолжала играть устная проповедь, и миссионерам приходилось учитывать вкусы тех, чье сознание привыкло к мифам, поэтому их проповедь, обращенная к язычникам, обильно расцветчивалась чудесами и знаменьями, которые затем, в народных пересказах, занимали главное место. Так рождались легенды, в которых Иисус с самого младенчества совершает чудеса, непосильные даже для античного полубога. Их оправданием и объяснением могла служить в сознании эллинов только абсолютная полнота его божественности. Характерно, что апостолы в этих легендах совершают чудеса уже не именем Божьим, а именем Христа, который сам теперь мыслился как Высшая Сила. В одних общинах осмысление Иисуса Богом совершилось раньше, в других позднее, но уже в 40-е гг. II в. по всему христианскому миру зазвучал призыв «Помышлять о господе Иисусе словно о Боге (*quasi Deo*)».

До этого момента, несмотря на непрекращавшиеся споры об истинности или самозванстве Мессии, при всех различиях обрядовой и бытовой нормы, христиане и иудеи верили в одного и того же Бога, а многие из них, уповая на милосердное заступничество Христа, продолжали строго соблюдать предписания Закона. Теперь это становилось невозможным — провозглашая Иисуса Богом, христианство окончательно порывало с иудаизмом и превращалось в самостоятельную религию. Этот разрыв сопровождался обострением иудео-христианской полемики. С возмущением отмечая расска-

зы о непорочном зачатии Иисуса девою Марией, иудеи называли их «эллинскими баснями» и всячески высмеивали. Один из участников этого диалога религий негодуяше восклицал: «В эллинских мифах уже рассказывалось, будто Персей был рожден девою Данайей, в которую проник, обратившись в золото, тот, кого они называют Зевсом. Постыдились бы повторять подобное! Лучше признайте поскорее, что Иисус, будучи человеком, человеком и рожден. И уж если хотите доказать, будто он — Христос, утверждайте, что он удостоился избрания во Христа за жизнь законную и совершенную, иначе, подобно грекам, будете обличены в безумстве». При этом иудеи заявляли, что, признав Иисуса Христом, тем более нельзя называть его Богом: ведь, согласно древним писаниям, грядущий Мессия должен быть человеком. Да и можно ли помыслить, — говорили они, — чтобы вечносущий Творец вдруг родился человеком? Провозглашая Иисуса еще одним богом, вы, христиане, отказываетесь от единобожия и превращаетесь в язычников! Эти упрёки воспринимались христианами столь болезненно, что иудаизм на некоторое время стал для них едва ли не самым главным противником. Появились антииудейские сочинения христианских авторов, расписывавшие коварство и злобу иудеев. Отчаянную борьбу с иудаизмом развернул в 40-е гг. II в. богатый малоазийский судовладелец Маркион, прославившийся своими попытками составления канона христианских писаний. Он выступил против использования христианами иудейских книг и вымарывал ветхозаветные цитаты даже из евангелий и апостольских посланий. Бога-Отца он называл «виновником зла, жаждущим войны, непостоянным в своих намерениях и противоречащим самому себе». Иудейский Яхве изображался им темной и злой силой, с которой благой и светлый Христос не мог иметь ничего общего. У Маркиона нашлось много сторонников, однако отказ от ветхозаветной традиции обнажал отсутствие у христиан сколько-нибудь разработанного вероучения в том числе и мало-мальски ясных представлений о Боге, что делало его совершенно неприемлемым для большинства христианских лидеров и проповедников.

Сознавая это, в совсем другом, куда более сдержанном, тоне полемизировал с иудаизмом один из первых христианских апологетов — широко философски образованный грек Иустин, прозванный Философом и Мучеником. Выросший в палестинском городе Сихеме, где бок о бок жили иудеи, христиане и последователи многих языческих культов, Иустин с детства научился религиозной терпимости и хорошо сознавал необходимость сдержанности в религиозных спорах. Пройдя выучку у греческой философии, Иустин прекрасно понимал, что никакие силлогизмы не в состоянии

доказать божественности Иисуса. Сделать это, по его мнению, можно было, лишь опираясь на тысячелетний авторитет ветхозаветных книг и притом именно тех, которые ввиду своей древности почитались более остальных — «Бытие» и «Исход». Рассмотрев описанные в них случаи богоявления, Иустин заявляет, что Бог, явившийся праотцам еврейского народа Аврааму, Исааку и Иакову, Бог, «говоривший с Моисеем в кусте терновом», ни в коем случае не мог быть Творцом Саваофом, но только Господом Христом, ибо «и слабоумный не осмелится утверждать, будто Творец всего, бросив все сущее выше неба, явится на малой частице земли» («Диалог с Трифоном Иудеем»). Иустин до такой степени стремился отстоять божественность Иисуса, что даже изъявлял готовность признать заблуждением евангельский рассказ о его человеческом рождении. Тем не менее Христос оказался у него богом, менее значительным, нежели Саваоф. От ангелов он отличался только тем, что был создан Творцом прежде них и выполнял более важные Его поручения. Но что хуже всего выходило, будто в ветхозаветной истории и впрямь действовали два совершенно разных бога, и это по существу подтверждало правоту иудеев, упрекавших христиан в отказе от единобожия.

Становление христианского богословия. Провозгласив Христа Богом и окончательно порвав с иудаизмом, новая религия оказалась на распутье. Предстояло либо отказаться от единобожия — либо каким-то образом согласовать его с верой в божественность Иисуса Христа. Предстояло определить свое отношение к ветхозаветной традиции. Наконец, нужно было решить вопрос: как относиться к тем древнейшим христианским писаниям, в которых Иисус предстает всего лишь «сыном человеческим». Неопределенность вероучения давала его противникам дополнительные поводы для насмешек и смущала верующих.

Одним из первых попытался найти решение тринитарной проблемы (т.е. проблемы одновременного единства и троичности Бога) епископ галльского города Лугудуна (будущего Лиона) Иринеи (ок. 130 — 208). Бог мыслился Иринеем как единая сущность и отождествлялся им с ветхозаветным Творцом мира. Различие же в именах Божиих, — говорил Иринеи, — свидетельствует не о множественности богов, а о безграничном совершенстве Единого. Дух Святой и Бог Слово (Иисус Христос) — как бы две руки одного Божества. Бог Сын есть «видимое Отца как Отец — невидимое Сына». Углубляться дальше в тайну божественного триединства Иринеи не решился, ибо считал, что «не посвящены в нее ни ангелы, ни архангелы, ни херувимы, ни серафимы».

Но там, где Иринею уже приходила на помощь вера, люди греко-римской культуры продолжали искать «мудрость». Тем, кто был воспитан на утонченных софизмах, нужно было не только верить, но и понимать. В их глазах привлекательность любой религиозной или философской концепции как раз и заключалась в хитроумных логических согласованиях отдельных ее постулатов. Христиане же, по мнению образованных язычников, призывали их уверовать во что-то совершенно несуразное — идея триединства казалась им нелепейшей бессмыслицей. Высмеивая ее в одной из своих пародий, написанной около 180 г., греческий сатирик Лукиан вложил в уста христианского проповедника монолог, звучащий подобно абракадабре: «Клянись Богом, царствующим горе, великим, бессмертным, Сыном Отца, Духом от Отца исходящим, единым из трех, тремя из единого, признавай их вместо Юпитера и почитай за Бога».

Недоумение и разочарование по поводу триединого Бога испытывали даже те новообращенные, которые были не слишком искушены в логике и философии. Об их растерянности свидетельствовал самый блестящий среди всех раннехристианских авторов Тертуллиан: «Умы простые и, можно сказать, невежественные, — писал он, — равно как и люди неученые, составляющие большую часть верующих, познакомившись с Символом веры, переходят к единому и истинному Богу... а потом вопиют, что мы проповедуем двух или даже трех богов». Оставаться безразличной к таким настроениям своей паствы церковь не могла. Поэтому поиски решения тринитарной проблемы стали в последней четверти II в. важнейшей задачей нарождавшегося христианского богословия. В 177 г. в послании, адресованном римскому императору Марку Аврелию, Афинагор Афинский писал: «Главная забота христиан — познать, каково единство и различие соединенных Духа, Сына и Отца».

Самым простым способом ее решения было признать Бога единым, а его троичность мнимой или кажущейся. Именно по такому пути пошла та часть христианских теологов, которые получили прозвище монархиан. Признавая абсолютным и всемогущим Божеством ветхозаветного Бога Отца, они заявляли, что исповедуют идею Его единовластия. «*Monarchiam tenemus*» («придерживаемся единоначалия»), — говорили они. Среди них различались монархиане-динамисты и монархиане-модалисты. Первые считали, что Иисус по воле Божьей родился от Девы, но жил подобно всем людям, и лишь при крещении в Иордане на него снизошла божественная сила (греч. «дюнамис»). По существу, динамисты отреклись от Христа-Бога и вернулись к вере в него как в мессию.

Монархиане-модалисты рассуждали иначе. По их мнению, Единый Всемогущий Бог может являть себя миру в каком угодно образе.

Он сам вселился во чрево Девы, сам был от нее рожден и сам, желая спасти людей, принял облик (модус) Иисуса Христа и претерпел крестные страдания. Таким образом, Бог Сын — всего лишь «маска», под которой в действительности перед людьми предстал Бог Отец. В подтверждение своих взглядов модалисты ссылались на слова Христа, приводимые четвертым евангелистом: «Видевший меня видел Отца». Третье же лицо Троицы — Дух Святой почти совсем не интересовало модалистов. Такое решение тринитарной проблемы было проявлением неизжитой языческой ментальности в христианской среде, его «подсказывала» греко-римская мифология, где Зевс-Юпитер является смертным то в образе быка, то лебедя, то орла, да и остальные олимпийцы нередко меняют свой облик.

«Они прогнали Духа, потеряли Сына и распяли Отца», — связывал о монархианах прославленный карфагенский апологет и теолог Квинт Септимий Тертуллиан (ок. 160 — ок. 220), обрушивший на них шквал едкой и остроумной критики. Будучи судебным оратором и блестящим полемистом, Тертуллиан умело доводил до абсурда и беспощадно высмеивал идеи всех своих оппонентов — гностиков, монархиан и язычников. Он писал на латыни, и там, где его книги могли быть прочитаны рядовыми верующими — т.е. в латиноязычных провинциях Римской империи, монархиане утратили влияние уже в первой половине III в. На Востоке, где говорили и читали по-гречески, церковь была вынуждена бороться с ними гораздо дольше. Опытный юрист Тертуллиан и в богословских спорах стремился к чеканной точности юридических формулировок. Многие из них навсегда вошли в золотой фонд христианского богословия.

Источником всех заблуждений и ересей Тертуллиан считал языческую философию, но, учитывая запросы своей паствы, он все же постарался обосновать идею Божьего триединства доводами логики и рассудка. Чтобы увязать между собой одновременную единичность и троичность Бога, он воспользовался понятиями «сущность» (*substantia*) и «лицо» (*persona*). Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, — рассуждал Тертуллиан, — представляют собой единую сущность, одно целое, но различаются в лицах. Важнейшее различие между ними — их старшинство, или степень. Главное, или старшее, лицо Божественной Троицы — сотворивший некогда вселенную Бог Отец. Первоначально Он пребывал в одном лице, но затем стал самораскрываться, и тогда появились второе и третье лица Троицы. Все это произошло еще до сотворения мира и потому как бы вне времени. Возражая монархианам, Тертуллиан заявлял, что, раз до момента творения в Боге было заключено все многообразие мира, то нет ничего удивительного и в том, что Божественная Единица

извечно содержала в себе Троицу и в какой-то момент самораскрылась в ней. И все же Тертуллиану не удалось убедительно согласовать Божественную Единицу с Троицей. Из придуманного им различия Божественных лиц по старшинству (субординализма) критики христианства легко делали вывод о поклонении христиан трем разным, неравномогущественным богам. А высказанное им суждение, что «было время, когда Сына не было», позволяло заключить, что Христос не вечен и значит — не Бог. Иначе говоря, тринитарная проблема не нашла у Тертуллиана убедительного для современников решения. Но без предложенных им формул «единого в трех лицах» Бога и «единосущности» этих лиц христианское богословие обойтись в дальнейшем уже не могло. Более того, почти на три века предвосхищая богословскую мысль, Тертуллиан четко сформулировал и другой важнейший догмат христианства, утверждающий двойную — богочеловеческую природу Иисуса Христа. Но на рубеже II—III вв. эта проблема еще не занимала христианских мыслителей, и потому христологическая формула Тертуллиана осталась незамеченной. Отцы церкви пришли к ней лишь в середине V столетия, после долгих споров и ссор*. Сам же Тертуллиан, будучи человеком страстным и увлекающимся, примкнул в начале III в. к секте монтанистов, утверждавших, будто Бог еще только собирается дать людям истинное и спасительное знание и сделает Он это не через Иисуса Христа, а через Святого духа — Параклита. Переход к монтанистам стал причиной разрыва этого блестящего автора с церковью и последующего осуждения и запрещения всех его творений.

Гностицизм. Самым значительным религиозно-философским течением, противостоявшим христианству во II—III вв., был гностицизм. Он возник на Ближнем Востоке или в Александрии в результате синтеза некоторых восточных религий (зороастризма, иудаизма, египетских культов) с греческой философией. До недавнего времени учения гностиков были известны лишь по пересказам их христианских критиков — Ириней Лионского, Тертуллиана, Оригена, однако в середине XX в. в Египте и Палестине были найдены фрагменты подлинных гностических текстов, позволяющие многое уточнить в прежних представлениях о гностицизме.

Разные гностические школы пропагандировали довольно несхожие между собой концепции, но при всех различиях их объединяли два общих момента — дуалистическая космогония и учение о спасительном знании. Гностики считали, что в основе мироздания

*См. § Христологические споры.

лежат противостоящие друг другу начала — Высочайший Дух и материя. Первое из них представляет собой средоточие света и добра и является источником духовных частиц — эонов, которые, отделяясь от Высочайшего Духа, образуют плерому — особую сферу или последовательный ряд сфер, число которых в разных гностических системах колебалось от 3 до 365. Материя же согласно их воззрениям выступает как злое начало и образует хаос. Видимый мир — учили гностики — возник случайно, когда один из эонов, оторвавшись от плеромы, соприкоснулся с хаосом и одушевил материю, став, таким образом, Демиургом (т. е. творцом) видимого мира. Люди, по их мнению, состоят из тела, души и духа. Последний из этих трех элементов — частица Божества, заключенная в темницу материи. Мир наполнен непрерывной борьбой: дух, плененный материей, жаждет вырваться из ее объятий и вознестись в плерому, но сам этого сделать не может. Чтобы спасти его, Высочайший Дух послал в мир своего Верховного эона, дабы тот передал людям гносис, т.е. знание об их духовном происхождении и способе, с помощью которого они смогут освободиться от оков материи. Лишь тот, кто получит это сокровенное знание, обретет спасение и воссоединиться с плеромой. Многочисленные и враждовавшие между собой гностические школы по-разному развивали и детализировали эту схему. Одни изображали Демиурга злым, другие — нейтральным, третьи пытались приспособить ее к событиям христианской священной истории и отождествляли Демиурга с иудейским Яхве, а Иисуса Христа — с эоном-Спасителем.

Гностические идеи способствовали расцвету мистериальных культов, оказали ощутимое воздействие на самые разные религиозные и философские течения античного мира. Под их непосредственным воздействием складывалась, например, философия неоплатонизма. Очень рано проникли они и в христианские общины. Особенно ими интересовались те, кого по складу ума привлекала не только вера, но и теософия. С ними был знаком еще апостол Павел, вслед за гностиками различавший в людях «душевное» и «духовное» (1 Коринф. 15: 44, 46). «Водворяясь в теле, — писал он, — мы устранимы от Господа и, поскольку ходим верою, а не видением, то благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2 Коринф. 5: 6-8). Но особенно чувствуется влияние гностических веяний в четвертом каноническом евангелии, которое открывается поэмой о Слове-Логосе — посреднике между Богом и мирозданием.

Уже в первом веке гностическими концепциями воспользовались христианские секты докетов и симониан, а также родоначальник одной из древнейших ересей — Керинф, который утверждал, что с

добродетельным человеком Иисусом во время крещения в Иордане соединился посланный Высшим началом Христос, чьей силой Иисус и творил чудеса. Гностиком считали и отчаянно боровшегося с иудаизмом Маркиона. Когда же Иисус был провозглашен Богом, влияние гностицизма на христианские общины еще больше усилилось. Появились писания, утверждавшие, что Христос доставил людям спасение не своей крестной жертвой, а проповедью спасительного знания. При этом он будто бы проповедовал двоякое учение: одно открыто изложил для всех, другое — истинное и тайное — поведал лишь избранным. Первое содержится в известных всей церкви книгах Священного писания. Второе хранят апокрифические (т.е. «тайные») евангелия, деяния и апокалипсисы, доступные только посвященным. (Само слово «апокрифический» поначалу указывало на гностическое происхождение того или иного текста). Гностики уверяли, что больше всего тайн Спаситель открыл своему любимому ученику апостолу Иоанну, апостолу Фоме, прозванному Дидимом (т.е. «близнецом» Иисуса), и Марии Магдалине, и потому связывали с их именами происхождение большинства своих сочинений.

Успеху и устойчивому влиянию гностиков на христианскую массу в огромной мере способствовало простое, понятное всякому объяснение вопроса, на который христианская доктрина того времени не находила ответа: почему в мире торжествует зло? По мере нарастания в III в. внутреннего кризиса римского общества он все больше и больше занимал умы. Чтобы снять с Единого, Благого и Всемогущего Бога-Творца ответственность за мировое зло, христианство вынуждено было разрабатывать сложную доктрину — теодицею, понять и усвоить которую мог далеко не каждый. Стереотипам народного мышления куда больше соответствовали гностические истории о злобных происках сил мрака и победе над ними обладателей истинного знания. Людей же более образованных привлекали сложные космологические концепции гностиков, противопоставить которым христианству II в. также было нечего. Но признание правильности их утверждений означало бы отказ от веры и обрядности, за которыми стояла уже полуторавековая традиция. Разглядев в гностицизме своего опаснейшего противника, церковь развернула в последней четверти II в. беспощадную борьбу с ним.

Обручение с философией. Ориген. Сколь ни противилось христианское богословие союзу с философией, сколько бы ни повторяли апологеты, что у Иерусалима и академии не может быть ничего общего, христианская «академия» все же появилась, и союз веры и философии состоялся. Библейские сказания, складывавшиеся на протяжении полутора тысяч лет, были слишком противоре-

чивы и слишком мало связаны друг с другом, чтобы успешно соперничать в борьбе за умы греков и римлян с философскими системами античности. Пытливая эллинская мысль, еще со времен Гесиода и Пифагора стремившаяся постичь гармонию мироздания, уже давно разрабатывала сложные космологические концепции, знакомство с которыми считалось важным элементом греко-римской образованности. На их фоне библейский шестоднев выглядел примитивной сказкой. Проповедники христианства все острее ощущали необходимость изложения понятий веры в привычных для слушателей категориях философской логики. Если в Карфагене, преодолевая неприязнь к языческой философии, ими вынужден был пользоваться Тертуллиан, то в Александрии поставить языческую мудрость на службу христианской проповеди пытался Климент Александрийский. Однако христианству уже требовалось нечто большее. Оно нуждалось в целостной концепции мироздания, способной убедительно ответить на вопросы, волновавшие образованных современников, и непротиворечиво согласовать между собой все постулаты христианской веры.

Местом ее рождения стала Александрия Египетская. Здесь, в атмосфере учености и непрерывных религиозных диспутов, то и дело выплескивавшихся на улицы города, потребность в такой концепции стала очевидной раньше всего. Александрийское училище, в котором наставляли основам веры, постепенно превратилось в крупный учебный центр, где наряду со Священным Писанием преподавали греческую литературу, риторику и философию, а слушателем мог стать всякий, кто стремился расширить свое образование. Именно здесь, в стенах христианской «академии» на исходе II в. получил подготовку «отец церковной науки» Ориген (ок. 185 — 254).

Опираясь на библейские тексты, Ориген старался постичь главные свойства Бога и мира. Во-первых, — подмечал он, — Бог вечен, для Него не существует времени, и потому Он неизменен. Он не имеет начала и сам является началом всего. Во-вторых, Он абсолютный свет и абсолютное благо, Его природа непостижима и известна лишь самой себе. Поскольку Бог неизменен и не приобретает со временем новых свойств, — рассуждал философ, — неверно думать, что Он в какой-то момент стал творцом. Он всегда им был, и потому тварный мир так же вечен, как и сам Бог. Но в отличие от Бога он существует во времени, а потому подвержен изменениям. Поначалу мир состоял из разумных и почти бестелесных духов, но затем некоторые из них стали отвлекаться от созерцания Божества и утратили должную любовь к нему. Их тела сгустились, приобрели материальность. Чем дальше они уклонялись от Бога, тем плотнее и весомее становилась их телесная оболочка. В конце концов

все духи разделились на три категории. Те, у кого любовь к Богу преобладала, образовали многоступенчатый мир ангелов, где каждый занимает место, соответствующее его добродетели. Духи, чьи греховные и добрые помыслы как бы уравновешены, превратились в души и стали называться людьми. Те же, которые «дошли до крайности злодеяний», стали «демонами».

На смену одному телесному миру, считал Ориген, приходит другой. Каждый из них конечен, но вместе они образуют бесконечный поток бытия. От помыслов и поведения духов в предыдущем мире зависит степень их телесности и место в последующем. Путь к искуплению и спасению постоянно открыт даже для дьявола и его демонов. Рано или поздно все духи преодолеют свою греховность и освободятся от тяжелой телесной оболочки. В этой части концепция Оригена обнаруживает явное знакомство автора с индийскими религиозно-философскими системами. В этом нет ничего удивительного, так как еще с глубокой древности индийские аскеты-проповедники распространяли свои учения в Эфиопии и Южном Египте.

Стремление отделить духовное от телесного связывало Оригена с гностической философией и соответствовало вере первых христиан в воскрешение мертвых во плоти. Сгладить это противоречие философ попытался следующим рассуждением. В результате непрерывного обмена веществ человеческое тело не остается равным себе даже в течение нескольких дней, не говоря уж о тех переменах, которые происходят в нем с возрастом. Кто же воскреснет для вечной жизни — младенец, юноша или дряхлый старец? Тления и распада, считал Ориген, избегнет лишь та матрица живого организма, которой подчиняются вещества в процессе обмена. Духи, вернувшиеся однажды к своему Божественному первоисточнику, воплотятся не в ту материю, которая после смерти истлела и рассеялась, а в чистый и светоносный эфир.

Пытаясь противопоставить гностическим теориям стройную и согласованную во всех частях христианскую картину мира, Ориген сам был несвободен от влияния гностических идей. Но, усматривая цель бытия в избавлении «от оков телесности», он все же не считал материю источником зла, у Оригена она служит средством исправления греховности падших духов.

«Откуда же, в таком случае, берется зло?» Этот вопрос гностиков не раз ставил в тупик христианских богословов. «Если ваш благой Бог всемогущ, — говорили они, — и при этом сотворил мир таким, каков он есть, то он-то и является виновником зла и несправедливости, царящих на земле». Одним из первых Ориген начал разрабатывать христианское учение о невинности Бога в существовании зла — теодицею. Бог не может быть источником зла —

рассуждал философ — ведь Он — Абсолютное Благо. Но тогда, следуя здравому смыслу, приходится признать Создателя мира не всемогущим. Эту дилемму Ориген решил в пользу «всеблагости», поступившись «всемогуществом». На его взгляд, Бог сотворил всех одинаково совершенными, но так как разумные существа наделены свободой выбора, некоторые из них по лености отступили от добра, сохранение которого требует упорного труда. Так возникло зло. Источником его в концепции Оригена оказалась свобода воли разумных тварей. Однако сама по себе она не является злом, ибо благодаря ей возможно не только грехопадение, но и спасение падших. Настоящая причина зла — духовная леность.

Далеко не все в учении Оригена было признано церковью и усвоено христианским богословием, многие его утверждения стали исходным пунктом величайших ересей, а самого философа отлучали от церкви и предавали проклятью на нескольких поместных и вселенских соборах. Однако именно Оригену церковь обязана созданием основ своей догматики и научного метода в исследовании библейских текстов. Хотя Ориген не ставил перед собой задач, связанных с устройением церкви, он сделал для укрепления ее позиций неизмеримо больше, чем самые видные церковные иерархи того времени — ведь его учение проложило дорогу к христианской вере для интеллектуальной элиты греко-римского общества и таким образом приобрело ей влиятельных покровителей. Оптимизм же оригеновской эсхатологии, обещавшей спасение всем, примирял христианство с античной культурой.

Религиозность христианских масс. В формировании христианской веры участвовали не только ученые богословы, но и полуграмотные ремесленники и крестьяне. Религиозность христианских низов во II—III вв. (как, впрочем, и во все времена) имела не так уж много общего с вероутверждениями апологетов и учителей церкви, ибо в массовом сознании легко уживались обрывки принципиально различных религиозных представлений, этических и философских систем. Верования христианских масс в первые века нашей эры отличались особой синкретичностью, поскольку христианин из простонародья, часто сам вчерашний язычник, с детства усвоивший принципы мышления и поведения родной культуры, даже поверив в Христа, продолжал жить в языческом окружении и вынужден был соблюдать большинство норм его обыденной жизни. Да и в христианской проповеди, как правило, неопита привлекала не столько этика, призывавшая «возлюбить ближнего своего», сколько обещание, что, умерев, он будет воскрешен для жизни вечной. Соблюдение же предписанных Христом нравствен-

ных заповедей далеко не сразу становилось для него самоценным; большинством оно воспринималось, в первую очередь, как средство достижения вечного блаженства. Неудивительно, что представления и принципы, усвоенные из христианской проповеди, тесно и причудливо переплетались в сознании простонародья со стереотипами языческой культуры. Эта среда освобождалась от «языческого баласта» и усваивала наставления учителей церкви крайне медленно, но в то же время сама активно участвовала в формировании христианской религиозности, предлагая собственные, пусть и незамысловатые, ответы на вопросы, казавшиеся неразрешимыми церковным интеллектуалам.

Распространяясь с конца I в. за пределы городов, христианство обретало жизнеспособность и исторические перспективы, но при этом складывалась новая его ипостась — упрощенная, соответствующая принципам и формам народной ментальности. Характернейшей ее чертой был политеизм — вера в единого бога уживалась с уверенностью в существовании многочисленных демонов, и то обстоятельство, что христиане уже не называли их богами, ничего не меняло в принципе, ибо сверхъестественный мир по-прежнему представлялся многополярным. Можно сказать, что монотеистическая тенденция низовой языческой религиозности медленно и плавно трансформировалась в христианский политеизм. Массовое сознание не изжило полностью и веру в языческих богов. Вопреки учению апостола Павла о том, что их изваяния — всего лишь сделанные людьми истуканы, не способные принести ни вреда, ни пользы, они воспринимались христианской массой как источник, пусть злой, но все же сакральной силы.

Хорошо зная о тяготении паствы к политеизму, руководители древней церкви старались придать ему формы, наименее противоречащие вере в единого Бога, поэтому с конца II в. церковь начинает формировать пантеон христианских святых. Народная религиозность тотчас перенесла на них важнейшую черту языческого культа обожествленных героев — приписав их останкам сверхъестественную и чудотворную силу. По моделям языческой ментальности в сознании христианских масс сформировалась и «спецификация» святых. Если Ориген считал, что молиться следует лишь Богу Отцу и что даже молитвенное обращение к Христу есть «невежественное заблуждение», то христианское простонародье предпочитало лишний раз не беспокоить Бога, полагая, что конкретный святой, подобно языческому богу, полномочен в «подведомственной» ему сфере чудесным образом повлиять на течение событий.

В большом ходу у рядовых христиан были всевозможные амулеты и заклятья, сохранившиеся из языческого религиозного обихода.

да и свидетельствовавшие о живучести веры в магию; от языческих их отличала только особая христианская символика. В полном соответствии с приемами практической магии использовались и останки христианских мучеников — как надежное средство для противодействия враждебным сверхъестественным силам.

В писаниях, созданных на иудейской почве, совершенно отсутствовали словесные портреты, тогда как чувственный греко-римский мир требовал не метафорически отвлеченной, а зримой и конкретной образности. Если церковных интеллектуалов больше занимала умозрительная теология, то для простонародной веры важнее был конкретный образ: иконография, складывавшаяся в рамках низовой религиозности стала своеобразной формой народного богословия. Привычные для нас изображения Христа, Богородицы и апостолов довольно точно воспроизводят их описания в фольклоре древних христиан. На иконах и живописных полотнах всегда легко узнаются коренастая фигура и лысина «апостола язычников»; именно таким изобразил его автор появившихся в середине II в. «Деяний Павла»: «И увидел он Павла шествующего, мужа низкорослого, лысого, с ногами кривыми, с осанкою достойною, с бровями сросшимися, с носом немного выступающим...».

Задолго до учителей и отцов церкви народное богословие стало конструировать топографию и распорядки потустороннего мира: апокрифические «откровения» в подробностях описывали ландшафты небесных сфер и «мест мучений», церемониал общения Бога с ангелами и святыми. Эти описания пронизаны наивным рационализмом и уверенностью в материальной конкретности инобытия. Например, всеведение Бога христианские массы объясняли себе тем, что он ежедневно «заслушивает» доклады ангелов о поведении их подопечных. А в одном из апокрифических апокалипсисов рассказывалось, как апостол Павел, подойдя к воротам рая, узрел перед собой большие стены с портретами и именами еще живущих на земле праведников.

Позднее церковь объявила «апокрифическими» и отвергла большинство этих легенд, однако кое-что из них все же было усвоено ею и, оказавшись в трудах отцов церкви, стало частью христианского священного предания.

Христианство в конце III в. Во II–III вв. наряду с христианским вероучением интенсивно формировалась и церковная организация. В связи с угасанием эсхатологических ожиданий роль руководителей общин повсеместно заняли епископы, ведавшие устройством их земной жизни. Особое положение среди них приобрел римский епископ, возглавлявший многочисленную, богатую и влиятельную столичную

церковь. Возможности, которыми он располагал, создавали ему высокий авторитет во всем христианском мире. С последней четверти II в. церковное единство христиан стало быстро укрепляться: начиная с этого времени епископы целых провинций и областей для обсуждения тех или иных вопросов стали регулярно собираться на поместные соборы, где принимались совместные решения.

Пережив в царствование императора Валериана (253–260) полосу массовых гонений, церковь в следующие сорок три года не испытывала притеснений и значительно упрочила свои позиции в римском обществе: к концу III в. христиан уже можно было встретить среди высших магистратов, в императорской гвардии и при дворе. Отныне церковь была в состоянии оказывать своим приверженцам не только духовно-нравственную, но и социальную поддержку, в связи с этим ее ряды значительно выросли, а социальный состав изменился. Приток новообращенных потребовал создания новых приходов и епископий. Среди епископов выделились предстоятели наиболее крупных общин. Старшего епископа провинции стали называть папой или примасом, а в восточных областях империи — митрополитом.

Быстрый рост числа верующих вел к падению церковной дисциплины. Своеобразной реакцией на «падение нравов» паствы стало ужесточение требований, предъявляемых к клиру: на поместных соборах было установлено правило, запрещавшее клирикам заниматься торговлей, а среди египетских христиан в последней четверти III в. распространился аскетизм и зародилось монашество.

Несмотря на значительный прогресс в развитии вероучения и формировании церковной организации, христианство в конце III в. все еще не было единой религией — среди людей, называвших себя христианами, отсутствовало единство взглядов по принципиальным, вероучительным вопросам, их представления о Боге и Христе, о происхождении и грядущих судьбах мира порой разнились до противоположности. Тем не менее уже в это время оно являлось самым значительным религиозным течением античного мира. Оставаясь религиозным меньшинством, его приверженцы численно превосходили адептов любого отдельно взятого языческого культа. Закаленная гонениями церковь превратилась в стойкую и могущественную организацию, о союзе с которой уже мечтали многие политические силы в империи.

Религия лояльности*. В последней половине II и в III в. в условиях жесточайшего кризиса власти особое значение в Римской империи приобретает митраизм, ставший главным соперни-

* Параграф написан А.И. Немировским.

ком христианства. Именно в это время увеличивается количество митреумов как в Риме и Остии, так и во всех провинциях, прилегающих к римскому лимесу: на Дунае, Рейне, в Британии, а также и в других местах расположения римских легионов. Сотни посвященных Митре надписей позволяют установить, что посвятителем были императорские чиновники и верхушка римской армии. Необычайный успех митраизма в это время связан с осознаваемой частью общества необходимостью восстановить на новой основе союз императорской власти с войском. В эпоху республики отношения между командующим и войском строились по образцу патрицианской фамилии: полководец был как бы патроном, а его подчиненные — клиентами. Нарушавший верность патрону в гражданском обществе когда-то подвергался религиозному проклятию; в военной организации этот анахронизм законсервировался, равно как и обязанность патрона оказывать своему клиенту покровительство. Для II—III вв. характерна варваризация римской армии, сознание военнотружущих деформируется, катастрофически падает знаменитая римская дисциплина. Армия поддерживает того, кто дает больше поблажек и обещаний, и поэтому естественны попытки императора и высшего командного состава опереться на религию, в которой главной фигурой был бог договора и товарищества Митра.

В пользу понимания новой роли митраизма как религии лояльности императору говорят как многочисленные посвящения отдельным императорам и «императорскому дому», так и карьера римских военных, занимавших высшие посты в митраистской системе рангов. Известен некий Марк Валерий Максимиан, выдвинувшийся в войнах Марка Аврелия против маркоманнов на Дунае и в разное время командовавший шестью легионами. В трех из них, расквартированных в лагерях Апулума, Аквинка и Ламбезиса (Африка), впервые засвидетельствованы посвящения Митре. Он сам в 161 г. возвел в честь Митры алтарь (древнейший митраистский памятник на Дунае); другими посвятителем были командующие и наместники, служившие под его началом в юности. Это, равно как и другие факты, говорит о том, что митраизм в ряде случаев насаждался сверху, а не являлся выражением какого-либо стихийного недовольства традиционной римской религией, что не исключает того, что среди рядовых солдат могли быть воины из Малой Азии или с Понта, где митраизм укоренился задолго до римского завоевания этих областей.

Обладая своей образной спецификой и иерархией культа, восходящими к иранской сакральной древности, митраизм мирно уживался с богами греков, римлян, египтян, галлов и других народов круга земель. В святилищах Митры, рассыпанных по всему пространству империи, засвидетельствованы посвящения Юпитеру,

Луне, Меркурию, Аполлону, Аттису, Семеле и ряду других богов. Что касается взаимоотношений митраистов и христиан, они были исключительно враждебными. Императоры, являвшиеся самыми яркими гонителями христиан, открыто заявляли себя последователями Митры. Так, Диоклетиан вместе с остальными тетрархами восстанавливает разрушенные святилища Митры — «покровителя империи». Признание христианства государственной религией положило конец почитанию Митры.

Все святилища Митры были разрушены или осквернены, литургические книги уничтожены. Закрепляя свою победу, церковь возводила на митреумах христианские храмы. Римский храм св.Петра также был построен на святилище Митры. Не исключено, что особая ненависть христианства к митраизму была связана с близостью культовой стороны обеих религий — ведь митраистскому празднику дня Солнца соответствовал по времени и по существу праздник рождества Христова, а христианское причастие и крещение были настолько близки к митраистским, что еще Тертуллиан, пытаясь объяснить такое сходство, писал: «Дьявол ставя себе за долг скрывать истину от людей, всячески старается в мистериях ложных богов подражать святым таинствам христианской религии».

Глава 48

ПОСЛЕДНЯЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ИМПЕРИИ: ДОМИНАТ ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА (284—361 ГГ.)

В империи продолжал свирепствовать яростный хаос. Один из провозглашенных войском императоров, Кар, впервые в истории римской империи не обратился за утверждением своей власти в сенат. Распространился слух, будто Юпитер обрушил на него молнию. Его сына заколол честолюбивый префект претория Флавий Апр. И тогда начальник стражи Диоклетиан прилюдно убил уличенного в этом преступлении Апра. Так этот необразованный уроженец Далмации, сын вольноотпущенника, стал императором. Говорили о данном ему свыше знамении: победив кабана, добиться высшей власти (Апр — по-латыни «кабан»). На самом деле, как вскоре выяснилось, был побежден хаос.

Гений бюрократии. Впервые в империи утвердилась абсолютная монархия, получившая от принятого ее носителем титула *dominus* (господин) название *доминат*. **Диоклетиан** (284—305), обладавший незаурядным полководческим талантом, успешно воевал на Дунае и в Аравии. Но подлинным гением он был в сфере бюрократии. Его созданием стала система, опутавшая, подобно железной

сти, распадавшуюся империю. Исходя из выявившейся в пятидесятилетие анархии и неспособности правителей справиться с центробежными тенденциями, в 293 г. он разделил власть между четырьмя правителями — двумя *августами* и двумя *цезарями*, создав систему *тетрархии* (четверовластия). Августы правили двумя половинами империи, цезари были их помощниками, к которым через 20 лет должна была перейти верховная власть августов. Себе Диоклетиан взял восточную половину империи с резиденцией в Никомедии, а соправителю Максимиану отдал запад с центром в Медиолане.

Были введены новые обращения к императору: «ваша святость», «ваша светлость», «ваша вечность»; перед ним преклоняли колено, а его выход был уподоблен театральной церемонии. Отсвет окружавшего императора почитания распространялся на огромную армию чиновников, не просто находившихся на службе, но замещавших священные должности. Самыми близкими к императору считались комиты (спутники), друзья и слуги. Часть их составляла консисторий (совет), во главе которого стоял начальник ведомства. Весь чиновничий аппарат был выстроен в соответствии со строгой субординацией. Были установлены знаки внешнего отличия и соответствующие обращения — «знатнейший», «сиятельный», «почтеннейший», «светлейший», «совершенный», «выдающийся».

Империя состояла из четырех префектур. Префектуры делились на диоцезы — провинции небольших размеров (их было сто). И эта система также обслуживалась чиновниками — префектами, викариями, пресидами.

Управление осуществлялось с помощью указов, доведшихся до самых низших ячеек бюрократического аппарата. Распространяясь на все без исключения области жизни, эти указы выпускались в огромном количестве. Пока один доходил до чиновников низшего ранга, по инстанции уже двигался другой, нередко ему противоречащий. Не удивительно, что сеть, по идее созданная для удержания империи от распада, со временем ее раздавила.

Военная реформа. Реорганизация захватила и армию, ставшую в годы хаоса скорее разрушительной силой, чем опорой римской государственности. Наместник провинции лишался военной власти. И это ликвидировало возможность провозглашения его императором. Начальники всех военных подразделений подчинялись непосредственно цезарям или августам. Было покончено с нерегулярной выдачей натурального и денежного довольствия. Старослужащие и ветераны получили ряд льгот. Были созданы мобильные подразделения, в чью задачу входила немедленная ликвидация

прорыва лимеса извне. Отменялась военная служба на добровольных началах. Диоклетиан обязал крупных землевладельцев поставлять рекрутов из числа рабов, колонов и вольноотпущенников. Часть воинского контингента составляли леты — пленные варвары, поселенные на границах. Продолжали использоваться и отряды варваров-федератов.

Враждебные Диоклетиану источники обвиняли его в том, что при нем численность войска возросла вчетверо и оно стало для государства невыносимым бременем. И в самом деле, к тридцати трем легионам, существовавшим при Северах, он добавил два новых, получивших имена Юпитера и Геркулеса — богов, считавшихся покровителями его и Максимиана. Эти легионы не были отправлены к лимесу, а остались в резерве для использования в чрезвычайных обстоятельствах. Общая численность армии достигла миллиона. Командование легионами поручалось профессиональным военным, которые стали называться *duces* (начальники, командиры). В дунайских легионах и ранее существовали небольшие группы метателей свинцовых шаров. Теперь они были сведены в отдельные подразделения. Была отрегулирована система снабжения войска продовольствием и амуницией. Префект претория был обязан перед началом каждого нового года подавать списки всего, что требовалось войску, и по этим спискам, пересылаемым провинциальным наместникам, все своевременно поступало в военные лагеря и гарнизоны. Главным армейским праздником был день рождения императора (22 декабря). В Египте найдены папирусы, из которых видно, какие меры предпринимались властями, чтобы к этому дню солдаты получили удвоенный паек и денежные подарки.

Налоговая реформа. Для содержания армии и разветвленного государственного аппарата потребовалось постоянное поступление налогов. Диоклетиан внес и в нее военный порядок. Все сельское население было обложено единым подушным и поземельным налогом. Это изменение в системе сбора налогов фактически предопределило последующее закрепощение населения, поскольку ответственность за поступление налога нес владелец земли.

Денежная реформа. В годы правления солдатских императоров в полное расстройство пришла денежная система. В обращении отсутствовала стабильная монета, заслуживающая доверия. Попытки Аврелиана устранить систематическую порчу монет ни к чему не привели.

Диоклетиан провел денежную реформу, началом которой стало изъятие из обращения обесцененной и фальшивой монеты. В 294 г. был выпущен новый «золотой» (aureus), содержащий 4,67 г чистого золота; затем его вес увеличился до 5,45 г. Была введена и новая серебряная монета и установлено соотношение между золотым и серебряным денариями. Но эти монеты немедленно исчезли из обращения, будучи припрятаны населением «на черный день», так что императору пришлось распорядиться о чеканке низкопробной разменной монеты более низкой реальной стоимости. Это привело к росту дороговизны.

*Золотой медальон Диоклетиана.
На аверсе — Диоклетиан; на
реверсе — Юпитер с молнией и
скипетром; рядом — сидящий орел*

Эдикт о ценах. Бюрократический зуд у императора не стихал. В 301 г. он издал закон, фиксировавший предельные, не подлежащие превышению цены на продукты питания, предметы первой необходимости, услуги. Устанавливалось также твердое жалование за государственную службу и интеллектуальный труд. Эдикт оказался не просто неэффективным, но губительным, способствуя дальнейшему упадку производства и спекуляции путем перекачки товаров из одной части империи в другую.

От преследования христиан к веротерпимости. Присущая Диоклетиану систематичность обернулась для приверженцев христианства страшным бедствием. Не ограничиваясь запретом на исповедание христианской веры, Диоклетиан в 303 г. распорядился разрушить все христианские храмы, предать огню христианские священные книги, лишить христиан права собраний и возможности обращения в суд.

В 305 г. пришло намеченное Диоклетианом время замены августов цезарями. Он и Максимян удалились на покой. Это было испытание системы тетрархии на прочность, и она его не выдержала. Преемники тетрархов вступили в борьбу, в ходе которой окончательную победу одержал сын одного из них **Константин**, провозглашенный императором. В 312 г. он победил Максенция, правившего Римом и Италией, в битве на Мульвийском мосту и вступил в Рим. В том же году Константин и второй август, Лициний, встретившись в Медиолане, провозгласили эдикт о равноправии христианства с другими религиями.

Резкие повороты в политической истории империи не редкость (вспомним хотя бы отказ Адриана от завоевательной политики его предшественников). И каждый раз за такого рода переменами стояли какие-либо веские причины. Что же могло заставить Константина отойти от традиционной политики гонений на христиан? Сожражения, разумеется, не личного характера (хотя жена Константина была христианкой). Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего вспомнить, что к этому времени христианская церковь, несмотря на пережитый ею разгром, оставалась влиятельной организацией, чего нельзя было сказать о разрозненных митраистских сектах. Она показала себя твердой в нетерпимости ко всякого рода отклонениям. Такая нетерпимость была созвучна императорской, поскольку самодержец был воплощением божества в политической сфере. Издавая закон об уравнивании христианства с другими религиями, Константин, должен был понимать, что христианство никакого равенства не потерпит. Христианству был дан шанс, и оно им воспользовалось.

Единодержавие. К тетрархии Константин не вернулся. Установилось единодержавие, хотя продолжали назначаться цезари и префекты из числа сыновей и племянников Константина. Он упразднил преторианскую гвардию, казавшуюся ему слишком самостоятельной, и приказал разрушить преторианский лагерь в Риме. Вместо нее был сформирован корпус дворцовой стражи. Бюрократизация империи продолжалась.

Новая столица. Константин, не любивший Рима, избирал своими резиденциями то один, то другой город. Наконец, выбор его пал на Византий, находившийся на границе между Европой и Азией, на соединяющем моря проливе. Здесь в 324 г. была заложена новая столица, получившая имя ее основателя. В освящении Константинополя в 330 г. участвовали как древнеримские жреческие коллегии, так и христианские епископы.

Центром Константинополя стал форум в виде огромного эллипса (августеон), к которому был обращен императорский дворец с целым комплексом построек общей площадью около сорока гектаров. Здесь же было воздвигнуто и здание сената. Для их украшения со всех концов империи были свезены статуи и другие произ-

*Золотые медальоны
Константина*

ведения искусства. К дворцу примыкал ипподром, вмещавший более сорока тысяч зрителей. Здесь проводились не только конные состязания, но и официальные празднества, театральные представления, гимнастические игры.

У ворот ипподрома начиналась главная, пересекавшая весь город улица Меса (Средняя), с великолепными общественными постройками — термами, библиотеками, а также дворцами виднейших сановников. Как параллельно Месе, так и пересекая ее под прямым углом, шли улицы меньшей ширины, застроенные домами знати и купцов. В самом городе и его предместьях было разбито множество садов и парков, в которых утопали виллы вельмож и богачей. Уже в первое столетие своего существования город превратился в неприступную крепость с мощной стеной длиной 15 км с четырьмя башнями и глубоким, наполненным водой рвом. Во многом, особенно в роскоши жизни и пышности церемониалов, новая столица затмевала старую, жившую воспоминаниями о своем былом величии.

Признаки экономического подъема. Основой благополучия «нового Рима» было выгодное расположение города на путях оживленной международной торговли. Ее успехам способствовала денежная реформа Константина — введение золотого солида, содержащего 4,48 г чистого золота и соответствовавшего двадцати четырем серебряным монетам. Эта монетная система продержалась на протяжении ряда веков во всем Средиземноморье.

В годы правления Константина процветание распространилось и на некоторые города Северной Италии. Разрабатывавшиеся неподалеку в Норике богатые залежи руды служили сырьем для развития в ряде городов, особенно в Аквилее, оружейного производства. Развивалось также производство стекла и кирпича, множились мастерские по обработке янтаря, доставлявшегося с побережья Балтики.

Социальные и правовые перемены. Естественным результатом развития домината явилось закрепощение, распространившееся как на городское население империи, так и на сельские его слои.

К куриям были прикреплены куриалы — городская верхушка, ответственная за содержание городского хозяйства. По принципу круговой поруки они стали отвечать за недобор налогов, связанный с натурализацией хозяйства и упадком городской жизни. Прикреплялись к коллегиям и ремесленники. Профессия их переходила по наследству к сыновьям. Да и дочерей они могли выдавать замуж лишь за членов своей коллегии.

В сельской местности колонны были приписаны к имениям. Они служили в армии, но не по собственному желанию, а согласно воле владельца имения. Допускалась возможность замены новобранца «рекрутскими деньгами». Бежавших колоннов предписывалось возвращать владельцу имения, который рассматривался в поздних правовых документах как *dominus*. Понятие *dominus* было связано с понятием *dominium*, относящимся к несвободным людям, тогда как *patronus* — с *patria potestas* — отцовской властью, относящейся к свободным членам семьи. Со временем понятие *dominus* стало эволюционировать от значения «хозяин имения» к значению «хозяин колона».

Колонны лишались свободы передвижения вследствие зависимости от земли — от имения, в котором они родились и проживали. Они рассматривались как «лица, подчиненные праву полей», «подчиненные земле», «обреченные земле», отмечалось, что «они служат землям не на основании налоговой обязанности, а в силу того, что именуются колонами».

До конца IV в. для колоннов не существовало запрета выступать в суде истцами и даже обличать бесчестных судей. Известен судебный процесс, начатый колонами против Либания (знаменитого оратора) и выигранный ими. И это говорит о принадлежности колоннов и землевладельцев к одному гражданскому коллективу. В законодательстве IV в. колонны постоянно фигурируют как «свободные», «свободнорожденные». В брачном праве вплоть до 400 г. отсутствовали какие-либо нормы, отличавшие колоннов от остальных категорий свободных. В одном из правовых актов Константина на лестнице рангов, верхнюю ступень которой занимает землевладелец, колонны находятся ниже его родственников и близких друзей, но выше отпущенников и рабов. Другой правовой акт предписывает колонам исполнять обязанности, «приличествующие свободным».

Прикрепление к земле и статус свободного человека были трудно совместимы, и это заставляло юристов ломать голову при определении статуса колоннов. Но реальное положение колоннов ничем не отличалось от положения рабов. Либаний, проигравший судебный процесс с колонами, признает, что «с теми, кто трудится на земле для ее владельцев, обращаются, как с рабами». Наряду с купленными рабами и рабами по рождению появляются «крепостные рабы», лишенные каких-либо прав на землю, основное средство производства.

Развитие колоната в старой научной литературе рассматривалось как вызревание в античном обществе элементов феодализма. В марксистской литературе колонны считались «предшественниками средневековых крепостных». Однако колонат обладал

многими чертами, чуждыми. Колонат был специфическим порождением римской государственности, сметенной в эпоху великого переселения народов, и применительно к сфере земельных отношений тупиковой ветвью.

Следствием деятельности имперской администрации стала поляризация римского общества. Обнищавшим массам противостояло так называемое сенаторское сословие, не имевшее ничего общего с прежним, состоявшее исключительно из должностных лиц. Это было новое, чиновное сословие, накопившее благодаря служебному положению огромное, прежде всего земельное, богатство. Многие из этих новых богачей жили в сельской местности — в виллах, превращенных в крепости, под охраной вооруженной до зубов челяди. Власть их практически распространялась не только на рабов и колонов, но и на все свободное незащищенное население округи, которое не могло оказать им сопротивления. И если нет данных о рождении в недрах империи феодальных отношений в экономическом плане, то новое сенаторское сословие — свидетельство образования феодальной иерархии среди самого господствующего класса. Таким образом, помимо городов формировались самостоятельные, фактически независимые от центра узлы власти, продемонстрировавшие несостоятельность попыток Диоклетиана и Константина спасти империю путем установления централизованного бюрократического режима восточного типа.

В экономическом плане гипертрофия государства привела к поляризации всех видов производственной деятельности, в моральном — к утрате патриотизма, развитию эгоизма, безразличию, особенно опасному в годы все более усиливавшегося напора на империю со стороны варварских народов и Персии.

Борьба за престол. Константин Великий умер во время приготовлений к войне с Персией. Еще при жизни он разделил большую часть империи между своими сыновьями — Константином, Константом и Констанцием, оставив себе лишь Балканский полуостров. Сыновья стали его наследниками. Самый энергичный из них, Констанций присоединил к своим владениям Балканский полуостров и новую столицу. Константин вскоре умер, а Констант правивший Италией, никогда не был для Констанция серьезным конкурентом. Полностью подпавший под влияние придворных льстецов и занятый лишь охотой и развлечениями, он не пользовался уважением ни солдат, ни граждан. В 350 г. Констант пал жертвой заговора, во главе которого стоял франк Магненций, провозгласивший себя императором Запада. Так у Констанция появился

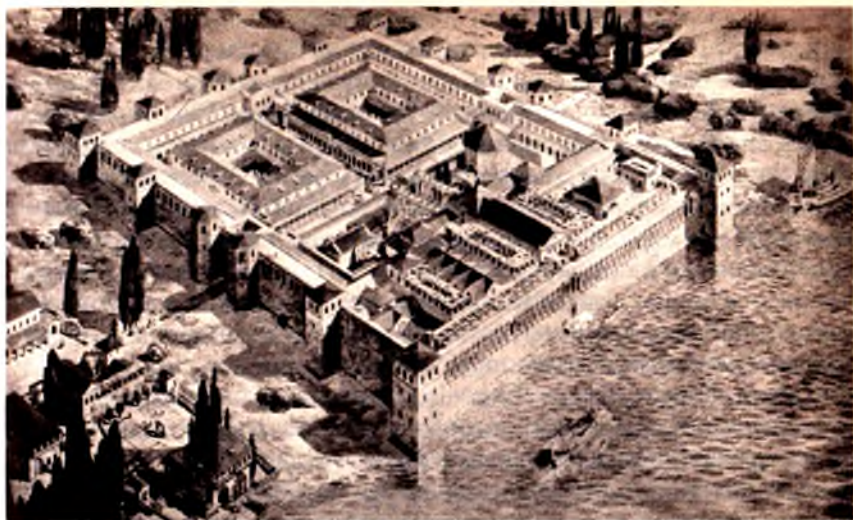
энергичный реальный соперник. Борьба с ним затянулась на несколько лет. Разбитый в Паннонии и оставленный своими сторонниками, Магненций в 353 г. кончил жизнь самоубийством.

Констанций. Констанций стал единоличным правителем империи. Жизненный опыт научил его никому не доверять, и он безжалостно уничтожил большую часть своих родственников. Жестокость и подозрительность были главными чертами характера этого талантливого администратора и военного. Впрочем, в жестокости он не уступал своему отцу.

На протяжении двенадцати лет, начиная с провозглашения его в 324 г. цезарем, Констанций вел войну с Персией, а также с алеманнами, опустошавшими пограничные области Галлии. Крещенный, как и отец, на смертном одре, он ощущал себя византийским императором и христианином. Сочувствуя арианам, он в 338 г. начал гонения против ортодоксальной церкви и влиятельного епископа Александрии Афанасия, главного противника Ария. Афанасий был сослан в далекую Германию — в Колонию Тревириков (совр. Трир). В 353 г. Констанций организовал жестокое преследование язычников, конец которому был положен только после его посещения Рима, поразившего императора своим великолепием.

Архитектура и искусство. Подлинной страстью Диоклетиана было строительство. По свидетельству современника, «он постоянно требовал рабочих, ремесленников и телеги — все то, что необходимо для возведения зданий. Здесь строились базилики, цирк, монетный двор, там — арсенал, дворцы для жены и дочери. Так он постоянно безумствовал, стремясь уподобить Никомедию Риму. В Риме же он воздвиг термы».

Готовясь к уходу на покой, он приказал возвести дворец у себя на родине в Далмации, близ приморской Салоны в Сплато (современный Сплит). Это типичная постройка эпохи домината, воспроизводившая в камне все ту же строго геометрическую формулу тетрархии, которую Диоклетиан применил в организации власти. Прямоугольник стен обращен к морю фасадом, три другие его стороны укреплены башнями. Внутренние постройки, предназначенные для гвардии, хранения провианта, святилища и мавзолея императора, размещены в квадратах, образованных пересечением двух главных улиц города-лагеря. Как не похожа эта крепость на виллу Адриана, поклонника искусств, пользовавшегося плодами римского мира! Структура дворца нагляднее, чем что-либо другое, отражает все особенности милитаризованного

План дворца Диоклетиана в Спалато

государства и изменения менталитета, ориентированного на глухую оборону.

Иным был дворец соправителя Диоклетиана Максимиана, сооруженный в Сицилии, находившейся в центре подвластных ему территорий. Руины дворца были обнаружены близ местечка Пьяцца Армерина еще в XVIII в. и тогда приняты за храм. Лишь в 1929 г. стало ясно, что это комплекс зданий большой виллы или дворца. Полностью памятник был раскопан лишь после Второй мировой войны. Ученых поразили не размеры сооружения, которое соперничало с «Золотым домом» Нерона и виллой Адриана, а мозаики, покрывавшие его полы. По современным подсчетам, чтобы составить полы из тридцати миллионов квадратиков, должен был потребоваться труд по крайней мере пяти сотен опытных мастеров на протяжении не менее пяти лет. На части мозаик запечатлены мифологические сцены более или менее условного содержания, но главное место занимают мозаики, отражающие пристрастия владельца дворца, — охоту, цирк, семейные сюжеты. Мозаика так называемой «Малой охоты» изображает загон в сети зверей, водившихся в Сицилии и Италии. Мозаика «Большой охоты» — композиция, не имеющая себе равных среди античных мозаик. Она покрывает пол пересекающего дворец шестидесятиметрового коридора. На ней изображены отлов и транспортировка диких животных для зверинцев и амфитеатров. Холмистый пейзаж с редкими деревьями и неказистыми строения-

ми показывает место действия — сельскую местность Африки. Эпизоды охоты на львов, носорога, гиппопотама объединены общим пейзажем и направлением движения к месту погрузки животных на корабли. Одна из мозаик изображает Великий цирк в Риме с центральным валом, предназначенным для объезда его на колесницах. Известно, что в 357 г. близ этого вала был поставлен египетский обелиск. Следовательно, дворец построен до 357 г. Дальнейшее уточнение даты возведения и принадлежности дворца принесла мозаика, изображающая женщину с двумя детьми. Именно тогда и стало ясно, что дворец принадлежал Максимиану, поскольку один из изображенных детей был косоглазым (этим недостатком страдал сын Максимиана Максенций, противник Константина).

Дворцы Максимиана и Диоклетиана воздвигались в эпоху последних гонений на христиан и насквозь проникнуты идеей языческой силы, противостоящей христианскому смирению и кротости. Если символом христианства был добрый пастырь с овечкой на плечах, то выражением воинствующей имперской религии еще со времен Коммода стал Геркулес, усмиритель зверей и чудовищ.

Один из наиболее значительных памятников времени Константина Великого — трехпролетная триумфальная арка в Риме. Она отличается не только грандиозностью размеров (более двадцати пяти метров ширины в центральном пролете), но и тем, что римляне увековечили в ней собственное рабление: это первая римская

Арка Константина

триумфальная арка, воздвигнутая в честь победы в гражданской войне. При этом для ее украшения были сняты скульптуры с одной из арки Траяна, что характеризует отношение римлян эпохи домината к своим традициям и историческому прошлому. Другой памятник Константина в Риме — базилика, строительство которой начал еще Максенций. Сохранилась группа громадных цилиндрических сводов с углублениями на их поверхности (кессонами) и фасадов, изрезанных большими решетчатыми окнами. Скромные входные портики подчеркивали величие зала, в котором была установлена грандиозная статуя Константина.

В IV в. на смену безжалостно уничтожаемым языческим храмам приходят христианские церкви, преимущественно в форме базилик, рассчитанных на многочисленные общины. Множество церквей появляется в городах и селениях Сирии и Малой Азии. В интерьере городских храмов наряду с фресками и мозаикой нередко использовались мрамор и золото. Сельские церкви обычно ограничивались мозаичным декором. Все изобразительные средства — осевая композиция, свет и цвет — были направлены на выделение алтаря. Решающее значение в архитектуре христианского храма приобретает форма культового символа — христианского креста. Крестообразную форму имеет идеально сохранившаяся базилика середины V в. в Равенне, соединенная с купольным сооружением — мавзолеем императрицы Галлы Платидии. Простое снаружи здание поражает богатством интерьера: стены покрыты золотистым мрамором и мозаикой, своды — только мозаикой, изображающей ночное небо. В полусвете, проникающем через полупрозрачные алебастровые окна, выступают многоцветные мозаичные орнаменты и сложные сюжетные композиции.

Глава 49

СПОРЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ: ХРИСТИАНСТВО В IV—V ВВ. *

Последние гонения. История гонений на христиан в Римской империи завершилась в начале IV в. драматическим столкновением церкви с императором Диоклетианом (284—304). В первые девятнадцать лет своего царствования этот выдающийся политик относился к христианам вполне терпимо — даже в императорской гвардии и свите было немало людей открыто исповедовавших Иисуса. Христианами были и ближайшие родственники императора. Но в 303—304 гг. один за другим последовали четыре императорских эдик-

* Глава написана А.П. Скогоровым.

та, объявлявших церкви непримиримую войну. Ее имущество подлежало конфискации, богослужebные книги и храмовые здания — уничтожению. Размах и жестокость преследований превосходили все бывшие прежде гонения — репрессиям подверглись на этот раз не десятки и сотни верующих, а тысячи и десятки тысяч. В Малой Азии был даже сожжен город, в котором преобладало христианское население. Смертной казни подверглись и христиане из ближайшего окружения Диоклетиана. Вопрос о том, что стало причиной столь резкого изменения религиозной политики этого незаурядного правителя, до сих пор остается предметом споров.

Вскоре после отречения Диоклетиана от власти между преемниками развернулась ожесточенная борьба. Почти все ее участники старались заручиться поддержкой влиятельных сил римского общества, в том числе и христианской церкви. Лишь август Галерий какое-то время продолжал преследовать христиан, но и он в 311 г., за несколько дней до своей смерти, опубликовал эдикт, предоставлявший им свободу вероисповедания при условии, что они будут молить своего бога о его царственном здоровье.

Великий триумф. Борьба за верховную власть в империи завершилась победой двух августов — Константина и Лициния. Летом 313 г. они встретились в Медиолане (современный Милан) и издали совместный указ, признававший равные права христианства с остальными религиями. Все конфискованное у церкви имущество подлежало возвращению или компенсации.

Миланский эдикт открыл новую эпоху в истории христианства — в прошлое уходили века преследований и гонений. Церковь, получив юридические права, перестала быть зависимой от произвола местных чиновников. В особо благоприятном положении оказались христианские общины западных областей империи, власть над которыми сосредоточилась в руках симпатизировавшего христианству Константина. Правда, сам он не принял крещения и в первое время старался придерживаться принципа равноправия религий. При нем сохранился культ «божественного императора», а основание новой столицы на Боспоре Фракийском одновременно освящали языческие и христианские обряды. Но в то же время ряд указов, изданных им в 313, 315, 319, в 321 и 323 гг., обеспечили христианской церкви привилегированное положение. Ее служители освобождались от всех повинностей, христиане из мирян получали право судиться по гражданским (т.е. не связанным с преступлениями) делам у своего епископа. Став в 323 г. единовластным императором, Константин распространил действие этих эдиктов на всю империю.

Религиозная политика Константина не только возвышала церковь, но и возлагала на нее важные государственные обязанности. По замыслу императора христианству предстояло стать официальной идеологией Римской империи, способной объединить общество и воспрепятствовать распаду государства. Оказавшись в положении духовного блюстителя державы, которая издавна привыкла жить, повинаясь ясным и четко сформулированным законам, церковь волей-неволей должна была внятно изложить основные принципы своего вероучения.

Начало богословских споров. Едва положение церкви изменилось, началась работа по разрешению главнейших богословских вопросов. Все, что ввиду необходимости хранить единство не подлежало прежде обсуждению, теперь нашло выход в ожесточенных спорах. Раньше всего они развернулись там, где склонность к богословским диспутам была наиболее сильна, — в Александрии Египетской.

Их начало принято связывать с выступлением части александрийского клира, духовным вождем которой стал пресвитер Арий. Примерно в 318 г. он открыто начал проповедовать, что второе лицо христианской Троицы вовсе не единосущно Богу Отцу. Согласно Нисаниям — говорил Арий — Сын был рожден и, следовательно, — сотворен, а потому, в отличие от Бога Отца, он — не Творец, но всего лишь тварь. Раз Сын имеет начало, значит он не вечен. Стало быть, его природа и сила иные, нежели у Бога Отца.

Александрийский митрополит Александр резко осудил эти воззрения и даже отлучил от церкви Ария и его наиболее ревностных сторонников. Однако склонное к философским диспутам египетское духовенство было настроено иначе. Значительная его часть (в том числе два епископа) и чуть ли не половина всех клириков Александрии высказались в поддержку арианской доктрины. Могущественных сторонников нашел Арий и за пределами Египта. Его поддержали многие сирийские иерархи и предстоятель столичной никомедийской общины, пользовавшийся большим влиянием на императора Лициния епископ Евсевий.

В 321 г. на поместном соборе египетских епископов Александрийский митрополит добился осуждения арианства. Арий вынужден был покинуть Египет и перебрался в Никомедию, где, пользуясь гостеприимством епископа Евсевия, изложил свои воззрения в сборнике «Пир». Будучи человеком разносторонне одаренным, он сочинял «корабельные», «мельничные» и «путевые» песни, с помощью которых пропагандировал свои взгляды среди трудового люда. «Когда же богохульство таким образом распространилось в

церквах египетских и восточных, — пишет церковный историк Федорит, — то в каждом городе и селении стали открываться споры и ссоры... а простой народ был зрителем событий и судьей речей, присоединяясь либо к одной стороне, либо к другой». Спорящие стороны поочередно собирали поместные соборы (в Вифинии, Александрии, Антиохии), на которых Ария то объявляли ересиархом, то оправдывали и принимали в лоно церкви.

Немалую роль при этом играла складывавшаяся в империи политическая обстановка: ариан поддерживал император Лициний, чьи отношения с Константином все более и более обострялись. В конце 322 г. их скрытая вражда переросла в открытую войну. Еще через два года, разгромив армию и военный флот своего коллеги-императора, Константин сделался единовластным правителем Римской империи. Крайне встревоженный невиданным доселе расколом среди христиан, он постарался, не вникая в суть богословских споров, примирить противников и восстановить единство церкви. В письме, адресованном одновременно примасу Востока митрополиту Александру и отлученному от церкви Арию император заявил, что оба они одинаково виновны в нарушении церковного мира, вопрос же, из-за которого разгорелся их пагубный для церкви и империи спор, не имеет принципиального значения. Константин рекомендовал им брать пример с языческих философов, умеющих, несмотря на страстные споры, уживаться мирно. Однако посредничество императора не имело успеха, и тогда Константин решил созвать всехристианский собор.

Первый вселенский собор в Никее. Весной 325 г. во все пределы римской державы были разосланы почтительные грамоты императора, приглашавшие епископов прибыть в расположенный неподалеку от восточной столицы империи город Никею. По замыслу Константина на соборе должен был сойтись весь христианский мир, поэтому приглашения получили также и предстоятели церквей сопредельных Риму стран. В распоряжение съезжавшихся был предоставлен государственный транспорт, а из средств казны им назначалось щедрое содержание.

В отличие от прежних, поместных, соборов Никейский носил экуменистический (т. е. вселенский) характер — на нем были представлены христианские общины от Испании до Персии, от Эфиопии до Скифии и Кавказа. Подобного форума, созданного для обсуждения духовных проблем, прежде не знала ни история церкви, ни история культуры вообще. Никейский собор впервые воочию продемонстрировал универсальный, мировой характер христианской религии. В его работе приняли участие около 300

епископов, среди которых было много замечательных личностей, претерпевших гонения и пытки и прославившихся стойкостью веры. С Кипра, например, прибыл знаменитый прозорливец Симеон, продолжавший пастушествовать даже став епископом. Позднейшие предания об участии в работе собора епископа Николая (известного на Руси под именем Николы Чудотворца), который будто бы собственноручно побил Ария, не находят подтверждения в источниках. Римский епископ Сильвестр по причине глубокой старости и немощи не смог сам приехать в Никею, однако прислал туда своих полномочных представителей. Был позван на собор и Арий.

Открывая заседания собора, император приветствовал собравшихся архипастырей торжественной речью на латинском языке, что должно было подчеркнуть официальный характер происходящего. Затем он принял деятельное участие в прениях, предопределив, по существу, их исход. Выступление Ария, назвавшего Христа «произведением» и «тварью», вызвало бурное негодование присутствовавших. Содержавший те же выражения арианский вероисповедальный символ, составленный Евсевием Никомедийским, был на глазах у всех разорван в клочья.

Большинство святых отцов, участвовавших в работе собора, хотели сформулировать символ христианской веры, пользуясь лишь теми выражениями, которые встречаются в тексте Священного Писания. Ариане охотно соглашались на это, но давали словам Писаний свое собственное толкование.

— Сын от Бога, — начинали формулировать одни.

— Конечно! Все от Бога, — парировали другие, — да не все — Бог!

— «Иисус Христос есть сияние славы и образ ипостаси Отчей», — цитировали апостола Павла противники ариан.

— И мы созданы по образу и подобию Его, и всякая тварь, даже кузнечики и гусеницы, есть сияние славы Творца, — отвечали им ариане, — но это не значит, что мы или даже Христос тождественны Богу по существу.

В конце концов противники ариан, чтобы отстоять нетварную природу и полноту божественности Иисуса Христа, вынуждены были воспользоваться не библейскими, а философскими выражениями «единосущный» и «из сущности Отца», включив их в принятый на соборе символ веры.

Простейшие символы веры существовали уже у первых христиан. Их обычно произносили крещаемые, кратко перечисляя, во что они верят. Основой этих крещальных формул было наименование Отца и Сына и Святого Духа. В середине II в. среди западных общин получил распространение так называемый «Апостольский сим-

вол», до сих пор пользующийся особым почтением в Римской церкви. Любопытно, что Христос еще не назван в нем Богом, по отношению к нему употреблено латинское слово *dominus*, т.е. господин или господь. Так принято было называть хозяина, начальника, учителя. *Domine* часто служило формой вежливого обращения к любому уважаемому человеку.

Апостольский символ веры. *«Верую в Бога, Отца всемогущего, Творца неба и земли, и в Иисуса Христа, Сына его едиnorodного, Господа нашего, который зачат был от Духа святого, рожден от Марии Девы, претерпел при Понтии Пилате, распят был, умер и погребен; сошел в преисподнюю; на третий день воскрес из мертвых, взошел на небеса; восседает одесную Бога Отца Всемогущего, оттуда придет судить живых и мертвых. Верую в Духа святого, святую церковь католическую [т.е. вселенскую], причащение святых, отпущение грехов, жизнь вечную. Аминь.»*

Одновременно с этим символом в восточных общинах появились кое в чем от него отличавшиеся собственные вероизложения (Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский, Аквилейский и Кипрский символы). Осознав свою вероисповедальную самобытность по отношению к иудаизму, христиане старались сформулировать в них важнейшие принципы своей веры. Так закладывалась основа христианской догматики. Церковные деятели и писатели (в том числе Иустин Философ, Ириней, Тертуллиан) стремились изложить вероисповедальный символ таким образом, чтобы исключить возможность его еретических толкований. Поэтому в каждом из них остались следы борьбы с той или иной ересью. Например, вероизложение аквилейской церкви, направленное против монархиан-модалистов, называло Бога Отца «невидимым и неподлежащим страданию».

Точно так же и Никейский символ 325 г., возникший в борьбе с арианством, настойчиво утверждал догмат о единосущии Бога Отца и Бога Сына. Он не только называл Христа «истинным Богом», «единосущным» Отцу, «едиnorodным», «из той же сущности», что и Отец, но и подчеркивал, что его засвидетельствованное Писаниями рождение вовсе не равнозначно тварности. Более того, он предавал анафеме всех, кто осмелился говорить, будто Сын сотворен, не вечен или изменяем. Но многократное повторение ничем друг друга не дополняющих синонимов показывает, что никейские отцы мучительно искали подходящее определение, да так и не нашли его. Их терминологические промахи дорого обошлись христианской церкви.

Никейский символ веры. *«Веруем во Единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, Единородного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света,*

Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого все произошло на небе и на земле. Нас ради человеков и нашего ради спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых. И [верую] в Святого Духа.

А говорящих о Сыне Божиим, будто было время, когда Его не было, или будто не было Его до того, как родился Он, или что произошел Он из несущего, а также говорящих, будто Сын Божий из иной [нежели Отец] ипостаси или сущности, или сотворен или изменяем, — тех анафематствует католическая [т.е. вселенская] церковь».

В отличие от ранее существовавших вероизложений Никейский символ стал догматом всей церкви, закрепив, таким образом, ее вселенское единство. Его исповедание было объявлено государственным законом для христиан Римской империи. Уделив Богу Отцу и Духу Святому менее одной седьмой своего текста, он, по существу, превращал Иисуса Христа в главное лицо Божественной Троицы. С принятием Никейского символа церковь и проповедуемая ею религия в полном смысле слова становились христианскими.

Почти все епископы, разделявшие поначалу взгляды Ария, к моменту подписания символа, подчинившись ласковому нажиму императора, отреклись от арианства. Отказались подписать его лишь сам Арий и два его ближайших единомышленника, за что и были отправлены в далекое изгнание. Еще три епископа, в том числе Евсевий Никомедийский, поставив свои подписи под основным текстом, не хотели подписывать содержащиеся в конце символа анафематизмы и тоже вынуждены были уехать в ссылку.

После завершения работы собора его участники были приглашены на празднование двадцатилетней годовщины царствования их августейшего покровителя. Обратившись к ним с речью, император произнес слова, знаменовавшие слияние церкви с римским государством: *«Вы — епископы внутренних дел церкви, — сказал Константин, — я же поставлен от Бога быть епископом ее внешних дел».*

Борьба вокруг Никейского вероопределения. Обретая высокий государственный статус, христианская церковь лишалась духовной независимости. Отныне любые перипетии политической борьбы, ни на минуту не прекращавшейся вокруг трона, а то и просто перемены в настроениях императора стали эхом отзываться на внутренней жизни и вероучении церкви. Богословские споры, началом, а не концом которых, вопреки ожиданиям Константина, явился Никейский собор, оказались теснейшим образом связаны с жизнью императорского дома и политической историей державы. Всего через несколько лет после Никейского собора Константин стал склоняться на сторону ариан. Благодаря настойчивым ходатайствам дочери императора принцессы Констанции Арий и его единомышленники были воз-

вращены из ссылки. Ереснарху даже позволили вернуться в лоно церкви, однако за три дня до предстоявшего ему воцерковления он был отравлен сильнодействующим ядом и скончался в страшных мучениях. Церковный историк V в. Сократ Схоластик подробно рассказывает, как, едва выйдя из императорского дворца, Арий внезапно почувствовал острые боли в животе, за которыми последовал выброс кишечника и внутренних органов. Несмотря на смерть своего идейного вождя, арианам удалось сохранить влияние на императора. В 337 г., уже находясь на смертном одре, он принял крещение из рук возвращенного из ссылки Евсевия Никомедийского. После смерти Константина богословские споры развернулись с новой силой и, как двадцать лет назад, вновь выплеснулись на улицы. Рынки, площади, перекрестки наполнились, по свидетельству современника, спорящими: «Хочешь узнать о цене на хлеб, — пишет он, — отвечают: «Отец больше Сына»; справишься, готова ли баня, — говорят: «Сын произошел из ничего».

Долгое время казалось, что арианство торжествует окончательную победу. В 337 г. империя была разделена между сыновьями Константина — Константином и Констанцием. Воцарившийся на востоке Констанций стал энергично поддерживать ариан. В таких условиях от Никейского символа отсеклось большинство его прежних сторонников. Но едва ли это было предательством христианской веры: отношение к Христу как к менее важному лицу Троицы веками укоренялось в сознании верующих, преодолеть его в одночасье, простым соборным постановлением было невозможно. К тому же многие воспринимали выражение «единосущный» как скрытое монархианство. Такой взгляд находил подтверждение в неудачной терминологии включенного в никейский символ анафематизма, одинаково проклинавшего и тех, кто утверждал, будто Сын «из иной сущности», и тех, кто говорил, что Он «из иной ипостаси», нежели Отец. Если Сын тождествен Отцу и по сущности, и по ипостаси — рассуждали верующие — кто же, как не Творец вселенной, оказался распят на кресте? Но их сознание, воспитанное на идеях платоновской философии, отказывалось представить безначальное и бесконечное абсолютное Божество пригвожденным к кресту, кричащим и страдающим. Наспех сформулированный Никейский символ в конечном счете не удовлетворил никого. В своем антиарианском запале никейские отцы допустили явный перебор. Их стремление утвердить во что бы то ни стало божественное тождество Отца и Сына привело к тому, что троичность христианского Бога «повисла в воздухе». Чтобы хоть как-то обосновать ее догматически, многие (в том числе епископы, подписавшие Никейский символ) предпочитали говорить не о «единосущии» (греч. «омоусия») Отца и Сына, а об их «подобосущии» (греч. «омиусия»). Им казалось, что, меняя всего лишь одну букву в греческом слове, они решают тринитарную проблему. Староникейцы, т.е. те немногие, кто сохранил верность никейскому вероопределению, прозвали таких богословов «омиусианами». В 40—70 гг. IV в. «омиусиане» составляли подавляющее большинство христиан в восточных областях империи.

Афанасий Александрийский. Едва ли не самым стойким защитником никейской веры на протяжении почти полувека оставался Афанасий Александрийский (295—373). В 328 г. после смерти заклятого врага Ария митрополита Александра он занял александрийскую кафедру и возглавлял ее в течение сорока шести лет. Пять раз лишали его епископского достоинства, пятнадцать раз он вынужден

был отправляться в изгнание, неоднократно скрывался в пустынях Египта, спасаясь от преследователей, жил на кладбищах, но от вероисповедального символа не отступил ни разу. В своих многочисленных трудах, направленных против арианства, Афанасий развивал идеи христианской сотерологии (учения о спасении), основу которой заложил еще Ириней Лионский. По мысли Афанасия, победу над смертью людям обеспечивает лишь полнота божественности Иисуса Христа. Если же, как учат ариане, облекшийся плотью и вочеловечившийся Сын Божий не той же сущности, что и Отец, если Он не вечен и изменяем, то соединение с ним по плоти не может дать людям спасения и жизни вечной. «Если Христос не Бог, то мы не спасены!» — возглашал Афанасий. Сочинения Афанасия Александрийского, подкрепленные авторитетом его подвижнической жизни, наносили весьма ощутимые удары по арианству, ибо к бессмертию в равной мере стремились все верующие от крестьянина до императора.

Тем не менее политическая обстановка середины IV в. благоприятствовала арианам. В 350 г. умер император Констант, и западная часть империи перешла под управление арианина Констанция. Все западные епископы, исповедовавшие Никейский символ, были отправлены в изгнание, и на протяжении двенадцати лет арианство торжествовало повсеместно. Даже римская церковь, долгое время не признававшая низложения Афанасия Александрийского с митрополичьей кафедры, была принуждена согласиться с его осуждением.

Великие каппадокийцы. Сформулировать свое главное вероутверждение и преодолеть чуть было не погубивший ее раскол церковь смогла лишь во второй половине IV в. Сделано это было благодаря трудам Василия Великого (329—379), Григория Богослова (330—389) и Григория Нисского (335—389), позднее причисленных к лику святых и объявленных вселенскими отцами церкви.

Все трое происходили из малоазийской провинции Каппадокии и знали друг друга с юности — Василий Великий и Григорий Нисский были родными братьями, а с будущим Григорием Богословом Василий сдружился во время их учебы в основанной еще Платоном афинской Академии. Одновременно с ними там учился и будущий император Юлиан Отступник. Григорий Богослов впоследствии не раз напоминал ему о совместном увлечении науками и по праву старой дружбы добивался налоговых послаблений и льгот для своих родственников и родного Назианза, что, впрочем, не помешало ему после смерти коронованного «сокурсника» сочинить против него два обличительных и весьма ядовитых трактата.

Получив блестящую философскую подготовку и став христианами, «каппадокийцы» приложили немало сил, чтобы преодолеть непонимание христианского вероучения теми, кто привык мыслить об Абсолютном в категориях греческой философии. Путь к этому был один — придать языку богословия определенность логических формул. Случайные заимствования из философского лексикона оказались не в состоянии помочь решению тринитарной проблемы. Об этом свидетельствовала борьба, развернувшаяся вокруг мутной терминологии Никейского символа. Такие термины, как «сущность», «природа», «ипостась» каждый христианский автор понимал и использовал по-своему. Это создавало путаницу и порождало споры. Чтобы выйти из тупика, в котором оказалось христианское богословие, необходимо было разработать систему четких и всеми одинаково понимаемых терминов. Основа этой системы была заложена Василием Великим. Настаивая на строгом разграничении понятий «сущность» и «ипостась» и следуя методу аристотелевой диалектики, он различал их как общее и особенное. Все три ипостаси Божества, говорил Василий, имеют одну общую сущность, которой свойственны несозданность, непостижимость, всеведение и всемогущество, и потому они едины по существу. Но при этом каждая из них обладает свойствами, отличающими ее от двух других: Отец рождает, Сын рождается, Святой дух освящает. Чтобы сделать свою мысль более понятной, он приводил такой пример: Павел, Силуан и Тимофей ипостасно отличаются друг от друга, но, имея общие человеческие свойства, они принадлежат к одной родовой сущности — человек.

Такой взгляд на триипостасное единство развивали, стараясь подкрепить его убедительными аргументами, и соратники Василия Великого. В отличие от омиусиан, стремившихся обосновать реальную самобытность Отца и Сына их сущностными различиями, каппадокийцы, подчеркивали единство и единичность их сущности и настаивали на ипостасных различиях.

Возобновление союза империи и церкви. «Измена» империи христианству, связанная с правлением Юлиана, продолжалась недолго. Летом 363 г. в битве с персами Юлиан был смертельно ранен и через несколько часов скончался. Легенда утверждает, будто, перед тем как испустить последний вздох, он воскликнул: «Ты победил, галилеянин!».

Выбранный войском новый император Иовиан вскоре отменил все религиозное законодательство своего предшественника, и христианство вновь сделалось государственной религией Римской империи. Слабеющая и неумолимо двигавшаяся к своему закату,

она вновь попыталась опереться на поддержку церкви. Потребность в ней особенно остро ощущалась в восточных провинциях, где авторитет власти оказался подорван серией военных поражений. Но именно там церковный раскол породил больше всего течений и толков: на собиравшихся без конца поместных соборах сталкивались никейцы, ариане, омиусиане, эвномииане, пневматомахи, и аномеи. Их богословские споры чаще всего заканчивались потасовками. Каждое из этих течений стремилось утвердить свою собственную формулировку символа веры, и борьба шла с переменным успехом. Вдобавок ко всему во второй половине 70-х гг. в придунайских провинциях появились готы. В 378 г. они разбили близ Адрианополя армию под командованием погибшего в этой битве императора Валента и в любой момент могли захватить Константинополь. Словом, восточные дела требовали от Рима незамедлительного вмешательства.

В 379 г. царствовавший на западе император Грациан, провозгласив августом одного из своих полководцев — испанца Феодосия, поручил ему навести порядок в восточной части империи. Потомственный военный, волевой и решительный Феодосий считал, что порядок следует наводить прежде всего в головах. Совершенно не представляя себе глубины и сложности развернувшихся на востоке богословских споров, новый император еще на пути в Константинополь издал эдикт, предписывавший подданным исповедовать «одно Божество Отца и Сына и Святого Духа при равном их величии и благочестивой троичности». Все, уклонившиеся от этой веры объявлялись еретиками и подлежали наказанию.

Прибыв в бурлящую от богословских распрей столицу, Феодосий так же «по-солдатски» попытался решить вопрос и об избрании константинопольского епископа. Его выбор пал на Григория Богослова, находившегося в это время в Константинополе. Однако проариански настроенное население столицы воспротивилось столь необычному «избранию». К тому же Григория знали как человека малоприятного, склочного и склонного к сомнительным операциям с недвижимостью. Так что дело едва не дошло до открытого бунта. Тогда император, приказав войскам оцепить храм Святой Софии, лично сопроводил туда Григория, потерявшего, по его собственному признанию, от страха дар речи.

Константинопольский собор 381 г. Нужно отдать Феодосию должное: он достаточно быстро разобрался в особенностях восточнохристианской религиозности и изменил первоначальную тактику. В мае 381 г. по его указу был созван церковный собор для осуждения ересей и избрания столичного епископа. Западный епис-

копат на него приглашен не был, поэтому собор носил поместный или, в лучшем случае, «всевоcточный» характер. Не любивший «мудрствований» Феодосий рекомендовал святым отцам, не увлекаясь догматическими проблемами, заняться устройением церковных дел. Под нажимом императора, присутствовавшего почти на всех заседаниях, Григорий был утвержден Константинопольским епископом, однако еще до окончания собора, отказался от столичной кафедры и уехал в родной Назианз. Святые отцы, в очередной раз подчинившись «подсказке» императора, избрали вместо него еще не крещеного константинопольского чиновника Нектария. Осудив все существовавшие в то время ереси и приняв особые канонические правила, подспудно ограничивавшие притязания на власть римского епископа, собор закончил работу.

Никео-константинопольский символ веры. Однако с Константинопольским собором 381 г. принято также связывать признаваемый ныне абсолютным большинством христианских конфессий вероисповедальный символ. Православные христиане обычно называют его «Верую», а католики — латинским словом *Credo*, которое имеет то же значение. Хотя этот символ издавна именуется Никео-константинопольским (или «Никео-цареградским»), историки церкви до сих спорят, действительно ли он был принят в 381 г. В документах самого собора никаких указаний на это нет. Лишь косвенные данные заставляют допускать такую возможность. Но как бы то ни было, I Константинопольский собор именно потому и стали позднее считать вселенским, что церковная традиция настойчиво приписывала ему создание главного символа христианского вероисповедания.

И «по букве», и «по духу» этот символ заметно отличается от Никейского. Из 178 слов, входящих в его греческий текст, только 33 совпадают с текстом Никейского вероизложения. Но что особенно важно — в нем отсутствует утверждение ипостасного тождества Отца и Сына. Можно было, бы предполагать, что святые отцы попросту опустили утративший острую актуальность анафематизм Никейского символа и продолжали мыслить Бога сущностно и ипостасно единым, если бы в письме, которое участники Константинопольского собора направили западному епископату, не содержалось не оставляющего никаких сомнений уточнения: «Эту самую веру, — писали они, — следует принимать и вам. Она... учит веровать в равночестное достоинство и совечное царствование трех совершенных Ипостасей или трех совершенных Лиц ...»*.

*Сама церковь считает, что на Константинопольском соборе не было замены одного догмата другим, а имело место более глубокое раскрытие уже существовавшего.

Таким образом, константинопольские отцы придерживались иной богословской концепции, нежели никейские. Они верили в триипостасное единство Бога, тогда как Никейский символ настаивал на Его единой ипостаси.

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Отцом рожденного прежде всех веков; в Свет от Света, в Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосушного Отцу, через Которого все произошло. Ради нас, людей, и нашего ради спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося. Распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного. И воскресшего в третий день, согласно Писаниям. И восшедшего на небеса и справа от Отца сидящего. И вновь со славой грядущего судить живых и мертвых, Царствию же Его не будет конца.

И [верую] в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца исходящего, Коего вместе с Отцом и Сыном славим и почитаем через пророков говорившего. Во единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую единое крещение во оставление грехов. Чаю воскресения из мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Начало христологических споров. В атмосфере тринитарных споров взвисяющая богословская мысль устремилась к исследованию таких вопросов, которые прежде казались христианам ясными и простыми. Начиная с Принея Лионского более двух веков верующие как аксиому принимали утверждение, что в Иисусе Христе сочеталась Божественная и человеческая природа, и видели в этом залог собственного бессмертия. Сам же факт их слияния признавался глубокотаинственным и не подлежащим рассудочному исследованию. Однако в середине IV в. богословская мысль, отравленная ядом греческого «любомудрия», пожелала выяснить, как соединилось ограниченное пространство и временем человеческое естество с абсолютно безграничной природой Бога. Могла ли человеческая природа, вступив в такой союз, остаться неизменной и не раствориться в Бесконечном? В какой момент произошло их соединение? Сколько раз родился Христос? И кто, наконец, действует в Иисусе — Бог или человек? В спорах, которые постепенно разгорелись вокруг этих вопросов, отчаянно боролись требования логики и стремление к спасению. В V в. христологическая дискуссия стала важнейшей составляющей интеллектуальной жизни не только христианской церкви, но и всего позднеантичного общества. Для обсуждения затронутых ею проблем пришлось созывать четыре вселенских собора, на которых были выработаны христологические догматы церкви. Однако удовлетворить всех они не могли, и христианство раскололось на три до сих пор существующих течения.

Самые первые всполохи этих споров появились еще в середине четвертого столетия. Друг и сподвижник Афанасия Великого лаодикийский епископ Аполлинарий (310–380-е гг.), называвший своими учителями Платона и Аристотеля, мучительно пытался понять, каким образом во Христе бесплотный Бог и человеческая плоть образуют единую природу. «Где полный человек, — сокрушался Аполлинарий, — там и грех! Если бы Господь принял всё естество чело-

века, то, без сомнения, имел бы и человеческие помыслы; а в человеческих помыслах невозможно не быть греху». Иисус же, как известно, считался безгрешным. Следовательно — заключал богослов — в Иисусе Христе второе Лицо Божественной Троицы заместило разум, ибо присутствие самого Логоса — Премудрости Божией отменяет нужду в тварном рассудке. Если обычный человек состоит из души и тела, то Христос представлял собой единство человеческого тела и Божественной Премудрости. На это остроумное и, казалось бы, все удачно согласующее рассуждение не менее остроумно возражал Григорий Богослов. «Спасется лишь то, — писал он пресвитеру Кледонию, — что соединилось с Богом. Не воспринятое Им не уврачевано и не спасено». И тут же со свойственным ему злоязычием добавлял, что Аполлинарию, как видно, и в жизни будущего века ум не нужен. Правда, сам Григорий Богослов не предлагал сколь-нибудь убедительного ответа на вопрос, как соединились два естества в Иисусе Христе, и даже говорил о смешении в его лице двух природ.

Воззрения Аполлинария Лаодикийского были осуждены на Римском соборе 377 г., в постановлениях которого говорилось: «Если Сыном Божиим воспринят несовершенный человек, то несовершено и наше спасение». Четыре года спустя «ересь аполлинаристов» анафематствовал и Константинопольский собор. Но в век богословских споров простого соборного осуждения верующим было недостаточно. Ортодоксальному богословию предстояло найти и предложить им «правильное», т.е. логически обоснованное и убедительное решение проблемы. Едва споры вокруг догмата о триипостасном единстве Бога стали утихать, христологическая проблема целиком завладела умами христианских теософов.

Александрийская «полнота божественности» и антиохийский «антропологический максимализм». Уже в последней четверти IV в. в объяснении богочеловечества Иисуса Христа стали складываться два разных подхода — антиохийский и александрийский. В Антиохии, так же как и в Александрии, существовала христианская «академия», и постоянное соперничество этих двух богословских школ осложнялось враждой Александрийской и Антиохийской митрополий. Император Феодосий однажды провозгласил архиепископа Петра, сменившего Афанасия Великого на Александрийской кафедре, «образцом христианской веры». Пользуясь этим, египетский первосвященник стал постоянно вмешиваться в дела Антиохийской церкви. Такую же политику проводили и его преемники Тимофей и Феофил. Естественно, что антиохийцы, гордившиеся своим христианским «первородством», всячески этому противились и насмешливо «величали» александрийских епископов «фараонами». Повод для этого давали не только их властные замашки, но и традиция Египетской церкви, согласно которой престол первосвященника неизменно переходил от дяди к племяннику, и в результате возникла настоящая епископская династия. Особенно усилилась взаимная неприязнь антиохийцев и александрийцев, после того как в 403 г. Феофил Александрийский интригами добился низложения с константинопольской кафедры и ссылки на север (в Пицунду) воспитанника антиохийской школы Иоанна Златоуста (347—407). Перипетии этой вражды отразились на христологическом диспуте богословских школ. Если в Антиохии что-либо утверждали, в Александрии тотчас старались опровергнуть. И наоборот. В 412 г. Александрийским епископом стал племянник Феофила Кирилл, немедленно развернувший преследование носителей языческой культуры, иудеев и еретиков. Веротерпимость в его глазах была тяжким грехом, а инакомыслящие не имели права на существование. Об Иоанне Златоусте, славившемся своей кротостью, он с негодованием говорил: «Если Иоанн епископ, то почему Иуда — не апостол?». Столь же прямолинеен был

Кирилл и в богословских вопросах. Его христология, по существу, не оставляла места Иисусу-человеку. Бог Сын — считал он — «усвоил себе», человеческую природу, при этом в нем самом ничего не изменилось. Человеческая природа Иисуса согласно Кириллу как бы «растворилась» в Божестве или «возвысилась» до него. Поэтому тело Христово было телом не человека, а Бога. Таким образом, по александрийской христологии выходило, что у Христа была одна ипостась и одна сущность — обе Божественные.

Совсем иной взгляд на богочеловечество Иисуса высказывали антиохийские богословы. Если б Христос, — считали они, — и сущностно, и ипостасно был Богом, он не чувствовал бы усталости, не испытывал бы голода и жажды, не мог бы томиться и страдать. Если же описанные в евангелиях страсти Господни были лишь видимостью, то мнимо и наше спасение. Но поскольку бесплотность — продолжали антиохийцы — одно из свойств Божиих, второе Лицо Троицы не могло облечься плотью и усвоить себе новое качество — ведь Бог неизменен. Христос, как в храме, обитал в теле Иисуса, соединившись не с плотью, а с душой человека. При этом человеческая душа Иисуса оставалась неизменной, способной страдать и мучиться. Таким образом, согласно воззрениям антиохийцев в Иисусе пребывало две сущности и две ипостаси: его собственные, человеческие, и временно соединившиеся с ними Божественные. Наиболее полное теологическое обоснование таких воззрений дал на рубеже IV—V вв. воспитанник антиохийской богословской школы Феодор, занимавший с 392 г. епископскую кафедру города Мопсуетии (Киликия). Человеческая природа — рассуждал он — подвластна времени, а следовательно, изменяема, тогда как Божество вневременно и неизменно. Будучи противоположны друг другу, они никоим образом не могут слиться, не утратив при этом своих сущностных свойств. Говорить поэтому о богочеловеческой природе Иисуса Христа абсурдно. Поскольку же другим важнейшим свойством человеческой природы — считал Феодор, — является свободная воля, то немислимо и ипостасное соединение Божества и человечества, ибо в результате свободная воля человека неминуемо исчезла бы. Исходя из этого он считал Иисуса Христа земным сыном земной девы, который благодаря преодолению искушений и нравственному совершенствованию удостоился Божественной благодати. Окончательно очистившись крестной мукой, Иисус соединился по воскресении с единосущным Богу Отцу Словом-Логосом. Но и в последние сорок дней его земной жизни ни сущностного, ни ипостасного слияния Бога и человека во Христе произойти не могло, существовал лишь их теснейший «нравственный союз».

Мариологическая проблема. Решительное столкновение между двумя этими богословскими подходами произошло в конце 30-х гг. V в. из-за так называемого «мариологического вопроса». В 428 г. по настоянию императора Феодосия II (408—450) Константинопольским патриархом (так с конца IV в. стали называть восточных митрополитов — Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского) был «избран» ученик Феодора Мопсуетийского антиохийский проповедник Несторий. Наделенный незаурядным ораторским талантом, в своих проповедях и пастырских наставлениях новый патриарх стал развивать идеи антиохийской христологии, что сразу же насторожило константинопольский клир. Когда же Несторий и его окружение повели речь о том, что Деву Марию не следует именовать Богородицей, ибо она не могла родить предвечного Бога, а родила человека, с которым соединилось Божественное Слово, ропот поднялся уже и среди светского населения столицы. Негодованием большинства было встречено распоряжение пат-

риарха называть Марию «человекородицей». Молитвы и церковные песнопения, слагавшиеся на протяжении веков, величали ее Богородицей и матерью Божией (греч. «теотокес»), новое же словечко «человекородица» (греч. «антропотокес») было чуть ли не вдвое длиннее, резало слух и разрушало привычные молитвенные ритмы. Сам Феодосий II поддержал патриарха, зато его сестра, императрица Пульхерия объявила первосвященника своим личным врагом. Тогда Несторий в качестве компромисса предложил желающим называть Марию «Христородицей», но это не меняло существа проблемы, а по империи тут же покатила молва о появлении новой ереси. Люди пребывали в полной растерянности, одинаково боясь и согрешить, и послушаться столичного патриарха, поддерживаемого императором.

Неожиданно для себя Несторий получил открытое послание Кирилла, в котором «фараон» яростно критиковал его мариологические воззрения. Возмущенный Несторий принялся с еще большей энергией отлучать от церковного общения всех, кто продолжал именовать Марию Богородицей. В 430 г. между Александрийским и Константинопольским патриархами произошел обмен сборными посланиями (т.е. посланиями, предназначенными для всеобщего прочтения). Эта «переписка» вызвала раскол среди восточных церквей. Такой ситуацией не замедлил воспользоваться Римский папа, стремившийся стать главой всего христианского мира. Поводом для вмешательства послужило обращение к нему Кирилла Александрийского с жалобой на «константинопольские безобразия». Папа Целестин I созвал в Риме церковный собор, на котором воззрения Нестория были осуждены. Однако император Феодосий II хотел решать восточнохристианские проблемы без вмешательства запада. В следующем, 431 г. он созвал в Эфесе альтернативный собор (III вселенский), который должен был разобрать спор между двумя патриархами. Раздельно заседавшие антиохийская и александрийская делегации взаимно осудили и низложили Кирилла и Нестория. Об итогах собора императору было послано два совершенно разных отчета. Возмущенный Феодосий отправил в Эфес своего полномочного легата с приказом о низложении обоих смутьянов.

Несторий прожил еще около двадцати лет сначала в добровольном, а затем и в принудительном изгнании. В 435 г. по приказу Феодосия II все его сочинения были сожжены, а последователи вынуждены были бежать в Персию и дальше на восток*.

IV Вселенский собор в Халкидоне. Христианская догматика. Итоги первого этапа христологических споров были подведены на IV вселенском соборе, собравшемся в 451 г. в одном из предместий Константинополя. Результатом его работы явился знаменитый Халкидонский орос, в котором сформулировано ортодок-

*В VII и VIII вв. в странах Среднего Востока несторианами было создано несколько очагов христианской культуры. Проповедуемое ими учение об Иисусе-человеке позволило им прекрасно уживаться с мусульманами, почитающими «Ису» как одного из величайших пророков. В эпоху расцвета Арабского Халифата глава несторианской церкви, католикос, имел под своею властью 25 митрополий и около 150 епископий. Одно из монгольских племен целиком было обращено в несторианство, и в течение нескольких веков на контролируемой им территории существовало несторианское теократическое государство. Благоденствие несториан было подорвано нашествием Тимура. Спасение нашли лишь те из них, кто ушел в неприступные горы Курдистана.

сальное вероучение (догмат) о богочеловечестве Иисуса Христа. Орос провозгласил, что в едином лице Христа слиты два естества — Божественное и человеческое. После долгих споров и рассуждений святые отцы, собравшиеся в Халкидоне, пришли к выводу, что они в состоянии сказать лишь, чего не произошло при соединении божественной и человеческой природы, т.е. прибегли к апофатическому (отрицательному) методу, провозгласив, что соединены они «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно». По существу, это было признанием беспомощности логического мышления в постижении тайн христианской веры.

Халкидонский орос. *«Последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в человечестве, истинного Бога и притом истинного человека, с разумной душой и телом, единосущного Отцу по Божеству и притом единосущного нам по человечеству, во всем нам подобного, кроме греха. Рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в недавние времена также ради нас и ради нашего спасения — от Марии Девы Богородицы — по человечеству. Одного и того же Христа, Сына Господа, едиnorodного в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, так что соединением различие двух естеств отнюдь не нарушается, но еще более сохраняется свойство каждого естества, во единую ипостась и во единое лицо соединенных. На два лица не рассекаемого и неразделяемого, но одного и того же Сына и едиnorodного Бога-Слова, Господа Иисуса Христа, как древние праотцы о Нем, и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как передает нам символ отцов наших».*

Вероопределения Халкидонского собора знаменовали собой важный этап в оформлении христианской догматики. В отличие от остальных положений той или иной религии догматами называют наиболее важные вероисповедальные утверждения, в которых выражена суть данной религии. Человек, не признающий хотя бы одного из догматов, не может считаться ее последователем.

Как мы помним, первые попытки определить важнейшие принципы христианской веры предпринимались уже в середине II в., когда появились вероизложения поместных церквей. Но сопоставление шести сохраненных церковной традицией символов показывает, что они были далеко не тождественны в понимании основ христианской религии, некоторые из них даже не провозглашали Христа Богом. Столетие спустя Ориген попытался выделить все наиболее существенное в христианских писаниях и изложить в виде связной богословской системы. Однако многие положения его доктрины были признаны церковью ошибочными, отвергнуты и осуждены. Таким

образом, первым настоящим общехристианским догматом стал Никейский символ, сформулировавший важнейшее вероутверждение христианства о триипостасном единстве Бога. Халкидонский орос стал вторым догматом христианской религии. На последующих вселенских соборах были сформулированы и другие догматы, составляющие в совокупности с двумя первыми христианскую догматику.

Глава 50

УХОДЯЩИЕ БОГИ. ЮЛИАН ОТСТУПНИК

Боги античного мира, которых не уставало обличать христианство, не были похожи на бога христианской религии — одного на всех. Они не требовали от приносящих им жертвы ни верности, ни веры, мирились с существованием других богов и беспрепятственно впускали их в свой дом-пантеон. Они ничему не учили и не наставляли, ибо у них не было твердых нравственных императивов. Им не было чуждо ничто человеческое. Их поведение, как ни старались их причесать, начиная с Платона, философы, было яркой иллюстрацией семи смертных грехов, хотя само слово «грех» отсутствовало в их языке. Их никто не смог бы обвинить в назойливости. Видя, что от них отворачиваются, они уходили, не обещая второго пришествия.

Первым бурно исчез Пан, бог стад, лесов и полей, названный христианами «бесом полуденным». Кормчий проплывавшего мимо Греции корабля услышал громкий голос: «Умер великий Пан», на что леса откликнулись воем, визгом и грохотом падающих с гор камней. Остальные боги удалились бесшумно. То тут, то там будто бы видели оставленные ими на земле или на скалах следы.

Однако кое-где, несмотря ни на что, исчезнувшие боги оставались у всех на устах, хотя уже не властвовали над умами. Это были школы, в которых изучали Гомера и Гесиода, декламировали Вергилия и Овидия, читали и комментировали произведения философов и осмеливались находить положительные черты в древних верованиях. Именно школы, а не храмы стали последними бастионами религии, которую христиане называли языческой.

Из среды интеллектуалов давно уже выходили критики христианства, к которым прислушивалась императорская власть, организовавшая беспрецедентные гонения на христиан. Такими же антихристианскими очагами школы остались и после признания христианства государственной религией.

Племянник Константина. За пределами школ все реже появлялись люди, которые находили в себе силы противостоять общему течению и вступаться за старых богов. Имя одного из них, наиболее ненавистное торжествующей церкви, — **Флавий Клавдий Юлиан**. Кончились времена, когда римские полководцы получали за победы от сената и римского народа почетные титулы — Африканский, Азиатский, Нумидийский... Юлиан, потерпевший двой-

ное поражение — в сражении с христианством и на поле боя с персами был удостоен лишь прозвища «Отступник».

Равноапостольный император Константин Великий начал уничтожать свою родню. И вовсе не христианскую зависть и жестокость унаследовал от него его сын Констанций. Юлиан родился в Константинополе в 331 г. Ему и его сводному брату, впоследствии казненному, удалось избежать кровавой расправы, учиненной в 337 г. солдатами, в результате которой погибли его отец и старшие братья. Переправленный ребенком в Никомедию, город на Мраморном море, он был отдан на попечение арианскому епископу Евсевию и учителю Мардонию. Последний привил ему любовь к греческой культуре. Тогда же мальчик познакомился с выдающимся оратором и писателем Либанием, с которым был тесно связан до конца своих дней. В 345 г. по указанию Констанция Юлиана перевели в Каппадокию, в укрепленное императорское поместье, где его попечителем стал епископ Георгий. Однако уже тогда юноша стал внимательно изучать языческую литературу. Затем, перебираясь с места на место, он оказывается на истинной родине муз, в Афинах, где не только встречи с философами, но сама атмосфера города с блеском его нетронутых храмов укрепила в нем непреодолимое стремление вновь возвести на Олимп поверженных богов. Но по-прежнему внешне Юлиан продолжал играть роль смиренного и добродетельного христианина. Призванный осенью 355 г. в Медиолан, резиденцию императора, он получает там титул цезаря и младшую сестру Констанция Елену в жены. И этому он тоже был обязан скрытности. Написанный им незадолго до того панегирик Констанцию и его супруге создавали впечатление полной преданности Юлиана благодетелям.

Командующий армией. Не обучавшийся военному делу и не имевший к нему никакого пристрастия, Юлиан всем на удивление демонстрирует блестящие военные способности. В 355 г. он переходит Рен (Рейн) и освобождает захваченный франками город Колонию Агриппины (Кельн). Несмотря на явное противодействие со стороны военачальников, командовавших римскими силами в районе современного Базеля, он отбрасывает варваров, угрожающих Лугудуну. Эти поразительные успехи вызвали впоследствии похвалу христианина Пруденция: «Он изменил своему богу, но не отечеству».

Базой Юлиана и местом зимнего отдыха становится Лютеция (Париж). На протяжении пяти лет он постоянно сражается, вызывая своими успехами зависть бывшего тестя (Елена умирает в 360 г.). Наступление персидского царя Шапура заставило Констанция вызвать на подмогу галльскую армию, которой командовал Юлиан. И

солдаты, не желая покидать насиженных мест, поднимают бунт и провозглашают Юлиана августом. До столкновения с Констанцием дело не доходит: тот умирает в ноябре 361 г. в Тарсе, и Юлиан занимает опустевший императорский трон.

Скорее всего, именно тогда отслужившим под началом Юлиана Аммианом Марцеллином был начертан его портрет: «Он был среднего роста, волосы гладкие, тонкие и мягкие, густая подстриженная клином борода, очень приятные глаза, полные огня, в которых светился тонкий ум, брови красивого изгиба, нос прямой, рот несколько крупный, с массивной нижней губой, крутой и мощный затылок, широкие сильные плечи и пропорциональное телосложение».

Веротерпимость. В отличие от тех из занимавших до него трон, кто понимал исходящую от церкви опасность для империи, Юлиан не запятнал своего имени гонениями на христиан. Его первым актом стало объявление веротерпимости. Все религиозные конфессии становились равными. Биограф императора замечает по этому поводу: «Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости, какую проявляет большинство христиан в своих внутрирелигиозных разногласиях». Поэтому он созвал во дворец христианских епископов всех направлений и призвал их забыть вражду и относиться друг к другу по-христиански. С этого времени он стал для ортодоксальной церкви злейшим врагом. Ее неприязнь, если не сказать больше, зашла еще дальше, после того как Юлиан поставил в равное положение с христианством иудаизм и возвестил о восстановлении храма Яхве в Иерусалиме за свой счет.

Проводя политику веротерпимости, Юлиан обвинял руководство церкви: «Им мало того, что их продолжительная тирания до сих пор не наказана. Им жаль своего прежнего господства. Они недовольны, что не могут судить, писать завещания, присваивать наследства, все загрывать себе. Они пускают в ход все пружины интриги и побуждают народ к бунту».

Понимая, что полем битвы может стать лишь сфера воспитания, где галилеяне (как он называл христиан) не могли рассчитывать на поддержку (за ними шли в основном невежественные, ждущие чудесного избавления низы), Юлиан нанес христианству еще один мощный удар — его эдиктом было запрещено христианским ораторам, грамматикам и софистам преподавание в школе. Интересна мотивировка эдикта: «невозможность допущения к преподаванию двуличных людей — ведь для галилеянина-учителя Гомер и другие классики, которых придется читать и объяснять, — сыны сатаны». Этот эдикт был поэффе́ктивней гонений, устраивавшихся императорами начиная с Нерона, ибо в тех гонениях креп дух сопротивле-

ция, и власть в глазах подданных наглядно демонстрировала собственное бессилие. Юлиан отделил церковь от государства, от прямого влияния на подрастающее поколение. Слиянию христианства с греческой мудростью, казалось, был положен конец.

Антихристианская пропаганда имела своим результатом учиненный александрийцами в декабре 363 г. погром христиан, в результате которого были разграблены христианские храмы, мощи святых выброшены и погиб арианский епископ Георгий. Были разрушены христианские базилики также в Газе и Аскаломе. На это христиане в свою очередь ответили разгромом языческих святынь в Сирии.

Родственные боги. На протяжении двух лет Юлиан героически противостоял христианству, расплзшемуся по империи и заметно укрепившему свое влияние при дворе и в армии. Открыто провозглашенная императором позиция не была ни наваждением, ни импульсивным действием. Это была глубокая и всесторонне продуманная политика. Несмотря на отсутствие настоящей школы, знакомство с произведениями древней философии и литературы, с памятниками культуры, прекрасными, несмотря на свою заброшенность, подвигло его выступить защитником этого уходящего мира. Юлиан ясно себе представлял, какими возможностями обладает его противник. Именно с христианством он связывал кровавый кошмар при императорском дворе, свидетелем которого стал еще в детстве. В этом он, возможно, ошибался, но что союз империи с христианством противоестественен и губелен для всего, что было ему дорого, юноша понимал лучше других и в силу этого понимания стал настоящим языческим пророком.

Противопоставляя христианству почитание олимпийских богов, он, прекрасно осознавая отсутствие в мифах о них какой-либо нравственной силы, пошел по проторенному пути аллегорических толкований, открытому Эвгемером, и облагораживания богов, предпринятого еще Платоном (Геракл, к примеру, превращается у него в благородного защитника слабых). Поначалу Юлиан не чуждается и издевок над христианскими бреднями, поскольку и христианские писатели изображали греческую мифологию скоплением басен. Но постепенно он проникается мыслью о необходимости создания цельной религиозной доктрины на основе мифологических представлений всех народов империи, а не одних лишь греков. Истинным богом он объявляет Солнце; но не привычного Гелиоса, а некое обобщенное божество, делающее ненужным почитание других небожителей. Станным образом представления об иудейском едином боге, ставшем также и христианским богом, и боге Юлиана, им противостоящем, восходят к одному источнику. И мы в состоянии его указать:

это религия Эхнатона, оказавшая влияние как на иудеев, так и на персов, у которых сформировался культ Митры, а к Юлиану солнечный бог пришел через митраизм с его отождествлением Митры и Всепобеждающего Солнца. И нас не должно удивлять противостояние родственных по своим истокам идеологий, ибо наибольшую остроту обычно приобретает конфликт между религиями (или партиями), имеющими общее происхождение и цели. Если империю и христианство мог объединить компромисс, между религией Юлиана и религией Христа нельзя было перебросить моста — точно так же как его не могло быть между митраизмом и христианством. Юлиан несправедлив, утверждая, что христианин неспособен быть не только хорошим подданным, но и просто отважным и честным человеком. Но и христианство было несправедливо к Юлиану, называя Отступником человека, шапупывавшего пути к спасению империи.

Ритор и писатель. Юлиан вел борьбу с торжествующим христианством не только административными методами. В литературных трудах, почти полностью до нас дошедших, он талантливо развивал идеи своих учителей неоплатоников. Выступая в защиту греческой мифологии, он истолковывал ее как символическое учение, способное служить воспитанию. Для Юлиана «Илиада» и «Одиссея» обладали «бог вдохновенностью» Библии, а герои едва ли не были «святыми», с которых следует брать пример в жизни. Единственный раз Юлиан упрекнул Гомера — за то, что тот заставил Одиссея на острове Калипсо проливать слезы: «Терпеливость его хвалю, но слез не понимаю, ибо что пользы взирать на рыбообильное море и плакать». В этой оценке — весь Юлиан. Ему в жизни пришлось немало претерпеть, но никогда он не жаловался на судьбу. В связи с новой концепцией мифологии Юлиан спорит и с Платоном, видевшим и в гомеровском описании богов их очернение. В трактате «Утешение Саллюстия» он возвеличивает Гомера за способность внушать почтение к богам. Давая аллегорические толкования гомеровским описаниям богов, Юлиан обнаруживает даже в его иронических пассажах стремление показать божественную благодать.

Используя традиционную для античности форму речи, Юлиан обращается к «царю Солнцу», и его страстное объяснение в давней привязанности к Гелиосу переходит в патетическую проповедь неоплатонических идей. В дошедшем в отрывках сочинении «Против христиан» Юлиан в отличие от Порфирия и других критиков христианства разбирает иудео-христианское учение без оскорбительных нападок на Иисуса, с позиций человека, верующего во всемогущество и благость божества. Но само признание человека богом, по его мнению, — не что иное, как проявление безбожия, ибо

«бог не может быть человеком, а человек богом». Возмущает Юлиана и отход христианской церкви от кротости апостолов. Оценивая отношение ортодоксальной церкви к арианству, он подчеркивает, что апостолы убеждали колеблющихся, а не подвергали их преследованиям. Так же, как и более ранний критик христианства Цельс, Юлиан считал роковым отход галилеян от материнской иудаистской религии и религии греков и римлян, утверждая, что, переметнувшись, они «от одних отстали, к другим не пристали».

Не чуждался Юлиан и чистой литературы. В духе «Совета богов» Лукиана написан его сатирический памфлет «Пир, или сатурналии». На пир богов, происходящий где-то на Луне, один за другим прибывают новоявленные боги — Юлий Цезарь, Август, Тиберий, Клавдий и другие — вплоть до Константина. Силен, выступающий в роли придворного шута, характеризует каждого, не щадя никого. В самом жалком и смешном виде выведен Константин — поклонник роскоши и сладострастия. Над всеми возвышается бескорыстный Марк Аврелий, перед которым Юлиан благоговел. В другом сочинении («Похвала бороде») император представляет в критическом свете антиохийцев, ярых приверженцев христианства и в то же время бездельников и распутников. Себя же он критикует за «небритую бороду, аскетизм, скромность».

Дошла до нас и переписка Юлиана. Его письма к частным лицам, послания к городам и даже целым народам — важнейший источник для воссоздания биографии этого удивительного человека, осмелившегося идти против течения. Потерпев поражение как политик, Юлиан завоевал себе место в истории как один из последних стойких защитников гибнущей античной культуры.

Даже внешне Юлиан резко отличался от всех, кто занимал до него императорский трон в Константинополе, людей грубых и невежественных. Отпущенная борода, простота одеяния, открытость в общении с людьми могли создать впечатление, что снова власть досталась философу. Юлиан и был мыслящим человеком, хотя и оставался на уровне своего века, когда научное знание срослось с магией и оккультизмом. Если его непосредственный предшественник Константин, по словам Аммиана Марцеллина, «сочетал христианскую веру, которую отличает цельность и простота, с бабьим суеверием», то философия антихристианина Юлиана была густо замешана на мистике адептов Гермеса Трисмегиста, Порфирия и Ямблиха. Последний был для него кумиром. Время, отведенное молитвам, Юлиан до его вступления на престол тайно отдавал гаданиям по внутренностям животных и астрологии, и каждую мелочь обыденной жизни пытался истолковать как знамение судьбы. Так, когда воин, помогавший ему сесть на коня, упал, Юлиан возликовал, воспри-

няв случившееся как указание на падение того, кто поднял его на высоту, т. е. Констанция.

И впоследствии, уже будучи владыкой всей империи, в стихийных бедствиях он усматривал гнев богов (землетрясение в Иерусалиме помешало ему восстановить храм Яхве). При принятии решений он руководствовался собственными предчувствиями и советами окружающих его толкователей сновидений. Но даже тень философии, легшая на Юлиана, возвысила его над всеми, в чьих руках в последнее столетие империи оказались судьбы Рима.

Глава 51

ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Столетие после Юлиана Отступника не отмечено крупными римскими политическими фигурами, зато оно заполнено пугающим множеством варварских имен. Из исторических событий выделяются катастрофические разгромы римских армий. Это век Великого переселения народов, начертавшего новую этническую карту круга земель. Глубокие изменения испытывала система общественных отношений. На развалинах гибнущей империи рождалась средневековая Европа.

Готы. Особая роль в крушении римской империи и связанных с ним общественных отношений принадлежала германскому народу *готов*, образовавшему около середины III в. два племенных союза, известные современной науке как вестготы и остготы (восточные и западные готы). Поселившись на территории между Дунаем и Днестром, вестготы управлялись вождями, из которых по имени нам известен один Атанарих. Остготы поселились к востоку от вестготов вплоть до Меотиды, захватив также Таврику. Аммиан Марцеллин сообщает об их царе Германарихе, «которого страшились соседние народы вследствие его многочисленных и разнообразных подвигов».

После Никейского собора 325 г. в придунайские степи были посланы епископы-ариане, направившие свою энергию на проповеди среди варваров, и не безуспешно: многие готы приняли христианство по арианскому обряду, способствуя христианизации Таврики и других областей их обитания. Принявший христианство гот Ульфила (ок. 310—394) перевел евангелия с греческого на готский. Сохранившиеся части этого перевода дают представление о древнейшем языке германских племен.

Гунны. Сталкиваясь на протяжении нескольких столетий с обитателями лесов, находившихся за Рейном и Дунаем, римляне смогли если и не покорить их, то в какой-то мере приобщить к своей цивилизации. Уже к III в. римлянам противостояли не дикари в

звериных шкурах, а серьезные противники, прекрасно знакомые с образом жизни и вооружением римлян и многое заимствовавшие у них. Некоторых из них можно было использовать для защиты от других варваров, живших в глубинных лесах Европы. После передвижения готов на юг римлянам приходилось иметь дело с германцами на всем протяжении европейского лимеса. К востоку от занятой готами малой степи к неведомым Рифейским горам и еще далее — к границам Китая тянулась бесконечная великая степь. О том, что совершалось там, римляне не догадывались. Поэтому для них полной неожиданностью явилось появление *гуннов*, проводивших большую часть жизни на конях, не слезая с которых они совещались, занимались куплей-продажей и даже ночевали, подлинного народа кентавров, о которых рассказывали греческие мифы.

Уже во II в. до н. э. они овладели восточной частью евразийской степи и, удаляясь от Великой китайской стены, стали медленно продвигаться на запад. Первыми, с кем столкнулись гунны, были аланы, обитавшие у Меотиды. Сокрушив их, они вошли в соприкосновение с готами Германариха (375 г.). После первой же крупной неудачи вождь готов покончил с собой. Его преемник также погиб. Племенное объединение распалось. Атанарих, узнав об опасности, приступил к возведению укреплений на своей границе, но большая часть остготов, отказавшись ему повиноваться, отошла на запад и вместе с беглецами вестготами стала просить у правившего в Константинополе императора **Валента** разрешения поселиться во Фракии в качестве федератов*. Разрешение было дано при условии сдачи оружия.

Условие это не было выполнено по вине продажной провинциальной администрации. За определенное вознаграждение оружие готам удалось оставить. И, невзирая на то, что переселенцы вооружены, власти сразу же начали использовать открывшиеся возможности для дальнейшего обогащения. Создавая искусственный дефицит продовольствия, они продавали его по непомерно высоким ценам. Готы, оказавшись не в состоянии приобрести самое необходимое, вынуждены были продавать в рабство собственных детей. Доведенные до крайности, они подняли восстание, к которому примкнули рабочие с соседних рудников.

Восставшие двинулись к Константинополю, грабя и разоряя все на своем пути. Полководцу Валента удалось нанести поражение одному из готских отрядов, отягощенному добычей. После этого император лично двинулся к Адрианополю, вблизи которого сосредоточились готы, заблаговременно занявшие господствующие высоты.

*Федератами римляне называли союзников, несших военную службу на границах и часто включаемых в состав войска, но порой переносили название и на расселенные в северных районах империи племена германцев в целом.

Битва при Адрианополе. За полтора столетия обитания в степях люди лесов приспособились к местным условиям и образу жизни степняков. Готские летучие конные отряды, вооруженные усовершенствованными луками, наводили на римлян ужас, и им пришлось спешно перестраивать свою конницу по готскому образцу и оснащать пехоту панцирями и шлемами, чтобы защитить пехотинцев от готских стрел. Перевооружение, дорого обошедшееся императорской казне, не дало, однако, ожидаемых результатов. В условиях резкого падения дисциплины легионеры редко пользовались тяжелыми защитными средствами, предпочитая идти в бой с незащищенной грудью и непокрытой головой. Это имело катастрофические последствия, поскольку возведение лагерей к IV в. уже не практиковалось, и одна успешная атака конницы могла решить исход сражения.

За тысячелетие своей истории завоеватели круга земель не раз терпели тяжелые поражения. Сведения о них сохранились не только в анналах, но и в народной памяти как дни траура. Но никому еще не удавалось сломить силу римлян и их волю к победе. Сражение при Адрианополе по своему значению не имеет прецедентов в военной истории Рима. На карту была поставлена судьба империи. Это был последний великий разгром.

Аммиан Марцеллин не был участником битвы. Его описание, хотя и подробное, не дает возможности в полной мере восстановить ход событий. Ясно лишь то, что весть об успехе первом столкновении с готами дезориентировала императора, и он решился на сражение, не дождавшись прибытия контингентов Западной империи. Он также не позаботился о сооружении лагеря, не получил необходимых сведений о противнике, и у римлян не было точного представления ни о численности готов, ни о расположении отдельных отрядов, ни об их планах. Битва продолжалась весь день 9 августа 378 г. Нет сомнений в том, что это была победа готской конницы над римской тяжеловооруженной пехотой. Такого разгрома римляне не знали со времени битвы при Каннах. Был уничтожен весь командный состав. Погиб сам император. Раненый, он скрылся вместе со свитой в деревянном здании, которое было подожжено подоспевшими готами. Страшнее, чем военные потери и учиненный варварами разгром северной части Балканского полуострова, был моральный урон. Варвары ощутили себя победителями, могущими диктовать Риму свои условия.

Раскол. Римское общество никогда не было единым. Несколько столетий оно потрясилось борьбой патрициев и плебеев. На смену ей пришло соперничество политических группировок и граждан-

ские войны I в. до н. э. Но сколь бы жестокими и кровопролитными были эти конфликты, они в последнее столетие республики и в эпоху принципата не затрагивали религии, которая была самым прочным связующим началом римской жизни. В эпоху домината общество сверху донизу раскололось по религиозному признаку. Бог-бунтарь, ранее не принятый в римский имперский пантеон, пользуясь поддержкой императорской власти в лице своих фанатичных сторонников противопоставил традиционным ценностям свои собственные, а то, что было основой римского патриотизма, назвал язычеством. Он окрестил не только массу коренного населения римской империи, но и вторгшихся в ее пределы и осевших там варваров.

К концу IV в. глубокая трещина разделила оплот римской государственности, сенат. Лишенный реальной политической власти, он оставался церемониальным органом, но в нем, несмотря на то, что среди сенаторов были и язычники, и христиане, еще сохранял традиции римской государственной обрядности, тронуть которые не решился ни один из ближайших преемников Константина.

Битву при Адрианополе уже в древности сравнивали с Каннами, имея в виду ее военные последствия. Но страшное поражение 216 г. до н. э. привело к небывалому сплочению римлян, обеспечившему им в конечном итоге победу над Карфагеном. Сражение 378 г., напротив, привело к окончательному расколу империи — не только политическому, но и религиозному. Вскоре после нее императорская власть полностью отошла от веротерпимости, начав решительное наступление на последних приверженцев староримской религии. В 383 г. Грациан сложил с себя титул понтифика величайшего, затем лишил языческие храмы и жреческие коллегии финансовой поддержки и привилегий и, наконец, приказал вынести из курии алтарь богини Виктории и ее статую. Вскоре после этого он погиб, и Западная империя была поделена между противником Грациана императором Валентинианом II и узурпатором Максимом.

Сенаторы-язычники, уже ранее безуспешно добивавшиеся аудиенции у Грациана с целью убедить его вернуть в курию алтарь победы, сочли ситуацию подходящей для публичных выступлений. От имени части сената Симмах направил императорам прошение защитить староримскую религию и культ, подчеркивая их пользу для государства и императоров и заинтересованность в устранении алтаря Виктории одних лишь врагов Рима — варваров. При этом проситель не допускал каких-либо выпадов против христиан. Христианская часть сената, зная о том, что Валентиниан на ее стороне, обратилась к нему с посланиями, подготовленными епископом Амбросием. Сам тон их резко отличался от реляции Симмаха. Амбросий обращается не с просьбой, а с указанием императору

на то, что возвращение алтаря Виктории будет расценено как возобновление гонений на христиан и встретит отпор с их стороны. Это была прямая угроза церкви, пришедшей к убеждению, что ее власть выше императорской. Не обошел Амбросий и обстоятельства, которое воодушевило его противников — бесславной гибели Грациана после его решения о выносе алтаря Виктории. Для этого пришлось углубиться в римскую историю и извлечь из нее примеры гибели римских полководцев, чтивших отеческих богов.

Эпизод с алтарем Виктории был фактически последним в истории римской империи крупным актом сопротивления умирающего язычества торжествующему христианству.

Феодосий. После известия о разгроме император Запада Грациан назначил императором восточной части империи полководца **Феодосия**, испанца по происхождению. Феодосий оттеснил готов от Константинополя и заключил с ними в 383 г. мир. На западе на протяжении нескольких лет не прекращались смуты, стоившие жизни Грациану. В 392 г. императорскую власть захватил видный чиновник и ритор Евгений, пошедший по стопам Юлиана и вернувший в сенат статую Победы. Феодосий отказался признать власть Евгения и двинул против него легионы. В ходе сражения воины Евгения ему изменили, и он был убит. В 394 г. Феодосий в последний раз ненадолго объединил под своей властью обе половины империи.

Стилихон. В 395 г. Феодосий умер, успев перед смертью разделить империю между сыновьями — Аркадием и Гонорием. Более никогда эти части не соединялись.

Заботу о своих малолетних сыновьях Феодосий на смертном одре поручил Флавию Стилихону, вандалу по происхождению, выдающемуся римскому военачальнику, которому империя была обязана разгромом бастарнов (392 г.), а сам император — победой над Евгением.

Трезво оценивая силы римской армии и политическую ситуацию, Стилихон выступил против требования римских кругов, настаивавших на немедленном удалении вестготов, обосновавшихся на римских землях, и пытался достигнуть соглашения с варварскими вождями. Это усиливало позиции тех, кто еще при Феодосии завидовал вандалу, достигшему в военной карьере высот, не доступных ни одному из его современников. Наиболее сильное противодействие Стилихону оказывал префект претория галл Руфин, пользовавшийся неограниченным влиянием при константинопольском

дворе. Спор шел о границах Западной и Восточной империи. Вскоре Руфин был убит.

Согласно договору *вестготы* находились на службе у императоров Восточной империи, и продвижение их во главе с вождем **Аларихом** на Запад в 401 г. воспринималось как защита интересов Константинополя. Однако у Алариха были собственные цели. Он вынудил Стилихона отвести войска от Альп и прирейнской территории. Но Италию Стилихону удалось защитить. В сражении при Вероне орды Алариха были разбиты. Потерпели поражение и другие варварские вожди.

В этой ситуации Стилихон решил заключить союз с Аларихом, чтобы использовать его в борьбе как с Константинополем, так и против появившихся в разных местах Западной империи узурпаторов. Но при дворе Гонория верх взяла партия, враждебная Стилихону обвинившая его в предательстве. Стилихон пытался найти убежище в одной из церквей Равенны, но был достигнут и убит (408 г.)

Взятие Рима. Убийство последнего серьезного защитника Западной империи означало и крушение его детища — союза с Аларихом, став поводом для наступления последнего на Италию. Уже в 408 г. Аларих подошел к Риму, но удалился, получив огромный выкуп. 24 августа 410 г. Аларих вновь оказался у ворот Рима. Неизвестно, знал ли он легенду о том, как пала неприступная Троя, но, если верить историку готов Прокопию, Аларих воспользовался сходной идеей. В роли «троянского коня» выступили триста знатных готских юношей, подаренных им якобы в знак уважения к сенату и взятых в услужение сенаторами. Воинам было предписано держать себя скромно и выполнять все приказания господ, а в назначенную ночь собраться у Соляных ворот, перебить стражу и впустить в город войско. Согласно другой версии ворота были открыты рабами некой матроны, сжалившейся над осажденными римлянами, страдавшими от голода. Так ли это было, неизвестно, но в источниках мы не находим никаких сведений о рабах как сознательных союзниках варваров, обеспечивших им победу.

Рим, взятый Аларихом, был подвергнут страшному трехдневному опустошению, разграблению и поруганию. Словно исполнились пророческие слова Горация: «Камни римских святынь высечет варвар копытом // Пепел отцов развеет божественных». Спаслись лишь те, кто смог укрыться в церквах. Их арианин Аларих пощадил.

Весть о захвате Рима, уже не столицы, но символа римского могущества и римской цивилизации, потрясла современников. И многие старались понять причины катастрофы. Одни считали это ре-

зультатом измены старым богам, другие — возмездием за старые преступления. Заговорили о конце света. Но конец света не наступил. Взятие Рима стало лишь началом новых обрушившихся на империю бедствий.

Варвары на территории империи. Из Рима Аларих повел свое отягощенное добычей войско на юг, надеясь овладеть Сицилией и Африкой. Этому помешала его болезнь и кончина на юге Италии. Принявший власть над войском родственник Алариха Атаульф после неудачных переговоров с Гонорием не добившись разрешения на переселение в Италию и Африку, увел вестготов в юго-западную Галлию, где они осели, образовав в 418 г. королевство в Толозе (совр. Тулуза). Во второй половине V в. вестготы распространились оттуда по всей южной Галлии вплоть до реки Луары и завоевали большую часть Испании.

Почти одновременно оттесненные из Галлии *вандалы** переправились в Африку, основав там свое королевство. В 439 г. его столицей стал Карфаген. Энергичный король вандалов Гейзерих расселил вандалов на римских землях, создав военизированные общины, построил флот и с его помощью распространил свою власть по всему североафриканскому побережью.

Наряду с этой угрозой с юга возникла еще более страшная опасность: в 441 г. *гунны* перешли Дунай и заняли Мезию и Фракию. Во главе их стоял **Аттила**, которого благочестивые христиане называли «бичом Божиим». Восточный император Феодосий II вынужден был платить ему дань. Присоединив к себе остготов и другие племена Аттила повел свои полчища на Запад. В 451 г. в Галлии, на Каталаунских полях (совр. Шампань), ему дал бой римский полководец Аэций, возглавивший ополчение из вестготов, некоторых других германских племен и аланов. Битва была упорной и кровопролитной. Ни одна из воюющих сторон не покинула поля сражения, но вскоре Аттила отвел свои войска. В 452 г. он вторгся в Северную Италию и разорил ее, но на Рим не пошел, возможно, напуганный опустошавшей полуостров чумой. Возвратившись в Паннонию, где находилась его резиденция, он отпраздновал свадьбу с молодой германкой и был, согласно преданию, убит ею в брачную ночь.

Пощаженный Аттилой Рим был два года спустя (455 г.) взят Гензерихом. Вандалы бесчинствовали в Риме четырнадцать дней. Рим-

*Вандалы оставили о себе на Пиренейском полуострове память в названии области Андалузия (Вандалузия).

ляне, пережившие нашествие Алариха, могли вспоминать о нем как о незначительном набеге. Десятки тысяч римлян были убиты и угнаны в рабство. Среди пленниц оказались и императрица, и ее дочери. Во дворце вандалы не оставили ни одного металлического предмета. Даже с храма Юпитера Капитолийского была снята позолоченная крыша. С тех пор слово «вандализм» стало обозначать страшное, бессмысленное разрушение.

В тени Рицимера. После захвата и чудовищного разграбления Рима вандалы двинулись в Сицилию, но, встретив там сопротивление легионов во главе со севом Флавием Рицимером, вынуждены были отойти. Рицимер стал главнокомандующим всей римской армии и на протяжении шестнадцати лет (456—472) самым влиятельным политиком Западной империи. Он сместил двух императоров, заменив их своими ставленниками, и некоторое время единолично правил Италией. Заключив союз с Восточной империей, он защитил Италию от вандалов. Но страшнее их была чума, обрушившаяся на Лаций и Кампанию. После смерти Рицимера в Равенне, бывшей с 404 г. столицей империи, был провозглашен новый император. В Константинополе объявили его самозванцем и прислали в Равенну своего ставленника. До падения Западной империи оставалось два года.

Последний консул. Новый владыкой империи стал другой германец, **Одоакр**, сын одного из приближенных Атиллы. В 469 г. каким-то христианским монахом ему было предсказано блестящее будущее. Предсказание оправдалось. В Италии вспыхнул военный мятеж во главе с греком Орестом, бывшим в свое время секретарем Атиллы. Ставленник Византии бежал в Далмацию, а Орест провозгласил императором своего сына **Ромула Августула**. Варварские отряды потребовали от Ореста в качестве награды за оказанную поддержку крупные земельные владения, но, не получив их, переметнулись к Одоакру. Орест был убит, а Ромул Августул смещен Одоакром и отправлен им в Кампанию (476 г.). От титула императора Одоакр отказался и отослал императорские регалии в Константинополь.

Так пала Западная римская империя. Авторитет ее давно уже был утрачен. Императорская корона ничего не стоила, и от нее отказались за ненадобностью.

Одоакр, провозглашенный варварскими отрядами вождем, к радости потомков сенаторов объявил себя также консулом. Власть его распространилась на Италию (западные римские провинции давно уже были во власти франков, вандалов и других народов).

В 489 г. в Италию вторглись *остготы* во главе с **Теодорихом**. Последний консул, осажденный в Равенне, был убит во время переговоров с осаждавшими.

Источники эпохи домината. Бурные времена радикальных политических перемен и катастрофических варварских миграций представлены прекрасными и разнообразными историческими источниками, позволяющими понять социально-экономическую, политическую и культурную жизнь гибнущей римской империи, а также феномены зарождающегося средневекового общества. Наряду с трудами историков Аммиана Марцеллина и Евнапия в распоряжении исследователей имеются трактаты по административному устройству империи, произведений ораторского искусства, богатая эпистолография, акты церковных соборов, многочисленные документальные источники — папирусы, надписи, монеты, археологические данные.

Для изучения административного устройства и военной реорганизации империи важен предназначенный для внутреннего употребления справочник «Сведения о всех должностях и учреждениях как гражданских, так и военных, в областях Востока и Запада», содержащий перечень государственных должностей в соответствии с административным делением по префектурам, диоцезам, провинциям, со знаками отличия должностных лиц и воинских подразделений. Некоторые из рукописей содержат также рисунки знаков высшей власти (инсигний). Книга была составлена не ранее 395 г., в правление Феодосия II неизвестным военачальником Западной империи. Некоторые части трактата могут быть датированы 425 или даже 433 г., что показывает ошибочность сообщений официальных источников об уходе римлян из Британии в 425 г. В заключительную часть книги включено прошение, направленное императору вновь назначенным префектом конного отряда в Фаюмском оазисе Египта, содержащее живую картину жизни и карьеры военного человека.

Острая полемика между приверженцами и противниками христианства, равно как и между христианами разных направлений, отложилась в речах императора Юлиана, Либания, Иоанна Златоуста. Другие сочинения и письма этих же авторов знакомят нас как с идеями возрождения мощи римской империи, так и со страстными обличениями пороков государственного строя и господствующего класса. Из обширной богословской литературы можно почерпнуть не только материал для понимания истории религиозной борьбы, но и данные о состоянии римского общества и общественных движений. Жития святых скрывают под фантастическими чудесами жизнь во всей ее повседневности и богаты оценками социальных процессов.

Исключительно важны для изучения истории IV—V вв. памятники пост-классического права — сборники видных юристов Грегора и Гермогениана с важнейшими законодательными актами императоров, и особенно кодекс Феодосия. Каждая из его шестнадцати книг является подборкой по отдельным темам. Например, VII книга содержит перечень мероприятий администрации Феодосия в отношении дезертиров и перебежчиков к варварам.

Среди первоисточников особенно важны папирусы, написанные как на греческом, так и на латинском и коптском языках. Египетские папирусы отразили изменения административного устройства в долине Нила и оазисах Ливийской пустыни после взятия Диоклетианом Александрии (297 г.). Имеющиеся в папирусах судебные решения, грамоты, письма, соглашения об аренде, договоры о найме помещений и работников, об обучении ремеслам дают богатейший материал по внутренней истории, налоговому обложению, денежному обращению и многим другим сторонам жизни. Латинские папирусы из

Равенны, самые ранние из которых относятся к V в., характеризуют имущественные отношения и этнический состав населения. Коптские тексты, обнаруженные в Верхнем Египте (в местечке Хенобоскион), важны для понимания мифологии и мировоззрения гностиков начала IV в. Остраконы, имевшие хождение среди беднейшего населения позднеимперского Египта, помогают уточнению имущественных отношений и палогового гнета. Решение некоторых хронологических проблем, равно как и вопросов денежного обращения, невозможно без использования немногочисленных типов монет этой эпохи с их легендами и изображениями.

Поздние слон Афин, Филипп, Равенны, Аквилей и Медиолана, африканских городов, равно как и сельских поселений в Африке, Галлии и Сирии дают ценнейшую информацию обо всей экономической и культурной истории последних столетий существования Римской империи.

Вокруг падения Рима и гибели античной цивилизации. Разгром при Адрианополе, захват Рима вестготами и вандалами, формальная ликвидация власти западных римских императоров, образование на территории Испании, Галлии, Африки и других римских провинций варварских государств — это звенья цепи событий, к объяснению причин которых человечество обращалось бесчисленное множество раз. И по мере того, как растет временной разрыв между гибелью Вечного Города и временем жизни исследователей, обращающихся к этой проблеме, меняется подход к ней, и сама она превращается в своего рода гордиев узел, в котором каждая составляющая нить берет начало в современной политической ситуации и требует собственного научного объяснения. Христианство, пережившее римскую империю, исходя из библейской концепции четырех всемирных монархий, последней из которой, римской, якобы суждена вечность, не признавало падения империи. С критикой этой концепции выступил итальянский политический мыслитель эпохи Возрождения Н. Макиавелли (1460—1527), считавший, что с нашествием варваров, уничтоживших Рим, начинается новая эпоха европейской истории, характеризующаяся упадком образованности, в свою очередь, сменяющаяся другой эпохой — возрождающей эту образованность.

Впервые проблему падения Рима на огромном материале источников рассмотрел английский историк-просветитель Э. Гиббон (1737—1794). В грандиозном труде «История упадка и разрушения римской империи» он для объяснения событий IV—V вв. обратился к «золотому веку» Антонинов, отыскав в нем зародыши будущего бедствия, — усиление произвола деспотизма императоров, подавивших инициативу масс, ростки имперской бюрократии, доведшей империю в конце концов до такого состояния, что варвары, погубившие империю, могли казаться освободителями, распространение христианства, убившего дух патриотизма и нравственности*.

Против этого подхода, широко распространившегося в эпоху Просвещения и встреченного яростной критикой духовенства разных конфессий, выступили историки-романтики, попытавшиеся реабилитировать средневековье. С их точки зрения, варвары — не дикие разрушители античной цивилизации, на страже которой стояла римская империя, а ее спасители, «влившие в дряхлеющее тело империи новые силы», принесшие погрязшему в рабстве миру

*Концепция Гиббона опиралась также на оценку византийского историка Зосима, считавшего главной причиной крушения римской мощи переход от свободы к деспотизму, когда государство было отдано в жертву личному произволу и продажной администрации.

начала личной верности и достоинства, давшие общину, из которой возникла новая государственность.

В качестве реакции на эту теории положительного воздействия варваров на исторический процесс возник труд французского историка Фюстель де Куланжа (1830 — 1889) «История учреждений древней Франции». В нем проводится мысль, что римский мир не мог быть оплодотворен варварами, давно уже перешедшими к оседлости и мало чем отличавшимися в общественном развитии от римлян, и поэтому варварское завоевание, сколь ни велика его роль в крушении разросшегося, подобно злокачественной опухоли, государственного организма, не привело к радикальным переменам в сфере социальных отношений и права. Отрицая революционность перехода от античности к средним векам, Фюстель де Куланж полагал, что в основе европейской цивилизации лежат римские общественные институты — крупное землевладение и зависимые от него непосредственные производители.

С развитием в XIX в. экономической науки стали выдвигаться экономические объяснения падения римской империи. Была выдвинута теория обезлюдения империи, катастрофического уменьшения ее народонаселения. Приверженцы этой теории собрали во множестве факты, свидетельствующие о быстром вымирании старой аристократии, о множестве холостяков и бездетных браков, о принимаемых императорами мерах к поощрению браков, рождаемости и помощи малоимущим семьям.

Экономические причины падения Западной империи подчеркивал и крупнейший немецкий историк Э. Мейер. В работе «Экономическая история древнего мира» он приходит к выводу, что причиной катастрофы было не вторжение варваров, а экономическое развитие начиная со времени правления Северов, в результате которого капитализм сменился примитивными общественными формами.

Уже в древности имела распространение теория физического и духовного ухудшения человечества, обусловленного его естественным одряхлением. Современник императора Адриана Флор представляет судьбу римского народа как историю человеческого организма, переживающего младенчество, отрочество, зрелость, при преемниках Августа словно бы состарившегося и перекипевшего, однако при Траяне «вновь зазеленевшего возвращенной юностью». На тех же позициях стоит христианский историк Лактанций, относящий, однако, ко времени Августа второе младенчество империи. В новое время особый социальный оттенок биологической теории придал немецкий историк О. Зеек. В своем монументальном труде «История падения древнего мира» он трактовал обезлюдение как «истребление лучших», вследствие чего античная культура деградировала, на смену римской элите пришли потомки плебеев и рабов с их рабьей моралью, с их подавленной волею к власти, с их идеологией самоотречения и презрения к миру. Духовным отцом этой теории был философ Ницше, для которого неравенство людей — это основа человеческого бытия, так как люди будто бы в различной степени наделены «волей к власти».

В начале 20-х гг. XX в. Зеэка поддержали казанский профессор Н. Васильев и американский исследователь Тенни Франк, считавший причиной гибели империи смешение римлян с выходцами из азиатских и африканских провинций.

Против теории обезлюдения и биологических теорий тогда же выступил М.И. Ростовцев, заметивший, что в «войнах и революциях уничтожались не только лучшие; с другой стороны, революции не всегда препятствуют тому, что за ними следует период расцвета». Ростовцев считал, что античный мир пал в результате социальной борьбы, сходной с той, которая погубила капиталистическую Россию и в годы его эмиграции угрожала капиталистическому Западу.

Крушение капитализма, достигшего расцвета в эпоху эллинизма и римской империи I в. до н. э.—II в. н. э. было, по Ростовцеву, делом рук крестьянских масс, поднявшихся на борьбу против капиталистических городов.

Концепция М. И. Ростовцева встретила критику со стороны ряда западных ученых. Некоторые из них доказывали, что римская буржуазия была терроризована скорее городскими пролетариями, чем крестьянством. Немецкий историк Ф. Альтгейм видел корень заблуждений Ростовцева в том, что он неправильно понимал Октябрьскую революцию, строя по ней схему гибели Рима, ибо целью этого переворота была индустриализация, не совместимая с враждой к городской культуре. Главную роль в гибели Римской империи, согласно Альтгейму, сыграл варварский мир, ибо для борьбы с варварами, обладавшими могущественным оружием — конницей, Риму пришлось направить все силы и войти в состояние гибельного кризиса.

Довоенная советская историография античности в объяснении причин гибели Западной Римской империи вынуждена была исходить из примитивного тезиса Сталина о «революции рабов, опрокинувшей рабовладельческий Рим». Поскольку в источниках ничто не говорило о подобной революции, видный советский историк С. И. Ковалев предложил рассматривать «революцию рабов» как многовековой процесс. Согласно концепции Ковалева процесс этот был начат великими восстаниями рабов в Сицилии и восстанием Спартака, временно приостановлен на два столетия стабилизацией эпохи Флавиев и Антонинов, а затем вновь разгорелся и вовлек в борьбу против рабовладельцев союзные рабам угнетенные массы крестьянства. Выступая против «модернизма» М. И. Ростовцева, С. И. Ковалев и его последователи были модернистами иного толка, навязывая не подтверждаемую фактами марксистскую схему социальной революции.

В вышедших еще до войны «Очерках по истории древнего Рима» В. С. Сергеева (1940 г.) на первый план в объяснении судеб Римской империи выдвигается феодализация римского общества. В 1947 г. Ковалев отказывается от своей схемы перманентной революции рабов и дальнейшие дискуссии в отечественной науке пошли по пути анализа форм собственности на землю в Римской империи и борьбы между социальными слоями и классами, связанными с этими формами собственности. Крупные земельные собственники стремились к независимости от городов и от государства. Колоны выступали и против крупных собственников и против государства, подчас оказываясь в одном лагере с «передовым классом, феодализирующей знатью». Эту концепцию, предложенную Е. М. Штаерман, можно считать в какой-то мере развитием и углублением взглядов М. И. Ростовцева, работы которого в то время были объектом острой критики. В отличие от Ростовцева Штаерман подерживала концепцию общественных формаций.

Крушение коммунистического режима имело одним из своих результатов реабилитацию научных заслуг М. И. Ростовцева, посмертно вернувшегося на свою родину в ореоле мировой славы. Главным же было то, что стала ясна надуманность схемы общественных формаций, особенно в той форме, которую ей придали Ленин и Сталин. Термин «капитализм» применительно к общественным отношениям древности перестал пугать российских историков, тем более что «капитализм» Ростовцевым не понимался как аналог современного.

Главное внимание стало уделяться политическому и правовому развитию римской империи, и последняя стала рассматриваться как уникальный организм, развивающийся по собственным законам и не связанный с процессами феодализации.

КУЛЬТУРНЫЙ ФОН УХОДЯЩЕГО МИРА

Безупречным мерилom состояния общества всегда была и остается образованность. О глубочайшем упадке можно судить, даже не вникая в сферу экономических отношений и системы администрации. Достаточно побеседовать с людьми высокого общественного положения, узнать, чем они интересуются, что читают, заглянуть в библиотеки, и можно предсказать, не будучи пророком, что ожидает общество в недалеком будущем. Применительно ко второй половине IV в. такими наблюдениями поделился, побывав в Риме, Аммиан Марцеллин.

«Даже те немногие дома, которые в прежние времена славились серьезным вниманием к наукам, теперь погружены в забавы позорной праздности, и в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо риторы — мастера потешных дел. Библиотеки заперты навек, как гробницы, зато сооружаются водяные органы, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актерского снаряжения».

Латинская поэзия. Упадок образованности, ослабление интереса к реальным событиям и движению живой жизни, связанное не в последнюю очередь с распространением христианских проповедей, не могли не сказаться на состоянии светской, иными словами, языческой, литературы. Но поэзия не исчезла, развиваясь в традиционных жанрах поэмы, эпиграммы, басни. По инерции разрабатывались мифологические темы. Так же, как и на заре римской литературы, среди поэтов было мало коренных римлян.

Галл Децим Авсоний (310—393) был духовно связан с уходящим миром профессией школьного учителя. Она доставила ему в родном городе Бурдигале (Бордо) почет и открыла двери императорского дворца: он стал воспитателем наследника и вскоре продвинулся по службе вплоть до самых высших должностей. Авсоний уложил в стихи всю свою родословную, все перипетии своей официальной и повседневной жизни, заслуги своих коллег по школе в Бурдигале, достоинства своей рабыни и любовницы германского происхождения, отдал дань христианской обрядности (души его христианство, скорее всего, глубоко не затронуло). Тем же, чем для Горация был быстрый Ауфид, для Авсония стала Мозелла (совр. Мозель), вьющаяся между холмами, засаженными виноградниками. В небольшой поэме, посвященной этому притоку Рейна, ощущается привязанность поэта к родной Галлии. Однако поэма перегружена малозначащими деталями, такими, как перечисление пород рыб и способов их ловли. В ряде своих произведений Авсоний отдал дань версификации, жонглированию словами. Сохранились его «центоны», составленные из набран-

ных полустихий Вергилия, «стихотворения» из односложных слов, обозначающих имена богов, кушанья, части тела.

У грека из Египта Клавдия Клавдиана явно был поэтический талант, но он его растратил на панегирики императорам и временщикам при императорском дворе. Представляет интерес как своего рода исторический источник восхваление Стилихона, которого поэт ставит выше всех героев древнего Рима. Творил Клавдиан и в жанре инвектив, обрушивая на придворных восточного и западного дворов колкости, а подчас и непристойности. Не лишена дарования дошедшая до нас мифологическая поэма Клавдиана «Похищение Прозерпины», где проводится мысль, что потеря свободы приводит страну к запустению и гибели. Эта поэма, как и другие произведения Клавдиана, открыто враждебна христианству.

В начале V в. жил баснописец Авиан, следовавший в своем творчестве древней традиции. Сохранившиеся 42 его басни продолжают древнюю традицию, представляя собой обработку басен Бабрия, писавшего на греческом языке в подражание Эзопу. Однако в изложении Авиана эти басни, написанные в элегическом размере и насыщенные величавыми вергилианскими оборотами, теряют первоначальную живость, а язык грешит варваризмами. Это не помешало большой популярности Авиана на протяжении всего средневековья.

Клавдий Нумациан, так же как Авсоний и Клавдиан, был галлом, но жил он в более суровые времена великого переселения народов. Переживания, связанные с захватом Рима Аларихом, отражены в поэме «О возвращении». Прощаясь с Римом, в котором он занимал должность префекта, поэт оживляет в памяти картины былого величия города, склонившего перед варварами «свою златую главу». Несмотря на все павшие на Рим беды, он видится ему вечной и непоколебимой твердыней, чья слава так же непреходяща, как сияние солнца. Несчастья Рима Нумациан связывает с ненавистными ему христианами и иудеями.

Грамматики и комментаторы. Хранителями традиций римской литературы и латинского языка были *грамматики* и *комментаторы*. Элий Донат создал систематический курс латинской грамматики, остававшийся учебником и в средние века. Имя его стало нарицательным, и словом «донат» стали обозначать грамматику вообще. В комментариях Доната к Теренцию отражено господствовавшее в античности мнение о комедии как подражании жизни. Объясняя комедии, он характеризует драматические приемы римского комедиографа, его зависимость от новой греческой комедии, старается раскрыть психологию персонажей и выявить способы, с помощью которых достигается комический эффект.

В конце IV—начале V в. Сервий Гонорат создал для образованной публики детальнейший комментарий к поэмам Вергилия, подводящий итог многовековой истории толкования творчества великого мантуанца. Комментатор не только выявляет мифологическую традицию, использованную Вергилием, но показывает связь его поэм с воззрениями философов различных школ и направлений. Интересны попытки раскрыть в поэмах Вергилия намеки на современные поэту события.

Комментарии классических текстов Вергилия даются Сервием с позиций религиозных учений его времени. Духи далекой италийской старины, покровительствовавшие Энею и его спутникам, приобретают облик космических божеств, заполняющих пространство между Землей и Луной и наделенных способностью переселяться из одного тела в другое. Таким образом, герой, действовавший, согласно Вергилию, во времена рождения Рима, оказывается в соответствии с комментариями Сервия в ситуации эпохи гибели империи.

Такая же модернизация классических образов свойственна Макробию, автору загадочного сочинения «Сатурналии» в форме застольной беседы, жанра, созданного Платоном. Вергилий предстает в «Сатурналиях» в облике пророка, постигшего тайны бытия, волшебника и мага. В другом сочинении Макробия, являющемся комментарием на заключительную часть трактата Цицерона «О государстве», тема сна Сципиона Эмилиана раскрывается в духе неоплатонизма как возвращение души в космос, обустроенный в свете учения Плотина и Порфирия. Светила, к которым приближается душа разрушителя Карфагена, не обжигают его солнечным жаром, а впускают в глубины мирового духа.

Поздняя греческая литература. Эпоха домината небогата именами греческих поэтов и поэтическими открытиями. Характерная черта позднегреческой поэзии — отсутствие широких общественных интересов, живых откликов на современные события. Она обращена к мифологическому прошлому.

Квинт Смирнский (IV в.), автор большой поэмы «После Гомера» поэтически разработал эпизоды греческих мифов, заполняющих лагуну между «Илиадой» и «Одиссеей», — прибытие Мемнона, гибель Ахилла, погребальные игры в его память, сооружение деревянного коня и пр. Следуя за Гомером в строении стиха и в системе образов, Квинт отразил представления своего времени о богах и судьбах людей. Герои гомеровского времени в описании Квинта идеализированы, лишены каких-либо слабостей и пороков. Квинт обнаруживает знакомство с географией и древнейшей историей своей родины — западной части Малой Азии.

Нонн из египетского города Панополя (V в.) создал огромную эпическую поэму «О Дионисе». На известные из классической и эллинистической литературы эпизоды странствий Диониса в далекую Индию и его триумфального возвращения в Аттику наслаивались и мистические мотивы, и пересказы устных преданий восточного происхождения о Дионисе и богах его круга. Странно то, что наряду с этой поэмой, которую можно назвать апологией язычества, Нонн, очевидно, в конце жизни также переложил в стихах одно из евангелий.

Либаний. Поздняя греческая ораторская проза представлена в языческой традиции Либанием и Фемистием. Антиохиец **Либаний** (314—393) прошел обучение в Афинах. Перебравшись в Малую Азию, он переезжал там из города в город, обучая молодежь риторике. Достигнув необычайной известности, он вынужден был покинуть Константинополь по приказу Констанция, усмотревшего в его деятельности угрозу христианской вере.

О жизни Либания можно судить по его обширной автобиографии, не имеющей аналогов в античной литературе. Это не только рассказ о случившемся и пережитом, но осмысление собственной жизненной позиции, объяснение уроков, извлеченных из сменявшихся друг друга удач и неудач. Человек эпохи крушения Империи встает из этого труда во всей своей реальности и психологической глубине.

Многочисленные речи Либания и его так называемые декламации, посвященные вымышленным событиям, — это зеркало эпохи и деятельности ее выдающихся людей, прежде всего императора Юлиана, бывшего не только учеником Либания, но и его близким другом. Тысяча дошедших до нас писем Либания охватывает не всю его жизнь, а два ее периода 355—363 и 388—393 гг.

Всю свою жизнь Либаний отдал служению античной культуре и ее гуманистическим ценностям, защищая их от христианства, узурпировавшего в лице поддерживавших его императоров все пространство политики. Не раз эта позиция ставила Либания на край пропасти. Из «Автобиографии» известно, что император Иовиан решил покончить с непримиримым язычником. Его остановила только слава Либания. Кто-то напомнил императору, что, будучи мертвым, Либаний будет ему страшнее, чем живой, силою своих речей.

Фемистий. Современник Либания Фемистий (315—386), по его собственным словам, был родом «с крайних пределов Понта, возле Фасиса», т. е. из Колхиды. Будучи язычником, он тем не менее не входил в число приверженцев Юлиана и не испытывал вражды к христианству. Это обеспечило ему возможность нахо-

даться при императорском дворе, занимать государственные должности и выступать в качестве советчика императоров. В своих речах Фемистий затрагивает проблемы природы власти и способа правления, рассуждает об идеальном правителе, о войне и мире, о пользе философии и о недостатках системы греческого воспитания. Стиль речей его архаичен. Им чужда вычурность, присущая речам Либания.

Бревиарии. На протяжении по крайней мере трех столетий латиноязычная историография неуклонно деградировала. Лишь на греческом языке появлялись сколько-нибудь значительные труды. На латинском же после Тацита выходили лишь краткие исторические конспекты, так называемые *компендии*. В сочинении Евтропия римская история от Ромула до Валента изложена в десяти очень кратких книгах. История римской империи для Евтропия — это история императоров, которым он дает оценку в зависимости от результатов их правления. Осуждаются не только деспоты, но и правители, для которых управление государством было побочным делом: таковы Марк Аврелий и Юлиан. В средние века простота и лаконичность стиля обеспечили Евтропию популярность, какой не пользовался ни один серьезный историк древности.

Краткость, господствующая тенденция в развитии римского историописания, достигла к IV в. высшей точки, найдя выражение не только в содержании исторических трудов, но и в их заглавии. При том же императоре Валенте, по поручению которого творил Евтропий, появляется книжица под названием «Бревиарий» («Сокращение»). Ее составитель, некий Фест, получив предписание императора составить краткий текст, в обращении к «его вечности» хвалится, что добился краткости даже большей, чем ему повелевалось, и вместил все события от Ромула до его дней всего лишь в тридцать глав. Сочинения другого чиновника, Секста Аврелия Виктора («О цезарях», «Происхождение римского народа», «О знаменитых людях»), по сравнению с бревиарием Феста могут показаться шедеврами. Опуская предложенную в свое время Флором сложную схему периодов возвышения и упадка Рима, Аврелий Виктор считал время от Ромула до Септимия Севера — эпохой непрерывного роста римского могущества, от Септимия же Севера до Александра Севера — балансированием на краю пропасти, а затем — погружением в нее. Причиной этого бедствия «сократитель» видит в политике императоров, стремящихся к власти вместо того, чтобы обращать оружие против внешних врагов, а также в неприобщенности правителей к образованности и культуре.

Компиляции. Компиляция завоевывает не только поле истории; она захватывает и сферу военного дела. Так, при Феодосии I, Флавий **Вегеций** Ренат, основываясь на сочинениях Катона Старшего, Цельса, Фронтин и распоряжениях императоров, составил «Краткий очерк военного дела» в четырех книгах, систематически изложив все, относящееся к набору войск, их обучению, созданию подразделений, военной дисциплине, стратегии.

В том же веке Палладий объединил в четырнадцать книг сведения о сельском хозяйстве, содержащиеся в трудах Катона, Варрона, Колумеллы и других авторитетов в этой области. Такой же компиляцией в сфере филологии является невразумительный труд уроженца Африки Марциана Капеллы «О свадьбе Филологии и Меркурия». Курс семи школьных наук — грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки и астрономии — излагается на фоне брачной церемонии. Не для того ли, чтобы скрасить их усвоение позднеримским школярам-Митрофанушкам? И эта мешанина стала в средние века самым популярным учебником.

«Сочинители истории августов». Отсутствие авторской индивидуальности характерно и для сборника кратких биографий римских императоров от Адриана до Нумериана, появившихся во второй половине IV в. И хотя указаны составители этих биографий (Спартиан, Капитолин, Лампридий, Поллион и Вописк), существует мнение, что создал биографии какой-то сочинитель, решивший скрыть свое имя за вымышленными именами пятерых. И несмотря на то, что против этого мнения возражают, полагая, что сочинителей все же было пять, с тем, что они писали совершенно одинаково, как один, никто не спорит.

Образцом для этого труда послужили «Жизнеописания двенадцати цезарей» Светония, как известно, пользовавшегося не только слухами, но и архивными данными. Сочинители также порой приводят выдержки из документов, но в большинстве своем это фальшивки. Имеются также ссылки на писателей, никогда не существовавших, вымышленные родословные, придуманные имена. При этом в угоду занимательности искажена последовательность исторических событий. Обычны анахронизмы. Например, в рассказ о II—III вв. введены реалии IV в. Именно они и дают возможность определить время создания этого жалкого и безответственного сочинения.

Аммиан Марцеллин. Над всеми «сократителями» и «сочинителями», как скала, возвышается **Аммиан Марцеллин**, грек из Антиохии, занимавшийся в юности науками в своем родном городе, где он приобрел влиятельных покровителей и друзей, среди кото-

рых были знаменитые ораторы, его сограждане Либаний и Иоанн Хрисостом. После завершения начатой в девятнадцатилетнем возрасте долгой военной карьеры, обеспечившей ему доступ и во дворец, в 378 г. Аммиан Марцеллин оседает в Риме, где создает обширный исторический труд на латинском языке, названный им «Деяния». Начав изложение римской истории с 96 г., на котором завершил свое повествование Тацит, антиохиец как бы подчеркивает преемственную связь своего произведения с великой исторической эпопеей предшественника. Последние книги «Деяний», полностью до нас дошедшие, посвящены событиям, участием которых был сам Аммиан, находясь в римской армии, в том числе и под началом императора Юлиана, горячим приверженцем которого он стал.

Если великие историки прошлого, создавая свои полотна, могли рассчитывать если не на славу, то хотя бы на прочтение их трудов современниками, Аммиан творил в эпоху полного упадка образованности, когда, по его собственным словам, даже римская знать не читала ничего, кроме Ювенала и анекдотов, собранных Валерием Максимом. Тем более удивителен подвиг историка, замыслившего продолжить великий труд Тацита. Ответ на вопрос о причинах, побудивших «грека и солдата», как он себя называет, взяться за каламос, — в самом содержании его труда, пронизанном острым чувством римского патриотизма. Само слово «Рим» вызывает у историка, пережившего битву при Адрианополе и ставшего свидетелем распада римской государственности, гордость и восхищение. Он называет Рим «главою мира», «храмом мира», «сокровенным местом империи и всех доблестей». Во многих описаниях войн и в речах, даже вкладываемых в уста далеко не симпатичных ему императоров, звучит уверенность, что защита границ империи, виновниками нарушения которых являются варвары, — благородное дело и что единственное, к чему стремится в своих войнах Рим, — это справедливый мир.

Обладавший огромной эрудицией, видной по бесконечным ссылкам на произведения греческих и римских историков, философов, поэтов и обращению к ряду естественнонаучных сюжетов, эрудицией, трудно сопоставимой с представлением о человеке, отдавшем большую часть жизни военной службе, Аммиан Марцеллин постоянно обращается к историческим сюжетам прошлого, сравнивая ситуации далеких времен с современными событиями. В одних случаях он делает это для того, чтобы подчеркнуть связь современной ему римской истории с историей былого римского величия, в других, возможно, затем, чтобы сохранить у читателя надежду на возрождение государства, которое и в прошлом переживало великие бедствия, но каждый раз возрождалось.

Но все же в обращении к примерам из далекой истории проявляется безнадежный пессимизм человека, утешающего себя воспоминаниями о невозвратном прошлом.

С полной ясностью и горечью видит Аммиан признаки разложения римского государства и общества сверху донизу. Ни в аристократии, погрязшей в разврате и расточительности, пресмыкающейся перед силой и властью, ни в низах, этой толпе, «всю свою жизнь проводящей в вертепах, увеселениях и зрелищах» и сделавшей цирк своим «и храмом, и домом, и местом сборищ, и наивысшей целью стремлений», и к тому же ревущей «отвратно и бессмысленно, что надо выгнать из города всех чужаков», ни в армии, пороки которой историк знал не понаслышке, не видит он людей, кроме рано погибшего Юлиана, которые могли бы стать примером древней римской доблести и способствовать оздоровлению общества.

Аполлинарий Сидоний. Упадок историографии, которую римляне устами Цицерона нарекли «наставницей жизни» (одинокая фигура Аммиана Марцеллина только подчеркивает плачевное состояние этого жанра) не должен создавать впечатление, будто для понимания времени гибели Западной империи нет достаточно полной и надежной информации. Сотню историков, подобных Аврелию Виктору или Евнапию, может заменить один Аполлинарий Сидоний (430—485). Уроженец южной, самой цивилизованной части Галлии, он был захвачен водоворотом событий и вынесен в Рим. Благодаря его панегирикам, не лишенным присущей этим произведениям лести, мы знаем «императоров на час» и их окружение в лицо. Но более всего в произведениях Сидония оживает Галлия времени вторжения варварских орд. Лишенная защиты римских легионов и часто используемая римскими императорами как разменная монета в их торге с варварскими вождями, Галлия в лице своей элиты, крупных землевладельцев, сохранила верность римской государственности и культуре. Поместья, защищенные мощными укреплениями, стали последними цитаделями империи и одновременно первыми феодальными замками. Переписка, которую вел Сидоний со своими друзьями, переживавшими, как и он, одиночество, отчаяние, но не лишенными надежды, — источник, раскрывающий жизнь римской Галлии в мельчайших подробностях: например, устройство вилл с их спальнями, портиками, термами, мастерскими, библиотеками, домашними музеями, с их персоналом среди которого имелись и гонцы, которым доверялось доставлять письма соседям и приносить их послания. Описание библиотек настолько детально, что мы знаем не только устройство их залов, но и кресел для читателей и читательниц (последним рекомендовались книги духовного содержания).

И, конечно же, из писем, речей, из стихов Сидония (он был и поэтом) встает прежде всего он сам — просвещенный и словоохотливый, по-язычески наслаждающийся всеми благами жизни, но не забывающий о христианских постах, эрудит, которому в равной мере знакомы и дороги и творения времени Августа, и сочинения отцов церкви, вельможа, возвысившийся благодаря браку с дочерью одного из императоров, и епископ. Менее всего Сидоний занимается морализаторством; наставлять в его время — это все равно, что учить плаванью выброшенных за борт корабля. В вихре сменяющихся друг друга бурных и необратимых перемен люди оставались наедине с собой и давали отчет лишь собственной совести. Наблюдая с крепостной стены за страшными картинами опустошения и крушения всего того, что недавно казалось незыблемым и вечным, важно было сохранить силу духа и не предаваться отчаянию.

Плотин. Кризис общества и государства принес жителям империи непрерывно нарастающее ощущение вселенской катастрофы. Разрушалась не только империя — распадался реальный мир каждого человека, его жизнь находилась в постоянной опасности вне зависимости от социального положения и имущественного состояния. Борясь в материальной сфере за выживание, в сфере духовной он жаждал стабильности, которую не мог обрести. Обветшали старые моральные и гражданские ценности. Разрушалась вера во вселенское предназначение Рима. Рухнули старые традиции. Древние боги уже не хранили человека и его домашний очаг. Низам стал чужд не только официальный императорский культ, вызывавший либо раздражение, либо равнодушие. Они отвернулись и от полисных богов. Это было концом античного мироощущения, римского религиозного чувства. Суеверия приняли масштабы, угрожавшее нормальному существованию людей.

Грубые суеверия отталкивали интеллектуальную элиту, которая попыталась создать свою философскую религию. Ею стал *неоплатонизм*, бывший не просто обновленной философией Платона, как можно заключить из названия, но творческим переосмыслением различных направлений античной мысли — платонизма, учения Аристотеля, стоицизма и пифагорейства.

Основателем платонизма был **Плотин** (205 — 270), грек из египетского городка Ликополя. Обратившись к философии в возрасте двадцати восьми лет, он обучался одиннадцать лет у философа-мистика Аморния в Александрии. В 242—248 гг. он участвовал в неудачном походе Гордиана против Персии, после чего в сорокалетнем возрасте поселился в Риме, где, пользуясь покровительством императора Деция, основал философскую школу. Среди его уче-

ников были и коренные римляне, и греки, и выходцы из восточных провинций. Содержание своих лекций Плотин развил в трактатах, которые после смерти учителя изложил его ученик Порфирий в девяти книгах.

Исходным понятием в системе взглядов Плотина было Единое, некое высшее духовное начало, из которого проистекает все. Единое не ограничивается бытием — оно ему предшествует. Оно не нуждается в мысли, хотя и является мыслью, но мыслью, обращенной к самому себе. Оно — благо, но благо для самого себя. Происхождение мира объясняется с помощью понятий Ум и Душа. Уму доступно созерцание Единого и движение. Постоянно взаимодействуя с Единым, он производит множество умов, или идей, хотя так же, как Единое, обращен только на самого себя. Примыкающая к Единому и к Уму Душа воспринимается как посредница с чувственным миром и родоначальница всех душ. Рассматривая Единое, Ум, Душу как переливающиеся сосуды, Плотин подходит к Материи, как к некоему небытию, не имеющему ни телесного содержания, ни форм, но столь же вечному, как Единое, но лишенному красоты и блага. Она — родоначальница зла. Борьба Блага и Добра со злом предопределена существованием Материи.

Порождением материи являются небесные тела. Наихудшее из них — земля, поскольку она воплощенная материя. Звезды же и планеты состоят из особой стихии — эфира и находятся в самом совершенном круговом движении. Небесные светила — это видимые боги. Помимо их существуют демоны, средние создания между богами и человеческими душами.

Нередко в философии, равно как и в литературе и искусстве, ищут прямое или косвенное отражение исторической реальности. Но учение Плотина с его представлениями об абсолюте, истечением которого представлен весь духовный и материальный мир, менее всего согласуется с полным распадом общества и государственности в III в. и поэтому неоплатонизм правильнее рассматривать как реакцию на социально-экономический и политический крах и как своего рода предвидение того политического абсолюта, каким станет доминат.

Не было случайным то, что взгляды Плотина окончательно сформировались и были высказаны в Риме и что он пользовался поддержкой императорской власти до тех пор, пока у него не возникла идея основать на месте какого-нибудь из разрушенных городов Кампании город философов Платонполь. Идея такого государства философов была чужда римской империи в такой же мере, как в свое время сиракузской тирании. Вместе с тем эта идея сближает ее создателя с христианскими теологами, противопоставлявшими государство дьяволу государству божьему.

Христианство и неоплатонизм были в равной мере пронизаны мистикой, но Плотин не пытался обратить в свою веру массы. Его философия была рассчитана на избранных. Плотин завершает цикл философии. Он был последним крупным философом древности, переведшим все ее достижения в познании мира на язык мистики. Все зримое, осязаемое у него утратило очертания и вес, став незримым и таинственным, разум вернулся к своим мифологическим и космологическим истокам, к прозрению и экстазу.

Порфирий. Лекции Плотина были записаны его учеником Порфирием (ок. 233—ок. 300 г.) и названы «Эннеады» («Девятки»). Порфирий прокомментировал учение Плотина и расширил некоторые его постулаты. Многочисленные сочинения самого Порфирия свидетельствуют об изменении характера неоплатонизма, отражающего полную утрату обществом каких бы то ни было иллюзий. Присущий учению Плотина призыв к самоуглублению сменяется у Порфирия проповедью отхода от мира в буквальном смысле этого слова. Согласно Порфирию, мудрец не может оставаться таковым, находясь среди толпы, он не должен принимать участия в жизненной суете и обязан удалиться в пустыню. Идеал Порфирия — замкнутые общины типа индийских лесных сект и пифагорейцев. Порфирия как философа особенно увлекали проблемы логики — его «Введение» в «Категории» Аристотеля стало главным учебником философии.

Ямблих. Неоплатонизм все более и более удалялся от рационального знания. И это отчетливо проявилось в творчестве сирийца Ямблиха (ок. 280—330), ученика Порфирия. Не лишенный литературного таланта, он гипертрофировал в учении Плотина и Порфирия мистические элементы и не просто провозгласил реальность демонов и ангелов, населяющих околоземное пространство, но и сформулировал положения теургии, некоей дисциплины, соединившей жреческую языческую практику с умозрительным мышлением. В отличие от теологии с ее учением о сверхъестественном мире, основанном на религиозных текстах, теургия мыслилась как «наука», направленная на подчинение демонического мира с помощью жертв и заклинаний. В трактате «Об египетских мистериях» в форме послания от египетского жреца Ямблих изложил «истинное знание» о богах, вдохновителем которого Гермес, «превосходящий даже первого бога и царя». Жрец, рисуемый знатоком древнеегипетской мудрости и иероглифических писем храмов Саиса, оказывается проповедником герметической мистики, распространенной в иудео-

эллинистической среде в I—III вв. Такова эта краткая энциклопедия магии, к которой во всех своих компонентах восходит европейское розенкрейцерство и масонство.

Так же, как Порфирий, Ямблих написал «Жизнеописание Пифагора», в котором последний действует не только в Самосе и Кротоне, но и в Сирии, на родине Ямблиха, в хорошо знакомых ему местах, так что может создаться впечатление, что Ямблих — прямой его наследник.

Ямблих воспринял от Порфирия учение о злых демонах, наполняющих воздушное пространство и оказывающих влияние на мысли человека, однако в отличие от учителя считал возможным магическими средствами оказывать воздействие на демонов, подчиняя их своей воле. Родоначальником оккультизма Ямблих считал Пифагора. Широко используя ранее существовавшую литературу о Пифагоре, он дополнил сочинения предшественников собственными вымыслами и представил основателя эллинской науки кудесником и магом. Помимо этого труда, сохранились математические сочинения Ямблиха, трактат «Об египетских мистериях», «Послание Порфирию». В последнем труде, ссылаясь на некоего египетского жреца, он рассматривает халдейское и египетское религиозные учения, оспаривая взгляды учителя. От главных трудов Ямблиха — «О душе», «О богах», «О халдейских оракулах» — сохранились лишь фрагменты.

Христианская литература. В обстановке идейного кризиса, переживаемого античным миром, наряду с литературой, отстаивавшей традиционные ценности, развивалась христианская литература. Главными ее языками были греческий и латынь, а исходными текстами — греческий перевод еврейской Библии (Септуагинта) и написанные по-гречески произведения Нового Завета. В этом идейном мире, чуждом всему, что выработала античная цивилизация со времени Гомера, вращались умы людей, которые со времени Константина уже не считались «врагами рода человеческого», а напротив, были приближены к власти и обладали общественным авторитетом. И что они могли противопоставить литературе средиземноморского прошлого с ее образностью и мифологией, пронизывающей их родную речь? Став победителями чуждого им мировоззрения, христианские авторы испытывали танталовы муки собственного бессилия. Им не дано было подняться на уровень Гомера, Эхила, Платона, Цицерона, которых они не уставали поносить как язычников.

Об этих метаниях между восторгом перед античной культурой и верой мы лучше всего знаем по произведениям **Иеронима** (347—

420), христианского подвижника, автора первой христианской истории литературы, переводчика еврейской библии на латинский язык с языка оригинала. Вот его признание: «Я, злосчастный, постился, чтобы читать Цицерона. После еженощных молитвенных бодрствований, после рыданий, исторгаемых памятью о грехах из самых недр груди моей, руки мои раскрывали Плавта. Если же, возвращаясь к самому себе, я принуждал себя читать пророков, меня отталкивал необработанный язык. Слепыми своими глазами я не мог видеть свет и винил в этом не глаза, а солнце».

Это ослепление блеском античной литературы, эти метания переживали и другие отцы церкви, и, кажется, именно это было источником того воодушевления, которое обходило стороной языческих поэтов последнего столетия империи.

Современник Иеронима **Амвросий** (334–397), по рождению аристократ, длинной чередой своих предков и собственной деятельностью связанный со служением империи, неожиданно для себя и вопреки своей воле возглавил епископат Медиолана. Используя опыт администратора, он авторитарно руководил церковной общиной, вмешиваясь в политические распри и, считая духовную власть выше светской, вступал с нею в спор. Сочинение Амвросия «Об обязанностях церковнослужителей», написанное под влиянием трактата Цицерона «Об обязанностях», трактует проблемы церкви в духе стоического рационализма. В своих страстных проповедях Амвросий осуждал богатство, утверждая, что все люди обладают равными правами на счастье и жизнь. Амвросий преобразовал церковную службу, придав ей музыкальное оформление. Его простые и суровые гимны контрастировали с цветастой риторикой византийских песнопений.

Под влиянием Амвросия принял христианство **Аврелий Августин** (354–430), чье имя вписано в историю не только церкви, но и мировой культуры. Родившись в нумидийском городе Тагасте в семье городского советника и в истовой ортодоксальной христианки, Августин обучался риторике, а затем и сам ее с блеском преподавал в школах Африки и Медиолане. Под влиянием диалога Цицерона «Гортензий» в 373 г. он приходит к мысли, что счастье можно отыскать лишь в философии. В поисках истины юноша переживает увлечение манихейством и скептицизмом, пока в 386 г. под воздействием Амвросия не приходит к ортодоксальному христианству, принимает крещение и через несколько лет становится священником.

Из множества философских и полемических трудов Августина вырисовывается облик то убежденного сторонника платонизма, то

фанатичного приверженца ортодоксальной церкви и яростного борца с манихейцами, донатистами, пелагианцами и иными «еретиками». Выделяются в творчестве Августина два произведения, в которых выдвинуты важнейшие психологические и историко-теологические проблемы. Это обширный трактат «Исповедь», первая в истории мировой литературы «биография души», определившая этот жанр, в котором в новое время обессмертили себя Жан-Жак Руссо и Лев Толстой. С невиданной глубиной самоанализа Августин прослеживает перекрещивающиеся влияния, на которых, как на волнах, качает душу младенца, а затем и мальчика, обрекая на метания и поиски истины, пока не приводит к спасению. При этом нравственный выбор души в соответствии с теологической концепцией предопределения ставится в зависимость от решения божества.

Другую проблему — динамику человеческой истории — Августин раскрывает в грандиозном труде «О граде Божьем» (*De civitate Dei*). Определяя задачей труда опровержение утверждения язычников, что пережитый Римом разгром 410 г. — результат отказа от веры предков и обращения к христианству, Августин развертывает систему логических доводов в пользу того, что бог не повинен в этом бедствии. Ведь варвары, несмотря на всю свою свирепость, будучи христианами, сохранили во время захвата города жизнь римлянам-христианам, тогда как за всю человеческую историю ни ассирийцы, ни греки, ни римляне, ни какие-либо другие язычники не щадили побежденных, оскверняли и уничтожали их капища. Рассматривая эпизод за эпизодом сначала баснословной, а затем и реальной истории внешних и гражданских войн, Августин подчеркивает, что языческие боги не только не воспрепятствовали кровопролитиям, но и сами были их вдохновителями, ибо по своей природе — это злые духи и демоны. Впрочем, Августину чужд пацифизм. Он трактует заповедь «не убий» в том смысле, что допустимы войны, ведущиеся по божьему велению, и казни, осуществляемые властями за нарушение божественных законов. Исходя из принципов христианской морали, Августин объясняет присущие римлянам бесчисленные пороки, среди них и дьявольскую страсть к власти, воздействием языческой религии, которую считает прибежищем зла, бесстыдства и всяческой мерзости. Гибель римской республики во времена, предшествующие появлению Спасителя, он объясняет падением нравов, а распространение христианской веры толкует как борьбу за беспорочную земную жизнь, дающую право на вечное небесное блаженство. В конечном счете Августин приходит к выводу, что языческие боги за многие столетия римской истории были виновниками бедствий

римского народа, а судьбы Рима с самого его начала находились во власти божьего провидения, а не злых демонов, расположения звезд, фортуны или математических законов, сформулированных Нигидием Фигулом и другими учеными. Таким образом, Августин считает, что бог, возвысивший римское государство, — не противник его империи, хотя римские властители и их подданные долгое время бога не чтили и сомневались в его могуществе. Это дает Августину основание обратиться к римскому народу с призывом о вхождении в лоно церкви. Используя факты истории римской империи и развивавшейся в ее недрах христианской церкви, Августин выделяет два типа общности (*civitas*) — гражданскую, основанную на удовлетворении прихотей плоти, на эгоизме, доходящем до презрения к богу, и духовную, опирающуюся на любовь к богу и стремление к добру. Вторую из общностей Августин не отождествляет с церковью, скованной политическими реалиями и не лишенной изъянов. «Божий град» Августина существует, подобно «Небесному Иерусалиму» ветхозаветных пророков, в эмпириях, между двумя общностями нет видимого рубежа, а их обитатели не догадываются, к какой они принадлежат. Однако земной град — это явным образом Римская империя со всей ее заземленностью и бездуховностью, заложенными двумя ее основателями. Превосходство града божьего Августин доказывает в полемике со знатоками языческой религии, прежде всего с Теренцием Варроном, и благодаря этому мы обладаем значительными отрывками несохранившегося труда отрывками великого римского антиквара.

Иероним, Амвросий, Августин были не просто «отцами церкви». Они заложили основы средневекового и вместе с этим и современного мировоззрения. И к их творениям ныне обращаются люди вне зависимости от религиозных конфессий и входят вместе с ними в атмосферу переломной эпохи с присущим ей раздвоением сознания, отражающего двойственность идеологий, выработанных в длительном и мучительном противоборстве. Это противоборство обогащало христианских писателей эпохи крушения империи, ставя «отцов церкви» на высоту, недостижимую для их средневековых «сыновей», которым были доступны лишь жалкие азы всего того, что было дано пережить, прочувствовать и сохранить для далеких потомков Иерониму, Амвросию и Августину.

РИМ ЦАРЕЙ, КОНСУЛОВ, ИМПЕРАТОРОВ — ПОТЕРЯННЫЙ И ОБРЕТЕННЫЙ

С христианизацией римской империи и ее многочисленными переделами при императоре Константине Рим утратил статус столицы. Его оттеснили на востоке Константинополь, а на западе — Милан и Равенна. И, конечно же, властители новых столиц сделали все, что было в их силах, для украшения своих резиденций римскими «трофеями». И все же когда весьма преуспевший в безнаказанном грабеже низложенной столицы Констанций II, сын Константина, посетил в 357 г. Рим, он был потрясен открывшимся ему зрелищем города, в котором «все возвышалось над всем», грандиозность и совершенство которого могли бы удивить самих богов. И когда он пожелал увидеть себя на таком же коне, на котором посреди своего форума восседал император Траян, один из его приближенных заметил: «Мой император, попытайся сначала воздвигнуть стойло для такого коня».

Подданные империи называли Рим Городом, ибо во всем мире не было ему равного. На протяжении четырех веков он был центром круга земель. В IV—VII вв. некоторые его храмы были превращены в христианские церкви, и это способствовало их сохранению. Так, в начале VII в. Пантеон стал храмом Марии и мучеников, а курия (здание сената на форуме) — церковью св. Адриана. Центр Рима, однако, становился необитаемым. На треть поредевшее от голода и эпидемий население селилось вдоль Тибра. В XI в. появились сотни бастيونов. Используя даровой материал, феодалы использовали их во время междоусобиц или нападений извне как убежище для своих семей и челяди.

В отличие от арабских бедуинов, пасших своих овец близ руин Ниневии и не догадывавшихся, что это столица великой ассирийской империи, средневековые римляне, использовавшие Форум как пастбище, знали, что они обитают в бывшей столице мира, но сведения о ней они черпали не из сохранившихся в монастырях текстов древних авторов, а из легенд, клубившихся, подобно туману, над римскими холмами. В 1140 г. каноник храма св. Петра Бенедикт решил описать красоты Рима. Он объяснял своим прихожанам, что под храмом Весты «дремлет дракон, тот самый, что описан в бытии блаженного Сильвестра». Позднее прибывшему в Рим английскому теологу Григориусу его провожатые рассказывали, что Пантеон в прошлом был обиталищем демонов, Колизей — храмом солнца. О конной статуе Марка Аврелия не было единого мнения — один видели во всаднике бога Квирина, другие — Теодориха Великого, третьи — Константина Великого. Легенды, как правило, не могли повредить древним творениям. Напротив, порой они их спасали от уничтожения: язычников принимали за христианских святых. Страшнее была непрекращающаяся деятельность средневековых строителей, использовавших «дворцы» (так тогда называли руины) как каменоломни, а мраморные статуи — как материал для изготовления известня.

Впрочем, даже в самые темные периоды средневековья память о величии Рима не угасала. На политическом уровне она поддерживалась притязаниями папства и германских императоров на титул наследников империи. В монастырях, чтобы не забыть язык священных книг, переписывались латинские тексты. И находились люди, осуждавшие уничтожение римских памятников. Но их голоса тонули в развалинах опустевшего города.

Во время переселения римских пап в Авиньон (1309–1420) дает о себе знать дух национального возрождения, словно бы питаемый нетронутой историчес-

кой почвой Рима. Молодые люди отыскивают тексты древних авторов и в них открывают для себя и своих современников республиканский Рим. Среди них были два друга — великий поэт Франческо Петрарка (1304—1374) и Кола ди Риенцо (1313 — 1354). Последний проводил в поисках мраморных статуй и надписей целые дни. В 1346 г. он открыл под руинами одной из базилик Латерана бронзовую плиту с текстом надписи императора Веспасиана и, вдохновленный этой находкой, обратился к народу с призывом свергнуть тиранню пап и христианских императоров. Римляне избрали Кола ди Риенцо народным трибуном, но бароны бросили его в тюрьму. Освободившись, он был вновь объявлен народным трибуном и на этот раз проявил себя как жестокий деспот. Вторично схваченный, он был казнен после страшных пыток. Его тело три дня тащили по городу, расплющивали камнями, разрезали и затем, как пишет его биограф, «превратили в пыль, чтобы не осталось от него следа». Но след остался — в умах, и хотя у Кола ди Риенцо не было последователей, желавших возродить республику, идея возрождения Рима и его великой культуры не умирала. И появились многие, кто вслед за Петраркой и Кола ди Риенцо посвятили свою жизнь поискам свидетельств о древнем Риме и их изучению. Искатели рукописей были истинными предшественниками открывателей неведомых материков и островов. И каждая сколь-нибудь значительная находка встречалась тогда с таким же ликованием, с каким изверившиеся в спасении и изголодавшиеся команды каравеллы слышали возглас «Земля!» — ибо античность была для последователей Петрарки землей обетованной, в которой они жили всеми своими помыслами. Так, в то время когда Христофор Колумб открывал Новый Свет, гуманисты открывали Рим и в нем весь античный мир. И уже застучал станок Иоганна Гуттенберга и по этим же, но уже напечатанным текстам древних авторов с историей древности знакомились по всей Италии и по всей Европе.

Анконский купец Кириако объезжал на своей белой лошадке Италию в поисках остатков театров, арок, акведуков, мостов и древних надписей. И мало ему стало Италии — он отправился в захваченную турками Грецию и там в одной из греческих деревень отыскал Дельфы. Обитатели деревни впервые от него услышали это слово. Столетие спустя римлянин Помпоний Лет совершил еще более отдаленное путешествие — к Черному морю, и только для того, чтобы убедить своих римских слушателей, что изгнанник Овидий, описывая нестерпимый холод земли своей ссылкой, был неточен. Этот же Помпоний объединил вокруг себя любителей римской старины и назвал это объединение «Римской академией». «Академики» собирались в заброшенных руинах и катакомбах, где устраивали пиры по римскому образцу. У каждого был свой титул. Помпоний был провозглашен великим понтификом, но поскольку этот титул носил римский папа, «академиков» арестовали, однако вскоре выпустили, и «Академия» продолжила свою работу.

Многих захватило увлечение топографией. В 1551 г. появилась карта Пирра Лигорио, изобразившего Рим с птичьего полета. Все выдающиеся сооружения, покрывавшие римские холмы, были схематически зарисованы, и рисунки снабжены подписями. Такой труд, отражающий знания эпохи Возрождения о Риме, потребовал от Лигорио многих лет жизни.

Кардинал Инноценти д'Эсте поручил Лигорио добыть строительный материал и статуи для своего дворца, указав и место для добычи — виллу Адриана в Тиволи. Выполняя поручение, Лигорио одновременно стал первым исследователем этого комплекса и оставил труд «Описание превосходной и великолепной Виллы Адриана».

Как результат увлечения прошлым Римом возникла страсть к собиранию его памятников. Мраморные статуи теперь уже не пережигали на известь, а соби-

рали, реставрировали и выставляли на видных местах во дворцах светских и духовных лиц или продавали в другие города и страны, где на них появился спрос. В поисках этих ценностей в XV–XVIII вв. разрушили не меньше, чем в эпоху средневековья.

В самом начале XVI в. во время работ близ Колизея было открыто подземное помещение, своды и стены которого украшала живопись. Это была часть «Золотого дома», дворца императора Нерона, воздвигнутого им на золе и пепле знаменитого пожара. Открыватели, не понимая характера сооружения, назвали подземные помещения «гротами». Отсюда пошло название фресок с изображением мифологических сцен — «гротески». Так впервые Рим и античный мир открылись европейцам в красках, и это открытие не осталось незамеченным художниками того времени. Рафаэль украсил в стиле «гротесков» лоджии Ватикана.

Еще более потрясла находка в тех же руинах скульптурной группы, в которой сразу же признали троянского жреца Лаокоона с его сыновьями, произведение, описанное Плинием Старшим как одно из самых выдающихся. Лаокоон был выставлен для обозрения во внутреннем дворе Ватикана Бельведере, где уже находилась другая языческая статуя — Аполлон Бельведерский.

Папа Лев X, при котором были сделаны эти открытия, способствовал развитию моды на собирание антиков, которыми стали украшать свои залы, галереи и парки многие светские и духовные владыки в Италии и за ее пределами. Так появились сотни частных музеев и музейчиков, в пополнении которых участвовала целая армия грабителей и любителей наживы.

В том же XVI в. началось изучение терм. Первым их исследователем был знаменитый итальянский инженер, архитектор, философ Андрео Палладио (1508 — 1580). Он поставил своей целью измерить и зарисовать все, что от них сохранилось, считая, что они представляют наибольший интерес среди памятников античности. Палладио не успел опубликовать подготовленной им книги по архитектуре, но рисунки, оставшиеся после его смерти, были частично изданы, и ими воспользовались последующие исследователи.

В 1530 г. кардинал Александр Фарнезе, будущий папа Павел III, поручил молодому архитектору Сангалло воздвигнуть на Кампо ди Фьоре дворец для своей семьи. Строительство, начатое еще до избрания Фарнезе папой, продолжалось во время его пятнадцатилетнего понтификата. Завершенный племянником папы, этот дворец поражал не столько размерами, сколько огромным количеством античных статуй, украшавших залы и сад. Все это было вывезено из терм Каракаллы, раскапывавшихся на протяжении двух десятилетий. Автор написанной в 1554 г. книги приводит список сокровищ дворца Фарнезе: статуя Геркулеса без головы и рук, колоссальная статуя Гермеса, гермафродит, женская статуя из черного мрамора, бюст Антонина Пия, Флора и многое другое.

Прогресс в изучении памятников древнего Рима зависел от политической и идеологической ситуации каждой эпохи. Осада и взятие Рима в 1527 г. ужесточила позиции пап по отношению к язычеству, и это сказалось как на ходе раскопок, так и на исследовании памятников. Но все же кругозор науки о древности постепенно расширялся. В 1593 г. был открыт «подземный Рим» — лабиринты катакомб с памятниками христианского искусства. В XVII в. были найдены и опубликованы многочисленные надписи, дополнившие сведения древних авторов о разных сторонах жизни римского мира. XVIII в. принес знакомство с двумя древними городами, жертвами извержения Везувия в 79 г. н. э. — Помпеями и Геркуланумом. Они находились на территории Королевства обеих Сицилий, и Неаполь как хранитель сокровищ античного искусства стал соперником Рима.

XVIII в. принес не только увеличение знаний о Греции, но и научное понимание ее искусства. Это прежде всего связано с деятельностью Иоганна Вин-

кельмана (1717—1768). Выходец из немецкой провинциальной среды, он с юности тянулся к античному Риму и еще у себя на родине стал выдающимся знатоком античного искусства. Приняв католицизм, Винкельман оказался в городе своей мечты и, будучи оценен по достоинству высшим духовенством, был допущен к сокровищам папского и частных музеев, побывал во дворце Портичи, где лицезрел памятники только что раскопанного Геркуланума, спускался в этрусские гробницы. Результатом многолетнего изучения Винкельманом античных коллекций в Риме стала его «История искусств древности»

В то время, когда греко-латинская эпоха рассматривалась как некое единство, Винкельман пришел к выводу о существовании оригинальной греческой цивилизации. Огромной заслугой Винкельмана было установление метода точной классификации и исчерпывающей интерпретации памятников, опирающегося на знание истории и быта народов древности. Классическая археология стала благодаря Винкельману на твердую почву. Но созданный им идеал греческого искусства во многом не соответствовал реальности. Винкельман восторгался беломраморными храмами под вечно голубым небом Эллады, тогда как колонны и другие части храмов, как выяснилось в ходе раскопок XIX в., окрашивались. Неправедливым оказалось и отнесение всего римского искусства к периоду подражательства. Винкельман, добившийся членства в этрусской академии Кортоны, упорно не учитывал влияния на Рим этрусского искусства. Но все же, бросив камень в стоячее болото собирательства, он по достоинству занял место отца двух наук — искусствоведения и классической археологии.

В конце XVIII в. по следам Винкельмана Рим посетил юный Гете. И, конечно же, он побывал на Коровьем поле, наблюдая, как коровы пасутся между одинокими, изувеченными, ничего не поддерживающими колоннами и как резвящиеся дети взбегают по никуда не ведущим ступеням. И долго бы оставаться этой площади идиллическим пастбищем, если бы в результате потрясших Францию и весь мир событий к власти не пришел корсиканец Бонапарт, мечтавший о создании новой великой империи с центром в Париже. Еще будучи генералом директории, разгромив австрийцев и итальянцев, он приказал перевезти многие итальянские частные собрания, в том числе знаменитую коллекцию Боргезе, в Париж. 28 июля 1799 г., когда Бонапарт находился в Египте, в Париж прибыли сотни повозок с римской добычей, в числе которой — древние свитки и статуи (среди последних — Аполлон Бельведерский и Лаокоон). Все это было помещено во вновь созданный «Музей Республики». Впоследствии, провозгласив себя императором, Наполеон Бонапарт заставил папу поделить себя и другими сокровищами.

Чтобы поднять свой престиж, Наполеон объявил Рим второй столицей и «свободным имперским городом» и поручил археологам вернуть ему его древний облик. Первой задачей археолога Карло Феа было освободить от земли Форум до уровня его древней вымостки. Она уже находилось от поверхности начала XIX в. на двадцатиметровой глубине. Снятие этой толщи было каторжной работой, причем в прямом смысле этого слова, поскольку ее первоначально осуществляли охраняемые стражей каторжники с железным ядром на ногах. Впоследствии пришла счастливая мысль использовать труд нищих и голодных римлян — составили отряды по сто человек, включающие мужчин, женщин и детей, и повели их на штурм исторического центра древнего Рима.

Римский Форум еще не был очищен от завалов, когда возник план освобождения колонны Траяна, осажденной с юга монастырем Блаженной Ефимии, с запада — монастырем Св. Духа, а с севера — двумя церквями. В том же 1812 году, когда полчища Наполеона двигались на Россию, начался снос этих монастырей и церквей с одновременным углублением к основанию колонны. Вы-

свободилась также средняя часть базилики Траяна с основаниями мраморных колонн и портики древней библиотеки.

Римляне хоронили покойников за городской стеной, вдоль расходящихся в разные стороны мощеных дорог. Самой древней, длинной и знаменитой была Аппиева дорога, первый отрезок которой до побежденной соперницы Рима Капуи был сооружен в 312 г. до н. э. Затем дорога была доведена до Брундизия, порта на Ионийском море. Вдоль нее и раньше долго и беспорядочно копали грабители — для них «царица дорог», как ее называли римляне, была дорогой наживы. В середине XIX в. стало ясно, что дорога — такой же археологический комплекс, как Форум или вилла Адриана. Систематическое исследование ее было поручено Луиджи Канино. Раскопки велись на протяжении трех лет, сопровождаясь реставрацией полотна дороги и тщательной фиксацией всех находок. На протяжении первых шестнадцати километров дороги было выявлено до 30 000 гробниц — от земляных курганов, насыпанных еще над телами сразивших друг друга Горациев и Куриациев, до гробниц византийской эпохи. Какое же замечательное разнообразие форм откроется тому, кто даст себе труд перелистать таблицы Канино с рисунками гробниц и их планами! И еще не рассмотрев альбом до конца, он даст Аппиевой дороге еще одно название — дорога истории, ибо в погребальных сооружениях оживает для нас тысячелетняя история древнеримской культуры во всем разнообразии ее художественных поисков и в страстной жажде преодолеть безразличие смерти.

Со второй половины XIX в. постепенно начало уходить поколение археологов-любителей. Им на смену постепенно приходили профессионалы, целью которых было не столько пополнение музеев, сколько восстановление древней жизни во всей ее исторической точности и пестроте. Археология становилась наукой, чему способствовало внесение в нее методов критической интерпретации текстов античных авторов и надписей. Немалую роль сыграло завершение процесса объединения Италии (1870 г.). С этого времени исследование римской архитектуры приобретает систематический характер. В 1875 г. по образцу возникших ранее зарубежных археологических институтов был учрежден Итальянский археологический институт.

В конце XIX в. итальянская археология достигла такой степени зрелости, что рискнула, пройдя монументальные сооружения конца республики и империи, углубиться в седую древность Рима — в эпоху царей. Этому погружению она обязана Джакомо Бони.

Профессиональный архитектор, интересовавшийся геологией и строительной техникой, он в отличие от своих коллег не поручал «черную работу» ассистентам, а сам, вооружившись скребком и кистью, копал и производил расчистку памятников. Он был энтузиастом «практической» археологии и ставил своей целью реконструировать отдаленное прошлое Рима, используя для этого показания всех наук. Он был первым, применившим на широком материале стратиграфический (послойный) метод раскопок, позволявший установить хронологию каждой находки на основания залегания ее в том или ином слое.

Из античных авторов было известно, что между курией и храмом Антонина и Фаустины находилась гробница то ли Ромула, то ли его приемного отца Фаустула, то ли третьего царя Рима Туллы Гостилия. В августе 1898 г., очертив границы раскопа, Бони пошел в глубину. Один слой сменялся другим. Наконец, лопата натолкнулась на что-то твердое. Это оказалось сооружение (впоследствии его определили как алтарь), частью которого был камень с надписью на архаической латыни. Бросились в глаза слово «царь» и фраза, которая могла бы напугать робкого: тот, кто повредит это место, будет посвящен подземным богам. Открытие Бони стало сенсацией.

Помимо полностью вскрытого Форума, раскопки захватывают Палатин и Эсквилин. Археологическое исследование предполагает теперь также и выявление различных строительных периодов. Так, изучение кладки стены, окружавшей арену Колизея для защиты от зверей, показало, что подземные субструктуры арены (помещения для гладиаторов и днких зверей) появились, после того как амфитеатр принял первых зрителей.

Чудеса архитектуры императорского Рима были во многом порождением политических амбиций императоров, также и в новое время интерес к ним подчас подогревался не научными соображениями, а чувством ущемленной национальной гордости. Величие прошлого возмещало на протяжении нескольких веков в сознании итальянцев потерю единства Италии и ее зависимость от чужеземцев. В 20–30-е гг. уходящего столетия римский императорский миф был взят на вооружение режимом Муссолини, задавшимся целью возродить погребенную империю и ее помпезную культуру. 31 декабря 1921 г. дуче провозгласил пятилетие грандиозной археологической кампании. Расходы на нее существенно превысили социальные статьи бюджета нищей Италии, уступая лишь военным тратам. Начало новой кампании открыл сам Муссолини, запечатленный на одной из фотографий в окружении чернорубашечников с занесенной над головой киркой — в готовности снести наслоения, скрывающие от глаз «золотой век» римской мировой державы.

Апофеозом этой деятельности стало празднование в 1937–1938 гг. двухтысячелетия Августа, который был объявлен отцом фашистского порядка и «мира», основанного на возвращении Италии бывших владений цезарей. К этому времени усилиями археологов был раскопан форум Августа и осуществлены работы по восстановлению августова Алтаря Мира. Его остатки находились под дворцом эпохи Возрождения, художественная ценность которого была гарантией его судьбы. Были прорыты отверстия на пятнадцатиметровую глубину. Залитые бетоном, они приняли на себя тяжесть дворца. Извлеченные из-под его основания плиты фриза и остатки лестницы были перенесены к берегу Тибра. Там Алтарь Мира был заново сложен и защищен с помощью металлического короба от атмосферных воздействий.

На «Августовой выставке римского духа», открытой в сентябре 1937 г., наряду с многочисленными статуями Августа и другими памятниками его времени, были представлены миниатюрные модели амфитеатров, мостов, терм центральной части города. Празднование юбилея было продолжено в 1942 г., по случаю двадцатилетия фашистского режима. Было решено восстановить один из кварталов древнего Рима. Работы, едва начавшись, были оборваны войной и последующим крушением режима Муссолини.

Столь односторонний интерес фашистской археологии к имперскому Риму принес немало ущерба не только средневековым слоям, но и памятникам раннего Рима, которые нередко разрушались. После второй мировой войны с этой односторонностью было покончено.

В 1988 г. га краю форума были обнаружены остатки стены древнего римского кастеля — «квадратного Рима» времен мифического Ромула. Раскопки выявленного еще до войны архаического храма на форуме дали возможность внести ясность в историю превращения Рима из кастеля в город, находившийся под властью этрусских царей.

К счастью, предвоенными раскопками не было затронуто Марсово поле с находившимися там цирком Фламиния, театром, храмами Юпитера, Юноны, Геркулеса. Имеется уверенность, что они будут раскопаны без спешки и пропагандистской шумихи, на уровне современной археологии.

Эпилог

Античность и мы

Перед нашим мысленным взором промелькнули почти полтора тысячелетия античной истории и, как пролог к ней, две тысячи лет истории эгейского мира. И ранее, по мере того как одна за другой возникали сцены античной жизни, страницы истории государства и права, науки, искусства, религии, мы сталкивались с множеством терминов, не нуждающихся в переводах, поскольку они с незапамятных времен стали частью нашей повседневной жизни, с названиями континентов, морей, рек, городов, которые существуют и поныне под этими или несколько измененными названиями. И уже одно это — свидетельство неразрывной связи современного и античного миров. Попытаемся же обобщить вклад античности в нашу жизнь и в наше сознание применительно главным сферам современной ментальности и культуры.

В политико-правовой сфере античность оставила нам в наследство не только терминологию, но и основополагающие политические концепции. Античность знала все, с чем сталкивалась в политической жизни Европа — и общину, и автономный город-государство, и союзы городов-государств (федерации), и империи разных типов. Она испробовала все политические формы — монархию, тиранию, аристократию, демократию, охлократию. Идея справедливого государства будущего не только возникла в античном мире, но и пережила значительную эволюцию. Политические концепции древности, сформулированные Платоном, Аристотелем, Полибием, оказали влияние на политико-правовую мысль нового времени, в частности античные представления о смешанной форме правления легли в основу разработанной в новое время теории разделения властей.

Античность стояла перед теми же проблемами, которые возникают перед нами. Ей были знакомы

борьба партий, гражданская война, политические преследования (изгнания, ссылки в отдаленные местности, уничтожение по заранее составленному списку), политическая пропаганда, использующая все доступные в ту далекую эпоху средства.

Современное общество не в состоянии изобрести в политическом плане что-либо новое. Впереди нас нет «золотого века», также провозглашенного в древности и оказавшегося такой же фикцией, как коммунизм. Но ведь имеются умеренные варианты каждой из политической форм. Неограниченная монархия — такое же зло, как крайняя оголтелая демократия с ее вмешательством в личную жизнь и агрессивностью, так что нам оставлена возможность выбора. Это касается и формы политического сосуществования народов. Империя изжила себя не только в древности, но и в наше время. Однако еще не испробован лишенный какой-либо национальной, религиозной или идеологической окраски союз полисов.

Говоря об античной литературе, нет необходимости извлекать из словарей термины, свидетельствующие об античном происхождении современных литературных жанров и стихотворных размеров. Новым является лишь термин «роман», но сам он возник в древности и представлен множеством произведений. Важен мир идей античной (языческой и христианской) литературы, на протяжении тысячелетий оказывавших влияние на современную литературу. Без этих идей непредставимы ни Данте, ни Петрарка, ни Шекспир, ни французские трагики, ни Гете, ни Байрон, ни Пушкин...

Список имен может быть продолжен до бесконечности, имея в виду, что любой подъем в культурной жизни нового времени был сопряжен с обращением к античности и что влияние античной литературы не оборвется в переживаемую нами эпоху.

Переходя от литературы к истории, мы опять-таки не покидаем античную почву. И не только потому, что «история» — греческое слово. Фиксация событий прошлого восходит к народам древнего Востока, где излагались деяния царей и прославлялись их победы (Вавилония, Египет) или излагалась история отношений бога и избранного им народа (Израиль). Всеми этими записями исторического характера на Востоке занимались жрецы, которые не ставили задачи выяснения истины. Греческое же историописание было светским, и хотя покровительницей истории считалась муза (богиня) Клио, — это лишь художественный образ. Не было какой-либо зависимости между занятием историей и религией. Историки не были жрецами Клио, и уже первые греческие авторы исторических трудов точно сформулировали свою задачу — установление истины. Само греческое слово «история» имеет тот же корень, что русское слово «истец»: изыскание истины. Разумеется, это не говорит об абсолютной объективности древних историков. Ни один из них, в том числе и подлинный ученый афинянин

Фукидид, не мог освободиться от личных пристрастий, от предубежденности по отношению к врагам своего полиса. Правда, Фукидид не искажал факты, а давал окраску тем или иным политическим процессам, опуская те из фактов, которые не вписывались в высказываемые им оценки. Но кто из современных историков, в распоряжении которых более точные методы исследования и более широкий круг источников, согласится бросить в него камень.

Античность создала не только великую литературу, но и научную дисциплину, занимающуюся ее исследованием. Центрами ее стали библиотеки, сначала Афин, Александрии, Пергама, а затем Рима, Карфагена и многих других городов круга земель.

Классическая филология как научная дисциплина обрела вторую жизнь в эпоху Возрождения, когда обитатели европейских городов, возникших на руинах древних культурных центров, осознали себя наследниками античной мудрости и, потянувшись к древнему древу знания, насладились его поначалу запретными плодами. И поскольку именно тогда в Европе заработал печатный станок, рукописные тексты тысячелетней давности впервые стали печатными книгами и разошлись по всему миру, способствуя необычайно расцвету современной науки. Без подвига классической филологии были бы невозможны достижения естественных наук, в которых уже к XVIII в. новый мир превзошел древний. В области гуманитарных знаний античный мир имеет непреходящее значение, и понимания его ценности углубляется, по мере того как в распоряжении науки оказываются все новые и новые памятники (надписи, монеты, папирусы, древние вещи и др.), раскрывающие в текстах многое из того, что ранее было загадкой.

Медицина в древности считалась одним из достижений человеческого гения, и ее появление оценивалось не менее высоко, чем изобретение огня. Греческие мифы прославляли в качестве творца искусства врачевания титана Прометея, научившего людей бороться с болезнями вопреки воле богов. О другом покровителе медицины — Асклепии мифы рассказывают, что он не только лечил больных, но и воскрешал мертвых. Отец богов Зевс не мог допустить подобного вмешательства в установленный им порядок и испепелил Асклепия молнией. Греческие врачи-асклеиады, возводившие себя к его роду, не ставили невыполнимых задач, но они сделали все, чтобы познать человека в его связи с природой и, используя природные средства, добивались высочайших результатов в борьбе с болезнями. Методы, выработанные в ходе развития медицины, оказали влияние на развитие других точных и гуманитарных наук. Древность выработала этические нормы, которые и поныне действуют в принимаемой медиками клятве Гиппократа.

О том, чем обязана античности современная наука, проще всего судить по названию научных дисциплин, за каждой из которых стоят их античные зачинатели: астрономия, ботаника, зоология, метеорология, математика и многие другие. Из того, что в этом перечне опущено, более всего выражает сущность античного вклада в термин «школа». Античность была для современной цивилизации школой, притом такой, уроки которой непреходящи. Обращаясь каждый раз к, казалось бы, античным элементарным учебникам типа созданного Эвклидом, мы, к своему удивлению, обнаруживаем много такого, для понимания чего ранее не досрости. Скольких разочарований, а подчас и трагических ошибок удалось бы избежать, если бы ниспровергатели античности или слишком преданные, но недалекие ее последователи вовремя и были посажены на скамью для второгодников.

Понятие «школа», употребленное нами в широком смысле этого слова, заставляет вспомнить и узкое его значение — учебное учреждение. Система обучения и воспитания, нравственного и физического, была впервые разработана в античном полисе. Она включала начальное, среднее и высшее образование и готовила как честных рядовых граждан, защитников отечества, так и величайших мыслителей. В эпоху Возрождения античные педагогические идеи, воспринятые гуманистами, опрокинули средневековую схоластику и обеспечили подъем знаний, подобного которому не знала ни одна из эпох человеческой истории.

Фундаментом развития специальных научных дисциплин античного мира была философия. Мудрецы имелись и у восточных народов. Но только у греков сложилось теоретическое познание, опирающееся на человеческий разум и обращенное к поискам причин всего существующего и совершающегося в природе и в самом человеке как ее части. Незаметно произошел скачок в интеллектуальном развитии человечества, и рядом с поэтом и провидцем во весь рост поднялся мудрец способный построить мысленную картину мира, не прибегая к помощи богов. Не удивительно, что первые философы были из развитых в экономическом отношении полисов, ибо только в них могла появиться нужда в аристократах ума, обладающих способностью не только здраво оценивать настоящее, но и промышлять будущее. Родившись из социального опыта полиса, античная философия его пережила, сопровождая человечество на всем его историческом пути и являясь неисчерпаемым источником для все новых и новых и теоретических подходов в расширяющейся благодаря успехам науки вселенной.

Пережило античность и искусство, сумевшее разговаривать камни и поведать последующим поколениям о преимуществах полиса и его великих материальных и интеллектуальных победах. Высочай-

шим достижением искусства стал храм, воображаемое место обитания полисных богов, нуждавшихся, как и люди, в жилище.

Греческие храмы были как бы моделью универсума, в котором это божество властвовало и пользовалось почитанием. Именно поэтому он был средоточием все материальных и художественных ценностей гражданского коллектива, соединением лучших достижений развивающихся искусств — архитектуры, скульптуры, живописи, поэзии и музыки. В отличие от восточных храмов, устранивших их посетителей, греческий храм был рассчитан на восприятие свободных граждан, а не подданных, склоняющихся перед величием небесных и земных владык. Греческие храмы не унижали и не подавляли, а объединяли, прославляли и возвышали граждан, развивая в них преклонение перед прекрасным. Это же может быть сказано и о греческом ваянии, создававшем идеальные образы богов и людей.

Античные храмы не были местом культовых действий, и поэтому их декор был рассчитан на взгляд извне, на восприятие всего гражданского коллектива, возлагавшего надежды на всевышних богов. Когда эта вера испарилась, они завещали последующим поколениям ощущение пронизывающей мир гармонии или земной красоты. И это ощущение передается как храмовым комплексом в целом, так и каждой его архитектурной, скульптурной или живописной деталью, и даже небольшой греческий чернофигурный или краснофигурный сосуд — это храм в миниатюре, поражающий совершенством линий и гармоничностью изображений.

Современное искусство началось с ученичества и подражания древнему, с проникновения в тайны его мастерства и художественной выразительности, но на мастеров нового времени, наряду с идеями, связанными с миром полисных богов, оказывали влияние идеи универсальной религии, сформировавшейся в рамках античной цивилизации. Античный мир развивался по законам диалектики, сформулированным античными философами. Христианство было отрицанием античной эстетики, но поскольку оно возникло на античной почве и его адептами стали люди античного круга земель, христианские мифологические образы обрели в новое время античную эстетическую завершенность и художественную силу.

Античный человек ощущал себя игрушкой в руках неведомых могущественных сил и, подражая им, сам проводил игры, победителей которых считал людьми, пользующимися наибольшим благоволением богов, и окружал их почти божескими почестями. Современный мир унаследовал одни из античных игр — Олимпийские. Утратив религиозный характер, они сохранили присущую античности идею мирной состязательности и возможности совершения подвига не на поле боя, а на стадионе — в проверке собственных сил, в схватке с сильнейшими без кровопролития и серьез-

езного риска для жизни и возможности в случае поражения совершенствоваться вновь и вновь. Идея античного агона дополнилась состязанием городов за право стать хоть на короткое время Олимпией.

Европейская, а во многом и мировая, цивилизация не в переносном, а в прямом смысле этого слова, построена на античном фундаменте. Современные крупные города Афины и Рим, Флоренция и Мантуя, Париж и Вена, Кельн и Лондон, Тунис и Алжир и многие другие выросли на греческих, римских, этрусских или карфагенских останках. При аэрофотосъемке обнаруживается, что значительная часть Европы, Малой Азии, Северной Африки испещрена следами античной цивилизации — полукружиями театров, прямоугольниками сакральных и светских строений, змеящимися линиями фортификационных сооружений, прямыми линиями римских дорог, следами разметки полей греческих, этрусских и римских землемеров. Открытие всего этого археологией, может быть, одно из самых увлекательных приключений, какие когда-либо знало человечество. Ныне же достигнуто понимание того, что открывая, мы одновременно уничтожаем, что в тесных объятиях Геи осколки античности сохраняются лучше, чем извлеченные на свет и подвергнутые воздействию современной среды.

Человечество несет на себе античность, как драгоценную раковину, из которой оно вышло. И трудно себе представить, чтобы когда-нибудь с нею пришлось расстаться. И дело здесь не только в прочности самой структуры, постоянно обновляемой и наращиваемой в результате археологических открытий и прочтения новых текстов, но и в том, что античность, благодаря неповторимой соотнесенности понятий «природа» и «культура:» остается непревзойденным идеалом. Ведь земле, морям, рекам, загрязненным и отравленным отходами цивилизации, не вернуть их первоначальной чистоты, не вырастить нам дубов, возвещающих шелестом листьев волю богов, и тополей, плачущих янтарем, не возратить наивной, но действенной веры в нимф и дриад, охраняющих природу от цивилизованных варваров.

IX ПРИЛОЖЕНИЯ*

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

XX — сер. XVIII в.	— время существования на Крите мелких государств с центрами в Кноссе, Фесте, Маллии
Конец III — начало II тысячелетия	— вторжение на Балканы греческих племен ахейцев
XVIII—XI вв.	— бронзовый век в Италии
сер. XVIII—XV вв.	— единое государство с центром в Кноссе на Крите
XV в.	— возникновение первых государств на Балканах
Сер. XV в.	— вторжение на Крит ахейцев
XII—IX вв.	— вторжение северных племен, носителей культуры железного века на Балканы и последующее их проникновение на Крит
ок. 1000 г.	— начало железного века в Северной и Центральной Италии
776	— проведение первых Олимпийских игр
754/53	— традиционная дата основания Рима
754/53—509	— царский период римской истории
ок. 640	— Вторая Мессенская война
640/632	— Килонова смута в Афинах
621	— законы Драконта в Афинах
594	— реформы Солона в Афинах
сер. VI в.	— реформа Сервия Туллия в Риме
560—527	— тирания Писистрата в Афинах
556/55	— эфорат Хилона в Спарте
ок. 550	— создание Пелопоннесского союза
538—522	— тирания Поликрата на Самосе
527—510	— тирания Гиппия и Гиппарха в Афинах
514	— убийство в Афинах Гиппарха
513	— поход Дария на скифов
510	— изгнание Гиппия из Афин
509	— реформы Клизфела в Афинах
509	— изгнание из Рима Тарквиния Надменного, установление республики
500—449	— греко-персидские войны
500—494	— восстание против персов ионийских городов Малой Азии во главе с Милетом

* Раздел составлен Л.С. Ильиной.

- 494 — первая сецессия (удаление на Священную гору) плебеев
- 492 — первый поход персов на Грецию
- 490 — второй поход персов на Грецию. Марафонская битва
- 485 — создание Фемистоклом афинского военного флота
- 480 — Битва в Фермопильском ущелье. Саламинское сражение
- 480 — Битва при Гимере. Разгром греками карфагенян и этрусков
- 479 — победы греков в морской битве при мысе Микале, при мысе Артемисии и в сухопутном сражении при Платеях
- 478 — образование I Афинского морского союза
- 462 — реформы Эфиальта в Афинах
- 451/50 — децемвиры; законы XII таблиц в Риме
- 449 — Каллиев мир, завершивший греко-персидские войны
- 449 — вторая сецессия плебеев
- 449 — закон Валерия и Горация об апелляции
- 445 — закон Канулея о браках. Завершение первого этапа борьбы патрициев и плебеев
- 444—429 — правление Перикла в Афинах
- 438—109 — династия Спартокидов на Боспоре
- 431—404 — Пелопоннесская война между Афинским морским и Пелопоннесским союзами
- 421 — Никиев мир
- 415—413 — сицилийская экспедиция Афин
- 413—404 — второй период Пелопоннесской войны (Декелийская война)
- 411 — олигархический переворот в Афинах
- 406—367 — тирания Дионисия Старшего в Сиракузах
- 406—396 — последняя война Рима с Вейями. Захват и разрушение Вей
- 404—403 — тирания тридцати в Афинах
- 403 — восстановление в Афинах демократии
- 401—400 — участие греческих наемников в борьбе Кира II против Артаксеркса (поход десяти тысяч)
- ок. 400 — закон Эпитадея в Спарте о свободе завещания
- 399—396 — спартанско-персидская война
- 395—387 — Коринфская война антиспартанской коалиции Коринфа, Афин и Фив против Спарты
- 390/387 — галльское нашествие на Рим. Поражение римлян при Алалии. Сожжение Рима. Осада Капитолия
- 387 — Анталкидов (царский) мир
- 379 — демократический переворот в Фивах

- 378 — образование II Афинского союза
- 371 — битва при Левктрах
- 367 — законы Лициния и Секстия в Риме. Получение плебеями доступа к консулату
- 367—344 — тирания Дионисия Младшего в Сиракузах
- 362 — битва при Мантинее
- 359—337 — правление Филиппа II в Македонии
- 357—355 — Союзническая война против Афин
- 355—346 — Священная война
- 356 — получение плебеями доступа к диктатуре
- 352 — вмешательство Филиппа в Священную войну
- 351 — допуск плебеев к цензуре
- 343—341 — Первая Самнитская война
- 340—338 — Латинская война. Подчинение Риму Лация
- 339 — допуск плебеев к цензуре
- 338 — битва при Херонее. Утрата Грецией независимости
- 337 — Коринфский конгресс
- 337 — допуск плебеев к претуре
- 336—323 — правление Александра Македонского
- 335 — разрушение Александром Фив
- 334—324 — восточные походы Александра
- 333 — битва при Иссе
- 332 — осада и взятие Тира
- 332—331 — завоевание Египта
- 332—331 — основание Александрии Египетской
- 330—327 — завоевание Средней Азии. Восстание Спитамена
- 329 — заговор Филоты
- 327—325 — завоевание Западной Индии
- 327—304 — Вторая Самнитская война
- 326 — закон Петелия, отменивший долговое рабство в Риме
- 324—323 — возвращение Александра в Вавилон. Подготовка западного похода
- 323—287 — войны диадохов и эпигонов
- 321 — поражение римлян в Кавдинском ущелье
- 317—307 — тирания философа Деметрия Фалерского в Афинах
- ок. 314 — образование Этолийского союза на Балканах
- 312—289 — тирания Агафокла в Сиракузах
- 312 — цензура Аппия Клавдия в Риме; проведение Аппиевой дороги и сооружение Аппиева водопровода
- 305—30 — династия Птолемеев в Египте
- 305—188 — династия Селевкидов
- 301 — битва при Ипсе
- 300 — допуск плебеев в жреческие коллегии понтификов и авгуров

- 298—290 — Третья Самнитская война
- 289 — закон Гортензия, по которому решения трибунных комиций приобрели силу закона
- 283—168 — династия Антигонидов в Македонии
- 280—275 — война Рима с Тарентом и пришедшим на помощь грекам Пирром
- 280 — победа Пирра при Гераклее
- 279 — битва при Аускуле (Пиррова победа)
- 275 — победа римлян над Пирром при Беневенте
- 267—262 — Хремонидова война греков против Македонии
- 265 — подчинение Римом этрусских Вольсиний, завершающее завоевание Римом Италии
- 264—241 — Первая Пуническая война
- 260 — создание римлянами военного флота. Победа Гая Дуилия над карфагенским флотом при Милах. Экспедиция Регула в Африку
- 256 — разгром римского войска в Африке. Пленение и гибель Регула
- 246—241 — Гамилькар Барка в Сицилии
- 245—241 — реформы царя Агиса IV в Спарте
- 245—213 — Арат во главе Ахейского союза
- 241 — разгром карфагенского флота при Эгатских островах. Завершение войны. Присоединение к Риму Сицилии
- 241—238 — восстание наемников в Карфагене
- 238 — присоединение к Риму Корсики и Сардинии
- 235—221 — реформы царя Клеомена в Спарте
- 229 — Первая Иллирийская война
- 225—222 — завоевание римлянами Цизальпинской Галлии
- 219 — Вторая Иллирийская война
- 219 — осада и взятие Ганнибалом союзного Риму Сагунта
- 218—201 — Вторая Пуническая война
- 218 — переход Ганнибала через Альпы
- 218 — битвы при Тицине и Требии
- 217 — битва при Тразименском озере
- 216 — битва при Каннах
- 215 — союз Ганнибала с Сиракузами и Македонией
- 215—205 — Первая Македонская война
- 213—211 — осада римлянами Сиракуз
- 211 — поход Ганнибала на Рим
- 210—206 — испанская кампания Публия Корнелия Сципиона
- 207 — битва при Метавре. Гибель брата Ганнибала Газдрубала
- 207—192 — тирания Набиса в Спарте
- 204 — высадка Сципиона в Африке
- 202 — разгром Ганнибала при Заме

- 201 — заключение мира с Карфагеном
- 200—197 — Вторая Македонская война
- 197 — битва при Киноскефалах. Разгром Македонии
- 192—188 — война Рима с Антиохом III
- 190 — битва при Магнезии. Разгром Антиоха III
- 171—167 — Третья Македонская война
- 168 — разгром Македонии в битве при Пидне
- 154—139 — восстание против Рима в Лузитании, с 147 г. возглавляемое пастухом Вириатом
- 149—146 — Третья Пуническая война
- 149—148 — восстание в Македонии Андриска, объявившего себя царем Филиппом
- 148 — образование провинции Македонии
- 146 — разрушение Карфагена. Образование провинции Африка
- 146 — разрушение Коринфа. Включение Ахайи в состав провинции Македонии
- 138—133 — Нумантинская война
- 138—132 — Первое восстание рабов в Сицилии
- 133 — трибунат и аграрная реформа Тиберия Гракха
- 133 — выделение из нобилитета в ходе борьбы против Гракха партии оптиматов; создание в противовес оптиматам партии популяров
- 133 — завещание царем Пергама Атталом III своего царства Риму
- 133—129 — восстание Аристоника в Пергаме
- 123—122 — трибунат и реформы Гая Гракха
- 121—115 — экспедиция Чжан-Цяня. Начало торговых и культурных сношений античного мира с Китаем
- 113 — вторжение кимвров и тевтонов в Северную Италию
- 111 — закон Спурия Тория
- 111—105 — Югуртинская война
- 107 — военная реформа Мария
- 107—106 — восстание Савмака в Боспорском царстве
- 105 — введение гладиаторских игр в число публичных зрелищ
- 105 — битва при Араузионе: разгром римлян кимврами
- 104—101 — второе восстание рабов в Сицилии
- 102 — разгром Марием тевтонов в битве при Аквах Секстиевых
- 101 — разгром Марием кимвров в битве при Верцеллах
- 100 — движение Апулея Сатурнина. Гибель Сатурнина и Главции
- 91 — законопроект Ливия Друза Младшего
- 90—88 — Союзническая война
- 88—84 — Первая Митридатова война
- 88 — захват Рима Суллой

- 86 — марианский переворот в Риме
- 85 — взятие и разграбление Суллой Афин
- 85 — разгром Суллой Митридата. Заключение мира
- 83—82 — Вторая Митридатова война
- 82—79 — диктатура Суллы
- 80—72 — движение Сертория в Испании
- 74—71 — восстание Спартака
- 74—64 — Третья Митридатова война
- 70 — консульство Помпея и Красса
- 66—62 — восточные походы Гнея Помпея
- 64 — победа Помпея над Митридатом. Самоубийство Митридата в Пантикапее
- 64 — победы Помпея в Сирии. Превращение Сирии в римскую провинцию. Завоевание Понта и Палестины
- 64—63 — законопроект Сервилия Рулла и борьба вокруг него
- 63 — заговор Катилины
- 60 — первый триумвират
- 59 — первое консульство Цезаря
- 58—50 — галльские войны Цезаря
- 56 — встреча триумвиров в Луке (Северная Этрурия)
- 55 — консульство Помпея и Красса
- 55 — гибель Клодия в уличной стычке с Милоном. Назначение Помпея консулом без коллеги
- 53 — разгром Красса при Каррах
- 49—45 — гражданская война Цезаря с Помпеем и помпеянами
- 48 — битва при Фарсале. Бегство и гибель Помпея
- 48—47 — высадка Цезаря в Александрии. Александрийская война
- 47 — победа Цезаря над Фарнаком
- 46 — победа над помпеянами в Африке в битве при Тапсе
- 46 — возвращение Цезаря в Рим. Проведение закона о муниципиях
- 45 — прибытие Цезаря в Испанию. Победа над помпеянами в битве при Мунде
- 44 — избрание Цезаря пожизненным диктатором
- 44 г., 15 марта — убийство Цезаря
- 43 — Мутинская война. Примирение Октавиана с Антонием. Второй триумвират
- 42 — битва при Филиппах. Гибель Брута и Кассия
- 41—40 — Перузинская война
- 36 — разгром Октавианом Секста Помпея
- 36 — Парфянский поход Антония
- 31 — битва при Акции

- 30 — вступление Октавиана в Александрию. Самоубийство Антония и Клеопатры. Превращение Египта в римскую провинцию
- 27 г. до н. э.—14 г. н. э. — принципат Октавиана-Августа
- 19 — получение Августом пожизненной консульской власти
- 13—9 — войны Рима в Германии
- 12—9 — покорение Паннонии
- 2 — освящение Августом форума с храмом Марса Мстителя
- 4—5 — Германский поход Тиберия. Образование провинции Германия
- 9 — разгром римлян в Тевтобургском лесу. Гибель трех легионов
- 14—38 — правление Тиберия
- 17—24 — восстание Такфарината в Африке
- 17—18 — превращение Армении в зависимое от Рима царство
- 26 — удаление Тиберия на Капри
- 37—41 — правление Калигулы
- 41 — попытка восстановления республики после убийства Калигулы
- 41—54 — правление Клавдия
- 43 — завоевание Британии
- 44 — превращение в римские провинции Ликии и Памфилии
- 46 — превращение в римскую провинцию Фракии
- 54—68 — правление Нерона
- 64 — грандиозный пожар в Риме, уничтоживший большую часть города
- 64 — первое зафиксированное источниками преследование христиан, обвиненных в поджоге Рима
- 65 — заговор Пизона. Смерть Сенеки и Лукана
- 66—73 — Иудейское восстание в Палестине
- 68 — восстание Виндекса в Германии
- 68—69 — гражданская война в Риме и приход к власти Веспасиана Флавия
- 69—96 — династия Флавиев
- 69—79 — правление Веспасиана Флавия
- 73 — проведение ценза
- 79—81 — правление Тита Флавия
- 79 — эпидемия чумы; извержение Везувия, уничтожившее Помпеи и Геркуланум
- 81—96 — правление Домициана Флавия
- 96—192 — династия Антонинов
- 96—98 — правление Нервы
- 98—117 — правление Траяна
- 98—100 — война Траяна с германцами на рейнской границе

- 101—102 — Первая Дакийская война Траяна
- 105—106 — Вторая Дакийская война Траяна
- 106 — захват Nabateйского царства. Образование провинции Аравии
- 113—117 — война с Парфией
- 114 — оккупация Армении и объявление ее римской провинцией
- 117—138 — правление Адриана
- 117 — возвращение Сирии и Месопотамии Парфии; объявление Армении зависимым от Рима царством
- 121—125 — первая серия поездок Адриана по империи
- 122 — возведение вала Адриана в Британии
- 128—133 — вторая серия поездок Адриана по империи
- 132—135 — восстание Бар-Кохбы в Иудее
- 138—161 — правление Антонина Пия
- 161—180 — правление Марка Аврелия
- 174—175 — восстание буколов
- 163—166 — война с Парфией
- 166—167 — вторжение маркоманнов, квадов, лангобардов и языгов в пределы Римской империи
- 180—192 — правление Коммода
- 192—193 — гражданская война
- 193—235 — династия Северов
- 193—211 — правление Септимия Севера
- 211—217 — правление Каракаллы
- 212 — эдикт Каракаллы о даровании прав римского гражданства свободным жителям империи
- 218—222 — правление Элагабала (Гелиогабала)
- 222—235 — правление Александра Севера
- 235—284 — кризис III в. Эпоха «солдатских императоров»
- 235—238 — правление первого из «солдатских императоров» Максимиана Фракийца
- 266—273 — правление Зенобии в Пальмире
- 284—305 — правление Диоклетиана
- 285—297 — войны Диоклетиана и его соправителя Максимиана с персами, арабами, франками, алеманнами и другими племенами
- 285—286 — подавление восстания багаудов в Галлии Максимианом, получившим с 286 г. от Диоклетиана в управление западную половину Римской империи
- 296—297 — фискальная реформа Диоклетиана
- 207 — победа над персами
- 298—299 — подавление Диоклетианом восстания в Египте
- 301 — эдикт о ценах
- 305—306 — борьба за власть после Диоклетиана
- 306 — приход к власти Константина и Лициния

- 306—337 — правление Константина (до 316 г. вместе с Лицинием)
- 312 — победа Константина и Лициния над Максенцием на Мульвиевом мосту близ Рима
- 313 — Медиоланский эдикт о веротерпимости
- 325 — Никейский собор
- 330 — перенесение столицы в Константинополь
- 337—353 — борьба за власть после смерти Константина
- 361—363 — правление Юлиана Отступника
- 375 — вторжение гуннов в Европу
- 376 — расселение вестготов во Фракии в качестве федератов
- 378 — восстание готов. Битва при Адрианополе
- 379—395 — правление Феодосия I
- 395 — разделение Римской империи на Западную и Восточную
- 409 — гибель Стилихона; захват Италии Аларихом
- 410 — взятие и разграбление Рима Аларихом
- 409—411 — заселение Испании вандалами, аланами, свевами; вторжение вестготов, франков, бургундов и алеманнов в Галлию, гуннов — в Паннонию
- 451 — битва в Галлии на Каталаунских полях. Разгром войска Атилы
- 452 — вторжение в Италию гуннов во главе с Атилой
- 453 — смерть Атилы. Распад империи гуннов
- 455 — пятнадцатидневное разграбление Рима вандалами во главе с Гензерихом
- 456—472 — господство в Италии некоронованного императора свева Рицимера
- 476 — свержение Ромула Августула германским вождем Одоакром. Падение Западной римской империи
- 480—493 — Италия во власти Одоакра

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

- Августин* Аврелий. Исповедь / Пер. М.Е.Сергеенко. М., 1991; 1992; 1993.
- Августин* Аврелий. О граде Божием / Пер. с лат. М., 1994. Т.1—4.
- Авиан*. Басни. Пер. М.Л.Гаспарова // Памятники поздней античной поэзии и прозы. М., 1964.
- Аврелий Виктор*. О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Происхождение римского народа. О знаменитых людях / Пер. В.С.Соколова // Римские историки IV века. М., 1997.
- Авсоний* Децим Магн. Стихотворения / Изд. подг. М.Л. Гаспаров. М., 1993.
- Аммиан Марцеллин*. История. Вып. 1—3 / Пер. Ю.А.Кулаковского, А.Сонни. Киев, 1906-1908; СПб., 1994, 1996.
- Ампелий*. Памятная книжица / Пер. А.И.Немировского // ВДИ. 1989. № 1—2; также: Малые историки. М., 1996.
- Андокид*. Речи, или история святотатцев (с приложением свидетельств о процессе разрушителей герм в Афинах в 415 г. до н. э.) / Пер. Э.Д.Фролова. СПб., 1996.
- Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Пер. В.Г.Боруховича. Л., 1972; 1993.
- Аполлоний Родосский*. Аргонавтика / Пер. Г.Ф.Церетели. Тбилиси, 1964.
- Аппиан*. Гражданские войны / Пер. под ред. С.А. Жебелева. Л., 1935; М., 1994; СПб. 1994.
- Аппиан*. Иберийско-римские войны / Пер. С.П.Кондратьева // ВДИ, 1939, № 2.
- Аппиан*. Римские войны (Содержание: Гражданские войны / Пер. под ред. С.А.Жебелева; Римская история / Пер. С.П Кондратьева). СПб., 1994.
- Аппиан* Александрийский. Римская история / Под ред. Е.С.Голубцовой. Пер. кн. I—XII С.П.Кондратьева, кн. XIII—XVIII — коллектива переводчиков под ред. С.А.Жебелева. М., 1998.
- Апулей*. Апология. Метаморфозы, или Золотой осел. Флориды / Пер. С.П.Маркиша. М., 1956; 1988; 1994.
- Аристид* Элий. Панегирик Риму / Греч. текст с русск. пер. Нежин, 1907.
- Аристотель*. Сочинения / Пер. М.В Брагинской, С.А.Жебелева и др. М., 1975—1984. Т.1—4.
- Аристотель*. О возникновении животных / Пер. В.Карпова. М., 1997.
- Аристотель*. Риторика / Пер. Н.Платоновой. СПб., 1894; также в сб. Античные риторики. М., 1978.
- Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Категории / Пер. Э.Радловой, С.А. Жебелева, Н.Платоновой, Н.И.Новосадского, А.В.Кубицкого. Минск, 1998.
- Аристофан*. Комедии / Пер. Ф.А.Петровского, В.М.Ярхо. М., 1954. Т. 1—2.
- Аристофан*. Избранные комедии / Пер. А.Пиотровского. М., 1974; 1993.
- Арриан*. Плавание вокруг Эритрейского моря / Пер. с древнегреч. // ВДИ. 1940. № 2.
- Арриан*. Поход Александра Македонского / Пер. М.Е. Сергеенко. М.-Л., 1962; 1993.
- Артемидор*. Сонник / Пер. под ред. Я.М. Боровского // ВДИ. 1989. № 3; 1991, № 3.

- Афиней*. Пир софистов / Пер. С. Ошерова // Поздняя греческая проза. М., 1960; также: Пирующие софисты / Пер. Т.А.Миллер, М.Л.Гаспарова // Памятники поздней античной научно-художественной прозы. М., 1964.
- Ахилл Татий*. Левкипп и Клитопонт / Пер. под ред. Б.Богаевского. М., 1925.
- Бабрий*. Басни / Пер. М.Л.Гаспарова // Античная басня. М., 1991.
- Батрахомихомакхия* (Война лягушек и мышей) / Пер. Б. Г. Альтмана. М., 1936.
- Бозиций*. Утешение философией и другие трактаты / Пер. Т.Ю.Бородай, Г.Г. Майорова, В.И.Уколовой, М.Н. Цейтлина. М., 1990.
- Вакхилид*. Эпиникии / Пер. М.Л.Гаспарова // Пиндар. Вакхилид. М., 1980.
- Варрон* Марк Теренций. Сельское хозяйство / Пер. М.Е.Сергеенко. М.:Л., 1963
- Вегиций* Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С.П.Кондратьева. СПб., 1996; также в сб. Греческие полиоркеттики. СПб., 1998.
- Веллей Патеркул*. Римская история / Пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой // А.И.Немировский, М.Ф.Дашкова. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985; также: в кн. Малые историки. М., 1996.
- Вергилий* Марон Публий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. С.Шервинского, С.Ошерова. М., 1971; 1979; 1994.
- Витрувий* Поллион Марк. Об архитектуре / Пер. Ф.А.Петровского. М., 1936.
- Гай*. Институты / Лат. текст и русск. пер. Ф.Дыдынского. Варшава, 1892.
- Гелиодор*. Эфиопика / Пер. под ред. А.Егунова. М.:Л., 1932.; 1965; 1983; 1993.
- Геродиан*. История императорской власти после Марка / Пер. А. И. Доватура М.Н.Ботвинника, А.К.Гаврилова. СПб.-М., 1996.
- Геродот*. История в девяти книгах / Пер. Ф.Ф.Мищенко. М., 1885—86; 1888; пер. Г.А.Стратановского. М., 1962; 1972; 1993; 1999.
- Гесиод*. Труды и дни. Теогония // Эллинские поэты в переводе В.В.Вересаева М., 1927; 1963.
- Гигин*. Астрономия / Пер. А.И.Рубана. СПб., 1997.
- Гигин*. Мифы / Пер. А.Торшилова. СПб., 1997.
- Гиппократ*. Избранные книги / Пер. В.И.Руднева. М., 1936; 1994.
- Гомер*. Илиада / Пер. Н.И.Гнедича. СПб., 1829; 1839; 1862; 1883—84; 1960; 1982; пер. Н.Минского. М., 1935; пер. В.Вересаева. М.:Л., 1949.
- Гомер*. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. СПб., 1871; 1885; 1988; М., 1935; 1967; 1981; 1994; пер. В.Вересаева. М., 1953.
- Гомеровские гимны / Пер. В.В.Вересаева // Античные гимны. М., 1988.
- Гораций* Флакк Квинт. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М., 1970; 1994.
- Демокрит*. Тексты / Пер., исслед. С.Я.Лурье. Л., 1970.
- Демосфен*. Речи / Пер. С.И.Радцига. М., 1954. Т.1—2; 1995. Т.1—3.
- Дигесты* Юстиниана. Избранные фрагменты / Пер. И.С.Перетерского. М., 1984. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л.Гаспарова. М., 1979; 1982.
- Дионисий Катон*. Моральные дистихи / Пер. Е.М.Штаерман // ВДИ. 1981. № 4.
- Евклид*. Начала / Пер. Д.Д.Мордухай-Болтовского. М., 1948—1960. Т. 1—3. Евнапий. Жизнь философов и софистов / Пер. с древнегреч. Е.В.Дарк и М.Л. Хорькова // Римские историки IV в. М., 1997.
- Еврипид*. Трагедии / Пер. И.Анненского. М., 1969; 1980; 1996; 1999. Т.1-2.
- Евсевий* Памфил. Церковная история / Пер. с древнегреч. М., 1993. Евтропий. Краткая история от основания города / Пер. с лат. А.И.Донченко // Римские историки IV в. М., 1997.

- Иоанн Златоуст.* Творения / Пер. с лат. М., 1991.
- Иосиф Флавий.* О древности иудейского народа. Против Апиона / Пер. Я.И. Израэльсона и Г.Г.Генкеля. СПб., 1895.
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Пер. с греч. Г.Г.Генкеля. СПб., 1900; М., 1994; М., 1999. Т.1—2; пер. А.Ковельмана. Иерусалим—Москва, 1993.
- Иосиф Флавий.* Иудейская война / Пер. Я.А.Чертка. СПб., 1900; Минск, 1991.
- Исократ.* Речи / Пер. под ред. К.М.Колобовой // ВДИ. 1965. № 3; 1969. № 1.
- Исократ.* Письма / Пер. под ред. К.М.Колобовой // ВДИ, 1969, № 2.
- Исократ.* Ареопагитик. Филипп // В.И. Исаева. Исократ в зеркале греческой риторики. М., 1995.
- Иустин Философ.* Творения / Пер. с лат. М., 1997.
- Катон Марк Порций.* Земледелие / Пер. М.Е.Сергеенко. М.—Л., 1950.
- Катон Марк Порций.* Фрагменты речей / Пер. Н.Н.Трухиной // Н.Н.Трухина. Политика и политики золотого века Римской республики. М., 1981.
- Катулл Валерий.* Книга стихотворений / Изд. подг. С.В.Шервинский, М.Л.Гаспаров. М., 1986.
- Катулл.* Избранная лирика / Пер. с лат. и примеч. М.Амелина. СПб., 1997.
- Квинтилиан Марк Фабий.* Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. А.Никитского. СПб., 1834.
- Клемент Александрийский.* Педагог / Пер. с лат. М., 1996.
- Колумелла Юлий Модерат.* О сельском хозяйстве // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / Пер. с лат. М., 1957.
- Корнелий Непот.* О знаменитых иноземных полководцах / Пер. Н.Н.Трухиной. М., 1992.
- Ксенофонт.* Сочинения / Пер. Г.А.Янчевецкого. Митава, 1880.
- Ксенофонт.* Анабазис / Пер. И.М.Максимовой. М.:Л., 1951; М., 1994.
- Ксенофонт.* Греческая история / Пер. С.Я.Лурье. М., 1935; СПб., 1993; 1997.
- Ксенофонт.* Киропедия / Подгот. В.Г.Борухович, Э.Д.Фролов. М., 1976; 1993.
- Ксенофонт.* Сократические сочинения / Пер. С.Соболевского. М., 1935; 1985; СПб., 1993.
- Куций Руф Квинт.* История Александра Македонского / Пер. с лат. под ред. В.С.Соколова. М., 1963; 1993.
- Лактанций.* О смерти гонителей / Пер. В.М.Теленева. СПб, 1998.
- Либаний.* Речи / Пер. С.Шестакова. М., 1914—1916. Т. 1—2.
- Ливий Тит.* История Рима с основания города / Пер. В.М.Смирин, Н.А.Поздняковой, Г.Ч.Гусейнова, С.А.Ивановой, Н.Н.Казанского, Н.В.Брагинской, Ф.Ф.Зелинского, М.Е.Сергеенко под общ. ред. М.Л.Гаспарова, Г.С.Кнабе, В.М.Смирин. М., 1989—93. Т. 1—3.
- Лисий.* Речи / Пер. С.И.Соболевского. М., 1995.
- Лонг.* Дафнис и Хлоя / Пер. С.Кондратьева. М., 1964.
- Лукач Марк Анней.* Фарсалия, или Поэма о гражданской войне / Пер. А.Е.Остроумова; комм. Ф.Петровского. М.:Л., 1951; М., 1993.
- Лукиан.* Собрание сочинений / Под ред. Б.Л.Богаевского. М.:Л., 1935. Т.1—2.
- Лукиан.* Избранное / Пер. И.Нахова. М., 1962; 1991.
- Лукреций.* О природе вещей / Пер. Ф.Петровского. М.:Л., 1946—47; 1980.
- Марк Аврелий.* Наедине с собой. Размышления / Пер. С.М.Роговина. М., 1914.
- Марк Аврелий.* Размышления / Пер. А.К.Гаврилова. Л., 1985; М., 1995.
- Марк Манилий.* Астрономика: наука о гороскопах / Пер. Е.М.Штаерман. М., 1993.
- Марциал Марк Валерий.* Эпиграммы / Пер. Ф.Петровского. М., 1967; СПб., 1994.

- Мемнон*. О Геракле / Пер. В.П.Дзагуровой // ВДИ, 1951., № 1.
- Менандр*. Комедии / Пер. К.Полонской // Менандр. Комедии. Герод. Мимиямбы. М., 1964; 1984.
- Николай Дамасский*. О своей жизни и своем воспитании. История жизни Цезаря. Собрание замечательных обычаев / Пер. под ред. Е.Б.Веселаго // ВДИ. 1960. № 3—4.
- Нони* из Панополя. Деяния Диониса / Пер. А.Голубца. СПб., 1997.
- Овидий*. Метаморфозы / Пер. С. Шервинского. М., 1977.
- Овидий*. Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подг. М.Л.Гаспаров, С.А.Ошеров. М., 1978.
- Овидий*. Элегии и малые поэмы / Пер. под общей ред. С.Апта, М.Гаспарова. М., 1973; 1984.
- Ориген*. О началах / Пер. с древнегреч. Новосибирск, 1993.
- Ориген*. Против Цельса / Пер. с древнегреч. М., 1996.
- Павсаний*. Описание Эллады / Пер. Г.Янчевецкого, М.:Л., 1938; пер. С.П. Кондратьева, М., 1994.
- Петроний* Арбитр. Сатирикон / Пер. Б. Н. Ярхо. М., 1924; 1990.
- Пиндар*. Оды / Пер. М.Л.Гаспарова // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Писатели истории Августов*. Биографии императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С.П.Кондратьева // Властелины Рима. М., 1992.
- Плавт* Тит Макций. Комедии / Пер. А.В.Артюшкова. М., 1987. Т. 1-2.
- Платон*. Сочинения в 4 т. / Под общ. ред. А.Лосева и В.Асмуса. М., 1968—1971; 1992—1994.
- Платон*. Апология Сократа. Критон. Протагор / Пер. В.С.Соловьева, С.Я.Шейман-Тоншеев. М., 1999.
- Платон*. Законы / Пер. А.Н.Егунова, С.П.Кондратьева. М., 1999.
- Платон*. Филеб. Государство. Тимей. Критон / Пер.С.В.Авернцеева. М., 1999.
- Плиний Младший*. Письма / Пер. М.Е.Сергеенко, А.И.Доватура. М., 1982.
- Плиний Старший*. Естествознание. Об искусстве / Пер. Г.А. Тароняна. М., 1994
- Плотин*. Избранные трактаты / Пер. под ред. Г.В.Малеванского. М., 1994.
- Плутарх*. Избранные биографии / Пер. с греч. под ред. С.Я.Лурье. М.:Л., 1941.
- Плутарх*. Избранные жизнеописания. Пер. с древнегреч., М., 1982; 1994. Т. 1—2.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания / Изд. подг. С.И. Соболевским. М., 1961—1964; 1982; 1994. Т.1—3; Харьков, 1999.
- Плутарх*. Застольные беседы / Пер. Я.М.Боровского. Л., 1990; СПб., 1994.
- Плутарх*. О музыке / Пер. Н.Н.Томасова. СПб., 1922.
- Полибий*. Всеобщая история / Пер. Ф.Г.Мищенко. М., 1890—1898; СПб., 1995—1996. Т.1—3.
- Полиен*. Стратегмы, или Военные хитрости / Пер. с древнегреч. Дм. Паппандопуло. СПб., 1842.
- Прокопий Кесарийский*. Война с готами / Пер. С.П.Кондратьева. М., 1950. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А.Чекаловой. М., 1993.
- Саллюстий* Крисп Гай. Сочинения / Пер. В.О.Горенштейна. М., 1982; 1991.
- Светоний* Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л.Гаспарова. Любое изд.
- Сенека* Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С.А.Ошерова. М., 1977; 1993.

- Сенека* Луций Анней. Трагедии / Пер. С.А.Ошерова. М., 1983; 1991. Сенека Луций Анней. Утешение к Полибию / Пер. Н.Х.Керасиди // ВДИ. 1991. № 4.
- Сенека* Луций Анней. О гневе / Пер. Т.Ю.Бородай // ВДИ, 1994., № 2—3.
- Скилак* Карианский. Перипл обитаемого моря / Пер. Ф.В.Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. № 1—2.
- Софокл.* Драмы / Пер. Ф.Ф.Зелинского. М., 1988.
- Софокл.* Трагедии / Пер. С.В.Шервинского. М., 1979.
- Стаций* Публий Папиний. Фиваида / Пер. Ю.А. Шичалина. М., 1991.
- Стесихор.* Фрагменты / Пер. М.Н.Казанского // ВДИ, 1985, № 2.
- Страбон.* География / Пер. Г.А.Стратановского. Л., 1964; М., 1994.
- Татиан.* Слово к эллинам / Пер. и комм. Д.Е.Афиногенова // ВДИ. 1993. № 1—2.
- Тацит* Корнелий Публий. Сочинения / Пер. А.С.Бобовича, Я.М.Боровского, М.Е.Сергеенко и др. М.;Л., 1969; 1993. Т.1—2.
- Теренций.* Комедии / Пер. А.Аргюшкова. М., 1985; 1988.
- Тертуллиан.* Избранные сочинения / Пер. с лат. А.А.Столярова. М., 1994.
- Тибулл* Альбий. Элегии / Пер. с лат. под ред. Ф.А.Петровского // Валерий Капулла. Альбий Тибулл. Секст Проперций. М., 1963.
- Ульпиан* Домиций. Фрагменты юридических трудов / Пер. Е.М.Штаерман // ВДИ. 1971. № 2.
- Федр.* Басни / Пер. М.Гаспарова // Античная басня. М., 1991; Федр, Бабрий. Басни. М., 1962.
- Феокрит.* Идиллии / Пер. М.Е.Грбарь-Пассек // Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы. М., 1958.
- Феофраст.* Исследования о растениях / Пер. М.Е.Сергеенко. М., 1951.
- Феофраст.* Характеры / Пер. Г.А.Стратановского. Л., 1974; М., 1993.
- Филон Александрийский.* Против Флакка. О посольстве к Гаю / Пер. О.А.Левинской. М., 1994.
- Филострат* [Старший и Младший]. Картины / Пер. С.П.Кондратьева. М., 1936.
- Филострат* Флавий Старший. Жизнь Аполлония Тианского / Пер. Е.Г.Рабинович. М., 1985.
- Флор* Луций Анней. Две книги эпитом римской истории обо всех войнах за 700 лет / Пер. А.И.Немировского, М.Ф. Дашковой. Воронеж, 1977; также: Малые истории. М., 1996.
- Фронтин* Секст Юлий. Военные хитрости [Стратегмы] / Пер. А.Б.Рановича. СПб., 1996; также: Греческие полиоркеттики, СПб, 1998.
- Фукидид.* История / Пер. Ф.Мищенко. СПб., 1914. Т. 1-2; пер. Г.А. Стратановского. Л., 1981; М., 1993. Т. 1—2; М., 1999.
- Цезарь* Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне / Пер. М. М. Покровского. М.;Л., 1948; М., 1991; 1993.
- Цензорин.* Книга о дне рождения / Пер. В.А.Цымбургского // ВДИ. 1986. № 2—3.
- Цицерон* Марк Туллий. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. В.О.Горенштейна. М., 1966; 1994.
- Цицерон* Марк Туллий. Письма / Пер. и комм. В.О.Горенштейна. М., 1949-1951; 1995., Т.1—3.
- Цицерон* Марк Туллий. Тускуланские беседы. Пер. В.О.Горенштейна. М., 1993.
- Цицерон* Марк Туллий. Речи / Пер. В.О.Горенштейна, М.Е.Грбарь-Пассек. М., 1962; 1995., Т.1-2.

- Цицерон* Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. Ф.А. Петровского, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова. М., 1972; 1994.
- Цицерон* Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1974.
- Цицерон* Марк Туллий. Философские трактаты / Пер. М.И.Рижского. М., 1985.
- Эзоп*. Басни / Пер. М.Л.Гаспарова. М., 1968; 1991; также: Античная басня. М.;Л., 1991; М., 1993.
- Элий Аристид*. Панегирик Риму / Пер. И.Турцевича. Нежин, 1907.
- Эмпирик Секст*. Сочинения в двух томах / Пер. А.Ф.Лосева. М., 1975; 1976.
- Эней Тактик*. О перенесении осады / Пер. В.Ф.Беляева // ВДИ. 1965. № 1—2.
- Эпиктет*. Беседы Эпиктета / Пер. Г.А.Тароняна. М., 1997.
- Эсхил*. Трагедии / Пер. С.Апта. М., 1971; 1978.
- Ювенал* Децим Юний. Сатиры / Пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского. М.;Л., 1937; СПб., 1994.
- Юлиан Император*. Письма / Пер. Д.Е.Фурмана // ВДИ. 1970. № 1—2.
- Юлий Павел*. Пять книг сентенций к сыну / Пер. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1971. № 1—2.
- Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога *Historia Philippicae*. Всеобщая история / Пер. А.Деконского, М.Рижского // ВДИ. 1954. № 2; 1955. № 1.
- Юстин Философ*. Разговор с Трифоном Иудеем / Пер. П.Преображенского. М., 1995.
- Ямвлих*. О египетских мистериях / Пер. Л.Ю.Лукомского. М., 1995; 1998; пер. Ю.А.Полуэктова. СПб., 1997.
- Ямвлих Халкидский*. Жизнь Пифагора / Пер. с древнегреч. В.Б. Черниговского, М., 1998.

Сборники

- Александрийская поэзия*. Пер. с древнегреч. (Содержание: Феокрит, Мосх, Бион, Каллимах, Эпиграммы, Аполлоний Родосский, эпиграммы-загадки неизвестных поэтов). М., 1972.
- Античная лирика* / Пер. с древнегреч. и лат.; сост. С. Апт (Содержание: Гомер, народные песни, греческие поэты VII—IV вв., греческие поэты эпохи эллинизма, греческие поэты римской и византийской эпох, неизвестные поэты разных эпох, поэты Рима I в. до н.э. — I в. н.э., римские поэты II—VI вв., поэты латинской антологии, неизвестные поэты разных веков). М., 1968.
- Античные гимны* / Под ред. А.А.Тахо-Годи (Содержание: Гомеровские гимны, гимны Каллимаха, гимн Клеанфа, орфические гимны, гимн Прокла, гимны Синезия). М., 1988.
- Античные поэты об искусстве*. СПб., 1996.
- Античные риторика* / Под ред. А.А.Тахо-Годи. М. 1978 (Содержание: Аристотель, Дионисий Галликарнасский, Деметрий). М., 1978.
- Античный роман* (Содержание: Ахилл Татий, Лонг, Петроний, Апулей). М., 1969.
- Античные теории языка и стиля* / Под ред. О.М.Фрейденберг (Содержание: Гераклит, Парменид, Эмпедокл, Геродот, Горгий, Протагор, анонимные трактаты, Платон, Аристодем, Эпикур, Секст Эмпирик, Диоген Вавилонский, Хрисипп, Антипатр из Тароса, Дионисий, Варрон). М.;Л., 1936; СПб., 1996.
- Греческие полиоркетики* (Содержание: Аполлодор, Афинея Механик, Аноним Византийский, Вегеций). СПб., 1996.

- Греческая эпиграмма** / Пер. с древнегреч. под ред. Ф.Петровского. М., 1960; СПб., 1993.
- Древнегреческая мелика** / Пер. с греч. и лат. под ред. В.Н.Ярхо (Содержание: Терпандр, Алкман, Стесихор, Алкей, Сапфо, Ивик, Анакреонт, Симонид, Пиндар, Коринна, Праксилла, Телесилла, Вакхилид и др.). М., 1998.
- Древнегреческая элегия** / Сост. Н.А.Чистякова (Содержание: 1) Архаический и классический периоды: Тиртей, Минерм, Солон, Симонид, Ксенофан, Анакреонт, Феогнид, Эпихарм, Эмпедокл, Платон и др. 2) Эллинистический и раннеимперский период: Каллимах, Феокрит, Архимед и др.). СПб., 1996. Идеи эстетического воспитания: Антология. Т.1. Античность, средние века / Сост. С.С.Аверинцев (Содержание: Гомер, Гомеровские гимны, Гесиод, Ксенофан, Аристофан, пифагореизм, Платон, Аристотель, Цицерон, Гораций (Наука поэзии), Квинтилиан (О подготовке оратора), Дион Хрисостом, переписка Фронтон и Марка Аврелия, Либаний (К тем, кто не хочет выступать с речами), Евмен (О восстановлении школы ораторского искусства в Августодуне), Эпиктет (К тем, кто выступает с публичными чтениями), Плутарх (Как юношам слушать поэтов), Элий Аристид (О том, что комедии не следует ставить на сцене). М., 1973.
- Историки Греции** / Пер. под ред. С.Апта, М.Гаспарова и др. (Содержание: Геродот, Фукидид, Ксенофонт). М., 1976.
- Историки Рима** / Пер. под ред. С. Апта, М.Грабарь-Пассек и др. (Содержание: Саллюстий, Тит Ливий, Тацит, Светоний, Аммиан Марцеллин). М., 1969.
- История эстетики** // Памятники мировой эстетической мысли (Содержание: Пифагор и пифагорейцы, Гераклит Эфесский, Эмпедокл, Аристотель. Стоики: фрагменты, Сенека, Марк Аврелий. Эпикурейцы: фрагменты, Лукреций. Скептики: Пиррон, Секст Эмпирик. Теоретики искусства: Дионисий Галикарнасский, Деметрий Псевдофалерский, Гермоген, Цицерон, Гораций, Витрувий. Греческое Возрождение: Плутарх, Лукиан, Филострат. Неоплатонизм: Плотин). М., 1962. Т.1.
- Лирика древней Эллады и Рима** / Сост. Н.И.Щавелева (Содержание: Мелика: Алкей, Сапфо, Анакреонт, Алкман, Ивик, Ямбы, Архилох. Элегии и эпиграммы: Тиртей, Солон, Феогнид, Ксенофан, Платон. Римская поэзия: Катулл, Гораций, Тибулл, Проперций, Овидий, Марциал). М., 1990.
- Материалисты Древней Греции** (Содержание: Фрагменты из сочинений Гераклита, Демокрита, Эпикура). М., 1956.
- Ораторы Греции** / Сост. М.Л.Гаспаров (Содержание: Горгий, Исократ, Эсхин, Дион Хрисостом, Элий Аристид, Либаний, Фемистий). М., 1985.
- Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II—V вв.** / Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек (Содержание: Ораторское искусство: Дион Хрисостом, Элий Аристид, Юлиан, Либаний, Фемистий, Гимерий, Апулей, Евмен. Эпистолярное искусство: Алкифрон, Филострат, Элиан, Юлиан, Либаний, Фронтон, Симмах). М., 1964.
- Памятники поздней античной научно-художественной литературы II—V вв.** / Под ред. М.Л. Гаспарова (Содержание: Греческие историки, географы, мифографы, философы и энциклопедисты: Плутарх, Арриан, Аппиан, Павсаний, Дионисий Перизетт, Дион Кассий, Геродиан, Диоген Лаэртский, Филострат, Афиней, Аполлодор, Антонин Либерал, Артемидор. Римские историки и энциклопедисты: Светоний, Флор, Марк Аврелий, Авл

- Геллий. Писатели истории императоров: Элий Лампридий, Аммиан Марцеллин, Евтропий, Секст Руф, Макробий). М., 1964.
- Памятники поздней античной поэзии и прозы II—V вв.** / Под ред. М.Е.Грабарь-Пассек (Содержание: Греческая поэзия: Месомед, Оппиан, Квинт Смирнский, Нонн, Мусей, орфическая аргонавтика, Бабрий, греческая эпиграмма и др. Римская поэзия: Немесиан, Авсоний, Клавдиан, Рутилий Намациан, дистихи Катона, поэмы латинской антологии, Модестин, Флор, Авиан и др. Греческая повествовательная проза: Флегонт, Лукиан, Филостраты, Каллистрат, Харитон, Гелиодор, Ахилл Татий, Элиан. Римская повествовательная проза: Апулей, Диктис Критский). М., 1964.
- Поздняя греческая проза** / Под ред. М.Е.Грабарь-Пассек (Содержание: Иосиф Флавий, Дион Хрисостом, Плутарх, Харитон, Антоний Диоген, Флегонт из Тралл, Ямвлих, Ксенофонт Эфесский, Аппиан, Арриан, Павсаний, Лукиан, Марк Аврелий, Максим Тирский, Элий Аристид, Ахилл Татий, Алкифрон, Лонг, Афинея, Дион Кассий, Филостраты, Элиан, Геродиан, Диоген Лаэртский, Гелиодор, Либаний, Гимерий, Фемистий, император Юлиан). М., 1960.
- Поэты-лирики Древней Эллады и Рима** / Пер. Я.Голосовкера. М., 1963.
- Раннехристианские церковные писатели:** Антология. М., 1990.
- Римская сатира** / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М., 1989.
- Римские историки IV в.** / Пер. с греч. Е.В.Дарк, М.Л.Хорькова, пер. с лат. А.И.Донченко, В.С.Соколова (Содержание: Евтропий, Аврелий Виктор, Евнапий). М., 1997.
- Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий** / Сост. В.В.Сапова. М., 1995; 1998
- Суд над Сократом.** Исторические свидетельства современников (Содержание: Платон, Ксенофонт, и др.). СПб., 1997.
- Фрагменты ранних стоиков.** Зенон и ученики / Пер. и комм. А.А.Столярова. М., 1988
- Эллинические поэты VIII—III вв, до н.э.** / Изд. подг. М.Л.Гаспаров, О.П.Цыбенко, В.Н.Ярхо (Содержание: Эпос. Киклические поэмы. Другие эпические поэты VIII—V вв. Философский эпос. Поздний эпос. Элегия и ямбы. Мелика). М., 1999.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Справочники

- Античная культура** / Под ред. В.Н.Ярхо. М., 1995.
- Археологический словарь** / Пер. с англ. М., 1990.
- Бартошек М.** Римское право. Понятия. Термины. Определения / Пер. с чеш. М., 1989.
- Ботвинник М.Н.** и др. Мифологический словарь: Книга для учителя. Любое издание.
- Ильинская Л.С.** Античность: Краткий энциклопедический справочник / Под ред. А.И.Немировского. М., 1999.
- Лисовой И.А., К.А.Ревяко.** Античный мир в терминах, именах и названиях / Под ред. А.И.Немировского. Минск, 1996.
- Лосев А.Ф.** Словарь античной философии. М., 1995.

- Любкер Фр.* Реальный словарь классической древности / Пер. с нем., Изд. В.Модестова, СПб., 1884.
- Мифологический словарь* / Под ред. Е.М.Мелетинского. М., 1990.
- Мифы народов мира: Энциклопедия* / Под ред. С.А.Токарева. Любое издание. Т. 1–2.
- Санчурский Н.Б.* Римские древности. СПб, 1886; М., 1995.
- Словарь античности* / Пер. с нем. М., 1989.
- Древняя Греция.* Искусство и философия. Иллюстрированная энциклопедическая библиотека / Под ред. В.Бугромева (подборка статей из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, Энциклопедического словаря Ф.Павленкова, Большой энциклопедии С.Н.Южакова). Минск; М., 1995.
- Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе / Пер. с нем. М., 1981.
- Христианство: Словарь* / Под ред. Л.Н.Митрохина. М., 1994.
- Христианство: Энциклопедический словарь* в 3 томах. М., 1993–1995.

Учебники и учебные пособия по античной истории и античной литературе

- Античная литература* / Под. ред. А.А.Тахо-Годи. М., 1980.
- Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. М., 1976.
- Бокщанин А.Г.* Источниковедение Древнего Рима. М., 1981.
- Борухович В.Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976.
- Борухович В.Г.* История древнегреческой литературы. Саратов, 1982.
- Бузескул В.В.* Введение в историю Греции. Харьков, 1910.
- Бузескул В.П.* Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. ч. 2. Древнегреческий мир. Пг., 1924.
- Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Пер. с польск. М., 1988.
- Виппер Р.Ю.* Греция. Ростов-на-Дону, 1995.
- Виппер Р.Ю.* Рим. Ростов-на-Дону, 1995.
- Гаспаров М.Л.* Занимательная Греция. М., 1995; 1996.
- Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков / Пер. с фр. СПб., 1898; 1996.
- Гиро П.* Частная и общественная жизнь римлян / Пер. с фр. СПб., 1899; 1996.
- Древняя Греция: история, быт, культура* (из книг современных ученых) / Сост. Л.С.Ильинская. М., 1997.
- Древний Рим: история, быт, культура* (из книг современных ученых) / Сост. Л.С.Ильинская. М., 1997.
- Жебелев С.А.* Введение в археологию. Ч.1. История археологического знания. Ч. 2. Теория и практика археологического знания. Пг., 1923.
- Залобовина Г.Т.* Архаическая Греция: особенности мировоззрения и идеологии. М., 1992.
- Ильинская Л.С.* Легенды и археология. М., 1988.
- История греческой литературы* / Под ред. С.И.Соболевского, М.Е.Грабарь, Пассек, Ф.А.Петровского. М., 1946–1960. Т. 1–3.
- История древнего мира* / Под. ред. И.М.Дьяконова, В.Д.Нероновой, И.С.Свенцицкой. М., 1982. Т.1–3.
- История Древней Греции* / Под ред. В.И.Кузищина. М., 1986.

Источниковедение Древней Греции. Эпоха эллинизма / Под ред. В.И. Кузищи-на. М., 1982.

Казаменова Л.Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969.

Ковалев С.И. История Рима. М., 1948.

Колобова К.М., Озерецкая Л.Е. Как жили древние греки. М.;Л., 1964.

Колобова К.М., Озерецкая Л.Е. Олимпийские игры. Л., 1959.

Кругликова И.Т. Античная археология. М., 1984.

Маяк И.Л. Римляне ранней республики. М., 1993.

Машкин Н.А. История Древнего Рима. М., 1956.

Модестов В.И. Введение в римскую историю. Ч.1-2. СПб., 1902—1904.

Немировский А.И. Нить Ариадны. Очерки по классической археологии. Воро-неж, 1971; 1989.

Немировский А.И. Мифы древней Эллады. М., 1992.

Немировский А.И. Легенды ранней Италии и Рима. М., 1996.

Радциг С.И. Введение в классическую филологию. М., 1965.

Радциг С.И. История древнегреческой литературы. Любое издание.

Сергеев В.С. История Древней Греции. М., 1963.

Тронский И.М. История античной литературы М., 1947.

Федорова Е.В. Латинская эпиграфика. М., 1969.

Чистякова Н.А. Вулих Н.В. История античной литературы М., 1971.

Монографии и сборники статей

Андреев Ю.В. Раннегреческий подлис (гомеровский период). Л., 1976.

Античная Греция / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1983. Т.1—2.

Античная эпистолография / Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1967.

Античные теории языка и стиля. СПб, 1996.

Бартошек А. Златообильные Микены / Пер. с чешск. М., 1990.

Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах III—II вв. до н.э., М., 1969.

Блаватская Т.В. Греческое общество II тыс. до н. э. и его культура. М., 1976.

Блаватский В.Д. Античная полевая археология М., 1973.

Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.

Бокциани А.Г. Социальный кризис римской империи в I в. н.э. М., 1954.

Бокциани А.Г. Парфия и Рим. М., 1967.

Борухович В.Г. Квинт Гораций Флакк. Саратов, 1993.

Брашинский И. Сокровища скифских царей. М., 1967.

Быт и история в античности / Под ред. Г.С. Кнабе. М., 1988.

Вардиман Е. Женщина в древнем мире / Пер. с нем. М., 1990.

Витпер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972.

Гаспаров М.Л. Античная литературная басня. М., 1971.

Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб, 1995.

Глушкина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н.э. М., 1972.

Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии (III в. до н.э. — III в. н.э.). М., 1980.

Гревс И.М. Тацит М.;Л., 1946.

- Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Л., 1989.
- Диттмар А.Г. География в античное время. М., 1980.
- Дильс Г. Античная техника М.;Л., 1934.
- Доватур А.И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.;Л., 1965.
- Доватур А.И. Рабство в Аттике VI—V вв. до н.э. Л., 1980.
- Доватур А.И. Феогнид и его время. Л., 1989.
- Древние цивилизации / Под ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989.
- Дройзен И. История эллинизма / Пер. с нем. М., 1890—1893. Т. 1—3.
- Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
- Ешевский С. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической жизни Галлии V века. М., 1855.
- Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции. Л., 1985.
- Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. Пг., 1916; СПб, 1995.
- Зелинский Ф.Ф. Соперники христианства. СПб, 1995
- Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964.
- История политических и правовых учений / Под ред. С.Нерсесянца. М., 1985.
- Казаманова Л.Н. Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н.э. М., 1964.
- Каллистов Д.П., Нейхардт А.А., Шифман И., Шишова И.А. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.
- Кнабе Г.С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986.
- Колпинский Ю.Д. Искусство Эгейского мира и Древней Греции. М., 1970.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Колосовская Ю.К. Паннония. М., 1980.
- Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1976.
- Кубланов М.М. Иисус Христос — бог, человек, миф. Л., 1964.
- Кубланов М.М. Возникновение христианства. Эпоха. Идеи. Искания. Л., 1974.
- Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976.
- Культура Древнего Рима / Под ред. Е.С.Голубцовой. М., 1985. Т. 1-2.
- Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима / Пер. с польск. М., 1992.
- Леницман А.Я. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1968, т.1-3.
- Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М.;Л., 1957.
- Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975.
- Маринович Л.П. Александр Македонский. М., 1997.
- Машкин Н.А. Принципат Августа. М., 1949.
- Межеритский Я. Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Калуга, 1994.
- Кузицин В.И. Очерки развития земледелия Италии II в. до н.э. — I в. н.э. М., 1966.
- Моммзен Т. История Рима / Пер. с нем. М., 1936—1939; 1940. Т.1—3, 5.
- Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1962.
- Немировский А.И. Рождение Клио. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979.
- Немировский А.И. Этруски: от мифа к истории. М., 1983.
- Нерсесянц В. Политическое учение Древней Греции. М., 1979.

- Нерсисянц В. Сократ. М., 1984.*
Павловская А.И. Египетская хора с IV в. М., 1979.
Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пиросского общества. М., 1978.
Проблемы античной культуры / Под ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986.
Рабство на периферии античного мира / Под ред. Д. П.Каллистова. М., 1968.
Ранович А.Б. Восточные провинции римской империи в I—III вв. н.э. М., 1949.
Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
Религия и община в Древнем Риме / Под ред. Л.Л.Кофанова и Н.А.Чаплыгиной. М., 1994.
Рожанский И.Д. Античная наука. М., 1980.
Свеницкая И.С. Раннее христианство. Страницы истории. М., 1988.
Свеницкая И.С. От общины к церкви. М., 1985.
Свеницкая И.С. Тайные писания первых христиан. М., 1980.
Сергеенко М.Е. Помпеи. М.:Л., 1949.
Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. М.-Л., 1964.
Сергеенко М.Е. Ремесленники древнего Рима. М.-Л., 1968.
Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957.
Соколов В.С. Плиний Младший. М., 1956.
Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.
Строгецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.
Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки / Пер. с нем., итал, фр. М., 1976.
Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. М., 1949.
Топоров В.Н. Эней человек судьбы. М., 1993.
Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» римской республики. М., 1986.
Тюменев А.И. Очерки социальной и экономической истории Греции. М., 1920—1921, Т. 1—3.
Уколова В.И. Поздний Рим. Пять портретов. М., 1992.
Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952.
Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976.
Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972.
Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.
Ферреро Г. Величие и падение Рима / Пер. с итал. М., 1915—1923. Т. 1—5.
Фридендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до Антонинов. СПб., 1914.
Фролов Э.Д. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.
Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л., 1981.
Фролов Э.Д. Огни Диоскуров. Л., 1984.
Хвостов В.В. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.
Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. Л., 1986.
Человек и общество в античном мире / Под ред. Л.П. Маринович., М., 1998.
Чубова А.П., Иванова А.П. Античная живопись. М., 1966.
Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2 000 лет назад. М., 1975.

- Штаерман Е.М.* Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике. М., 1964.
- Штаерман Е.М.* Мораль и религия угнетенных классов римской империи. М., 1981.
- Штаерман Е.М.* История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996.
- Штаерман Е.М., Трофимова М.К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971.
- Эллинизм: экономика, политика, культура* / Под ред. Г.А. Кошеленко, Л.П. Маринович, А.И. Павловской, Э.Д. Фролова. М., 1990.
- Эллинистическая техника* / Под ред. И.И. Толстова. М.; Л., 1949.
- Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.
- Ярхо В.Н.* Античная драма. Технология мастерства. М., 1990.
- Ярхо В.Н., Полонская К.П.* Античная лирика. М., 1967.
- Ярхо В.Н., Полонская К.П.* Античная комедия. М., 1979.
- Ярхо В.Н.* Трагедия Софокла «Антигона». М., 1986.

Периодические издания

- Вестник древней истории (ВДИ)
 Советская археология (СА)
 Советская этнография (СЭ)

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ

Наиболее распространенные системы мер и весов

ГРЕЦИЯ ¹		РИМ ²	
Меры веса ³			
талант:		талант:	
вавилонский	30,12 кг	т. н. аттический	20,4 кг
эгинский	37,44 кг	римский	26,196 кг
эвбейский	26,2 кг	мина	1/60 таланта
критский	29 кг	унция	27,3 г
древнеаттический	39,3 кг	скрипула	1,137 г (1/24 унций)
послесолоновский	26,2 кг	секстанс	54,58 г (2 унции)
мина	1/60 таланта	фунт	327,45 г (12 унций)

¹ Каждый греческий полис был самостоятельным государством и имел собственный календарь, собственные меры и собственные деньги. Однако торговые потребности вели к унификации денежной и весовой системы, и к VI в. до н. э. полисам приходилось считаться с существованием двух денежно-весовых систем — эгинской (распространенной главным образом на Пелопоннесе) и эвбейской, связанной с торговыми центрами Эгеиды. Именно ее принял за основу Солон, заменив ею эгинскую, ранее использовавшуюся и в Афинах.

² Римляне имели собственные единицы измерения, но с завоеванием Греции включили в свою систему мер и греческие.

³ Греки (а впоследствии и римляне) восприняли месопотамский талант и построенное на принятой в Месопотамии шестидесятеричной системе счисления соотношение с миной как 1:60. Независимо от изменений, которым подвергался в различных регионах Греции вес таланта, в нем всегда было 60 мин.

ГРЕЦИЯ		РИМ	
Меры длины¹			
стадий олимпийский	192,28 м	миля (тысяча шагов)	1481,5 м
стадий дельфийский	178,6 м	стадий греко-римский	176,6 м
стадий аттический	177,55 м	шаг (5 футов)	1,48 м
плетр	29,6 м	локоть (1 фут + 1 ладонь)	44,4 см
оргия (ширина размаха рук)	1,85 м (0,01 стадия)	ладонь 7,4 см (1/4 фута)	7,4 см
локоть	44,4 см	палец (1/16 фута)	1,85 см
фут (нога)	29,62 см	ладонь	7,4 см
пядь (палец)	1,85 см		
Меры площади			
арура (50 кв. футов)	43,4 кв. м	кв. фут	0,088 кв. м
плетр (10000 кв. ф)	876 кв. м (0,087 га)	югер (120×120 шагов)	25,182 кв. м (1/4 га)
Меры емкости сыпучих тел			
медимн	52,5 л	модий	8,754 л
хениг (суточный паек)	1,09 л	секстарий	0,547 л (1/16 модия)
котила	0,24 л	гемина	0,2736 л (1/32 модия)
Меры емкости жидкостей			
метрет	39,46 л	конгий (кувшин) секстарий (12 киафов, 2 гемины)	3,28 л 0,547 л
котила (чаша)	0,27 л	гемина (или котила)	0,27 л (6 киафов)
киаф (черпак)	0,045 л	киаф (циата)	0,045 л

¹ В отличие от мер веса меры длины (те из них, которые были связаны с человеческим телом, — локоть, ладонь и т.п.) до римского завоевания унифицированы не были.

ГРЕЦИЯ	РИМ					
	Изменения в период республики					
Название монеты	Название монеты	до 268 г. до н. э.	268–217 гг. до н. э.	с 217 г. до н. э.	Конец республики	Мон. реф. 31–27 гг. до н. э.
халк (медь) — самая мелкая монета — 0,095 г	асс	12 унций (1 фунт) сначала бронзы, затем меди	4 унции меди (109,1 г)	1 унция меди (27,3 г)	13,6 г меди	10,92 г бронзы (чекан на сенатском монетном дворе с 23 г. до н. э.)
обол (прут) — мел. сер. (0,73 г.) или медн. монета	—	—	—	—	—	—
—	сестерций	—	—	—	40 сестерциев из фунта бронзы	27,3 г латуни
драхма (горсть) 6 оболов (4,36 г)	денарий ² (от лат. deni — по десяти)	—	=10 ассов (1/72 фунта серебра: 4,55 г)	=16 ассов (4 г серебра)	—	3,89 г серебра (= 84 денария из фунта)
тетрадрахма — 4 драхмы	—	—	—	—	—	—
статер — 2 драхмы (чеканка из золота, электрона или серебра)	ауреус (золотой)	—	—	—	8,19 г золота - (40 ауреусов из фунта). До 12 г. до н.э. чеканка на сенаторском и императорском дворах, с 12 — только на императорском	
—	золотой солид	—	—	—	—	—

¹ Составлено по монографии Абрамзона М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.

² Римский денарий равен греческой драхме, и греческие авторы обычно в изложении римской истории заменяют слово «денарий» словом «драхма», однако более широкое распространение после денежной реформы Августа приобрела не драхма, а тетрадрахма.

(наиболее распространенные монеты)

Изменения в период империи ¹						
Мон. реф. Нерона 64 г. н. э.	При Флавиях	При Антонинах	При Северах после реф. Каракаллы	В эпоху «солдатских» императоров	Согласно реформе Диоклетиана	Согласно реформе Константина
10,9 г	10,73 г — при Веспасиане, 11,05 г — при Домициане	9,73 г	официально — 11,95 г, реально от 9,84 до 14,06 г	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	с 25,51 г до 25,5 г латуни к концу династии	От 25,76 до 25 г латуни к концу династии	23,47 г	—	—	—
3,41 г серебра	3,18 г — при Веспасиане, 3,32 г — при Домициане	от 2,83 г до 3,18 г к концу династии	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
7,28 г золота (45 ауреусов из фунта)	7,25 г — при Веспасиане, 7,58 г — при Домициане	от 7,4 г до 7,23 в конце династии	6,84 (50 ауреусов из фунта)	“Золотой” ауреус с содер. золота 1,33 %, серебра 5,94 %, меди 82,73 %	4,87 г (70 ауреусов из фунта) затем 5,46 г. (60 ауреусов из фунта)	—
—	—	—	—	—	—	4,55 г.

Денежные системы

Монета	Прочие монеты				
	От Августа до Нерона	По реформе Нерона 64 г. н. э.	При Флавиях	При Антонинах	При Северах
квинарий золотой	1/2 ауреуса	—	3,7 г	3,6 г	3,41 г
золотой триенс	—	—	—	—	—
золотой семис (1/2 солида)	—	—	—	—	—
квинарий серебряный	1/2 денария	—	1,56 г	1,5—1,66 г	1,41 г
серебряный кистофор²	—	—	—	10,06 г	8,63 г
антониниан (двойной денарий)	—	—	—	—	1 1/4 денария (чеканка три Каракалле)
аргент (серебряная монета)	—	—	—	—	—
серебряный милиарсий: тяжелый милиарсий	—	—	—	—	—
легкий милиарсий	—	—	—	—	—
силлива (1/2 легкого милиарсия)	—	—	—	—	—
полсилливы	—	—	—	—	—
латунный лупондий	—	—	12,88 г	12,9—12,63 г	8,5—13,08 г

¹ Составлено по монографии Абрамзона М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.

² Кистофоры выпускались для восточного рынка и, не являясь монополией императорского монетного двора, чеканились в Антиохии, Пергаме. Греческие тетрадрахмы, драхмы и медные монеты провинциальной чеканки имели хождение в римских провинциях, образованных на месте эллинистических государств.

императорского времени¹

	В эпоху «солдатских императоров»	Согласно реформе Диоклетиана	Согласно реформе Константина	Изменения, внесенные в денежную систему Константина
	—	—	1/2 солида (2,3 г)	—
	1/3 ауреуса	—	1/3 солида	увеличение выпуска
	—	—	—	2,3 г при Феодосии после 379 г.
	—	—	—	—
	—	—	—	—
	возобновление чеканки антонинианов, преврат. в медн. мон. с содерж. ок. 2 % с серебра	—	—	—
	—	34,1 г (96 аргентов из фунта)	—	—
	—	—	60 монет из фунта	—
	—	—	72 монеты из фунта	—
	—	—	2,28 г серебра (144 монеты из фунта), с 323 г.	—
	—	—	1,14 г серебра	—
	—	—	—	введен Гонорием после 395 г.

Денежные системы

Прочие монеты						
Монета	От Августа до Нерона	По реформе Нерона 64 г. н. э.	При Флавиях	При Антонинах	При Северах	
латунный квадранс	—	2,1 г.	—	—	—	
бронзовый семис (1/4 асса)	—	3,08	3,27 г	3,7 г (3,16 г при Антонине Пие)	—	
бронзовый квадранс	—	—	2,22 г	2,1 г	—	
фоллис (посеребренная бронз. монета)	—	—	—	—	—	
бронзовый демифоллис (1/2 фоллиса)	—	—	—	—	—	
демифоллис (1/2 фоллиса)	—	—	—	—	—	
майорин	—	—	—	—	—	
центенионалий	—	—	—	—	—	

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Прожиточный минимум в греческих полисах

Прожиточный минимум афинской семьи

Ежемесячный взнос спартамца в сисситию в VI—V вв. до н. э.

Прожиточный минимум в Дельфах в III в. до н. э.

2 обола в день в V в. до н. э.

мука — 1,5 медимна (ок. 79 л)

сыр — 5 мин (ок. 3 кг)

мясо — 20 оболов на покупку мяса

вино — 1 метрет (ок. 39,5 л)

1 обол в день на человека

императорского времени (окончание)

В эпоху «солдатских императоров»	Согласно реформе Диоклетиана	Согласно реформе Константина	Изменения, внесенные в денежную систему Константина
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	от 9 до 13 г	—	—
—	—	4—5 г. Введен с 311 г.	—
—	—	—	введен с 350 г. Вес неясен
—	—	—	2—3 г меди с небольшой примесью серебра

Зарботки в греческих полисах

В Афинах V—IV вв. до н. э.

Оплата государственных должностей, введенная Периклом

члены совета пятисот	5 обол в день
судьи гелизи	2 обол в день (с 425 г. до н. э. — 3)
архонты	4 обол в день
архонт Саламина	1 драхма в день (6 обол в)
члены посольства в Дельфах	1 драхма в день

Оплата воинов

гоплиты	2 обол в день
моряки и гребцы	3 обол в день (начиная с Пелопоннесской войны — 4)

конные воины	1 драхма в день (6 оболов)
средний командный состав	6—8 оболов в день
полководец	12—16 оболов в день
воин-наемник в IV в.	2—4 обولا в день
Пособия	
пособие инвалидам	1 обол в день
плата за день народного собрания (введенная Клеоном)	6—9 оболов
театральные деньги (в дни Великих Дионисий)	2 обولا
Заработки	
средний заработок ремесленника квалифицированный	от 1 обولا до 1 драхмы в день
строительный рабочий	1 драхма в день
гончар	1 драхма в день
повар	1—2 драхмы в день
флейтистка	2 драхмы в день
архитектор при Перикле	37 драхм в день
В Дельфах (по надписи III в. до н. э.)	
архитектор	720 драхм в год (2 драхмы в день)
флейтистка храма	20 драхм в год (2 обولا в день)
глашатай храма	60 драхм в год (1 обол в день)
храмовый секретарь	80 драхм в год (1,3 обولا в день)
храмовые служители	от 120 до 180 драхм в год (2,—2,5 обولا в день)
храмовая рабыня (на продовольствие)	120 драхм в год (2 обولا в день)
В Милете (по надписи IV в. до н. э.)	
педотриб	30 драхм в месяц (1 драхма в день)
учитель грамоты в день	40 драхм в месяц (1 драхма 2 обولا)

Цены в греческих полисах до римского завоевания¹

Цены на продукты питания
в V в. до н. э.²

1 медимн зерна (52,5 л)	3 драхмы (конец V в.)
1 метрет оливкового масла (39,5 л)	1,5 драхмы
угорь из Копайдского озера	по 3 драхмы за штуку
соленая рыба	от 8 до 20 драхм
морской угорь	1 драхма 4 обولا за штуку
окунь	1 драхма 2 обولا
устрицы	7 халков
спрут	4 обولا
кусок морского ежа	1 обол
куропатка	1 обол
вертел из 7 рябчиков	1 обол
ворона	3 обولا
блюдо дроздов	1 драхма

² Цены, известные по упоминаниям древних авторов или надписям, не могут быть восстановлены точно для каждой эпохи. Но при использовании таблиц следует иметь в виду общую тенденцию изменений: с начала VI в. до н. э. до распада державы Александра Македонского.

³ Цены на вещи и мебель приблизительны, поскольку даны по спискам проданного с торгов имущества афинян, осужденных за святотатство в 415—413 гг. до н. э.

1 метрет дорогого хиосского вина	100 драхм
1 метрет дешевого фракийского вина	2 драхмы
Цены на скот в V в. до н. э.	
бык	50 драхм
лошадь	120 драхм
овца	12—17 драхм
бык рабочий	50 драхм
Цены на вооружение в V в. до н. э.	
Копье	10 драхм
Панцирь	5 мин (500 драхм)
Шлем	1 мина (100 драхм)
Цены на вещи в V в. до н. э.	
хитон	10 драхм
хламида	12 драхм
гиматий из хорошего материала	20 драхм
сандалии высшего качества	6—8 драхм
кирка	3 драхмы 1 обол
топор	5 драхм
мельничный камень	7 драхм
верхний жернов	7 драхм 1 обол
каменная ступа	8 драхм 3 обола
песты	3 обола
сливной чан	10 драхм 1 обол
жаровня	2 обола
сосуд для муки	5 оболов
амфоры	7 амфор на обол
кратер	4 драхмы
расписанный сосуд	30 драхм
колесница для бегов, отделанная слоновой костью	3 мины
Цены на мебель в V в. до н. э.	
ложе	3—8,5 драхм
инкрустированное ложе	17 драхм
лежанка	ок. 6 драхм 1 обол
койка	2 обола
стол	4—6 драхм
стул	1 драхма
сундук	95 драхм
дверь складная	11,5 драхм
дверь разъемная	20 драхм 4 обола
скамеечка тонкой работы	5 драхм
скамья	ок. 1 драхмы
лестница	1—8 драхм
Недвижимость в V—IV вв. до н. э.	
плетр (0,87 га) земли	50—70 драхм
средний земельный участок	100—600 драхм
дом богатого человека с сосновой и дубовой рощами	1800 драхм
дом отца Демосфена	3000 драхм
Прочие расходы	
плата в начальной школе за год	от 2 драхм
плата за курс обучения у Исократы	10 мин (1000 драхм)

плата за курс обучения у Протагора	100 мин (10000 драхм)
плата за курс обучения у софиста, расцениваемая Исократом как ничтожная	2—4 мины (200—400 драхм)
полный курс у Продика	50 драхм
краткий урок у Продика	1 драхма
деньги на дорогу покойнику для расплаты с Хароном	1 обол
Цены на рабов в греческих полисах	
Средняя цена раба в V—начале IV в. до н. э.	2 мины
Раб-ремесленник	3—6 мин
Сильный раб для тяжелых физических работ	2,5 мин
Раб для работы в рудниках	ок. 2 мин
Надсмотрщик в серебряных рудниках	до 1 таланта
Флейтистка	20 мин
Образованный раб	до 5 мин
Средняя цена раба в эпоху македонского завоевания	3—5 мин
Средняя цена раба от времени завоеваний Александра Македонского до римского завоевания Греции	6—10 мин
Расходы, прожиточный минимум и регулируемый законом максимум в конце Римской республики и начале империи	
Прожиточный минимум на содержание подростка (согласно установленному Траяном пособию на детей-сирот)	12—16 сестерциев в месяц
Расходы помпейской семьи из 3 человек, занесенные на стену одного из домов:	от 5 до 28 ассов
ежедневные текущие расходы в дни, потребовавшие более высоких расходов,	60 ассов
итого за 8 дней	221 асс (88 сестерциев 1 асс)
Обед Катона Старшего, гордившегося своей приверженностью к древней простоте	12 сестерциев
Ежедневное пособие, которое принято было давать клиенту	25 ассов
Хлеб (зерно) пехотинцу	35 л в месяц
Выдачи рабу в сельской вилле Катона	
зерно	от 26 до 39 л в месяц (в зависи- мости от сезона и рода занятий)
оливковое масло	ок. 0,5 л в месяц
соль	ок. 8,75 л в год
Выдачи городскому рабу	
зерно	35 л (4 модия) в месяц
деньги	5 денариев в месяц
Максимальные траты семьи в день, установленные законами против роскоши по закону 161 г. до н. э., определяющему	
траты на пиры в честь Кибелы по законам от 161 г. до н. э. до времени диктатуры Суллы:	120 ассов (48 сестерциев)
будни	от 10 до 30 ассов (4—12 сестерциев)

праздничный день	100 ассов (40 сестерциев)
свадебные торжества	200 ассов (80 сестерциев)
Максимум, установленный Суллой	
будни	30 сестерциев
дни праздников и публичных зрелищ	300 сестерциев
Максимум при Августе	
будни	200 сестерциев
праздничные дни	300 сестерциев
свадебные торжества	1000 сестерциев
Годовые заработки в Римской империи (в сестерциях)	
Префект претория, префекты снабжения хлебом, городской полиции, государственной почты	1 000 000
Проконсулы наиболее крупных провинций Африки и Азии	1 000 000
Прокуратор, стоявший во главе канцелярии императорских финансов	300 000
Прокураторы, возглавляющие канцелярию императорской переписки и канцелярию прошений	200 000
Управляющий наследствами, завещанными императору	200 000
Хранитель императорской казны; заведующий чеканкой монеты; прокуратор, наблюдавший за акведуками; заведующий большой школой гладиаторов; заведующий большими постройками	100 000
Начальники почтовых станций в провинциях; младшие служащие государственного совета; ученый, стоящий во главе императорских библиотек	60 000
Грамматик, обучающий детей императора	100 000
Придворный врач	250 000
Знаменитые врачи	от 40 до 200 000
Рядовой адвокат (за 1 процесс)	от 2000 до 3000
Гонорар за мелкий процесс адвокату вместе с двумя-тремя помощниками	400
Популярные адвокаты	до 400 000
Определенный Клавдием максимальный гонорар адвоката за процесс	10 000
Грамматики (за ученика в месяц)	ок. 2,000
По эдикту Диоклетиана (за ученика в месяц):	
учитель начальной школы	200
учитель арифметики и скорописи	300
учитель языков и геометрии	200
учитель красноречия	1000
Солдатское жалованье в Риме (в сестерциях)	
Годовое жалованье в сер. I в. до н. э.	
легионер	400
легионный музыкант	2000

Учебное издание

Немировский Александр Иосифович

**ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА
АНТИЧНОСТЬ**

В 2 частях

Часть 2

**Учебник для студентов
высших учебных заведений**

Зав. редакцией А.И. Уткин

Редактор С.Н. Мартыничук

Зав. художественной редакцией И.А. Пшеничников

Художник обложки О.А. Яковлева

Компьютерная верстка Е.В. Чичилов

Корректор Н.В. Шмитько

Лицензия ЛР № 064380 от 04.01.96.

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01652.С.98 от 28.08.98.

Сдано в набор 15.06.99. Подписано в печать 18.10.99.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30.

Тираж 30 000 экз. (1-й завод 1 — 15 000 экз.).

Зак. № 9847.

«Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

117571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет.

Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 932-56-19.

E-mail: vlados@dol.ru

<http://www.vlados.ru>

Государственное унитарное предприятие
Смоленский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А. И. Немировский

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Среди множества вузовских учебников по истории античности данная книга займет особое место.

Это обусловлено прежде всего тем, что для автора античный мир — не только Греция и Рим, но и все крупные государства Средиземноморья.

События и проблемы трактуются автором как звенья единой цепи — во всей их индивидуальности и взаимосвязанности, как процесс притяжения и отталкивания. Новизна подхода к привычной для нас теме и в том, что античная история, давшая миру первооснову европейской цивилизации, рассматривается преимущественно сквозь призму духовной и материальной культуры. Образный стиль прекрасно гармонирует с увлекательностью самого предмета изложения.

ISBN 5-691-00452-2(11)

9 785691 004520

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВЛАДОС»